

В «ИНТЕРЬЕРЕ»
БАЛКАН

в честь

ИРИНЫ
СТЕПАНОВНЫ
ДОСТЯН

Dorothy

Российская Академия наук
Институт славяноведения

В «ИНТЕРЬЕРЕ» БАЛКАН:

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

В ЧЕСТЬ

ИРИНЫ СТЕПАНОВНЫ ДОСТЯН

Москва
2010

Редакционная коллегия:

Никифоров К.В. (ответственный редактор),
Данченко С.И., Каширин В.Б. (ответственный секретарь),
Макарова И.Ф., Чуркина И.В.

Рецензенты:

Доктор исторических наук Горина Л.В.
Доктор исторических наук Хаванова О.В.

- B11 **В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян.** – М.:ПРОБЕЛ, 2010.– 504 с.

ISBN 978-5-7576-0214-1

Сборник посвящен 90-летию доктора исторических наук И.С. Достян – известного в России и за ее пределами слависта и исследователя истории Балкан. Ведущая тема сборника – мир Балкан и Россия – охватывает период с начала XVIII в. до середины XX столетия. Он включает в себя статьи, посвященные научному творчеству самой И.С. Достян, а также различным аспектам политической, социальной и культурной истории народов Юго-Восточной Европы. Особое внимание авторами удалено проблемам, связанным с изучением балкано-российских связей, – тематике, занимающей лидирующее место в широком спектре научных интересов И.С. Достян.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Н. Виноградов</i>	
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	7
<i>С.И. Данченко</i>	
ИРИНА СТЕПАНОВНА ДОСТЯН. ПОРТРЕТ В «ИНТЕРЬЕРЕ» БАЛКАН	9
<i>К.В. Никифоров</i>	
ТРИ МОНОГРАФИИ И.С. ДОСТЯН	62
<i>Ю.П. Аншаков</i>	
РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII в.: от ПРУТСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I до окончания русско-турецких войн	81
<i>И.И. Лещиловская</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ В XVIII в.	106
<i>Г.Л. Ариш</i>	
РОССИЙСКАЯ ФЛОТИЛИЯ ЛАМБРОСА КАЦОНИСА на СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРЕЦИИ (1788–1792)	117
<i>С. Терзић</i>	
СЕРБСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (XVIII–XIX вв.)	141
<i>М.В. Белов, Я.В. Вишняков</i>	
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ЖАНДАРМ: МИССИЯ Я.Н. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО В ВЕНЕ И ЦЕТИНЬЕ	155

<i>В.Я. Гросул</i>	
РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ РЕФОРМ 60–70-Х ГГ. XIX В.	177
<i>Е.П. Кудрявцева</i>	
РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В Константинополе В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	202
<i>М.М. Фролова</i>	
ВАРНА 1828–829 ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ	214
<i>О.В. Медведева</i>	
Г. В. ВАЩЕНКО – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСУЛ В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ	244
<i>В.М. Хевролина</i>	
ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ДО НАЧАЛА 70-Х ГГ. XIX В.	258
<i>А.С. Стыкалин</i>	
ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА. ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ 1849 Г. И КАПИТАН ГУСЕВ	267
<i>И.В. Чуркина</i>	
ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Ф. РАЕВСКОГО	287
<i>И.Ф. Макарова</i>	
БОЛГАРЫ НА ПУТИ К ОСВОБОЖДЕНИЮ (из истории одной провокации)	297

*A.B. Карасев*Князь Михаил Обренович и И. Гарашанин:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА 310

*A.L. Шемякин*ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР
СЕРБСКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ
ПО ПИСЬМАМ НИКОЛЫ ПАШИЧА .....

328

T.I. Чепелевская«ЖЕНСКИЙ» ВЗГЛЯД НА БАЛКАНЫ
(ОЧЕРКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.) .....

353

*Г.Я. Ильина*ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИИ .....

369

*B.B. Каширин*РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК НА БАЛКАНАХ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОТБОРА .....

376

*O.B. Соколовская*РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
И КРИТСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
(1900–1901 ГГ.) .....

405

*П.А. Искендеров*СЕРБСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ
И АЛБАНСКИЙ ВОПРОС (1909–1914 ГГ.) .....

431

В.И. Косик

- ЗАМЕТКИ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ
РУССКИХ АКТЕРОВ И АКТРИС В ЮГОСЛАВИИ 454

Е.Ю. Гуськова

- СУДЬБА МАКЕДОНЦЕВ,
ПОСТРАДАВШИХ В РЕПРЕССИЯХ
ПОСЛЕ КОНФЛИКТА СТАЛИН – ТИТО 471

В.И. Шеремет, Л.В. Зеленина

- ТОЛЬКО ЯНЫЧАР ОСТАНОВИТ АССАСИНА
(ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА
«ТЕНЬ ЗА ТРОНОМ») 476

БИБЛИОГРАФИЯ

- ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ И.С. ДОСТЯН 494

B.H. Виноградов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мы подводим итоги деятельности Ирины Степановны Достян. Они впечатляют. Более шестидесяти лет труда на почве исторической балканистики. Одна линия прочерчивает всю ее жизнь, ни одного отступления. И начался сей путь в нелегкую для исторической науки пору. В гимне партии и государства тогда говорилось:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

Лучший, талантливейший поэт эпохи вторил гимну:

*Довольно жить законом,
Данным Adamom и Eвой.
Клячу историю загоним,
Левой! Левой! Левой!*

И это не воспоминания былинных времен, это – двадцатые и начало тридцатых годов прошлого столетия, время школьного образования Ирины Степановны. Историю за ее ненадобностью заменили в школах и университетах обществоведением. Созидающее общество без социального гнета обещало быть сказочно прекрасным, что полезного для него можно было почерпнуть во мраке и тьме помесицкого режима?

Мы знаем, что получилось на самом деле.

И тогда Ирочеке Достян, выходцу из старой интеллигентской среды, было к чему обратиться за знаниями. Существовала старая российская высокоталантливая историография, существовали архивы, богатством своих фондов изумляющие культурный мир, русская дипломатическая переписка, своей компетентностью восхищающая исследователей.

В ее балканской тематике скрывалось то, чего не было в зарубежной балканистике. Западная корреспонденция написана с позиций некоего цивилизационного свысока. Виднейший британский государственный муж В.Ю. Гладстон, которого судьба занесла на несколько лет на острова Ионического архипелага на должность генерал-губернатора, оказался органически неспособен свыкнуться с балканским неторопливым образом жизни, и жители представлялись ему лентяями и безбожниками. Весь для россиянина немыслимая. С Балкан пришло православие, там мы почерпнули кириллицу – столпы нашей культуры. Православная солидарность существовала веками, в ней выделялся то один, то другой аспект: то филэллинизм, то, и особенно сильно, сознание славянской солидарности и готовности пролить кровь ради освобождения единоверцев от иноземного гнета. Ирина Степановна внесла немалый вклад в изучение концепции внешнеполитического курса России на Балканах – не в стремлении к территориальным захватам он заключался, а в подвижнической деятельности по возрождению их государственной жизни.

Так пожелаем же Ирине Степановне еще долгие годы продолжать плавание в безбрежном море балканских исследований!

С.И. Данченко

ИРИНА СТЕПАНОВНА ДОСТЯН. ПОРТРЕТ В «ИНТЕРЬЕРЕ» БАЛКАН

Ирина Степановна Достян относится к тем труженикам отечественной исторической науки, без которых немыслимо ее развитие в послевоенный период. И не только по количеству созданных ею трудов – их более ста, в том числе три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, статьи, очерки, рецензии. Ирина Степановна всю свою творческую жизнь разрабатывала важнейшие проблемы исторического славяноведения и балканстики, начиная с периода Средневековья и заканчивая Восточным кризисом 70-х гг. XIX в. Кто-то из ее ровесников выбрал занятия отечественной историей, кто-то «замахнулся» на историю дальнего и даже заокеанского зарубежья, а Ирина Степановна осознанно сделала выбор в пользу «братьев-славян» и «балканских просторов». Это потом, много десятилетий спустя, данные «просторы» назовут «пороховым погребом Европы». А в то время, когда юная Ирина Достян приняла одно из главных решений в своей жизни – изучать историю балканских народов, это был малоисследованный и потому чрезвычайно привлекательный для ученых регион. К тому же в 1940-е гг., когда принималось это решение, в советском обществе, после окончания Великой Отечественной войны, были широко распространены симпатии к «братьям-славянам» – результат совместной борьбы против фашизма. Безусловно, это тоже способствовало выбору Ириной Степановной своего жизненного творческого пути. Но вернемся к самому началу.

Ирина Степановна Достян родилась 21 апреля 1920 г. в армянской семье. Ее родители – Достян Степан Григорьевич (1895–1956) и Арутюнова Екатерина Морисовна (1896–1997) – в 1916 г. переселились из Баку в Москву и здесь поженились. А вскоре на свет появились их дочери: старшая Ирина и спустя два года Марина. Отец Ирины Степановны Степан Григорьевич служил в Наркомпищепроме, а мама Екатерина Морисовна частным образом брала уроки рисования, затем стала художником-ретушером и работала в различных издательствах. Вот что вспоминает

со слов своих родителей Ирина Степановна: «Я родилась в тяжелый, голодный и холодный 1920 год. Родители мои – бакинцы, приехавшие в Москву в 1916 году. Баку в начале XX века был, кажется, единственным в России процветающим и привлекавшим иностранных инвесторов центром нефтеразработок. Больше половины его жителей составляли армяне и русские. Мои родители учились в русских учебных заведениях, хотя знали и разговорный армянский язык. Мой дедушка по отцу был, как теперь говорят, мелким бизнесменом. Бежав из провинции Шуша, где периодически вспыхивали погромы армян, он завел в Баку небольшую лавку. А дед по матери был бухгалтером одного из нефтяных олигархов, хорошо зарабатывал, купил имение, собираясь разводить розы для производства розового масла. Однако вскоре он разорился, потерял имение; его жена, моя бабушка, умерла от скоротечной чахотки. Оставшихся троих детей взял на свое содержание хозяин деда – нефтяной олигарх. Мама моя провела детство в семье родственницы из интеллигентной семьи. В 1915 году, как известно, в Турции было уничтожено около 2 млн. армян. В Баку также вспыхивали расправы азербайджанцев над армянами. Вероятно, все это и побудило моих будущих родителей, русскоязычных армян, отправиться в Москву».

В школьные годы Ирина Достян очень любила читать, особенно произведения западной литературы, поэтому после окончания школы в 1938 г. вначале она решила поступать на филологический факультет МГУ. Однако внезапно заболела и не смогла сдавать вступительные экзамены – вместо них поехала для поправки здоровья к родственникам в Ереван. На следующий же, 1939 г., она решила поступать не на филологический, а на исторический факультет, и поступила. До войны студентка Достян успела закончить 2 курса; затем была эвакуация, а с 1943 г. – продолжение учебы.

Ирина Степановна получила отличную профессиональную подготовку, что, разумеется, не могло не сказаться на ее последующей научной работе. Ей посчастливилось слушать лекции выдающихся историков, «людей дореволюционного времени», по словам Ирины Степановны. Среди них – блестящий лектор В.С. Сергеев, отец будущего академика Ю.В. Бромлея; С.Д. Сказкин, в то время декан исторического факультета; медиевист Е.А. Косминский; археолог А.В. Арциховский, стоявший на пороге выдающегося открытия – новгородских грамот, обладавший

потрясающей памятью (знал всех студентов по имени и фамилии); востоковед, основатель советской школы индоведов и афганистов И.М. Рейснер; неподражаемый Е.В. Тарле с его образным историческим мышлением; академик, автор «Киевской Руси» Б.Д. Греков.

С третьего курса студентка Досян решила специализироваться по кафедре истории южных и западных славян, которую в то время возглавлял выдающийся российский славист Владимир Иванович Пичета (1878-1947). Он и стал ее научным руководителем.

Перед В.И. Пичетой, оказавшимся в 1940-е гг. на переднем крае борьбы за новый славистический центр – Институт славяноведения АН СССР, стояло много важнейших и неотложных задач. И, пожалуй, главной из них была подготовка научных кадров – говоря словами официальных документов. А сам «патриарх отечественного славяноведения», как позднее будут писать о Владимире Ивановиче сначала повзрослевшие, а затем постаревшие его ученики 1940-х гг., торопился найти, научить, сформировать будущих историков-славистов. Через много десятилетий один из них, Михаил Абрамович Бирман, вспоминал: «... главное, что... с успехом успел сделать Владимир Иванович на заключительном этапе своей жизни: он воспитал группу молодых, пытливых и неравнодушных учеников, зарядил их энтузиазмом, идеей служения избранному делу, импульсами к поиску новых знаний и новых путей»¹.

Уеницей Владимира Ивановича стала и Ирина Степановна Достян. В 1945 г. она окончила МГУ и поступила в аспирантуру сектора славяноведения Института истории АН СССР. Института славяноведения пока еще не было, хотя чиновничье-бюрократическая машина уже вовсю крутилась – согласования, докладные записки, решения, утверждения и т.д. Научным руководителем аспирантки Достян, как и в МГУ, стал В.И. Пичета, который сразу же предложил ей заняться историей Сербии.

Ирина Степановна, как и другие – в 1940-е гг. молодые, впоследствии маститые, гордость Института – сотрудники и аспиранты, посещала «пичетники» – семинары, которые Владимир Иванович устраивал у себя дома для своих учеников, подобно профессорам XIX в., например, В.И. Ламанскому. «“Пичетники”, – вспоминает Ирина Степановна, – собирались регулярно, на них обсуждались доклады сотрудников, планы задумываемых трудов, курсовые работы аспирантов и разнообразные

научные проблемы, прямо или косвенно затрагивавшие историческое прошлое славянских народов и их связи с Россией»². В «пичетниках» участвовали институтские друзья Ирины Степановны: Владимир Дорогеевич Королюк, Генрих Эдуардович Санчук, Илья Соломонович Миллер, Иван Иванович Удальцов. К сожалению, их уже нет среди нас.

Ирина Степановна очень тепло пишет о своем учителе: «Он обладал огромным личным обаянием и добротой... Немало претерпев от советской власти в 1930-е годы, он сохранил оптимизм и чрезвычайную научную активность... Он любил и всячески поддерживал своих учеников, которых становилось все больше. Более сильных иногда серьезно критиковал, более слабых щадил и подбадривал в случае какой-либо неудачи»³.

Тема кандидатской диссертации И.С. Достян была посвящена социально-экономическим отношениям* в сербской деревне накануне восстания 1804 г., практически не исследованным в отечественной литературе. Это сейчас о предыстории Первого сербского восстания изданы тома документов и написаны десятки работ, в том числе и самой Ириной Степановной. А в конце 1940-х гг. добросовестной и трудолюбивой аспирантке пришлось нелегко – ввиду незначительной источниковской базы и малочисленности историографии по теме. И, тем не менее, она справилась с поставленной задачей и в апреле 1950 г. успешно защитила свою первую квалификационную работу.

В качестве официальных оппонентов на защите выступили: бывший декан Ирины Достян, замечательный историк, академик С.Д. Сказкин и турколог А.Ф. Миллер, уже выпустивший (в 1947 г.) свою известную монографию «Мустафа паша Байрактар».

Защита диссертации проходила в Институте истории АН СССР, так как своего диссертационного Совета в Институте славяноведения еще не было. Защит тогда было мало, и поэтому они всегда становились настоящим событием. Как вспоминает Ирина Степановна, все было более торжественно и значительно, чем позднее, в официальной части и гораздо проще и веселее в неофициальной, то есть во время банкета. Кстати, это приятное мероприятие состоялось не в день защиты, а значительно

* Социально-экономическая тематика в те годы являлась в советской исторической науке одной из приоритетных.

позже – летом, в июне, и проходило на даче заведующей аспирантурой Г.С. Можаровой. В тот незабываемый день сразу четыре молодых сотрудника – Ирина Степановна Достян, Любомир Борисович Валев, Василий Дмитриевич Конобеев и Генрих Эдуардович Санчук – отмечали свою кандидатскую степень. Прямо на траве было расставлено скромное угощение – плавленые сырки, хлеб, винегрет. Тогда это было в порядке вещей. Но главное – всем было очень весело. Молодежь шутила, танцевала. Более старшее поколение от них не отставало, и даже чопорный, сдержаненный Сергей Александрович Никитин в праздничной белой рубашке, по словам очевидцев, лихо отплясывал вприсядку.

В это время Ирина Степановна уже являлась сотрудникой Института славяноведения АН СССР: она была зачислена в штат 30 декабря 1948 г.

В 1950-е годы появились первые опубликованные работы Ирины Степановны. Прежде всего, это были, конечно, материалы ее кандидатской диссертации – в «Кратких сообщениях Института славяноведения Академии наук СССР» (1951. №2) и в «Ученых записках Института славяноведения (Академия наук СССР)» (1952. Т.VI). Вместе с тем Ирина Степановна уже приступила к работе над темой, связанной с борьбой южнославянских народов против турецкой экспансии. И первая ее статья по данной проблематике была опубликована в журнале «Преподавание истории в школе» (1951. №5) под названием «Южные славяне под игом турок в XV–XVIII вв.». Вскоре появились еще две работы на эту же тему – в «Византийском временнике» (1953. Т.7) и в «Истории средних веков» (М., Госполитиздат, 1954). И эти публикации были вполне объяснимы, так как с начала 1950-х гг. Ирина Степановна интенсивно работала над своей первой монографией.

Но так уж повелось в нашем Институте и, судя по всему, с давних пор, что исследователю время от времени приходится как бы раздваиваться и, наряду со своей «родной» темой, заниматься тем, на что указет начальство. В данном случае оно указало на «Историю Болгарии». И хотя Ирина Степановна была принята в Институт как специалист по истории Сербии, ей было поручено написать для I тома готовившегося фундаментального труда, первого из «Историй» славянских стран, две главы: «Болгарский народ после завоевания Турцией (XV – первая половина XVI в.)» (гл. VII) и «Болгарский народ под турецким игом в пе-

риод упадка военно-феодальной Османской империи (конец XVI – первая половина XVIII в.)».

Участвовать в таком проекте, говоря современным языком, было весьма ответственно и очень непросто для молодого сотрудника, но Ирина Степановна успешно справилась со всеми трудностями. И, возможно, еще сама этого не сознавая, работая над «своими» главами, она не только приобрела новые знания, в данном случае по истории средневековой Болгарии, но и встала на собственный научный путь – путь в балканистику.

А для меня, как биографа и исследователя научного творчества Ирины Степановны Достян, в этой истории с «Историей Болгарии», прежде всего, важен момент, связанный с безотказностью, ответственностью и обязательностью моей «героини». За десятилетия работы в Институте она сумела приобрести репутацию «палочки-выручалочки». Руководители авторских коллективов целого ряда институтских обобщающих трудов вздыхали с облегчением, если она соглашалась вступить в их «научное братство», ибо знали, что Ирина Степановна не подведет – напишет точно в срок и лучше, чем нужно.

А в первом своем коллективном труде (I том «Истории Болгарии» вышел в 1954 г.) исследовательница рассмотрела важнейшие вопросы средневековой болгарской истории: положение болгар под властью турок с XV в. – до середины XVII в.; развитие сельского хозяйства, городов, ремесла и торговли на болгарских землях; основные формы и особенности борьбы болгар и соседних с ними народов против власти османов. В распоряжении Ирины Степановны было совсем немного литературы – дореволюционной русской и современной болгарской. Использовала она также описания путешественников и опубликованные еще до войны болгарские источники («Документи за българската история». София, 1940. Т. VIII). Но, несмотря на скучность источниковской базы, как сейчас говорят, и, безусловно, классовый подход к описываемым событиям (другого в начале 1950-х гг. и быть не могло), Ирине Степановне удалось реконструировать события на болгарских землях в те далекие столетия. Уже в этом труде чувствуется сдержанный, настоящий академический стиль, который отличает Ирину Степановну от других авторов, стиль ученого-аналитика, идущего к выводам от источника.

Весьма впечатляющими, на мой взгляд, являются те разделы, где исследовательница пишет о развитии болгарских городов, ремесла и торговли, об антифеодальном, освободительном и гайдукском движении, о восстаниях болгар против турецкого ига, в том числе о Тырновском восстании 1598 г., а также об отношении болгар и других юнославянских народов к той борьбе, которую вели европейские страны с Османской империей в указанные столетия (например, коалиция против турок 1443–1444 гг.).

Вообще я бы советовала обратиться к этой работе Ирины Степановны тем авторам, которые в своих публикациях и устных выступлениях в наши дни сообщают о безусловном «благоденствии» угнетенных народов под властью османских угнетателей. В таком случае непонятен такой размах гайдукского движения на Балканах, которое сливалось с массовыми крестьянскими восстаниями против турок в XVI–XVIII вв. (помимо уже упоминавшегося Тырновского восстания, волнения в Прилепской околии 1565 г., восстания в ряде околов Западной Болгарии в 1737 г. и др.).

Не обошла, разумеется, своим вниманием Ирина Степановна и вопрос о политических и культурных связях Болгарии с Россией. С конца XV в. среди болгар начала распространяться легенда о «дядо Иване», в образе которого, как пишет исследовательница, «болгарский народ олицетворял свои представления о великом русском народе, о сильном Русском государстве»⁴.

К началу XXI века фактов о русско-болгарских связях эпохи Средневековья опубликовано уже немало. А в начале 1950-х гг. ситуация была совершенно иная. И, тем не менее, Ирина Степановна сумела на основе немногочисленных документов нарисовать запоминающуюся картину взаимоотношений далеких предков русских и болгар, подчеркнув при этом, что с конца XVII в. эти связи, ранее ограничивавшиеся преимущественно культурным общением, стали приобретать политический характер. И в заключение – важный вывод, который впоследствии будет неоднократно подтвержден и развит в работах Ирины Степановны и других отечественных историков: «В условиях иноземного гнeta болгар и эллинизаторской политики греческого духовенства, грозивших болгарам денационализацией, культурные связи с Россией способствовали сохранению болгарской письменности, богослужения на родном

языке, а войны России с Турцией подтачивали основы Османской империи и играли большую роль в развитии освободительного движения балканских народов, в том числе болгар»⁵.

Но работа над «Историей Болгарии», как бы она ни была важна, не могла отвлечь Ирину Степановну от главного труда на этом, начальном, этапе ее научной деятельности, посвященного борьбе угнетенных народов, в первую очередь сербского, против турецкой экспансии. В это время появились ее первые статьи на эту тему, уже упоминавшиеся выше, а в 1958 г. и сама монография «Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в.» – одна из первых книг советских историков по югославянской тематике. Следует отметить, что она сразу же была включена в список обязательной литературы для студентов-югославистов, обучающихся на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, которую когда-то закончила Ирина Степановна. И я хорошо помню, как я и мои сокурсницы, ученицы Виктора Георгиевича Караваса конца 1960-х гг., по его указанию прилежно конспектировали монографию Ирины Степановны. Да что конец шестидесятых! И сейчас, в начале XXI в., эта книга не потеряла своего научного значения, и по ней обязательно спрашивают на кандидатском экзамене по специальности «всеобщая история» аспирантов нашего Института, когда им задается вопрос о борьбе южных славян против османского ига.

При изучении обозначенной темы Ирина Степановна включила в сферу своего исследования все области Балканского полуострова, населенные в XV – начале XIX вв. сербами, – собственно Сербию, Старую Сербию, Банат, Бачку, Баранью, Срем. В монографии прослежены основные этапы завоевания турками Балкан. При этом автор справедливо подчеркивает, что «турецкое завоевание нарушило ход исторического прогресса сербов и других балканских народов», «привело к регрессу в развитии производительных сил, к консервации феодальных отношений»⁶.

Ирина Степановна последовательно рассмотрела целый комплекс важнейших вопросов: положение сербских земель под властью Турции; освободительное движение в сербских землях в XVI – начале XVII вв.; борьба сербов за освобождение во время войны «Священной лиги» с Турцией, а также во время войн России и Австрии с Турцией в XVIII в.; особенности социально-экономического развития северной Сербии

во второй половине XVIII – начале XIX вв. и рост национального движения в данном регионе; начало восстания 1804 г. Таким образом, речь в вышеуказанной книге идет о всех важнейших проблемах сербской истории в течение четырех столетий!

Как-то, во время одной из наших бесед, Ирина Степановна, с присущей ей скромностью и высочайшей требовательностью к себе как к историку, назвала свою первую монографию «научно-популярной». Уважая ее мнение, вместе с тем позволю себе с ним не согласиться. На мой взгляд, это сугубо научная работа, написанная прекрасным литературным языком. Фактически это история Сербии XV – начала XIX вв., изучение которой в советской историографии тогда только начиналось, а многочисленные архивные фонды еще ждали своих пытливых исследователей.

Вновь и вновь обращаясь к этой книге Ирины Степановны, поражаешься точности ее наблюдений и глубине выводов, многократно впоследствии подтвержденных, с открытием новых документов. Среди этих заключений хотелось бы, прежде всего, выделить тезис о роли внешнеполитического фактора в различные периоды борьбы сербов за свое освобождение. «До конца XVIII в. антитурецкие выступления в Сербии, – пишет Ирина Степановна, – возникали обычно во время войн европейских государств с Турцией, и судьба восстаний зависела от исхода этих войн. С начала XIX в. внутренние силы сербского народа настолько созрели, что международные события уже не имели определяющего значения. Так, восстание в Белградском пашалыке вспыхнуло, несмотря на неблагоприятную внешнеполитическую обстановку»⁷.

Заслуживает внимания и положение о том, что «участие в австро-турецких войнах дало возможность сербам приобрести значительный военный опыт»⁸.

Обратившись к началу национально-освободительной борьбы сербского народа против власти османов, Ирина Степановна назвала ряд причин, которые существенным образом ее облегчили: окраинное положение Белградского пашалыка в системе европейских владений Турции; тесные связи его населения с австрийскими сербами, позволявшие повстанцам тайно получать из Австрии военные припасы, оружие, помочь людьми. Но главным было то, что северная часть сербских земель являлась экономически менее зависимой от Османской империи, чем Греция, Болгария и Босния. Это обусловило

меньшую заинтересованность сербов в турецком рынке, помогло им быстрее осознать свои национальные исторические задачи, важнейшей из которых, безусловно, являлось «ниспровержение владычества средневекового Турецкого государства, препятствовавшего дальнейшему общественно-экономическому прогрессу сербской нации»⁹. Кроме того, в результате австро-турецких войн и 20-летней оккупации Белградского пашалыка Австрией позиции турецких феодалов здесь были заметно ослаблены, а система турецкого управления подорвана. Особое внимание Ирина Степановна уделила роли местного самоуправления в жизни Белградского пашалыка. Она подчеркнула, что органы местного самоуправления располагали реальной властью, ограничивая вмешательство турецких властей в управление на местах. Именно они впоследствии сыграли важную роль в борьбе сербов за свою автономию и в подготовке восстания 1804 г.¹⁰

В 1963 г. в издательстве «Наука» вышел в свет I том фундаментального академического труда «История Югославии», автором и одним из четырех редакторов которого являлась И.С. Достян. Этому знаменательному событию в истории отечественной югославистики предшествовала, по отзывам создателей труда, долгая и сложная работа. Перу Ирины Степановны в нем принадлежит 7 глав, в которых последовательно представлена: история сербских земель в VII–XI вв. (гл.5), история Сербского государства, Македонии и Дубровницкой республики в XII–XVI вв. (гл. 8,9,11), история югославянских народов под властью Турции (гл. 15), а также развитие Дубровницкой республики и сербов Воеводины в XVI–XVIII вв. (гл. 16,19). Безусловно, такой широкий охват исследуемых проблем истории самых разных народов, начиная с древности и заканчивая XVIII в., был невероятно сложен для исследователя. Но это была отличная школа для Ирины Степановны, всегда отличавшейся огромной исторической эрудицией, прекрасным знанием истории большинства балканских народов и ставшей чуть позднее одним из первых в нашей стране историков-балканистов.

При написании вышеуказанных глав Ирина Степановна освоила и обобщила значительную литературу – русскую дореволюционную и зарубежную, главным образом, югославскую. Все главы исключительно информативны и содержат немало интересных фактов. Несмотря на некоторый схематизм изложения, безусловно, оправданный характером

академического труда, и обязательный для советской историографии классовый подход, читать их – настоящее удовольствие.

Обращаясь к этому труду Ирины Степановны, следует, прежде всего, отметить, что в своей тогдашней работе она во многом «шла по целине», да еще начиная с VII в. И, тем не менее, ей удалось представить все основные эпохи и события в истории югославянских народов. Среди них: византийское господство над сербскими землями; освобождение сербского народа от византийской зависимости в конце XII в.; расширение и укрепление Сербского государства в XIII – первой половине XIV вв. При этом Ирина Степановна рассмотрела события внутренней истории Сербии на широком международном фоне, уделив немало внимания ее отношениям с Боснией, Венгрией, Венецией, католической церковью. Подобный подход будет присущ и всем последующим трудам Ирины Степановны.

Автору уже опубликованной к тому времени монографии о борьбе сербского народа против турецкого ига, разумеется, было нетрудно написать соответствующий раздел в «Истории Югославии». Что Ирина Степановна и сделала, выделив основные этапы турецкой экспансии на Балканах, начиная со второй половины XIV в. При этом ею была подчеркнута отрицательная роль турецкого завоевания в исторической судьбе югославянских народов, которое нарушило и задержало ход их общественно-экономического развития. Весьма подробно исследовательница рассмотрела ту систему отношений, которая установилась у балканских народов после турецкого завоевания, отметив, что все было приспособлено к нуждам военно-феодального Турецкого государства.

Материалы и выводы Ирины Степановны из ее первой монографии составной частью вошли в тот раздел «Истории Югославии», который был посвящен освободительному и антифеодальному движению югославянских народов. Исследовательница упомянула все основные выступления югославян, часто происходившие во время военных действий европейских государств, прежде всего Австрии, против турок, например, восстание банатских сербов в 1594 г. и антитурецкие выступления 1597–1598 гг. в различных районах южной Сербии, Черногории и Герцеговины.

Заслугой Ирины Степановны, на мой взгляд, является и то, что в этом труде она много внимания уделила истории Черногории, особенностям

ее развития, борьбе черногорцев за свое освобождение от власти Турции, установлению в первой половине XVIII в. их связей с Россией.

Исключительно интересно представлена история Дубровницкой республики в XIII – начале XIX вв. (в 1808 г. Дубровницкая республика перестала существовать). На страницах 11-й и 16-й глав перед читателем разворачивается панorama важнейших событий в жизни этого удивительного города, основного центра торговли и всевозможных денежных операций на восточном побережье Адриатики, единственного города на Балканах в ту пору, по словам Ирины Степановны, экономическое развитие которого шло в ногу с некоторыми итальянскими городами¹¹.

Перу Ирины Степановны также принадлежат 2 раздела, написанные в сжатой форме, – о средневековой Македонии и ее драматической судьбе, а также о сербах Воеводины, создании Военной Границы и нелегком положении сербов в монархии Габсбургов, которые, тем не менее, активно боролись за свои национальные и политические права, что во многом помогло им, как национальному меньшинству, сохранить свой язык, культуру и уклад жизни.

«История Югославии» является, на мой взгляд, очень важным этапом в научном творчестве Ирины Степановны. Многие ее главы представляют собой как бы развернутый план ее будущих работ, словно уже тогда она намечала те основные направления, по которым будет «шагать» в югославистику и балканистику.

В 1960-е годы, помимо завершения работы в качестве автора и редактора I тома «Истории Югославии», главным направлением научных изысканий Ирины Степановны становится тема российско-балканских связей и балканской политики России в первой трети XIX в. Задача, поставленная исследовательницей, была невероятно сложной, ибо в отличие от ее коллег по сектору, которые изучали отношения с Россией отдельных балканских народов, ей предстояло охватить весь регион в целом, включая турок, греков, молдаван и валахов.

Написанию целой серии статей по вышеуказанной тематике предшествовала интенсивная и кропотливая работа в архивах Москвы и Ленинграда. В этот период Ирина Степановна выявила сотни уникальных документов – так создавалась источниковая база для ее будущих трудов. Многочисленные, еще никому не известные эпизоды

из истории русско-сербских, русско-черногорских, русско-греческих и русско-молдаво-валашских связей складывались в общую яркую и впечатляющую картину, которая дополнялась теоретическими обобщениями и аргументированными выводами. И как итог – подготовка второй индивидуальной монографии: «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972), которая была защищена в качестве докторской диссертации в марте 1973 г.

Впоследствии, в 1980-е годы, в Институте наиболее значимыми, важными и престижными будут считаться коллективные обобщающие труды по различным проблемам и обязательно по региону в целом. Для XIX в. этот замысел был блестяще воплощен в серии трудов под общим заглавием «Международные отношения на Балканах». Однако книга Ирины Степановны «Россия и балканский вопрос», создававшаяся в конце 1960-х гг., была не коллективным, а одним из первых индивидуальных обобщающих трудов, и поэтому ценность этой «первой ласточки» отечественной балканистики очень велика.

Несомненной заслугой Ирины Степановны Достян является то, что в своей второй монографии она выделила балканский вопрос в самостоятельный объект исследования как часть Восточного вопроса, занимавшего значительное место в системе международных отношений XIX в.

Важной предпосылкой глубокого и целостного рассмотрения политики России на Балканах является ее научно обоснованная периодизация. Ирина Степановна обозначила четыре периода, которые прошла в своем развитии русская политика на Балканах в конце XVIII – первой трети XIX вв. На каждом из этих этапов выдвигались самостоятельные, конкретные задачи, появлялись специфические политические программы.

Первый период, начавшийся русско-турецкой войной 1768–1774 гг., длился до конца XVIII в. Он характеризовался усилением противоречий между Россией и Османской империей, что привело к двум русско-турецким войнам. В это время значительную роль в балканской политике России начали играть Дунайские княжества.

Второй период – 1798–1812 гг. – наполеоновские войны. Его особенность – сближение России с Турцией (до 1806 г.). Оба государства объединились перед угрозой французской агрессии, их противоречия были

отодвинуты на задний план. Этот период характеризовался также быстрым расширением контактов с балканскими народами, поддержку которых царизм использовал в борьбе против Наполеона. Сфера русской активности в балканском регионе, помимо Дунайских княжеств, распространилась на Ионические острова, Черногорию, Сербию и материиковую Грецию. «В целом, – делает вывод Ирина Степановна, – русская политика в отношении балканских народов, находившихся под властью Турции, в течение первых двенадцати лет XIX в. была подчинена главной задаче – борьбе с наполеоновской Францией. Именно поэтому она была достаточно активной. Независимо от стремлений и целей русского самодержавия Россия в это время стала оказывать значительное влияние на развитие национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, на процесс возникновения их национальных государств»¹².

Третий период – от Бухарестского мира 1812 г. до 1821 г., начала греческой революции, – характеризовался стремлением царского правительства избежать новой войны с Портой, что объяснялось трудным внутренним положением Российской империи. В своей монографии Ирина Степановна выразила несогласие с высказывавшимися ранее утверждениями¹³, будто царизм уже с конца 1815 г. готовился к решению ряда ближневосточных проблем. Она пришла к выводу, что в этот период царское правительство не стремилось к территориальной экспансии на Балканах, а главную свою цель видело в упрочении тех успехов, которые были достигнуты в ходе войн с Турцией в предшествующие 50 лет.

Следует отметить, что в 1960-е – 1970-е гг. в советской историографии особенно слабо была изучена балканская политика именно этого периода (1812–1821 гг.). Поэтому ее глубокое исследование в монографии Ирины Степановны, основанное на обширном корпусе новых документов, явилось настоящим научным открытием. В книге были введены в оборот материалы, свидетельствовавшие о том, что Петербургом предусматривалось введение в Сербии конституционного устройства; то же самое намечалось и для Дунайских княжеств. Таким образом, констатировалось в монографии, в арсенале политических приемов, применявшихся царизмом на Балканах в XIX в., была и конституционалистская политика, с помощью которой русское

правительство собиралось опереться на более широкие слои балканского населения.

Четвертый период балканской политики России в первой трети XIX в. – период Восточного кризиса 1820-х гг., характеризовавшийся новым обострением Восточного вопроса. В эти годы «русская политика не была однотипной, менялась по своим целям и методам»¹⁴.

В начале кризиса, вызванного восстанием 1821 г. в Греции, царское правительство, связанное обязательствами по Священному союзу, осудило «мятежных» греков. Однако революционные события на Балканах привели к резкому обострению русско-турецких отношений. В книге Ирины Степановны подчеркивается, что в связи с закрытием Черноморских проливов для кораблей, плававших под русским флагом, были задеты существенным образом экономические интересы российских помещиков и купцов. Именно поэтому проблема Проливов, которая в предшествующий период не занимала значительного места в русско-турецких разногласиях, теперь выступила на первый план. «Фактически, – пишет исследовательница, – созрели все причины, предрешавшие неизбежность новой русско-турецкой войны»¹⁵.

1820-е годы характеризовались активной политикой великих держав в связи с обострением Восточного вопроса. При этом Россия оказалась в полной изоляции. Отсюда важный вывод, к которому пришла Ирина Степановна: «Восточный кризис 20-х годов сделал ясным, что принципы Венской системы несовместимы с интересами русской политики в отношении Турции и балканских народов»¹⁶.

Успехи греческих повстанцев в войне с Турцией, перемены в международной обстановке Европы в 1823–1824 гг., изменение политики Великобритании в греческом вопросе и создавшаяся перспектива ее сближения с Россией – все это привело к перестановке сил в борьбе великих держав вокруг восточного конфликта. Петербург осознал необходимость перехода к более активному и самостоятельному курсу. Эта задача была практически осуществлена после прихода к власти Николая I.

Победа России в войне с Турцией 1828–1829 гг. означала завершение Восточного кризиса. О его итогах И.С. Достян пишет следующее: «Было создано независимое Греческое государство. Царское правительство получило возможность добиться осуществления на практике своей программы политической перестройки владений Турции, которая

была впервые намечена Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г. и с тех пор непрерывно расширялась и конкретизировалась в последующих русско-турецких договорах и соглашениях»¹⁷.

В монографии И.С. Достян рассмотрен также целый ряд интересных вопросов, в том числе о роли России в формировании балканской государственности¹⁸. Стремясь добиться утверждения своего влияния на Балканах, царизм должен был в определенной мере считаться с особенностями общественно-экономических отношений у отдельных народов. Именно этим, по мнению Ирины Степановны, и можно объяснить тот парадоксальный, на первый взгляд, факт, что на протяжении первой трети XIX в. русский царизм, один из наиболее реакционных режимов в Европе, державший в рабстве собственный народ, оказывал положительное влияние на процесс формирования национальных государств на Балканах и их развитие по капиталистическому пути. В то же время, подчеркивает исследовательница, официальный Петербург неизменно искал точку опоры в наиболее консервативных слоях балканского общества. Материал, приведенный в монографии, позволил ее автору опровергнуть сложившееся в западной историографии представление о русской политике в Восточном вопросе как всегда агрессивной, имевшей целью территориальную экспансию. Ирина Степановна приходит к заключению, что политика России в отношении Турции и балканских народов в первой трети XIX в. была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображалось уже в XIX в., а также позднее, в работах ученых XX в.¹⁹

Бесспорной заслугой Ирины Степановны, ее ценным вкладом в историографию проблемы явилось исследование, наряду с балканской политикой России, особенностей политического развития отдельных балканских народов. Впервые в отечественной историографии в книге было показано, что национальные элиты Сербии, Дунайских княжеств и Греции уже в начале XIX в. не собирались далее мириться со своим угнетенным положением в составе Османской империи, а имели собственные планы национального освобождения и будущего государственного устройства. И с этим руководители российской внешней политики не могли не считаться.

Книга, в которой Ирина Степановна впервые в историографии представила целостную картину балканской политики России первой трети

XIX в., попутно исследовав целый ряд не изученных ранее вопросов (например, о русско-черногорских отношениях в 1814–1821 гг.), стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она наглядно отразила переход исследователей к комплексному изучению балканской проблематики XIX в.

На экземпляре монографии «Россия и балканский вопрос», который хранится в моей библиотеке, Ирина Степановна 8 июня 1972 г. сделала следующую дарственную надпись: «Милой Светлане с пожеланием прочесть эту книгу. И. Достян». Пожелание осуществилось многократно, потому что я читала ее монографию не один, а много раз. Это было необходимо мне, как говорится, для «общего развития», а также для написания работ по историографии проблемы «Россия и Балканы». И сейчас, готовя к публикации данную статью, я обратилась к этой неисчерпаемой книге. И опять открыла в ней что-то новое для себя, нынешней, ускользнувшее при прежних прочтениях, и, конечно, в который раз восхитилась ее логическим построением, классическим научным языком и тем огромным трудом, который в нее вложен.

Как уже отмечалось, в марте 1973 г. Ирина Степановна защитила монографию «Россия и балканский вопрос» в качестве докторской диссертации. С большим трудом была обнаружена в архиве нашего Института стенограмма защиты (спасибо за помощь Маргарите Ивановне Леньшиной и Маргарите Васильевне Гурьевой), что позволило познакомиться с отзывами на работу Ирины Степановны. Ее официальными оппонентами были: академик А.Л. Нарочницкий, доктора исторических наук А.М. Станиславская, Ю.А. Петросян (представил отзыв, но не присутствовал на защите) и И.С. Миллер. Их мнение было единодушным – труд диссертантки является, безусловно, работой докторского уровня, обогащающей отечественную науку новыми фактами и оригинальными, обоснованными выводами.

А.Л. Нарочницкий особо подчеркнул вклад Ирины Степановны в освещение политики русского правительства, направленной на предоставление отдельным балканским народам внутренней автономии и расширение ее под верховной властью Порты. Он согласился с утверждением диссертантки, что, следуя курсу на сохранение Турции – «слабого соседа», Петербург имел в виду перспективу превращения автономных областей в независи-

мые от Порты небольшие государства и осуществляли эту помощь в отношении Греции во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

По мнению А.М. Станиславской, общий вывод Ирины Степановны о положительной роли России в складывании национальной государственности балканских народов в первой трети XIX в. опирается на реальные факты и скрупулезный анализ конкретных исторических условий, сложившихся в тот период. Не могу не привести и следующее высказывание А.М. Станиславской о книге Ирины Степановны: «Несомненное достоинство работы – ее прекрасная литературная форма. Автор не находит нужным возбуждать читательский интерес псевдо-литературными эффектами, он пишет в строгой и простой манере. Но логическое развитие мысли, точный и гибкий язык и без того делают свое: книга читается с неослабевающим вниманием»²⁰.

Все оппоненты отметили в своих отзывах высокопрофессиональную работу Ирины Степановны с источниками – как опубликованными, так и архивными, которые она впервые ввела в научный оборот. А И.С. Миллер отметил, на мой взгляд, очень важную особенность ее труда: «...к изучению проблем международных отношений на Балканах и внешней политики России в этом регионе И.С. Достян подошла, отдаваясь от углубленного изучения **внутренней** истории балканских народов. Автор отчетливо представляет особенности развития каждого из народов Балканского полуострова, сложные межнациональные отношения, степень зрелости, достигнутой формирующими нациями и народностями этого региона на рубеже XVIII и XIX веков...»²¹.

Разумеется, оппоненты отметили, как и положено на защитах, некоторые недостатки, с их точки зрения, труда Ирины Степановны. Но в целом их замечания были несущественными и в большинстве случаев носили рекомендательный характер, сопровождаясь пространными рассуждениями в связи с затронутыми сюжетами.

1970-е годы были весьма плодотворными в научном творчестве Ирины Степановны. Одна за другой выходят содержательные статьи, а их автор регулярно выступает с результатами своих изысканий на симпозиумах и конференциях, в том числе за рубежом. В эти годы имя И.С. Достян уже хорошо известно в научных кругах балканских стран, прежде всего в Югославии и Болгарии. С большим уважением к Ирине Степановне относились болгарские ученые – академик Николай

Тодоров и Крумка Шарова, югославские коллеги – Славко Гаврилович, Неманя Маджарович, академик Васа Чубрилович, Климент Джамбазовски, Раде Петрович, Радован Йованович и другие.

Вспоминаю, с каким пиететом «общались» с Ириной Степановной сербы, черногорцы и болгары во время Международной конференции в Сараево в 1975 г., посвященной 100-летию начала Восточного кризиса 1875–1878 гг. Нашу делегацию, весьма представительную для «советских времен» – 8 человек, из них 7 ученых, – возглавлял академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. Ирина Степановна вместе с Виктором Георгиевичем Карасевым представляла советскую балканистику в секции по общественному мнению и связям. Она успешно выступила с докладом на тему: «Отношение российского общества к освободительной борьбе балканских народов в 1875–1878 годах» и участвовала в дискуссиях по ходу заседаний.

И в эти же, 1970-е гг., после защиты докторской диссертации, Ирина Степановна интенсивно работает над новой, третьей по счету, монографией. Вышедшая в 1980 г. под названием «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов», эта книга явилась логическим продолжением, как бы второй частью ее предыдущей монографии. Однако если в книге «Россия и балканский вопрос» в центре внимания исследовательницы находилась деятельность российской дипломатии, то теперь главным объектом научного анализа стали вопросы российско-балканских общественных связей первой трети XIX в.

До Ирины Степановны русско-балканские контакты указанного периода были изучены недостаточно. Более того, сложилось мнение, что на рубеже XVIII и XIX вв. «говорить о какой-либо роли балканских народов, их национально-освободительного движения в русской идеологической жизни преждевременно»²². Выступая против данной трактовки, Ирина Степановна указывает на необходимость проанализировать происходивший в этот период процесс ознакомления русской общественности с историей и настоящим положением населения Европейской Турции, проследить, как складывались представления об этнокультурной и исторической общности между славянскими народами.

Исследовательница полемизирует с теми западными учеными, которые любое проявление интереса в русском обществе к славянским и балканским народам связывали с панславистскими идеями.

В монографии детально представлена эволюция изображения балканских народов в русской литературе XVIII в., начиная с эпохи Петра I, дан анализ исторических трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, а также произведений других авторов – русских и зарубежных. Особое внимание уделено отношению к истории и культуре балканских и славянских народов первого русского революционера А.Н. Радищева. Этот вопрос до Ирины Степановны фактически не был исследован. В соответствующем разделе ее монографии приводится целый ряд новых документов, прежде всего, переводы иностранных сочинений, выполненные Радищевым, и примечания к ним, в которых содержатся его мысли относительно славянской общности. Под этим же углом зрения Ирина Степановна проанализировала поздние поэтические произведения Радищева. В частности, в его незаконченной поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801-1802) ярко отразилось, по мнению исследовательницы, понимание Радищевым значения этнической и культурно-исторической общности славян, интерес к проблеме славянского родства как фактору в развитии политических и культурных контактов между этими народами²³.

В итоге Ирина Степановна приходит к выводу, что Радищев являлся противником экспансионистских планов царизма в отношении Константинополя и проливов, а зарубежные славянские народы интересовали его как этнически родственные, имевшие в какой-то степени сходные национальные задачи. Такой подход, подчеркивает Ирина Степановна, «для своего времени был уникальным»²⁴.

Эта монография Ирины Степановны занимает, на мой взгляд, особое место в ее научном творчестве. И связано это, в первую очередь, с привлечением в качестве источника по истории русско-балканских связей материалов русской общественно-политической литературы и периодики первых десятилетий XIX в.

Разумеется, историки прекрасно знают, что русская периодическая печать содержит немало исключительно интересных сведений о контактах русского и других народов. Но почему-то ранее считалось, что периодика начала XIX в. малоинтересна с точки зрения своих заграничных связей, а балканских в особенности. Ирина Степановна не согласилась с данным мнением и приступила к изучению публицистики по балканской тематике, отдав этой весьма трудоемкой работе

очень много сил. И была за это сторицей вознаграждена как ученый, ибо на страницах газет и журналов начала XIX столетия обнаружила настоящие сокровища – уникальные свидетельства русско-балканских общественных связей. Конечно, их публиковалось не так много, как в последующие десятилетия, например, в 1860-е–1870-е гг., но они были и после издания монографии и целого ряда статей Ирины Степановны (в том числе за рубежом – в Болгарии, Югославии, Румынии) стали достоянием науки. Материал по балканской тематике в русской периодической печати, как отмечает Ирина Степановна, «не исчерпывающ, но, основываясь на нем, можно получить достаточно ясное представление – как в русской публицистике изображались балканские народы и события, проходившие в турецких владениях»²⁵.

Заслугой Ирины Степановны, безусловно, является тщательное изучение содержания как известных изданий: «Русская старина», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Библиографические листы», так и малоизвестных и почти совершенно не исследованных: «Северные Цветы», «Военный журнал», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Московский телеграф».

Лидером по «балканским» публикациям был журнал «Вестник Европы». В 1802–1804 гг. его издателем и редактором являлся Н.М. Карамзин. В результате изучения материалов периодики Ирина Степановна пришла к выводу, что наибольший интерес «Вестник Европы» и другие издания проявляли к грекам, народу-фавориту всей «просвещенной Европы», и их современному положению. Другие балканские народы занимали в русской публицистике гораздо меньше места. И еще одно важное заключение: «... в публицистике второй половины 1810-х годов баланская тема большей частью подавалась в аспекте сочувствия освободительным стремлениям национально угнетенных народов. Внимание российской общественности, особенно прогрессивной, к балканским событиям ... резко возросло с началом в 1821 г. революционных событий в европейских владениях Османской империи и возникновением под воздействием их Восточного кризиса 1820-х годов»²⁶.

Несомненным достоинством книги Ирины Степановны являются также яркие, запоминающиеся портреты целого ряда исторических деятелей, имевших в начале XIX в. контакты с представителями балканских народов, поборников оказания Россией помощи своим «единоверцам».

Впечатляет историко-биографический очерк об Андрее Афанасьевиче Самборском (1732-1815), влиятельном представителе придворного духовенства, образованном, энергичном и талантливом человеке, законоучителе и преподавателе английского языка русских великих князей, в том числе будущего императора Александра I, духовника великой княжны Александры Павловны, будущей жены венгерского палатина эрцгерцога Иосифа. Изучив архив Самборского, Ирина Степановна пришла к выводу, что этот деятель «сыграл немалую роль в расширении политических и общественных связей России с балканскими народами», и привела немало фактов, подтверждающих данный тезис. Интересно, что Ирина Степановна сравнивает Самборского с Михаилом Федоровичем Раевским (1811-1884), который несколько десятилетий спустя, будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, установил обширные контакты с национально-общественными и политическими деятелями славянских народов в Османской империи и Габсбургской монархии²⁷.

Не менее ярко представила Ирина Степановна еще одну выдающуюся личность, оригинального мыслителя, первого директора Царско-сельского лицея Василия Федоровича Малиновского (1765-1814). Он был участником Яссского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1787-1791 гг., а также генеральным консулом России в Молдавии и Валахии в начале XIX в. Как показала Ирина Степановна, немалое место в его взглядах занимали идеи социально-политической перестройки Юго-Восточной и Центральной Европы. Анализ творчества Малиновского на основе его опубликованных сочинений и новых архивных документов, позволил исследовательнице говорить о нем как «об одном из зачинателей идеи славянского единения в русской общественной мысли», не связанной у него «со столь обычной для позднейших концепций такого рода идеализацией славянской общности, с противопоставлением славян другим нациям Европы, с националистическими устремлениями»²⁸. Впервые в историографии Ирина Степановна подробно рассмотрела идеи Малиновского о политическом самоопределении народов, создании национальных государств и их федеративных союзах. И как результат ее изысканий и размышлений – следующий очень важный вывод: «Подход выдающегося русского просветителя-демократа и гуманиста к вопросу о национальном освобождении и по-

литическом будущем народов Юго-Восточной и Центральной Европы как бы предварял и идеологически подготавливал позицию, которую впоследствии заняли декабристы»²⁹.

Галерею исторических портретов, представленных в третьей монографии Ирины Степановны, безусловно, украсили также яркие жизнеписания целого ряда выдающихся русских деятелей, ученых и мыслителей. Среди них: Василий Назаревич Каразин (1773-1842), автор ряда научных открытий, основатель Харьковского университета, сторонник оказания Россией помощи сербам в деле их освобождения и создания Сербского независимого государства; Александр Полев (1757-1818), «странный отставной майор», как пишет Ирина Степановна, впервые в историографии создавшая его портрет на основе открытых ею архивных материалов. Полев был ярым противником Наполеона, его «тиранической власти» в Европе, а также автором многочисленных философских трактатов и внешнеполитических проектов, которыми досаждал даже царю. Их главная идея – необходимость осуществления Россией своей освободительной миссии в отношении угнетенных славянских и других европейских народов.

Весьма впечатляет и исторический портрет малоизвестного до Ирины Степановны Алексея Матвеевича Спиридова (1785 или 1786-1830?), автора обширной статьи «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи» (журнал «Северный архив», 1825 г.), написанной на основе его личных впечатлений от общения с представителями балканских народов в 1818-1823 гг. Ирина Степановна отдает должное стремлению А.М. Спиридова «осмыслить реально существующие общности и различия в сложнейшей демографической структуре Балканского полуострова»³⁰, хотя и определяет его представления как ошибочные и упрощенные.

Ирина Степановна рассмотрела также взгляды по балканскому вопросу С.М. Броневского, П.П. Свирина, А.С. Кайсарова, А.И. Тургенева и др. Многие из приведенных ею материалов представляют интерес и для истории отечественного славяноведения, например, незавершенный труд А.С. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий». По мнению исследовательницы, Кайсаров «был один из первых русских ученых, который попытался определить основные задачи и методы славяноведения»³¹.

Разумеется, в книге, посвященной отражению в русской общественной мысли балканского вопроса в первой трети XIX в., ее автор не мог обойти своим исследовательским вниманием вопрос «Декабристы и революционное движение на Балканах». В его историографию, представленную работами М.В. Нечкиной, Б.Е. Сыроечковского, С.С. Ланда, О.В. Орлик, А.В. Фадеева, Г.Л. Арша и др., Ирина Степановна внесла свой важный вклад, высказав при этом ряд новых суждений. Она подчеркивает, что оказание помощи грекам, боровшимся в начале 1820-х гг. за политическую независимость, являлось одним из основных требований, выдвигавшихся декабристами в области внешней политики, и вслед за тем подробно рассматривает взгляды ряда декабристов – А.В. Поджио, В.И. Штейнгеля, П.И. Пестеля и др. – в связи с революционными событиями на Балканах.

Ирина Степановна отмечает, что при всех неясных и спорных моментах, связанных с деятельностью в 1820-1821 гг. членов декабристской организации в Кишиневе, остается несомненным, что они имели непосредственные контакты с руководителями греческой тайной организации Филики Этерия и стремились использовать революционные события на Юго-Востоке Европы, русско-турецкую войну в борьбе против царизма. По мнению исследовательницы, версия, которую выдвинул С.С. Ланд, – о существовании соглашения между руководителем этеристов А. Ипсиланти и командиром 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии, генерал-майором М.Ф. Орловым о совместной подготовке восстания греков, является неосновательной. Вместе с тем, отмечает Ирина Степановна, «можно полагать, что Орлова привлекала мысль сочетать дело освобождения народов Юго-Восточной Европы – от национального гнета и народов России – от оков самодержавия»³².

Рассматривая отражение балканского вопроса во внешнеполитических планах П.И. Пестеля, Ирина Степановна устраниет ряд неточностей, прочно закрепившихся в литературе. С этой целью она скрупулезно проанализировала большой массив документов о служебной деятельности Пестеля в 1821 г. (командировки в Бессарабию). Ирина Степановна называет произвольным мнение, будто бы Пестель намеревался оказывать практическую помощь восставшим грекам, и полагает, что речь шла лишь «о разработке с участием Пестеля правил приема на русской границе беженцев из княжеств»³³.

В монографии рассмотрен также вопрос об авторстве и назначении записки «Царство Греческое». Он относится в отечественной историографии к числу дискуссионных. Так, Б.Е. Сыроечковский считал, что по содержанию записка походит на незаконченный проект политической перестройки Балканского полуострова после падения власти Турции и ликвидации австрийских владений на побережье Адриатического моря. Имелось в виду создание государства федеративного или разделенного на области, пользующиеся значительной самостоятельностью. По мнению Б.Е. Сыроечковского, записка «Царство Греческое» являлась личным творчеством Пестеля и была составлена на случай активного вмешательства России в греко-турецкий конфликт³⁴. В противоположность этой точке зрения М.В. Нечкина считала, что этот документ – не личное творчество Пестеля, а одно из предложений этеристов, с которыми Пестель общался во время командировок в Бессарабию весной 1821 г., и что он отражает взгляды на политическое будущее освобожденных от власти османов земель наиболее умеренного течения греческого освободительного движения³⁵. По мнению же Ирины Степановны, «записка – не плод творчества одного лица – Пестеля или какого-либо этериста, а результат обдумывания балканской проблемы вождем Южного общества и каким-то греческим деятелем, совмещающим их взгляды в этом вопросе»³⁶. При этом исследовательница дала новую (отличную от Б.Е. Сыроечковского) датировку записи «Царство Греческое» – не июль-август, а март-апрель 1821 г., исходя из ее содержания и анализа событий на Балканах. Весьма интересна оценка этого документа, данная в монографии. Во-первых, ее автор подчеркивает, что в записке достаточно определенно выражены филэллинские тенденции решения балканской проблемы, и это было весьма характерно для многих прогрессивных деятелей России того периода. Во-вторых, Ирина Степановна считает проект «Царство Греческое» «в своем существе нереальным», ибо «сам замысел объединения в одном государстве областей, очень разнородных по общественно-экономическому укладу, национальному составу населения, был утопичен и не соответствовал тенденциям исторического развития народов Юго-Восточной Европы»³⁷.

В заключительной части рассматриваемой монографии освещены идеи единения славянских народов и представления об их этнической

общности в русской общественной мысли в 1815-1825 гг. В частности, подробно прослеживается эволюция взглядов по славянскому вопросу в самой декабристской среде, особенно в программе «Общества соединенных славян», главным идеологом и руководителем которого являлся подпоручик П.И. Борисов, наиболее последовательный приверженец идеи объединения славянских народов на федеративных началах. Эта идея, подчеркивает Ирина Степановна, «впервые оказалась увязанной с задачей социальных преобразований в России», что являлось «совершенно новым явлением в русской общественной мысли»³⁸.

Одним из главных выводов данного раздела монографии является следующий: ни о каком объединении славянских народов в единое государство не было и речи в планах ни Южного, ни Северного обществ. Идеи единения славянских народов полностью отсутствуют в проекте конституции Никиты Муравьева и в «Русской правде» П.И. Пестеля, в которых рассматриваются внутренние преобразования только в России, ее будущая система правления и т.п.³⁹. В записке «Царство Греческое» не было речи ни об объединении южнославянских народов в одно государство, ни о присоединении их к России. Сербы, болгары, босняки должны были войти в состав государства, в котором преобладающие позиции заняли бы греки, как народ наиболее развитой в экономическом и политическом отношениях по сравнению с другими подданными султана. Вместе с тем, по мнению Ирины Степановны, «имелась проблема, входившая в общий комплекс идей славянского единения, которая действительно привлекала большой интерес идеологов декабризма. Она касалась установления русско-польских дружеских контактов, союза и совместных действий русских и польских революционеров»⁴⁰.

Третья по счету монография И.С. Достян стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она и сейчас поражает широким охватом рассмотренных тем, проблем и сюжетов, новизной целого ряда оценок, уникальными документами и, повторюсь, «живыми» портретами тех русских деятелей, которые жили и творили на благо России почти 200 лет тому назад.

* * *

Дополнительные штрихи к портрету Ирины Степановны Достян

Блиц-опрос,
проведенный среди ее друзей
и коллег разных поколений

Вопрос первый:

Что вы можете сказать о трудах Ирины Степановны Достян?

Г.Л. Арш

Труды Ирины Степановны фундаментальны. Они охватывают широкий круг стран и народов, имеют широкий географический диапазон.

И.В. Чуркина

Они выполнены на таком высоком профессиональном уровне, что всегда будут востребованы.

К.В. Никифоров

Для меня труды Ирины Степановны представляются эталоном академического стиля. Я считаю, что по ее работам нужно учить молодых ученых писать научные труды. Это прекрасный образец для подражания. По моему мнению, Ирина Степановна олицетворяет академический стиль в науке и даже свое научное поколение в целом, когда планка научного творчества стояла очень высоко.

А.В. Карасев

Все труды И.С. Достян – монографии и статьи по истории Сербии, русско-балканским связям, об отношении русской общественности к балканским народам – фундаментальны, они остаются актуальными и не теряют своего научного значения. Ее работы последнего времени стали новым вкладом в развитие отечественной историографии. Научное творчество Ирины Степановны всегда пользовалось заслуженным уважением у зарубежных коллег.

И.Ф. Макарова

Труды Ирины Степановны – это классика отечественной балканистики.

О.В. Соколовская

Труды Ирины Степановны написаны прекрасным стилем и великолепно аргументированы, в них приведен первоклассный документальный материал.

Ю.П. Аншаков

О трудах Ирины Степановны можно говорить только в превосходной степени, на них выросли все югослависты и балканисты в нашей стране. Судя по стилю ее трудов, у Ирины Степановны – мужской склад ума, женщины обычно пишут иначе. Сейчас монографии и статьи Ирины Степановны изучают мои студенты, и они тоже удивляются, что их автор – женщина.

П.А. Искендеров

Ирина Степановна – живой классик отечественной балканистики. Я учился на ее трудах и не только соглашался с ними, но и спорил, особенно с теорией о буржуазно-национальной революции на Балканах.

В.И. Косик

Все труды Ирины Степановны я читал с большим интересом и узнал из них много нового.

О.В. Медведева

Все, что вышло из-под пера Ирины Степановны, выполнено на очень высоком профессиональном уровне. Поскольку раньше я занималась историей Югославии, то еще в университете главными для меня были работы Ирины Степановны.

М.М. Фролова

Меня труды Ирины Степановны всегда поражали своей фундаментальностью и научной объективностью. В них нет характерного для советского времени разделения на революционное и контрреволюционное, и поэтому их не нужно пересматривать в связи с идеологическими изменениями.

А.Л. Шемякин

Ирина Степановна выпустила свою первую монографию в 1958 г., а я еще не родился. И как радостно, что она до сих пор с нами и творит. Для меня она – живой классик. Все труды Ирины Степановны написаны без конъюнктуры, на огромном материале, блестящие проанализиро-

ванном. И российские историки, и наши сербские коллеги их цитируют в своих работах. Заслуга Ирины Степановны как ученого в том, что в своих трудах она касается крупных проблем, важных и актуальных до сих пор. Меня восхищает в них также четкая, жесткая интерпретация фактов, без эмоций и сантиментов.

В.М. Хевролина

Труды Ирины Степановны посвящены самым разнообразным проблемам славянской и балканской истории, они многоаспектны. Особен- но велик ее вклад в изучение истории Сербии и русско-сербских связей. В советской историографии она была первым ученым, который начал их исследовать глубоко, основываясь на источниках, обращаясь ко всем важнейшим вопросам сербской истории в различные периоды и отношениям Сербии и России.

Е.Ю. Гуськова

Впервые я начала изучать труды Ирины Степановны Достян еще студенткой университета. Для нас, югославистов, это была классика, эталон, мы на них учились. Знакомство с ними, а затем и с самим автором стало знаковым событием в моей жизни.

Е.П. Кудрявцева

Я считаю, что все написанное И.С. Достян – это основа для работы отечественных балканистов. Ее труды фундаментальны, научно добросовестны, интересны.

М.С. Ващенко (аспирант)

Я лично не знаком с Ириной Степановной, но знаю еще с университетских времен ее труды. К кандидатскому экзамену по специальности я готовился, в том числе, и по ее монографиям. Для меня она символизирует всю отечественную балканистику с огромным временным охватом – от Средневековья до Нового времени. Она пишет свои труды доступным и в то же время строго научным языком, читать их легко и понятно.

* * *

Так уж случилось, что с публикацией третьей книги Ирины Степановны закончился «монографический период» в ее научном творчестве. А далее

началась «эра коллективных трудов». Именно им с начала 1980-х гг. отдавалось предпочтение в планах Института славяноведения и балканистики АН СССР. Возможно, это был необходимый этап развития науки, но очень жаль, что зачастую у исследователей, трудившихся над их созданием, не оставалось ни времени, ни сил для реализации индивидуальных творческих замыслов. Разумеется, Ирина Степановна писала и публиковала статьи, в том числе за границей, но все же ключевыми, определяющими для ее научной деятельности 1980-х гг. являются коллективные работы.

Среди них в первую очередь следует отметить обобщающий труд «Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг.» (М., 1983). Им, этим 300-страничным томом в синем переплете, начиналась новая серия по истории международных отношений в этом регионе в XVIII – начале XX вв., задуманная В.Н. Виноградовым и осуществленная под его руководством на протяжении последующих 20 лет целым коллективом авторов.

Период 1815-1830 гг. лежал в сфере исследовательских интересов Ирины Степановны, и поэтому вполне понятно ее участие в создании вышеупомянутого труда. Разумеется, целый ряд вопросов ею уже были разработан в книге «Россия и балканский вопрос» и ряде статей. Однако новая работа Ирины Степановны не была «перелицовкой» уже написанного и изданного. Ведь в «Международных отношениях» перед авторами стояла несколько иная задача: показать действия на Балканах не только российской дипломатии, но и политику других держав – Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Турции. И авторский коллектив (В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова, В.И. Шеремет) достойно справился с этой задачей.

В рассматриваемом труде перу Ирины Степановны принадлежит 12 параграфов в четырех главах из семи. В них она исследовала следующие вопросы: международная обстановка в Юго-Восточной Европе в 1813-1814 гг.; дипломатическая борьба по балканскому вопросу в период Венского конгресса; международное положение в Юго-Восточной Европе и политика великих европейских держав в отношении Турции, Дунайских княжеств, Сербии и Черногории в 1816-1820 гг.; действия великих держав в балканском вопросе в 1821-1825 гг.; баланская проблема в годы русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

Обобщив и проанализировав обширный материал, Ирина Степановна обогатила балканистику и историю международных отноше-

ний XIX в. обоснованными выводами, относящимися к важнейшим этапам балканского направления международной жизни в 1815–1830 гг. Так, в качестве одного из этих этапов исследовательница выделила Венский конгресс 1814–1815 гг. и создание Священного союза. Она последовательно рассмотрела позиции и действия в этот период России, Австрии, Англии, Франции и Турции; переговоры об Ионических островах; попытки русского правительства решить сербский вопрос. «В правящих кругах Стамбула и на Западе, – пишет Ирина Степановна, – выражались опасения, что царизм намеревается под прикрытием Священного союза приступить к широкой экспансии на Востоке. Такая версия впоследствии широко распространилась в западноевропейской историографии. Она полностью расходилась с истиной»⁴¹. Это утверждение подкреплено в монографии целым рядом неопровергимых фактов.

Значительное место уделила Ирина Степановна действиям европейских держав в отношении Турции и балканских народов в 1816–1820 гг. Политика Петербурга в этот период «была наиболее активной в Дунайских княжествах и Сербии, внешне сдержанной в отношении греческих земель, очень осторожной в Черногории и пассивной в Болгарии»⁴², – подытоживает исследовательница. И в связи с этим впервые в историографии ставит очень интересный вопрос: чем объяснить тот очевидный факт, что такой крупный южнославянский народ как болгары играл в первых десятилетиях XIX в. сравнительно небольшую роль в российской политике в Юго-Восточной Европе?

Ирина Степановна объясняет малую активность России в болгарском вопросе несколькими обстоятельствами. Во-первых, ведя достаточно осторожную и реалистичную политику, царизм не рисковал подрывать власть Порты в том регионе, который составлял опорную базу турецкого владычества на юге-востоке Европы. Во-вторых, болгарские земли пока оставались вдали от крупных международных конфликтов, здесь не происходили массовые восстания населения, а имели место лишь локальные антитурецкие выступления. Среди прочих обстоятельств называются и такие факторы как засилье в стране греков-фанариотов, выступавших в Константинополе от имени болгар, но не в их интересах; отсутствие в болгарских землях деятелей, которые бы могли представлять национальные интересы болгар перед европейскими кабинетами⁴³.

Не меньшее внимание уделила Ирина Степановна политике великих держав, прежде всего России, в отношении Дунайских княжеств в 1816-1820 гг. При этом она рассмотрела не только внешнеполитический аспект темы, но и особенности их внутриполитического и экономического развития.

Обратившись к сербскому вопросу, Ирина Степановна подробно исследовала отношения России с Милошем Обреновичем, стремившимся после завершения Второго сербского восстания добиться признания Портой своих наследственных прав на княжескую власть в Сербии. Рассматривая сложный процесс становления сербской государственности, Ирина Степановна подчеркивает очень важный момент: основы государственного устройства Сербии Россия разработала, исходя из сербских исторических традиций⁴⁴.

Ценным вкладом в историографию явилась дальнейшая разработка автором вопроса о русско-черногорских отношениях после 1814 г. В распоряжении Ирины Степановны оказались документы, которые доказывают, что политические контакты между Черногорией и Россией во второй половине 1810-х гг. были довольно оживленными, хотя Петербург и старался скрыть их от Порты и венского двора⁴⁵.

Несомненной заслугой исследовательницы является то, что в данном разделе она обратилась к деятельности главы черногорского государства в этот период Петра I Петровича Негоша, незаслуженно «забытого» отечественными историками. А ведь именно он не только боролся с племенным сепаратизмом в Черногории, но и вел активную внешнеполитическую политику, целью которой, в первую очередь, было международное признание статуса его страны как независимого государства.

Свой вклад внесла Ирина Степановна и в разработку проблемы Восточного кризиса 20-х гг. XIX в., которая заняла одно из ведущих мест в «Международных отношениях на Балканах. 1815-1830 гг.». Ею были подробно рассмотрены действия великих держав в 1821-1825 гг. в связи с греческой революцией. Наиболее ярко, на мой взгляд, автором была представлена политика Великобритании. Интересно и описание попыток греческих повстанцев привлечь к военному сотрудничеству Черногорию и Сербию, которого, впрочем, не получилось.

В заключительном параграфе главы, посвященной русско-турецкой войне 1828-1829 гг., рассмотрен вопрос о мерах по выработке правительством Николая I конкретной программы действий, начиная с 1827 г., на случай того или иного развития событий на Балканах и Ближнем Востоке. Однако это были всего лишь планы. Ирина Степановна вновь подчеркивает, что «царское правительство совсем не хотело доводить дело до падения Османской империи»⁴⁶.

Вторым коллективным трудом 1980-х гг., в котором Ирина Степановна выступила не только в качестве автора, но и ответственного редактора, явилась книга «Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.)» (М., 1986). При написании Предисловия, Заключения и ряда разделов она работала в соавторстве со своими коллегами – В.И. Фрейдзоном, К.И. Логачевым и В.П. Грачевым, но, разумеется, ее вклад в этот труд был значительным.

Уникальность рассматриваемой книги заключается в том, что в ней впервые в отечественной историографии освещено формирование национальных государств на Балканах, систематизирован и обобщен сложный комплекс внутренних процессов в ходе их создания, а также влияние международной обстановки, политики европейских держав. Наряду с этим авторы труда проследили формирование идей и программ, касающихся проблем государственности у различных балканских народов.

Сложность подобных трудов заключается в том, что на основе существующей литературы, использовав результаты собственных исследований, необходимо подняться на более высокий уровень обобщения и по возможности обогатить науку новыми аргументированными выводами. На мой взгляд, Ирина Степановна, безусловно, справилась и с этой исследовательской задачей. Читая и перечитывая и ее собственные разделы, и те, которые она так тщательно, но бережно редактировала, не перестаешь удивляться четкости и логике в изложении материала, обоснованности заключений, обширной документальной базе.

Как уже отмечалось, Ирина Степановна являлась автором ряда разделов: в соавторстве с К.И. Логачевым – «Греческие земли в конце XVIII – начале XIX в. Ионическая республика» и «Греческая национально-освободительная революция 1821-1829 гг. и создание Греческого государства»; в соавторстве с В.П. Грачевым – «Формирование сербского национального государства в период Первого сербского

восстания 1804-1813 гг.»; самостоятельно ею были написаны 2 раздела: «Борьба за признание автономии Сербского княжества» и «Конституционная проблема в Сербском княжестве в 1830-е годы. Режим уставобранителей».

При рассмотрении данного труда хотелось бы отметить раздел, касающийся Первого сербского восстания. Он был написан с учетом богатейших материалов российских архивов, часть из которых к тому времени уже была опубликована в совместном советско-югославском издании (см. ниже).

Заслуживает внимания рассмотрение внутреннего развития Белградского пашалыка накануне восстания, особенностей функционирования органов местного самоуправления, сыгравших важную роль в процессе складывания основ государственного устройства на освобожденной от турецкой власти территории. И, разумеется, здесь детально представлены основные этапы восстания и развития русско-сербских отношений. Это был значительный вклад советских историков, в том числе Ирины Степановны, в разработку, казалось бы, детально изученной югославскими учеными проблемы.

При рассмотрении процессов, происходивших в Сербии после 1815 г., исследовательница пришла к выводу, что в этот период в процессе формирования сербской государственности «произошло замедление, но он продолжался, хотя и в менее благоприятных условиях, при сильном вмешательстве со стороны турецких властей»⁴⁷. Интересны материалы о взаимоотношениях князя Милоша Обреновича с русским правительством, которое считало необходимым ограничить его власть Сенатом или Советом. Весьма важен один из выводов автора: «Русская дипломатия, участвуя в разработке принципов государственного устройства Сербии, конечно, не способствовала насаждению буржуазно-демократических порядков..., но и попыток утвердить в молодом балканском государстве систему власти и порядки, схожие с существовавшими в России, не предпринималось»⁴⁸. Обратившись к анализу социально-политического развития Сербии 1830-х гг., Ирина Степановна указала на его специфическую особенность: «... привилегированный слой, формируясь из среды представителей местного самоуправления, а также зажиточных торговцев и крестьян, тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом княжества»⁴⁹.

1840-е годы в истории Сербского княжества были не менее драматичны. Следует отметить, что до этого периода в своих более ранних работах Ирина Степановна еще не доходила. На мой взгляд, она совершенно справедливо сосредоточила свое внимание на главных событиях правления в Сербии уставобранителей (защитников Устава), подчеркнув при этом, что Россия была противницей их режима, ориентировавшегося на Австрию.

Проанализировала исследовательница и очень важный документ – внешнеполитическую программу Сербского княжества «Начертание», составленную в 1844 г. министром внутренних дел И. Гарашанином, которая ставила задачу национального освобождения южных славян и их политического объединения под главенством сербской династии, что имело великодержавную направленность.

В 1980-е годы Ирина Степановна активно участвовала также в двух академических проектах, связанных с публикацией архивных документов.

Еще в конце 1970-х годов академик А.Л. Нарочницкий привлек ее к работе над изданием документов «Внешняя политика России XIX и начала XX в.» (II серия. 1815-1830)⁵⁰. Трудиться, как вспоминает Ирина Степановна, приходилось много, сознавая при этом огромную ответственность, так как работа курировалась МИД СССР. В ее обязанности входил отбор тех документов, которые предоставляли исследователям сотрудники Архива внешней политики России (ныне – АВПРИ), а также участие в регулярных заседаниях редколлегии и встречах издателей с мидовским начальством, ответственным за публикацию.

Наряду с «ВПР», Ирина Степановна участвовала в работе над публикацией документов из отечественных архивов «Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия» (М., 1980-1983. Кн. I-II). Она являлась ответственным редактором II книги (вместе с югославским академиком В. Чубриловичем), а также одним из составителей и комментаторов этого советско-югославского издания.

Публикация включает уникальные, в большинстве своем ранее не известные документы, которые впервые систематизировано освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в., в том числе вопросы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи, о поездках сербских депутатов в Петербург и штаб Молдавской армии и др.

1990-е годы, уже ушедшие в историю, были непростым временем – и в житейском, и в профессиональном плане. И хотя сейчас модно провозглашать, что с началом перестройки и борьбой против догматизма и схематизма в исторической науке произошел коренной перелом, я не могу в полной мере приложить данное утверждение к трудам большинства моих коллег – славистов и балканников, в том числе Ирины Степановны Достян. Да, разумеется, в советскую эпоху ученые часто делали обязательные для того периода «марксистские реверансы», но это не влияло на качество их научных трудов. Они всегда старались, опираясь на документы и факты, уходить от прямолинейных и односторонних оценок и, несмотря на трудности переходного периода, остались верными своему призванию.

«Демократка» – так в последние годы своей жизни иронично называл Ирину Степановну академик Ю.А. Писарев (1916-1993), имея в виду ее неизменно одобрительные высказывания по поводу перемен в политической жизни страны. Но еще и потому, что моя «героиня» написала «статью против классиков» – так мы, «секторские», окрестили ее произведение, опубликованное в журнале «Советское славяноведение» в 1991 г. (№2) под названием: «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса»⁵¹. Удивительно, но эта небольшая статья Ирины Степановны до сих пор не забыта – ее вспоминают, о ней говорят ученые, на нее они ссылаются в своих работах. На мой взгляд, она занимает особое место в научном творчестве Ирины Степановны, в концентрированном виде демонстрируя ее профессионализм и достижения в изучении одной из важнейших исторических проблем. Лично для меня эта статья явилась знамением 1990-х гг. и начала перестройки в науке, в том числе в нашей области – славяноведении и балканistique. Поэтому я решила остановиться на ней подробнее.

Первоначально эта работа, как поведала мне Ирина Степановна, предназначалась для журнала «Вопросы истории», но даже в 1990 г. руководство этого издания, видимо, сочло ее чересчур новаторской и отказалось печатать.

Следует сказать, что основные положения статьи не были для научного творчества Ирины Степановны чем-то абсолютно новым, как говорится, «разворотом на 180 градусов». Мы, ее коллеги по сектору, были уже знакомы с ними и неоднократно слышали их во время обсуждения различных трудов о балканской политике России на наших заседаниях

и на теоретических семинарах (была такая форма научных собраний по секторам, теперь уже забытая). Помню, какое впечатление на меня, в то время молодую сотрудницу, недавнюю выпускницу МГУ, прошедшую суровую идеологическую школу истфака, когда о классиках можно было говорить лишь с пietetом и благоговением перед их бессмертными, не подлежащими сомнению выводами, произвела, мягко говоря, иная точка зрения, причем высказанная не каким-то диссидентом, а всеми уважаемой Ириной Степановной Достян. А было это задолго до перестройки – в первой половине 1970-х гг. Ирина Степановна сказала тогда, что Маркс и Энгельс были, прежде всего, революционерами и на политику царизма в Восточном вопросе смотрели с точки зрения революции, а, значит, односторонне. К тому же в их распоряжении было очень мало достоверных источников, которые впоследствии стали известны ученым. Именно поэтому оценки классиков марксизма не могут в полной мере отражать суть процессов, происходивших на Балканах, и это нужно учитывать. Заметьте: это говорилось не в наши дни, а в те годы, когда научная статья, монография, диссертация обязательно должны были начинаться с цитат «из классиков» (дело доходило до анекдотических ситуаций типа: «Маркс писал, что Дунай – большая река»). Так что, согласитесь, у Ю.А. Писарева были все основания называть Ирину Степановну «демократкой». А для меня как начинающего исследователя, это было важно потому, что заставляло больше думать, анализировать и не принимать на веру даже «незыблемое». Вспоминая сейчас то время, я полагаю, что Ирина Степановна пришла к выводу о «заблуждениях» классиков постепенно, по мере углубления своих «балканских» исследований. И это жило в ней задолго до того, когда на критику и несогласие со взглядами Маркса и Энгельса было «дано» разрешение. Жило, не давало ей покоя как ученному и гражданину и время от времени прорывалось на свободу...

В вышеуказанной статье, опубликованной в «Советском славяноведении», Ирина Степановна развила свою точку зрения по данному вопросу. Она подчеркивает, что у Маркса и Энгельса в отношении России и ее внешней политики была «достаточно стройная и четкая концепция». Для них было очевидным, что «от турок следует освободиться». Но не Россия должна осуществить эту задачу, а европейская революция⁵². Ирина Степановна обращает внимание своих читателей на то, что, не

будучи «беспристрастными исследователями международной жизни Европы», классики марксизма использовали в качестве источников для своих работ по внешней политике царизма данные публицистики и литературы русофобско-туркофильского толка, получивших значительное распространение в Западной Европе в 1840-1870-е гг.⁵³

В своей статье Ирина Степановна с позиции науки конца ХХ в. прослеживает основные этапы балканской политики России, начиная с эпохи Екатерины II и русско-турецкой войны 1768-1774 гг., показывает особенности политики России в отношении отдельных балканских народов, ее просчеты, неудачи, иногда грубые методы в отношении слабой стороны. При этом автор ссылается на уже существующую научную литературу и приводит устоявшиеся в отечественной историографии мнения. При чтении этой статьи вас не покидает ощущение, что исследовательница в свойственной ей спокойной манере как бы ведет дискуссию, полемизирует с Марксом и Энгельсом по поводу их высказываний по тем же вопросам, какими долгие годы занималась она сама. И в качестве аргумента в защиту своей позиции Ирина Степановна указывает на целый ряд неточностей в работах классиков, ошибочных утверждений, не соответствующих реальным фактам (о балканской политике Николая I, об Ункяр-Искелессийском договоре 1833 г., о согласованном австро-русском плане уничтожения и раздела Османской империи, о «русских агентах» на Балканах, о целях царизма в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и др.). При этом Ирина Степановна вовсе не «оханывает» классиков, как это порой случается в литературе последних десятилетий, она старается подходить к их взглядам с научной объективностью и, разумеется, она не на «стороне царизма». Так, говоря об объективно-прогрессивных результатах политики России в отношении Турции и балканских народов, Ирина Степановна пишет: «Однако вряд ли следует эту формулу абсолютизировать, превращать в ключ к пониманию балканской политики царизма, в критерий ее оценки. Такой подход вел бы к разрыву целей и результатов этой политики. Между тем на ее результаты активно влияли своеокрыстные цели царизма»⁵⁴.

Ирина Степановна подчеркивает, что высказывания классиков – «нередко меткие и верные» – помогают избежать идеализации курса царского правительства в отношении балканских народов, преуменьшения его корыстных целей, приукрашивания русско-балканских связей. Но их концеп-

ция данных проблем не может служить ключом к пониманию характера, целей и результатов российской политики в Восточном вопросе.

В своей статье Ирина Степановна фактически призвала ученых, своих коллег, отказаться от прежнего подхода к наследию Маркса и Энгельса, рассматривать их концепцию внешней политики царизма, и в частности политики в Восточном вопросе, «как одно из направлений революционной западноевропейской мысли»⁵⁵.

Помимо «статьи против классиков», в 1990-е гг. Ирина Степановна опубликовала еще несколько интересных статей, в том числе по историографии Восточного вопроса, о национально-освободительной борьбе балканских народов и др. Но все же главным в ее научной деятельности, как и в 1980-е гг., было участие в коллективных обобщающих трудах.

На мой взгляд, в этот период исследовательница переживала свой «научный Ренессанс». Может быть, это следует обозначить как-то иначе, но факт остается фактом – в исследование своих «любимых» тем ей удалось внести немало нового.

Именно это можно сказать, к примеру, об ее участии в труде «Александр I, Наполеон и Балканы» (Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18). В этой коллективной монографии речь вновь идет о балканской политике России, но наряду с этим значительное вниманиеделено международной обстановке конца XVIII – начала XIX вв. В разделе «Балканская панорама» Ирина Степановна специально останавливается на вопросе о положении в Черногории и русско-черногорских контактах с конца XVIII в. (правление императора Павла I). Попутно заметим, что в книге «Россия и балканский вопрос» (1972) об этом почти ничего не говорилось. В «Балканской панораме» исследовательница рассмотрела конфликт между русским правительством и черногорским митрополитом Петром I Негошем в начале XIX в., о чем раньше замалчивалось в отечественной историографии. Наряду с этим в разделе «Возрождаемая балканская государственность» Ирина Степановна представила краткий перечень планов, программ и проектов возрождения балканских государств, начиная с XVIII в., принадлежавших как русским, так и балканским деятелям. «... постепенно, – подчеркивает она, – обрисовывались контуры возрождения балканской государственности на национальной основе. И сколь бы корыстны ни были мечты самодержавия о гегемонии в регионе, в проектах наличествовало здра-

вое ядро, мысль о перекройке карты Юго-Восточной Европы по национальному признаку»⁵⁶.

Особая тема в научном творчестве Ирины Степановны в 1990-е гг. – роль православной религии и сербской церкви в процессе складывания сербской нации. В своих работах, написанных в предшествующие десятилетия, она, разумеется, уже затрагивала эту проблему, однако раньше рассматривать ее специально было не принято. И вот теперь Ирина Степановна получила возможность высказаться и по этому поводу, а также ввести в научный оборот новые документы, находившиеся в ее распоряжении. По вышеуказанной теме исследовательница вначале опубликовала небольшую статью⁵⁷, в которой рассмотрела 3 периода в деятельности Печской патриархии (1557-1766), а также привела интересные факты из истории русско-балканских связей по линии церкви. Более подробно эта тема была ею раскрыта в обобщающем труде «Роль религии в формировании южнославянских наций» (М., 1999), для которого она написала большую статью «Православная церковь и складывание сербской нации» (в соавторстве с А.В. Карасевым, однако большая часть текста принадлежит перу Ирины Степановны).

В этой работе дан аналитический очерк истории сербской православной церкви, начиная с эпохи раннего Средневековья, подчеркивается ее значение в эпоху турецкого господства, решающая роль в этносоциальном объединении сербского народа.

Глубокое знание всех периодов сербской истории позволило Ирине Степановне прийти к целому ряду важных выводов. Так, она подчеркивает значение деятельности духовенства для упрочения национального единства сербов, закрепления общности их обычая и исторических традиций, что в начале XIX в. «облегчило борьбу … за освобождение от турецкой власти»⁵⁸. По мнению автора, уничтожение в 1766 г. Печской патриархии не нанесло существенного урона национальным интересам сербов, так как уже «появились новые организационные центры православия, сыгравшие роль в национальном развитии югославянских народов, в их освободительной борьбе» – Карловачская митрополия и Черногория во время правления митрополитов из династии Петровичей⁵⁹.

Бесспорной заслугой Ирины Степановны является то, что она подробно изучила вопрос о «специфических условиях» развития православной церкви в Черногории, связанных с особым статусом последней

в составе Османской империи (с конца XVIII в. она фактически стала независимой от Порты). В таком аспекте данная проблема еще не рассматривалась в отечественной историографии. Разумеется, многие вопросы, которые были затронуты автором, еще нуждаются в более глубоком исследовании. И, тем не менее, Ирине Степановне удалось представить общую картину развития православной церкви в Черногории, имевшей огромное значение в формировании национального самосознания черногорского народа, а также показать роль отдельных выдающихся деятелей в данном процессе.

В этом труде Ирина Степановна также обратилась к вопросу о роли православной церкви в Воеводине, имевшей свою, отличную от Сербии, историческую судьбу, так как Воеводина входила в состав сначала Австрии, а затем Австро-Венгрии. При этом, замечает автор, «сколько-нибудь значительной германизации или мадьяризации сербов не наблюдалось. Оберегателем религиозного единства, а поэтому и национальной общности выступило православное духовенство, что в значительной мере поддерживало его высокий авторитет»⁶⁰.

В этой работе Ирина Степановна вновь подчеркивает значение Первого сербского восстания в процессе складывания сербской нации и национального самосознания. При этом она специально останавливается на участии ряда национальных церковных деятелей в самом восстании и создании государственной организации Сербии (М. Ненадович, М. Никшич). Не без влияния некоторых представителей высшего клира Воеводины и Черногории основание независимого «славяно-сербского» государства стало политической программой Первого сербского восстания, осуществить которую надеялись с помощью России⁶¹.

В 1997 г. появился еще один труд с участием Ирины Степановны – «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв.»

Перу Ирины Степановны в нем принадлежат 2 раздела: «Сербы и черногорцы в борьбе за национальное освобождение» и «Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.)». В них она кратко изложила историю Сербии и Черногории в указанный период, выделив ключевые проблемы. Наряду с этим здесь представлен весьма впечатляющий исторический портрет, на этот раз не русского

государственного деятеля, не просветителя-демократа, не дипломата и не революционера. «Героем» Ирины Степановны стал уже не раз упоминавшийся в ее трудах Милош Обренович, вождь Второго сербского восстания, «сильная фигура в сербской истории», человек противоречивый, а с моральной точки зрения – «отвратительный». И, тем не менее, пишет автор, при нем «престиж и влияние автономного Сербского княжества постепенно распространялись. Притягательный центр сербского освободительного движения в 1830-е гг. фактически определился»⁶².

Отличительной чертой Ирины Степановны как ученого является, на мой взгляд, то, что в своих исследованиях она очень уверенно и смело «шагает» по столетиям. Вот только что пребывала в Сербии и Черногории накануне Крымской войны, а теперь приглашает нас, своих читателей, в Средневековье. В данном случае речь идет о коллективном институтском труде «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» (Ч.1. М., 1998; Ч.2. М., 2001). В дружный коллектив медиевистов Ирина Степановна была приглашена как специалист по международным отношениям на Балканах в указанный период. Разумеется, историография, проблемы и сюжеты данной темы ей были хорошо известны – еще со времени работы над «Историей Югославии». На этот раз задача заключалась в том, чтобы обобщить имеющийся в ее распоряжении материал и сделать необходимые выводы, с чем она прекрасно справилась, впрочем, как всегда. В разделах, написанных Ириной Степановной, затронут целый комплекс вопросов: балканские народы в составе Османской империи; политика европейских государств в этом регионе; балканские народы и Россия; освободительное движение на Балканах. Один из главных выводов, сделанных исследовательницей, гласит: «Исламизация и колонизация балканских земель мусульманами все же не изменила существенно конфессиональной принадлежности и демографии большей части полуострова, однако создала слой населения, духовно привязанный к Османской империи, рассчитывавший на ее защиту. Это, несомненно, разобщало национальные общности, затрудняло контакты между ними, что препятствовало развитию освободительного движения. С другой стороны, курс, направленный на притеснение таких общественных слоев как духовенство, феодалы-

христиане, привилегированная райя, стимулировал борьбу за освобождение от власти султана»⁶³. Автором также был отмечен ряд особенностей в отношении Порты к своим подданным, указаны различия в положении отдельных областей и районов Балкан, находившихся под властью османов.

Говоря об антиосманском освободительном движении балканских народов в XVII в. и его основных формах, Ирина Степановна приводит немало ценных фактов, особенно об участии греков и южных славян в войнах с Турцией Австрии и Венецианской республики. Материал, представленный автором, свидетельствует также о том, что с началом соперничества в борьбе за политическое влияние на Балканах между Россией и Австрией повысилась роль балканских народов в общем комплексе международных отношений в Юго-Восточной Европе. При этом Россия опиралась на религиозную общность, этническую и языковую близость с народами Балкан, а Австрия использовала географический фактор, экономические связи, наличие в самой империи районов с компактными поселениями сербов⁶⁴.

В XXI век Ирина Степановна вступила вместе со всем народом, Институтом и «родным» отделом, не потеряв интереса к науке. За прошедшие годы ею опубликовано несколько статей, в том числе в сборнике «Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804-1813 гг.» (М., 2005); написано несколько пока еще не изданных исторических портретов (Вука Караджича, Милоша Обреновича) и часть научно-популярной «Истории Сербии», охватывающей период с раннего Средневековья до середины XIX в. Кроме того, вместе с автором данной статьи она завершает монографию «Россия и Балканы (XVIII в. – 1918 г.) в отечественной историографии». Думается, что Ирина Степановна – живой классик советской и российской балканистики, как никто другой, может профессионально и объективно оценить вклад своих коллег, ныне живущих и уже ушедших от нас, в эту область исторического знания. А возможно, она напишет еще одну (или не одну) работу, напишет по-новому, и эта работа, безусловно, будет так же познавательна, всеобъемлюща, неисчерпаема и фундаментальна, как и ее прежние труды, о которых я постаралась рассказать в своей статье.

* * *

Шесть десятилетий отдала служению науке Ирина Степановна Достян. Вся ее творческая жизнь прошла в Институте – начиная с 30 декабря 1948 г. Наряду с этим в разные годы она являлась членом Ученого и Диссертационного советов, возглавляла профком Института, была членом партбюро и никогда не уклонялась от участия в институтской общественной жизни. В моем личном фотоархиве хранится чудесный снимок: Ирина Степановна в начале 1980-х гг. сосредоточенно наводит порядок в секторе на Ленинградском проспекте во время коммунистического субботника. Кстати, очень часто именно после таких субботников мы и отмечали день ее рождения – 21 апреля.

Ирина Степановна всегда работала и работает до сих пор методично, даже педантично, без суэты и поспешности, но увлеченно. Она – настоящий ученый, и поэтому ее труды не подвержены конъюнктуре, ей не нужно было перестраиваться. На всех работах Ирины Степановны незримо присутствует знак высокого качества. Фамилия Достян, предварявшая публикацию статьи, монографии, раздела в коллективном труде или рецензии, означала, что читателью предлагается не очередной заумный опус и не научообразная «скороспелка», а основательная, интересная работа, результат кропотливого труда.

Ирина Степановна всегда очень внимательно относилась к коллегам – своими советами, рекомендациями она очень помогала им в работе, а также публиковала рецензии на их труды: на монографии Г.Л. Арша, В.И. Шеремета, молдавского историка Г.С. Гросул, болгарских ученых С. Димитрова и К. Манчева, академика Н. Тодорова, на ряд томов издания «ВПР», несколько коллективных трудов коллег из Института отечественной истории РАН и др.

Ирина Степановна в разные годы достойно представляла отечественную науку за рубежом. Ее статьи публиковались в солидных научных изданиях бывшей Югославии, Румынии, Болгарии, Австрии, Греции. В этих странах, а также в Турции она выступала с докладами на различных научных форумах.

Особая тема – «И.С. Достян и молодежь». У моей «героинии» было немного официальных учеников-аспирантов (в их числе – директор нашего Института К.В. Никифоров), однако она стала Учителем, На-

ставником для большинства ее последователей. Она рецензировала практически все работы, подготавливаемые в секторе (отделе), участвовала в их обсуждении, высказывая в деликатной форме свои ценные замечания, оппонировала на защите диссертаций. Кроме того, она выступила в качестве ответственного редактора монографий молодых ученых – Ю.П. Аншакова и О.В. Хавановой, теперь уже докторов наук. Так что ее вклад в отечественную науку не исчерпывается лишь первоклассными трудами, он значительно шире.

* * *

Дополнительные штрихи к портрету

Блиц-опрос

Вопрос второй:

Что вы можете сказать о Ирине Степановне Достян?

Г.Л. Арш

Я знаю Ирину Степановну более 50 лет и отношусь к ней с большим уважением. В 1959 г. я защищал кандидатскую диссертацию по близкой ей, родственной теме – история Албании конца XVIII в., и когда встал вопрос об оппонировании, Ирина Степановна без колебаний согласилась выступить в качестве официального оппонента на моей защите.

И.В. Чуркина

Ирина Степановна – большой, серьезный ученый. Она много сделала для изучения средневековой и новой истории Сербии и других балканских стран. Без ее трудов нельзя себе представить славяноведение и балканистику. Но Ирина Степановна для всех нас является светлым примером не только в научном, но и в человеческом плане. Она честный, порядочный человек, благожелательный по отношению к людям.

К.В. Никифоров

Я – ученик Ирины Степановны и отношусь к ней с большим пietetом. То, что я остался сербистом и вообще в Институте, – ее заслуга. Заведующий сектором новой истории балканских народов Ю.А. Писарев хотел перевести меня на историю Албании, но Ирина Степа-

новна заступилась за меня и взяла к себе в аспиранты. И позднее, в решающие моменты, она всегда была рядом и поддерживала меня. Мне кажется, что у нее нет отрицательных черт, хотя, понимаю, так не бывает.

А.В. Карасев

Я всегда относился и отношусь к Ирине Степановне с глубочайшим уважением. Она всей своей жизнью и научной работой является пример искреннего служения науке и своему отечеству. Будучи армянкой по рождению, она нашла свою вторую родину в России. Человек исключительно доброжелательный, всегда готовый прийти на помощь своим коллегам, Ирина Степановна прошла через многие испытания, но сохранила присущие ей оптимистическое отношение к жизни и веру в добро.

И.Ф. Макарова

Ирина Степановна для меня – эталон человечности и порядочности. Вспоминаешь ее, и светлеет-теплеет на душе.

О.В. Соколовская

Ирина Степановна – настоящий ученый, а также обаятельный, изумительный, интеллигентный человек. Она очень меня поддержала при подготовке докторской диссертации, а также помогла ценными советами, когда тяжело заболела моя мама.

Ю.П. Анишаков

Хотя Ирина Степановна никогда не была моим научным руководителем, я считаю ее своим Учителем. Она всегда помогала мне в моей научной работе советами и материалами. Она была редактором моей монографии. Я бывал у нее дома, где меня гостеприимно принимали сама Ирина Степановна и ее замечательная мама Екатерина Морисовна.

П.А. Искендеров

Ирина Степановна – интеллигентный, добрый человек и одновременно строгий и принципиальный. Она всегда вдохновляла меня личным примером – своим ответственным отношением к работе и научной плодовитостью.

В.И. Косик

Ирина Степановна – изумительный человек. Я никогда не забуду ее доброту, которую она, в частности, проявила при обсуждении одной из первых моих статей.

О.В. Медведева

Для меня Институт славяноведения ассоциируется с именем Ирины Степановны. Меня всегда восхищали ее творческая активность, а также умение по-новому посмотреть на те вопросы, которыми она раньше уже занималась.

М.М. Фролова

Ирина Степановна – удивительный человек, очень интеллигентный, уважающий личность своего собеседника, кем бы он ни был, – аспирантом, молодым сотрудником или маститым ученым. У Ирины Степановны – врожденный такт: она всегда указывала на ошибки и неточности в работах своих коллег очень тактично и деликатно и никогда не ставила под сомнение их научную значимость, даже в отношении начинающих исследователей.

А.Л. Шемякин

Когда я познакомился с Ириной Степановной, она произвела на меня огромное впечатление. Милая, умная, красивая, добрая, справедливая женщина, всегда готовая помочь и щедро поделиться своими идеями. Я видел очень мало ученых с такой доброжелательной позицией по отношению к молодым.

В.М. Хевролина

Я глубоко уважаю Ирину Степановну как прекрасного человека и ученого, всю свою жизнь посвятившего науке. Ко мне она всегда относилась с большим участием и во многом помогала. Я считаю Ирину Степановну одним из выдающихся представителей современной славистики и балканистики. У нее есть в науке последователи, и фактически она является зачинателем школы российских исследователей по проблемам балканистики и особенно сербистики.

Е.Ю. Гуськова

Когда начинающий ученый разговаривает с классиком науки, его всегда охватывает чувство неловкости и страха от своей никчемности, незначительности. Но в случае с Ириной Степановной я быстро поняла, что она очень легкий в общении человек, добрый, отзывчивый, мудрый и искренний.

Е.П. Кудрявцева

Ирина Степановна была оппонентом на моей первой, кандидатской, защите. Откровенно говоря, в то время я, знакомая только с ее работами, ее побаивалась. Но она отнеслась и ко мне, и к моей диссертации очень доброжелательно, и я горжусь этим.

Г.Я. Ильина

Кроме огромного уважения к научной работе Ирины Степановны – а мы, литературоведы, с большим вниманием относимся к историческим исследованиям, чем историки к литературоведческим, – я помню и нашу совместную с Ириной Степановной деятельность в профкоме Института. Это были 80-е годы прошлого века и прошлой эпохи. Нам приходилось с ней работать под началом друг друга, сменяясь на посту председателя профкома и оставаясь членами этого, в те времена почитаемого, общественного органа. По научным работам Ирины Степановны я знала о ее объективности, толерантности к другим мнениям, деликатности в научных дискуссиях. Эти же качества отличали ее и как человека не только в личном общении с людьми, но и на посту общественного руководителя. Теплота в отношении к коллегам, забота о них и оказание максимально возможной помощи привлекали к ней самых разных людей. Она вызывала их доверие. Это, пожалуй, и было главным – доверие людей.

Т.И. Чепелевская

Встречи с Ириной Степановной, которые обычно происходили в Институте во время присутственных дней, всегда вызывали у меня какие-то особые, радостные ощущения. Ее доброжелательность, интеллигентность, постоянная готовность ответить на любой вопрос, касающийся истории, дать любую консультацию мне, начинающему научному сотруднику, всякий раз поражали меня. От коллег по Институту я знала, что Ирина Степановна – большой ученый, автор замечательных научных трудов, с некоторыми из которых я тоже была

знакома. Но я, прежде всего, видела перед собой удивительную, красивую, обаятельную, всегда с лучезарной улыбкой, очень добрую женщину.

С.М. Фалькович

*Ирина Степанна! Родной человек!
Вы в наших сердцах поселились навек.
Достоинство, скромность, родник доброты –
Вот Ваши приметы, вот Ваши черты!
Вы тихой походкой в науку вошли,
Но твердость и честность в нее принесли.
Ваш вклад неспроста высоко оценён,
Он нужен ученым, востребован он.
Так пусть Ваш прекрасный по жизни полет
Нас радует всех не один еще год!*

* * *

Вклад Ирины Степановны Достян в отечественную историческую науку бесспорен и признан в нашей стране и за рубежом. О ее трудах очень высоко отзывались: югославские историки – академики В. Чубрилович, Сл. Гаврилович и М. Екмечич; болгарский коллега, академик Н. Тодоров, американские балканисты Б.и Ч. Елавичи и многие другие. Но как бы важны и интересны ни были труды Ирины Степановны, они не могут в полной мере обозначить ее роль в развитии славяноведения и балканстики. Ее эрудиция, широкий кругозор, в высшей степени добросовестное отношение к избранной еще в юности специальности, истинная интеллигентность, принципиальность, житейская мудрость и необычайная душевность всегда притягивали к Ирине Степановне людей, представителей разных поколений.

Возможно не все в жизни Ирины Степановны получилось соразмерно ее таланту и знаниям. Это объяснимо, если вспомнить время, в котором прошла большая часть ее жизни. Однако бесспорно одно: ее труды – это гордость нашей исторической науки, ее вклад в мировую славистику и балканстику.

У Ирины Степановны очень много достоинств и заслуг. Но главная ее «заслуга» в том, что она до сих пор с нами!

* * *

Блиц-опрос

Вопрос третий:

Что бы вы хотели пожелать Ирине Степановне Достян в связи с ее юбилеем?

Г.Л. Арш

Здоровья и успехов, оптимизма, уверенности в будущем, побольше сил для претворения в жизнь новых творческих замыслов.

И.В. Чуркина

Доброго здоровья, хорошего настроения, а еще продолжить, по мере сил, трудиться на благо науки.

К.В. Никифоров

Здоровья, внутренней гармонии, душевного спокойствия, чтобы Ирина Степановна не расстраивалась по пустякам, меньше ощущала одиночество, и чтобы каждый прожитый день приносил ей хотя бы маленькую радость.

А.В. Карасев

Желаю дорогой Ирине Степановне здоровья, жизнелюбия и новых творческих радостей.

И.Ф. Макарова

Здоровья и бодрости духа.

О.В. Соколовская

Хочу пожелать Ирине Степановне здоровья и оптимизма.

Ю.П. Аншаков

Здоровья и крепости духа.

П.А. Искендеров

Я желаю Ирине Степановне в добром здравии дожить до следующего круглого юбилея.

В.И. Косик

Здоровья, бодрости и хорошего настроения.

О.В. Медведева

Прежде всего, крепкого здоровья, а еще завершить тот труд, над которым она сейчас работает.

М.М. Фролова

Только здоровья и продолжения научного творчества.

А.Л. Шемякин

Ирине Степановне желаю кавказского долголетия, а себе и всем нам – как можно дольше оставаться ее современниками, чтобы она радowała нас еще много-много лет.

Г.Я. Ильина

А я очень хочу еще увидеть Ирину Степановну в Институте, обнять ее и поцеловать.

Е.Ю. Гуськова

Желаю дорогой Ирине Степановне душевного равновесия, спокойствия, отсутствия желания подводить итоги жизни и задумать и написать еще много работ.

Е.П. Курявицева

Здоровья и творческого долголетия.

В.М. Хевролина

Хочется пожелать Ирине Степановне доброго здоровья, заботы, любви и внимания со стороны родственников, друзей и коллег; а еще, чтобы она продолжала трудиться и своими советами помогала своим последователям.

Т.И. Чепелевская

Я хочу пожелать Ирине Степановне новых работ, новых научных открытий и чувства радости от сознания того, что они очень нужны нашей славистике и балканistique.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бирман М.А. О В.И. Пичете и «пичетнике» (К истории создания Института славяноведения) // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 26.

- ² Достян И.С. У истоков // Как это было... С. 28.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 180.
- ⁵ Там же. С. 204.
- ⁶ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в. М., 1958. С. 32.
- ⁷ Там же. С. 167-168.
- ⁸ Там же. С. 168.
- ⁹ Там же. С. 169.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 140.
- ¹² Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 333-334.
- ¹³ См.: Киятина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963; Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX в. Л., 1956.
- ¹⁴ Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С. 335.
- ¹⁵ Там же. С. 335-336.
- ¹⁶ Там же. С. 336.
- ¹⁷ Там же. С. 337-338.
- ¹⁸ Этому же вопросу посвящена и специальная статья И.С. Достян «Россия и проблема государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в.» // *Etudes balkaniques*. Sofia. 1976. № 3.
- ¹⁹ Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С. 338.
- ²⁰ Стенограмма защиты докторской диссертации И.С. Достян. С. 73.
- ²¹ Там же. С. 80.
- ²² Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 3.
- ²³ Там же. С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Там же. С. 117.
- ²⁶ Там же. С. 160.
- ²⁷ Там же. С. 42-43.
- ²⁸ Там же. С. 63.
- ²⁹ Там же. С. 67-68.
- ³⁰ Там же. С. 180.
- ³¹ Там же. С. 102.
- ³² Там же. С. 267.
- ³³ Там же. С. 239.
- ³⁴ Сыроечковский Б.Е. Баланская проблема в политических планах декабристов. // Очерки по истории движения декабристов. М., 1954. С. 219-228.

- ³⁵ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 345-346, 464.
- ³⁶ Достян И.С. Русская общественная мысль... С. 246.
- ³⁷ Там же. С. 251, 252.
- ³⁸ Там же. С. 301.
- ³⁹ Там же. С. 313.
- ⁴⁰ Там же. С. 314.
- ⁴¹ Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М., 1983. С. 61.
- ⁴² Там же. С. 80.
- ⁴³ Там же. С. 82.
- ⁴⁴ Там же. С. 90.
- ⁴⁵ Там же. С. 95.
- ⁴⁶ Там же. С. 234.
- ⁴⁷ Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 114.
- ⁴⁸ Там же. С. 121.
- ⁴⁹ Там же. С. 122.
- ⁵⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел. Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. Серия I. 1801-1815. М., 1960-1972. Т. 1-8; серия II. 1815-1830. М., 1974-1985. Т. 1-6.
- ⁵¹ См. также статью И.С. Достян «Политика России в восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука» // Славянские народы: общность истории и культуры. Сб. статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова. М., 2000.
- ⁵² Достян И.С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса // Советское славяноведение. 1991. №2. С. 3.
- ⁵³ Там же. С. 5.
- ⁵⁴ Там же. С. 7.
- ⁵⁵ Там же. С. 15.
- ⁵⁶ Александр I, Наполеон и Балканы. // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18. С. 236.
- ⁵⁷ Достян И.С. Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI – XVIII вв. // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17.
- ⁵⁸ Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 152.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 161.
- ⁶¹ Там же. С. 169.
- ⁶² На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 91.
- ⁶³ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 245.
- ⁶⁴ Там же. М., 2001. Ч. 2. С. 374.

K.B. Никифоров

ТРИ МОНОГРАФИИ И.С. ДОСТЯН

За время своей долгой и плодотворной научной деятельности Ирина Степановна Достян написала сотни научных статей, разделов в обобщающие труды, рецензий, активно занималась публикацией архивных документов, научным редактированием. До сих пор многие студенты начинают постигать историю сербского народа, знакомясь с разделами, написанными И.С. Достян еще в конце 50-х – начале 60-х годов для 13-томной академической «Всемирной истории» и 2-томной «Истории Югославии». Все эти работы не только весьма содержательны, но и являются почти эталонными с точки зрения выработанного в советское время классического академического научного языка. Стиль ее работ, возможно, несколько сдержанний, но очень продуманный, звезденый, логичный.

И все же современный монографический этап развития исторической науки привел к тому, что историка характеризуют прежде всего написанные им индивидуальные монографии. Тем более что часто это бывают опубликованные кандидатская и докторская диссертации, над которыми любой ученый работает особенно усердно. Книги живут много дольше статей, они рассчитаны на более широкую читательскую аудиторию, между тем как большинство статей привлекают внимание лишь узких специалистов.

В то же время в тот период, на который во многом пришелся расцвет творческой активности И.С. Достян, издавать книги было крайне сложно. Кроме цензурных запретов, существовал бумажный лимит, выделяемый каждому научному институту, и автору или коллективу авторов приходилось ждать своей очереди для публикации даже утвержденной работы. Так или иначе, но у И.С. Достян индивидуальных научных монографий оказалось три – «Борьба сербского народа против турецкого ига», «Россия и балканский вопрос» и «Русская общественная мысль и балканские народы»¹. Первые две книги были отражением ее диссертационных изысканий, третья монография уже непосредственной связи с

диссертацией не имела. Все три монографии вышли под грифом Института славяноведения (или Института славяноведения и балканистики) в главном академическом издательстве страны.

И хотя с монографиями И.С. Достян мы имеем как раз тот случай, когда они далеко не исчерпывают всего сделанного ученым для развития отечественной исторической науки, все-таки можно попробовать оценить их с высоты сегодняшнего дня, напомнить о них молодому поколению историков. Кстати сказать, сама Ирина Степановна для готовившегося биобиблиографического словаря сотрудников Института славяноведения скромно указала именно эти три свои монографии.

Первая монография И.С. Достян «Борьба сербского народа против турецкого ига» вышла из печати в далеком уже 1958 г. Эта книга стоит несколько особняком от двух других более поздних монографий. Во-первых, она посвящена преимущественно внутренней сербской истории, в отличие от российско-балканской тематики последующих. И во-вторых, сразу же бросается в глаза обширный, в несколько веков (с XV в. и до начала Первого сербского восстания в 1804 г.) хронологический охват исследования. Для современного исследователя это совсем не характерно, а для молодого автора, не обладающего еще достаточным научным багажом, – необычно вдвойне. Второй особенностью работы была чрезвычайно малая исследованность выбранной темы в отечественной историографии (как дореволюционной, так и советской). Заметим, что и до сих пор период нахождения Сербии под турецкой властью остается наименее изученным, количество работ по этой проблематике в разы меньше, чем по периоду Неманичей и, тем более, возрождения сербской государственности.

История сербов под турецким игом – совершенно особый период истории этого народа, наложивший отпечаток на многие будущие процессы в сербском обществе. Так, И.С. Достян отмечает процесс складывания неполной социальной структуры сербского общества – весьма актуальной сегодня темы исторической сербистики. Она подчеркивает, что с началом турецкого господства шел процесс постепенного вытеснения феодалов-христиан из рядов господствующего класса и уже «в XVI – XVII вв. подавляющее большинство сербов-спахиев перешло в ислам или потеряло свои владения». Одновременно «большинство князей и воевод потеряло свои тимары, свободные баштины». Вместе с тем

органы местного самоуправления не исчезли. Наоборот они получали, по-видимому, все большее распространение².

Оставшиеся крестьянские массы стали главной силой освободительного движения. Причем, по мнению автора, «освободительное движение в сербских землях появлялось в двух основных формах: в гайдуцком движении или партизанской борьбе народа и в восстаниях населения против турецкого владычества». Первая форма преобладала, а восстания вспыхивали обычно во время войн, которые вели с Османской империей европейские государства³. В этом и была специфика освободительного движения сербов, оно было связано с войнами и «часто находилось во взаимодействии с военными операциями на Балканском полуострове, в Венгрии, Трансильвании и Дунайских княжествах»⁴.

Огромную роль в истории сербов сыграло их Великое переселение в конце XVII в. после поражения Австрии в войне с Турцией. С одной стороны, границы сербской народности расширились на север, с другой – запустил ряд районов южной и юго-западной Сербии, особенно Косово и Метохия, куда Порта переселяла албанцев-мусульман⁵. Причем, что немаловажно, с сербским патриархом Арсением бежали наиболее состоятельные и влиятельные сербы, и это в значительной степени обусловило быстрый подъем в XVIII в. ремесла и торговли в южных областях Венгрии⁶. Но и позже, век спустя, население не только Южной Венгрии, но и самого Белградского пашалыка «росло главным образом за счет иммигрантов из южных районов Сербии, Черногории, Герцеговины и отчасти Боснии, где в то время были более тяжелые условия существования»⁷.

С XVI в. и на долгие годы основой международных противоречий в Юго-Восточной Европе стала австро-турецкая борьба⁸. Естественно, что именно на Австрию обращали тогда свои взоры сербские повстанцы. Но уже в конце XVI – XVII вв. православное духовенство Сербии стало все чаще посещать Россию, чтобы просить помощь для сербских церквей и монастырей. Именно в это время Россия начала все активнее противостоять турецко-татарской агрессии на своих южных границах, а борьба за выход к Чёрному морю приобрела большое значение в ее внешней политике. Связи московского правительства и патриаршества с сербским духовенством постепенно приобретали политический характер⁹. А в кон-

це XVII в. Россия начинает и на международной арене выступать «как защитница интересов православных балканских народов»¹⁰.

С начала XVIII в. освободительное движение сербов ориентировалось уже не только на борьбу Австрии и ее союзников с Турцией, но и на русско-турецкие войны. Несмотря на соперничество, Россия и Австрия в то время вели совместные войны с Турцией, в которых каждая преследовала, разумеется, свои цели. Причем, русское правительство пыталось бороться с турками способами, уже испытанными Габсбургами, – составной частью плана военных действий являлись восстания и диверсии местного христианского населения в турецком тылу. Наконец, с середины XVIII в. ведущая роль в борьбе с Турцией переходит к России¹¹.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. «поставила в международной жизни Европы так называемый Восточный вопрос – вопрос о разделе турецких владений в Европе, Азии, Африке»¹². Однако интересно, что еще перед австро-турецкой войной 1737-1739 гг., надолго установившей границы между двумя государствами, у христианских подданных султана возникла идея создания автономного балканского государства под протекторатом Австрии в составе Боснии, Сербии, Македонии и Албании. Это было одним из первых проектов переустройства европейских владений Турции¹³. Позже, в конце XVIII – начале XIX вв., эти идеи окрепли, появился, в частности, проект создания на Балканах самостоятельного «Славяно-Сербского государства»¹⁴.

Наряду с внешней ориентацией постепенно изменялась и география сербского освободительного движения. Если раньше восстания против турок вспыхивали в основном в населенных сербами землях на север от Дуная и Савы, или в южной и юго-западной Сербии – некогда центре независимого Сербского государства, то теперь действия повстанцев и четников сосредотачивались прежде всего в Шумадии и Валевской нахии¹⁵. Именно там разразилось и Первое сербское восстание – апогей национально-освободительного движения сербов.

Переносу повстанческой активности в эти земли способствовала их сравнительно слабая колонизация турками, которая еще более ослабла после 20-летней австрийской оккупации северной Сербии. В результате во второй половине XVIII в. в Белградском пашалыке почти отсутствовали поселения турецких крестьян и села со смешанным национальным составом. Турки жили в городах и сторожевых укреплениях (паланках),

сербы – в селах. Кроме того, эти земли примыкали к сербским террииториям под властью Габсбургов, где во второй половине XVIII в. развились просветительское дело, идеологом которого явился Д.Обрадович¹⁶.

В целом И.С. Достян делит борьбу сербского народа за свое освобождение на два больших периода, важным рубежом между которыми явился конец XVIII в. До этого времени цели восставших сводились большей частью к смене турецкого владычества господством какой-либо другой державы, после – сербский народ боролся уже за свои собственные национальные интересы. Первоначально приоритет в руководстве принадлежал старейшинам, другим влиятельным лицам и духовенству, затем – зажиточным селянам и торговцам, особенно занимавшимся торговлей скотом с Австрией. Раньше антитурецкие выступления возникали обычно во время войн европейских государств с Турцией, однако восстание 1804 г. в Белградском пашалыке вспыхнуло, несмотря на неблагоприятную внешнеполитическую обстановку¹⁷.

Такова краткая схема развития сербского освободительного движения, изложенная в первом большом труде И.С. Достян. Удивительно, но и через 50 с лишним лет, прошедших после выхода книги в свет, она осталась добротным академическим исследованием.

* * *

В отличие от первой книги, охватывающей период в несколько веков, вторая монография И.С. Достян «Россия и балканский вопрос» ограничивается периодом в несколько десятилетий – в основном первой третью XIX в. Причем, «в исследовательском плане» рассматривается еще меньший период – от Бухарестского мира 1812 г. до Адрианопольского трактата 1829 г. Предшествующий же период конца XVIII – начала XIX вв. носит «обзорный характер»¹⁸. В то же время проблематика этой монографии охватывает весь балканский регион, затрагивает отношения России со всеми балканскими народами и их тогдашним сузереном – Турецкой империей. Фактически в послевоенной отечественной историографии Достян оказалась одним из первых отечественных балканистов широкого профиля.

Вынесенный в заглавие книги балканский вопрос трактуется автором как неизменная «составная часть Восточного вопроса», как «проблема ос-

вобождения от власти Турции порабощенных ею в XIV – XV вв. европейских народов – греков, южных славян, молдаван и валахов, албанцев, как задача воссоздания в Юго-Восточной Европе национальных государств, противопоставленная возможности раздела турецких владений в Европе между великими державами»¹⁹. Помимо активной политики России в отношении Турции, главными событиями на Балканах в этот период были «национально-освободительные революции в Греции и Сербии»²⁰. Все это и рассматривается во второй монографии И.С. Достян.

Книга начинается с весьма содержательного Введения. Оно состоит из двух частей – о роли России на Балканах и о национальном движении балканских народов в рассматриваемый период. Делается предварительный вывод о том, что «Россия в силу ее географического положения, экономических, внутриполитических и стратегических интересов вела наиболее активную политику в отношении Турции», тогда как «европейские кабинеты рассматривали обычно Турцию как «барьер» против экономического и политического проникновения России на Балканы и в Средиземноморье и поэтому в большинстве случаев активно противостояли распаду одряхлевшей Османской империи и основанию независимых государств в Юго-Восточной Европе»²¹.

В первой главе автором сформулированы определенные вехи российской балканской политики с конца XVIII в. и до Отечественной войны 1812 г. Переломным моментом в этой политике, по ее мнению, явился Тильзитский мир 1807 г. Царское правительство в это время не было заинтересовано в разделе Османской империи, не было оно и поборником основания на Балканах большого славянского либо греческого государства. Об этом велись лишь кабинетные разговоры. Однако, получив огласку, некоторые из этих противоречивых проектов стали поводом для «складывания ошибочных, стереотипных представлений о задачах политики России в отношении Турции и балканских народов»²².

Одновременно у балканских народов с начала XIX в. тоже произошли заметные изменения. Их освободительное движение «приобретает новые формы, новый характер и цели. Восстания против турецкой власти возникают в это время самостоятельно, не обязательно в связи с внешнеполитической ситуацией ... , и даже сами начинают оказывать более или менее сильное влияние на международные отношения в этом регионе Европы». Причем, национально-освободительное движение на

Балканах развивалось неодновременно, в различных формах, с разной интенсивностью²³.

Еще в 1796 г. Черногория первой фактически освободилась от иноzemного владычества. Но в силу отсталости и окраинного положения «она не смогла превратиться в оплот борьбы за создание сербского независимого государства. Ядром этого государства суждено было стать той территории, где еще три с половиной века назад окончила свое существование Сербская деспотовина. Это был Белградский пашалык, объединивший северную часть сербских земель...». Другим центром национально-освободительного движения была Греция. Наряду с созданием автономного Сербского княжества другим важнейшим событием борьбы балканских народов было создание независимого греческого государства. Наконец, особым было положение Дунайских княжеств, которые пользовались внутренней самостоятельностью, сохранили национальный господствующий класс (боярство) и управлялись назначаемыми Портой господарями, или князьями. Но и они не могли нормально развиваться²⁴.

Автор делает вывод, что, несмотря на все эти особенности, в этот период в различных формах, с большей или меньшей конкретизацией, но в большинстве случаев все балканские народы преследовали цель создания независимых от Турции государств. Дело в том, что на Балканах развивался процесс формирования самостоятельных наций. «В первых десятилетиях XIX в. развитие этого процесса ускорилось, что создало условия для складывания ряда национальных государств»²⁵. Реальным же результатом русской политики этого периода стал Бухарестский мир 1812 г., статьи V и VIII которого «о Дунайских княжествах и Сербии оставляли царскому правительству возможность для дальнейшего давления на султанское правительство с целью заставить его пойти на более значительные уступки в отношении этих областей»²⁶.

В целом позиция России по отношению к балканским народам базировалась на трех международных договорах – Кючук-Кайнарджийском, Яссском и Бухарестском. Соответственно им «Россия получала право защищать религиозные интересы, а в более широком толковании – покровительствовать всем православным подданным султана; гарантировать предоставление сербам прав внутренней автономии и их выполнение Портой; непосредственно вмешиваться во внутренние дела Молдавии

и Валахии, ограничивая власть в них Турции как державы-сюзерена». Существовали также территории, «не входившие формально или фактически в состав Османской империи». Таковыми были соответственно Ионические острова и Черногория. И здесь Россия была вынуждена «особенно считаться с правами и интересами других держав – Великобритании и Австрии»²⁷.

Следующие девять лет от Бухарестского мира и до начала греческого восстания 1821 г. были временем, когда «постепенно созревали основные черты русско-турецких противоречий в Юго-Восточной Европе, особенно остро проявившихся после начала Восточного кризиса 20-х годов»²⁸. Этому периоду посвящена вторая глава книги И.С. Достян «Россия и балканский вопрос».

Уже в период подготовки и во время проведения Венского конгресса западные державы «сплоченно и активно» противостояли «любой попытке со стороны России укрепить в результате мирного урегулирования в Европе свои позиции на Балканах и Ближнем Востоке или добиться каких-либо перемен в общественно-политическом статусе турецких подданных – христиан»²⁹.

Неудачные попытки использовать Венский конгресс из-за «сговора Великобритании, Австрии и Франции» привели к тому, что Россия стала отвергать «всякое посредничество этих держав в урегулировании русско-турецких разногласий. Этот принцип по существу лег в основу дальнейшей политики России в отношении ее южных соседей – Турции и Персии – и последовательно проводился на протяжении следующих лет»³⁰. Одновременно Александр I стал инициатором торжественной декларации христианских монархов, послужившей началом создания Священного союза. Религиозная оболочка Священного союза «исключала возможность присоединения к нему султана», что «имело следствием еще большую изоляцию Турции, ее отрыв от общеевропейской международной системы». Однако провозглашенный принцип легитимизма и консерватизма как основы международных отношений не мог не сковывать активности России в Восточном вопросе. Это повлияло на политику России в отношении Турции и балканских народов на протяжении 1816–1820 гг. и особенно после начала восстания 1821 г. в Греции³¹.

Третья глава книги рассматривает балкансскую политику России в период Восточного кризиса 20-х годов XIX в. Этот кризис (включая и

политику России в отношении Турции и балканских народов) на протяжении девяти лет «прошел ряд этапов в своем развитии», «оказал сильное влияние на общий облик международных отношений в Европе», «усилил противоречия союзных держав и способствовал развалу Священного союза»³².

Как и вторую главу этой монографии, третью главу предваряет содержательный историографический обзор. В этом, кстати, одна из особенностей второй книги И.С. Достян – с историографического очерка начинается не весь труд, как это обычно принято, а каждая из двух исследовательских глав.

В первые месяцы после начала греческого восстания «царское правительство выступало инициатором кардинального решения Восточного вопроса в случае поражения Турции». Но, когда обнаружилось, что ни одна из великих держав Россию не поддерживает, «правительство Александра I предпочло вернуться на проторенную дорогу и добиваться предоставления Портой греческим областям автономных прав»³³. Все это основывалось на долгом опыте борьбы царского правительства за предоставление отдельным провинциям, составлявшим Европейскую Турцию, внутренней самостоятельности при сохранении верховной власти султана. «Такой путь по существу подрывал государственное единство Османской империи, но сохранял видимый статус-кво в Восточной Европе, нарушению которого так активно противостояли все западные державы»³⁴.

В конце правления Александра I русская политика в Восточном вопросе «стала более твердой и самостоятельной». Такой курс продолжил и Николай I, правительство которого подписало Петербургский протокол и Аккерманскую конвенцию, но ему «предстояло решить еще более трудную задачу: добиться осуществления на практике условий этих соглашений Портой»³⁵. Фактический отказ турецкого правительства от этих соглашений, в частности от примирения с греками, сделал неизбежной новую русско-турецкую войну. Однако каковы бы ни были русские заветные мечты, «целью предстоящей войны не было сокрушение Османского государства». В то же время в России ожидали его распад в силу «внутренних причин». «Такой оборот событий снял бы с царского правительства ответственность за попранье принципов легитимизма и консерватизма, за нарушение «равновесия сил» в Европе»³⁶.

Как известно, русско-турецкая война 1828-1829 гг. завершилась взятием русскими войсками второй турецкой столицы – Адрианополя – и подписанием Адрианопольского мира осенью 1829 г. С этого времени и до Крымской войны Россия фактически стремилась к поддержанию Османской империи. И.С. Достян делает вывод, что не только в 30-е, но и в 20-е годы XIX в. «царское правительство не стремилось доводить дело до распада Турции, предпочитало урегулировать русско-турецкие разногласия дипломатическим путем и решилось на войну только тогда, когда не было иного выхода»³⁷.

Таким образом, после этой войны «не произошло перемен в принципах политики России в отношении Турции, но изменились ее методы». Необходимо было «уверить султана, что царь будет теперь его самым «искренним» и «верным» другом»³⁸. Иными словами, внешнеполитический курс России стал более консервативным. И в целом в первой трети XIX в. политика России «была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе»³⁹. Нам уже доводилось писать о том, что этот важный вывод применим и к последующим десятилетиям русской политики на Балканах⁴⁰.

Кроме того, после заключения Адрианопольского мира изменились и представления русских государственных деятелей и царского правительства о том, какой порядок вещей в Юго-Восточной Европе был бы в перспективе наиболее выгодным для государственных интересов России. «Вопрос о возможности создания на Балканах единого государства, возрождения Византийской империи фактически сошел с повестки дня. Были отброшены замыслы о прямом присоединении к России балканских территорий. Вопрос шел теперь о целесообразности того или иного размежевания балканских земель, об их политическом статусе и принципах государственного устройства»⁴¹.

В то же время при рассмотрении курса политики России в отношении решения балканского вопроса, предупреждает Достян, «необходимо четко разделять: 1) реальные внешнеполитические акции, имевшие результаты, и 2) постоянно возникавшие, чрезвычайно разнообразные по идеям проекты и предложения, которые так и не были осуществлены»⁴². На наш взгляд, это важное методологическое замечание также применимо к последующим периодам русской внешней политики и не только по отношению к Балканам.

Расширения прав и привилегий христианских подданных Порты Россия добивалась и раньше, со временем Кючук-Кайнарджийского мира. Однако Турция не выполняла условий заключаемых по этому поводу договоров. «Лишь в 1829 г. в результате решительной военной победы Россия впервые получила реальные возможности добиться действительного выполнения Портой условий заключенного мира»⁴³. В итоге было создано независимое Греческое государство, Турция фактически потеряла возможность вмешиваться во внутренние дела Дунайских княжеств. Отсюда же ведет свое начало и автономное Сербское княжество.

И.С. Достян заключает, что «Адрианопольский мир оказался вершиной достижений политики Николая I в балканском вопросе, а также важным рубежом во всем его внешнеполитическом курсе»⁴⁴. Кстати, действительно рубежное значение Адрианопольского мира для России и всей системы международных отношений того времени было еще раз подчеркнуто на конференции «Война, открывшая эпоху в истории Балкан», прошедшей недавно в Институте славяноведения РАН и посвященной 180-летию этого события.

* * *

В своей третьей монографии «Русская общественная мысль и балканские народы» И.С. Достян вновь сосредотачивается на первых десятилетиях XIX в. (от Радищева до декабристов), но в очередной раз выступает в качестве первопроходца. Ведь если значение балканских проблем для русского общества в середине и второй половине XIX в. было достаточно хорошо известно, то постановка такой темы для конца XVIII в. и начала XIX в. вызывала сомнение. Монография убедительно показала, что и для этого периода говорить о балканских проблемах в контексте русского общественного мнения – совсем не преждевременно. Кроме того, эта книга стала в определенной степени и предшественницей популярных ныне работ, в которых обобщаются разнообразные свидетельства русских о славянских и балканских народах⁴⁵.

Книга состоит из четырех глав- очерков, первая из которых посвящена русской общественной мысли и балканским проблемам от конца XVIII в. и до периода наполеоновских войн. Именно в это время замет-

но окрепли и получили распространение такие явления общественной мысли, как идеи славянской общности и эллинофильство.

Причем, вначале не южнославянские соплеменники, а греки занимали преимущественное место в русско-балканских общественно-политических и культурных связях. Соответственно и эллинофильство было более развито в русском обществе, чем славянофильство. На это повлияли рост южнорусской торговли по Черному и Средиземному морям, заметная греческая диаспора в России, сочувствие к грекам как к наследникам древнегреческой культуры. Но если последнее было справедливо для всех европейцев, то для просвещенных русских людей традиции Древней Эллады дополнялись еще и традициями Византии⁴⁶.

Идеи же славянской солидарности возникли вначале у относительно малочисленных и национально угнетенных славянских народов. Понятно, что у русского народа эти идеи не могли связываться с национальным освобождением. Однако развитие национального самосознания дополнялось обычно у русских «осознанием родства между всеми славянами»⁴⁷.

И.С. Достян находит интерес к балканским проблемам у А.Н. Радищева, А.А. Самборского, первого директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского. В «Рассуждениях» последнего присутствовал даже замысел союза славянских народов, что позволило автору говорить о нем «как об одном из зачинателей идеи славянского единения»⁴⁸. Проекты создания «славяно-сербского государства» стали появляться намного чаще во время Первого сербского восстания, в частности, они присутствовали в различных записках В.Н. Каразина, С.М. Броневского, А. Полева⁴⁹. За исключением Радищева, эти общественные деятели редко становились предметом изучения историков, и ввод в научный оборот их незаслуженно забытого наследия был важной заслугой И.С. Достян.

Тогда же на Балканы отправились первые русские интеллигенты, вначале, за малым исключением, в составе войск и морских экспедиций, но затем и с научными целями. Так, первое путешествие в югославянские земли с научными целями в 1804 г. совершили А.С. Кайсаров и А.И. Тургенев – «юноши широкообразованные, придерживавшиеся прогрессивных для своего времени взглядов»⁵⁰. В одном из писем Кайсаров выразил мнение многих русских, побывавших в Сербии: «Сербы

так близки моему сердцу, что … кроме России, нигде бы более не хотел жить, как между добрыми сербами...»⁵¹. И именно Кайсаров, по заключению И.С. Достяна, стал не только зачинателем идеи славянской взаимности в области просвещения и науки, но и одним из первых русских ученых, «который попытался определить основные задачи и методы славяноведения»⁵².

Во втором очерке автором делается попытка выявить и охарактеризовать наиболее значительные и интересные материалы русской публицистики по балканской тематике, относящиеся к первой четверти XIX в. Разбираются также записки и труды о внутреннем положении в различных областях Европейской Турции, составленные правительственные чиновниками, дипломатами, штабными офицерами. Они не предназначались для публикации, хотя иногда с запозданием все-таки появлялись на страницах печати. В любом случае эти материалы служили накоплению и распространению знаний о балканских народах.

Первым периодическим изданием, регулярно помещавшим заметки, посвященные балканским народам, был журнал «Вестник Европы». Больше всего заметок было посвящено греческой тематике. Многие публикации принадлежали перу самих его издателей – Н.М. Карамзина, М.Т. Каченовского, В.А. Жуковского. Греческие сюжеты фигурировали и в других изданиях и даже в художественной литературе⁵³.

В связи с обострением русско-турецких отношений в 1805-1806 гг., одной из причин которого был вопрос о Молдавии и Валахии, а затемвойной с Османской империей внимание русской общественности было переключено на эти княжества. Перенос военных операций на территорию Болгарии вызвал всплеск интереса и к этой стране⁵⁴.

Привлекли к себе внимание сербы и черногорцы. Уже в 1805 г. в «Вестнике Европы» появилась статья «Жители области Монтеццо, или черногорцы». Относительно много места уделил этот журнал на своих страницах Первому сербскому восстанию. Сообщения о нем, хотя и были неполными и запоздалыми, но носили периодический характер⁵⁵.

После окончания наполеоновских войн интерес русской общественности к зарубежным народам, в том числе и балканским, усилился. Увеличилось число периодических изданий. Наиболее серьезными и популярными из тех, которые писали о балканских народах и событии-

ях, были петербургские журналы «Сын Отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Отечественные записки», «Северный архив» (с 1822 г.), московский «Вестник Европы» и «Московский телеграф» (с 1825 г.)⁵⁶. По-прежнему наибольшее внимание уделялось греческой тематике, особенно в связи с греческим восстанием. После «греческих» вновь чаще остальных встречаются материалы о Дунайских княжествах. Материалы, касавшиеся южнославянских народов, были немногочисленны. Правда, в 1825 г. на русском языке была издана книга Вука Караджича «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича»⁵⁷.

Также в 1825 г. в петербургском «Северном архиве» появилась большая статья А.М. Спиридова «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи». И.С. Достян посвятила этой статье отдельный параграф, подчеркивая, что она примечательна «и как первая попытка дать русскому читателю общее, целостное представление о народах балканского региона, находившихся в составе Османской империи, и как показатель уровня и специфики знаний об этих народах в России на рубеже первой и второй четверти XIX в., и, наконец, как свидетельство отношения к балканским проблемам и событиям одного из прогрессивных русских деятелей этого времени»⁵⁸.

Тогда же при Главном штабе и штабе 2-й армии, стоявшей на юго-западных границах России, начались работы по описанию русско-турецких войск, которые возглавили соответственно полковник Д.П. Бутурлин и генерал П.Д. Киселев. Затем Киселев переложил руководство над этим трудом на своего помощника по штабной работе И.Г. Бурцова. В результате были составлены четыре объемные рукописные книги «Описания походов россиян против турок». Параллельно в штабе 2-й армии сходную работу проделал подполковник И.П. Липранди⁵⁹.

Третий очерк книги специально посвящен балканскому вопросу в мировоззрении декабристов. Декабристы сочувствовали всем народам, боровшимся за свое социальное и национальное освобождение, но в особенности – находившимся под властью Османской империи. Турецкое господство иногда ассоциировалось у декабристов с татарским игом на Руси, обусловившим неблагоприятный ход общественно-политического развития страны. Такие представления «порождали понятие о каком-то сходстве общественно-политических задач, стоявших перед

народами России и подданными Порты, убеждение в необходимости помогать делу их национального освобождения»⁶⁰.

В то же время, отмечает И.С. Достян, когда, например, пришли вести о греческом восстании, «почти вся русская общественность, люди самых разных убеждений стали проявлять горячее сочувствие борцам за свою свободу». Разнообразные и многочисленные документальные материалы не обнаруживают «каких-либо внешних различий в сочувственном отношении к балканским делам». Нет оснований полагать, что в России носителями идеи оказания помощи грекам являлись прежде всего революционно настроенные представители дворянства. «Подобные заключения возникли лишь потому, что именно позиция декабристов в отношении революционных событий на Балканах интересовала советских историков в первую очередь и оказалась наиболее полно изученной»⁶¹.

Декабристы Южного общества не только обсуждали балканские проблемы, но и, возможно, при непосредственном участии греческих представителей вышли на совершенно конкретный проект переустройства Европейской Турции и австрийских владений на побережье Адриатики. Речь идет о найденном в архиве П.И. Пестеля проекте создания «Царства Греческого». По-видимому, предполагалось создание государства федеративного типа и находящегося под покровительством России. Нетрудно заметить, что название этого государства имело аналогию с уже существовавшим Царством Польским. Польша, по замыслу Пестеля, должна была получить самостоятельность, но также войти в «покровительственную систему» России⁶².

Но, конечно, обстановка на Балканах разительно отличалась от ситуации в Польше. И если в первом случае подобное российское «покровительство» могло бы, вероятно, защитить гипотетическое балканское государство от Турции, то во втором – оно явно навязывалось и сковывало польскую независимость. Здесь можно привести характерный пример генерала И.В. Гурко. Герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг., один из легендарных освободителей Болгарии, он оставил совсем другую память в Польше, где долгие годы служил генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа.

Наконец, последняя глава- очерк книги посвящена идеям общности славянских народов в русской общественной мысли в 1815-1825 гг. Таким образом, этот очерк и содержательно, и хронологически является

продолжением первого очерка этой же книги. И именно в это время, в 1823 г., планы политического объединения славянских народов и их борьбы за социальное освобождение были сформулированы одной из декабристских организаций – Обществом соединенных славян (или Славянским обществом). Устав этой небольшой организации, влившейся затем в Южное общество декабристов, был назван «Правилами» соединенных славян. В нем говорилось о создании нового федеративного демократического государства – Всеславянского союза. Трудно сказать, чем такое объединение отличалось от простого включения малых славянских народов в состав России. Однако в показаниях Следственной комиссии руководитель Общества соединенных славян П.И. Борисов писал, что каждый славянский народ должен был, по их замыслу, получить конституцию и демократическое республиканское правление, а их объединение предполагалось лишь после того, как все они «осознают необходимость политического единения»⁶³.

Рост значения славянских и балканских проблем в русской общественной мысли, о которых говорится в третьей монографии И.С. Достян, был связан с развитием национального самосознания русских, «составной частью которого являлось сознание славянского этнического родства». Это повышало интерес к зарубежным славянам, к их языкам, культуре. «Тому способствовало и славяноведение, превращавшееся из публицистики в научную дисциплину, завоевавшую научный авторитет благодаря деятельности А.Х. Востокова, М.Т. Каченовского, П.И. Кеппена, К.Ф. Калайдовича и других славистов»⁶⁴. Говоря о десятилетии, предшествовавшем декабрьскому восстанию 1825 г., нельзя, по мнению автора, сбрасывать со счетов и деятельность А.С. Шишкова, Н.П. Румянцева и его кружка, которые способствовали укреплению контактов с зарубежными учеными, содействовали развитию отечественного славяноведения, издавали и распространяли в России работы славянских ученых, собирали памятники славянских древностей»⁶⁵.

* * *

Как известно, рецензии обычно пишутся сразу же после выхода в свет той или иной научной работы. Мы же попробовали написать своего рода рецензию спустя десятилетия, причем, сразу на три моногра-

фии И.С. Достян. Помимо всего прочего, хотелось вспомнить самому и напомнить другим об этих, на наш взгляд, незаурядных произведениях известного историка. И основной очевидный вывод – они фактически ничуть не устарели, проверка временем ими пройдена без всякого сомнения. За прошедшие годы ничего лучше по этой проблематике и периоду, который на монографическом уровне изучала И.С. Достян, сделано не было. Планка, заданная ею, осталась до сих пор недостижимой.

И даже обязательные в те годы ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма в ее книгах даны весьма умеренно; не мешает восприятию и так называемый «классовый подход». Впрочем, свое отношение к работам «классиков» по балканскому вопросу И.С. Достян выразила уже давно и вновь первой из отечественных славистов. Речь идет о ее известной статье, вышедшей в журнале «Советское славяноведение» в 1991 г., с характерным названием: «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса»⁶⁶. Она отметила в произведениях и письмах «классиков» «расхождения с реальными историческими фактами, неточности и противоречия»⁶⁷.

Еще раз подчеркнем, книги И.С. Достян базируются на многочисленных архивных и других документальных источниках, на таланте исследователя и на ее искренней любви к балканским народам. А это устареть не может.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV- начало XIX в. М., 1958; она же. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; она же. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

² Она же. Борьба сербского народа против турецкого ига. С. 53-54.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 59-60.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 97, 100, 107.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Там же. С. 105-106.

¹⁴ Там же. С. 141-142.

¹⁵ Там же. С. 115-116.

¹⁶ Там же. С. 125, 140.

¹⁷ Там же. С. 167-168.

¹⁸ *Достян И.С. Россия и балканский вопрос. С. 4.*

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 7-8.

²² Там же. С. 79.

²³ Там же. С. 18.

²⁴ Там же. С. 21, 25, 30.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 74.

²⁷ Там же. С. 163-164.

²⁸ Там же. С. 81.

²⁹ Там же. С. 108.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Там же. С. 127-128.

³² Там же. С. 196-197.

³³ Там же. С. 230.

³⁴ Там же. С. 233.

³⁵ Там же. С. 245.

³⁶ Там же. С. 263.

³⁷ Там же. С. 313.

³⁸ Там же. С. 313-314.

³⁹ Там же. С. 338.

⁴⁰ *Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель).* М., 1995. С. 179.

⁴¹ *Достян И.С. Россия и балканский вопрос. С. 324.*

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 326.

⁴⁴ Там же. С. 338.

⁴⁵ См., например: Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары (сост. А.Л.Шемякин). М., 2006.

⁴⁶ Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. С. 7-9.

⁴⁷ Там же. С. 11-12.

⁴⁸ Там же. С. 63.

⁴⁹ Там же. С. 68-93.

⁵⁰ Там же. С. 96.

⁵¹ Там же. С. 99.

⁵² Там же. 102.

⁵³ Там же. С. 117-132.

⁵⁴ Там же. С. 132-135.

⁵⁵ Там же. С. 135-137.

⁵⁶ Там же. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 172.

⁵⁸ Там же. С. 173.

⁵⁹ Там же. С. 191-206.

⁶⁰ Там же. С. 224-225.

⁶¹ Там же. С. 225-226.

⁶² Там же. С. 234, 243-252.

⁶³ Там же. С. 293-296.

⁶⁴ Там же. С. 319-320.

⁶⁵ Там же. С. 322.

⁶⁶ Достян И.С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К.Маркса и Ф.Энгельса // Советское славяноведение. 1991. № 2.

⁶⁷ Там же. С. 15.

Ю.П. Анишаков

РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII В.: ОТ ПРУТСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I ДО ОКОНЧАНИЯ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН

В XVIII веке Черногория была маленькой горной страной, расположенной на юго-западе Балканского полуострова. Она граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, с венецианскими, а после падения республики Св. Марка (1797 г.) – с австрийскими владениями на Далматинском побережье. Черногория обладала известной долей политической самостоятельности еще в XVII веке. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П.А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике, что вблизи Котора и Пераста «живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками, а временем воюются с венетами»¹. Единственный признак вассальной зависимости Черногории в XVIII в. – это крайне редкая уплата харача, собираемого при помощи военной силы, который скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели дань. Однако Порта игнорировала реальное положение вещей и продолжала считать Черногорию частью Османской империи.

XVIII век – век русско-турецких войн, и здесь интересы России и Черногории тесно сомкнулись. Черногории была необходима русская помощь и поддержка в создании полностью независимого от Турции государства, но и Россия была заинтересована в черногорцах. Их воинственность и постоянная готовность к антитурецкой борьбе делала Черногорию ценным союзником России. Среди славянского населения Балкан именно черногорцам и Черногории, вплоть до Первого сербского восстания 1804-1813 гг., отводилось главное место в балканской политике России.

Начиная в 1711 г. Прутский поход, Петр I рассчитывал на антиосманское выступление балканских народов, поэтому он обратился к бал-

канским христианам с призывом оказывать помощь русским войскам. Черногория, вдаваясь клином в турецкие владения, могла служить важным пунктом для военных операций против турок на Балканах.

С грамотой Петра I, содержащей призыв к православным вспомнить о былой славе балканских христиан и, объединив свои силы с русским войском, прогнать турок «в старое их отчество, в пески и степи аравийские»², в марте 1711 г. в Черногорию были направлены полковник М. Милорадович и капитан Иван Лукачевич. Оба российских эмиссара были профессиональными военными; уроженцы здешних мест, они хорошо ориентировались в местной обстановке.

Грамота Петра I была зачитана в доме митрополита Данилы, духовного и светского правителя Черногории, где совместно со старейшинами (сердары, воеводы, кнезы) было принято единодушное решение: «С первой вестью о русском наступлении выступить против войск Османской империи».

Черногорцы сдержали свое обещание. В начале лета 1711 г. они начали боевые действия против турок. Назначенный главнокомандующим М. Милорадович и митрополит Данило возглавили войско, насчитывающее около 30 тысяч бойцов. К черногорцам примкнули герцеговинцы и жители соседней с Черногорией горной области Брды. Вначале боевые действия югославянских союзников России проходили успешно. 15 июня турецкие войска были разбиты у Гацко (Герцеговина). В письме российскому консулу в Венеции Д.Ф. Боцису М. Милорадович сообщал, что в ходе боев «многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, много турецких голов назад принесли, многих пленными учинили»³. Однако отсутствие артиллерии и достаточного количества боеприпасов не дало возможности овладеть такими опорными и хорошо укрепленными пунктами, как Никшич, Спуж, Требинье, Грахово.

Оценивая действия югославянских союзников России, следует признать их в целом успешными. Укрывшиеся в городах турецкие войска были изолированы и разобщены. Однако эти военные успехи не получили дальнейшего развития из-за неудачного для России Прутского похода и заключения мира с турками (июль 1711 г.), ликвидировавшего результаты Азовских походов.

Черногорцы долго не хотели верить доходившим известиям об этом и продолжали воевать с турками. В июле 1712 г. они разбили турецкие

войска при Царевом Лазе. События на Пруте нашли отражение в черногорском эпосе. В народной песне отмечалось, что Петр I заключил мир «с турком не по воле, но по неволе», и, узнав об этом, «заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного».

Порта не простила черногорцам их участия в боевых действиях на стороне России. В том же 1712 г. 20-тысячное турецкое войско под командованием Ахмеда-паши напало на Черногорию, опустошило Цетинье, главную резиденцию черногорских митрополитов, и разрушило монастырь. Вскоре после этого русские эмиссары покинули Черногорию, но отношения с черногорцами и их владыками не прервались. В ноябре 1713 г. Данило писал Петру I, прося у него решительного ответа, что делать черногорцам: «Мы с неприятелями до сих пор еще верного мира не имеем, также и венециане озлобляют нас тайным лукавством, сносятся с турками к нашему вреду... Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?»⁴. С этого времени митрополит окончательно становится приверженцем России. В том же 1713 г. в письме к своему брату Раде он подчеркивал: «Я – Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чай я – того и вся земля»⁵. Отныне Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в их освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а культ Петра Великого навсегда утвердился в сознании черногорцев и их церковных иерархов.

В 1714 г. турки повторили карательный поход против черногорцев. На сей раз 30-тысячное войско возглавил боснийский визирь Нуман-паша Чуприлович, который огнем и мечом прошел по всей Черногории. Визирь отдал войскам приказ без пощады сравнять ее с землей, отсечь как можно больше голов, и чтобы даже «камень на земле, которую покорили, сделался красным от крови черногорской».

Фирман султана Ахмеда III предписывал взять митрополита Данилу живым и доставить в Стамбул для последующей казни, поэтому тот вынужден был бежать из Черногории и укрыться в венецианских владениях (в Боке Которской), одновременно около 600 черногорцев, не пожелавших покориться туркам, укрылись в горах.

Митрополит Данило из Боки Которской отправился в Вену, а затем в Петербург, куда прибыл в апреле 1715 г. Черногорский владыка по-

лучил аудиенцию у Петра I и подал ему прошение. В нем митрополит ходатайствовал об установлении покровительства России над Черногорией, просил о выделении денежной помощи пострадавшим от турецкого нашествия черногорским монастырям, богослужебных книг и церковного облачения, а также о награждении особо отличившихся черногорцев, участников антитурецкого восстания⁶.

Просьбы владыки не остались без внимания. В июле 1715 г. царь издал жалованную грамоту, в которой благодарил своих югославянских союзников за помощь в войне с Турцией. Российский монарх замечал, что потребовавшая больших затрат «нынешняя дологопротяжная с еретиком королем шведским война» не дает ему возможности по достоинству наградить всех. Всё же черногорцы награждались 160-ю золотыми медалями с портретом Петра I, 5-ю тыс. рублей «на воспоможение разоренным людям». Кроме того, митрополит Данило получил 5 тыс. рублей на восстановление монастырей и оплату военных долгов⁷. Россия в тот период находилась в мирных отношениях с Османской империей, поэтому Петр I призвал всех югославян, в том числе и черногорцев, соблюдать мир с турками, но быть готовыми по первому зову России вновь включиться в антитурецкую борьбу. Учитывая, что в ходе боевых действий пострадал Цетинский монастырь, Петр I специальной грамотой установил постоянную субсидию Цетинскому монастырю (500 рублей через два года на третий). С этого времени черногорцы и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством единоверной и единокровной России.

Установление политических связей между Россией и Черногорией оживило и церковные взаимоотношения между Цетинской митрополией и русским Синодом. Черногорская церковь стала получать из России церковное облачение для священников, в том числе и владык, церковные книги и пр. Предполагалось, что в последующие годы Россию будут посещать не только черногорские митрополиты, но и другие священнослужители. Черногорскому духовенству разрешалось собирать пожертвования в русских храмах.

Прорусская ориентация Черногории не препятствовала сохранению довольно тесных отношений с Венецией. К этому обязывало близкое соседство, а также зависимость Черногории от рынков венецианского Приморья. Кроме того, когда Венеция вступала в войну с Турцией,

черногорцы забывали прежние обиды и проявляли готовность воевать против общего неприятеля. Во время войны Священной лиги 1714–1718 гг. Черногория вновь встала под политическую защиту республики Св. Марка и оказала значительную помощь венецианцам в военных операциях в Далмации.

При Даниле отношения между Черногорией и Венецией не были искренними с обеих сторон, здесь каждая сторона преследовала свои цели. Черногория рассчитывала при помощи Венеции добиться успехов в освободительной борьбе. В свою очередь, Венеции черногорцы были нужны только как активная и хорошо подготовленная военная сила, которая успешно использовалась республикой в войнах с Турцией. В конечном итоге в выигрыше оказалась Венеция, по-своему «отблагодарившая» черногорцев. По условиям Пожаревацкого мира (1718 г.) между Турцией и Венецией приморские общини Черногории (Грбаль, Майне, Поборе, Браичи) отошли к Венеции, лишив Черногорию выхода к Адриатике. Как ни парадоксально, но тогда для черногорцев объективно было выгоднее не ввязываться в эту войну, и чтобы Турция, их главный враг, одержала в ней верх. В таком случае для Черногории сохранялось статус-кво, а перешедшие под власть Венеции приморские общини остались бы в составе Черногории. Пожаревацкий мир положил конец тесному военному сотрудничеству Черногории с Венецией. В июле 1729 г. власти Далмации предупреждали дожа, что митрополит Данило, «поощряемый русским золотом, внушил черногорцам преданность царю в ущерб Венеции».

После смерти Данилы в 1735 г. на митрополичий престол взошел его племянник Савва (1735–1781), проявивший себя безвольным и слабым правителем. Во внешней политике новый митрополит попеременно придерживался то прорусской, то провенецианской позиции. В 1729 г. генеральный провидур (наместник) Далмации Д. Дольфини сообщал властям республики, что владыка Савва искренне предан России «по вере и по завещанию своего дяди», и называл его человеком, опасным для Венеции. Несколько позже другой провидур, Ф. Гrimани, замечал, что у Саввы «в сердце укреплена преданность Венеции»⁸. В дальнейшем провенецианская ориентация Саввы будет усиливаться.

Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. черногорцы поначали не проявили какой-либо военной активности. За это сербский пат-

риарх Арсений IV упрекал их: «Удивляет меня Черногория, когда государства живут в мире, тогда вы воюете против врагов христианства, а сейчас сидите тихо и не подаете голоса»⁹. Этот укор возымел действие, и черногорские четы в 1737 г. совершили большое количество боевых рейдов в Герцеговину.

1740 год стал знаковым в развитии русско-черногорских отношений, и помогли этому, сами того не желая, венецианцы. Д. Дольфини, посчитав, что традиционно выплачиваемое венецианскими властями жалованье черногорским старейшинам «по полутора червонных на месяц» слишком обременительно для казны, отменил его. И если до этого только «духовные были преданы российскому двору, получая немалые милости и подаяния из России», то теперь, после отмены выплат «черногорским начальникам», черногорцы, «отделяясь совсем от венецкаго правления, предались все России»¹⁰.

После окончания русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Порта возобновила карательные экспедиции против Черногории. Об этом русского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова в сентябре 1742 г. обстоятельно проинформировали черногорские старейшины. В своем обращении они сообщали, что турки, «воздвигнув неукротимый гнев», атаковали Черногорию с трех сторон: из Боснии, Северной Албании и из турецких владений в Приморье (Ульцин, Бар). Кроме прочего, черногорские старейшины в письме к Вешнякову излагали свое видение освобождения сербского народа от турецкого ига. Они увязывали его с войной России против Турции и вступлением русских войск в «сербскую землю, на поле Косово». Тогда бы все христианство было «едино и заодно», и возникла бы монная христианская держава «от моря и до моря»¹¹. Таким образом, черногорское руководство проявляло заинтересованность не только в окончательном освобождении своей родины из-под власти Порты, но и стремилось с помощью России освободить всех сербов от османского ига. Это объясняется ещё и тем, что черногорцы в XVIII-XIX вв. не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику.

Информируя Петербург о том, что черногорцы действительно претерпевают «великое гонение», А.А. Вешняков, отмечая «необузданную храбрость» черногорцев, предлагал их поселить «по линии к Крыму... для всяких впредь случаев»¹². Императрица Елизавета Петровна не

возражала против переселения партии черногорцев в Россию, хотя и опасалась, что Порта будет добиваться их выдачи. Предостерегая своего резидента от «излишних обнадеживаний», она, вместе с тем, предписывала Вешнякову при случае помочь черногорцам при дворе султана¹³. И в дальнейшем российский дипломат, по мере возможности, оказывал им помощь.

Когда Елизавета Петровна инструктировала Вешнякова, в Петербурге уже находился митрополит Савва, куда он прибыл в апреле 1743 г. На время отсутствия Саввы в Черногории его замещал племянник, архимандрит Василий Петрович, сыгравший впоследствии значительную роль в истории Черногории и развитии русско-черногорских связей.

Сразу же по прибытии в русскую столицу митрополит Савва направил письменные обращения в Коллегию иностранных дел и Елизавете Петровне. В представлении на имя императрицы черногорский владыка перечислял те жертвы, какие понесла его родина, выступив по призыву Петра I в 1711 г. на борьбу с турками. Савва просил ликвидировать задолженность по субсидии Цетинскому монастырю и выражал надежду на ее регулярную выплату в дальнейшем¹⁴.

Удовлетворить просьбы митрополита не составляло труда, поскольку они не касались политических проблем, которые могли бы обострить отношения России с Турцией. По указу императрицы задолженность Цетинскому монастырю за 21 год (1722-1743) по линии Синода на сумму в 3 500 рублей была выплачена. Было также выдано 3 тысячи рублей на «вознаграждение народа» и на восстановление церквей и монастырей, а также 1 тысяча рублей компенсации путевых издержек митрополита и его свиты. Помимо этого, Синод выделил два патриарших облачения, архиерейскую шапку и церковные книги на сумму в 350 рублей¹⁵. Получив все, что было положено, митрополит вернулся на родину.

Миссия Саввы Петровича не носила политического характера, но она способствовала дальнейшему развитию русско-черногорских контактов, установлению регулярных отношений между Черногорией и Россией.

А.А. Вешняков являлся сторонником активной политики на Балканах. В 1745 г., в отчете петербургскому двору, анализируя состояние европейских дел, он указывал на общий их разлад и, кроме прочего, на

слабость Османской империи. Следуя своим взглядам на политику относительно Турции, он писал: «От Вашего Императорского Величества зависит без крайних усилий сие злое хидное сонмище разорить и крест восстановить... Все бедные православные христиане ждут избавления от Вашего Императорского Величества; стоит только нынешнею осенью явиться врасплох российской армии к Дунаю с запасным оружием, то она в короткое время удесятерится; Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия, Славония, Далмация, черногорцы, Албания, вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь Вашему Императорскому Величеству»¹⁶. В том же 1745 г. Вешняков направил письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где обосновывал свой план разрушения Османской империи и создания на ее месте «христианской державы», которая, как полагал российский дипломат, «без погибели своей не могла бы отстать от России по единству интересов и отдаленности границ»¹⁷.

А.А. Вешняков в своих планах заходил слишком далеко, недооценивал военный потенциал Османской империи и явно преувеличивал реальные возможности освободительной борьбы балканских народов, однако он верно подметил конечную общность политических интересов России и балканских народов. Верно было и суждение Вешнякова о том, что помочь России балканским народам не станет препятствием для их фактической политической самостоятельности в силу отдаленности России от балканского региона. И тому есть пример: когда в XVIII – начале XIX вв. черногорцы будут добиваться установления над ними российского протектората и даже принятия их в российское подданство, они учитывали это обстоятельство, понимая, что в соответствии с международно-правовыми нормами протекторат или подданство могли обеспечить безопасность их границ, а отдаленность от державы-покровительницы давала большие возможности фактического самоуправления.

Обращения А.А. Вешнякова к императрице и канцлеру были по сути дела его завещанием, поскольку в июле 1745 г. он умер. Его преемником стал А.И. Неплюев (сын бывшего посланника в Константинополе), а в 1751 г. на смену ему пришел выдающийся русский дипломат А.М. Обресков. В марте 1752 г. Савва известил его о том, что посыпает в Россию «своего наследника Василия Петровича», который в 1750 г. был руково-

положен в сан митрополита печским патриархом Афанасием II. Его церковный статус вырос, а также возросло влияние в Черногории.

В Петербург Василий Петрович прибыл в середине сентября 1752 г. Цель его визита заключалась в получении материальной помощи и политической поддержки Черногории со стороны России. Из Петербурга он почти сразу же направился в Москву, откуда 21 сентября (2 октября) направил письмо Синоду с просьбой о ликвидации задолженности по субсидии Цетинскому монастырю и пожертвовании церковных книг, а также 100 букваверий и 10 «Историй Александра Македонского»¹⁸.

Одной из важнейших своих жизненных задач митрополит Василий Петрович считал просвещение черногорского народа. Черногорцы, в подавляющем большинстве, были неграмотны, даже среди руководящего слоя страны грамотных людей было мало. Понимая, что создание в стране более совершенных органов управления требует, прежде всего, образованных людей, Василий Петрович в своем обращении к русской императрице просил о помощи в устройстве славянских малых школ в Черногории, выпускников которых он намеревался направлять для продолжения образования в Россию¹⁹.

В Москве Василий Петрович установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать высшие церковные круги, российское руководство проблемами Черногории, ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел с посланием, в котором излагал историю черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 гг., а затем послал туда «Краткое географическое описание Черногории». Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями (областями), но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков (Хоти, Клименти, Кастрати)²⁰. Делал это митрополит преднамеренно, поскольку понимал, что страдающая от внутренней анархии, маленькая, отрезанная от моря Черногория не может вызвать сколь-нибудь значительного интереса у русского двора. Именно поэтому он упорно твердил, что Черногория никому не подвластна, что она достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать на Балканах центром освободительной борьбы от

османского владычества. В апреле 1753 г. Василий Петрович направил письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где утверждал, что Черногория никогда не была завоевана Турцией, а всегда оставалась республикой²¹ во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны «все окрестные славяно-сербские народы присовокупились и отдали б себя под протекцию всероссийскую»²².

Весной 1754 г. Василий Петрович из Москвы отправился назад в Черногорию. С собой он увозил субсидию Цетинскому монастырю за 1743-1753 гг. (1 666 руб. 66 коп.). Кроме того, Россией было выделено на восстановление черногорских церквей 5 тыс. рублей и лично Василию Петровичу 3 тыс. рублей в качестве вознаграждения за путевые издержки. Также митрополит получил от Синода полное архиерейское облачение, украшенную бриллиантами панагию, церковные книги (евангелие, библии, катехизисы, требники и др.) и 100 букваний²³.

Однако школы в Черногории в тот период так и не были открыты. Синод потребовал от Коллегии иностранных дел вначале прояснить, сколько и в каких местах требуется школ и средств на их содержание. Только после этого Синод был готов взяться за подготовку учителей для черногорских школ²⁴. Коллегия иностранных дел с этим решением Синода согласилась, заметив, что для положительного решения вопроса требуется время и дополнительная информация из Черногории. Поэтому по-прежнему единственными центрами образования в стране оставались монастыри, где обучалось небольшое число детей. Отказано было Василию Петровичу и в установлении протектората России над Черногорией до тех пор, пока не прояснится, как представляют себе черногорцы степень зависимости от России, и пока не поступит «формальное от сего народа прошение»²⁵. И хотя такое прошение впоследствии было направлено, положительной реакции русского двора на него так и не последовало. Вероятно, здесь, помимо прочего, свою роль сыграла информация, полученная из Константинополя от А.М. Обрескова, который считал невозможным принятие черногорцев под «явную протекцию» России. Он был убежден, что такое решение лишь озлобит Порту, которая увидит в этом опасный прецедент для других православных подданных султана, и вследствие этого «только беды черногорцам отовсюду будут»²⁶. Однако российское руководство и сама императрица

без какой-либо доли сомнения отнеслись к заверениям Василия Петровича в том, что Черногория независима. Когда в 1754 г. встал вопрос о переселении партии черногорцев в Россию, посол в Вене Г.К. Кейзерлинг получил от Елизаветы Петровны рескрипт следующего содержания: «хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством, окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты. Хотя в договоре между Портою и Венециею черногорцы и уступлены Порте, но договор остается безо всякой силы, потому что вольного народа нельзя уступать без его согласия»²⁷.

В Черногорию Василий Петрович вернулся в сентябре 1754 г. Полученные в России деньги позволили превратить монастырь Станевичи (одна из резиденций бывшего митрополита Саввы) в «рассадник русской агитации», благодаря которой среди черногорцев возобладало устойчивое мнение, что царица Елизавета Петровна «ударит по Турции, если та нападет на Черногорию».

Воодушевленный результатами поездки в Россию, Василий Петрович начинает активизировать политику в отношении Турции и Венеции, что означало отход от политики митрополита Саввы, направленной на поддержание умиротворяющих отношений с турками и венецианцами. Последние не преминули прибегнуть к испытанному методу: по наущению властей инквизиторы (венецианская политическая служба) трижды пытались отправить Василия Петровича, мотивируя это «государственными интересами».

Понимая всю серьезность ситуации, когда черногорцы каждодневно ожидали нападения войск боснийского визиря Хаджи-Мехмед-паша, Василий Петрович стремился не только объединить внутренние силы, но и заручиться поддержкой России в борьбе против надвигающейся турецкой агрессии. С этой целью он вступил в обширную переписку с А.М. Обресковым, канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером М.И. Воронцовым, а также императрицей Елизаветой Петровной. В письме к М.И. Воронцову Василий Петрович предупреждал, какие трагические последствия будет иметь поражение Черногории для балканских народов: «Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация

пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черною Горою завладеют, то христианство во всех упомянутых землях исчезнет»²⁸. Этот «плач» черногорского владыки не достиг цели, поскольку в это время Россия была активно занята подготовкой к войне с Пруссией, и любое осложнение отношений с Портой было крайне нежелательно. Однако Елизавета Петровна в секретном реескрипте предписала Обрескову: «чтоб не привести черногорцев в отчаяние, надобно вам, хотя стороною, сделать все возможное в их пользу; наперед посоветовавшись с переводчиком Порты как с единоверным, пострайтесь исходатайствовать облегчение этому единоверному и усердному к нам народу и давайте знать им тайно обо всем, что будет делаться относительно их при Порте, чтобы они не были застигнуты врасплох. У венецианского посла настойте, чтобы он писал своему правительству о прекращении обид черногорцам»²⁹.

Исполняя это повеление, А.М. Обресков не замедлил посетить посла Венецианской республики и потребовал от имени русской императрицы оградить Черногорию от венецианского вмешательства. Одновременно с этим он имел доверительную беседу с главным драгоманом Порты, греком по национальности, который отсоветовал российскому дипломату обращаться к Порте с демаршем в защиту черногорцев, поскольку это лишь «ускорит гибель не только черногорцев, но и всех православных, находящихся под игом турецким». Драгоман считал, что «ничто не может быть для Порты чувствительнее, а для бедных православных опаснее, как если русская императрица явится покровительницею последних. Этим турка, как заснувшего льва, можно разбудить». Обресков, соглашаясь с драгоманом, отписал в Петербург, что, избегая открытого заступничества за черногорцев перед Портой, он будет действовать тайно, чтобы «не открылось мое за них заступничество»³⁰.

Тем временем, Черногория готовилась к войне. 30 июля (10 августа) 1756 г. в Цетинье состоялся збор, который подтвердил прежнее решение черногорцев не платить дань Порте. Збор проходил под русскими знаменами.

В конце ноября 1756 г. новый боснийский vizирь Ахмед-паша с 40-тысячным войском (по венецианским данным) атаковал Черногорию с трех сторон. Черногорцы ожесточенно сопротивлялись, но не смогли

удержать «сердце Катунской нахии» село Чево. Турки также не сумели пробиться к Цетинье, главной цели своей военной операции. Упорное сопротивление черногорцев и осенняя распутица заставили турок отступить, что было воспринято черногорцами как моральная победа.

Военные действия 1756 г. нанесли серьезный урон и без того экономически слабой Черногории. Продолжала существовать постоянная угроза нападения со стороны соседних турецких владений, а венецианские власти Далмации запретили черногорцам закупать порох и свинец на своих рынках. Василий Петрович был также недоволен ходом начавшегося в 1756 г. переселения черногорцев в Россию, в первую очередь малочисленностью черногорских переселенцев³¹. Все в совокупности заставило митрополита вновь отправиться в Россию.

В Петербурге, куда Василий Петрович прибыл в феврале 1758 г. в составе делегации из четырех человек, он развернул энергичную деятельность. Митрополит обращался с письмами в Синод, к вице-канцлеру М.И. Воронцову, П.И. Шувалову, императрице. В этих письмах он информировал российское руководство о том тяжелом положении, в каком оказалась Черногория после турецкого нашествия 1756 г., о мужестве и воинской доблести черногорцев. Как и в прежние свои визиты, Василий Петрович обратился с просьбами к русскому правительству, суть которых состояла в следующем: 1. Чтобы народ черногорский принят был в здешнее подданство; 2. Чтобы здесь был учрежден из переселившихся в Россию черногорцев полк и назван оный Черногорским; 3. Чтобы для учреждения в черногорском народе доброго порядка определен был ежегодный пенсион до 15 000 рублей, и чтобы сверх того кто-либо из России был отправлен для пребывания в их резиденции³².

Однако, и это обращение не достигло того результата, на который рассчитывал Василий Петрович, поскольку в условиях войны с Пруссией обострять отношения с Портой российский двор не мог себе позволить. К тому же в эти дни А.М. Обресков доносил из Константинополя, что новый султан Мустафа III хочет войны с Россией.

В этих условиях задача русского двора сводилась к тому, чтобы не дать повода к войне, а согласие на предложение Василия Петровича о принятии черногорцев в российское подданство несло в себе реальную угрозу войны с Турцией, поскольку в этом случае возникал прецедент, который мог бы вызвать цепенную реакцию среди других балканских

народов, к чему и сама Россия, по сути дела, только приступавшая к формированию своей политики на Балканах, не была подготовлена ни в идеологическом, ни в политическом, ни в военном отношении.

18 (29) мая 1758 г. последовал указ Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел о награждении черногорской делегации денежными суммами и золотыми медалями, выпущенными в честь коронации императрицы. Елизавета Петровна распорядилась также отправить в Черногорию для раздачи народу 1 000 «наших золотых портретов». Делегатам выделялось 2 000 рублей на обратный проезд, а также Василию Петровичу «особливо» 1 000 рублей³³. Кроме того, по распоряжению Синода, митрополиту была выдана субсидия Цетинскому монастырю (с 1755 по 1760 год включительно) и «проездные, отъездные и подводные» в размере 965 руб. 69 коп., а также богослужебные книги³⁴.

Императрица распорядилась учредить гусарский эскадрон из черногорцев, который со временем должен был преобразоваться в полк, за счет роста численности черногорцев-переселенцев. Что же касается вопроса о приеме черногорцев в российское подданство, то Елизавета Петровна сочла это нецелесообразным, поскольку для черногорцев, как она полагала, это могло обернуться бедой «по великой близости окружающих их неприятелей и по толикуму нашей империи отдалению». Поэтому дело откладывалось до «лучших времен»³⁵.

Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Так, в ответ на отказ Синода выдать Василию Петровичу архиерейское облачение, решением Конференции (высший совещательный орган при императрице) Синоду рекомендовалось все же удовлетворить просьбу митрополита, поскольку отказ противоречил «прежде оказанным милостям и покровительству российского двора Черногории»³⁶. Следует заметить, что оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом официально, не облекало его в международно-правовую форму, чего впоследствии неоднократно будет добиваться черногорское руководство.

Императрица также удовлетворила просьбу Василия Петровича о пожаловании черногорскому народу ежегодной субсидии в 15 тыс. рублей, однако пока она выделялась только на один год. Ее дальнейшая судьба зависела от того, сумеют ли черногорцы приложить старание для

«учреждения между собою доброго порядка и согласия», а также от их способности снабдить себя «потребными воинскими орудиями» и добиться установления «нужного регулярства» и «доброй дисциплины». Предложение митрополита о направлении в Черногорию постоянного дипломатического представителя России было отклонено Елизаветой Петровной, поскольку, как она считала, этого «нынешние обстоятельства совсем не дозволяют»³⁷.

Для доставления субсидии вместе с Василием Петровичем в Черногорию отправился специальный эмиссар русского правительства С. Пучков. Однако главная его задача состояла в изучении истинного положения дел в Черногории, сборе сведений о стране и ее народе.

В августе 1759 г. митрополит с сопровождавшей его свитой, а также С. Пучков прибыли в Черногорию. Вскоре по прибытии русский эмиссар объехал несколько нахий, а также посетил Цетинье. По возвращении из Черногории, в начале 1760 г., С. Пучков представил в Коллегию иностранных дел подробный рапорт. В нем он сообщал, что «черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют между собой добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междуусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе». В словах С. Пучкова было много горькой правды. Межплеменная вражда, кровная месть были главным препятствием для единения черногорского общества. Достичь его было крайне трудно в стране, где, как замечал Пучков, люди, в результате ссоры по самому ничтожному поводу, «друг друга режут или застреливают, а потом убегают в другие провинции»³⁸.

В Петербурге полученная от С. Пучкова информация была воспринята с полным доверием, поэтому черногорцам пришлось оставить надежду на продолжение получения субсидий в размере 15 тыс. рублей, однако выплата субсидии Цетинскому монастырю по линии Синода не была отменена.

В первые годы правления Екатерины II русское правительство также руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, «кроме излишних хлопот и холодности с турецким двором и венецианской республикой».

Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть в лице императрицы Екатерины II будет проводить новую внешнюю

политику, где свое место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург. В задачу его миссии входили просьбы о защите от турецкой агрессии и поддержке черногорской церкви. Однако митрополиту не суждено было дождаться результата своей миссии: в марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге в Александро-Невской Лавре. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию очередную денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. В Черногорию возвращались находившиеся в свите Василия Петровича иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович Негош – будущий черногорский митрополит. Их сопровождал подпоручик Севского полка М. Тарасов, которому было также поручено выяснить, «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся, также об их правлении, порядках и внешних делах».

Во время пребывания в Черногории М. Тарасов вел ежедневные записи происходивших событий, а по возвращении представил письменный отчет Коллегии иностранных дел³⁹. Записки М. Тарасова содержат сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории и соседних земель, быте и нравах черногорцев. В дневнике Тарасова есть запись и о том, как к нему обратился подвыпивший цетинский воевода Степо с вопросом: «Для чего-де ты, москаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому».

В отличие от полковника Пучкова, подпоручик Тарасов с несколько большим пониманием относился к проблемам Черногории, сознавая, что многие беды черногорцев обусловлены не только их порядками и нравами, но и тяжелейшими природными условиями, внешними обстоятельствами. Но в целом в его выводах сквозит больше пессимизма, нежели оптимизма, как в оценке внутреннего положения страны, так и перспективы русско-черногорских отношений. Он обратил внимание на то, что среди черногорцев невеликое число «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки и паче всего деньги». Однако пройдет совсем немного времени, и станет ясно, что «русская идея», хотя и в своеобразной форме, окажется живучей в сознании не только большинства черногорцев, но и славянского насе-

ния венецианского Приморья, а меркантильные интересы здесь будут играть далеко не главную роль.

В начале 1767 г. в расположенной в венецианских владениях на Адриатике сельской общине Майне, в доме богатого крестьянина Вука Марковича, поселился бродячий лекарь, врачевавший до того в Черногории. Однажды в местной церкви, где среди икон находился и портрет российского императора Петра III, лекарь потребовал от своего домохозяина, чтобы тот сравнил его лицо с портретом Петра III. Сделав, как ему было сказано, Вук Маркович пришел к убеждению, что перед ним ни кто иной, как русский царь. Потрясенный, он пал на колени перед мнимым монархом, пожелавшим именовать себя Степаном Малым, сохраняя пока свое настоящее имя в тайне.

Весть о том, что в доме Вука Марковича находится русский царь, быстро разнеслась по окрестностям, достигла она и Черногории. В апреле 1768 г. туда окончательно перебрался Степан Малый, ранее бывавший там наездами. Самозванец тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщая о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к средневековой сербской династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим – что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «дезертир из Лики», «родом черногорец» и, наконец, что он русский император Петр III. Черногорцы признали в Степане Малом русского царя, и он довольно быстро стал полновластным правителем Черногории, полностью отстранив от власти митрополита Савву.

События, происходившие в Черногории, тщательно отслеживались в Петербурге. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. у Екатерины II, под влиянием находившегося тогда в Италии графа А.Г. Орлова, сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. С этой целью она направила эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию – туда в 1768 г. поехал советник русского посольства в Вене капитан Г. Мерк с грамотой к черногорцам, призывающей судить самозванца.

В Петербурге надеялись, что власти Венеции окажут содействие Мерку, однако в Венеции не без основания опасались, что Порта сочтет помочь российскому дипломату вмешательством в ее внутренние дела. Поэтому Мерк не попал в Черногорию и после вынужденного пребыва-

вания в Которе (венецианское Приморье) вернулся в Вену, чем вызвал резкое недовольство императрицы. Однако, даже если бы Мерк и достиг Черногории, у него не было шансов в одиночку отстранить самозванца от власти. В этом он смог убедиться, встречаясь с черногорцами в Которе, получая здесь информацию от местных жителей – славян и венецианцев. Они поведали Мерку многое, в том числе и о тех лицах, которые внушили Степану Малому мысль выдать себя за Петра III. Это были противники митрополита Саввы и его племянника Арсения Пламенаца – архимандрит Прасковицкого монастыря в Паштровичах Василий Глубиса и архимандрит Майнского монастыря Теодосий Mrкоевич, метившие на «упалое место» Василия Петровича, которое все же досталось не кому-либо из них, а Арсению Пламенацу. Именно они, «сообщаясь с некоторыми из знатнейших в той стороне людьми, взыскали презрительного бродягу, который два года пред тем, в венецкой Албании шатаясь, питался самою тяжелою и нискою работою, и зделали ему наставление, каким образом поступить в данных ему при том случае названии и чине»⁴⁰. К ним присоединился и Марко Танович, бывавший вместе с Т. Mrкоевичем в России, во время поездок туда Василия Петровича. Танович прилюдно заявлял, что «отвечает потерянем своей головы» в том, что Степан Малый – бывший император всероссийский. Позднее М. Танович станет при самозванце великим канцлером, а Т. Mrкоевич – личным секретарем.

Черногорцы, во всяком случае немалое их число, не были столь наивны, чтобы поверить в то, что недавний безвестный бродяга и есть бывший русский царь. Сторонники самозванца и не особенно настаивали перед «главными в народе» на отождествлении Степана Малого и Петра III, «в чем и нужды нет». Однако, утверждали они, его надо «сберегать и держать» для заведения «порядка, тишины и всенародного мира» в стране⁴¹.

Г. Мерк во время случайной встречи с черногорцами в Которе предпринял попытку разоблачить перед ними самозванца. Черногорцы, хотя и сомневаясь, были все же склонны согласиться с ним, но заявили, что с появлением Степана Малого у них «неслыханное дружелюбие, спокойствие и порядок завелись, через это... сохранило по крайней мере человек с триста, коим, конечно, по прежней их жизни быть убитыми»⁴². Уставшие от бесконечного кровопролития

черногорцы готовы были умереть за самозванца, но не отпускать его от себя, замечал Г. Мерк.

Черногорцам русский православный царь нужен был как своего рода символ защиты и опоры в борьбе с самоуправством и анархией. никто из самих черногорцев претендовать на эту роль не мог, поскольку черногорцы, чья гордыня была безмерна, не восприняли бы своего за повелителя. В случае со Степаном Малым такая ситуация разрешалась сама собой, поскольку никто даже в мыслях не мог претендовать на равенство с российским монархом, пусть и бывшим, пусть и не совсем настоящим. Поэтому, когда Степан Малый, учредив суд, ввел смертную казнь за кровную месть, уносившую не меньше жизней, чем борьба с турками, стал пресекать грабежи и разбои, это было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев.

Министр иностранных дел Сардинского королевства граф Джузеппе Ласкарис ди Кастеллар, описывая все произошедшее, сообщал туринскому двору: «Трудно представить себе изумление, вызванное странным влиянием этого нового призрака, который без всякой посторонней помощи и без денег одним только простым письмом и предыдущими таинственными и иносказательными уверениями успел убедить свободный народ, не признававший никакой дисциплины, нарушить в одно мгновение их древние обычаи, которые они считали выше всякой божеской и человеческой власти, и отделаться от своей природной грубости и от своих привычек. Действительно, эти народы питают к русскому престолу такое уважение и преданность, что даже призрак может ослепить их и внушить им самые нелепые и глупые предположения, которые они считают верными и неоспоримыми, и заставить их в одну минуту изменить своим привычкам»⁴³.

А.Г. Орлов, нуждавшийся в черногорцах и их правительстве как потенциальных союзниках, понимал, что дальнейшая конфронтация со Степаном Малым не послужит на пользу общему делу борьбы с турками. Под влиянием новых планов и Екатерина II изменила свое отношение к Степану Малому. Подтверждение этому мы находим в ее письме к А.Г. Орлову, написанному в мае 1769 г. Говоря о Степане Малом, она отмечала: «Сей от нас писанным в прошлых летах публичным манифестом объявлен обманщиком, но как его описывали там весьма сильным, то вздумали его употребить, запретя ему обман»⁴⁴.

Возлагая надежды на балканских славян, Екатерина II направила в Черногорию генерала, князя Ю.В. Долгорукова, который вместе с членами русской миссии прибыл в Цетинье в августе 1769 г. Русская делегация доставила в Черногорию партию оружия и грамоту Екатерины с призывом к выступлению против турок, но в ней ничего не говорилось о Степане Малом. Вместо выполнения своей главной задачи – организации черногорцев и сопредельных христианских народов на антиосманскую борьбу – Ю.В. Долгоруков ввязался в интриги и приказал арестовать Степана Малого, однако затем, не без влияния А.Г. Орлова, а то и по прямому его приказу, он объявил Степана Малого наместником России в Черногории. Непоследовательные действия Ю.В. Долгорукова настолько запутали ситуацию, что князь, а затем и остальные члены миссии, покинули Черногорию. В декабре 1769 г. А.Г. Орлов информировал вице-канцлера А.М. Голицына о том, что князь Ю.В. Долгоруков «принужден был уехать из Черной Горы, по претерпении многих опасностей, со всеми офицерами, и отдать команду Степке Малому, надев на него мундир российского офицера»⁴⁵.

В Черногории окрепло русское влияние. Через полгода после отъезда князя черногорские вожди в письме к венецианскому провидцу в Которе высказывались: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России – стоит против нас»⁴⁶. Летом 1770 г., в те дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами, что, вполне вероятно, было результатом тайных переговоров князя и Степана Малого, о чем Ю.В. Долгоруков писал в своих мемуарах. Как бы то ни было, черногорцы оказали вооруженную поддержку России.

Осенью 1770 г. судьба нанесла тяжкий удар Степану Малому. При проведении ремонтных дорожных работ он случайно подорвался на заложенной в скале мине и в результате этого ослеп. Помещенный в монастырь в Брчеле, он продолжал руководить страной и ждал прибытия русского флота в Адриатику, чтобы объединенными силами обрушиться на врага. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Подоспелый шкодринским пашой (Северная Албания) наемный убийца грек

Станко Клазомуня (Паликарда) заколол спящего Степана кинжалом. Произошло это 22 сентября 1773 г.

Когда в 1781 г. умер митрополит Савва, его преемником был выбран Арсений Пламенац, а после его кончины на митрополичий престол вступил выдающийся государственный деятель Черногории митрополит Петр I Петрович Негош (1784-1830), проводивший активную внутреннюю и внешнюю политику, где России отводилось центральное место. В свою очередь, Россия по-прежнему нуждалась в черногорцах как военных союзниках.

В войне 1787-1791 гг. Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русских и австрийских военных планах. Вена и Петербург рассчитывали привлечь к борьбе с турками шкодринского пашу Махмуда Бушати (лишь номинально подчинявшегося Порте) и Черногорию. О том, что такой союз, казалось бы, непримиримых врагов (черногорцы постоянно находились в состоянии вооруженной конфронтации с Северной Албанией) желателен и реален, информировали Петербург многие российские дипломаты. Черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тысяч опытных воинов, готовых вступить в бой против Турции, тем более, что в конце 1787 г. Бушати поднял очередной мятеж против султана.

Вице-канцлер И.А. Остерман поручил послу в Венеции А.С. Мордвинову установить связь с албанским пашой в целях активизации борьбы против Порты и привлечения на свою сторону черногорцев. Для ведения переговоров было решено использовать российского дипломата И.(Дж.) Оливьери. Весной 1788 г. тот отбыл из Венеции в Черногорию, имея при себе письма Мордвинова к черногорскому владыке и шкодринскому паше, в которых давались гарантии военной помощи со стороны России в случае вступления в войну против турок.

Проезжая через Далмацию, Оливьери познакомился с доверенным лицом шкодринского паша монахом-францисканцем Эразмом Франкини ди Баньо и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. И паша принял предложение русского правительства, хотя для этого ему пришлось расправиться с противниками союза с христианскими державами в Шкодре. Типичный военный деспот, он приказал «отрубить головы

двенадцати скутарским приматам, между которыми находились его ближайшие родственники»⁴⁷.

Черногорцы были в курсе всех дел. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно. Но неожиданное трагическое событие разрушило планы русской и австрийской дипломатии. Посланная в июне 1788 г. Иосифом II для переговоров с Бушати австрийская делегация во главе с представителем императора де Броньяром на обратном пути подверглась неожиданному нападению албанцев, и все австрийцы были убиты. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведения Бушати или явилось следствием заговора протурецкой группировки шкодринского пашалыка. Среди российских дипломатов мнения по этому поводу расходились.

Вскоре черногорцы по инициативе находившейся в стране австрийской военной миссии во главе с майором Ф. Вукасовичем напали на владения шкодринского паша, но военные действия австро-черногорских войск не принесли успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия во главе с подполковником М.К. Ивеличем. Российские эмиссары критиковали австрийцев и Петра Негоша за преждевременное выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Австрии, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию.

Все попытки России помочь Черногории (отправить эскадру в Средиземное море, направить к «Адриатическому морю и Черным Горам» сухопутные войска) были сорваны в силу разного рода международных обстоятельств. Оставшись одна, Черногория продолжала борьбу с Северной Албанией, а прощенный Портой Махмуд Бушати вновь восстал против султана и грозил, что пойдет на Адрианополь. Османская империя оказалась бессильной перед мятежным пашой. Но то, что не сумела сделать она, удалось маленькой Черногории. В результате двух блестящих побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) над многократно превосходящими силами противника Черногория, объединившись с населением Брды, укрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага – Махмуда Бушати. Если в первом сражении шкодринский паша был ранен и, как писал участник боя ар-

химандрит С. Вукотич, «в большом сумнительстве жизни тогда от ран находился», то во второй битве Махмуд Бушати с жизнью рас прощался. Его голова была доставлена в Цетинье и выставлена на всеобщее обозрение. О победе митрополит известил российские власти, и в ответном письме вице-канцлера П.А. Зубова отмечалось, что русский двор «с удовольствием и радостью» узнал о «знаменитой победе», одержанной черногорцами⁴⁸.

Разделавшись с Бушати, черногорцы избавились от угрозы порабощения и, возможно, полного физического истребления. Однако набеги из соседних османских владений не прекращались. Власти Черногории не желали конфронтации с соседями, митрополит и его окружение предпринимали поездки по стране с целью примирения. И в этом впоследствии немалую помощь оказали как российское правительство, так и российские дипломаты, посещавшие Черногорию.

XVIII век заложил прочную основу русско-черногорских отношений. Политические отношения между Черногорией и Россией на протяжении столетия развивались, крепли, особенно в периоды русско-турецких войн. Разумеется, Россия, содействуя косвенно или прямо освобождению балканских народов от османского порабощения, решала в первую очередь свои задачи, связанные с обеспечением безопасности южных границ, изменением в свою пользу режима Черноморских проливов. Вместе с тем, постоянно возрастающее в XVIII в. влияние России на Балканах вело к ослаблению Османской империи, способствовало развитию освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 118.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 29-30.

³ Там же. С. 40.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VIII. С. 397.

⁵ Зборник документов из историје Црне Горе (1685-1782). Цетиње, 1956. С. 29.

⁶ Политические и культурные... С. 53.

⁷ Там же. С. 51-52.

⁸ Ровинский П. Черногория в её прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т.1. С. 539, 547, 549.

⁹ Историја народа Југославије. Књига друга. Од почетка XVI до краја XVIII века. Београд, 1960. С. 1180.

¹⁰ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г., Вена // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 65-65об.

¹¹ Политические и культурные... С. 113-115.

¹² А.А. Вешняков – Коллегии иностранных дел 13 (24) мая 1743 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1746 г. Д. 5. Л. 1об.

¹³ Рескрипт Елизаветы Петровны А.А. Вешнякову, 19 (30) сентября 1743 г. // Там же. Л. 13-14.

¹⁴ Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе 1711-1918. Подгорица-Београд, 1996. С. 41.

¹⁵ Хитрова Н.И. Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные) // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 11.

¹⁶ Соловьев С.М. История России ... М., 1993. Кн. XI. С. 374.

¹⁷ Теплов В. Русские представители в Царьграде. 1496-1891. СПб., 1891. С. 28.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 33.Д. 197. 1752-1762. Л. 163.

¹⁹ Политические и культурные... С. 163-164.

²⁰ Там же. С. 187-190.

²¹ Органом высшей власти в Черногории издавна являлся общечерногорский збор, а затем скупщина, которая со второй половины XVIII в. становится собранием народных старейшин. В компетенцию збора, а затем скупщины, входило разрешение всех наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних отношений. Подробнее о республиканском устройстве Черногории см.: Александров А.И. «Нова Кола» од Николе I // Ученые записки императорского Казанского университета. 1897. Кн. 3. Раздел критика и библиография. С. 8-26; Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). М., 1998. С. 58-67.

²² Политические и культурные... С. 185-186.

²³ Хитрова Н.И. Русско-черногорские... С. 14.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 33.Д. 197. 1752-1762. Л. 263.

²⁵ Политические и культурные... С. 197.

²⁶ А.М. Обресков – Коллегии иностранных дел, 12 (23) августа 1755 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1752-1756. Д. 7. Л. 105-106.

²⁷ Соловьев С.М. История России ... М., 1993. Кн. XII. С. 205.

²⁸ Там же. С. 357-358; Политические и культурные... С. 209.

²⁹ Соловьев С.М. История России ... М., 1993. Кн. XII. С. 358.

³⁰ Там же. С. 358-359.

³¹ По официальным данным с 1756 по 1759 гг. в Россию из Черногории переселилось 1 499 человек. Однако точную цифру черногорцев-переселенцев трудно определить, поскольку под видом черногорцев прибывали также переселенцы из других югославянских земель. (Хитрова Н.И. Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 66).

³² Политические и культурные... С. 225.

³³ Там же. С. 221.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752-1762. Д. 197. Л. 417.

³⁵ Политические и культурные... С. 221.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752-1762. Д. 197. Л. 419.

³⁷ Политические и культурные... С. 234.

³⁸ Краткая выписка о черногорском народе, б/г. // РГВИА. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Ч. I. Д. 248. Ч. 6.Л. 181об.

³⁹ См.: Журнал М. Тарасова и Приложение к нему // Црногорско-русски односи. 1711 - 1918 (Черногорско-руssкие отношения. 1711 - 1918). Подгорица - Москва, 1992. Књ. I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С. 48-64.

⁴⁰ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 62.

⁴¹ Там же. Л. 99об.-100.

⁴² Там же. Л. 101об.

⁴³ Самозванец Петр III в Далмации в 1768 г. // Русская старина. 1883. №9. С. 585.

⁴⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. I. С. 16.

⁴⁵ Рачинский А.В. К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. №7. С. 277. Алексей Орлов, согласно реескрипту Екатерины II от 4 (15) марта 1769 г., имел право «тамошним знатным людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.

⁴⁶ Петрович Р. Степан Малый – загадка истории (русский лжецарь в Черногории). (Пер. с сербского С. Якшича и А. Зырина). Белград, 1996. С. 200.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1788. Д. 169. Л. 21.

⁴⁸ Там же. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796. Д. 27. Л. 1-2.

И. И. Лещиловская

ОБРАЗОВАНИЕ В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ В XVIII в.

До 70-х годов XVIII в. начальное образование в Хорватии и Славонии находилось в руках католических священников и монахов и было представлено малочисленными приходскими школами, влакившими жалкое существование. Время от времени работали городские школы.

Вместе с тем расширялась сеть иезуитских гимназий. Помимо существовавших с XVII в. гимназий в Загребе, Риеке, Вараждине, Крижевцах и Пожеге, появились средние учебные заведения в Карловаре (1736), Осиеке (1765), Винковцах (1779), а также в Беловаре на Военной Границе (1766). В течение 100 лет число учащихся в загребских гимназии и Академии (высшем учебном заведении) регулярно составляло 500–700 человек, из них третья часть приходилась на слушателей философии и теологии (теологическое образование оформилось в середине XVIII в.). В 1763–1772 гг. в загребской гимназии в среднем обучалось около 350 подростков. Уменьшение числа учащихся в ней было связано с появлением гимназий в соседних городах. В середине XVIII в. в учебном заведении Вараждина ежегодно насчитывалось 400 учеников, в Пожеге в 1761 г. было 206 гимназистов¹.

Содержание и организация учебного процесса в иезуитских гимназиях сохранялись неизменными в течение столетия. Правда, в 1759–1760 учебном году на основании декрета Марии Терезии в них в качестве обязательного предмета была введена математика.

Во второй половине XVIII в. иезуитские образовательные учреждения, в которых обучение всегда было схоластическим и нацеленным на церковные интересы, со всей очевидностью изжили себя. Школьная реформа «просвещенного» абсолютизма в Австрийской монархии, вызванная потребностями жизни, внесла существенные изменения в образовательную систему государства.

Принципиальным событием в этом направлении стала ликвидация папой Климентом XIV в 1773 г. иезуитского ордена. Мария Терезия

конфисковала в своем государстве его несметное имущество, которое составило основу государственного школьного фонда. Позднее Иосиф II ликвидировал и другие католические ордена. В Хорватии были закрыты монастыри иезуитов, паулинов и кларисс. Монастырское имущество вошло в так называемый церковный фонд, предназначенный для улучшения приходской службы в городах и селах под надзором государства. Но в ходе конфискации из Хорватии были вывезены в Венгрию многочисленные драгоценные предметы искусства и богатые библиотеки². Ликвидация иезуитского ордена открыла возможность в Австрийской монархии школьной реформы.

В 1774–1777 гг. Мария Терезия провела в государстве всеобъемлющую школьную реформу. Она была вызвана общим ходом экономического развития, ростом городов и созданием регулярной армии с их потребностями в грамотных и образованных людях, а также политическими обстоятельствами. «Просвещенный» абсолютизм решал задачи интеграции разрозненных и разноязычных регионов государства в имперское целое, в том числе путем унификации образовательной системы, и укрепления самого государства в результате ослабления позиций церкви разных конфессий. Школьная реформа означала, что образовательная сфера стала предметом политики высокой государственной власти.

Задачей школьного образования должно было стать воспитание лояльных престолу граждан, владеющих реальными знаниями на уровне требований экономики и военного дела. Было установлено двухступенчатое обучение: начальные (основные) школы с преподаванием на родном языке учащихся и средние учебные заведения – гимназии. Преобразования осуществлялись за счет средств, полученных в результате конфискации имущества иезуитского ордена.

Возглавил проведение школьной реформы И.И. Фельбигер, аббат монастыря ордена августинцев в Сагане (Силезия), разработавший систему школ и организацию учебного процесса в них. Решающую роль он отводил учителю. Его методика включала урочно-классовую форму обучения, совместные занятия, практику вопросов и ответов, использование наглядных пособий, прежде всего таблиц, и пр. Это была прогрессивная педагогическая система, хотя и несколько формализованная.

В 1776 г. высочайшим декретом школы были переданы в ведение государства. Тогда же был учрежден «*Districtus studiorum Zagrabiensis*». В него вошли все основные («народные») школы в Хорватии, Славонии, Меджимурье, Риеке с Приморьем; две низшие гимназии в Крижевцах и Руме; три высших гимназии в Бараждине, Пожеге и Осиеке; главная основная школа, Академия и главная гимназия в Загребе³.

Руководство школьным дистриктом (округом) было возложено на специальную комиссию. Ее возглавил верховный управляющий Никола Шкрлец, подчиненный Хорватскому королевскому вечу. Он занимал эту должность до 1787 г.

Н. Шкрлец (Загреб, 1729-1799), юрист, экономист, политик, принадлежал к числу наиболее видных дворян хорватского истеблишмента второй половины XVIII в. Он получил хорошее образование. Начав учебу в Загребе, молодой человек в гимназии Кисега (Венгрия) познал гуманитарные науки, в Пеште у пиаристов познакомился с риторикой. В иезуитской Хорватской коллегии в Вене он прошел курс логики и физики, в Болонье слушал право, а в Эгере (Венгрия) в юридической академии изучал муниципальные законы. Шкрлец владел, помимо родного, латинским, немецким, венгерским, французским и итальянским языками. Его библиотека насчитывала около 6000 книг. В 50-70-х годах Шкрлец занимал высокие должности в Хорватии: был членом Судебного стола, казначеем королевства, протонотаром (секретарем) королевства, членом Королевского веча. На склоне жизни он занял пост большого жупана (главы администрации) Загребской жупании. Ему принадлежали труды по правовым вопросам.

С позиции блюстителя сословных интересов хорватских дворян Шкрлец в области образования выступал против введения немецкого языка как языка преподавания в хорватских школах. Он осуждал иезуитскую схоластику и видел задачу школы в приобщении учащихся к реальным знаниям. «Повсюду его имя было очень славным, – писал о нем видный историк и писатель каноник Б. А. Крчелич, – благодаря достоинствам, которыми украшал службы, которые нес»⁴.

Когда Хорватское королевское вече было в 1779 г. ликвидировано, его дела перешли в ведение Венгерского наместнического совета. Хорватия и Славония с их школами впервые оказались в административном подчинении у Венгрии. Это зависимое положение продолжалось

до 1848 г. Перед лицом централизаторской и абсолютистской политики австрийского двора хорватский сабор узаконил в 1790 г., при некоторых условиях, административное и финансовое подчинение Хорватии и Славонии венгерской власти. А в 1791 г. (окончательно в 1805 г.) под давлением венгров он постановил ввести в латинские школы (школы с латинским языком преподавания) факультативное изучение венгерского языка. Вышла грамматика венгерского языка на кайкавском диалекте, распространенном в Хорватии. Но до 1847 г. в Хорватии и Славонии государственным языком оставался латинский⁵.

В 1777 г. Мария Терезия подписала закон об организации школьного дела в Венгерском королевстве «Ratio educationis», который распространялся и на Хорватию со Славонией. Он устанавливал ступени школ, охватывающих начальное и среднее образование. Реформа предусматривала значительное расширение сети учебных заведений. Материальное положение школ было поставлено на твердую основу: содержание их и учителей было возложено на органы государственного управления. Учебная программа устанавливалась единой для всех подданных независимо от их веры, социального положения и имущественного состояния. Учителя назначались государственной властью без вмешательства церкви.

Основные, начальные школы были трех видов: в селах – трехлетние тривиальные школы, в окружных местах – четырехлетние главные школы, в центральных городах провинций – так называемые нормальные школы. Для подготовки учителей планировалась организация курсов при загребской нормальной школе.

Вводилось обязательное начальное обучение детей обоего пола с шести до девяти лет круглый год. Дети должны были усвоить грамоту, счет, религию, основы домоводства и сельского хозяйства. Языком преподавания в начальной школе устанавливался родной язык учащихся.

Основное содержание реформы сводилось к изъятию школ из церковной юрисдикции и установлению полной власти государства в области образования, унификации учебных программ в соответствии с разрядом школ во всем государстве, единообразию учебников.

Реформа Марии Терезии продвигала в начальные школы общеобразовательные знания, преодолевала церковную концепцию образовательных учреждений, но огосударствление школы в условиях угне-

тения хорватов отчуждало ее от национальной среды, делая орудием австрийского абсолютизма.

Это особенно наглядно проявлялось на Военной Границе, которая представляла милитаризованную область и находилась в ведении Дворцового военного совета. Австрийские власти из практических соображений обращали внимание на подъем начального образования на Военной Границе. Официальным языком здесь был немецкий. С помощью немецких учителей и основных школ, где языком преподавания также был немецкий, военные власти добивались поголовного знания этого языка населением милитаризованной территории. Хотя разрешалось за счет общин открывать и «народные» школы с обучением детей на родном языке, но с обязательным изучением и немецкого языка⁶.

При всех прогрессивных чертах школьной реформы Марии Терезии реальное положение начальных школ на гражданской территории Хорватии и Славонии оставалось, за редким исключением, малообеспеченным. Не было подходящих помещений для школ, подготовленных учителей, да и сами родители – крестьяне чинили препятствия регулярному посещению детьми занятий⁷.

До 70-х годов XVIII в. программа и учебный процесс в иезуитских шестиразрядных гимназиях оставались традиционными, основываясь на типовом документе «Ratio studiorum» (Научная основа). Преподавание велось на латинском языке. Круг учебных предметов составляли латинский язык, основы греческого языка, римские классики, история (с элементами географии), вероучение (катехизис). На VI, последнем году обучения вводилась риторика. Помимо занятий в классах, учебная работа протекала в академиях – обществах лучших учеников, существовали дискуссионные клубы и пр. В школьную программу входили сценические представления как общеобразовательные и воспитательные мероприятия, задачи которых состояли в расширении знаний учащихся, тренировке памяти, практике в латыни, овладении ораторским искусством, воспитании у молодежи благочестия. По составу учеников и образовательным дисциплинам иезуитские гимназии носили светский характер. Иезуиты способствовали развитию образования в Хорватии, но наполняли его схоластическим содержанием и подчиняли интересам Контрреформации и укреплению власти Римской курии.

Постановлением Марии Терезии в 1773 г. гимназии, находившиеся в руках иезуитов, временно были переданы в управление епископам.

В 1777 г. гимназии получили новую организацию. В них было введено пятилетнее обучение. Главным учебным предметом остался латинский язык. Это в немалой степени объяснялось тем, что он был официальным языком в Хорватии и Славонии. Гимназисты начальных классов изучали также закон Божий, природоведение, арифметику и географию. В старших классах, помимо религии и природоведения, вводились еще логика, физика (в философском смысле), геометрия и высшая математика. Языком преподавания оставался латинский. Но в начальных классах гимназии допускалось преподавание и на родном языке учащихся. В 1771 г. по указанию двора в гимназиях был введен как обязательный предмет немецкий язык. Все предметы в каждом классе преподавал один учитель. Много внимания уделялось по-прежнему религиозно-моральному воспитанию гимназистов. Благодаря реформе Марии Терезии средняя школа в Хорватии и Славонии вступила на путь преодоления своей оторванности от жизни.

Наряду с обмирщением школы протекал процесс расширения социального состава учащихся. В конце XVIII в. число учеников непривилегированного происхождения в хорватских гимназиях значительно превышало численность дворянских детей⁸.

После 1773 г. изменилось положение конвиктов – интернатов для малообеспеченных или проживавших далеко от городов гимназистов. Они существовали на разовые пожертвования и за счет фондов, основанных пожертвователями. Загребский конвикт, здание которого в стиле барокко стало украшением Загреба, был преобразован в Королевский дворянский конвикт, вараждинский – какое-то время находился в ведении государства, но в 1796 г. прекратил существование.

Преобразование школьной системы в Австрийской монархии привлекло внимание Екатерины II в ходе подготовки реорганизации школьного дела в стране. Австрийский опыт частично был использован в 80-х годах при совершенствовании народного образования в России.

В конце XVIII в. в Хорватии появились специальные, профессиональные школы, которые были призваны обслуживать нужды ремесла и торговли в подготовленных кадрах. Первоначально они устраивались в трехлетних главных школах в виде одногодичного класса дополнительного обучения.

тельного обучения, в ходе которого учащиеся изучали строительное дело, механику, товароведение, математику и черчение. Такие школы назывались чертежными, математическими, геометрическими или ремесленными. Кроме того, существовали воскресные чертежные школы. Их были обязаны посещать все ученики в ремесле и торговле. В селах работали школы дополнительного (сверх начального) образования. Школьное дело теснее связывалось с реальной жизнью⁹.

С ликвидацией иезуитского ордена его Академия в Загребе, так же как гимназии, временно перешла под управление епископа. Загребский архиерей заменил преподавателей-иезуитов в Академии преимущественно белым духовенством. С начала нового учебного года в нее записалось 200 студентов на курсы философии и теологии.

В 1776 г. Мария Терезия в рамках образовательной реформы придала Академии статус, равнозначный еще четырем академиям в Венгрии. Отныне она стала Королевской академией наук – государственной высшей школой с философским, юридическим и теологическим факультетами. Но в 1784 г. Иосиф II передал теологию епископской семинарии, хотя и далее она сохранила название факультета. Юридический факультет стал наследником Политико-камеральной (финансовой) школы, которая с 1769 г. действовала в Вараждине с целью подготовки специалистов в области управления. Уже в 1772 г. эта школа переехала в Загреб и разместилась в здании Академии, чтобы в 1776 г. и вовсе слиться с ней¹⁰.

Внутренняя структура Академии включала факультеты во главе с деканами и кафедры, охватывавшие один или несколько родственных предметов. К Академии была присоединена и «главная гимназия», находившаяся в таком положении до 1842 г. В 1776 г. в Академии было 12 профессоров, утвержденных в должности Марией Терезией. 10 из них являлись священниками. На каждой кафедре имелся ординарный (штатный) профессор, который преподавал один или несколько предметов.

Документ «Ratio educationis» 1777 г. определил организацию и учебный процесс в Академии. На философском факультете учебный план включал теоретическую и экспериментальную физику и механику, логику, метафизику, моральную философию и историю философии, элементарную математику, геометрию, архитектуру, гидротехнику, общую и литературную историю. Факультативно велось преподавание вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, нумизматики,

дипломатики и библиографии. На юридическом факультете слушатели изучали каноническое, естественное, международное, общее публичное и гражданское право, а также административные и экономические предметы.

Философский факультет на уровне высшей школы давал общеобразовательные знания. Поэтому слушатели записывались вначале на этот факультет и лишь по окончании двухлетнего обучения на нем продолжали занятия на других факультетах¹¹.

В учебном процессе Академии, а именно: в курсе натуральной философии, впервые в Хорватии озвучивались новые научные идеи. С середины XVIII в. стали проникать в учебные предметы теоретические положения И. Ньютона, представления о гелиоцентрической системе мира, о строении материи. В философском курсе присутствовали, а тем самым и пропагандировались, хотя и в скромных размерах, точные и естественные знания¹². Учебный план Королевской академии существенно отличался от программы иезуитского образовательного учреждения и был более приближен к потребностям жизни Нового времени.

Языком преподавания оставался латинский. Вместе с тем в учебном процессе не запрещалось использование и родного языка. Известно, что ряд учебников по венгерскому частному праву был издан на кайкавском диалекте¹³.

В 1791-1795 гг. Академию по курсу философии закончили 122 человека, в 1796-1800 гг. – 260. Всего за десятилетие Академия выпустила 382 «философа». Это были молодые люди из Загреба (51 человек), хорватских жупаний (182), Славонии (37), Военной Границы (33), Венгерского приморья (Риекской губернии – 16), Венгрии (45), австрийских земель (18) и других мест.¹⁴ Академия привлекала молодежь с территории, далеко выходившей за рамки Хорватии и Славонии. Все это свидетельствовало о возрастании авторитета Академии как образовательного учреждения и роли Загреба как культурного центра. Помимо высшей образовательной, Академия выполняла и интеграционную функцию.

Патент 1785 г. о личной свободе зависимых крестьян, развитие сети основных школ способствовали распространению грамотности среди крестьян, а учреждение стипендий для лучших учеников позволило крестьянским детям поступать в гимназии. В 1785 г. из 409 гимназистов (кроме Загреба) 132 ученика были дворянского происхождения, 172 –

принадлежали к сословию горожан, а 105 – являлись крестьянскими детьми¹⁵. В Пожеге, например, многие гимназисты принадлежали к малообеспеченным семьям. В городе не было конвикта. И полуголодные ученики по вечерам обходили дома и просили на пропитание¹⁶.

Реформа образования способствовала расширению социального состава и студентов Академии. В 1791–1800 гг. по социальной принадлежности учащихся 148 было из крестьян, 134 из горожан, 73 из дворян и 27 из военных¹⁷. Однако результативность образовательной реформы в плане формирования хорватской интеллигенции значительно снижалась в условиях сословного строя общества. Если учесть, что многие студенты получали материальное содержание от церкви (в 1791–1795 гг. половина учащихся) и в сословной среде недворяне могли преуспеть лишь в ее лоне, станет понятным значительное преобладание (в 1791–1800 гг. 70%) среди выпускников философского курса Академии тех, кто избрал церковную карьеру¹⁸.

В самой Академии не угасала надежда на превращение ее в университет. Казалось, что события 1790 г. благоприятствовали этому. Война с Турцией вселяла надежды на освобождение юнославянских земель от власти Порты и пробуждала смутные мечтания об их присоединении к Хорватии. Академия обратилась к хорватскому сабору с прошением о проведении в жизнь университетского диплома, который был выдан ей Леопольдом I в 1669 г. Тогда по просьбе загребских иезуитов австрийский монарх утвердил новую Академию в ранге университета с подобающими ему правами, привилегиями и свободами. Соответствующий диплом утвердил и хорватский сabor. Однако генерал и старейшины иезуитского ордена воспротивились созданию в Загребе университета. Хотя грамота Леопольда I осталась нереализованной, Академия на практике в течение двух столетий функционировала как высшая школа. В конце XVIII в. акция Королевской академии получила отклик в саборе, который в своей инструкции хорватским делегатам, отправлявшимся на сессию венгерского Государственного собрания, впервые выразил поддержку ходатайству Академии¹⁹. Но времена менялись, и мечтам о превращении Академии в университет не суждено было тогда сбыться.

Главным результатом развития образовательного процесса в Хорватии и Славонии в XVIII в. было расширение сети школ. Если в 1767 г. здесь насчитывалось всего 24 основные школы, то в 1770 г. их стало 60,

в том числе 54 приходилось на село²⁰. Школьное дело вошло в компетенцию органов государственной власти, что означало его секуляризацию, хотя католическая церковь и далее сохранила серьезное влияние на образование. Светская Королевская академия стала основным очагом подготовки хорватской интеллигенции в первом поколении, но процесс ее формирования протекал крайне медленно.

Судьба и развитие школы в Хорватии, Славонии и на Военной Границе в условиях германизации и начавшейся мадьяризации были сложными. С одной стороны, потребности жизни требовали от хорватов в многонациональном государстве знания государственных языков. С другой – местная школа, находившаяся в подчинении у верховных венгерских или австрийских властей, превращалась в проводника государственной школьной политики, далекой от коренных интересов хорватов. На пороге XIX в. перед хорватским народом встало, как часть исторических задач, проблема организации системы народного образования в соответствии с общеевропейским стандартом обучения и интересами развития хорватской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Zagreb, 1969. T. I. S.139; T. II. S. 373, 539; Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987. S. 99.

² Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb...S. 120.

³ Šidak J. Regia scientiarum Academia // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 171-172.

⁴ Krčelić B. A. Annuae ili historija 1748-1767. Zagreb, 1952. S. 451; Šidak J. Regia scientiarum Academia. S. 173.

⁵ Šidak J. Jedno stoljeće u razvoju školstva u hrvatskim zemljama od 1773. do 1874 // Šidak J. Kroz pet stoljeća...S. 190; Hrvatski narodni preporod 1790-1848. Hrvatska u vrtjeme Ilirskog pokreta. Zagreb, 1985. S. 150.

⁶ Šidak J. Jedno stoljeće...S. 189, 191, 193.

⁷ Ibid. S. 195.

⁸ Ibid. S. 193.

⁹ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. 4. Hrvatska. S. 176, 178.

¹⁰ Šidak J. Regia scientiarum Academia. S. 171 i sl.; Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb... S. 120.

¹¹ Šidak J. Regia... S. 172 i sl.

¹² Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 775.

¹³ Šidak J. Regia... S. 179.

¹⁴ Nemeth K. Zagrebačka akademija uoči Narodnog preporoda // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. I. S. 172-173.

¹⁵ Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1019.

¹⁶ Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. II. S. 540.

¹⁷ Nemeth K. Zagrebačka akademija...S. 175.

¹⁸ Ibid. S. 178.

¹⁹ Šidak J. Regia...S. 176-177.

²⁰ Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1018.

Г.Л. Ари

РОССИЙСКАЯ ФЛОТИЛИЯ ЛАМБРОСА КАЦОНИСА НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРЕЦИИ (1788–1792)

Ламброс Кацонис – выдающийся деятель эпохи борьбы за национальное освобождение Греции. Он принадлежал к той плеяде греческих патриотов, которые, поступив на службу России, использовали те возможности и преимущества, которые давала эта служба, в интересах борьбы за освобождение своей родины. Под его руководством в 1792 г. греки, воспользовавшись русско-турецкой войной, предприняли первую самостоятельную попытку освободиться.

Кацонис сыграл также важную роль и в истории России, а именно в истории русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Хотя, в отличие от русско-турецкой войны 1768–1774 гг., русский флот на Средиземном море не появился, но благодаря созданной Кацонисом добровольческой флотилии здесь возник второй морской флот, отвлекший значительные турецкие силы и содействовавший успехам русского флота на Черном море. Эпопея Кацониса выходит за рамки событий второй русско-турецкой войны в царствование Екатерины II: речь идет о большой проблеме значения русско-турецких войн в подготовке национального освобождения Греции.

О подвигах Ламброза Кацониса в Ионическом и Эгейском морях в 1788–1792 гг. писали многие греческие историки. Их работы основываются главным образом на материалах французских и венецианских архивов¹. Однако богатый и важный материал о храбром российском офицере и греческом патриоте, хранящийся в архивах России, до последнего времени оставался почти неиспользованным. Первым важным шагом в этом направлении была публикация книги профессора Ю.Д. Пряхина «Ламброз Кацонис в истории Греции и России» (Санкт-Петербург, 2004). Это исследование основывается в основном на неопубликованных доку-

ментах двух петербургских архивов: Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота. В Архиве внешней политики Российской империи в Москве также содержатся многие неопубликованные документы о Кацонисе. В данном сообщении использована часть этих материалов, а также некоторые российские публикации, имеющие отношение к Кацонису. На базе этих источников мы сможем прояснить некоторые спорные вопросы, касающиеся личности Кацониса и его кампании.

Этот знаменитый русско-греческий воин родился в Ливадии (Центральная Греция) около 1752 г. В 1770 г. он был в числе многих добровольцев, присоединившихся к российскому флоту, когда тот появился в греческих водах. После Кючук-Кайнарджийского мира Кацонис, как и многие другие греческие добровольцы, переселился в Россию и стал офицером сформированного здесь Греческого полка. В 1787 г. разразилась новая русско-турецкая война, и Кацонис отличился в военных операциях на Черном море. Вскоре, однако, военные действия на Черном море приостановила зима.

Но Кацонис хотел продолжать борьбу против общего врага России и Греции. Он решил отправиться в Архипелаг и открыть там новый фронт борьбы против турок. Главнокомандующий русской армией князь Г.А. Потемкин-Таврический одобрил этот план и произвел Кацониса в чин майора. В январе 1788 г. Кацонис через Вену прибыл в Триест. Здесь, в большом союзном порту (Австрия объявила войну Порте также в январе 1788 г.), он купил и вооружил трехмачтовое судно, назвав его в честь Екатерины II «Минерва Северная». Но кто же финансировал покупку фрегата?

Об этом известный греческий историк Константинос Сатас пишет: «В январе 1788 г. локридо-беотиец* Ламбros Кацонис, находившийся на русской службе, прибыл в Триест и, купив на взносы греков 26-пушечный американский крейсер и назвав его “Минерва Северная”, отплыл с остальной флотилией, целиком за счет греков оснащенной»².

Некоторые греческие историки повторяют подобные утверждения. Но, как отмечает профессор О. Кациарди-Херинг в своем интересном

* Локрида-Беотия – область Центральной Греции.

исследовании «Миф и история: Ламброка Кацонис, его спонсоры и политическая тактика», эти утверждения основываются на второстепенных и косвенных источниках³. Существуют между тем прямые и достоверные российские источники, позволяющие прояснить этот вопрос. На их основании можно утверждать, что деньги на покупку этого первого судна Кацониса собрали не греческие купцы, а русские офицеры. С этой целью они образовали компанию во главе с контр-адмиралом Н.С. Мордвиновым, которая финансировала бы крейсерские операции и получала бы от них доход. В действительности же они не получили никакого дохода от этих операций, так как Кацонис использовал взятые трофеи для создания своей флотилии. Все эти подробности сообщил сам Мордвинов в письме доверенному советнику императрицы А.А. Безбородко от 30 ноября (11 декабря) 1792 г., которое опубликовано⁴.

Что же касается купцов Триеста, то они действительно приняли участие в оснащении флотилии и обеспечении ее выхода в море, но не безвозмездно. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые из них в январе 1789 г. представили свои требования о погашении Кацонисом своего денежного долга перед ними⁵.

Кацонис отплыл из Триеста 28 февраля (11 марта) 1788 г. Свою кампанию он подробно описал в письме Н.С. Мордвинову от 31 октября (11 ноября) 1788 г.⁶ Первое боевое столкновение произошло у него 29 апреля (10 мая) у побережья острова Закинф в Ионическом море. Противником его стал дулциниотский корабль, вооруженный также 28 пушками. Дулциниоты^{*} имели репутацию опытных мореходов, а также свирепых пиратов. В жестоком бою греки одержали верх и захватили дулциниотский корабль. В этом эпизоде Кацонис проявил себя не только отважным воином, но и жестоким и беспощадным корсаром. Зараженные в бою пленники были преданы смерти, по словам Кацониса, «в отмщение ве-роломства, от их рода происходящего». Действия греческого командаира соответствовали нравам той эпохи, когда война на Востоке велась с крайней жестокостью.

* Дулциньо (Улцинь) – город на побережье Адриатики, населенный в то время албанцами-мусульманами.

В результате взятия в приз судов и притока добровольцев к июню 1788 г. в составе флотилии Кацониса находилось уже десять судов, укомплектованных более чем 500 моряками. Продолжая свой поход на восток, эскадра Кацониса подошла к острову Кастель-россо (Кастелоризон), вблизи побережья Малой Азии, где проходили важные коммуникации, связывавшие столицу империи с ее африканскими владениями. 23 июня (4 июля) гарнизон турецкой крепости на острове после короткого боя капитулировал.

Кацонис разрушил крепость, а пленным туркам и их семьям – всего около 400 человек – сохранил жизнь и отправил на близлежащий азиатский берег. Об этом его попросили архиерей и старшины острова, опасавшиеся карательных мер турок против греческого населения.

Самым важным событием этой кампании было первое большое столкновение флотилии Кацониса с турецким флотом, произшедшее 20 (31) августа 1788 г. к востоку от острова Скарпантон (Додеканесы). Против турецкой эскадры, состоявшей из пяти кораблей: линейного корабля, фрегата и трех небольших судов – кирлангичей, Кацонис сражался только на своем флагманском корабле «Минерва Северная», так как остальные корабли его флотилии из-за сильного противного ветра отстали от флагмана. На своем небольшом фрегате с 28 пушками и командой из 150 человек он сражался почти целые сутки против эскадры турецких кораблей. Моряки Кацониса проявили в этом неравном бою военное мастерство и непреклонную решимость победить или умереть. По словам самого Кацониса, «пусть разсудит свет беспристрастно; не сдалась ли бы какая ни есть другая нация, но руссо-греки, быв потомки в свете славных воинов, наконец, то есть по захождении солнца, когда уже очень и очень было трудно, всеохотно следовали моему совету, что в неизбежном случае погибнуть всем, сожегши нарочно фрегат, только чтобы не удалось неприятелям взять непобедимый наш флаг. Бог услышал сие верных своих мнение, и турки напоследок столько сбиты и замешаны, что едва могли направить свои паруса и обратились в бег. Они возвратились с немалым корабельных счастей убытком, как тогдаж примечено и ныне слышно, да и люди многие побиты. Однакож и мой фрегат ранен, а более счасти и парусы повреждены от пушечных и ружейных пуль». Человеческие потери Кацониса в этом бою составили одного человека убитым и четверых ранеными.

После этой блестящей победы Кацонис отправился на Закинф, один из принадлежавших венецианцам островов в Ионическом море, для починки своего сильно пострадавшего в бою корабля. Здесь его ждал неприятный сюрприз. По приказанию российского полномочного министра во Флоренции Д. Моцениго некий русский офицер объявил Кацонису, что он впал в немилость императрицы, потому что отобрал деньги у одного капитана из Рагузы, несмотря на то, что адриатическая республика сохраняла нейтралитет в русско-турецкой войне. Эта «конфискация» действительно имела место, так как Кацонис считал, что в этой войне, как и в предыдущей, Рагуза была союзником турок. Но вскоре тот же офицер, также по поручению Д. Моцениго, объявил Кацонису, что императрица его простила. Весь этот эпизод Кацонис считал результатом интриг Д. Моцениго и генерала А.К. Псаро, поверенного в делах России на Мальте (оба они были греками), завидовавших боевым успехам командира добровольческой флотилии.

Снисходительное отношение Екатерины II к поступку Кацониса, нарушившего международное право, по-видимому, было связано с ее geopolитическими планами, напредшими отражение в знаменитом Греческом проекте. Дипломатические переговоры с великими державами о его осуществлении, которые велись в 1782–1783 гг., не дали результата и были прекращены. Однако Екатерина II не отказалась от своих замыслов, решив добиваться активного вовлечения самих греков в борьбу за освобождение от чужеземного ига и формирование новой Греческой империи. Об этом говорит манифест Екатерины II к грекам от 17 (28) февраля 1788 г. В нем, наряду с обычным в таких возваниях призывом подняться в «защиту благочестивой церкви... и веры православной», российская самодержица обращалась к видным духовным и светским лицам Греции и ко «всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Несчастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще изтребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и му-

жество. Ополчитесь единодушно возстановить падший ваш жребий: к содействию на то приходят к вам наши морские силы»⁷.

Манифест Екатерины II, который активно распространяли русские агенты, произвел большое впечатление на греков. Их надежды на освобождение питали и широко распространявшиеся известия о намерении Екатерины II сделать своего внука Константина королем эллинов.

После начала русско-турецкой войны в Кронштадте готовилась к новому походу в Средиземное море мощная русская эскадра из 16 линейных кораблей и фрегатов под командованием участника Чесменской битвы адмирала С.К. Грейга. В этом плане посылка Кацониса в Архипелаг должна была подготовить поход русского флота к берегам Греции. Так считал, в частности, Г.А. Потемкин, главнокомандующий русской армии и один из инициаторов Греческого проекта. Об этом он сообщал Екатерине II 13 (24) апреля 1789 г.: «Изыскивая все способы к нанесению вящшаго вреда неприятелю и к всегдашнему его озабочиванию, отправил я в начале 1788 года одного из храбрых греков майора Лампро-Кацони в Архипелаг, дабы мог он единоземцев своих приуготовить к прибытию флота Вашего Императорского Величества и делал бы всевозможные поиски»⁸.

«Поиски» эти, как мы видели и еще увидим, были весьма успешны. В результате кампании 1788 г. произошло важное качественное изменение в статусе Кацониса: из одинокого капера он превратился в командира созданной им самим российской военной флотилии на Средиземном море. Несмотря на ее иррегулярный характер, флотилия находилась в подчинении главного командования армии России, весьма заинтересованного в продолжении и расширении ее операций.

Круг лиц, от которых зависел по служебной линии греческий моряк, в целом был ограничен: это был сам Г.А. Потемкин, поручивший ему миссию в Греции, а также генерал-поручик И.А. Зaborовский, которому Екатерина II поручила проведение операций на Балканах и в Южной Европе, связанных с предполагавшимся походом русского флота в Средиземное море. И Потемкин, и Зaborовский высоко ценили храброго грека и поддерживали его. Но непосредственно иметь дело Кацонису приходилось с российскими военными и дипломатическими представителями более низкого уровня. Начальники эти стремились командовать отважным воином, который вел самостоятельную морскую войну, и

заодно «приобщиться» к его успехам. Кацонис, отличавшийся независимым характером и знавший себе цену, болезненно реагировал на эти попытки. В начале 1789 г. на этой почве у него происходит столкновение с бригадиром В. Мещерским, посланным в Триест для того, чтобы содействовать ремонту и оснащению русско-греческой флотилии для нового похода. Для этой цели Мещерский выделил Кацонису небольшую денежную сумму. Заметим здесь, что, в отличие от российской флотилии Гульельмо Лоренцо, действовавшей также в это время на Средиземном море, флотилию Кацониса государство не финансировало. Содержалась она исключительно за счет трофеев, а деньги, полученные от Мещерского, были даны зaimообразно. Хотя эта сумма не покрывала элементарных нужд флотилии, Мещерский потребовал, чтобы та немедленно вышла в море. Натолкнувшись на сопротивление Кацониса, бригадир обвинил его в неповиновении и через австрийского коменданта Триеста добился его ареста 17 (28) января 1789 г. и заключения в крепость.

Генерал Заборовский осудил эти произвольные действия Мещерского. В своем донесении доверенному советнику Екатерины II А.А. Безбородко от 12 (23) апреля 1789 г. он писал, что бригадир своим грубым и неразумным поведением вызвал возмущение Кацониса и задержал выход в море его флотилии. Заборовский приказал немедленно освободить Кацониса и после его освобождения принес ему извинения за поведение Мещерского⁹.

Арест Кацониса вызвал большое волнение у греческой общины Триеста. Бывший генеральный консул России в Смирне (Измир) П.А. Фериери, оказавшийся в этот момент в Триесте, сообщал в своем донесении от 23 января (3 февраля) 1789 г.: «Здесь все греческое население прилагает все усилия для того, чтобы ободрить майора Ламбру и помочь ему». Согласно Фериери, когда Кацонис 25 февраля (8 марта) вышел из крепости, народ приветствовал его возгласами: «Да здравствует Екатерина II! Да здравствует Иосиф II! Да здравствует Ламбрис!»¹⁰.

Кацонис снова вышел в море из Триеста 8 (19) апреля 1789 г. К этому времени его флотилия насчитывала 10 судов, вооруженных 210 пушками (360 пушек было еще в запасе). Обновленная команда флотилии насчитывала в целом 557 человек¹¹.

Кампания 1789 г., как и предыдущая, была весьма успешной для Кацониса. Он продолжал наносить удары по турецкому судоходству в

Эгейском море и одержал победу над турецким флотом в нескольких сражениях. Но кампания 1789 г. имела и существенные отличия от предыдущей. Впервые проявилось тогда сокровенное намерение храброго воина освободить свою родину с помощью России, а в крайнем случае – и без нее. Находившийся при Кацонисе секретарь Иван Базилевич поссорился с ним и покинул его. Оправдывая свое поведение, он написал своего рода донос на командира добровольческой флотилии контр-адмиралу С.С. Гибсу, которому после возвращения в июне 1789 г. генерала И.А. Зaborовского в Россию был поручен контроль за деятельностью российских флотилий на Средиземном море. Отставной секретарь обвинял Кацониса в наличии у того планов, выходивших за рамки его обязанностей как российского офицера: «Майора Ламброка главное намерение и ежеминутные мысли, прилагая греческий народ к возмущению, возвратить от турок греческое царство и потом сделаться первенствующим. На сей то конец представляет от себя ныне в Архипелаге столько полномочным и не признает никакого начальства»¹².

О подготовке Кацониса к освободительной акции в Греции свидетельствует и его решение не возвращаться в 1789 г. в Триест, а превратить остров Кея в свою постоянную базу, по его собственным словам, в *piazza d'arme** Архипелага. Он не согласовал свое решение с Гибсом, которого не без оснований считал своим недоброжелателем. В переписке же с Зaborовским, которую Кацонис продолжал и после отъезда того, он сообщал, что завладел портом острова Кея, который теперь станет базой для операций не только на островах Архипелага, но и на греческом континенте. «На этих днях, – писал Кацонис Зaborовскому в письме от 20 июня (1 июля) 1789 г., – должен прибыть ко мне из Румелии один известный греческий воин, капитан Андруцио, с 500 греками, также и сие поощрит приводить мои предприятия к желаемому успеху».

Далее он раскрывал сущность этих предприятий: речь шла о том замысле, который «инкриминировал» ему Базилевич, – великому замысле освобождения Греции. По мнению Кацониса, для его осуществления существовали в то время самые благоприятные условия: «Предприятия мои, повторю, не иные другие, как только пробудить Грецию и припомн-

* *Piazza d'arme* (*итал.*) – плацдарм.

нить ей, что она под игом турецким уже столько сот лет, и из всего того вывесть следствие, подобные государствам славившимся, упавшим и вновь возвышившимся, и что для сего не было и не будет подобного времени и случая как ныне, то есть: 1е, относительно покровительства августейшего всероссийского двора для рода греческого, и что 2е, в какой ныне расстройке и бедствии оттомане»¹³.

На Кея Кацонис нашел многих приверженцев и помощников. В их числе был Николаос Панголос, позднее – горячий революционер и член национально-освободительной организации Филики Этерия. Кея для Кацониса стала не только базой его флотилии, но и базой его личной жизни. Здесь он женился во второй раз. Избранницей его стала Мария, прекрасная дочь одного из видных людей острова Петра Софianоса.

В феврале 1790 г., перезимовав на острове Каламос, Кацонис снова отправился в Архипелаг в свою третью экспедицию. На сей раз отважного грека ждали еще более тяжкие испытания. Порта, встревоженная успехами Кацониса, чья флотилия не только взяла под свой контроль Архипелаг, но и нарушила снабжение столицы продовольствием, направила против флотилии большую эскадру. Султан пригрозил командирам казнью, если они не доставят ему голову Кацониса. Решающее сражение произошло 6–7 мая (17–18 мая) 1790 г. в проливе между островами Эвбея и Андрос. Описание этой беспримерной битвы между маленькой флотилией Кацониса и огромной турецкой армадой содержится в петиции офицеров флотилии Кацониса Екатерине II от 18 (29) сентября 1790 г. Вот рассказ из первых рук об этом сражении, которое, несомненно, должно войти в анналы самых знаменитых морских битв XVIII века: «Наша флотилия, состоявшая из девяти судов, оказавшись совсем в одиночестве между островами Андрос и Каводорос*, была атакована 6 мая турецким флотом из 19 судов, часть которых составляли линейные корабли и фрегаты. На протяжении жестокого боя, когда мы были уже близки к блестящей победе над столь превосходящим по силе противником, неожиданно появились еще 13 больших алжирских кораблей. На нас со всех сто-

* В действительности Каводорос – это не остров, а мыс на острове Эвбея, а также пролив между Эвбеей и Андросом. Современное название – Кафиреос.

рон обрушился огонь страшной силы с 32 больших кораблей, против которых мы сражались двое с половиной суток с яростью отчаяния. Несколько этих кораблей было нами уничтожено или сильно повреждено. Но, испытывая недостаток в боеприпасах на четырех самых больших наших кораблях, совершенно разрушенных и неспособных сражаться дальше, мы, чтобы они не попали в руки турок, сами их подожгли и взорвали, так что у нас осталось только пять небольших кораблей. И с ними, заставив очень дорого заплатить за кровь наших ран и жизнь большого числа наших храбрых товарищей, которые с оружием в руках пали с доблестью и славой в этой знаменательной битве, мы отступили с нашим храбрым командиром Ламбром, опасно раненным, к острову Цериго [Китира]»¹⁴.

Флотилия Кацониса в этой битве понесла существенный ущерб: она лишилась четырех наиболее боеспособных своих кораблей. Велики были и человеческие потери греков: в бою были убиты 565 офицеров и рядовых моряков, еще 53 моряка попали в плен¹⁵. Турки учинили над пленниками зверскую расправу: некоторые были повешены на реях вернувшейся в Константинополь эскадры, другие были казнены в греческих кварталах турецкой столицы для устрашения жителей, а шести пленникам отрубили головы на глазах самого султана¹⁶.

Победа турок в сражении у Андроса была пирровой: по некоторым данным, их потери в сражении составили около 3 тысяч убитыми и большое число ранеными. Многие турецкие и алжирские суда получили столь серьезные повреждения, что их пришлось отбуксировать в Константинополь для проведения срочного ремонта¹⁷.

Воспользовавшись временным уходом флотилии Кацониса из Ахипелага, турки постарались уничтожить ее базу на острове Кея. Высаженный на острове турецкий десант численностью около тысячи человек уничтожил построенные здесь военные сооружения и учинил жестокую расправу над всеми жителями острова, вне зависимости от какого-либо их участия в предприятии Кацониса. В петиции, направленной жителями острова Екатерине II в 1792 г., они описывали «печальные обстоятельства нашего уничтожения, несправедливую и оскорбительную гибель невинного нашего архиерея, противозаконное истребление христиан, которых убили здесь турки, и опасности для остальных»¹⁸.

Несмотря на неблагоприятный для Кацониса исход битвы с турецким флотом, капитаны иностранных судов, бывшие ее свидетелями, учитывая огромное неравенство сторон, не считали ее поражением греков. В России же мужество и героизм, проявленные в этой битве Кацонисом и его моряками, произвели большое впечатление.

Г.А. Потемкин в своем донесении Екатерине II от 20 (31) июля 1790 г. отмечал, что Кацонис, несмотря на превратности военного счастья, полон решимости продолжать борьбу и заслуживает поощрения: «Лампро-Кацони потерпел в сражении с турками, но сам и почти со всеми спасся; исправясь пойдет опять. Я произвел его подполковником прошлого году, прошу о пожаловании его полковником». Через полмесяца Потемкин возобновил свою просьбу о производстве Кацониса в следующий чин, подчеркнув значение для России его военных операций на Средиземном море¹⁹.

Екатерина удовлетворила просьбу главнокомандующего российской армией. Кацонис был не только произведен в чин полковника, но и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, которым награждались офицеры и генералы за храбрость в бою. Он получил этот орден, как говорилось в указе императрицы от 12 (23) сентября 1790 г., «в награждение его храбрости и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля»²⁰.

Через некоторое время после гибели большей части флотилии Кацониса в битве с турками к ней присоединились некоторые островитяне со своими судами, и операции против турецкого судоходства в Эгейском море, хотя и не в прежнем объеме, возобновились.

Сделав своей базой принадлежавший Венеции остров Итака в Ионическом море (республика Св. Марка вследствие своих напряженных отношений с Портой смотрела сквозь пальцы на деятельность воюющих греков), Кацонис занимался ремонтом своих судов, запасал военное снаряжение и продовольствие, рассчитывая в октябре 1790 г. выйти в море с обновленной флотилией. Однако планы эти не осуществились, так как Кацонис получил приказание Потемкина прибыть к нему для отчета. В сентябре, поручив командование флотилией своему ближайшему соратнику Н. Касимису, который до весны 1790 г. продолжал действовать в Архипелаге, Кацонис вместе с некоторыми офицерами своей флотилии отбыл в Вену. Здесь они в течение нескольких месяцев

напрасно ожидали встречи с генерал-майором В.С. Томарой, которого Потемкин назначил командующим действовавшими на Средиземном море российскими флотилиями.

В ходе предполагаемых контактов с главнокомандующим русской армией и его представителями командиры добровольческой флотилии ожидали не только решения относящихся к ней финансовых и организационных вопросов. Блестящие победы русской армии и флота в войне с турками и успешная морская война, которую сами греки вели в Архипелаге, породили в греческом обществе надежды на скорое избавление их страны от чужеземного ига. Неясность намерений российского правительства в этом отношении побудила офицеров флотилии Кацониса обратиться 18 (29) сентября 1790 г. непосредственно к Екатерине II. В своем прошении они напоминали, что Кацонис был послан в начале войны с манифестами императрицы и с приказаниями Потемкина побудить греков поднять оружие против общего врага, в надежде, что пришел час освободить «нас от османского ига и возродить блеск Греции». Греческие моряки излагали историю своей действительно героической, неравной борьбы, которую они вели ради достижения этой великой цели.

«На протяжении всей этой войны, руководимые отважным и смелым командиром Ламбром, с маленькой и жалкой флотилией мы осуществили сильнейшую диверсию против Порты, вынудив ее уменьшить ее большой флот на Черном море, так как она должна была послать против нас в Архипелаг эскадры, сильно превосходившие нас числом, силой и размерами, поскольку их один корабль мог сражаться против всей нашей маленькой и очень слабой флотилии. Несмотря на все это, мы имели смелость противоборствовать им, сражаться с ними и одержать славные победы. Мы сумели вызвать недостаток съестных припасов в Константинополе в течение шести месяцев, закрыв дорогу и захватывая все суда с продовольствием и военные корабли. Ваше императорское знамя победоносно реяло над всем Архипелагом. Все это причинило величайший страх нашему общему врагу, наряду с весьма значительным ущербом и позором».

Греческие офицеры выражали готовность продолжать борьбу и сражаться в будущих боях – по-прежнему во главе «с нашим блестящим командиром Ламбром, который своими геройскими действиями, своим

хорошим поведением и своей человечностью завоевал любовь и доброжелательство всех греков». Они просили Екатерину II подождать с заключением мира с оттоманами до следующей кампании и давали торжественно обещание: «Обещаем и клянемся Вам нашей святой религии, что греки уже будут иметь к тому времени королем Константина»²¹.

Какой-либо реакции на это обращение не последовало. Есть основание предполагать, что, столкнувшись с упорным сопротивлением турок и враждебными действиями ряда европейских держав, Екатерина II думала уже не о греческом троне для своего внука, но о скорейшем завершении войны. С начала 1790 г. велись предварительные переговоры о мире между Россией и Турцией. Перспектива прекращения русско-турецкой войны вызывала большое беспокойство у воюющих греков. Об этих настроениях мог судить уже упоминавшийся П.А. Фериери, который оказался в Вене одновременно с офицерами Кацониса. Контакты в Вене с представителями Греции и письма, приходившие из их страны, создали у него впечатление, что греки ждут только первого сигнала для того, чтобы начать восстание. В этом отношении бездеятельность петербургского двора и Потемкина вызывали у них глубокое разочарование. До русского эмиссара дошло, что в своей среде они горько упрекали себя за то, что слишком доверчиво отнеслись к возвзваниям императрицы, а также за то, что чересчур опрометчиво позволили себя увлечь обещаниями представителей России. Фериери также сообщал в Петербург, что офицеры Кацониса заявили ему, что греки твердо решили начать свою революцию, с поддержкой России или без нее²².

Но следует заметить, что отнюдь не все греки разделяли эти настроения. По свидетельству очевидца событий, французского дипломата и купца Ж. Лазаля, идиоты, обладатели самого большого флота Греции, во время войны 1787–1791 гг. «ревностно служили туркам и проявили себя врагами греко-русских»²³.

Весной 1791 г. генерал В.С. Томара, назначенный Потемкиным командующим российскими средиземноморскими флотилиями, прибыл наконец к месту своего назначения. Местопребыванием его стал остров Каламос, у побережья Акарнании. Рядом, на острове Итака, родине легендарного Одиссея, сосредоточилась эскадра Кацониса.

Томара прибыл в Грецию с ордером Потемкина от 24 декабря 1790 г. (4 января 1791 г.), где командиру греческой флотилии давалась весь-

ма положительная оценка: «Известная храбрость и предприимчивость полковника Лампро Кафони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что с добрыми наставлениями он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите». В ордере содержалось приказание контр-адмиралу С.С. Гибсу и подполковнику Г. Лоренцо прибыть в распоряжение главнокомандующего, а генералу А.К. Псаро «не мешаться» в дела флотилии²⁴. Иначе говоря, Кафонис становился фактически единоличным руководителем военных операций на Средиземном море.

Стоит отметить, что вскоре после битвы при Андросе, в результате прибытия новых добровольцев на собственных судах, покупки нескольких кораблей в Триесте и присоединения бывшей флотилии Г. Лоренци, боевая мощь эскадры Кафониса не только была полностью восстановлена, но и возросла. К сентябрю 1791 г. под командованием Кафониса собрался 21 корабль²⁵. С этой морской силой Кафонис рассчитывал не только разгромить турецкий флот в Архипелаге, но и форсировать Дарданеллы. Однако выйти в море Кафонис не успел, так как пришел приказ главнокомандующего русской армией Н.В. Репнина о прекращении военных действий в связи с подписанным 31 июля (11 августа) 1791 г. предварительного мира с турками.

29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах был подписан мирный договор, окончательно прекративший русско-турецкую войну. Ясский мирный договор, в котором какое-либо упоминание о Греции вообще отсутствовало, вызвал здесь глубокое разочарование. Сотни греков-добровольцев геройски сражались и гибли на кораблях под командованием Кафониса. Но жертвы их оказались напрасными: надежды на освобождение не сбылись. О реакции сподвижников Кафониса и его самого на Ясский мир Ж. Лазаль, близко знакомый с этими людьми, писал в записке от 17 (28) мая 1792 г., представленной российскому поверенному в делах в Константинополе А.С. Хвостову:

«Новость эта разрушила все планы и вызвала у греков глубокое горе. Многие из них, покинув свои дома и турецкие области, рассчитывали вернуться туда только победителями, они боялись, что, вернувшись туда в ином качестве, они очень плохо будут приняты турками. Все принесли жертвы, покинув свои дома и экипируясь и вооружаясь за свой счет...». «Господин Ламбро Катзони, – продолжал французский

наблюдатель, – хотя лично для него счастливая будущность и была обеспечена, чувствовал несчастье этих греков и боялся, что они захотят его упрекать, так как преданность к себе и доверие, которое он им внушил, в значительной степени способствовали их несчастью»²⁶. К этому следует добавить, что, как уже говорилось, некоторые офицеры флотилии Кацониса еще в ходе русско-турецкой войны пришли к мысли, что войну с турками за освобождение Греции надо продолжать в любом случае – независимо от позиций России.

Командир флотилии был в этом отношении полностью солидарен со своими товарищами по оружию. Получив от генерала Томары приказ отвести свои корабли в Триест и разоружить их, он отказался его выполнить. Весной 1792 г. Кацонис с 11-ю кораблями²⁷ покинул Итаку и направился к берегам Мани, на юг Пелопоннеса. Эскадра Кацониса состояла из легких и слабо вооруженных кораблей – тяжелые суда российской средиземноморской флотилии после заключения русско-турецкого перемирия были отведены на зимовку в Сицилию. Самым крупным судном эскадры была шебека «Св. Иоанн Патмосский» с экипажем в 60 человек. Общая численность личного состава составляла свыше 200 человек²⁸. На кораблях эскадры находился также отряд kleftov под командованием Андруцоса, составлявший, как считалось, свыше 500 человек.

Мотивы своих действий Кацонис объяснил в манифесте, опубликованном в мае 1792 г.²⁹ Греческий патриот напоминал, что его соотечественники всегда откликались на призывы России и в нужных случаях приходили ей на помощь: «Напрасно было бы потерянно время описывать все услуги Греческою нациею Российской империи оказанныя, поелику всем известно в каких случаях, как и когда сия нация посвятила себя оной империи, будучи побуждаема надеждою выручить потерянную свою вольность, и ободряема обещаниями российских генералов, а более еще полагаясь на единоверие, и сему есть видимый пример сия войны».

Далее в манифесте подробно говорилось о действиях флотилии Кацониса, отвлекших крупные турецкие силы с черноморского театра войны, о больших усилиях и жертвах греческого народа в ходе русско-турецкой войны. Греки надеялись, продолжал Кацонис, «что при заключении будет им доставлено какое-нибудь малое вольное место в

награждение ими понесенных трудов, но ничего для них не сделано...». По словам Кацониса, без какой-либо защиты и помощи оказались и семьи греков, воевавших с турками на его флотилии: «Слезы и воздыхания многих семей, разоренных за славу России, лишившихся тех, кои их содержали, и видя свои имения в руках варваров, не имея притом другого утешения, как одни только свои слезы, принудили Кацониса отмстить пролитую в сию войну кровь их родственников». Греки, заявляя Кацонис, решили продолжать свою борьбу и после завершения русско-турецкой войны. Они, по словам вождя повстанцев, «не престанут не-навидеть злодея [с коим Россия примирилась], пока не престанут более принадлежать им их на то права, что надеются от милости и правосудия Ея Императорского Величества, общей матери».

Наряду с этим манифестом Кацонис, по некоторым сведениям, распространил воззвание к греческой нации, в котором как «король Спарты» призывал греков поддержать его борьбу против Турции³⁰. Все эти действия Кацониса открыли новый этап в греческом освободительном движении периода русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Греческий патриот, находившийся на службе русского правительства, порвал с ним, а находившиеся под его командованием вооруженные силы теперь будут действовать только в национальных интересах Греции, без какого-либо внимания к политике России. Однако дальнейшее изучение этого вопроса не позволяет сделать столь категоричный вывод. В этой связи стоит привести малоизвестный документ – прошение греков Екатерине II от 19 (30) мая 1792 г.:

«Ваше Священное Императорское Величество! В сходство манифестов, публикованных в 1769 и 1788 гг., греческая нация не упустила для пользы службы В.И.В. как в прежнюю, так и в недавно прошедшую войну посвятить собственныя имение и кровь. Оная также не оставила привесть в исполнение словесно сообщенныя приказания от покойного князя Потемкина Таврического нашему начальнику Лампро Кацционию относительно установления его в самой крепчайшей стороне Греции на тот конец, дабы видеть себя освобожденными от недостойного варварского и тиранского ига и иметь на престоле Греции в Великом Константине собственного самовластного Государя и Самодержца. Почему всепокорнейше испрашивая от врожденного человеколюбия В.И.В. о утверждении нас с публичным флагом в порте Майнском,

именуемом Кайо, все единодушно повергаемся пред Императорским Вашим престолом. Подписало 147 человек»³¹.

Неизвестно, была ли среди этих подписей и подпись Кацониса (они не приводятся), но его причастность к составлению этого прошения несомненна. Смысл документа ясен: руководитель греческих повстанцев стремился доказать, что все его действия вытекают из политики самой России. Более того, он утверждал, что занимается претворением в жизнь Греческого проекта Екатерины II, так как намеревается сделать самодержавным правителем Греции ее внука великого князя Константина. Характерно здесь и обращение к совету Г.А.Потемкина, одного из авторов Греческого проекта, начать эту операцию в «крепчайшей [т.е. хорошо защищенной. – Г.А.] стороне Греции». Иными словами, о каком-либо разрыве отношений между Кацонисом и правительством России речь здесь не шла.

Следуя этому совету Потемкина или же руководствуясь собственными соображениями, Кацонис сделал базой борьбы за национальное освобождение Греции Мани, горную область на юге Пелопоннеса, пользовавшуюся во времена османского господства фактической независимостью. По данным на 80-е гг. XVIII в., население области составляло 32 тыс. человек, из них 10 тыс. взрослых мужчин, которые все были вооружены³².

По некоторым сведениям, Кацонис уже в первый год своей кампании в Архипелаге установил связи с маньятами. А в августе 1791 г. видный капитан Мани Д. Григорakis, «проверенный от всех греко-россиян в Майнे», как он себя называл, прибыл на остров Каламос и представил генералу Томаре документ о согласии маньятов на создание в их области базы российской флотилии, действовавшей на Средиземном море. Маньяты собирались сформировать корпус в 3 тыс. человек для защиты этой базы. Таким образом, Мани должна была стать плацдармом для освободительных операций в Греции, и не только на море.

После прибытия в Мани Кацонис сделал своей базой Порто-Кайо (мыс Матапан). Для прикрытия узкого входа в бухту моряки Кацониса построили пять батарей. Однако расчеты Кацониса на помочь горцев Мани не оправдались. В памяти маньятов, так же как и других пелопонесцев, еще живы были воспоминания о катастрофе, постигшей полуостров в 1770 г. А ведь тогда Россия вела войну с Османской империей,

и в Эгейском море находился ее флот. Правда, как уже упоминалось, маньяты обязались силами своего трехтысячного отряда защищать базу российского флота в Мани. Но обязательство это было дано в августе 1791 г. официальному представителю России генералу Томаре, представлявшему страну, находившуюся тогда в состоянии войны с Османской империей. Однако в июне 1792 г. мирные отношения между обеими державами уже были восстановлены. Самостоятельная же акция Кацониса противоречила этой акции, а маньяты, в случае их союза с вождем греческих повстанцев, не могли рассчитывать на какую-либо помощь со стороны России. Кроме того, Порта, узнав о действиях Кацониса, предприняла сильнейший нажим на маньятскую верхушку. Капитан-паша, под юрисдикцией которого находилась Мани, арестовал в Стамбуле 40 видных маньятов, заявив, что все они будут казнены, если ему не выдадут Кацониса – живого или мертвого. Порта потребовала также от константинопольского патриарха, чтобы он пригрозил жителям Мани отлучением от церкви в случае, если они поддержат Кацониса³³.

В начале июня 1792 г. в Эгейское море вошла турецкая эскадра под командованием капитан-паши Хюсейна в составе 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и 2 небольших судов. На кораблях находился сильный десантный отряд. Неблагоразумные действия моряков Кацониса, совершивших нападения на торговые суда ряда стран, в том числе Франции, привели к тому, что к турецким кораблям присоединился еще и французский фрегат (по другим данным, в операции участвовали два французских фрегата). 17 (28) июня 1792 г. турецко-французская эскадра начала операции против Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и клефты Андруцоса стойко отбивали атаки врага. Положение защитников Порто-Кайо сильно осложнилось в результате действий бея Мани Дзанетоса Григоракиса, подступившего с суши с семитысячным корпусом к опорной базе повстанцев. Предварительно он известил Кацониса о своем движении и посоветовал ему покинуть Мани. Кацонис был вынужден прекратить борьбу.

Темной ночью на быстроходном судне он незаметно прошел между кораблями турецко-французской эскадры и благополучно добрался до принадлежавшего венецианцам острова Цериго.

О судьбе сподвижников Кацониса и присоединившихся к нему клефтов Румелии существуют противоречивые сведения. Так, российский

консул на Корфу Л.П. Бенаки сообщал 10 (21) августа 1792 г. поверенному в делах в Константинополе А.С. Хвостову: «Из сопровождавших его людей почти все спаслись: более 500 с оружием в руках прошли через всю Морею, преодолев преграды, встретившиеся им в нескольких местах, и наконец имели счастье вернуться к себе домой; другие, оставшиеся в Майне и после отплытия турецкого флота, погрузившиеся в небольшом числе на различные суда, обманув бдительность двух французских фрегатов, возвратились в свои места»³⁴.

В то же время несколько судов из флотилии Кацониса были захвачены турками и приведены в Константинополь. На них 16 (27) сентября 1792 г. были повешены пять моряков из флотилии Кацониса. Некоторые из них были казнены в русской военной форме, что вызвало протест российского посольства³⁵.

Согласно же венецианским источникам, судьба многих участников освободительной акции Кацониса была не столь благополучной. После оставления Порто-Кайо они подверглись нападениям маньятов и других пелопоннесцев, и многие были убиты. Согласно тем же источникам, Андруцос и близайшие его сподвижники, так же как и Кацонис, нашли убежище на острове Цериго. Затем они перебрались в Спалато (Сплит), венецианский порт на побережье Далмации, откуда намеревались отправиться в Петербург. Однако венецианские власти в сентябре 1793 г. выдали их паше Боснии. Андруцос, один из самых видных kleftov Румелии, кончил свои дни в константинопольской тюрьме³⁶. Петербургский двор осудил выступление Кацониса и исключил его с российской службы. В то же время были приняты меры для оказания помощи семьям погибших в ходе боевых действий флотилии Кацониса. По указанию Екатерины II российскому министру в Венеции в начале 1795 г. были переведены три тысячи голландских дукатов в подаяние бедным и лишившимся пропитания фамилиям погибших в сражениях греков и албанцев³⁷.

Власти России добивались также освобождения офицеров и рядовых флотилии Кацониса, оказавшихся в руках турок. По этому поводу всемогущий фаворит Екатерины II П.А. Зубов, фактически руководивший Коллегией иностранных дел, написал 15 (26) июля 1796 г. посланнику в Константинополе В.П. Кочубею: «До сведения Ея Императорского величества вновь дошло, что подвизавшиеся за отечес-

тво наше во время последней войны греки, служившие под командою полковника Ламбра Кацония, содержатся еще до сих пор в жестоком заключении в Константинополе». Посланнику поручалось употребить «всё возможное старание ваше ко испрошению у Порты Оттоманской свободы сим узникам, которые значатся в прилагаемом здесь списке». К этой инструкции был приложен «Список, находящимся в пленау турков грекам под командою полковника Ламбра Кацония служившим». Список содержал 54 фамилии³⁸.

Нет данных, какие именно шаги предпринял Кочубей в связи с указаниями из Петербурга, но они, несомненно, были предприняты. Также несомненно, что они не привели к освобождению всех участников акции Кацониса. Так, адмирал Ф.Ф. Ушаков с удивлением обнаружил, что на эскадре Ближней Порты, отправившейся вместе с ним освобождать греческие острова в Ионическом море от французов, находились в неволе греки из эскадры Кацониса. Адмирал обратился к российскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре, который в 1791 г. командовал российской флотилией на Средиземном море. Благодаря его стараниям эти узники были освобождены³⁹. В результате вмешательства русских дипломатов была освобождена и жена Кацониса, которую венецианские власти вместе с ее детьми заключили в крепость на острове Корфу⁴⁰.

В конечном счете, и судьба самого Ламбrosa Кацониса сложилась благополучно. После своего неудачного восстания он около полутора лет скрывался в горах возле Парги на побережье Эпира. Благодаря ходатайствам различных лиц и особенно благодаря вмешательству П.А. Зубова мятежный полковник был прощен и получил разрешение вернуться в Россию. В начале 1794 г. он прибыл в Триест, где воссоединился со своим семейством, освобожденным, как уже говорилось, из заключения на Корфу усилиями русской дипломатии. В октябре 1794 г. Кацонис переехал в Херсон, где возобновил службу в российском флоте. Характерно, что новость эта вызвала крайнее раздражение в Порте. До сведения российского посланника в Константинополе В.П. Кочубея дошло тогда, что улемы* и другие видные люди резко нападали на Россию, обвиняя ее в «коварстве», так как она с почестями приняла офице-

* Улемы – представители высшего мусульманского духовенства, богословы и пра-воведы.

ра и его подчиненных, продолживших войну после заключения мира, и которые «не избежали бы повешения, если бы капитан-паша захватил их»⁴¹. Эта реакция говорит о том, насколько ненавистным оставалось имя Кацониса для турецкой верхушки.

В июне 1795 г. Екатерина II приказала вызвать героя Архипелага в Санкт-Петербург «ради объяснения некоторых статей по делам средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых учреждена здесь особая комиссия». Кацонис отправился в Петербург вместе со своим семейством и здесь 20 сентября (1 октября) 1795 г. был официально представлен Екатерине II⁴².

В декабре 1796 г. по указу Павла I полковник Кацонис был «переименован в капитаны 1 ранга со старшинством с 29 июля 1790 г. [дата производства в чин полковника. -- Г.А.] и определен в черноморский гребной флот в команду контр-адмирала Пустошкина». В этом своем новом качестве Кацонис еще до начала 1799 г. оставался в Петербурге, участвуя в работе комиссии, созданной правительством для рассмотрения претензий по бывшей Архипелагской флотилии. Итоги работы комиссии по претензиям самого Кацониса были для него весьма благоприятны: было постановлено выплатить ему большую по тем временам сумму в 576 674 рублей. В 1799 г. Кацонис прибывает с семьей в Крым и размещается на землях, подаренных ему еще Екатериной II. Числясь по-прежнему на военной службе, он занимается сельским хозяйством, особенно виноградарством, ведет торговые операции по поставкам в Архипелаг крымской соли, пшеницы, рыбных деликатесов. Ламброс Кацонис ушел из жизни в 1805 г. Обстоятельства и точная дата смерти выдающегося греческого патриота и доблестного российского офицера до сих пор не выяснены. Существует несколько версий, касающихся обстоятельств смерти Кацониса. Согласно одной из них, принадлежащей старшему сыну Кацониса Ликургу, его отец был убит «на золото Турции». Если иметь в виду, что народный герой Греции был непримириимым врагом османских угнетателей, которые платили ему неприкрытой ненавистью, то версия эта определенно заслуживает внимания⁴³.

Освободительное движение греков в период второй русско-турецкой войны екатерининского царствования, возглавленное Ламбросом Кацонисом, было, несомненно, более зрелым, чем аналогичное движение в период первой русско-турецкой войны. Оно продемонстрировало рост

национального самосознания и политической активности греческого народа, его возросшие материальные ресурсы.

Восстание Кацониса стало важным подготовительным этапом к греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. Как известно, революцию эту непосредственно подготовила тайная освободительная организация Филики Этерия. И среди имен героев, подвиги которых вдохновили народ на решающую битву за свободу, этеристы называли имя Ламбrosа Кацониса⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Πρωτοψάλτη Ε. Συμβαλή εἰς την ίστορίαν του Λάμπρου Κατσώνη* // Αθήνα. Εν Αθήναις, 1958. Т. 62; *Μέρτζιον Κ. Νέαι ειδήσεις περί του Λάμπρου Κατσώνη και του Ανδρούτσου* // *Πραγματείαι της Ακαδημίας Αθήνων*. Εν Αθήναις, 1959. Т. 23, ар. 3; *Γεωργίου Η. Ο Θαλασσομάχος Λάμπρος Κατσώνης*. Αθήνα, 1971.

² *Σάθα Κ. Τουρκοκούμενη Ελλας*. Αθήναι, 1962 (*επανέδοση*). Σ. 538.

³ *Κατσιφαρδή-Hering Ο. Μύθος και ιστορία. Ο Λάμπρος Κατσώνης, ο χρηματοδότες του και η πολιτική τακτική* // *Ροδωνία* (τιμή στον Μ.Ι.Μανούσακα). Ρέθυμνο, 1994. Т. 1. Σ. 206.

⁴ См.: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1. С. 528–529.

⁵ *Κατσιφαρδή-Hering Ο. Ό. π.* Σ. 203–204. В то же время некоторые заграничные греческие купцы бескорыстно помогали Кацонису на всем протяжении его операций в греческих водах. Одно из свидетельств этого – атtestat, выданный 2 (13) апреля 1791 г. командиром флотилии триестскому купцу Николо Гиорги. Он гласил: «Господин Николо Гиорги, живущий в Триесте, греческой нации, во все времена войны, с самого начала помогал этой, находящейся под моим командованием императорской флотилии в Архипелаге, поставляя ей необходимое продовольствие и снаряжение, предоставляя в то же время ей деньги, в которых она нуждалась, проявляя по всякому случаю и поводу привязанность и верность императорской службе». // АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1799. Д. 1485. Л. 126.

⁶ Архив... С. 462–467. См. также: Пряхин Ю.Д. Ламбрοс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004. С. 21–29.

⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821. Д. 11342. Л. 73. Существует также публикация греческого текста манифеста, отличающаяся от архивного документа. См.: *Πρωτοψάλτη Ε. Η επαναστατική κίνησις των Ελλήνων κατά τον δευτέρον επί Εικατερίνης Β' ρωσοτουρκικόν πόλεμον*. Αθήναι, 1959. Σ. 111–113.

⁸ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. Вып. VII. С. 125.

⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2093. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 1624. Л. 8, 27.

¹¹ Κατσιαρδη–Hering O. Ο. π. Σ. 208.

¹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2114. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 2093. Л. 9.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Грецией. Оп. 52/2. 1790. Д. 738. Л. 5.

¹⁵ Σάθα Κ. Ο. Π. Σ. 551.

¹⁶ См.: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис... С. 45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1752–1796. Д. 2301. Л. 383.

¹⁹ Сборник... СПб., 1895. Вып. VIII. С. 122, 129.

²⁰ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 47.

²¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1790. Д. 1628. Л. 46–50.

²² Там же. Л. 75, 79.

²³ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792. Д. 1080. Л. 5.

²⁴ Сборник... Вып. VIII. С. 203.

²⁵ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 56.

²⁶ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792. Д. 1080. Л. 4.

²⁷ В октябре 1791 г. В.С.Томара перевел 8 кораблей из состава объединенной флотилии в Мессину (Сицилия), где условия для их содержания были более благоприятными. Еще до этого два других корабля, собственниками которых были их капитаны, покинули флотилию. См.: Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 76–78.

²⁸ Там же. С. 77.

²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1792. Д. 748. Л. 59–68. Служебный перевод с итальянского оригинала манифеста Кацониса на русский язык.

³⁰ Saint-Sauveur A.-G. Voyage historique, littéraire et pittoresque dans les îles et possessions ci-devant vénitaines du Levant. Paris, 1800. Т. 2. Р. 294.

³¹ Сборник... Вып. VIII. С. 334.

³² См.: Арии Г.Л. Российские консульства в Греции в период правления Екатерины II // Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Афины – Москва, 2008. С. 174.

³³ Βαγιακάκου Δ. Ο Λάμπρος Κατσώνης και η Μάνη. Αθήναι, 1994. Σ. 41, 52.

³⁴ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792–1794. Д. 1051. Л. 2.

³⁵ Там же. Оп. 90/1. 1792–1793. Д. 1044. Л. 51.

³⁶ Πρωτοψάλτη Ε. Νέαι ἐρευναι περὶ του Λάμπρου Κατσώνη και των οπαδών του // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος. Εν Αθήναι, 1960. Т. 15. Σ. 82–84.

³⁷ АВПРИ. Ф. Сношения с Венецией. Оп. 41/3. 1795. Д. 221. Л. 2. Голландский дукат был равен тогда примерно пяти рублям.

³⁸ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1793–1796. Д. 1117. Л. 48–50.

³⁹ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 83–84.

⁴⁰ Πρωτοψάλτη Ε. Νέαι ἐρευναὶ... Σ. 87.

⁴¹ Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 39.

⁴² Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 97.

⁴³ См. подробнее о последних годах жизни Кацониса: Там же. С. 93–108.

⁴⁴ Ариш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 168.

Славенко Терзич (Белград)

СЕРБСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (XVIII – XIX ВВ.)

Историк-балканист в поисках исторической истины сталкивается с попытками преимущественно «неправительственных» организаций, а также и некоторых профессиональных историков создать совсем «новую историю» Косова и Метохии, в большинстве своем противоречащую всей предшествующей критической, научной историографии. Традиционные и признанные европейской наукой знания об истории, культуре и цивилизации отдельных народов и территорий, которые, конечно, могут переосмысляться, если для того имеются новые исторические источники, оспариваются новыми толкованиями, которые происходят из современных западных политических планов по государственному и культурно-религиозному перекраиванию сербской и юнославянской территории. Понятно, что фальсификация исторических фактов имеет своей целью создание исторического обоснования для таких новых творений, как «независимое Косово», созданное на территории Сербии. Поэтому и косовский вопрос начинает рассматриваться широкой европейской и мировой общественностью и даже частью научного сообщества как составляющая «албанского вопроса», а не как культурная и духовная основа сербской истории и сербского вопроса на Балканах, или, глядя на события последних десятилетий – как часть устремлений албанского меньшинства в Сербии по отделению части территории Сербии насильственным путем. Косовские темы и косовские мотивы представляют собой ядро сербской литературы и искусства, основу национального самосознания.

Предпринимаются попытки представить существующее в настоящее время положение дел в южном сербском крае и полное доминирование албанского меньшинства над остатками изгнанных сербов, являющиеся результатом продолжавшейся многие десятилетия этнической чистки сербов на этой территории и последовавшей затем агрессии НАТО, как состояние, которое, как таковое, тянется веками. Однако косовский

вопрос представляет собой лишь составную, хотя и важную, часть многовековой драмы сербского народа под османским владычеством. Последние два века этого владычества, со всеми войнами европейских государств против Османской империи, локальными христианскими восстаниями и войнами балканских христианских государств против турок-османов, привели к далеко идущим демографическим сдвигам и культурным изменениям в этой части Сербии. Данная работа имеет своей целью обратить внимание на европейские свидетельства о Косово и Метохии, относящиеся как раз к тому периоду, т.е. к периоду, предшествовавшему вхождению этих двух областей в состав Королевства Сербии после их освобождения в 1912 г.

* * *

Излишне доказывать, что сербское наследие в Косово и Метохии является составной частью европейской христианской цивилизации, особенно если под ней подразумеваются в одинаковой мере традиции западного и восточного христианства. Вопрос лишь в том, признает ли западно-христианская Европа равноправие обеих христианских традиций? Отношение к сербской драме в Косово и Метохии и почти полному уничтожению сербского культурного наследия говорит о том, что Европа продолжает смотреть на сербскую традицию со всеми предрассудками и стереотипами, которые веками культивировались в отношении византийско-славянской цивилизации.

Среди славистов, балканистов и в иных европейских научных сообществах, как и среди широкой образованной публики, никогда не ставилось под сомнение, что сербское культурное наследие в Косово и Метохии является центральным звеном сербского самосознания, основой коллективного народного сознания и всего народного творчества. Однако в последние несколько десятилетий, а особенно в последние двадцать лет, параллельно с радикальным изменением государственных границ в Юго-Восточной Европе, появилось множество книг, в основном публицистического характера, в которых предпринимаются попытки создания новых исторических, политических и культурных идентичностей. По всей видимости, этот феномен нигде не получил таких масштабов, как в случае с южным сербским краем – Косово и Метохией. В послед-

ние десять-двадцать лет мы слышим и читаем недавно созданные термины: «косовский народ», «косовская культура», «косовское культурное наследие» и даже, в одной школе неподалеку от Лондона, «косовский язык». При этом естественно речь идет об албанском меньшинстве. Идеологическая основа такого подхода скрывается в тезисе о мнимой исторической и этнической «иллирио-албанской идентичности» Косово еще со времен античной Дардании. «Возрождение Дардании» является конечной целью уничтожения всех сербских следов в Косово и Метохии. Сербы, согласно авторам «новой истории» сербов и Балкан, появляются здесь как временные «оккупанты албанских земель».

Показательны в этом смысле книги Ноэля Малькольма «Косово. Краткая история» (Лондон, 1998), Вольфганга Петрича, Карла Казера и Роберта Пихлера «Косово-Косова» (Клагенфурт-Вена-Любляна-Тузла-Сараево, 1999), а также, в известной степени, и книга полутора десятков авторов «Косовский конфликт» (Мюнхен, 2002) под редакцией Конрада Клевинга и Йенса Ройтера¹. В Вене с начала двадцатых годов XX века выходит журнал «Дардания», который возрождает теории, опубликованные в двух томах «Ilirisch-Albanische Forschungen», изданных в 1916 г. в Мюнхене и Лейпциге.² Недавно из-под пера немецкого историка, профессора, занимающегося историей Юго-Восточной Европы в Институте восточноевропейских исследований Свободного университета в Берлине, Холма Зундхаузена, вышла книга «История Сербии»³. По его мнению, роль Косово и Метохии в сербской истории и косовских мотивов в сербской культуре сводятся лишь к «националистической мифологии».

Основываясь на таких совершенно искаженных представлениях об истории и культуре этого региона, ведущие западные державы, их дипломатия и вооруженные силы пытаются сегодня насильственным путем и, во всех отношениях противозаконно, отнять южный сербский край. Много раз мы слышали утверждения, что Сербия «не имеет морального права управлять Косово». Но именно многочисленные европейские свидетельства, относящиеся к прошлым векам, говорят о Косово и Метохии как о многовековой части Сербии, основе сербской культуры, исторической памяти, фундаменте сербской государственной, духовной и культурной вертикали.

В подтверждение этого приведем лишь несколько точек зрения европейских картографов, географов, путешественников, дипломатов

и балканистов относительно этой части Сербии с конца XVII в. до Первой мировой войны. Большинство европейских картографов, с конца XVII в. вплоть до освобождения края в 1912 г. считают Косово и Метохию составной частью Сербии, Старой Сербии или иногда Рашики, в любом случае – Сербии под османским владычеством. Итальянский картограф Джакомо Кантели да Виньола (1643-1695) посвятил в 1689 г. свою первую региональную карту Сербии («Il Regno della Servia detta altrimenti Rascia»), изданную в Риме, кардиналу Альфонсо Лити. Косово и Метохия на этой карте входят в состав Сербии, а граница между Сербией и Албанией проходит по реке Дрин («большой Дрин»), находящейся в сегодняшней северной Албании⁴. Ведущий французский и европейский картограф XVIII в. Гийом Делиль опубликовал в Аугсбурге в 1717-1726 гг. гравюру «Карта Венгрии» («Tabula Hungaria»), на которой сегодняшние Косово и Метохия, включая Печ, Джаковицу и Призрен, целиком входят в состав Сербии. Таким же образом Сербия (с территорией современных Косово и Метохии) представлена на карте «Театр военных действий между русскими и турками» (СПб., 1771)⁵. На карте картографа Йоханна Кристофа Роде (1713-1786), географа из Берлина, под названием «Карта приграничных областей трех великих империй – Австрийской, Российской и Османской», опубликованной в 1785 г., на гравюре, выпущенной под контролем Королевской академии наук, граница Сербии и Албании находится в устье Белого Дрина, впадающего в Черный Дрин⁶. Тремя годами позже, в 1788 г., на французской карте Л. Бриона был изображен театр боевых действий проходившей тогда русско-турецкой войны. Граница между Сербией и Албанией находится также на Большом Дрине и начинается от впадения Белого Дрина в Черный Дрин. В рамках Сербии (Servie) сегодняшние Косово и Метохия обозначаются как Рашика (Rascie), к которой относятся и Печ, и Джаковица, и Призрен⁷. Несколько позже, на карте под названием «Османская империя в Европе», которая была опубликована в 1797 г., вся Метохия с Печем, Джаковицей и Призреном изображается как часть Сербии⁸.

В XIX в., после создания Княжества Сербии, европейские исследователи вместо использовавшегося до этого термина «Сербия» для обозначения Косово и Метохии и близлежащих областей чаще всего используют термин «Старая Сербия» и иногда «Рашика».

На карте известного немецкого картографа Генриха Киперта, которая носит название «Общая карта европейской части Турции» (Берлин, 1853 г., позднее имела много изданий), обозначены территории всех албанских племен, и они находятся исключительно на территории сегодняшней Албании, в то время как для сегодняшней территории Косово и Метохии используются термины «Косово Поле» (как узкое географическое пространство поблизости от Приштины) и «Метойа»⁹. На территории Албании упоминаются области племен груди, клименти, гаши, хоти, пулати, кастрат, груйомир, букумир и многих других. На этой карте – область Дукаджин, которая также находится на территории Албании и пересекает Большой Дрин только в одной части, в направлении области Хас. На территории Метохии и Косово не отмечено ни одного албанского племени. Албания начинается в области Шаля на севере и тянется далеко на юг, не включая в себя ни Печ, ни Призрен.

Майор австро-венгерского генштаба Петер Кукуль дал своему военно-географическому исследованию, опубликованному в Вене в 1871 г., название «Княжество Сербия и турецкая Сербия». Согласно демографическим и этнографическим данным, приводимым Петером Кукулем для Призренского мутесарифлука (т.е. Метохии и Косово), по национальному составу было 318 000 сербов, 161 000 албанцев и несколько меньшее число турок, влахов, цыган и черкесов. По религиозной принадлежности православных (сербы и геги) было 250 000, а мусульман (албанцы, сербы, цыгане, черкесы, турки) было 239 000. Католиков (албанцы и сербы) было 11 000¹⁰.

Тенденцию к расширению понятия Албания на территорию Старой Сербии первый раз мы встречаем в книге «Нови Пазар и Косово (Старая Рацка)» (Вена, 1892) Теодора Ипена¹¹, австро-венгерского албаниста, на протяжении многих лет бывшего дипломатом в Скадаре, Константинополе, Иерусалиме, Амстердаме, Афинах, члена австро-венгерской делегации на конференции послов в Лондоне в 1912-1913 гг. В приложении этой книги на карте под названием «Рацка» охватывается сегодняшняя Рацкая область, все Косово и далее до Скопья, включая и этот город. Но большая часть Метохии, особенно территория вокруг Джаковицы, включена в понятие Албания. Немецкий путешественник и публицист Генрих Ренер в книге «Через Боснию и Герцеговину (вдоль и поперек)», опубликованной в Берлине в 1896 г., в прилагающейся кар-

те также использует понятие «Рашка», но в отличие от Ипена – для всей территории Косово и Метохии¹².

Британские исследователи, такие, как Альфред Стед (1909) и известный историк Гарольд Темперлей (1917), обозначают эту территорию термином «Старая Сербия»¹³. Накануне освобождения Косова и Метохии в 1912 г. в Вене вышло четвертое издание большой карты проф. Карла Пойкера под названием «Македония, Старая Сербия и Албания». Вся территория, начиная от Мокрой Горы севернее Печи, включая Джаковицу, Призрен, и доходя до Скопья и Овчеполя, обозначена термином Старая Сербия. Проф. Пойкер констатирует славянское большинство в тогдашнем Косовском вилайете, т.е. в Старой Сербии («сербы и болгары»). От общего числа населения в 980 000 чел., славян, согласно Пойкеру, было 447 000, из которых 430 000 составляли православные и 17 000 мусульмане, 430 000 албанцев – мусульман (420 000) и незначительное число христиан-католиков (10 000), далее идут турки – 90 000, цыгане-мусульмане – 10 000, евреи – 2000 и другие¹⁴. Имея в виду эти факты, кажется вполне естественным, что бывший американский госсекретарь Генри Киссинджер на международном форуме по Косово 12 октября 1998 г. в Праге, отметил буквально следующее: слишком долго в истории Косово подразумевалось как составная часть Сербии.

Схожее понимание Косово и Метохии как части Сербии и сербской истории имели и многие другие иностранные авторы. В своей «Истории Сербии», опубликованной в Лондоне в 1917 г., известный историк Гарольд Темперлей описал роль Косово в сербской истории следующими словами: «Для сербов Косово значит больше, чем Флоден для шотландцев, потерпев поражение при котором они потеряли армию и монарха; больше, чем Гастингс для англичан, поражение при котором позволило завоевателям навязывать свою волю покоренному народу»¹⁵. Темперлей был профессором в Гарварде и Кембридже, а в 1921 г. был представителем Британии в комиссии по албанским границам.

Российский славист и историк Александр Федорович Гильфердинг, член Российской академии наук и первый русский консул в Сараево, опубликовал в 1859 г. в Санкт-Петербурге объемные путевые записки под названием «Путешествие по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». Гильфердинг объехал все важные населенные пункты Косово и Метохии, посетил все крупные монастыри и оставил множество

бесценных сведений об истории и культуре этого региона. Он критически оценивал великий исход сербов во главе с патриархом Арсением III Черноевичем, утверждая, что он «должен был предвидеть то, что произойдет с землей, которую он оставил (...). Весь этот дивный край, сердце Старой Сербии, заняли албанцы, которые спустились с бедных и холодных гор Дукаджина и Малесии в плодородные и теплые равнины, как только их покинули славяне»¹⁶.

Высокие Дечаны, как пишет Гильфердинг, это «одно из совершеннейших творений византийской сакральной архитектуры. Когда вы входите в эту церковь, вас охватывает чувство какого-то радостного блаженства. Вы здесь беззаботны, спокойны и веселы, и эта ваша радость какая-то возвышенная». В народной песне, которую Гильфердинг записал в Дечанах, Призрен называется «сербским Царьградом»; это имя, говорит он, «не просто гипербола, которой случайно воспользовался какой-то народный певец-гусликар». Приводя множество данных о некогда прочных демографических и культурных позициях сербов, Гильфердинг отмечает, что в одном только селе Любиджа около Призрена в бытние времена было семь церквей, а «фундаменты некоторых еще видны»¹⁷.

Спустя шесть лет после путешествия Гильфердинга англичанки Маккензи и Ирби тоже сообщили в своей книге «Путешествие по славянским землям Турции в Европе» множество данных о сербском культурном наследии в Косове и Метохии. Они также постоянно используют термин Старая Сербия. В одном месте они говорят: «За дунавской Сербией... начинается Старая Сербия». Они пишут, что в старых хрониках говорится, «как в то время, когда турки первый раз пришли в Косово, этот край был хорошо возделан и населен; дороги и мосты были предметом особого внимания правителей; сербский сабор обычно собирался где-то неподалеку, а в соседних городах Скопье, Ново-Брдо и Призрене проводились большие ежегодные ярмарки, на которые собирались иностранные купцы. Да, в те дни Косово было частью Европы – общества, правда, еще неотесанного, но трудолюбивого и развивающегося; но в один такой же дождливый день пятьсот лет назад его завоевали турки для того, чтобы там паслись их кони». Глава заканчивается словами: «Так Косово было отрезано от Европы»¹⁸.

Монастырь Грачаница своей архитектурой напоминал им некоторые церкви в северной Италии. А доказательства итальянского влияния, как

они отмечают, «без сомнения нашлись бы и на фресках внутри церкви». Маккензи и Ирби очень хорошо понимают соотношение между новосозданным Княжеством и Старой Сербией: «На старых картах европейской части Турции, которые были составлены, когда еще вся Сербия была под турками, всей этой стране дается ее настоящее имя; но сейчас, когда та ее часть, которая находится ближе всего к Дунаю, сбросила магометанскую власть, в то время, как ее другая часть, которая находится ближе к Македонии, все еще порабощена, составители географических карт дают имя “Сербия” свободному краю, а остальную часть и сам тамошний народ называют “Старой Сербией”»¹⁹.

Они отмечали, что на юго-западной окраине Старой Сербии располагается Призрен – «сербский Царьград». И они подобно Гильфердингу объясняли причины изменения этнической структуры Косово и Метохии: «Землю, которая осталась пустой после того, как беглецы покинули ее в ходе первого переселения и в последующее время, заняли люди, спустившиеся с соседних гор, шкипетари или албанесцы, или, как их называют турки, арнауты»²⁰. Но, в отличие от арбанасов-мусульман, которые потеряли и свободу, и свою старую веру и которые пришли на чужую территорию, христиане на свои праздники собираются «под стенами своих больших старых церквей, и у них есть все предания о старом царстве и той цивилизации, которая была присуща Старой Сербии до тех пор, пока она была частью христианской Европы. А если прошлое принадлежало им, то им нужно лишь хорошо следить за тем, чтобы им принадлежало и будущее, чтобы они рано или поздно снова стали частью христианской Европы»²¹.

Огромный корпус исторических материалов о сербском наследии Косово и Метохии содержит книга Ивана Степановича Ястребова «Старая Сербия и Албания», опубликованная в серии «Памятники Сербской королевской академии» в 1904 г.²² И.С. Ястребов (1839-1894) много лет был российским вице-консулом и консулом в Призрене (консульство было открыто в мае 1866 г.) и в Скадаре, и он изъездил эти области вдоль и поперек. В начале 1870 г. Ястребов вступил в должность вице-консула в Призрене и занимал ее до конца 1874 г. На смену ему пришел Лисевич, но лишь до мая 1875 г., когда российское консульство было закрыто. Консульство вновь открылось в 1879 г., и И.С. Ястребов вернулся в Призрен уже на должность консула. В сентябре 1880 г. он

перешел на должность консула в Янине, а в начале марта 1881 г. стал генеральным консулом в Салониках, оставаясь им вплоть до своей смерти 20 января 1894 г.

Его труд «Старая Сербия и Албания» представляет собой бесценный ориентир для дальнейших исследований. Ястребов отмечает, например, что названия всех сел и гор в южной части Джаковицкого округа являются свидетельством проживания там чисто сербского населения, «хотя сейчас все жители там арнауты». Ранее в том районе было и население влашского происхождения. Позднейшее доминирование арнаутского исламизированного населения привело к постепенной албанизации сербов²³. Ястребов называет их «арнауташами».

Он фиксирует остатки многих разрушенных церквей. Для примера Ястребов перечисляет названия 18 сел с правой стороны дороги из Джаковицы в сторону монастыря Дечаны и отмечает, что «почти в каждом из этих сел есть остатки развалин церквей и следы небольших кладбищ». Помимо всего прочего он отмечает, что на возвышенности с правой стороны дороги от села Бела-Црква в сторону села Зрзе лежат развалины церкви. Между дорогами, ведущими из села Бела-Црква в села Рогово и Зрзе, между полями и лугами виднеются остатки церкви Св. Целителей. Вблизи этих руин находится склеп, кладбище вокруг которого почти полностью уничтожено, нет надписей, и только на одном большом камне виден высеченный крест²⁴. В селе Кориша (которое когда-то было городом) имелось в свое время 5 церквей.²⁵ Село Кабаш еще сохранило свое старое название – село св. Петра, полученное из-за расположенных поблизости еще «достаточно больших развалин церкви св. Петра Коришского». Название Кабаш село получило от албанцев, переселившихся с горы Кабаш после 1739 г., и племени кабаш в Албании, где их соплеменники до сих пор остаются христианами, в то время как их родственники, жившие в селе св. Петра Коришского, были поголовно мусульманами. Переселилось их около 5 семей, а в семидесятых годах XIX в. их было уже около 100. Несколько этих примеров – лишь иллюстрация процесса демографического, этнического и культурного вытеснения сербов из их исконных областей в течение XVIII, XIX и XX вв., в основном насильтвенным путем.

В 1904 г. англичанка Мэри Дарам, публицист и антрополог, издала в Лондоне книгу «Через сербские земли»²⁶. В отличие от своих позднейших работ, в которых она заняла выраженную проалбанскую позицию,

в этой книге Дарам объективно показывает сербское наследие Метохии. На нее, так же как на Гильфердинга, сильное впечатление произвели Дечаны, которые были бы прекрасным творением в любой части света. «Здесь, — пишет Дарам, — этот уникальный экземпляр в этой земле почти полностью погряз в варварстве, на него смотрят, как на что-то почти потустороннее, и поклоняются с обожанием, которое оказалось невероятное впечатление на суеверные души албанцев, и тем самым спасло его от разорения. А для серба это внешний и видимый знак, подтверждающий, что это его земля. И хотя турки владели ею пять сотен лет, они не оставили на ней никаких подобных знаков. Грубо говоря, они потратили эти пять сотен лет на то, чтобы временно стоять здесь лагерем как оккупационная армия!»²⁷

Схожие взгляды изложил французский антропогеограф Гастон Гравье в своем исследовании «Старая Сербия и албанцы», изданном в Париже в 1911 г. после его путешествий и исследований в течение 1910–1911 гг.²⁸ Существование сербской жизни в Косове он объясняет культом прошлого, величием воспоминаний. Гравье пишет: «Нигде в другом месте нет стольких многочисленных и красивых старых сербских церквей; нигде преданность своей земле и религии не выражается в таких трогательных формах. Косовские сербы осознают, что они берегут Святые Места, к которым отправляются в паломничество из Сербии»²⁹. Сербам, как отмечает Гравье, угрожает опасность «быть изгнанными с этой земли, колыбели и надежды своего народа, величественную эпopeю которого буквально оживил Мештрович, великий национальный скульптор на выставке в Риме». Речь идет о фрагментах монументального Видовданского храма, которые в 1911 г. Иван Мештрович представил в сербском павильоне на Международной выставке в Риме.

Исследования Гастона Гравье вносят бесценный вклад в освещение недостаточно изученного на сегодняшний день феномена исламизации сербов в Косово и Метохии, а затем и их албанизации в течение последних двух веков турецкой власти, которые, как правило, замалчиваются, особенно в новейшей зарубежной историографии и этнографии. Типичен в этом смысле регион Дреницы. Гравье в качестве примера приводит городок Ораховац в Метохии и его окрестности. Он пишет: «Почти все мусульмане в этом регионе представляют собой сербов, недавно перешедших в ислам. Похоже, что в большинстве случаев обращения в ислам

происходили с начала XIX века, многие из них – менее 25 лет назад, а многие из родов поделены на православные и мусульманские дома». В самом Ораховце, согласно Гравье, в начале XX века было 141 православных и 416 мусульманских домов, в то время как религиозная и этническая структура населения 1310 домов из 17 близлежащих сел выглядела так: 644 дома принадлежали сербам мусульманского вероисповедания, 516 – сербам православного вероисповедания, 53 – албанцам-мусульманам, 24 – албанцам-католикам, 5 – сербам-католикам, 6 – туркам, 52 – цыганам православного вероисповедания и 10 – цыганам-католикам.³⁰

Этот процесс был последствием анархии и террора, которым, чем слабее становилась центральная власть, тем больше подвергались в первую очередь европейские провинции Османской империи, где в течение XVIII и особенно XIX вв. доходило до выраженного неповиновения местных феодалов. Хорошо иллюстрирует общее положение христиан в Турции их положение в Старой Сербии во время Восточного кризиса (1875-1878) и формирования Албанской лиги в Призрене, а также в течение следующих десятилетий вплоть до освобождения в 1912 г. Британский генеральный консул в северной Албании Кирби-Грин в 1880 г. считал Албанскую лигу в Призрене организацией «самых фанатичных мусульман страны. Эти люди сейчас охвачены крайним религиозным фанатизмом и ненавистью к христианам. Призрен, уступая разве что Мекке, является самым опасным местом для христианина во всех мусульманских странах»³¹.

Французский публицист Виктор Берар в конце XIX в. посещал европейские провинции Турции и оставил бесценные свидетельства о положении в них. Посещая районы Старой Сербии, Берар записал, помимо прочего, следующие строки: «Если сегодняшняя анархия продлится еще десять лет, сербы могут открывать какие угодно школы в Старой Сербии, посыпать епископов и священников во все города и деревушки, но священники не найдут больше ни одного христианина, чтобы обучать его закону Божьему, а школы не найдут больше ни одного славянина, чтобы давать ему образование. Другими словами, славяне от албанцев вынуждены или бежать или умереть, и их исчезновение на всей этой территории будет только вопросом времени, причем недолгого времени»³². Албанское национальное движение во время Восточного кризиса, и особенно после 1878 г., в значительной степени было срежиссировано великими

державами, в первую очередь Австро-Венгрией и Великобританией, став средством борьбы за их доминирование в этой части Балкан³³.

Сербское культурное наследие в Косове на разные лады вдохновляло европейских писателей и людей искусства. Чешский историк, поэт и путешественник Зигфрид Капер написал эпическое произведение «Князь Лазарь», опубликованное на немецком языке в Вене и Лейпциге в 1852 и 1853 гг.³⁴ Чешский композитор Роберт Толингер написал в 1889 г. в честь пятисотлетия Косовской битвы большую канту «Косовка»³⁵. По поводу этого юбилея газета «Русское дело», бывшая печатным органом аксаковских славянофилов, назвала Косово «сербской Троей» и призвала русских отметить это событие: «Не отпраздновать годовщину Косовской битвы в России значило бы нанести обиду сербским и общеславянским национальным чувствам»³⁶. Видовдан под названием «Косовский день» отмечался в Великобритании во время Первой мировой войны, а в 1918 г. – и в США.

Первый раз Косовский день отмечался в Великобритании в 1916 г. в организации «Комитет Косовского дня», во главе которой стояла профессор Элси Инглис, основательница Больницы шотландских женщин для службы за рубежом и главный хирург больницы в Эдинбурге³⁷. Членами комитета, среди прочих, были леди Каудрей, леди Гроган, леди Педжет (супруга британского посланника в Белграде во время Балканских войн Ральфа Педжета), а также британский историк Роберт Уильям Ситон-Уотсон и другие известные люди. Британское правительство имело определенные сомнения по этому поводу. Когда члены комитета Косовского дня предложили провести на Видовдан службу в соборе Св. Павла в Лондоне, Форин офис воспротивился этому, объясняя, что «28 июня является также и годовщиной убийства Франца Фердинанда, и просербская демонстрация может быть неправильно понята»³⁸. Известный археолог сэр Артур Эванс писал в «Таймс» о косовском эпосе как о «всеобщем наследии, сохранившем традиции национального единства». Известный британский писатель того времени Честертон прославлял народы, которые «потерпели поражение в бою, но продолжают жить и развиваться, поскольку являются нацией, а нация близка религии. Сербы собираются возвести величественный памятник в Косове. Как и чехи, и поляки, они отсчитывают свое время не от победы, а от поражения, не как язычники – от основания города, а от его завоевания»³⁹.

(Перевод А.В. Осиновой)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Malcolm N. Kosovo. A short history. London, 1998 (см. также: Response to Noel Malcolm's book «Kosovo. A short history». Belgrade, 2000); Petrich W., Kaser K., Pichler R. Kosovo-Kosova. Mythen, Daten, Fakten. Klagenfurt-Wien-Ljubljana-Tuzla-Sarajevo, 1999; Der Kosovo-Konflikt. Ursachen-Akteure-Verlauf. München, 2000.

² Illyrisch-albanische Forschungen (Zusammengestellt von Dr Ludwig von Thaloczy). München-Leipzig, 1916. I-II.

³ Sundhausen H. Geschichte Serbiens 19-21. Wien-Köln-Weimar, 2007; сербское издание: Зундхаусен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008.

⁴ Il Regno della Servia detta altrimenti Rascia. Giacomo Canteli da Vignola. Roma, 1689.

⁵ Théâtre de la Guerre entre les Russiens et les Turcs. Partie seconde. Publiée par C. M. Roth. St. Petersbourg, 1771.

⁶ Partes confines trium magnorum Imperiorum ausriaci, russici et osmanici. Folii VI comprehensae et novissimis tabulis geographicis descriptae auspicio Acad(emiae) Reg(alis) Scientiarum Eleg(ationum) Litterarum a I.C.Rhode Acad(emiae) supr(a) ad Geogr(aphiam) // Anno MDCCCLXXXV.

⁷ Théâtre itinéraire de la Guerre Actuelle entre les Turcs, d'une part: les Ruces et les Imperiaux, d'autre part: Carte relative aussi au partage eventuel d'une partie de l'Empire Othoman. Par L. Brion de la Tour, Ing. Geographe du Roi. Paris, 1788.

⁸ Imperii Osmanici sive Turcici Europaei, tabula ad normam Recentissimarum Observationum concinnata Sumtibus Joannis Walchii, Augustae Vind – Das Osmanische Reich in Europa, Nach den neuesten nachrichten und bewährtesten Hülfsmitteln. 1797.

⁹ General-Karte von der Europaischen Turkei, Berlin 1853; General-Karte des Türkischen Reiches in Europa und Asien. Entworfen u. bearbeitet von Heinrich Kiepert. Berlin, 1855.

¹⁰ Das Fürstenthum Serbien und Türkisch-Serbien (Stara-Serbia Alt Serbien). Eine militärisch-geographische Skizze von Peter Kukulj, Major im k.k. Genelastabe. Wien, 1871. S. 148-149.

¹¹ Novibazar und Kosovo (Das Alte Rascien). Eine studie. Wien, 1892.

¹² Durch Bosnien und die Hercegovina, kreuz und quer. Wanderungen vor Heinrich Renner. Berlin, 1896.

¹³ Servia by the Servians. Compiled and edited by Alfred Stead, with a map. London, 1909; Temperley H. W. V. History of Serbia. London, 1917 (карта в приложении: «The Serbian Kingdoms»).

¹⁴ Karte von Makedonien, Altserbien und Albanien 1:864.000. Bearbeitet von Dr Karl Peucker, IV. Auflage. Wien, 1912.

¹⁵ Temperley H. W. V. Op. cit. S. 102.

- ¹⁶ Гильфердинг А. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сарајево, 1972. С. 163-164.
- ¹⁷ Там же. С. 168, 194.
- ¹⁸ Макензи М., Ирби А. П. Путовање по словенским земљама Турске и Европи. Београд, 1868. С. 161.
- ¹⁹ Там же. С. 180.
- ²⁰ Там же. С. 181.
- ²¹ Там же. С. 189.
- ²² Ястребов И. С. Стара Сербія и Албанія. Путевые записки // Споменик СКА. XLI, други разред. Београд, 1904.
- ²³ Там же. С. 2-20.
- ²⁴ Там же. С. 55.
- ²⁵ Там же. С. 62-63.
- ²⁶ Дарам М. Е. Кроз српске земље (1900-1903). Београд, 1997.
- ²⁷ Там же. С. 250.
- ²⁸ Гравје Г. Стара Србија и Албанци. Приштина, 1995.
- ²⁹ Там же. С. 35.
- ³⁰ Там же. С. 27-28.
- ³¹ Цит. по: Vickers M. Between Serb and Albanian. A History of Kosovo. London, 1998. S. 47.
- ³² Berard V. La Macédoine. Paris, 1896. S. 139.
- ³³ Терзић С. Аустроугарско обликовање албанског националног покрета (1878-1912) // Европа и Источно питање (1878-1923). Београд, 2001. С. 247-261.
- ³⁴ Matl J. Dva njemačka časopisa iz šezdesetih godina 19. vijeka // Nastavni vjesnik. Zagreb, 1928. Knj. XXXVI. Sv. 5-6. S. 28.
- ³⁵ Петровић В. Петстогодишњица Косова пре педесет година // «Политика». 28. јун 1939.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Kosovo Day (1389-1916). London, 1917; Ostojić-Fejić U. Obeležavanje Kosovskog dana u Velikoj Britaniji tokom Prvog svetskog rata // Istorija 20. veka. Beograd, 1994. Br. 2. S. 21.
- ³⁸ Ibid. S. 21-22.
- ³⁹ Ibid. S. 24.

М.В. Белов, Я.В. Вишняков

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ЖАНДАРМ: МИССИЯ Я.Н. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО В ВЕНЕ И ЦЕТИНЬЕ

Яков Николаевич Озерецковский родился в 1801 г. в Петербурге в семье академика Н.Н. Озерецковского, хорошо известного благодаря своей просветительской деятельности. По достижении совершеннолетия сын ученого поступил в лейб-гвардию Московского полка в Петербурге. Но служба в российской столице – всего лишь один, непродолжительный этап деятельности Я.Н. Озерецковского. Будучи одним из адъютантов графа А.Х. Бенкendorфа, шефа III отделения Его Императорского Величества канцелярии, он проявил способности к дипломатической службе и уже в начале 1836 г. знакомился с вечно веселой Веной, куда прибыл по обмену опытом и для выполнения особых поручений, а также как агент военной разведки.

Непринужденности знакомства с австрийской столицей способствовала легенда-прикрытие. Находясь на торжественном приеме у русского посла и восторгаясь бриллиантами княгини Меттерних, стоявшими, по слухам, около 500 000 рублей, Озерецковский не стеснялся мундиром, который «... не надевал и не надену, потому что я здесь не что иное как больной русский путешественник в климате не так[ом] суровом как наши»¹. Между тем, именно здесь на балу австрийский канцлер представил подполковника в штатском главе местной жандармерии, которая не слишком-то впечатлила своей работой². Вообще, Вена, поглощенная «пиром во время чумы»³, удостаивалась снисходительных оценок: местные войска в сравнении с русскими гвардейцами походили на игрушечных солдатиков. Озерецковский с гордостью ощущал себя патриотом, который бледнет интересы родины вне ее границ⁴. Но развернуться было особенно негде. Подполковник в своих донесениях постоянно просил напомнить о своей преданности и рвении по службе начальству – А.Х. Бенкendorфу и Л.В. Дубельту.

Национальные отношения в Австрийской империи и в частности славянский вопрос занимают в его наблюдениях важное место. Так, он считает необходимым известить Святейший Синод о планах иезуитов по возведению в сан митрополита карловацкого (после смерти в начале октября 1836 г. Стефана Стратимировича) епископа Станковича, «человека весьма ненадежного ни в правилах, ни в образе жизни», с тем, чтобы склонить два с половиной миллиона местных православных к унию, и рекомендует поддержать кандидатуры Рајтича или Живковского к избранию на этот пост⁵.

Свидетельством разложения австрийского государства в глазах Озерецковского стало «издание» рукописной газеты Л. Кошути. После отказа печатать выступления венгерских депутатов он нанял бригаду переписчиков и открыл подписку, которая, несмотря на дороговизну, имела успех, в том числе у местных властей: «Таким образом, если и самые правительственные места [комитаты] Венгрии вместо содействия к поддержанию порядка и законов помогают беспорядкам, можно, конечно, ожидать печального переворота, тем более что писанная газета Кошути, как сказывают, коварным образом мало-помалу отвадит грубых и необразованных поселян от хорошего мнения о пользе нового уложения о господских податях, и в народе, ко всему способном, возрождается семя неудовольствия и ожесточения»⁶.

В декабре 1836 г. Озерецковский познакомился с приехавшим в Вену черногорским митрополитом, который по первому впечатлению подполковника – «предан России и, если не весь его народ, то, по крайней мере, он сам очень нуждается в деньгах»⁷.

Из всех черногорских владык Петр II Петрович Негош (1830-1851) был, пожалуй, самым харизматичным правителем. Именно с его именем связано не только становление Черногории как государства, но и установление постоянных контактов с Российской империей, которой фактически независимая от Османской империи Черногория, в связи с обострением Восточного вопроса, нужна была как опорный пункт на Балканах. Но в течение некоторого времени, как писал С.С. Татищев, «... русская дипломатия мало принимала Черногорию в расчет. Мы не содержали в Цетинье дипломатического агента, а сношения наши с Черногорией были поручены консулу, имевшему пребывание в австрийском Дубровнике. За все время царствования Николая, должность

эту занимал местный уроженец Е. Гагич⁸, личность, лишенная всякого политического значения. Обязанность его ограничивалась, впрочем, передачей ежегодного, весьма незначительного пособия, назначенного черногорскому народу ещё императором Павлом в 1798 г., и доставлением богослужебных книг и принадлежностей, жертвуемых Св. Синодом черногорским церквям⁹.

Сразу же после избрания Петра II верховным правителем Черногории русская дипломатия начала оказывать на него определенное давление. Основная задача России в тот период сводилась к стремлению доказать Негошу необходимость пограничного мира с Османской империей. Российский МИД настойчиво советовал владыке не вмешиваться в дела соседних славянских народов, что связано с изменением характера русско-османских отношений после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и подписания 8 июля 1833 г. союзного Ункяр-Искелессийского договора. У российского кабинета имелись веские основания для подобных внушений. В начале 1832 г. Негош, по предложению председателя черногорского сената И. Вукотича¹⁰, предпринял попытку овладеть городом Подгорица. Хотя Негош в своих письмах Гагичу пытался как-то сгладить этот вопрос, обвинив в этом исключительно Вукотича и утверждая, «что он один был поводом к нарушению доброго согласия, существовавшего между турками и Черной Горой»¹¹, русское правительство решило отправить своего консула на место происшествия для соответствующих внушений. 16 июня 1832 г. на собрании старейшин Черногории Гагич прочитал наставления российского МИД и «объявил черногорцам, что они должны жить в мире с Оттоманской Портой и не нападать на ее земли и жителей, турецких мятежников не поддерживать, если желают предохранить себя от беды, которую в этом случае на себя навлекут»¹².

Летом 1833 г. черногорский владыка впервые посетил С.-Петербург. Официальной целью поездки было посвящение в сан митрополита, что должно было еще больше усилить зависимость владыки от политики правящих кругов Петербурга. Здесь он познакомился со многими влиятельными государственными деятелями: вице-канцлером К.В. Нессельроде, обер-прокурором Синода С.Д. Нечаевым, директором Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникиным, А.С. Норовым, графом Д.В.

Воронцовым-Дашковым, А.Н Голицыным и др. Ко многим из них он впоследствии обращался с ходатайством о своих нуждах, а иногда с просьбами о помоши своим единоплеменникам, приезжавшим в Россию. Удостоился Петр II и внимания императора Николая I, который присутствовал на церемонии его посвящения в духовный сан. В декабре 1833 г. владыка вернулся в Черногорию. Путешествие, без сомнения, содействовало упрочению авторитета Петра II, а связи России и Черногории стали более тесными. Находясь под впечатлением увиденного в Петербурге, Петр II начал больше заботиться о просвещении. Еще до поездки, в начале 1833 г., он организовал в Цетинье школу, в которой обучалось 30 учеников из разных нахий. По возвращении из России владыка, желая, чтобы учеников было как можно больше, устроил так называемое «благодеяние». Получившие его дети жили и содержались в Цетинском монастыре, обучаясь основам научных знаний. Не ограничиваясь заботами о школе, в 1834 г. владыка открыл в Цетинье типографию, где впервые были напечатаны его, ставшие впоследствии знаменитыми, литературные произведения.

После посещения Петром II России изменились отношения Черногории с Турцией и Австрийской империей. Следуя указаниям Петербурга, владыка вступил в переписку с турецкими пашами, призывая их к мирным отношениям. Вследствие этой переписки, в марте–апреле 1834 г. состоялись встречи митрополита с турецким пашой Хасан-бегом Ресулбеговичем и герцеговинским визирем Али-пашой Сточевичем, во время которых были заключены соответствующие соглашения, впрочем, вскоре нарушенные турками¹³. Об этом Негош незамедлительно известил русское правительство, особо отмечая, что он старается изо всех сил сохранить мир с турками, которые вероломно нарушают достигнутые договоренности¹⁴.

На протяжении 1834–1836 гг. нападения турок на черногорские границы были наиболее часты. Усилия владыки сохранить мирные отношения заканчивались неудачей, а достигнутые путем переговоров соглашения быстро сводились на нет, поскольку Османская империя требовала признания ее верховной власти. Негош писал консулу Гагичу: «Турки, пограничные с нами, никогда не дают нам мира, а наш народ не позволяет себя презирать и уничтожать, потому что если бы он это позволил и равнодушно смотрел на угнетения со стороны турок, то

давно бы потерял свою свободу и независимость, за которые несколько сот лет проливал свою кровь»¹⁵.

С другим соседним государством – Австрией – также возникли противоречия. Австрийцы стали заявлять свои права на монастыри Маины и Станевичи, которые черногорцы считали своей собственностью. В этой ситуации Россия также отказалась помочь Черногории, не желая осложнять свои отношения с венским кабинетом из-за какого-то маленького кусочка земли, который, тем не менее, имел большое значение для Черногории¹⁶. Гагич советовал Негошу передать эти монастыри Австрии, которая, по словам консула, имеет историческое право на эти местности: «Австрийцы, на основании договора, заключенного между европейскими державами в Вене в 1814 году, приобрели Боко-Которскую провинцию и границы ее приняли на основании трактатов, издавна бывших между Венецианской республикой и Портой Оттоманской. Этими трактатами должны руководствоваться как австрийцы, так и Вы, заменяющие Порту. Австрийцы, имея в руках этот трактат, без сомнения, хорошо знают границу Боки Которской; а Вы, не имея в руках Венецианско-турецкого трактата, не знаю, знаете ли, до каких мест доходят границы турецкой Черногории. <...> Один вред и срам присваивать себе чужую собственность и ссориться с австрийцами без всякого основания»¹⁷. Под давлением австрийской и русской дипломатии Петр II согласился продать Австрии сначала Маины, а чуть позднее Станевичи. Таким образом, Черногория потеряла стратегически важный опорный пункт для выхода к морю.

Как видно, в то время Россия, исходя из собственных политических интересов, не собиралась содействовать укреплению позиций Черногории и расширению ее границ, что подтверждает и отчет российского МИД за 1834 г.: «...внушения им (черногорцам. – М.Б., Я.В), по высочайшей воле сделанные Министерством Вашего Величества, как прямо, так и через агента нашего в Рагузе, образумили их всех и заставили, наконец, понять, что истинные их выгоды требуют жить в мире и согласии с пограничными соседними пашами и австрийским начальством, что всякое военное предприятие для расширения своих владений повлечет их к неизбежной гибели, от которой Россия их спасти не сможет, как по отдаленности своей, так и по чистоте политических убеждений»¹⁸.

1836 год был очень тяжелым для Петра II. Государственные преобразования, устройство школы и типографии требовали значительных рас-

ходов. Подать же, взимавшаяся с черногорцев, благосостояние которых и так было очень низким, не могла решить эту проблему, вызывая только неудовольствие народа. Особенно оно проявилось среди жителей пограничных с Турцией районов, подвергавшихся нападениям албанских и боснийских пашей и терпящих вследствие этого значительный материальный ущерб. Кроме того, постигший Черногорию неурожай сделал положение населения еще более бедственным.

В это время резко обострились отношения Черногории с Османской империей – начались военные действия из-за спорного района Грахово. О столкновениях, в которых черногорцы понесли значительные потери и был убит младший брат владыки, Негош сообщил российскому послу в Вене Д.П. Татищеву. Он просил русское правительство принять необходимые меры в отношении Турции и помочь черногорцам установить с ней постоянную границу: «При нынешних крайних обстоятельствах наших нахожусь умолять Ваше Высокопревосходительство самым богом довести все сие до государя императора и не лишать нас высоким Вашим ходатайством у Высочайшего престола Всероссийского об отправлении двух доверенных особ в Черную Гору для исследования сего варварского поступка везиря Сточевича, и об разделении и утверждении наших, как с турками, так и с австрийцами границ»¹⁹.

Эта просьба Негоша была оставлена без внимания, и он решил сам поехать в Россию, чтобы лично рассказать Николаю I о положении в стране. Владыка известил о своем намерении Гагича, прося у него в долг за счет ежегодной субсидии 1000 червонцев, необходимых для содержания правительства в его отсутствие²⁰. Однако консул отказал Петру II в этой просьбе и сообщил об этом в Азиатский департамент²¹. Кроме того, русский консул желал выяснить истинные причины столкновения в районе Грахово. Об этом он прямо писал архимандриту Павичевичу: «Не какие-нибудь раздоры, несогласия и междуусобия в Черногории побудили владыку вмешаться в дела герцеговинского везиря относительно Грахово, местности, которая бесспорно находится во власти турок, и тем самым вовлечь в бедствия бедняков грахковлян и черногорцев?»²². Вероятно, после этого отказа отношения Негоша и Гагича стали еще более натянутыми. Владыка уехал в Петербург, не уведомив консула ни о цели, ни о времени своей поездки, сообщив только, что оставил вместо себя архимандрита Иосифа Павичевича²³.

В этих условиях, при неблагоприятном отношении консула, поездка Петра II не могла проходить гладко. Посещение Негошем Петербурга могло возбудить нежелательные толки в Стамбуле и Вене, и поэтому Нессельроде незамедлительно отдал распоряжение российскому посольству в Вене убедить Негоша вернуться назад, которое, следуя этим указаниям, задержало владыку в австрийской столице. Не получив положительного ответа от русских властей, Петр II обратился во французское посольство с просьбой о выдаче ему паспорта для поездки в Париж. Вслед за этим А.М. Горчаков, ведавший делами российского посольства в отсутствие Д.П. Татищева, предложил Негошу отправиться в Россию. В этом решении российского дипломатического представителя поддержал и австрийский канцлер К. Меттерних, справедливо опасавшийся, что Негош может стать игрушкой как в руках французского правительства, так и деятелей польской эмиграции, сделавших парижский отель «Ламбер» своей резиденцией²⁴.

Пребывание Петра II Негоша в Вене породило проблемы для российских и австрийских властей еще и потому, что владыка попытался привлечь к черногорским проблемам внимание европейской общественности. В австрийской столице Негош часто встречался с В.С. Караджичем, благодаря посредничеству которого он познакомился с агентом сербского князя Милоша неким В. Хопе – корреспондентом мюнхенской газеты «Альгемайнэ Цайтунг». За владыкой был установлен негласный надзор как со стороны австрийских властей, так и российского правительства. О своих беседах с Негошем подробные рапорты австрийскому правительству составлял капитан Ф. Орешкович. Российское же правительство возложило эти обязанности на подполковника Озерецковского.

В середине февраля 1837 г. Озерецковский написал специальный доклад графу Бенкендорфу, в котором подробно объяснял причины, побудившие Петра II отправиться в Петербург, подчеркивал их непонимание русскими официальными кругами, что вынудило черногорского владыку искать возможность для проезда в Париж²⁵. Пока еще не был решен вопрос о посещении Петербурга, Озерецковский дал черногорскому владыке и сопровождавшему его в поездке двоюродному брату Георгию Петровичу рекомендательное письмо, что вызвало гнев начальства. Русский агент оправдывал свой поступок тем, что не хотел «сердить еще более [этих] господ»²⁶.

В отличие от 1833 г., Негоша ожидал в России крайне настороженный прием. Не последнюю роль в этом сыграли недоброжелатели владыки, в частности, И. Вукотич, распространявшие слухи о его плохом правлении, хищении монастырских средств и т.п.²⁷ Нессельроде писал об этом Негошу: «Получили мы здесь донесения, будто бы распоряжения ваши породили смуту между народами и кровопролитие, что много фамилий черногорских бежали в турецкие области и разные стороны, что народ сильно на вас негодует, что вмешательство ваше против воли народа в дела Грахово было причиной сожжения его селений и умерщвления многих жителей, кои до этого, платя туркам небольшую дань, находились в спокойствии, и что, наконец, народ черногорский озлобился против вас, что вы выехали под предлогом Высочайшего повеления приехать в С.-Петербург».²⁸

Петр II Негош был задержан в Пскове, до выяснения истинного положения дел в Черногории, а царская охранка установила за ним наблюдение. Сам владыка старался опровергнуть выдвигаемые против него обвинения. Он писал Нессельроде: «Но между тем скорбь в душе моей об одном и том же: что я безвинно обнесен перед лицом монарха, принимаю смелость повергнуть Вашему сиятельству на уважение следующее: у меня нет языка, которым бы довольно я мог выразить страдания моего сердца, что эта нелепая, увеличенная клевета так горько очернила мои серьезные намерения на пользу черногорскую перед лицом обожаемого им и мною и всегда великодушного монарха». Он также рассказал о своих цивилизаторских усилиях: «Прежде вступления моего в звание правителя и владыки черногорского, Черногория представляла жалостное позорище междуусобия и всякого рода несогласий; сильный грабил бессильного, племя с племенем сражалось, и не было и не существовало спокойствия, право сильного торжествовало. Я уничтожил это варварство, водворил мир и тишину, обеспечил мир и достояние каждого, что весьма известно, и Ваше Сиятельство можете удостовериться об этом от вашего вице-консула в Рагузе и соседнего австрийского правительства»²⁹. В то же время владыка, считая оскорблением не только себя, но и весь черногорский народ, думал даже передать свою страну под покровительство другого государства. Вот что писал по этому поводу капитан Ракеев, наблюдавший за Негошем в Пскове: «Черногорский архиепископ

Петр Петрович Негош неоднократно изволил отзываться, что заслуги черногорского народа не оценены и не вознаграждаемы. Земли, принадлежавшие им издревле, уступлены по трактатам другим государствам, за что народ в сильном негодовании, как и за само Грахово, бывшее местом кровопролития, <...> и если получит отказ в просьбах своих, то воспользуется случаем передать себя и черногорцев под покровительство другого государства»³⁰. Но, к счастью, российское министерство правильно оценило ситуацию, и 18 мая 1837 г. Негош прибыл в Петербург, где находился 24 дня. Личные объяснения владыки с Николаем I, а также то обстоятельство, что против него не было выдвинуто достаточно обоснованных обвинений, способствовали успешному завершению поездки. Ежегодная денежная субсидия Черногории увеличилась. Дополнительно выделялось 80 000 рублей при сохранении 1 тысячи червонцев, определенных Павлом I.

Однако вернемся к нашему главному герою. В мартовском послании 1837 г. Озерецковский сообщил о знакомстве по случаю «черногорского дела» с Вуком Стефановичем Караджичем. «Это человек очень ученый и хитрый. За изданные им сербский словарь и народный песенник получает он от русского правительства по тысяче рублей ассиг[нациями] пенсии. Сын его воспитывается на казенном иждивении в Петербурге, в Горном корпусе. Этот г-н Караджич находился безотлучно при владыке во время пребывания его в Вене и доставлял очень подробные и верные сведения Его Светлости князю Меттерниху о каждом шаге и слове Его Высокопреосвещенства, с которым давно знаком и дружен³¹. Подобная преданность двум правительствам в одно и то же время не мешает ему быть человеком основательным в суждениях и благонамеренным»³². Тем не менее, очевидно, что подобное свидетельство серьезно подпортило репутацию Караджича в глазах руководства III Отделением. В 1835 г. писатель совершил путешествие по Черногории, результатом которой стала книга, только что вышедшая в Аугсбурге. Первый экземпляр «Черногории и черногорцев» Караджич преподнес Озерецковскому для передачи в русское посольство, и поверенный в делах А.М. Горчаков сразу же переправил книгу к Нессельроде, поскольку приводимые там сведения «чрезвычайно любопытны и могут быть полезны для всего дела, затянутого владыкой». Озерецковский обещал со временем снабдить книжной новинкой и своего начальника.

В июне 1837 г. проездом из Константинополя в Лондон в Вене гостил секретарь английского посольства, издатель русофобского журнала «Портфолио» Д. Уркварт. Озерецковский в интересах предосторожности не стал знакомиться с ним лично, но наблюдал со стороны, в трактире: «У него двое слуг, турки, в своих национальных платьях. Это заставляет любопытных останавливаться». Зато с Урквартом встречался В.С. Караджич, который сообщил о намерении англичанина вернуться в Вену месяцев через пять для организации путешествия в Боснию, Герцеговину и Черногорию. «Он приглашает с собою в это путешествие и Вука, с условием, чтобы он был проводником и переводчиком его у христиан, а что же касается до турок, говорит Уркварт, вам заботиться нечего, положитесь на меня, это мои друзья. Вук с удовольствием принимает это предложение, говоря, что может собрать таким образом много литературы и исторических славянских сведений»³³. Неразборчивость Караджича вновь свидетельствовала против него. Но именно его информация служила дополнительным доказательством возрастающей активности англичан в Балканском регионе.

Кроме того, Уркварт предложил перевести на немецкий язык книгу, наполненную обвинениями против русских агентов в Белграде в 1807–1813 гг. К.К. Родофиникина и Ф.И. Недобы³⁴. Караджич благоразумно отказался от этой работы, но успел заметить на экземпляре Уркварта имя старшего сына сербского князя. «Поэтому думать надобно, – сделал вывод Озерецковский, – что книжку получил он в подарок, проезжая через Сербию, где он останавливался у князя Милоша [Обреновича]. Каким образом не доискивает Уркварт материал». Высказывая тревогу по поводу антирусской кампании в газетах, Озерецковский демонстрировал верность официальным догматам: «Немощны крики против мощного Царя Русского! Велик русский Бог». Но узнав о результатах поездки черногорского владыки в Петербург, вновь вспоминал об Уркварте и опасался огласки, поскольку это «отзовется впоследствии в великом вопросе о славянах...»³⁵. Что ж, жандармскому подполковнику скоро представился случай проявить свои способности эксперта в этом вопросе.

Караджич и в дальнейшем оставался важным информатором жандармского подполковника: «... бывает у меня довольно часто и надеется доказать преданность свою русскому правительству, доставляя мне все тайные сведения, касающиеся славян австрийских подданных, сербских

и турецких»³⁶. Озерецковский надеялся воспользоваться помощью Караджича, чтобы воспрепятствовать намерению Милоша Обреновича принять на службу польских офицеров-эмигрантов (здесь он усматривал интриги английского консула в Белграде). В свою очередь Караджич, в разгар конфликта с законодателем уставобранителей Й. Хаджичем (М. Светичем)³⁷, сумел привлечь внимание Озерецковского к проблеме австрийских сербов, потенциальных агентов Вены, на службе в Белграде: «Зная Сербию совершенно, Вук полагает, что все это не поведет к добру, и что теперь, когда русское правительство принимает участие в составлении законов и образа правления для Сербии в Константинополе, полезнее было бы..., чтобы должности главных чиновников и сенаторов в Сербии не были даваемы иначе как урожденным туземцам сербским»³⁸.

Еще во время пребывания черногорского владыки в Вене для проверки положения дел в Черногорию был послан Е. Гагич. Побывав в Цетинье, он отправил донесение, из которого видно его предвзятое отношение к Негошу. Консул в Дубровнике действительно довольно правдиво рассказал о тяжелом экономическом положении Черногории, особенно после неурожая 1836 г., а также о своей встрече с черногорскими старейшинами, у которых выяснял, «состоят ли они в мире с сопредельными турецкими властями, имеют ли должное уважение к соседственным же властям Австрийской империи, существует ли у них внутреннее спокойствие и порядок, соблюдают ли они покорность и благоговейное повинование к духовному их пастырю, и, наконец, старается ли владыка со своей стороны благочестием и справедливостью снискать их доверие, а распоряжениями строгий порядок внутри и мирные отношения с соседями»³⁹. Гагичу дали успокоительные ответы, рассказали об истинных целях поездки Негоша в Россию. Но, несмотря на это, консул приложил к своему докладу сведения явно пристрастные, которые он, по его словам, почерпнул из бесед с черногорцами: «По окончании сего разговора сенат и старейшины разошлись по домам. Но во время 3-х дневного моего пребывания в Цетинье имел я случай с каждым из них говорить и открыть, что правительство черногорское, по отществии оттуда Вукотича, потеряло всю силу, и что весь народ жалеет об удалении Вукотича из Черногории. На владыку же и всех Петровичей жалуются, обвиняя их в несправедливости»⁴⁰. В конце своего донесения Гагич добавил: «Но, к сожалению, доброе мое намерение и все мои дружес-

твенные советы для него (Петра II. – М.Б., Я.В.) были бесполезны; он домогается наших денег, а над советами нашими издевается»⁴¹.

Чтобы получить более объективные сведения о положении в Черногории, российское правительство решило послать туда своего специального представителя, который к тому же должен был передать денежное пособие, а также проследить, чтобы эти деньги были употреблены на обеспечение нуждающихся и на благоустройство страны. Этим человеком по вполне понятным причинам и стал Я.Н. Озерецковский. Отчеты III Отделения содержат краткое сообщение о поездке: «В 1835 году полковник Озерецковский (ныне статский советник, управляющий соляными промыслами) послан был в Вену, в распоряжение князя Меттерниха, для занятий по вопросам высшего наблюдения, а в 1837 году, из Вены, он ездил в Черногорию с собственными поручениями Вашего Императорского Величества, касающимися до устройства черногорского народа. Исполнив с успехом это поручение, он возвратился в С.Петербург в 1839 году»⁴².

Озерецковский сразу высказал сомнения в профессиональной компетентности российского консула в Дубровнике. «Проходя мимо Рагузы, я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним. Но, как мне показалось, Черногория известна ему столько же, как и мне, не более. Это мне показалось странным». Свое путешествие Озерецковский совершил в сопровождении Негоша, который присоединился к нему в Триесте. Это еще больше сблизило их. Озерецковскому импонировал молодой владыка; ему нравился образ мыслей Петра II, его непоколебимая решимость вывести страну на цивилизованный путь развития. В противоположность Гагичу подполковник свидетельствовал о горячей приверженности народа своему правительству.

Поездка сполна удовлетворила ту « страсть к путешествиям», которая, по признанию Озерецковского, была в нем так сильна: «... чем более углубляюсь я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу». Странностей хватало, и один такой случай, произошедший близ Цетинье, новоявленный дипломат внес в первое сообщение с берегов Адриатики: «... семейство делило жито. Сын заспорил против отца, отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и отец хотел только пострафать сына»⁴³.

Несмотря на «странные», Озерецковскому не потребовалось много времени, чтобы оценить в первом приближении социальную-экономическую и политическую ситуацию в Черногории. 1 сентября 1837 г., то есть спустя две недели после приезда в Цетинье, подполковник составил обширную записку на имя Д.П. Татищева, копию которой отоспал шефу III Отделения с сопроводительным письмом. В нем, в частности, говорилось: «... край любопытный... [с] народом далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени. [Помощь Черногории]... есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества..., составит его счастье и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государя»⁴⁴. Этим надеждам соответствовали реформы владыки, направленные на быстрейшее разрушение патриархальных институтов и окончательную организацию государственной структуры. В свою очередь Петр II хотел использовать приезд русского представителя для скорейшего завершения преобразований. Присутствие Озерецковского придавало его реформам юридическое обоснование, выраженное в их одобрении официальным представителем державы-покровительницы Черногории.

Вскоре по приезде Петр II созвал в Цетинье сабор, в котором участвовали представители всех черногорских нахий. На нем владыка объявил, что твердо намерен прекратить междуусобные распри и образовать новый сенат. Петр II указал также, следуя инструкциям из Петербурга, на необходимость установления мира на черногорско-турецкой границе. На этом саборе был составлен сенат во главе с братом владыки Пере Томовым Петровичем. Таким образом, Петр II окончательно сосредоточил в своих руках государственную власть. Все эти важные события проходили при живом участии Озерецковского, помощь которого очевидна, в частности, в разрешении спора вокруг Грахово. Озерецковский полагал, что этот вопрос не будет решен, «пока турецкое правительство не означит границ между областями: Черногорией, Албанией и Герцеговиной»⁴⁵. Именно поэтому Ю.П. Аншаков выражает сомнение в сведениях о том, что в октябре 1837 г. российский представитель созвал в Цетинье старейшин спорного района Грахово, предложил им присоединиться к Черногории и, сбросив турецкое владычество, принять покровительство России. «Сделать подобное заявление, в корне противоречащее полученной им инструкции, зная, что оно почти неизбежно

станет достоянием гласности, подполковник корпуса жандармов не мог», – отмечает исследователь⁴⁶.

Успех миссии Озерецковского обусловила денежная субсидия, которую он привез с собой, посоветовав Негошу организовать государственную казну и назначить за нее ответственного⁴⁷. Таким человеком стал Дмитрий Милакович – секретарь Петра II⁴⁸.

В записке от 1 сентября 1837 г. Озерецковский попытался выделить приоритетные направления работы и денежных субсидий, способные вытянуть Черногорию из вековой отсталости. Его мысль при этом на-талкивалась на труднопреодолимые препятствия, зримым воплощением которых стали местные горы: «Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь ни внутри страны, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, через которые пробираются черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота»⁴⁹. Издержки на обустройство «тропинки» до Катаро Озерецковский оценивал в 200 000 рублей, замечая, что этих денег у Черногории не имеется. При этом он считал, «что лучшее и полезнейшее употребление оной [помощи России в течение 10 лет] есть обращение почти всех сумм на устройство прочного правительства, которое могло бы вести народ к повиновению и порядку, чтобы впоследствии Черногория довольствовалась собственными своими средствами»⁵⁰. Таким образом, обустройство дорог откладывалось, как минимум, на десятилетие.

Необходимо было признать и сопротивление человеческого материала: «Важные изменения в закоснелых обычаях народа идут, однако медленно: зло ослабевает здесь, но все еще время от времени вспыхивает в прежнем виде и с прежнею силою». Оставалось лишь уповать на волю Пророков и твердость владыки на пути реформ, поскольку, кроме силы правительства, «... нет иного способа привести черногорцев в повиновение и заставить их со временем вносить хоть небольшую подать для дальнейших надобностей страны». Своеобразным прянником в этой политике должен стать организованный правительством продо-

вольственный кредит. «Теперь же черногорец не находит талера, если у него требуют оного как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов [и] пороха!»⁵¹.

Между тем, пребывание Озерецковского в Черногории отрицательно сказалось на его здоровье. Петр II сообщил об этом Д.П. Татищеву: «С некоторого времени господин полковник Озерецковский страдает гастрическою лихорадкою, и хотя доктор из Каттаро, нарочно сюда прибывший, уверяет меня, что жизнь Якова Николаевича не находится в опасности, но я долгом поставлю сообщить об этом Вашему высокопревосходительству, препоручая себя и народ черногорский и бердский Вашему покровительству»⁵². Венский комфорт примирял с удаленностью от родины, но в Черногории Озерецковский резко почувствовал расстояние до Петербурга: «Боюсь только, чтобы не пришлось мне зазимовать в этом захолустье, в котором нет ничего кроме гор и чистого воздуха, а я все свое движимое имение оставил в Вене»⁵³. Однако болезнь не позволила Озерецковскому долго находиться в Черногории, и в конце октября 1837 г. он возвратился в австрийскую столицу, а затем – в Петербург.

Петр II остался доволен результатом его поездки и высказал пожелание, чтобы Озерецковский вновь приехал в Черногорию и провел там несколько лет. Об этом он писал Татищеву: «Не только я, но и весь народ черногорский и бердский были довольны господином подполковником. Особенно его мудрые советы, основанные по наставлению министерства иностранных дел, мне были к сердцу, и я поставлю себе в святую должность не отступать от оных, но ими руководствоваться как средством спасительным и могущим упрочить счаствие народа. Если бы у меня была удобная квартира, необходимая для европейцев, то желал бы, чтобы помянутый господин подполковник с всемилостивейшим соизволением государя императора если не всю жизнь его, то, по крайней мере, несколько лет в Черногории провел, тем более, что его мудрыми советами, основанными на общности, мог бы я всегда руководствоваться»⁵⁴.

В свою очередь Озерецковский воспринимал возвращение в Вену как подлинное спасение и, вспоминая о пережитой в Черногории «грознице» (лихорадке), цитировал Вяземского: «Я ускользнул от эскулапа, худой, небритый, но живой». От предложения митрополита подполковник отшучивался: «Слышал я, будто бы владыка хотел бы со мною про-

жить весь век! С ним я готов, но в Черногории жить вечно – ради Бога, пожалейте меня – накажите чем угодно, но не ссылкой в его каменную обитель. Летние месяцы, май, июнь, июль, еще есть возможность существовать в его изгнании, но осень и зима – это явная смерть»⁵⁵.

Озерецковский собрал обширный материал о Черногории и поставил перед собой задачу донести эти сведения до императорского правительства и тем самым пробудить у него больший интерес к этой стране. Вскоре после приезда в Петербург он составил подробный доклад своему шефу Бенкендорфу о результатах поездки⁵⁶, в котором рассказал о географическом положении Черногории, о количестве ее жителей. Кроме того, он уверил русское правительство в преданности черногорцев России, особенно подчеркивая интриги австрийского кабинета, направленные на то, чтобы ослабить русское влияние в Черногории: «Таким образом, все сведения, получаемые русским кабинетом о Черногории, так сказать, прогонямы были через куб австрийских и турецких надобностей, и бедные черногорцы в борьбе за веру и независимость с явным врагом своим Турциею, выкупая кровью каждый шаг земли, окруженные австрийской политикой, турецким оружием, бедностию и нуждами, приобрели название разбойников»⁵⁷.

Озерецковский стремился поднять авторитет Петра II Негоша в глазах русского правительства, написав в отчете, что архиепископ, «хотя и молод, но одарен ясным умом, и в состоянии держать весь этот край в таком направлении, какое Россия ему укажет»⁵⁸. Кроме того, он предложил принять ряд мер, необходимых для поддержания в Черногории порядка, а также для усиления там влияния России. Это, прежде всего, помочь хлебом для создания запасов на случай неурожая и увеличение денежной субсидии, необходимой для просвещения черногорцев и их соседей: «Вторая польза могла бы произойти в политическом отношении Черногории к ее соседям, если бы владыке пожалована была единовременно хотя бы небольшая сумма денег, собственно на заведение порядочного училища и постройки для оного дома, с тем, чтобы владыка имел позволение принимать к себе на воспитание детей некоторых албанских и герцеговинских христиан по просьбам их отцов, чего архиепископ без дозволения не сделает»⁵⁹.

Сообщив весь собранный материал, Озерецковский составил подробный доклад, который вскоре был представлен Николаю I. Об этом он

писал Негошу: «Я решил, что целью моей поездки в Петербург должно быть вот что: 1-ое, пора дать государю императору верные и подробные сведения о Черной Горе во всех ее отношениях, без изъятия, и 2-е: представить его величеству с настоящей точки зрения самого черногорского владыку, чтобы изгладить все ложные мысли о прежних происшествиях, и таким образом обратить внимание русского царя на отдаленную страну, ему преданную»⁶⁰. Видимо, Озерецковскому удалось задуманное. По крайней мере, он так оценивал результаты своей деятельности: «Черная Гора стала известна императору во всех отношениях, и 2-е: мнение царя о владыке черногорском близки стали к благосклонному вниманию государя к его высокопреосвященству и его народу»⁶¹. Вскоре Озерецковского пригласил к себе Нессельроде и объявил ему, что в Черногорию будет направлено 10 тысяч четвертей муки. Сообщая об этом решении Негошу, Озерецковский дал несколько советов о том, как лучше использовать эту помощь: «1-е, надобно чтобы царская милость о пожаловании Вам из Одессы хлеба оставалась до времени, пока не будет Вам объявлена от министерства, втайне. 2-ое: чтобы хлеб этот поступил прямо во власть собственно Вашу, ни мало не для раздачи народу, но как запас на неурожайный год, и чтобы выдача оного состояла в полной Вашей власти кому Вы дать прикажете, и не иначе как с тем условием, чтобы занявший у Вас хлеба в неурожайный год, – возвратил то же количество, когда соберет урожай на другой год, и 3-ие: очень хорошо было бы, и даже необходимо, на Цетинье построить деревянный сарай, или два, в коих бы хлеб сей хранился под Вашими глазами, в сохранности под замками»⁶².

В письмах Озерецковский продолжал давать владыке советы относительно его взаимоотношений с Россией: «Вообще, советую вам продолжать осторожность и преданность нашему правительству, быть откровенным и делать все, чего польза народа черногорского требует. Теперь дела должны пойти гораздо лучше, ибо Черная Гора известна Государю вполне, и посол (Д.П. Татищев. – М.Б., Я.В.) принял многие убеждения и суждения о Вашей стране»⁶³. Заслуги Озерецковского также были оценены. Ему был присвоен чин полковника, а Николай I подарил ему золотую табакерку.

Отметим, что записки Озерецковского о Черногории интересны нам еще и тем, что в изображении местных реалий автор стремится пре-

одолеть две крайние точки зрения, отчасти свойственные донесениям российских дипломатов на Балканах и описаниям путешественников XIX века: он уклонился как от слепого восторга перед простотой и патриархальностью местных обычаяев и нравов, верой жителей во всемогущего российского императора, так и от снисходительного презрения цивилизованного европейца к детям-дикарям.⁶⁴ Его замечания и оценки дают сбалансированный анализ ситуации и представляют объективные рекомендации независимого эксперта.

Таким образом, 30-е гг. XIX века стали определенным рубежом в истории русско-черногорских отношений. Миссия Я.Н. Озерецковского способствовала тому, что российский кабинет уже не «забывал» о маленькой славянской стране на Балканах, а русско-черногорские политические отношения окончательно приобрели регулярный характер.

После Озерецковского поездки в Черногорию русских эмиссаров стали регулярными. В 1838 г. страну посетил инженер-геолог Е.П. Ковалевский,⁶⁵ который, помимо своих прямых обязанностей, составил первую точную географическую карту, а позднее написал книгу «Четыре месяца в Черногории»⁶⁶, ставшую для русской читающей публики первым достоверным описанием этого края. Сам же Е.П. Ковалевский впоследствии возглавил Азиатский департамент МИДа. Не менее знаменитой была миссия российского дипломата А.В. Чевкина, благодаря усилиям которого в 1839–1841 гг. была установлена черногорско-австро-итальянская граница, а в 1842–1843 гг. достигнута договоренность относительно черногорско-герцеговинской пограничной линии. Их усилия способствовали тому, что эта маленькая балканская страна стала известна не только высшим политическим кругам, но и широкой российской и европейской общественности, что отразилось на обретении ею независимости в 1878 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 1-2. Я.Н. Озерецковский – А.Н. Мордвинову, 6(18) января 1836 г. Переписка с агентами велась управляющим III Отделением в должности директора канцелярии, которую в 1831–1839 гг. возглавлял Александр Николаевич Мордвинов. Озерецковский в своих посланиях обращается к нему по имени и отчеству; далее указываются только даты этих писем. Троицкий И.М. III отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. С. 66. Рууд Ч.,

Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 46. Ф.М. Лурье, очевидно, допускает ошибку: «III отделение стремилось перенять методы политического сыска более опытных коллег из иностранных секретных служб. Так, в Австрию официально и секретно командировались подполковник Н.Н. Озерецковский и Г. Струве для ознакомления с работой высшей и тайной полиции». // Лурье Ф.М. Политические провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 53. Речь, конечно, идет не о географе и писателе Н.Н. Озерецковском, а о его сыне Я.Н. Озерецковском.

² «Полиция здесь нехороша – это истина, но истина, следующая также к сведению» // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 31–31об. 26 октября (7 ноября) 1836 г.

³ «Понемногу знакомлюсь с Веной, занятой еще по сих пор своей бесконечной масленицей и беспрестанными танцами более, нежели слухами о холере, которая, как говорят, показалась в Вене. Не совсем легко рассмотреть здесь, где зимует политика!» // Там же. Л. 4–5. 26 января (7 февраля) 1836 г. «Привычка к общественным увеселениям, конечно, превратилась здесь в общую страсть всех сословий, все как будто живут на улицах...». Там же. Л. 10–11. 7(19) апреля 1836 г.

⁴ Позднее, находясь в Триесте, Озерецковский поделился со своим начальником патриотическими чувствами: «Странно, надо мною небо Италии, а я смотрю к северу, я совсем русский». // Там же. Л. 66–67. 1(13) августа 1837 г.

⁵ Там же. Л. 27–28об. 15(27) октября 1836 г.

⁶ Там же. Л. 34–35об. Декабрь 1836 г.

⁷ Там же. Л. 37–37об. 24 декабря 1836 г. (5 января 1837 г.).

⁸ Консул в Дубровнике (Рагузе) Еремей Гагич (1783–1859) играл существенную роль в русско-черногорских отношениях первой трети XIX века. Он был серб по национальности, участник Первого сербского восстания, в 1812 г. перешедший на русскую службу. В 1815 г. он был назначен чиновником российского консульства в Дубровнике, с 1825 г. занимал должность вице-консула. В 1845 г. был назначен консулом. На этом месте он проработал до 1856 г., когда ушел в отставку.

⁹ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С.310.

¹⁰ Иван Вукотич - уроженец Подгорицы – и его племянник Матей Вучичевич прибыли из России в Цетинье в августе 1831 г. Именно с их приездом связано начало новых преобразований в Черногории, задуманных еще дядей Петра II – Петром I Негошем. В 1831 г. под председательством И. Вукотича был учрежден Сенат, а также создана национальная гвардия. Однако вскоре произошла размолвка Петра II с Вукотичем, который в 1833 г. был вынужден покинуть Черногорию. Вслед за ним из Черногории в Россию уехал его племянник М. Вучичевич. Об их деятельности в Черногории см. подробнее: Павичевић Б. О мисији Ивана Ивановића Вукотића и Матеја Петровића Вучићевића у Црној Гори 1831–1834. Отисак из Историјског часописа. Књ. VII. Београд, 1957; Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1796–1856). М., 1998. С. 176–194.

¹¹ Његош П.П. Целокупна дјела. Београд, 1951–1955. Т. 7. С. 78–79, 118–119, 132–133. См также: Негош - К.К. Родофинкину 11 июня 1837 г. // Државни Архив Цетиње. 1837 г. Л. 27–28.

¹² Његош П.П. Указ. соч. С. 138.

¹³ Там же. С. 211, 233.

¹⁴ Там же. С. 223-224.

¹⁵ Там же. С.306.

¹⁶ Озерецковский оценил эти споры как конфликт из-за «2-3 булыжников», с тем, чтобы рассорить черногорцев с Россией. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 93. 31 марта (12 апреля) 1838 г.

¹⁷ См.: *Лавров П.А.* Петр II Негош и его литературная деятельность М., 1887. С. 80-81.

¹⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Отчеты МИД за 1834 г. Л. 183об.

¹⁹ *Његош П.П.* Указ. соч. С. 357-358.

²⁰ Там же. С. 368.

²¹ АВПРИ. ГА-В-А2. Ф.161/1. Оп.181/2. Д. 693. 1836 г. Л.5об.

²² См.: *Лавров П.А.* Указ. соч. С. 88.

²³ *Његош П.П.* Указ. соч. С. 373.

²⁴ Более подробно об обстоятельствах второй поездки Негоша в Петербург см: *Павићевић Б.* Његошева мисија у Русији 1837 године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1960. Књ. XXVI. Св. 1-2; он же. Његош и Јаков Николајевич Озерецковски. Промена руске политике према Црној Гори 1837 г. // Историјски записци. Титоград, 1967. Књ. XIV. Св. 1; *Аншиков Ю.П.* Указ. соч. С. 195-214.

²⁵ АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф. 161/3. Оп. 233. Д. 1. 1837 г. Л. 18-22об.

²⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 41. 7(19) февраля 1837 г. Л. 46-47об. 5(17) марта 1837 г.

²⁷ АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф.161/3. Оп.233. Дело 1. 1836 г. Л.1-2об.

²⁸ Там же. 1837 г. Л. 26

²⁹ *Његош П.П.* Указ. соч. С. 379-380.

³⁰ АВПРИ. ГА. Политотдел. 1837 г. Л. 54об.

³¹ Отметим, Озерецковский не уточняет, кто сообщил ему о рапортах Караджича, что имеет большое значение для оценки подобной информации.

³² ГАРФ. Ф.109. Оп. 2. Д. 132. Л. 46-47об. 5(17) марта 1837 г.

³³ Там же. Л. 52-54об. 18(30) июня 1837 г.

³⁴ Очевидно, речь идет об издании: Сербие плачевно паки порабощение лета 1813. Млетки [Venecija], 1815. См. подробнее: *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 247–290.

³⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 58–59об. 5(17) июля 1837 г. Негош возвратился в Вену 30 июня (12 июля) 1837 г. и сам рассказал Озерецковскому о своем пребывании во Пскове и о щедротах Николая I, сменившего гнев на милость.

³⁶ Там же. Л. 93. 31 марта (12 апреля) 1838 г. В этом же письме Озерецковский сообщает о стремлении Л. Гая направить записку о Далмации, Боснии и Герцеговине на имя А.Х. Бенкендорфа, с которым вождь иллиризма познакомился в Берлине. Этот «обширный трактат» был выслан с сопроводительным письмом от 16(28) ноября 1838 г.

³⁷ См.: Белов М.В. Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX века // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). СПб., 2009. С. 22–39.

³⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 111–112. 26 декабря 1838 г. (7 января 1839 г.).

³⁹ АВПРИ. ГА-В-А2. Д. 693. 1836 г. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л.7.

⁴¹ Там же. Л.8

⁴² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 533. Обзор деятельности III отделения за 1826–1850 гг. Л. 81об. Инструкция Озерецковскому в виде отношения главы Азиатского департамента МИД К.К. Родофинкина послу в Вене Д.П. Татищеву от 11 июня 1837 г. см.: Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 64–65об. В ней, в частности, говорилось: «Вместе с тем подполковнику Озерецковскому воспользоваться пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране доселе во всех отношениях малоизвестной».

⁴³ Там же. Л. 66–67. 1(13) августа 1837 г.; Л. 69–70. 12(24) августа 1837 г.

⁴⁴ Там же. Л. 71–72.

⁴⁵ Черногорско-русские отношения 1711–1918 гг. Т. I. Русские архивные документы о Черногории (конец XVIII – середина XIX в.). Подгорица–М., 1992. С. 198.

⁴⁶ Анишаков Ю.П. Указ. соч. С. 219.

⁴⁷ АВПРИ. ГА-В-А2 . Д. 695. 1838 г. Л. 32об.

⁴⁸ Йегош П.П. Указ. соч. С. 390–393.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 76. В другом месте Озерецковский писал: «Я переходил четыре раза через Кавказские горы, но их огромность смирилась перед молотком и порохом работников, и Кавказ лежит красивый, колоссальный, но досягаемый для всякого. Здесь горы не более как в тысячу сажень выше поверхности моря, но они лежат в первобытной дикости, в том виде и положении, как были они взрыты во дни мироздания. Бедна и необразованна будет Черногория, пока не будет ей дороги к Приморью». Там же. Л. 85–86об. 6(18) сентября 1837 г.

⁵⁰ Там же. Л. 77об.

⁵¹ Там же. Л. 78–80.

⁵² Йегош П.П. Указ. соч. С. 403-404.

⁵³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 85–86об. 6(18) сентября 1837 г.

⁵⁴ Његош П.П. Цјелокупна дјела. Т. 7. С. 407–408.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 90–91. 15(27) ноября 1837 г.

⁵⁶ Черногорско-русские отношения... С. 219–225.

⁵⁷ Там же. С. 221.

⁵⁸ Там же. С. 224. Уже в одном из черногорских посланий Озерецковский опровергал обвинения против митрополита: «Притом же сам черногорский владыка не может сделаться исключительно священником, пока Черногория не сойдет со своего воинственного образа жизни на жизнь мирную, гражданскую, следовательно, пока не водворится мир со стороны Турции. Теперь черногорский поп с обритой бородой и двумя пистолетами за кушаком – тот же воин». // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 85–86об. 6(18) сентября 1837 г.

⁵⁹ Черногорско-русские отношения. С. 224.

⁶⁰ Вуксан Д. Писма Озерецковского, Ковалевского и Чевкина Владици Раду // Споменик Српске краљевске академије. Књ. 81. Разред 2. 63, I. Београд, 1935. С. 8.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 9.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Такие нотки презрения к Черногории присутствуют, например, в дипломатических донесениях Е. Гагича. Об оценках русскими путешественниками реалий балканской действительности см. подробнее: Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006; Белов М.В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.

⁶⁵ Идея миссии Ковалевского принадлежала Озерецковскому: «Опытный геолог мог бы посетить и рассмотреть Черногорию с большой пользою для науки, а может быть, открыл бы и новую отрасль богатства страны». На полях записки от 1 сентября 1837 г. Николай I в этом месте сделал пометку: «Можно послать офицера горных инженеров». ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 80об.

⁶⁶ Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. См. также: Ковалевский Е.П. Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Он же. Черногория и славянские земли. СПб., 1872.

В.Я. Гросул

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX В.

Начало Крымской войны русское общество в целом встретило с несомненным воодушевлением. Чувствовалась неприкрытая надежда на победу, да и на последующие преобразования во внутренней жизни. Однако, по мере затягивания войны и неудач России, настроения общества постепенно менялись. Как подчеркивал Б.Н. Чичерин в своей обширной статье «Восточный вопрос с русской точки зрения», где критиковалась и внешняя, и внутренняя политика российского правительства, война выявила «порчу общественного организма», а продолжительный гнет «совершенно убил прежнюю любовь и доверие народа к своему правительству»¹.

Еще во время войны можно констатировать новый общественный подъем, усилившись после ее окончания. Историк А.А. Корнилов подчеркивал, что хотя реакционные меры, принятые после 1848 г., сохранились до конца царствования Николая I, люди чуткие уже в 1853 г. почувствовали приближение оттепели.² Стали заметны послабления в отношении некоторых литераторов, например, И.С. Тургенева, который за статью в «Московских ведомостях» о Н.В. Гоголе целый месяц находился под арестом, а затем был выслан на родину в Орловскую губернию. Власть сменила гнев на милость и в отношении М.Е. Салтыкова-Щедрина. Появились довольно смелые выступления в «Современнике» Н.Г. Чернышевского, а затем и ряд обличительных записок как западников, так и славянофилов, прежде всего Т.Н. Грановского, А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина. Даже М.П. Погодина, одного из апологетов «официальной народности», а к середине 50-х гг. видного представителя консервативных кругов, охватывают оппозиционные, можно сказать, обличительные настроения. Через ministra императорского двора В.Ф. Адлерберга он пытается передать свою довольно резкую записку императору.

Важным симптомом начавшегося подъема было празднование 100-летия Московского университета, отмечавшееся еще при жизни Нико-

лая I и, по мнению того же Корнилова, не гармонировавшее с мрачной эпохой предшествовавшей реакции³. А по словам академика Н.М. Дружинина, «празднование столетнего существования Московского университета было не только открытой общественной демонстрацией, но и первой капитуляцией самодержавия, симптомом начавшегося “кризиса верхов”»⁴.

Середина 50-х гг. – это не только начало нового общественного подъема, но и важная веха в истории русской общественности. Произошедшие тогда сдвиги наложили неизгладимый отпечаток на всю ее последующую жизнь, и можно говорить с полной определенностью о том, что общество набрало новую силу и его значение в масштабах всей страны заметно усилилось. Не случайно именно в это время, в начале 60-х гг., начали разрабатывать свою концепцию общества В.Н. Лешков и И.С. Аксаков⁵. Не случайно и обращение особого внимания к вопросам самоуправления. В 1869 г. выходит первым изданием работа видного земского деятеля, теоретика и практика общественного самоуправления А.И. Васильчикова,⁶ носившая название «О самоуправлении». В ней автор определяет самоуправление «как участие народа в местном внутреннем управлении» и провозглашает полную самостоятельность местных органов в рамках закона⁷.

Сама структура общества по-прежнему оставалась сложной и не поддающейся точному подсчету. Составляло оно, то есть прослойка между властью и народом, примерно несколько процентов населения России,⁸ но его значимость определялась не столько численностью, сколько влиянием идеяным и духовным, а также и материальным. И в пореформенное время ядром общества оставалось дворянство, хотя автоматически все дворянство к обществу относить никак нельзя. Имелись определенные дворянские прослойки, практически не принимавшие участия в общественной жизни. И это при том, что дворяне продолжали сохранять свою корпоративную организацию и формально все его члены составляли отдельное губернское дворянское общество. Но не все дворяне участвовали в его деятельности, да к тому же его общественный характер был довольно ограниченным. И общество дворян находилось под заметным контролем государственной власти, прежде всего губернаторов. Предводители дворянства вписывались в общую административную систему. К тому же имелся ряд губерний, не

пользовавшихся в этом отношении равными правами с другими губерниями страны. Законодательство о дворянской сословной организации распространялось примерно на 60% всех дворян России⁹.

В самом дворянстве продолжали существовать заметные отличия, и полного равенства в правах в его составе не было, что порождало и соответствующие внутренние противоречия. Закон о дворянских выборах 1 июля 1870 г. заметно расширил число полноправных членов дворянских собраний, но по-прежнему оставил за пределами собраний значительное число дворян. Заметные изменения произошли в преобразованный период и в области городского управления. Городское положение 1870 г. на смену сословному представительству вводит представительство, основанное на имущественном цензе. Городские думы получают в той сфере, которая им была определена, заметную самостоятельность и даже независимость от административных органов. Вместе с тем, при всем ограниченном круге обязанностей городских общественных властей, их новые органы самоуправления добились весьма заметных результатов в своей деятельности, прежде всего в области медицины, образования, хозяйства. Это положение было направлено на то, чтобы городское общественное управление занималось чисто хозяйственными вопросами и не было допущено в область политики. Но на практике дело обстояло не совсем так. Даже тот факт, что в большинстве городских дум преобладало купечество, как правило, весьма далекое от политических вопросов, гарантировать полную лояльность городского самоуправления не удавалось¹⁰.

Вопрос взаимоотношения городских дум и властей приобретал временами острый характер. Одним из примеров явного противостояния думы и властей стал адрес Московской думы в 1870 г. В этом адресе, формально посвященном проблемам международного характера, а именно поддержке политики Александра II по отмене ограничений Парижского мира 1856 г., имелась, однако, фраза, сразу привлекшая внимание общества. Там отмечалось, что народ ждет от императора завершения благих начинаний и прежде всего «простора мнению и печатному слову, без которых никнет дух народный»¹¹. Адрес был составлен ни кем иным, как городским головой князем В.А.Черкасским, известным славянофилом, и подправлен И. Аксаковым и Ю. Самариным. Московская дума поддержала этот адрес абсолютным большинством голосов.

Почти полное единодушие Думы не понравилось высшим властям, усмотревшим в ее действиях чуть ли не желание стать парламентом. Разразился сильный скандал, имевший и зарубежные отклики. Император Александр II чуть ли не собирался выслать из Москвы и самого Черкасского, и Аксакова. Но ограничились лишь тем, что Черкасский подал в отставку, и Москва вскоре получила нового городского голову¹².

Через 12 лет в конфликт с властями вступил и другой городской голова – западник Б.Н. Чичерин, что также привело к его смещению. Еще до этого возник конфликт между московским городским головой И.А. Ляминым и губернатором П.П. Дурново. Подобные столкновения городских голов с губернаторами отмечены и в других городах, например, в Рязани, Перми, а в Одессе разразился конфликт между генерал-губернатором и городской думой¹³. Таким образом, даже ограниченное самоуправление с его частичным общественным началом не было по душе администрации, и она нередко стремилась подмять его под себя.

Дворянские собрания и городские думы не были единственными учреждениями, где имела место общественная деятельность, хотя и в ограниченных рамках. Именно в пореформенный период создается еще один орган, который, хотя и со множеством оговорок, можно отнести к общественному. Речь идет о земстве, возникшем в результате одной из реформ Александра II. На земские учреждения В.П. Безобразов указывал «как на самую здоровую часть населения нашего общественного организма»¹⁴. Земства, созданные на основе Положения от 12 января 1864 г., изначально строились на основах выборности и всесословности. Как отмечают современные исследователи, «слово “земский” было неразрывно связано с понятием “самоуправление”»¹⁵. Примечательно, что в январе 1862 г., когда еще только шла работа по составлению основ будущих предначертаний по созданию этого органа, великая княгиня Елена Павловна писала Н.А. Миллютину: «Слово земство наводит страх в высших сферах»¹⁶.

Противоречия между самодержавием и земством были неизбежными, так же как и между земством и бюрократией, поскольку, среди прочего, были по-разному организованы¹⁷. Земства все-таки были местным самоуправлением, хотя и действующим под надзором центральных органов власти. Они предполагали самостоятельную деятельность выбранных населением представителей, несмотря на то, что эти вы-

боры оговаривались рядом сложных условий и давали преимущество дворянству. Противостояние земства и администрации вскоре стало заметно в различных регионах страны, где были созданы земские учреждения¹⁸. Вместе с тем земства стали тем учреждением, где общество получило возможность определенного представительства¹⁹.

Создание пореформенных городских дум и земских учреждений заметно усиливает общественное начало в России, укрепляет позиции общества в государстве. Уже в конце царствования Александра II один из видных либеральных деятелей С.А. Муромцев следующим образом понимал задачи реформ и значение их для общества: «Смысл всех преобразований настоящего царствования заключается в возбуждении самодеятельности общества... Образованное общество есть факт, созданный русской историей, перед которым каждая политическая сила должна преклоняться»²⁰. Почувствовав свою силу, общество все более устанавливает и свои нормы поведения. Примечательно, что точно так же, как Н.И. Греч характеризовал диктат общества по отношению к началу века, так и несколько позднее, в его середине, А.В. Никитенко счел необходимым записать следующие слова: «Дух нетерпимости и страсть к умственному и нравственному деспотизму составляет язву нашего так называемого передового общества»²¹.

Никитенко писал о «передовом» обществе. Но ни общество в целом, ни так называемое передовое общество не были едиными, они делились на множество цветов и оттенков, все из которых даже невозможно определить. Вместе с тем в эпоху общественного подъема 50-х гг. деление общества на три основных общественно-политических направления не только не ослабевает, но даже усиливается. В пореформенное время каждое из них еще больше наполняется и в кадровом, и в идеином планах, пройдя через несколько этапов испытаний различного характера. Назывались эти направления по-разному. Например, В.П. Безобразов, ссылаясь на новейшую историю Европы, писал о либеральном, аристократическом (феодальном) и ультра-демократическом направлениях, предсказывая наибольшие успехи либерализму. Он же впоследствии упоминал об охранителях, либералах и прогрессистах²². Прежде всего начал резко набирать свою силу либерализм, получив заметную поддержку власти. Подъем либерализма во многом напоминал его подъем начала века при Александре I, но уже на другом историческом витке.

Летом 1856 г. сенатор К.Н. Лебедев подчеркивал: «...в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»,²³ а несколько позднее известный адвокат князь А.И. Урусов подчеркивал: «Я либерал, защищаю либеральные дела»²⁴.

Укреплению либерализма способствовало известное соотношение сил в императорском семействе. Кроме самого Зимнего дворца, где активно велись речи о предстоящей реформе, большую роль играли и двор великой княгини Елены Павловны, вдовы Михаила Павловича, и Мраморный дворец великого князя Константина Николаевича, и дворец великой княгини Марии Николаевны. Как писал В.П. Мещерский, хорошо знакомый с придворными кругами, «все эти придворные очаги умственной жизни тогда играли свою роль: во-первых, они произносили имена новых людей и переносили эти имена из своих кружков в сферы Зимнего Дворца; во-вторых, они более или менее разрабатывали материалы для будущих государственных вопросов и, так сказать, двигали время»²⁵.

Имея таких высоких покровителей, русский либерализм почувствовал свободу и как бы внезапно резко укрепил свои позиции. Сомкнулись ряды и западников, и славянофилов. Получает распространение даже термин «либеральная партия». В написанных в 1855 г. и вышедших в 1857 г. «Современных задачах русской жизни» Б.Н. Чичерин прямо поставил задачу, чего должна желать либеральная партия в обществе. Эта статья получила огласку, выйдя в герценовских «Голосах из России». Через два года, в 1859 г., К. Кавелин писал Чичерину: «Вы сами принадлежите к либеральной партии»²⁶. В то же время этот термин применяет и М.Н. Катков, писавший в 1861 г. князю Н.А. Орлову: «В обществе только и слышатся разговоры о необходимости подать правительству адрес с тысячами подписей, в котором были бы изложены требования либеральной партии; эти требования состоят в свободе печати, гласном судопроизводстве, отмене телесных наказаний и обнародовании бюджета»²⁷. За год до этого, в 1860 г., видный впоследствии консерватор М.Н. Катков провозгласил переход на позиции «созидающего либерализма»²⁸. Таким образом, шел процесс осознания себя как либералов определенной прослойки русского общества, и эта прослойка все более увеличивалась по мере приближения крестьянской реформы. Более того, либерализм стал модой и среди чиновничества.

К. Головин, современник тех событий, подчеркивал: «Крестьянская реформа, в самом деле, была победой чиновничества над крепостнической частью дворянства». И далее он продолжает, «недостаток либерализма считался тогда грехом даже на службе»²⁹.

К числу главнейших центров общественного либерализма середины 50-х гг. относились петербургский кружок К.Д. Кавелина и московский кружок А.В. Станкевича. Внутрироссийские либералы получают возможность использовать в качестве рупоров своих взглядов герценовские издания, прежде всего «Голоса из России», а потом и «Колокол». Затем они получают печатные органы и внутри России. Речь идет об издававшихся с 1856 г.: «Русском вестнике», редактором которого были М.Н. Катков, П.М. Леонтьев, Е.Ф. Корш, «Русской беседе» А.И. Кошелева и «Отечественных записках» А.А. Краевского. К числу либеральных изданий относились также «Атеней», «Молва», «Библиотека для чтения», «Сельское благоустройство», «Экономический указатель», «Вестник промышленности», «Голос», «С.-Петербургские ведомости» и др. Свою программу начинают излагать и представители торгово-промышленной буржуазии, явно склонявшейся к либерализму, но ратовавшей за реформы проводимые сверху, то есть самим царским правительством³⁰. Купцы все больше входят в состав общества, в свою очередь все больше приобретавшего буржуазный характер. Даже В. Воронцов, писавший об отсутствии капитализма в России, называвший его больше игрой в капитализм, отмечал «капиталистическое миросозерцание общества»³¹.

Но и в стане либералов не было полного единства. Определенные противоречия между ними замечаются еще в дореформенный период. Среди западников развернулась полемика между М.Н. Катковым и Б.Н. Чичериным по вопросу о централизации в государственном управлении. Сторону Б.Н. Чичерина принял Е.Ф. Корш, вышедший в связи с этим из редакции «Русского вестника». Еще больше усиливается размежевание в среде либералов после реформы 1861 г. Она станет заметной вехой в трансформации либерализма, и полемика между либералами после реформы оказалась более острой, чем до нее, когда различным течениям либерализма необходимо было сплотиться для решения главного вопроса – ликвидации крепостного права.

В самом конце 70-х гг. Б.Н. Чичерин пишет одну из своих важнейших работ под названием «Конституционный вопрос в России». Говоря

о русско-турецкой войне 1877-1878 гг., он подчеркивает, что «восточная война оставила русское общество в полном недоумении»³². Таким образом, уже в самом начале своей работы он пишет о реакции общества, видя и самого себя его представителем. А затем он переходит к конституционному вопросу, который, по его словам, был возбужден уже в первое десятилетие царствования Александра II. И поставив этот вопрос, он дает на него вполне определенный ответ, подчеркивая, что уже из самого существа дела вытекает идеал для России, который заключается в представительном устройстве в форме конституционной монархии.

Здесь же в его работе фигурирует триада «власть, народ и общество», и нет сомнения в близости к самому Чичерину именно общества. Как бы выступая представителем общественности, Чичерин писал тогда о печальном положении русского общества, целиком погрязшего в мелких интересах и далекого от стремления к общему благу. И он продолжает: «Одна политическая свобода способна вдохнуть в русское общество новую жизнь, воспитать в нем политический смысл, устранить развращающее влияние газет, наконец, создать такую среду, в которой могут вырабатываться государственные люди». Далее Чичерин ратует уже за союз общества и правительства, в условиях политической свободы, и в этом союзе, по его мнению, правительство почертнит новые силы и обретет самую надежную основу. Пока же, по его словам, разрыв между обществом и правительством увеличивается³³.

Либералы славянофильского оттенка А.И. Кошелев и В.А. Черкасский уже в 1861 г. заговорили о начале реакции. 20 апреля Кошелев пишет Черкасскому об опасениях, что «реакция у нас усиится и возьмет верх над людьми умеренными и благородными», а затем и Черкасский, после перемещения Н.А. Миллютина и С.С. Ланского, сообщает 7 мая Миллютину о страхе, унынии, мрачных настроениях в обществе³⁴. Черкасский одним из первых стал говорить о необходимости сплочения либеральных сил, предчувствуя дальнейшие осложнения. Впоследствии В.А. Маклаков писал: «...после «Великих реформ» началась борьба Самодержавия с обществом, и победа Самодержавия сделалась началом его собственной гибели»³⁵. Либеральная часть общества по мере ухода власти вправо размежевывается. К консерваторам переходят такие недавние либералы как М.Н. Катков, в свою очередь часть либералов, наоборот, идет влево. Достаточно упомянуть выступление

тверских либералов в декабре 1861 г., где выражалось недовольство условиями крестьянской реформы. В феврале 1862 г. они составляют адрес на имя царя, свидетельствующий об их оппозиционности и даже определенном радикализме.

В лагере консерваторов в рассматриваемые годы также заметен ряд изменений³⁶. Прежде всего, общественный подъем 50-х гг. был для закоренелых консерваторов явно неожиданным. Убедившись в изменении настроений императорской фамилии, они не сразу пришли в себя и не смогли быстро выработать нужную линию поведения. Поначалу заметно явное сопротивление намечавшимся реформам, вплоть до попыток сохранить крепостное право. Затем, убедившись в непреклонности царя по этому вопросу, они признали необходимым упразднение крепостничества и все силы направили на максимальное сохранение в своих руках земельных массивов. Им удавалось добиться некоторых успехов и в кадровой политике. Так, еще Н.П. Барсуков, останавливаясь на вопросе «почему самый крупный специалист по крестьянскому делу в правительственные структурах П.Д.Киселев был в самом начале работ по подготовке реформ переведен послом в Париж», подчеркивал, что это перемещение «состоялось не без влияния сильной придворной партии из противников освобождения крестьян»³⁷. И вскоре во главе Министерства государственных имуществ, многие годы возглавлявшегося Киселевым, становится один из виднейших деятелей консервативного лагеря М.Н. Муравьев.

Но консерваторы, так или иначе, в то время были обречены на поражение. Прежде всего, они проигрывали в идейной борьбе. Один за другим сдают свои позиции проводники «теории официальной народности», хотя к середине 50-х гг. еще был жив Н.А. Иванов, а также Ф.В. Булгарин, О.И. Сенковский, Н.И. Греч. Правда, Сенковский скончался в 1858 г., Булгарин в 1859 г., но Греч пережил их, уйдя из жизни в 1867 г. в возрасте 80-ти лет, оставшись апологетом николаевского царствования³⁸. «Северная пчела», имевшая некогда широкое хождение и влияние, теряет свои прежние позиции и фактически прекращает свое существование. Новый ее редактор и издатель П.С. Усов, получивший в свое распоряжение газету в 1860 г., попытался превратить ее в либеральный орган, чего сделать не смог, и она перестала издаваться в 1864 г. Судьба этой газеты «официальной народности» довольно показательна.

Близкая ей участь постигла и «Библиотеку для чтения», основанную Сенковским. Возглавлявший ее видный критик А.В. Дружинин попытался сделать из нее серьезный консервативный орган в английском духе³⁹. Но, несмотря на участие в деятельности журнала таких авторов, как Л.Н. Толстой, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, а также И.С. Тургенев и М.Е. Салтыков-Щедрин, оказать сколь-нибудь заметное влияние на читающую публику этот орган не смог. Еще на более правых позициях оказалась «Домашняя Беседа», издававшаяся В.И. Аскоченским и проповедовавшая идеи крайнего обскурантизма, доходившего до прямого вызова науке и просвещению. Консервативной направленностью отличался и «Журнал землевладельцев», издававшийся А.Д. Желтухиным. Он был тесно связан с губернскими комитетами по подготовке крестьянской реформы и просуществовал всего лишь два года.

Еще раньше, в 1856 г., прекращает свое существование журнал «Москвитянин», издававшийся С.П. Шевыревым и М.П. Погодиным. Журнал, настойчиво проводивший идеи процветания России и погибели Запада, не выдержал проверку временем, несмотря на то, что с начала 50-х гг. в его редакцию входили А.Н. Островский, А.Ф. Писемский и П.И. Мельников (Печерский). Между самими издателями «Москвитянина» происходит явное размежевание, которое стало заметно уже по отношению к сборнику стихов П.А. Вяземского «Шесть стихотворений», где прославлялось царствование Николая I. Но если Шевырев их полностью поддерживает, то иное мнение было у М.П. Погодина⁴⁰ «Политические письма» Погодина, ходившие в рукописи в период Крымской войны, стали свидетельством заметной эволюции взглядов некогда убежденного охранителя и горячего проповедника самобытности русского исторического пути. Погодин явно отмежевывается от закоренелых консерваторов и переходит в стан критиков николаевского царствования⁴¹.

Консерваторам в тот период, который с легкой руки Ф.И. Тютчева стал называться оттепелью,⁴² не удалось привлечь значительных литературных сил и наладить издание влиятельных литературных или общественно-политических органов печати. В этой связи в идейную борьбу включаются люди, не имевшие ни литературного имени, ни писательского таланта. Одним из них стал Н.А. Безобразов, опубликовавший в Берлине в 1859 г. брошюру «Две записки по вотчинному вопросу», где попытался продолжить традиции Карамзина с его установкой на пред-

почтение охранительности перед политическим развитием. Безобразов, традиционалист и охранитель, видел идеал законотворчества в Уложении 1649 г., бывшем важным этапом в укреплении крепостного права в России. Н.А. Безобразов – сторонник коренных устоев российской государственности, изменение которых, по его словам, может привести к кровавым смутам и даже ниспровержению престола.

Другой представитель тогдашнего российского консерватизма – граф В.П. Орлов-Давыдов издает свою брошюру в Париже, где отражены его крайне олигархические взгляды. Интересно, что в его работе видны настроения консервативного общества, явно недовольного поведением бюрократии, вынужденной выполнять волю императора и проводить крестьянскую реформу. Брошюра отражает тот этап истории страны, когда бюрократия и консервативное общество явно расходятся. Но консерваторы критикуют власть справа, и Орлов-Давыдов отстаивает право дворянства играть главную роль в разрешении крестьянского вопроса, отказывая в этом бюрократии. Выступление Орлова-Давыдова стало проявлением конституционно-аристократических настроений,⁴³ заметных еще в XVIII в. и получивших затем отражение в проектах времени правления Александра I.

В условиях подготовки крестьянской реформы консервативная часть общества всячески пытается собрать свои силы, но и в ней не было полного единства взглядов⁴⁴. Разномыслие характерно и для убежденных крепостников. Причем в их лагере оказались не только те, кто не был в состоянии приспособиться к изменяющимся социально-экономическим отношениям. Так, бывший генерал, крупный помещик и, вместе с тем, крупный предприниматель С.И. Малыцов в конце 50-х гг. составляет записку, ходившую по рукам, в которой он не только ратует за сохранение привилегий дворянства, но и выступает категорически против наделения крестьян землей в собственность и даже против предоставления им усадьбы⁴⁵.

В борьбе против реформы консервативные силы в целом потерпели поражение, но прекращать борьбу не собирались. В их рядах заметно усиливается недовольство бюрократией. Оно находит выражение в деятельности М.А. Безобразова, В.П. Мещерского, выступлениях Тульского губернского дворянского собрания в декабре 1861 г. С самого начала 1862 г. во весь голос заявило о себе московское дворянство, среди

которого выделился брат М.А. Безобразова – Н.А. Безобразов, а также В.П. Орлов-Давыдов. Под их влиянием был составлен всеподданнейший адрес, вызвавший неодобрение в верхах и, более того, возвращенный им обратно. В пользу изменения положений реформы в интересах дворянства раздаются голоса в Петербургском дворянском собрании, а также в Курском, Тамбовском, Смоленском и др. Консервативное дворянство предприняло атаку на положения реформы и вынудило Александра II объявить 16 февраля 1862 г., что суждения дворянских собраний по общим вопросам государственного устройства России остаются без последствий⁴⁶. Однако дворянская фронда продолжалась, и ее новый всплеск отмечен в середине 60-х гг.⁴⁷

Постепенно пришла в себя и консервативная журналистика. Начинают выходить и новые ее органы, например, газета «Весть», среди прочего, выступавшая против крестьянского самоуправления – сельского и волостного⁴⁸. К числу новых консервативных органов относился и «Гражданин» В.П. Мещерского, начавший выходить с 1872 г., «Русский мир» и др. В лагере консерваторов оказываются и такие видные общественные деятели как М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Р.А. Фадеев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев. Многие из них прямо обращались к обществу. Например, Р.А. Фадеев в 1872–1874 гг. опубликовал серию статей под названием «Русское общество в настоящем и будущем», где пытался обосновать необходимость сохранения дворянских привилегий и укрепления дворянства как основы общественного устройства. Фадеев прямо обращался к обществу, подразумевая под ним все-таки общество консервативное. Затем выходит его книга «Чем нам быть?», а далее прослеживается заметная эволюция взглядов этого автора, признавшего, что общества как культурного слоя, на который можно опереться, не существует⁴⁹.

С ноября 1880 г. начинает выходить газета «Русь» И.С. Аксакова, которую уже можно отнести, в основном, к консервативным изданиям. Известным органом консерваторов был «Варшавский дневник», где активно сотрудничал К. Леонтьев, активный противник и демократов, и либералов. Консервативную направленность имели газеты «Отголоски» и «Берег» – издания вроде бы частные, но получавшие субсидии от правительства. Несомненно, что еще до поворотных событий 1881 г. консерваторы не только оправились от потрясений периода реформы

1861 г., но и как-то укрепились, получив поддержку со стороны власти. Но полного слияния консервативных кругов общества и власти не произошло. Все-таки либерализм был еще весьма силен и в обществе довольно влиятельным.

В левых кругах общества тоже заметны в это время значительные изменения, существенно укрепляется их удельный вес в обществе. В целом это было время усиления революционного движения в России, как подпольного, так и легального. Число участников этого движения увеличивается на порядок⁵⁰. В 60-е гг. большинство участников различных революционных кружков еще составляют выходцы из дворянства. Заметный процент их был и в 70-е гг. Что касается профессионального состава, то в 70-е гг. только одни учащиеся составляли более 50% участников революционного движения, а вместе с лицами интеллигентных профессий их было 60%⁵¹. Революционно настроенные дворяне, во всяком случае, многие из них, были довольно тесно связаны с дореформенным обществом, в основном дворянским. Они, таким образом, как бы играли две роли. С одной стороны, они были деятелями подпольных революционных кружков, с другой – членами легального общества, то есть посещали легальные общественные организации, являясь порой завсегдатаями салонов, кружков, библиотек, редакций легальных газет и журналов, не всегда отчетливо левого направления. Они были органической частью общества, и к ним все более и более примыкали выходцы из других сословий и профессиональных кругов⁵².

Во второй половине века в высших учебных заведениях среди студентов заметно возрастает число разночинцев. Настроения этой среды были весьма критическими. Широко обсуждались причины поражения России в Крымской войне, более того, как отмечал Б.Н. Чicherin, «кружок консерваторов исчез, а социалистические учения, напротив, приобретали все большую силу»⁵³. Особенностью нового этапа общественного движения было то, что в течение буквально нескольких лет в революционных кругах стала полностью доминировать социалистическая идея. Распространялись труды западноевропейских социалистов, широкое воздействие приобретают издания западных материалистов⁵⁴. Уже в середине 50-х гг. в Россию все больше проникают труды Герцена и его сподвижников, и идея русского крестьянского, прежде всего общинного, социализма приобретает все большее число сторонников.

Русские левые, как деятели революционного подполья, так и действовавшие в легальных условиях, в подавляющем большинстве становятся социалистами уже в начале 60-х гг.

Россия вступила на путь капиталистического развития, а открытых его сторонников среди левых практически не было. Они строили совсем другие планы. Параллельно общественность усиливает свою активность в самых различных областях. В среде студенчества, особенно склонного к радикализму, заметно стремление к созданию различных коллективных предприятий, на что обратили внимание даже в зарубежной литературе⁵⁵. Это студенческие библиотеки, кассы взаимопомощи, читальни; позднее появятся и другие студенческие коллективные начинания. Постоянным явлением с этого времени становятся студенческие сходки, на которых все большее место занимают политические вопросы. В левой среде рождаются новые формы общественной самоорганизации. Молодежь явно стремится к демократизации быта – новая характерная особенность того времени. Происходило заметное оправдание в одежде, в культуре общения и, вообще, во всем обиходе. Как писал П.А.Кропоткин, «прежде всего нигилизм объявил войну так называемой условной лжи культурной жизни. Его отличительной чертой была абсолютная искренность»⁵⁶. Нигилизм – новое явление в русской жизни, вскоре проник в общество и начал диктовать свои условия, прежде всего, в среде молодежи. Как писал тот же Кропоткин, нигилист был позитивист, атеист, эволюционист в духе Спенсера или материалист. Поворот к народу еще раньше был характерен для славянофилов и сохранялся среди них долгое время.

Новая мода среди молодежи, заключавшаяся и в особой манере поведения, являлась вызовом прежнему обществу с его условностью, внешней вежливостью, которая стала восприниматься как лицемерие. В обществе так называемых нигилистов отошли от традиций светской болтовни и стали выражать свое мнение в прямой, даже резкой форме не без оттенка некоторой грубоватости. Категорически отрицался брак без любви, стало проповедоваться равенство полов, и это означало иное отношение к женщине. В России, прежде всего в этом новом обществе так называемых нигилистов, развивается движение за женскую эмансипацию.

Новая манера поведения, новые настроения в столицах проникают также и в провинцию, становясь характерными для всей страны. Меня-

ются вкусы и на литературу. Меньше стал увлекать А.С. Пушкин, несколько больше М.Ю. Лермонтов, но, как свидетельствуют многие мемуаристы, первым поэтом тогдашних нигилистов был Н.А. Некрасов. В его поэзии привлекал народнический уклон, любовь к обездоленному люду и гражданственность. Обаятельным был для этого направления и сам облик Некрасова, «самой личности поэта, в которой не хотелось видеть ни одного темного пятна»⁵⁷. С большим вниманием относились нигилисты к творчеству И.С. Тургенева, но и образ Базарова их не очень удовлетворял. Настоящим кумиром становится Н.Г. Чернышевский, и, несравненно менее художественный, чем у Тургенева, роман «Что делать?» пользовался особой популярностью. Рахметов был намного популярнее Базарова.

Движение так называемого нигилизма наложило серьезный отпечаток на складывание новой морали, влияние которой будет ощущаться и в дальнейшем. Опрощение имело своим результатом и особое отношение к народу. «Движение в народ» в разных его формах становится характерной чертой общественного движения всей второй половины XIX и даже начала XX столетия. Одной из первых организаций этого направления стал кружок «вертепников», состоявший из представителей разночинской интеллигенции. Он функционировал в 1855–1858 гг., и среди видных его членов были М.Я. Свириденко, П.Н. Рыбников, А.А. Козлов, П.С. Ефименко, Н.А. Потехин, А.А. Котляревский. Члены кружка выезжали в деревню, знакомились с жизнью простых крестьян, сами старались походить на них⁵⁸.

Власти с тревогой восприняли это стремление разночинской интеллигенции к сближению с простым народом. Оно привлекло внимание министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции, а также главного начальника III отделения. В Отчете последнего за 1859 г. подчеркивалось: «Повторяющиеся случаи путешествия таких людей, которые сближением своим с простым народом, особенно при нынешнем ожидании помещичьими крестьянами свободы, могут подать повод к беспорядкам»⁵⁹. Призыв «В народ!» был брошен также и А.И. Герценом, влияние которого во второй половине 50-х гг. возросло чрезвычайно. Его «Колокол», выпускавшийся с 1857 г., пользовался популярностью в разных слоях общества и по разным причинам. Но особенно он был почитаем в левых кругах общества. Хотя «Колокол» издавался за

границей, левое общество считало его своим периодическим изданием и более других участвовало в его распространении. Это был первый, но далеко не последний бесцензурный орган периодической печати, газета, заслуга в издании которой принадлежит именно этому новому обществу, собственно обществу в обществе.

В первом же номере «Колокола» Герцен поместил свое кредо, заключавшееся в следующих словах: «Везде, во всем, всегда, быть со стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков, со стороны науки – против изуверства, со стороны развивающихся народов – против отстающих правительств»⁶⁰. А уже в следующем номере А.И. Герцен заговорил об общественном мнении в России, об обществе и правительстве⁶¹. Таким образом, он противопоставлял общество и правительство, видел различие между ними, точно так же, как и между правительством и народом. Задачу сближения с народомставил и Н.Г. Чернышевский⁶². Вообще, в этот период особое внимание в художественной литературе приобретает тема исторической активности трудового народа, нашедшая отражение не только в сочинениях известных писателей России, но и в наследии литераторов, сегодня почти забытых: И.А. Купцевского, Н.И. Наумова, Ф.Д. Нефедова, М.А. Воронцова, А.П. Голицынского и др.⁶³ Голицынский, близкий к либералам, был автором «Очерков из фабричной жизни», выпущенных отдельным изданием в 1861 г. Он одним из первых в русской литературе обратился к трудовым будням фабричных рабочих.

Итак, попытки сближения с народом прослеживаются еще в конце 50-начале 60-х годов⁶⁴. Особый феномен – массовое «хождение в народ» наблюдается в 1874 г., результатом чего стали массовые репрессии, приведшие к аресту 2564 деятелей хождения⁶⁵. Особую роль в этом небывалом движении сыграла учащаяся молодежь, несомненно, часть общества⁶⁶. В целом, именно левый фланг общества в полный голос поставил вопрос об отношении общества и народа. Вместе с тем, для левых кругов общества характерны новые подходы и к самому обществу.

Первая прокламация, обращенная непосредственно к обществу, была написана П.Н. Ткачевым в 1869 г. от имени студентов Медицинской академии. Она была также и первой прокламацией к обществу, вы-

шедшей из революционной среды⁶⁷. Первая, но не последняя. До 1900 г. вышло не менее 14 прокламаций, где содержалось прямое обращение к обществу со стороны революционного подполья⁶⁸. Так, в 1870 г. в типографии Чернецкого в Женеве⁶⁹ была отпечатана прокламация «От русского революционного общества к женщинам». Таким образом, входит в употребление термин «революционное общество», под которым подразумевались и революционные организации, и революционная часть общества. В этой прокламации решение проблемы равноправия женщин видится в социальной революции.

Левый фланг общества довольно четко противопоставлял себя и консерваторам, и либералам, примером чему может служить статья одного из руководителей революционного народничества П.Л. Лаврова, опубликованная в руководимой им эмигрантской газете «Вперед!». Статья так и называлась «Русские либералы и консерваторы». В ней особенно доставалось консерваторам и, в частности, подчеркивалось: «Все сохранившие силу умственного развития и достоинства человеческого характера – в оппозиции»⁷⁰.

Печать левых кругов общества довольно четко делилась на легальную и нелегальную, в которой особую роль играли эмигрантские издания. Они были рупором этой части общества и выражали ее настроения⁷¹. «Колокол», «Народное дело», «Вперед!», «Набат», «Работник», «Община», «Общее дело» и другие заграничные издания стали помещать статьи о ситуации в обществе. К обществу обращаются и легальные издания левого толка: «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Неделя», «Русское богатство» и др., занимавшие порой промежуточное положение между революционным радикализмом и либерализмом.

Интересно, что еще в начале 60-х гг. представителей левых кругов общества стали называть революционными демократами, а их печатные органы – революционно-демократическими. Этот термин проник даже в официальные документы. Так, в Отчете III отделения за 1863 г. был выделен специальный раздел «О политическом направлении литературы», где прямо подчеркивалось, что никогда еще отечественная литература не имела такого политического характера, как с начала 1863 г. Русские журналы получили также отражение и в другом специальном разделе Отчета под названием «Народный дух». Там были выделены

три главных направления русской журналистики. Первое было названо землевладельческим, охранительным. Второе – конституционно-демократическим и третье – революционно-демократическим. К изданиям этого третьего направления были отнесены «Современник», «Русское слово», «Современное слово» и «Очерки», слившиеся затем с «Современным словом»⁷².

Революционное движение в России пореформенного периода познало свои подъемы и спады, вместе с тем, в целом в эту эпоху революционная часть общества несомненно укрепляется, и эта тенденция прослеживается все пореформенные десятилетия. Как считал П.Л. Лавров, правительство почувствовало себя в конце 70-х годов в такой опасности, что вынуждено было обратиться за помощью к обществу.⁷³ Однако и в это время даже левая часть общества не смогла установить сколь-нибудь значительные контакты с народом. В. Воронцов и в начале 80-х гг. писал об обществе, оторванном от народа, и об эгоистическом индивидуализме этого общества, пришедшем с Запада под знаменем науки и либерализма⁷⁴. И эти слова были сказаны в эпоху, когда с полным основанием можно было говорить о зарождении в России направления революционных социалистов и когда в одном из указов царя Александра II по случаю покушения Д. Каракозова русские революционеры были объявлены врагами общества⁷⁵. Более того, С.И. Шидловский, имея ввиду 70-е гг., отмечал, что «между правительством и обществом произошел конфликт, ставящий обе стороны в положение воюющих... Вся жизнь страны приняла характер упорной борьбы между двумя сторонами...»⁷⁶

Убийство народовольцами Александра II было лишь предлогом для перехода консервативных сил в наступление, хотя внешне Александр III, его сменивший, некоторое время испытывал колебания и не сразу приступил к решительным действиям⁷⁷. Отнюдь не все их требовали, даже наоборот. Достаточно вспомнить личное письмо Л.Н. Толстого новому императору, где автор берет под защиту идеалы революционеров⁷⁸. Но уже в марте уходит с поста председателя Государственного совета видный деятель реформ 60 – 70-х гг. великий князь Константин Николаевич, предводитель так называемой николаевской партии либералов, причем, он оставляет и ряд других должностей. Уже это было важным звонком, предварявшим ряд серьезных изменений. И

эти перемены последовали. На заседании Совета министров 8 марта в присутствии самого императора его наставник К. Победоносцев прямо подверг критике реформы предшествовавшего царствования, объявив их ошибкой. Манифест 29 апреля четко продемонстрировал то направление политики, которое избрал новый император. Он вызвал бурю восторгов в реакционных кругах русского общества, тогда как летом того же года в официальных материалах писалось о «все еще тревожном настроении общества»⁷⁹.

Либеральная группировка, фактически получившая власть в феврале 1880 г., потерпела поражение. Тогда создание Верховной распорядительной комиссии, выдвижение М.Т. Лорис-Меликова и его заявление о готовности власти рассмотреть предложения и пожелания «общества» действительно вызвали усиление общественной активности и появление множества реформаторских проектов⁸⁰. И манифест, и последующие действия царя и правительства не оставляли сомнения в намерениях властей. Их сближение с консервативными слоями общества становилось все очевиднее. Причем, обычно политическому наступлению предшествует идеологическое. Здесь во многом было как раз наоборот. Один из идеологов новой политики М.Н. Катков получил политическое влияние именно благодаря изменившейся политической обстановке. Не случайно в литературе отмечалось, что Катков не привык бороться с идеями силой самих идей, а стремился добиться преобладания в идеиной борьбе, опираясь на открытую и прямую поддержку власти⁸¹.

Власть при активной поддержке тех же консервативных идеологов чем дальше, тем больше уходила вправо. Вместо продолжения реформирования страны последовал период, вошедший в историографию как время контрреформ. Они показаны в трудах П.А. Зайончковского, Л.Г. Захаровой, В.А. Твардовской и др. исследователей. Это определение того периода вошло и в справочную⁸², и в современную методическую литературу⁸³. Отдельные попытки опровергнуть это широко утверждавшееся в отечественной литературе мнение⁸⁴ не подтверждаются свидетельствами самих современников. А.А. Кизеветтер в своих мемуарах, вышедших в эмиграции первым изданием еще в 1920-х гг., даже назвал одну из глав своей книги «Период контрреформ». Там он считал необходимым записать следующие слова: «Контрреформационные веяния давали себя знать все определеннее, и реакционные элементы и в пра-

вящих, и в общественных кругах поднимали голову... Усердно муссировалась также мысль о наступлении «дворянской эры», о предстоящем наделении потомственного дворянства обширными привилегиями как командующего сословия»⁸⁵. Примерно в таком же духе пишет о том времени и другой современник, видный земский деятель Д.Н. Шипов. Он подчеркивал, что «реакционная политика получила свое вполне определенное направление со вступлением на престол императора Александра III»⁸⁶. Современник этих событий, политический эмигрант и публицист И.А. Гольдсмит даже написал статью под названием «Семь лет контрреформ в России», где особое внимание уделил наступлению верхов на просвещение и, среди прочего, бросил упрек «консервативной или вернее реакционной партии», которые «давно уже указывали на тот для них несомненный факт, что общество и народ русский не доросли до либеральных реформ прошлого царствования...»⁸⁷.

Для 80-х гг. характерно наступление на общество, во многом напоминавшее время николаевского царствования. А.А. Кизеветтер подчеркивал «...усиление правительственныех репрессий против общественной самодеятельности»⁸⁸, а Д.Н. Шипов отмечал политику правительства, полную «недоверия к общественной самодеятельности»⁸⁹, то есть практически полностью солидаризировался с мнением известного историка. Это были мнения представителей либерального направления. Еще более острые выступления можно заметить в публикациях представителей левых кругов. В эмигрантском «Общем деле» уже в 1881 г. самый даровитый его публицист В.А. Зайцев публикует статью под названием «Конституция, революция или пі nihil», подвергает бичующей критике положение в тогдашней России и, среди прочего, пишет: «То, что имеется теперь в наличии, есть такой хаос самовластия, грабежа, отрицания всякой общественности, бесстыдного расхищения, повальной нищеты и хронического вымирания с голоду, что чинить его какими-нибудь полумерами не видится возможности»⁹⁰.

Смысл статьи Зайцева заключался в том, что в стране нет ни революции, ни реформ, а есть нищть, то есть ничего. Он открыто выступает за радикальное разрешение вопроса и, таким образом, еще раз заявляет себя сторонником революционных методов. Но в его статье бросаются в глаза те ее места, где он, характеризуя правление Александра III, прямо пишет об «отрицании всякой общественности». Вообще тема отри-

цания общественности, ослабления общества затем будет звучать неоднократно. Наступил новый этап в жизни общества, в котором в период реформ 60–70-х гг. четко прослеживаются три основных направления с соответствующими для каждого из них внутренними течениями. После 1881 г. правые круги общества, нередко находившиеся раньше в оппозиции, вступают в союз с властью и принимают деятельное участие в проведении политики контрреформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 324–330.

² *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1912. Ч. П. С. 111.

³ *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855-1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 7.

⁴ *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны // Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 165.

⁵ *Цымбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978. С. 176–188; Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 294–305.

⁶ *Подколзин Б.И.* Петербургский кружок князя А.И.Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60-70-ые годы 19 в.). Автореф. дис....канд.ист.наук. М., 1994. С. 11.

⁷ См.: *Васильчиков А.* О самоуправлении. СПб., 1869.

⁸ Для сравнения см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 2000. С. 211.

⁹ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 135.

¹⁰ *Нардова В.А.* Городское самоуправление в 60 - начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 152.

¹¹ *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума. 1863-1917. М., 1998. С. 236.

¹² *Дудзинская Е.А.* Владимир Александрович Черкасский // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 93; *Гросул В.Я.* Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. М., 2001. С. 186-187.

¹³ *Нардова В.А.* Указ.соч. С. 168, 179.

¹⁴ *Безобразов В.П.* Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб, 1882. С.733.

- ¹⁵ Земское самоуправление в России 1864-1918. Книга 1. 1864-1904. М., 2005. С. 22.
- ¹⁶ Джсаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. СПб., 1893. С. 308.
- ¹⁷ Земское самоуправление... С. 224-225.
- ¹⁸ Петров Ф.А. Земское либеральное движение в период второй революционной ситуации (конец 1870-х – начало 1880-х гг.). Автореф. дис....канд. ист. наук. М., 1976. С. 5-7, 13.
- ¹⁹ Пицумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 33.
- ²⁰ Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 5-6.
- ²¹ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 232.
- ²² Безобразов В.П. Гражданская свобода и ее обеспечение // Государство и общество. С. 213, 715.
- ²³ Из записок сенатора К.Н.Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1. вып. 4. С. 353-354.
- ²⁴ Цит. по : Степанова А.В. Князь А.И.Урусов – личный враг Александра II // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 145.
- ²⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1 (1850-1865). СПб., 1897. С. 100.
- ²⁶ Цит. по: . Указ. соч. С. 348.
- ²⁷ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Воспоминания. М., 1991. С.9.
- ²⁸ Шмидельская М.А. Оформление политической программы русского либерализма и ее эволюция в годы первой революционной ситуации (по материалам «Русского вестника») // Освободительное движение в России. Вып. 12. Саратов, 1989. С. 45.
- ²⁹ Головин К. Мои воспоминания. Т. 1 (до 1881 г.). СПб.-М., [1910]. С. 3, 5.
- ³⁰ Геккин Л.Б. Общественно-политическая программа русской буржуазии в годы первой революционной ситуации (1859-1861 гг.). По материалам журнала « Вестник промышленности » // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 97, 116.
- ³¹ Воронцов В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 24, 66.
- ³² Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 52.
- ³³ Там же. С. 61-62.
- ³⁴ Трубецкая О. Князь В.А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. М., 1904. Т. I. Кн. 2. С. 269, 278.
- ³⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). [Париж, 1936]. Т. I. С. 11.

- ³⁶ Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32, 45.
- ³⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1901. Кн. XV. С. 462.
- ³⁸ Греч Н.И. Указ. соч. С. 322.
- ³⁹ Корнилов А.А. Общественное движение. С. 85-86.
- ⁴⁰ Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А.Вяземскому. 1825–1874 годов. СПб., 1901. С. 156.
- ⁴¹ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1995. С. 13-15.
- ⁴² Левин И.М. Указ. соч. С. 344.
- ⁴³ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861. М., 1984. С. 184.
- ⁴⁴ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам (конец 50 – середина 70-х гг. XIX века). Автореф. дис....канд.ист.наук. М., 2000. С. 20.
- ⁴⁵ Сладкович Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Л., 1962. С. 96.
- ⁴⁶ Корелин А.П. Российское дворянство и его сословная организация (1861-1904 гг.) // История СССР. 1971. № 5. С. 75.
- ⁴⁷ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х – до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 45-47.
- ⁴⁸ Скороспелова В.А. Газета «Весть» в общественно-политической жизни России 60-х годов XIX века. Автореф. дис....канд. ист. наук. М., 1975. С. 9; Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 158-163.
- ⁴⁹ Кузнецов О.В. Р.А.Фадеев в общественном движении России (вторая половина 60-х – начало 80-х годов XIX в.). Автореф. дис....канд. ист. наук. Волгоград, 1966. С. 15-16.
- ⁵⁰ Гросул В.Я. Народы России в революционной борьбе // Общность судеб народов СССР: история и современность. Сб. научн. трудов. М., 1989. С. 146-150; Дьяков В.А. Указ. соч. С. 56.
- ⁵¹ Антонов В.С. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в преобразованной России. М., 1965. С. 338.
- ⁵² См.: Glaason Abbott. Young Russia. The genesis of Russian radicalism in the 1860/s. Chicago, 1983; Hingley R. Nichilists. Russian Radicals and Revolutionaires in the Reign of Alexander II 1855-1881. N.Y., 1977.
- ⁵³ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 16.
- ⁵⁴ Гросул В.Я.Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008. С. 618-658.
- ⁵⁵ Besancon A. Education et societe en Russie dans le second tiers du XIX – e siecle. P., 1974. P. 90-94.

- ⁵⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 283.
- ⁵⁷ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 43.
- ⁵⁸ См.: Клевенский М.М. «Вертепники» // Каторга и ссылка. 1928. № 10.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л.21об.
- ⁶⁰ Колокол. 1857. № 1. 1 июля. С. 1.
- ⁶¹ Герцен А.И. Революция в России // Колокол. 1857. № 2. 1 авг. С. 11.
- ⁶² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 889.
- ⁶³ Соколов Н.И. Русская литература и народничество. Литературное движение 70-х годов XIX века. Л., 1968. С. 47-64, 135-143.
- ⁶⁴ Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск, 1967. С. 306 – 310.
- ⁶⁵ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 374.
- ⁶⁶ См.: Ткаченко П.С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60-70-х гг. XIX вв. М., 1978.
- ⁶⁷ Козымин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. С. 166-167.
- ⁶⁸ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки. В 3 ч. М., 1977. Ч. 3. С. 13-14, 23.
- ⁶⁹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 288.
- ⁷⁰ Лавров П.Л. Избранные сочинения. М., 1935. Т. 4. С. 17.
- ⁷¹ См.: Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. М., 1984.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28 (1863 г.). Л. 402-402 об.; Россия под надзором. С. 644.
- ⁷³ Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // Тургенев И.С. в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.-Л., 1930. С. 47.
- ⁷⁴ Воронцов В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С.140.
- ⁷⁵ Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1991. С. 7, 25.
- ⁷⁶ Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 230-231.
- ⁷⁷ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 338.
- ⁷⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 63. С. 52.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 1 (1881 г.). Л. 68-68об.
- ⁸⁰ Чернуха В.Г. Указ. соч. С. 190.

- ⁸¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Катков и его издатели). М., 1978. С. 209.
- ⁸² Мамулова Л.Г. Контрреформы // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 858-860.
- ⁸³ История России XVIII–XIX веков. М., 2006. С.718-720.
- ⁸⁴ Баханов А. Император Александр III. М., 1998. С. 288.
- ⁸⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 99.
- ⁸⁶ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 157.
- ⁸⁷ Гольдсмит И.А. Семь лет контрреформ в России // Цит. по: ГАРФ. Ф. 5969 (Гольдсмит М.И.). Оп. 1. Д. 162. Л. 1.
- ⁸⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже. С. 99.
- ⁸⁹ Шипов Д.Н. Указ соч. С. 156.
- ⁹⁰ Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века. В.А. Зайцев. М, 2000. С. 157.

Е.П. Кудрявцева

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Константинополь – далекий, как столица древней Византии, и близкий, как местопребывание турецкого султана, владетеля ключей от Черноморских проливов – на протяжении веков входил в сферу ближайших внешнеполитических приоритетов Русского государства, а затем и Российской империи. Геополитические интересы России оставались неизменными на протяжении веков – поддержание политического влияния на Балканах и обеспечение свободного доступа к акватории Средиземного моря для русского торгового и военного флота. Османская империя неизменно привлекала внимание российских самодержцев в качестве ближайшей южной державы, являвшейся с конца XVIII в. непосредственной соседкой по Черноморскому бассейну и владевшей Балканским полуостровом, издревле населенным славянскими племенами, объединенными с Россией общей верой, культурой и языком. Все эти и многие другие вопросы русско-турецких отношений входили в компетенцию дипломатических представителей России в турецкой столице.

Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX в. – после выхода России к Черному морю и укрепления позиций в Дунайских княжествах – было призвано содействовать разрешению многочисленных проблем, возникавших во взаимоотношениях между двумя империями. А этих проблем было немало. На протяжении полувека русские и турецкие войска дважды сходились на полях сражений (а к началу 1850-х годов созрели причины для третьего, самого крупного столкновения). За это время была изменена русско-турецкая граница в Бессарабии и на Кавказе – в обоих случаях в пользу России. Считая себя вправе влиять на Порту в деле решения судеб балканских славян, Россия неизменно вмешивалась во внутренние конфликты османского правительства с его православными подданными. Так было во время

двух Сербских восстаний (1804-1813 и 1815 гг.), освободительной войны греков на протяжении 20-х гг. XIX в., других многочисленных выступлений христианской «райи» – боснийцев, черногорцев, болгар – против центральной турецкой власти. За полвека между Россией и Турцией были заключены два мирных договора – Бухарестский (1812 г.) и Адрианопольский (1829 г.); подписаны Аккерманская (1826 г.) и Балто-Лиманские (1849 г.) конвенции. На первую треть века пришлось заключение принципиально важного для России Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., условия которого позволяли ей упрочить свои позиции среди сильнейших «морских» держав. Кроме того, многие проблемы, касавшиеся, казалось бы, только Османской империи, оказались в центре целого ряда международных переговоров и соглашений, коими великие европейские державы имели в виду решить Восточный вопрос. Среди них Лондонские конвенции 20-х гг., связанные с греческой революцией, а также две Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг., изменившие режим Проливов и лишившие Россию имевшегося ранее преимущества в важнейшем для ее политики и экономики регионе.

Уже это весьма краткое перечисление русско-турецких столкновений и противостояний на протяжении первой половины века позволяет заключить, что их обсуждение и разрешение требовало постоянной напряженной деятельности российской дипломатии как в Петербурге, так и на берегах Босфора.

В первой половине XIX в. российское посольство в Константинополе представляло собой хорошо отлаженный механизм для дипломатического воздействия на османское правительство и решения важнейших геостратегических вопросов на Ближнем Востоке и на Балканах. Именно дипломатическая деятельность посольства в турецкой столице, как и любого другого представительства России за границей, являлась основной для всего штата российских дипломатов. Она вызывала постоянное, хорошо организованное и скординированное противодействие со стороны коллег – представителей великих держав на Босфоре, борьба с которыми требовала значительного напряжения сил и высокого уровня дипломатического искусства российских посланников.

Константинопольское посольство представляло собой своеобразный центр политического присутствия России на всем Ближнем Востоке, куда стекались сведения политического и экономического характера со

всей широко раскинутой по территории Османской империи российской консульской сети. Она покрывала своими консульствами и торговыми агентствами всю Малую Азию, Северную Африку, Южное Причерноморье, острова греческого Архипелага и Балканский полуостров. В подчинении посольства в разные периоды первой половины XIX в. находилось по 14-15 представительств разного уровня. Некоторые из них были немногочисленны по составу, но направляли посольству, а следовательно, российскому МИД, важную информацию экономического характера, позволявшую строить торговые отношения России со Средиземноморским регионом. Другие представительства, расположенные в крупных центрах политической жизни Турции, обладали информацией огромной геостратегической важности, на которую опирался российский МИД при выработке и претворении в жизнь основных направлений внешне-политической деятельности государства. Так или иначе, все эти представительства, будучи разными по составу, степени осведомленности и характеру предоставляемой информации, выполняли свою роль в общей деятельности внешнеполитического ведомства России в целом.

Посольство в Константинополе обладало самыми многочисленными штатами среди всех других зарубежных дипломатических представительств России. Это объяснялось как безусловной политико-стратегической важностью турецкой столицы в контексте международных отношений эпохи и сложностью дипломатической работы, которая велась на берегах Босфора, так и очевидными трудностями, которые были связаны с пребыванием в восточной стране, знанием турецкого языка и особенностями местной жизни. Наряду с обычным составом секретарей и их помощников, миссия была вынуждена содержать переводчиков (драгоманов), а также турецких писцов (кеатибов) и рассыльных. Кроме того, климатические условия, способствовавшие частым «моровым поветриям», требовали присутствия при посольстве одного или двух врачей, а особенности повседневного быта в мусульманской среде – штата церковнослужителей для исполнения православного религиозного обряда по надлежащему канону. К этому надо прибавить расширенный штат почтовой конторы с многочисленными курьерами, которые всегда были загружены работой ввиду интенсивной переписки Константинополя с Петербургом и трудностей горной дороги через Балканы.

Основной состав канцелярии миссии насчитывал более 20 человек (без членов семей). К ним следует прибавить служащих почтовой экспедиции, медиков, духовенство, студентов. К тому же при миссии служили турки, и несколько человек числилось «сверх штата». Таким образом, посольство представляло собой достаточно внушительную русскую колонию, проживавшую посреди турецкой столицы. Посланник А.И. Рибопьер так вспоминал о своем пребывании в Константинополе в 1830 г.: «Русское посольство было самое многолюдное и по составу своему превосходило все другие. Старик Фонтон, советник посольства, был и ученый, и любезный человек. При нем находились дочери и внучки; племянник его Антон Фонтон, барон Рикман, Берг, большой рассказчик, граф Александр Толстой, граф Иван Замойский, Михаил Аполлонович Волков, Гурьев, Франкини с женой и пр. и пр.»¹. Национальный состав посольства был также весьма разнообразен. «Состав нашей дипломатической канцелярии, считая переводчиков, проводников, кучеров, поваров и прочая..., представляет миниатюру Балканского полуострова. Отгадай, на скольких наречиях в канцелярии говорят? – писал своему брату Ф.П. Фонтон. – Считай! На русском, малороссийском, булгарском, польском, сербском и чешском; на турецком, арабском, персидском, татарском, армянском и грузинском, на греческом и старом греческом, на латинском и итальянском, на французском, немецком, английском, наконец, на венгерском, валахском и молдавском. Итого, двадцать два»². Правда, это перечисление языковой принадлежности членов дипломатической канцелярии относится ко времени военных действий 1828-1829 гг., когда особо велика была необходимость знания всех местных наречий.

Обычно на службу в МИД принимались выходцы из родовитых и состоятельных фамилий, поскольку дипломатическая карьера представляла собой привилегированный вид государственной деятельности. Родовитые дворяне со связями и состоянием сразу получали высокие чины и выгодное место службы; представители обедневших дворянских родов попадали в Коллегию иностранных дел через влиятельных знакомых и начинали службу с низших должностей актуариусов и переписчиков. Далее – судьба, случай, знакомства и личные качества могли распорядиться их карьерой в широчайшем диапазоне – от многолетней унылой

службы мелкого чиновника до головокружительного взлета на самые высокие посты Министерства и зарубежных представительств России. Примеров тому немало и среди состава константинопольской миссии. Но бывало, что чиновный рост и вся дипломатическая судьба служащего напрямую зависели от личного усердия, дарований и случая.

Возглавлял миссию посланник в ранге Чрезвычайного и полномочного министра. В первой половине XIX в. этот пост последовательно занимали А.Я. Италинский, Г.А. Строганов, А.И. Рибопьер, А.Ф. Орлов, А.П. Бутенев и В.П. Титов. Российские посланники находились в центре дипломатической жизни турецкой столицы наравне с наиболее влиятельными представителями крупных европейских держав.

Структурно посольство подразделялось на дипломатическую канцелярию, коммерческую канцелярию, драгоманат, почтовую экспедицию, медицинскую часть и церковь. Число советников, секретарей и их помощников оставалось постоянным, количество медиков и духовных чинов могло по необходимости изменяться. При посланнике А.П. Бутеневе в посольстве появились студенты из Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Они проходили языковую практику в Константинополе и зачастую продолжали свою деятельность в качестве консулов и драгоманов на территории Османской империи.

Основным подразделением посольства, его «мозгом» и центром принятия решений была дипломатическая канцелярия. Ее возглавлял сам посланник, которому подчинялись один или два советника, секретари и их помощники. Именно это подразделение было ответственно как за осуществление самостоятельных шагов в ведении русско-турецких переговоров, так и за проведение той политики по отношению к османскому правительству, которая разрабатывалась российским МИД. Именно здесь составлялись ноты Порте, готовились документы, призванные облегчить участь православного населения Турции, писались многочисленные депеши в Петербург, содержащие отчеты о предпринятых шагах и анализ расстановки сил европейских держав на берегах Босфора. Рибопьер так вспоминал о своих дипломатических обязанностях: «Целый день проходил в непрестанных и разнообразных занятиях. Сношения с Портю, частые переговоры с рейс-еффендием и другими турецкими министрами, сношения с товарищами, особенно с неужив-

чивым и недоверчивым Каннингом^{*}, которыйссорился со всеми, кроме меня, переписка с министерством, донесения двору, сношения с консулами в княжествах, дела коммерческой моей канцелярии, управление почтою, драгоманами, словом, у меня было под начальством до 80 чиновников, из которых ни один не оставался праздным»³.

Личный состав посольства подвергался постоянным изменениям. Несмотря на то, что должностное расписание четко регламентировалось вновь утвержденными МИДом штатами в 1818 г., в самой миссии нередко происходили внутренние перемещения⁴. Самыми частыми изменениями были назначения посольских чиновников на должности консульских работников. Так, при Строганове в миссии служили следующие чиновники, занявшие впоследствии посты: посланника России в Греции – Г.А. Катакази, генерального консула в Дунайских княжествах – М.Я. Минчаки, консула в Салониках – А. Тимони; при Бутеневе: вице-консула в Галаце – Г.М. Кола; при Титове – посланника в Персии – кн. В.А. Долгорукий и др.

Посольский чиновник, обладая способностями к чиновничьей и дипломатической карьере, имел шансы продвинуться по служебной лестнице, занять более высокое положение и удостоиться правительственные и императорских наград. Нередко будущие посланники «вырастали» внутри самого посольства, а не назначались со стороны. Первый секретарь в миссии Строганова надворный советник А.П. Бутенев с мая 1831 г. сам возглавил посольство так же, как, в свою очередь, его третий секретарь В.П. Титов сменил его на этом посту в 1843 г. Бессменный начальник коммерческой Канцелярии П. Пизани начинал службу третьим секретарем миссии. Советник П.И. Рикман несколько раз подолгу, иногда по году, замещал Бутенева во время его долгих отлучек. Отличительной чертой константинопольской миссии было постоянство состава ее чиновников. Во многом это объяснялось знанием редкого турецкого языка и достаточной обоснованностью в связи с пребыванием в восточной стране. Некоторые служащие оставались при миссии на протяжении полувека: врач Либерт занимал свою должность

* Посол Великобритании в Константинополе Чарльз Стратфорд-Каннинг, лорд Редклиф (1786-1880).

при трех посланниках, а Е.Ф. Кирико находился при миссии с начала XIX в. и до Крымской войны. Многие служили семьями: Пизани, Фонтоны, драгоманы Франкини.

Посольство в Константинополе не смогло бы выступить своего рода форпостом российской политики на Ближнем Востоке без организации безуказненной деятельности всех вспомогательных служб, обеспечивавших четкость многостороннего функционирования дипломатического представительства России. Эти подразделения были ответственны за самые разные стороны деятельности посольства и, неся каждое свою нагрузку, все вместе позволяли объединять в одно целое усилия всего дипломатического учреждения. Среди них наиважнейшую роль исполняла коммерческая Канцелярия посольства. Именно здесь выдавались паспорта для въезда в Россию, велился учет паломников, прибывающих для следования к Святым местам Палестины, составлялись ведомости выдачи жалования для всех подотчетных посольству учреждений на территории Османской империи, включая Грецию после ее освобождения. Через коммерческую Канцелярию проходили все списки иностранных и отечественных судов, появлявшихся в Проливах с грузом товаров и балластом, здесь же фиксировались сделки российского купечества; в Канцелярии составлялись ежегодные финансовые отчеты, через нее оформлялись все денежные выплаты посольства, направляемые на благотворительность и поддержку православной церкви в Турции, пособия неимущим и прочие выплаты.

Следующее подразделение посольства – Почтовая контора, которая выполняла роль связующего звена между Константинополем и Петербургом. От четкости ее работы во многом зависела своевременность принимаемых политических решений и общая информированность дипломатического штата посольства. Посланники постоянно заботились о совершенствовании деятельности своей почтовой службы, бесперебойность работы которой, впрочем, во многом зависела от состояния дорог и погоды – и то, и другое было вне компетенции российской дипломатии.

Драгоманат посольства также был его важнейшей составной частью. Драгоманы-переводчики являлись «устами» посланников; от их компетенции, профессионализма и в какой-то степени преданности российской службе во многом зависел успех русско-турецких переговоров и

тех отношений в целом, которые устанавливались между российскими дипломатическими чиновниками и представителями турецкой власти в Константинополе. Составление важнейших дипломатических бумаг Порте и перевод ее обращений к российским властям также ложился на плечи работников драгоманата, что подразумевало исключительную ответственность драгоманов за точность перевода, а зачастую и за степень доверительности между российскими и турецкими коллегами. Секретариат драгоманата вместе с секретариатом дипломатической части посольства вел повседневную, весьма обширную переписку Константинополя с консульствами, Портой и Петербургом, которая была неотъемлемой и необходимой частью деятельности представительства в целом и без которой невозможно было бы его результативное существование.

Таким образом, все подразделения посольства несли свою часть ответственности за его нормальное функционирование, от четкой работы каждого из них в той или иной мере зависела полноценность деятельности российского представительства в целом.

Посланники уделяли самое пристальное внимание улучшению организации жизнеобеспечения всех подразделений и, в первую очередь, заботились об устройстве быта своих сотрудников. Именно поэтому при Бутеневе и Титове велось строительство нового посольского дома в Пере и на протяжении всего полувека постоянно уделялось вниманиециальному ремонту посольской дачи в Буюк-Дере, служившей вплоть до окончания строительства нового здания посольства официальной резиденцией российских дипломатов. Несмотря на то, что новое здание было самым обширным, красивым и представительным по сравнению с резиденциями других европейских держав в турецкой столице, квартир для всех сотрудников посольства в нем все же не хватало. Многие вынуждены были нанимать жилье в европейском квартале Константинополя неподалеку от самого посольства.

В штате российского представительства постоянно находились врачи, а также православные священники, отправлявшие службу в церкви Св. Константина и Елены в Буюк-Дере и домовой церкви Св. Николая в Пере.

За полувековой период через службу в российском посольстве в Константинополе прошло более сотни чиновников. Многие из них

являлись потомственными дипломатами, принадлежа к известным дворянским родам; многие из младшего состава оставались при посольстве на протяжении долгих лет, исполняя свои обязанности при сменявшихся посланниках; другие являлись выходцами из многочисленных левантинских семейств, поколения которых предоставляли свои услуги европейцам в Константинополе. Все они ощущали свою принадлежность к служению великой державе и относились к исполнению обязанностей с чувством глубокой ответственности. За все исследуемые годы удалось выявить лишь один случай некорректного поведения чиновника посольства, наделавшего долгов и не сумевшего по ним рассчитаться. Чиновник был заключен под стражу на российском судне, находившемся в босфорском порту, все расходы по погашению задолженности взяло на себя посольство. Вероятно, таких или подобных ему недоразумений в действительности было гораздо больше, однако о них не сохранилось свидетельств, а формулярные списки сотрудников, как правило, умалчивают о провинностях и наказаниях.

Первая половина XIX в. – время многочисленных национальных восстаний балканских народов, населявших просторы Османской империи. Этот период отмечен ростом самосознания балканских христиан и выдвижения ими программ самостоятельного политического обустройства. Уже к началу века православное население Турции обращало свой взор к России, когда речь шла об их возможном освобождении от турецкого господства. С течением времени эти прорусские настроения усиливались. Российские посланники вполне осознавали свою ответственность перед обращавшимися к ним за помощью представителями сербов, греков, болгар, черногорцев и боснийцев. Ответ на каждое такое обращение требовал специального согласования с вышестоящими инстанциями, постоянной сверки своих действий с общими задачами внешней политики России на Балканах в каждый конкретный момент внешне- и внутриполитической обстановки в России, менявшейся вслед за переменой конъюнктуры международной ситуации. Именно во взаимоотношениях с единоверцами российским посланникам требовалось действовать с величайшей осторожностью: все их шаги навстречу просьбам о помощи православных христиан Османской империи встречали недоверие и прямое противодействие западных коллег в Констан-

тинополе. Европейские правительства преследовали цель разорвать единство России с покровительствуемыми ею народами, переориентировать их национальные элиты на Европу, не дать России воспользоваться преимуществами лидирующей среди балканских христиан политической силы, любыми методами противостоять ее экономическому и политическому укреплению в регионе.

Росту престижа России на территории Турции способствовала ее политика по оказанию помощи православию не только на Балканах, но и во владениях Антиохийского, Иерусалимского и Александрийского патриархатов. Укрепление позиций России в Сирии и Палестине становилось все более нетерпимым для политики, проводимой в этом регионе ведущими европейскими державами. Именно здесь политico-экономические притязания Англии и Франции возрастили вместе с наращиванием ими торгового проникновения на Ближний Восток и освоением торговых путей в Закавказье и Среднюю Азию. И если традиционное влияние России на Балканах воспринималось на Западе как необходимое зло, которому, впрочем, следовало всячески противодействовать, то русское присутствие на Ближнем Востоке подлежало, по мнению западных правительств, безусловному искоренению. Развитие событий в русле именно этого сценария было в полной мере проиллюстрировано всей политической ситуацией, предшествовавшей началу Крымской войны. Несмотря на очевидную перспективу развития событий по неблагоприятному пути, российское посольство в Константинополе продолжало уделять достаточное внимание своевременному выделению материальной помощи всем православным общинам на Балканах, а также в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Оказание материальной, политической и духовной поддержки единоверцам оставалось на протяжении исследуемого периода одним из основных направлений разносторонней деятельности российского представительства в Константинополе.

Оценивая ее результаты за первую половину XIX в., следует признать, что она была полностью подчинена общей внешнеполитической установке российского правительства, имевшего в данный период очевидную цель – урегулировать политico-стратегические проблемы Восточного вопроса в свою пользу. Именно в русле решения этой важнейшей задачи протекала деятельность российских посланников в

турецкой столице. Несмотря на то, что некоторые из них обладали хорошими аналитическими способностями, позволявшими глубоко анализировать политическую ситуацию, складывавшуюся в тот или иной момент, их самостоятельные действия были существенно ограничены многочисленными инструкциями и предписаниями, исходившими из российского МИД.

Вне всякого сомнения, посланникам приходилось принимать самостоятельные решения – по причине их удаленности от Петербурга и продолжительных сроков почтовой связи с ним. Нередко быстро менявшаяся обстановка требовала принятия оперативных решений, ответственность за которые полностью ложилась на плечи российских представителей. Однако, эти самостоятельные шаги предпринимались исходя из общезвестных задач русской политики в Турции, не менявшейся на протяжении многих лет. Нередко инициативы посланников приносились в жертву «политической целесообразности» и осторожности российских властей, что наносило урон престижу России на Востоке. Много лет находясь в Турции, прекрасно зная проблемы «изнутри», будучи хорошо информированными и ежедневно сталкиваясь с необходимостью принимать конкретные решения, посланники были настроены на более радикальные действия, чем те, которые им предписывались Петербургом. В случаях, когда необходимость заставляла их действовать, сообразно обстановке, их инициативы, как правило, получали высокую оценку российского руководства, даже если не были санкционированы им.

Можно лишь предположить, что осторожность российского правительства, нежелание обострять общеевропейскую обстановку из-за расхождений держав в решении Восточного вопроса способствовали постепенному ослаблению русских позиций в Османской империи, утере влияния в ряде провинций, населенных православными народами, добившимися к середине века политической автономии или независимости. Эта излишняя осторожность и нерешительность позволили европейским державам перехватить инициативу в продвижении на Балканы и существенно подорвать влияние России, приобретенное усилиями нескольких поколений русских дипломатических и военных деятелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. //Русский архив. 1877. №5. С.23.

² Фонтон Ф.П. Воспоминания. Лейпциг, 1862. Т.1. С.40.

³ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. С. 21

⁴ АВПРИ. Ф.161/4. Дела Азиатского департамента. Оп. 729/2. Д. 130(1846). Л. 26-33.
Расписание чиновников при российской миссии в Константинополе. 14 июля 1818 г.

М.М. Фролова

ВАРНА 1828-1829 ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. воспринималась русским обществом не только как защита интересов России, но и как освобождение Греции от власти Османской империи, против которой еще в 1821 г. было поднято знаменитое греческое восстание. О болгарском населении Балканского полуострова, где развернулся европейский театр военных действий, знали в то время очень немного. Известный впоследствии историк Ю.И. Венелин в своей книге «Древние и нынешние болгары...», напечатанной в 1829 г., с грустью писал, что недостаток сведений породил в конце 20-х годов мнение о том, что «задунайские славяне все перевелись, и что там не слышны больше славянские звуки»¹. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. опровергла это заблуждение, а многочисленные воспоминания и записки русских офицеров – участников этой войны, которые стали публиковаться на страницах журналов с сентября 1829 г., также немало тому способствовали. Авторы мемуаров рассказывали не только о сражениях с турками, о трудностях походов, усугубляемых тяжелым для русских войск «задунайским» климатом, болезнями, острой нехваткой качественной воды, перебоями в снабжении продовольствием и фуражом, но и об удивительной природе Болгарии, о ее городах и христианском населении.

Варна занимала в этих воспоминаниях особое место. Крепость, являвшаяся лучшим портом на западном побережье Черного моря и прикрывавшая одну из главных дорог, ведущих через Балканы к столице Османской империи Константинополю, входила во вторую оборонительную линию известного четырехугольника балканских крепостей (Рущук – Силистрия – Шумла – Варна). Ее капитуляция (29 сентября 1828 г.) явилась самым крупным успехом русского оружия в кампании 1828 г., в целом оказавшейся малорезультативной, поскольку ни Силистрия, ни Шумла взяты не были. Повышенное внимание к Варне обеспечивалось присутствием при заключительной стадии осады молодого

императора Николая I, поэтому сюда, по свидетельству Ф.П. Фонтона, офицера Генерального штаба, все старались и желали попасть². В осаде Варны принимала участие гвардия, которая в кампании 1829 г. уже не была задействована. Многие гвардейские офицеры, люди высокообразованные, посвятили Варне немало страниц своих записок.

Кроме того, Варну от прочих городов, покорившихся в 1828 г. русским, отличало и следующее обстоятельство: в ней помимо турецких войск находилось и мирное население, состоявшее из мусульман и христиан. В кампании 1828 г. турки активно применяли тактику обезлюдения земель, по которым шло войско неприятеля. При приближении русских войск они заставляли жителей, и мусульман, и христиан, покидать свои дома. Русскиешли практически по пустынной Болгарии, вступали в опустевшие города. «По всей стране царствовала мертвая тишина, нарушающая заунывным лаем голодных собак, которые рыскали вокруг пустых покинутых селений»³, – сообщал А.О. Дюгамель (1801–1880), прaporщик свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, награжденный за заслуги в войне 1828–1829 г. чином капитана, впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири, сенатор. Штабс-капитан А.Ф. Вельтман (1800–1870) в своем романе «Странник», который писался во время войны и был опубликован в течение 1830–1832 гг., принеся автору заслуженную известность, тонко передал чувства, которые охватили его при вступлении в «пустой город» – Базарджик. «Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! точно как в сердце, оставленном надеждою». «Фонтаны не льются, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, но она уже горька, как слезы... отравлена»⁴.

В побежденной Варне русские офицеры имели возможность вблизи познакомиться с поверженным врагом, а также и с мирным населением. В своих мемуарах авторы большое внимание уделяли описанию фортификационных сооружений Варны, рассказывали о ведении осадных работ, кровопролитных стычках с турками, сражении при Курт-Тепе, штурме Варны, тяжести бивуачной жизни. Но в них также имелись сведения о городе и его окрестностях, о его жителях, что формировало у читателя представление об этом оплоте турецкого владычества на Балканах и об условиях жизни в нем христианского населения. Выявление подобных сообщений и их анализ составляет задачу настоящей работы.

Из многочисленных записок и мемуаров русских офицеров – участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. следует выделить публикацию в сентябрьском номере за 1829 г. журнала «Отечественные записки» П.П. Должикова (1798–1884), офицера 19-го Егерского полка⁵. Его серьезное увлечение историей было известно начальству, поэтому во время пребывания в Варне он получил задание от «одной почтеннейшей особы» собрать сведения об общем состоянии христианской церкви и православной веры в Варне. Ответы варненского митрополита Филофея Должиков дополнил своими наблюдениями. Следует подчеркнуть, что информация, которая была помещена в статье, весьма интересна и ценна, однако историками XX в. она практически не использовалась.

Основные действия в русско-турецкой кампании 1828 г. развернулись в северо-западной части Болгарии, в треугольнике между крепостями Силистрия, Шумла и Варна. Главные силы русской армии (30 тыс.) двинулись к Шумле, где была сосредоточена 40-тысячная армия Гуссейна-паши. К Варне (28 июня 1828 г.) был выслан немногочисленный отряд генерал-адъютанта графа Сухтелена (4500 чел.), которому было поручено, «если окажется возможность, покорить Варну», или «в противном случае открыть сообщение с отрядом князя Меншикова», который должен был со дня на день прибыть с Черноморским флотом. 1 июля отряд Сухтелена вошел в долину Варны и был немедленно атакован турецкой конницей. 4 июля в крепость торжественно, «с распущенными знаменами и громкой музыкой» вступило подкрепление, увеличив, таким образом, турецкий гарнизон до 10 тыс. человек⁶, записал генерал-майор П.Я. Купреянов (1789–1874), командир 2-й бригады 10-й пехотной дивизии, впоследствии генерал от инфантерии. Сухтелен был вынужден отступить от Варны.

В последних числах июля к крепости, наконец, прибыл Черноморский флот под командованием адмирала Грейга, который доставил десантный отряд генерал-адъютанта князя Меншикова, овладевший 12 июня Анапой. Варненское войско увеличилось теперь до 10 тыс., и Меншиков, которому было поручено руководить осадой, приступил к блокаде крепости с северной стороны. К осаждающим затем прибавился отряд, сопровождавший Николая I, который вместе с Императорской квартирой из-под Шумлы подошел к Варне (24 июля). После обсужде-

ния с Меншиковым плана осады и обозрения работ у крепости император отбыл в Одессу для осмотра резервов действующей армии.

В первых числах августа к Дунаю подошла гвардия, выступившая из Петербурга в начале апреля. По повелению Николая I она была двинута для осады Варны. 27 августа император возвратился в Варну и расположился на адмиральском корабле «Париж». С прибытием гвардии силы русских возросли до 30 тыс. при 112 осадных и 52 судовых орудиях, что позволяло теперь блокировать крепость и с южной стороны, откуда турецкий гарнизон, усилившийся до 22 тыс., получал все подкрепления. Во время осады Варны русской армии пришлось отразить наступление 30-тысячного турецкого корпуса Омера Врионе-паши, пытавшегося деблокировать осажденный гарнизон. В сражении при Курт-Тепе участвовал отряд под командованием принца Евгения Вюртембергского, который был вызван из-под Шумлы. 26 сентября был предпринят штурм Варны, и 29 сентября крепость капитулировала⁷. С падением Варны кампания 1828 г. закончилась.

Крепость Варна лежала в долине, к которой вели труднопроходимые дороги: «Беспрестанные дефилю, узкие по лесам дороги, заваленные камнями, препятствовали идти не только артиллерии и обозу, но даже и пешеходцам»⁸. После утомительного пути по жаре с утеса, являвшегося «самым верхним уступом с северной стороны берега Черного моря», вдруг открывался вид на город – впечатления были сильными и запоминающимися. Каждый автор напечатал свои слова, чтобы передать красоту распахнувшейся перед ним панорамы и свои чувства, которыми наполнилась в тот миг душа. Прапорщик П.Н. Глебов (1810-1866), впоследствии генерал-лейтенант, получивший назначение в 7-ю артиллерийскую бригаду, добрался до нее у самой Варны. Доложив о себе новому начальству, он поспешил взглянуть на город. «Едва вступил я на дорогу, как вся Варна с ее бастионами и высокими минаретами между двумя грядами гор явилась предо мною в лощине. С левой стороны крепости ревело Черное море, а с правой более чем на шесть верст в длину разливался лиман Девно. Таким образом, с двух противоположных сторон Варна окружена землею, а с двух – водою. Речка Варне-Дере, которая течет из лимана по песчано-болотистому перешейку в море, омывает крепость с южной ее стороны. Через небольшую речку перекинут был каменный мост, который прикрывался особого рода шестиугольным

укреплением. Но я забыл и об этом мосте, и об этом укреплении, когда взглянул на раздольные пастваща, которые живописно раскидывались вдоль северного берега лимана, – на цветущие виноградники, покрывавшие всю окрестность к западу и северу от крепости, наконец, на высокие горы, покрытые лесом и кустарником, которые, чернея вдалеке, как будто служили рамою для расстилавшейся под ногами моими чудесной картины»⁹, – писал П.Н. Глебов.

«Крепость представляет прекрасную картину: дома построены амфитеатром как и во всех почти турецких городах: башни, цитадели, каменные укрепления, высокие минареты, большие сады, корабли, стоящие на якоре в заливе. Все это доставляло взору приятное разнообразие»¹⁰, – замечал офицер из штаба Евгения Вюртембергского, не подписавший свои воспоминания.

Собираясь в поход против Турции, многие русские офицеры внимательно изучали страну и ее историю. Нередко в записках приводились подобные сведения. Упоминавшийся офицер из штаба Евгения Вюртембергского, например, припомнил, что Варна была известна в истории как «древний город Одиссос или Одессус, построенный греческими колонистами из Милета...». Впрочем, «этот город не приобрел знаменитого имени в истории, но сделался известен... благодаря сражениям между султаном Амуратом II и Владиславом, королем Польским и Венгерским, в 1444 г. 10 ноября, где христиане были совершенно разбиты и польский король лишился жизни»¹¹.

Прапорщик П.Н. Глебов не мог не обратить внимание на осадные работы, которые были начаты под руководством князя А.С. Меншикова, а после его ранения продолжены графом М.С. Воронцовым, назначенным 17 августа 1828 г. командиром варненского осадного корпуса. «Длинные траншеи, как черные змеи, увивались около крепости с северной ее стороны; бесконечная цепь редутов тянулась полукружием от моря до лимана; ружейные и орудийные выстрелы раздавались то с крепости, то с передовых укреплений; наконец, тысячи птиц, которые в отдалении, как иглы, сверкали под лучами яркого солнца... Согласитесь, что все это вместе могло составить картину поистине чудесную. Но не одно изящество внешнее составляло прелесть этой картины: в ней так много было содержания внутреннего, особливо для меня, офицера армейского, что я не мог смотреть на нее без особенного одушев-

ления»¹². Чуть позже Глебов дополнил описание Варны некоторыми очень важными уточнениями: «Варна лежит при заливе Черного моря у подошвы северной покатости древнего Гемуса. Высокие минареты, цитадель и развалины церквей христианских, в которых нельзя было не заметить следов византийской постройки, турецкий лагерь, разбитый внутри города, и множество полуразрушенных зданий со стороны моря – все это придавало Варне какой-то особенный характер. Что же касается до системы укреплений ее, то она и в 1828 г. не отличалась ничем особым от прочих крепостей турецких, с которыми я имел уже случай ознакомиться на походе от Дуная к Каварне»¹³.

К Варне тем временем стала подходить гвардия, двигавшаяся тремя эшелонами. За 5 месяцев она прошла через всю Россию, Украину, Бессарабию, вступив на землю Османской империи, пересекла безводную и пустынную Добруджу, Приморский санджак. Во втором эшелоне шел лейб-гвардии Егерский полк, офицер которого вспоминал: «...27 августа после томительного перехода с горы на гору с небольшим привалом к вечеру подошли к Варне. С края горы, где стоял полевой караул, картина была великолепная: версты на 4 впереди, в середине огромной долины, ограниченной с севера и юга высокими лесистыми горами и сплошь поросшей виноградником, стоит Варна, запертая в крепостные стены с башнями. Влево от нас море, все покрытое нашими судами, вправо – широкий лиман, вдающийся вглубь страны верст на 10. Можно было с высоты рассматривать Главную квартиру графа Воронцова, пристань; по всему пространству в кустах – расположение разных войск, а вправо, между крепостью и лиманом – турецкий лагерь войск, не вместившихся в крепость. По той стороне Варны виднелась дальняя песчаная полоса, а за нею такие же горы, как те, на которых мы стояли»¹⁴.

Для князя Н.С. Голицына (1809-1892), прaporщика Гвардейского Генерального штаба, впоследствии генерала от инфантерии, военного историка, тяжелый поход от Петербурга до Варны 1828 г. был его первой военной кампанией и явился «первым живым и великолепным уроком географии России и кусочка Турции»¹⁵. 27 августа, в понедельник, он прибыл под Варну вместе с Генеральным штабом, который расположился лагерем на северной стороне Варны. «К 1 сентября здесь собралась уже вся гвардия»¹⁶. Юный князь вскоре заболел и был от-

правлен на излечение в Одессу. Его рассказ о Варне дополняет новыми штрихами панораму крепости, нарисованную Глебовым: «Что за чудная картина представилась нашим взорам! Прямо перед нами, глубоко в долине лежала крепость Варна, омываемая с юга длинным и узким заливом Девно, а с востока примыкавшая к морю, на котором был расположен наш Черноморский флот, линия очередных судов которого обстреливала крепость, далее же простиралось безбрежное море. У подошвы северных высот на берегу моря находились пристань и склады военных запасов, а против пристани на море – 100-пушечный корабль «Париж», на котором имел пребывание Государь, его свита и Главный штаб. Крутые скаты северных высот были покрыты виноградниками, между которыми извивались дороги сверху вниз к пристани и к нашим траншеям и редутам. К западу от крепости залив Девно, постепенно суживаясь, простирался на несколько верст. Наконец, к югу от Варны были видны возвышавшиеся уступами горы, почти совершенно обнаженные за исключением редких кустарников и небольших рощ, между которыми видны были дороги, ведущие в Варну с юга»¹⁷.

Удивительно, но в представленных описаниях больше внимания удалено долине Варны, а не самому городу. Похожесть изображения окрестностей Варны разными авторами объясняется не только тем, что они смотрели на город с одной и той же точки, поэтому описания, будучи наложенными одно на другое, создают эффект объемности панорамы. Русские офицеры, авторы упоминаемых мемуаров, в тот момент обладали практически равным знанием Болгарии, поскольку проделали утомительный поход с берегов Дуная. Встречая по пути турецкий город, они стремились по возможности посетить его. Если первый увиденный город вызывал неподдельный интерес, то уже последующие города гасили любопытство офицеров своей однообразностью. Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Лукьянович (около 1806 г. – после 1855 г.), впоследствии военный историк, достигший на гражданской службе чина действительного статского советника, обобщил эти впечатления: «Турецкие города, виденные мною, весьма некрасивы и так сходны между собой, что, видевши один город, можешь и о про- чих иметь верное понятие»¹⁸. Следует подчеркнуть, что только в Варне точный глаз артиллериста Глебова увидел возвышавшиеся христианс- кие церкви, которых не было видно в других приморских и придунайс-

ких городах Европейской Турции. Может быть, именно их присутствие придавало Варне «какой-то особенный характер»?

С высоты взирая на Варну, у которой «вырос обширный многолюдный город», подпоручик Лукьянович, не сомневаясь в успехе русского оружия, видел крепость уже покоренной, что позволило ему вслед высказать свою заветную мысль, которую разделяли и его товарищи: «Варна пала, визирь разбит, мы за Балканами, Адрианополь пал, Царьград склоняет главу с покорностью, и щит Олега снова прибит к его вратам в воспоминание наших побед; мы возвращаемся в отчество, покрытые лаврами...»¹⁹.

Лукьяновича, как и всех русских воинов, приводило в восторг изобилие болгарской природы: «Все окрестные Варны поля усеяны роскошными плодами юга». Особенно поражал жителей севера «виноградный сад, примыкавший к стенам города. Глаза разбегались от удивления, смотря на ветви, отягощенные крупными гроздьями белого, синего и розового винограда, самого крупного и сладкого, из коих почитается лучшим кишмиш. Сии виноградники служили неисчерпаемым источником для делания турров и фашин*, и сверх того они были приманкою для турок, падких к лакомству. Большая часть из них во время вылазок бросалась в этот сад, где их ловили десятками с карманами, нагруженными виноградом»²⁰.

Подпоручик Лукьянович также сообщил интересные подробности о Варне: «Лагерь Главной квартиры расположен был на высокой горе, у ее подножия находилась Варна, омываемая с одной стороны морем, а с другой лиманом, на противоположной горе находился отряд генерал-адъютанта Бистрома, занимавший Константинопольскую дорогу. На самой же вершине первой горы сделаны были деревянные скамьи и поставлена зрительная труба, в которую можно было видеть Варну как на ладони; не только малейшее движение войск было там заметно, но даже на всяком человеке, идущем по улице, вы явственно могли бы отличить цвет его платья. На этом возвышении собирались почти ежедневно в 2 или 3 часа пополудни большая часть жителей Главной квартиры смотреть на действие осадной нашей артиллерии. Тут можно было встретить посланников, камергеров, дипломатических чиновников, находившихся в свите Государя, придворных певчих, священников, комиссаров, солдат и маркиза»²¹.

* Тур – корзина, плетенная из хвороста и набиваемая землей для защиты от пули; фашин – связка прутьев хвороста для укрепления насыпей.

Часть гвардии была направлена в 5-тысячный отряд генерал-адъютанта Головина, который, построив укрепленную позицию, завершил линию блокады Варны с юга, «заняв цепью все пространство от моря до лимана». Офицер лейб-гвардии Егерского полка, опубликовавший свои записки под псевдонимом «старый егерь», вспоминал об этих нескольких днях спокойствия: «Галатская пристань и фуражировки доставляли нам изобилие в пище и фураже; скота было множество... У офицеров были целые конюшни, в которых стояли турецкие лошади и под масть подобранные ослы... В первые дни сентября мы не только отдохнули совсем от дальнего похода, но и начали уже скучать от бездействия. Немалое развлечение доставляли фуражировки по окрестным деревням, жители которых разбежались по лесам, оставя при домах все свои запасы, так что везде находили пшеницу, сено, скот, домашних птиц и множество других вещей»²². Неизвестный офицер-егерь уделил внимание особенностям леса у Варны: «Окрестности Варны вообще гористые, потому что здесь начало Балканов, и, кроме того, лесистые. Лес двух родов: или невысокий, частый, составленный из коряжевых дубков, переплетавшихся с терновником до того, что сквозь эту чащу невозможно прорваться; или очень светлые рощи, образуемые высокими раскидистыми дубами, платанами и проч., скорее похожими на искусственный парк, нежели на дикий лес...»²³.

Однако в тылу у отряда Головина за рекой Камчик собрались значительные силы турок под командованием великого визиря. Из Шумлы затем было еще послано 15 тысяч под начальством паши Омера-Брионе. Два батальона лейб-егерей вошли в отряд, которому была поручена разведка и обсервация позиций неприятеля. 10 сентября произошло столкновение с превосходящими силами турок. Из-за допущенных просчетов начальника этого отряда полковника графа Залусского для лейб-егерей, прикрывавших отступление отряда, этот бой превратился в побоище. Полк потерял полкового командира генерал-майора Гартонга и почти всех офицеров. Сведения о появлении паши Омера-Брионе и «о беспримерном поражении одного из лучших полков гвардии»²⁴ заставили срочно послать подкрепления. Начальником над южным отрядом был назначен генерал-адъютант Бистром. Отменная храбрость русских в кровопролитных сражениях у Курт-Тепе 18 сентября произвела на турок потрясающее впечатление. Паша Омер-Брионе больше не пытался атаковать русских и, простояв в бездействии 11 дней, ушел за реку Камчик, не оказав помощи гарнизону Варны.

25 сентября был предпринят штурм первого бастиона Варны, где наиболее успешно шли осадные работы. Подпоручик Лукьянович рассказал следующий случай. В жару битвы русские проникли далее, в город. «Изредка только мусульманин, которого вера в предопределение не вовсе лишила умственных способностей, стрелял из-за своей ограды по нашим солдатам. Одним из этих выстрелов был убит русский офицер», который спешил соединить свой небольшой отряд с ротой, отступавшей из крепости к бастиону. «В одно мгновение двери дома, откуда был сделан несчастный выстрел, были выбиты прикладами. Солдаты с бешенством ворвались в комнаты, где нашли старого турка, с важным равнодушием ожидающего неизбежной смерти; его окружала толпа женщин, вопивших от ужаса. Вдруг одна из женщин, от страха или желая показать, что она не магометанка, начала креститься, ее примеру последовали другие. При виде крестного знамения опустились руки наших воинов. Солдаты вышли из дома, не сделав ни малейшего оскорбления испуганному и удивленному семейству»²⁵.

Об этом штурме писал и прапорщик Глебов: «Та часть города, которая прилегала к приморскому бастиону, населена болгарами, греками, молдаванами и вообще жителями греческого исповедания. Тяжкое рабство и бедственное положение терпеть двухмесячную осаду довели их до крайнего отчаяния. Они ждали только случая, чтобы избавиться от своих притеснителей – турок». Русские заняли бастион, «и целые семейства христиан под выстрелами, презирая опасность, перебегали к нам. Я видел, как одна молодая гречанка с распущенными волосами, в одной рубашке перебегала ров: правой рукой она крестилась, а левой держала за руки ребенка двух или трех лет, который висел у нее за спиной...»²⁶.

В мемуарах русских офицеров не раз встречалось упоминание о том, что турецкие христиане, чтобы отличить себя от турок-мусульман и оградить себя и свой дом от военного разорения, при виде русских воинов непременно крестились. Русские офицеры научились узнавать болгар, одежда которых была сходна с турецкой, по их бараньим шапкам.

Варна капитулировала. 30 сентября на флоте и в русском лагерс было отслужено благодарственное молебствие. В 11 часов утра из Варны на корабль «Париж» явились греческий митрополит с почтеннейшими гражданами города, с хлебом и солью, «поздравившие Государя с покорением Варны. При этом митрополит благословил

монарха иконой Пресвятой Богородицы и предложил ему эту икону в дар. Государь принял их очень милостиво, благоволев объявить им, чтобы они обратились с просьбой о нуждах своих в Комитет, нарочно имеющий быть учрежденным для изыскания средств для улучшения города Варны и обеспечения участия граждан. В это же время подарил митрополиту богато украшенный бриллиантовый крест, приказав тут же выдать ему 500 червонцев на исправления церквей, пострадавших во время осады»²⁷, – свидетельствовал переводчик И.В. Ботьянов, чиновник Министерства иностранных дел, состоявший при адмирале Грейге в 1828–1829 гг.

Николай I желал осмотреть город, поэтому его спешно постарались привести в порядок, очистив от «мертвых тел и нечистот, оставленных неприятелем на улицах не зарытыми». «1 октября Государь в сопровождении адмирала Грейга, всего своего штаба и иностранных посланников, с присоединившимся великим князем Михаилом Павловичем и графом Воронцовым имел торжественный въезд в Варну», – сообщил Ботьянов. Генерал-майор П.Я. Купреянов в своих записях передал слова Николая I, который, въезжая в крепость через широкий пролом, сказал: «Смерть короля Владислава отомщена». Купреянов также отметил следующее распоряжение царя: «из числа орудий, стоявших по валам, 12 бронзовых отосланы в Варшаву для сооружения памятника храброму и злополучному королю польскому, за три столетия перед этим павшему под стенами этой крепости»²⁸.

В Варне Николай I прежде всего отправился в церковь, «чудесным образом уцелевшую от разрушений». Здесь он повелел «выдать еще 500 червонцев митрополиту для вспоможения жителям, пострадавшим от осады. По окончании осмотра крепости, государь сделал распоряжение о приведении ее в хорошее состояние. Слухи прошли, что султан приказал отвоевать Варну у нас во что бы то ни стало»²⁹, – записал Ботьянов.

Прапорщик лейб-гвардии Гренадерского полка В.М. Еропкин (1807–1890), впоследствии генерал-майор, вспоминал об этом дне: «Играли марш из “Dame Blanche”, который раздавался в улицах крепости; христиане бросались на колени перед государем и кричали нам: “братья, братья”»³⁰. «В крепости мы нашли 162 орудия, множество снарядов и до 6 тыс. пленных»³¹, – сообщил Глебов. Но продовольственных припасов не оказалось. На 4-й день после занятия крепости, 2 октября, после

35-дневного пребывания на флоте, Николай I перешел на линейный корабль «Императрица Мария» и отправился в Одессу.

Офицер 19-го Егерского полка П.П. Должиков, полк которого до 8 октября стоял на лесных бивуаках на южных подступах к крепости, «не смел, наверное, думать», что когда-нибудь он будет в самой Варне, «проведя два месяца с половиной в редутах и шанцах^{*} под полетом неприятельских ядер и бомб». Любая со стороны живописностью крепости, он был, однако, разочарован, оказавшись, наконец, в городе: «Издали Варна имеет много привлекательности: высокие столбы минаретов, почерневшие башни цитадели, красные черепичные крыши неоштукатуренных домов, сливаясь в одно целое, обещают что-то хорошее в восточном вкусе. Но ошибается тот, кто будет судить об ней по наружности: неприятный, удушающий воздух, который несся к нам из глубины крепости, уже сообщал некоторое понятие обо всем остальном; а разбросанные у самых стен черепы и кости человеческие и множество падшего скота показывали безобразие войны и тягостное положение, в каком находились осажденные»³². «Первый предмет, который представился нам в крепости, были прежние повелители оной: они сидели с трубками в зубах, грязь на солнце около пепелищ и развалин домов своих, разбитых громоносными нашими пушками. Неподвижными очами удивления они глядели на сынов Севера. Злоба, которую они питали против нас, невольно выражалась на лицах их... Вокруг стариков – дети их, не обращая на нас никакого внимания, играли и строили пирамиды из ядер, силясь поднимать те из них, кои были потяжелее... Счастливый возраст!»³³.

П.П. Должиков поразился тому, что он увидел в городе: «Страшные разрушения! Кажется, в крепости нет того дома, который не был бы более или менее поврежден в различных направлениях опустошительными действиями нашей артиллерии и конгревовых ракет^{**}. Огромный дом бывшего начальника крепости капитан-паша, мимо которого мы проходили, был до того изъязвлен гранатами и бомбами, что некоторые части оного угрожали падением». Должиков свидетельствовал, что в те

* Шанец – полевое укрепление, окоп.

** Конгревовая ракета – артиллерийский снаряд, названный по имени изобретателя, английского инженера В.Конгрева

дни «страшный беспорядок и суета господствовали в крепости; разные отделения войск наших одно за другим вступали в нее», так же как и его 19-й Егерский полк, проходили по улицам Варны с распущенными знаменами под музыку и барабанный бой и, миновав «обширное кладбище, занимающее пространством едва ли не пятую часть крепости...»³⁴, выходили из крепости и становились на бивуаки в ожидании распоряжения о зимних квартирах.

О поверженной Варне оставил воспоминания и сын генерал-майора Н.Н. Муравьева (1768-1840), основателя Училища для колонновожатых, А.Н. Муравьев (1806-1874), состоявший в дипломатической канцелярии при Главной квартире, впоследствии известный православный духовный писатель и историк церкви, камергер. Он прибыл сюда после утомительного трехмесячного стояния под Шумлой: «Долина, в которой лежит эта крепость, очаровательна, хотя виноградник ее был совершенно истреблен, и все представляло грустную картину опустошения; но природа украсила ее столь щедрою рукою, что и среди ужасов войны она не переставала пленять взоры. Широкий лиман, за которым синеют Балканы, разделяет сию долину и близ самой крепости соединяется с морем, которому полный флот наш придавал тогда новое величие. На дне долины климат теплый и благотворный, напоминает небо Тавриды, красе которой не уступает ничем природа Варны; но самый город тесен и нечист, как все турецкие города. Не было ни одного дома, ни одних ворот, уцелевших от ядер, сама митрополия, большое, но безобразное здание, ясно напоминавшее, что некогда страна сия принадлежала христианам, не укрылась от бомб»³⁵.

Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Лукьянович обратил внимание на следующее удивительное обстоятельство: «Особенно испытала на себе действие нашей артиллерии часть города, обращенная к морю. Но замечательно, что посреди сих развалин греческая церковь как бы хранимая чудом осталась невредима. Мне сказывали, что греки в продолжение осады крепости с семействами своими жили на паперти этого храма»³⁶. Жалко, что Лукьянович не назвал имени этого храма.

Муравьев не преминул посетить и побеседовать с варненским митрополитом Филофеем, он также слушал литургию в соборной церкви Св. Афанасия: «...обряды те же, исключая малых, но благолепие исчезло, и дивные гимны, поразившие некогда наших предков и вселившие

в них жажду христианства, ныне превратились в дикие и нестерпимые крики детей; на всем богослужении лежит печать страха и рабства»³⁷.

Вместе с Муравьевым в дипломатической канцелярии при Главной квартире служил Ф.П. Фонтон, офицер Генерального штаба, который 1(13) октября 1828 г. написал: «Итак, мы в Варне! Но страшно то, что как все прежде ни старались и ни желали в Варну попасть, так все теперь стремятся Варну оставить, особенно с тех пор, что Государя здесь нет. Это, впрочем, понятно. Погода сделалась ужасная. Дождь проливной, вихрь и буря... Притом же городок! Нечего сказать. Охота же было туркам так упорно защищать это вместилище грязи, нечистоты, мертвых собак, кошек, крыс и лошадей. В узких, гнусными стенами обнесенных улицах прохода нет от этих гадостей. Еще не утешительнее видеть за калитками бледные, изнуренные лица турецких храбрецов. Единственное, что радует, – это блестящие иногда из-за дверей и из-под белых фередже черные робкие, но любопытные глаза турчанок. Далее ко взморью лучше. Там греческая и булгарская часть. Там господствует веселье и радость. Чувство спасения, не от пуль и ядер, об этом никто не думает, но от гнусного долголетнего угнетения у всех выказывается какой-то уверенностью, ловкостью в походке, каким-то выражением удивления и спокойствия на лицах. Бедные, они думают, что для них настала година свободы и независимости от презренного ига. Они спокойно и твердо уповают на нас, а у нас руки связаны просвещенной Европой. Ты можешь понять, какое чувство умиления возбуждается во мне, когда я вижу счастье этих людей и мыслю о моменте разочарования. Не будут ли они тогда проклинать тех, которых они теперь благословляют как своих спасителей. И глубокие политики Запада будут торжествовать. Пора! Пора оставить эти тесные и бесчеловеческие начала. Пора Европе образумиться»³⁸.

О теплом отношении христиан Варны к русским вспоминал Лукьянович: «Греки, обитавшие в Варне, принимали каждого русского воина как своего избавителя, и изъяснениям благодарности и приязни их не было меры. Это я испытал на себе, когда я проходил мимо одного дома, греки, сидевшие у придверия его, увидев меня, тотчас бросились ко мне, насильно затащили в дом, начали потчевать кофеем и плодами, изъясняя между тем разными телодвижениями свою радость и благодарность; на это я отвечал также пантомимами»³⁹.

В своем дневнике П.П. Должиков зафиксировал статистические сведения о жителях Варны на 15 октября 1828 г., однако источник информации он, к сожалению, не назвал: «Греков мужского пола было 1659 человек, женского – 2032 чел.; армян мужчин было 382 чел., женщин – 472 чел.; болгар мужчин – 152 чел., женщин – 351 чел. Всего христиан было 5048 человек»⁴⁰. В те дни более 12 тыс. турок оставили Варну, «но 15 октября в ней еще находилось до 7 тыс. человек. Весьма немногие из турецких семейств воспользовались предоставленным правом оставаться в Варне под защитой русских войск»⁴¹, – констатировал Должиков. Эти данные не вызывают сомнения в точности, ведь автор был членом-соревнователем Общества истории и древностей российских. Выйдя в отставку в звании капитана, он поселился в Киеве, где стал книгоиздателем и основателем магазина-библиотеки на Подоле – «кабинета для чтения новостей русской словесности», по сути, явившейся первой городской публичной библиотекой. Изданный им в 1849 г. каталог книг библиотеки он назвал «Аптека для души».

Офицер из штаба Евгения Вюртембергского также свидетельствовал: «Во время пребывания моего в Варне более 300 семейств выехало из города за Балкан. Не должно удивляться, что природные жители удаляются при появлении нападающих войск. Между христианами и турками существует весьма большое различие во всех отношениях, которое не в состоянии никогда сблизить нас с этим народом»⁴².

Самое подробное описание крепости Варна оставил упоминавшийся неизвестный офицер из штаба принца Евгения Вюртембергского. 6 октября он поселился «у одного янычара, у которого в комнатах было весьма холодно, потому что стекол в окошках не было по обыкновению Турции, где стекла считаются роскошью и употреблялись в домах богатых людей. Впрочем, турки отделяют дома хорошо и содержат их в большой чистоте»⁴³. Автор воспоминаний получил возможность хорошо изучить город: «Внутренность Варны не имеет ничего привлекательного: улицы узки, нечисты, вымощены большими камнями весьма худо». «За исключением небольшой площади, находящейся вблизи кладбища, все улицы стеснены, и часто встречаются такие переулки, что пеший человек едва может пробраться сквозь оные». «Ходя по кривым улицам Варны, построенным наподобие лабиринта, так что должно иногда проходить несколько верст, дабы достигнуть места,

находящегося по прямой линии в нескольких шагах, пешеходец скоро чувствует усталость от худой и неровной мостовой, испорченной отчасти и бомбами, сброшенными в крепость во время осады»⁴⁴. «Всякий дом обнесен каменною стеною и заключает в себе фруктовый сад или большие деревья, доставляющие прохладу во время знойных летних дней». Неизвестный офицер отмечал: «Город довольно обширен, имеет большой рынок или базар, арсенал, цитадель и значительные магазины для хранения припасов. Строения в обыкновенном турецком вкусе. И все почти без изъятия дома повреждены более или менее разрушительным действием артиллерии во время осады. Многие дома в совершенных развалинах»⁴⁵. «В самом городе находятся 2 фонтана; но вода лимана, омывающего стены крепости с юго-западной стороны, солена и не может служить для употребления»⁴⁶.

Неизвестного автора интересовала экономическая сторона жизни города: «Варна никогда не производила обширной торговли. Весь торг ее заключался в пшенице и худом вине». «Рынок довольно обширен, но чрезвычайно стеснен по обыкновению турецких городов. Это место наполнено разными нечистотами: стеснение строений, нечистота улиц, вечная грязь, соседство моря, распространяющего у берегов своих сырость и вредные испарения, все способствует водворению разных болезней... Купцы продолжали торговать в лавках, но товары их были незначительны: пряные коренья, изюм, опий, трубки, чубуки, табак. Лучшие вещи составляли шали и кушаки посредственной работы. Впрочем, турки продавали вещи сии весьма дорого, и только одно любопытство иметь у себя турецкие изделия может побуждать нас покупать их. Всякий купец желал сбыть скорее товары свои, чтобы выехать из Варны, и сами жители продавали лишние вещи и посуду, чтобы облегчить путешествие свое за Балканы»⁴⁷.

С середины октября 1828 г. гвардия, а затем остальные русские войска стали покидать Варну и ее окрестности, уходя на зимние квартиры за Дунай. 6-му пехотному корпусу генерала Рота, прибывшему из-под Силистрии, для зимних квартир определили район Варны – города Каварну, Бальчик, Мангалию. В самой Варне располагалась корпусная квартира. Генерал-адъютант Головин был назначен военным начальником Варны. Город стали срочно готовить к зиме, которая для оставленных в Болгарии русских войск выдалась чрезвычайно суровой. В городе на-

считывалось 1316 жилых домов. Варну разделили на 4 части, и каждый дом был пронумерован, что позволило легко отыскивать необходимое здание и вообще ориентироваться в лабиринте улиц. Был отремонтирован и переделан дом капудан-паши, в котором организовали госпиталь на 1000 человек.

Одну из мечетей, которая турками была устроена в бывшей греческой церкви, вновь переделали под церковь, теперь русскую. Для нее и для соборной церкви Св.Афанасия, в которой жил архиепископ Филофей, варненский митрополит, купили колокола. Первый колокол, «к большому удовольствию митрополита», был доставлен в ноябре. П.П. Должиков отмечал, что митрополит «по каким-то расчетам не решался звонить у себя прежде, нежели была отделана русская церковь». Объяснение его действий находится в записках Муравьева, который при посещении митрополии в памятные дни капитуляции Варны заметил, что митрополит Филофей «одержим страхом турок»⁴⁸. Колокольный звон «в первый раз спустя почти 4 века по завладению турками Варной» зазвучал 6 декабря 1828 г., и после, «как бы следуя примеру, и он [митрополит] велел звонить у себя. Первый келейник митрополита вменяет себе в преимущественную честь быть звонарем», – подчеркивал Должиков. В праздничные дни, продолжал автор, «толпы народа с удовольствием останавливаются у колокола», к которому «недавно присовокуплено еще несколько колоколов, и слушают их гармонический перезвон»⁴⁹.

Округ Варненской митрополии был невелик: в него входили города Праводы, Козлуджи, Базарджик, Мангалия, Каварна и Бальчик с прилежащими селениями⁵⁰. В крепости Варна «считается 7 церквей, а именно: соборная во имя Св. Афанасия, патриарха Александрийского», основанная, по сведениям митрополита, примерно в VII в.⁵¹. Местные жители называли ее монастырем, «вероятно, потому что в ней живет митрополит». Церкви Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Успения Пресвятая Богородицы и Св. Мученицы Параскевии были, по замечанию Должикова, «не весьма старыми». Церкви Св. Великомученика Димитрия и Св.Пророка Ильи носили «на себе печать древней греческой архитектуры». Они были сильно повреждены бомбами. Эта участь постигла и церковь Св. Мученицы Марины. Должиков дал объяснение произошедшем разрушениям церквей: «Положение их и более

того, что они служили туркам наблюдательными башнями, с которых они замечали движения наших войск и флота, заставило русских обратить на них истребительное действиес своих пушек». Русский офицер специально поднимался наверх в этих церквах: «Вид, расстилающийся отселе, очарователен: сначала необозримый Понт-Эвксинский, потом цепи гор, тянувшихся уступами с противоположных сторон крепости, понижаясь постепенно, кажутся упирающимися в море и, обнимая его с севера и юга, образуют залив, усеянный судами. Богатые дары весны лежат на покатостях сих гор, из коих дальние покоятся в приятном для глаз тумане. Нельзя не заметить при сем, что основатели древних обителей и церквей повсюду были люди неравнодушные к изящной природе»⁵².

Внимательный взгляд Должикова отметил, что в одной из башен цитадели раньше была «церковь Св. Феодора, ныне упраздненная». Высокие стены церкви Св. Димитрия были покрыты живописью: «с чувствами глубокого презрения к малодушному мщению, видишь следы бессильной злобы мусульман на лицах Святых, оставшихся еще на церковных стенах», – писал русский офицер. Он также узнал, что «в 2 часах езды от крепости по направлению к северу у моря находится маленький монастырь Св. Константина и Елены, а подле оного развалины монастыря Св. Иоанна»⁵³. В Варне имелась армянская церковь, при которой жил архимандрит, «глава здешних армян».

Второй вопрос, поставленный перед Должиковым «одной почтенной особой», касался определения «степени образованности и религиозности греческого духовенства». Мнение его было не в пользу греческого клира: «Судя по здешнему духовенству, можно заключать с достоверностью, что вообще образованность греческого духовенства недалеко отстоит от просвещения жителей, которые о многих, давно установленных предметах в нашем европейском быту не имеют даже поверхностного понятия»⁵⁴. Русский офицер, в результате своих исследований и бесед с греческими священнослужителями, пришел к неутешительному выводу: «Никто из них не в состоянии как следует наставить прихожанина своей церкви в истинах религии, подкрепить его колеблющуюся совесть: ибо многие едва умеют читать свой молитвенник и вместо того, чтобы научать, сами имеют нужду быть наученными»⁵⁵. Причину такого печального положения дел Должиков видел в многовековом турецком господстве:

«Политика турецкого правления, стараясь во владениях своих ослабить силу христианской религии и даже, если б возможно, совсем уничтожить церковь Христову, была поводом, что многие из докторов и обрядов Веры пришли в неуважение между здешними христианами. Многие из священнослужителей, пользуясь влиянием сей политики, предавались жизни крайне соблазнительной для паствы, которая не имела никаких средств запретить им то; ибо таковые всегда пользовались милостями какого-либо турецкого чиновника, а епископы всегда были умерены в предписываемых подчиненным наказаниям, опасаясь, чтобы строгим с ними поведением не оскорбить их и не принудить оставить монашеской жизни вместе с христианскую верою, чему немало было примеров. Поныне нередко видишь в числе посетителей кофейных священников, курящих табак»⁵⁶. Вероятно, русские священники говорили греческим о недопустимости для них подобного пристрастия.

«Думаю, – писал русский офицер, – что редкие из священников исполняют долг свой из любви и усердия к Богу, но считают Церковь главным источником своего корыстолюбия, и потому здешние христиане достойны сожаления тем более, что порывы чистой любви к Богу одушевляют их. Перенося с удивительным терпением самые ужасные угнетения, они, подобно всем страждающим, обращаются к Богу, притекают в храмы Его, молятся от искренности сердца, усердно ставят свечки перед образами, вздыхая, ударяют себя в грудь, и как наибольшая часть из них, в особенности женский пол, не знают греческого языка, на коем отправляется литургия, то все внимание их обращено более на обряды, нежели на молитвы, из коих кроме Кириа-еллейсон (Господи помилуй!) ничего не понимают; притом имеют пастырей, нимало не заботящихся о душевном состоянии своего стада»⁵⁷.

Во время Великого поста Должиков был свидетелем таинства исповедания и был потрясен, увидев, во что оно превратилось: «...это точно более походило на обряд, нежели на истинное раскаяние: ибо весьма заметно было, что ни кающийся в грехах, ни разрешающий их не знали важности сего таинства. Исповедующийся, встав перед своим духовником, рассказывал ему, а иногда и прохаживаясь по церкви, грехи свои, как обыкновенные, вседневные происшествия, случаи, приведшие его к согрешениям, не обращая никакого внимания на читаемые при сем обычные молитвы, и получил отпуск без всякого умиления»⁵⁸.

Русские офицеры приходили в недоумение, наблюдая, что у христиан Варны «считалось позволительным заключать браки и венчать в самый пост, исключая Великий и Успенский; но ныне сие по влиянию русского правительства запрещено»⁵⁹. П.П. Должиков подчеркивал, что «турецкое правительство не упускало ничего, клонящего к разрушению святости христианской религии, и тем самым старалось в порабощенных греках поколебать последнюю их приверженность к оной». Одним из примеров подобных «многих вкравшихся отступлений от главных доктринах Веры» может служить участие «митрополита, особы монашествующей, при совершении обрядов венчания»⁶⁰. Должиков попытался понять, почему такое нарушение имело место в Варне. «Впрочем, если бы это не было следствием ослабления Веры и не страстью к корыстолюбию, то можно было отнести к одному из древнейших постановлений Апостольской церкви тех времен, когда епископы и священники для первых христиан составляли одно и то же лицо и были блюстителями и исполнителями обрядов». Но со временем, «когда избранные духовенства... при постепенном умножении верующих нашли нужным для лучшего исполнения своих обязанностей разделиться на два класса, то монашествующее или черное духовенство, отрекшись от мира, предоставило белому или светскому духовенству исполнение многих обрядов, которые требуют сообщения с оным; то в наше время несоблюдение всего, постановлениями Святых Отец на Вселенских Соборах утвержденного, должно приписать не чему иному, как видимому упадку Веры»⁶¹. Должиков делал неутешительный прогноз: «Одним словом, если греки останутся еще на несколько веков под тягостным игом магометан, то, нет сомнения, что они утратят веру свою, как утратили язык, науки и искусства»⁶².

Что же касается самого обряда венчания, то Должиков нашел, что он был схожен в общих чертах с обрядом, совершаемым в России. Но он отметил и местный этнографический колорит: «брачную чету осыпают в церкви пшеницею, яко аллегориою богатства и плодородия», и «все родственники жениха и невесты, сделав земной поклон митрополиту, который сам читает главные молитвы венчания, отдают потом такие же поклоны новобрачным, как бы последнее с ними прощание... К числу еще некоторых особенностей должно упомянуть о том, что во время совершения венчания один из родственников жениха навязывает на

посох митрополита большой белый платок, а один из монахов обходит предстоящих с блюдом, собирая также приношения для митрополита. По выходе новобрачной четы из церкви на улицах из домов ее снова осыпают пшеницею. Пламенеющий факел брака, и в мифологии служивший знамением Гименея, не забыт доселе здешними греками. Его носят перед новобрачными и, когда приходят в дом жениха, то сажают его с невестою около факела, поставив его у ног их. В это время родственники сажают к ним на колена посторонних детей, приговаривая желания, дабы и они были столь счастливы, чтобы имели около себя подобных малюток»⁶³.

Внимание Должикова привлекло своеобразие церковного хода 6 января на Крещение, который ему отчасти напомнил «обручение Венецианского Дожа с морем». По окончании литургии митрополит в сопровождении жителей крепости, «предшествуемый священными хоругвями», вышел из крепости к морю. Несмотря на «бывший тогда холод и сильное волнение», на берегу процессию ожидали четыре пловца. Митрополит взошел на подготовленный помост и по совершению молитвы кинул далеко в волны кипарисовый крест. Пловцы бросились его ловить. Один из них, поймав крест, показал его народу. Едва он вышел на берег, «толпы народа хлынули лобызать священный символ христианства, который после того с торжеством понес счастливый пловец по домам, получая в каждом за свое посещение по несколько пар*». Должиков подчеркнул, что «со времени последнего восстания греков эта церемония была запрещена»⁶⁴.

Если в описании Должикова обряд проходил вполне благопристойно, то в начале 1860-х гг., по свидетельству русских дипломатов, в море всегда происходила драка, иногда соперники брались даже за ножи, так что «турецкие заптии** принуждены бывали разнимать ревностных христиан». Затем победитель в море в сопровождении своих товарищей носил крест по всему городу, заходя в дома, кофейни, кабаки, собирая деньги (бакшиши). Вечером весь сбор пропивался в веселой компании. Русский вице-консул в Варне А.А. Ольхин (1862-1865) не раз пытался прекратить «этот варварский обычай», чорбаджии и митрополит Порфирий (1847-1864) соглашались с ним, что «обычай унижен до отвратительного», но

* Пара – мелкая турецкая монета, равная $\frac{1}{4}$ пиастра.

** Заптии – жандарм в Турции.

отказывались его уничтожить, ссылаясь на привычку у народа. В 1865 г. архимандрит Григорий, посланный Константинопольской патриархией временно исполнять обязанности митрополита Варненского, внял замечаниям Ольхина и распорядился, чтобы крест после того, как он был вынут из воды, сразу отнесли в церковь. Таким образом, сообщал Ольхин посланнику в Константинополе Н.П. Игнатьеву 15 января 1865 г., избежали «тасканья креста по кабакам» и предупредили «бесчинства», которые прежде сопровождали праздник Крещения⁶⁵.

Но вернемся в 1829 год. Многовековая власть турок наложила свою печать на все стороны жизни христиан. П.П. Должиков подчеркивал, что «во владениях Оттоманской империи находятся не только селения и города, но и целые округи, коих жители – христиане из греков и болгар, кроме турецкого языка, не знают никакого другого, и между коими не сыщете ни ученого, ни художника. Я доселе не встретил здесь ни одного грека, который бы знал о славе своих предков. Они усвоили себе склонности, обычаи и мнения своих повелителей. Многие даже не зовутся настоящими греческими именами, полученными при Св. Крещении, а заимствуют оные от турков»⁶⁶. В церкви во время литургии местные жители стояли в чалмах и шапках, русские смотрели на них с негодованием. Варненцы заметили, сколь для новых хозяев города это неприятно, и надо «отдать справедливость», отмечал Должиков, «они снимают их, если в церкви заметят хотя одного русского». Впрочем, Должиков считал, что это было следствием «привычки и того, что прежде они, подобно туркам, ходили с бритыми головами, теперь почти все из них отпустили волосы, и при встрече с русскими забывают водившееся на Востоке обыкновение приветствовать, прикладывая правую руку к груди или к губам и голове, но приподнимают свои черные чалмы»⁶⁷.

П.П. Должиков не мог не рассказать об одном обычай, «сохранившемся издревле у здешних греков», который он считал «разительным и достойным подражания». Варненские христиане приносили в церковь всех своих «отчаянно и продолжительно больных», ставили для них постели подле местных образов и, заплатив 10 пар в сутки, уходили, «дав время страдальцам в сем священном убежище... припомнить все дела жизни своей». Автор статьи свидетельствовал, что иногда в церкви бывало по несколько человек больных, и священник совершал литургию посреди лежащих⁶⁸.

Но вместе с тем у русских вызывало удивление то обстоятельство, что во время осады Варны многие семейства поселились в церквях домами и не торопились уходить из них после снятия осады. Русские офицеры также были удручены, что христианами Варны «в церквах даже во время богослужения не соблюдается при всей их набожности той чинности, которая введена у нас». Должиков рассказывал, что «в большие праздники церкви бывают полны народом; в обедни, отправляемые за упокой, всем в церкви раздают беззенежно свечки, при выходе же подносят водку, хлеб и отваренную пшеницу с изюмом»⁶⁹. Сравнение архиерейского служения в Варне и в России, проведенное Должиковым, было не в пользу первого. Огромная разница заключалась не в том, что в Варне отсутствовала многоценная утварь, сколько не создавалось привычной для русского верующего атмосферы, когда «важность с простотою, приличие с великолепием... и согласный хор певчих погружают душу в благоговение». Митрополит Филофей и 2 священника совершили литургию. «Обедня была прерываема несколько раз неумением церковников, начинавших петь не те молитвы, и гневом на них митрополита... Кресло архиерейское состояло из высокого стула со спинкою, которое он сам хотел перенести из средины церкви в алтарь, но кто-то из предстоящих помог ему в этом. По совершении обедни все бывшие в ней прикладывались ко кресту и клали по несколько пар (копеек) на блюдо, стоявшее перед митрополитом. По окончании он положил весь сбор в карман и вышел из церкви»⁷⁰.

П.П. Должиков коснулся и отношения греческого клира к болгарской пастве. «Патриарх часто делает злоупотребления своей власти в особенности против безответных болгар, поставляя им епископов таких, которые предпочитают греческий язык болгарскому, и литургии отправляют на первом, которого болгары не понимают, равномерно и священников ставят им, предпочитающих греческий язык, в намерении сблизить их и подчинить совершенно власти своего духовенства. Патриарх не упускает сего никогда из виду, и вообще все греки с завистью смотрят на болгар, если они имеют свою церковь и священника»⁷¹.

«Почтенную особу», составившую вопросник для Должикова, интересовало и следующее: «имеет ли турецкое правительство влияние на назначение в митрополиты и другие духовные места». Должиков отметил отсутствие у греков особых преград, чтобы быть избранным

в духовное сословие, требовалось желание, соединенное с «поверхностным знанием греческого языка». Он также сообщил об обычной практике продажи духовных званий, которая существовала в Константинопольской патриархии: «Патриарх Константинопольский имеет титул Все святейшего, прочие патриархи Блаженнейших. Достоинство сие покупается. Верховный визирь дает на оное грамоту...»⁷². Митрополиты покупают свои места у патриархов. Должиков рассказал о симонии и подчеркнул вред, который она приносила церкви, пастве и вере. По мнению русского офицера, «турецкое правительство, желая действовать успешнее на греков, делало всегда их духовенство орудием своих намерений»⁷³.

«Раболепство духовенства к повелительным туркам в иных случаях весьма было унизительно; например, прислуга пашей и других чиновников в дни Господских праздников приходила поздравлять митрополита и он должен был дать ей деньги; она не упускала повторять визиты свои и в дни Байрама, Рамазана и др. турецких праздников... В случае какого-либо гнева турецкое правительство все негодование свое изливало на первейших из духовенства и богатейших из жителей». Так, во время последнего восстания греков турки «через предательство одного грека» упредили заговор. «В Варне тогда казнили старшего протопопа Мануила, 6 человек богатейших жителей и еще нескольких из ближайшего селения, которые давно уже обращали их зависть своим богатством; имение их взято было в казну». Должиков выразил уверенность, что митрополит варненский архиепископ Захарий не миновал бы виселицы, если бы он не скончался за несколько дней до этого⁷⁴.

Многовековое турецкое владычество сказалось и на архитектуре церквей. «Христианам не позволялось строить во всех владениях Порты церквей своих на открытых местах.... Вот почему церкви здешние, исключая двух или трех..., построены в глухих, скрытых местах и до половины углублены в землю, так, что черепичные их крыши легко можно достать рукою, и, идя по улице, никак нельзя подозревать, чтобы в сих строениях заключались храмы Господни»⁷⁵. Тяжесть иноверческой власти отзывалась и в том, что церковные ходы и колокольный звон были запрещены. Турки же, по рассказам варненских христиан, позволяли себе входить в церковь во время литургии с трубками и «делали в ней разные бесчинства, забирали даже оттоле жителей на земляную работу»,

поэтому, полагал Должиков, христиане служили литургию за 2 часа до рассвета, и то «тщательно запирая двери при самом тихом пении молитв. В особенности жители терпели во время осады крепости»⁷⁶.

Общий вывод русского офицера о современном ему состоянии образования у христиан и православной веры в Варне был неутешителен. Однако греческое восстание внушало надежду на будущее: «Видя грубое невежество нынешних греков, их наклонность к проискам, низкую неблагодарность, готовность к изменам, мертвое равнодушие ко всему изящному, великому; видя самые первоначальные науки изгнанными из среды их – невольно удивляешься, как могли они решиться на великое дело избавления. Но, видно, мера жестокостей превзошла еще меру пороков и унижения сего народа. Станем, однако, надеяться, что, может быть, в сынах Эллады, оглушенных вековыми тиранствами, вновь пробудится и доблесть предков, и горделивое чувство их высокого происхождения»⁷⁷.

Русские войска, оставшиеся после кампании 1828 г. в Болгарии на зиму, испытывали огромный недостаток в продовольствии, теплых вещах, топливе и теплых квартирах. Заболеваемость и смертность были особенно высокими среди солдат. Настоящее бедствие принесла чума. В Варне ее признаки проявились в конце апреля 1829 г. Главный врач русской армии К.К. Зейдлиц (1798-1885), впоследствии президент терапевтической клиники при Медико-хирургической академии, весной 1829 г. спешивший добраться до Главной квартиры русской армии, не смог не заехать в Варну, где предполагал найти «воинственное оживление» и увидеть город, об осаде которого он столько слышал. «Крепость Варна расположена полумесяцем в обширной морской бухте, на рейде стояло множество купеческих и военных кораблей; направо и налево от города по берегу были расположены лагерем наши войска. Белые палатки посреди зеленоющих полей, красные плоские крыши домов и сверкающее море представляли собой поразительное сочетание цветов». Однако западные ворота города оказались запертыми, в город Зейдлиц прошел через восточные. Он отправился в госпиталь, где нашел только доктора Салмоновича, «который один остался в живых и принужден был исполнять обязанности и аптекаря... Город был совсем пуст: и жители, и войска выведены из зараженного места; дома и лавки заперты»⁷⁸.

В течение кампании 1829 г. Варна сохраняла свое значение как порт, в который доставлялись из России грузы, необходимые для снабжения армии. Русские войска оставались в Варне до октября, когда по Адрианопольскому трактату крепость была взорвана.

Нельзя не признать, что в воспоминаниях и записках русских офицеров – участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг., где рассказывалось об осаде Варны, современному читателю не хватает сведений этнографического характера. Однако их отсутствие является обоснованной закономерностью. С приходом русских войск к Варне окрестные селения опустели, местные жители находились за крепостными стенами. Изредка лишь мелькнет в записках сообщение о перебежчице-болгарине, доставившем информацию о турках. После капитуляции офицеры вместе со своим полком прошли торжественным маршем через город, но затем вернулись на свои бивуаки. Без сомнения, они еще не раз посещали Варну, ходили по ее улицам, но служебные обязанности и спешная подготовка к новому походу на зимние квартиры, который был не менее трудным из-за осенней распутицы и наступивших холодов, не позволяли углубиться в какое-либо серьезное исследование, как достопримечательностей разрушенного города, так и его населения. К тому же в той суматохе, которая царила в Варне в связи с организацией отправки в Россию 6 тыс. пленных турок, христианское население по своей малочисленности просто терялось в толпах мусульман, покидающих город или собирающихся уезжать.

Подавляющее большинство рассмотренных нами в статье записок принадлежит перу молодых офицеров, получивших, как правило, отличное образование в Пажеском корпусе, в Царскосельском лицее. Они воспитывались в эстетике романтизма, воспевавшего роскошь и негу Востока. Но реальность Европейской Турции в то время оказалась весьма далекой от ожидаемой, согласно литературе, экзотики. Но, несмотря на разочарование в своих ожиданиях, русские офицеры с симпатией, уважением и сочувствием отнеслись к местному населению, терпевшему бедствия от разорительной для них войны. Для Фонтона, например, характерно употребление эпитета «добрый» при упоминании болгарина. Он всегда отличал славных, плотных по сложению болгар-молодцов. Должиков в невежестве христиан обвинял политику Турции, в печальном положении болгар – их греческих

священников. И надо отдать должное офицерам – им не было присуще пренебрежительное или высокомерное отношение к болгарам, которое явно прослеживается в известных письмах ученого-археолога В.Г. Теплякова. Приехав в Варну по поручению Одесского музея древностей для поиска античных памятников, он жил в городе, ходил по его улицам, заходил в церкви, но при этом даже не потрудился поинтересоваться ни названиями, ни количеством их в городе. О самом христианском населении, «чалмоносных болгарах, армянах и греках», Тепляков отзывался достаточно свысока и нелицеприятно: «Вот армянин смуглый и молчаливый, вот болгар с тупою невыразительностью лица и тяжеловесною машинальностию движений; вот грек, наконец, быстрый и проворный, с разбегающимися глазами и с хитрой двусмысленной физиognомией...»⁷⁹. Единственным человеком, который в то время поставил перед собой задачу изучить и описать одежду, быт и нравы болгар, собрать их фольклор, являлся Ю.И. Венелин, посланный в 1830 г. Российской академией в ученое путешествие по Болгарии. Но в разоренной Варне он не смог осуществить его.

Варна была первой значительной победой России в войне 1828-1829 гг. В 1829 г. русскую армию ждал блестящий Забалканский поход, знакомство с болгарским населением Румелии и Адрианопольский мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1828. С. 4.

² Фонтон Ф.П. Воспоминания Фонтона. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии. 1828-1829. Лейпциг, 1862. Т. 1. С. 177.

³ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский архив (РА). 1885. № 2. С. 193.

⁴ Вельтман А.Ф. Странник. М., 1977. С. 102.

⁵ В «Отечественных записках» при написании фамилии П.П. Должикова была допущена ошибка – П. Должников. Оказалось, что П.П. Должиков был членом-соревнователем Общества истории и древностей российских, т.е. являлся кандидатом в действительные члены. В 1827 г. он прислал в Общество сведения о находящихся в Черниговском городском магистрате грамотах, универсалах, а также известия о двух летописях, хранившихся в библиотеке Черниговской семинарии. В 1832 г. в Общество «от соревнователя, 19-го Егерского полка штабс-капитана Должикова из Варшавы» пришло «письмо о памятнике язычества и каменосечного искусства славян вислянских

с приложением бронзовой медали древнего мизийского города Марцианополиса, развалины коего находятся в Болгарии, вблизи крепости Варна» // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. VIII. С. 174.

⁶ Купреянов П. Я. Действия Праводского отряда в 1828-1829 гг. Посмертные записки генерала Купреянова с планом) // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 167.

⁷ Андрианов П. М Русско-турецкая война 1828-1829 гг. // История русской армии 1812-1864 гг. М., 2003. Т. 2. С. 400-407.

⁸ Лукъянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 году. // Сын отечества и Северный архив. (СОКА). 1833. Т. 33. № 2. С. 116-117.

⁹ Глебов П. Н. Осада Варны в 1828 г. // Отечественные записки (ОЗ). 1843. Т. 29. № 8. С. 58.

¹⁰ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. // Журнал министерства народного просвещения. Прибавление. 1844. № 1. С. 10-11.

¹¹ В 1391 г. Варна была завоевана турками-османами. 1 января 1443 г. был объявлен Крестовый поход на турок, чтобы остановить их натиск на Центральную Европу. Но 10 ноября 1444 г. в битве при Варне султан Мурад II нанес сокрушительное поражение польскому королю Владиславу III.

¹² Глебов П. Н. Осада Варны в 1828 г. С. 58.

¹³ Там же. С. 59.

¹⁴ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку (из записок старого егеря) // Военный сборник (ВС). 1877. № 2. С. 370.

¹⁵ Голицын Н. С. Записки князя Н. С. Голицына (1828-1829) // Русская старина. 1881. Т. 32. № 9. С. 101.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 107.

¹⁸ Лукъянович Н. А. Три месяца... С. 114.

¹⁹ Там же. № 3. С. 162.

²⁰ Там же. № 4. С. 220.

²¹ Лукъянович Н. А. День под Варною (отчет другу). // СОКА. 1830. Т. 10. № 11. С. 269.

²² 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 371-372.

²³ Там же. С. 372-373.

²⁴ Лукъянович Н. А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. СПб., 1844. Ч. 2. С. 49.

²⁵ Лукъянович Н. А. Три месяца... // СОКА. 1833. Т. 33. № 4. С. 237-238.

²⁶ Глебов П. Н. Воспоминания. Письмо 1. // СОКА. 1834. Т. 46. № 52. С. 598.

²⁷ Ботъянов И. В. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 г. // Морской сборник. 1869. Т. 103. № 8. С. 29.

²⁸ Купреянов П.Я. Указ. соч. С. 177.

²⁹ Ботьянов И.В. Указ. соч. С. 30.

³⁰ Еропкин В.М. Мои воспоминания о Турецкой кампании 1828 г. // Русский архив. 1877. Кн. 3. № 12. С. 413.

³¹ Глебов П.Н. Осада Варны. С. 94.

³² Должиков П. Отрывок из походного дневника сержского офицера // ОЗ. 1830. Т. 41. № 118. С. 230.

³³ Там же. С. 231-232.

³⁴ Там же. С. 233, 235.

³⁵ Муравьев А.Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 71.

³⁶ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОКА. 1833. Т. 33. № 5. С. 273.

³⁷ Муравьев А.Н. Мои воспоминания. С. 71.

³⁸ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

³⁹ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОКА. 1833. Т. 33. № 5. С. 276.

⁴⁰ Должиков П. Отрывок из походного дневника сержского офицера. С. 236.

⁴¹ Там же.

⁴² Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 16.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Муравьев А.Н. Мои воспоминания. С. 71.

⁴⁹ Должиков П. Наблюдения русского офицера в Варне // ОЗ. 1829. Ч. 39. № 113. С. 459-460.

⁵⁰ Там же. С. 436.

⁵¹ Она сгорела в 1836 г., вновь построена в 1838 г.

⁵² Там же. С. 433.

⁵³ Там же. С. 434.

⁵⁴ Там же. С. 436.

⁵⁵ Там же. С. 438.

⁵⁶ Там же. С. 437.

⁵⁷ Там же. С. 438.

⁵⁸ Там же. С. 439.

⁵⁹ Там же. С. 440.

⁶⁰ Там же. С. 442.

⁶¹ Там же. С. 443.

⁶² Там же. С. 444.

⁶³ Там же. С. 441.

⁶⁴ Там же. С. 460.

⁶⁵ Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. София, 1990. Т. 2. С. 143. № 65.

⁶⁶ Должиков П. Наблюдения русского офицера в Варне. С. 444.

⁶⁷ Там же. С. 445.

⁶⁸ Там же. С. 450-451.

⁶⁹ Там же. С. 446.

⁷⁰ Там же. С. 447.

⁷¹ Там же. С. 455.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 452.

⁷⁴ Там же. С. 453.

⁷⁵ Там же. С. 457.

⁷⁶ Там же. С. 458.

⁷⁷ Там же. С. 466.

⁷⁸ Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878. С. 20.

⁷⁹ Тепляков В.Г. Письма из Болгарии. М., 1833. С. 33.

O. B. Медведева

Г.В. ВАЩЕНКО – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСУЛ В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ

Герасим Васильевич Ващенко – российский дипломат, чья служебная деятельность связана с Балканами. Исследователи, занимающиеся проблемами отношений России с Сербией, Дунайскими княжествами с середины 30-х годов XIX в., знают его донесения из Орсова, Галаца, Белграда, Адрианополя, где он служил в качестве консула или генерального консула. Но о начальном этапе его дипломатической карьеры в исторической литературе нет сведений, за исключением поверхностной и отрицательной характеристики, данной ему Г. Раковским и повторенной М. Арнаудовым¹.

Однако в материалах Архива внешней политики Российской империи сохранились не только донесения Г. В. Ващенко из мест более позднего пребывания, но и его личное дело, фамилия в описях о награждениях российских подданных орденами и делах о кадровых вопросах Министерства иностранных дел России. Настоящей удачей явилась находка подлинных документов первого консульства в болгарских землях – в Сливене, о существовании которого в литературе имелись лишь краткие упоминания.² Обнаруженные нами документы позволили по-новому взглянуть не только на многие аспекты болгарской истории этого периода, но и на личность Г. В. Ващенко – первого и единственного российского консула в болгарских землях до их освобождения от турецкого ига.

В данной статье мы расскажем, насколько позволяют архивные данные, о начальном периоде деятельности Г. В. Ващенко.

Он родился в 1790 г. Начал службу 3 июня 1803 г. в Изюмском уездном суде копиистом. 19 мая 1811 г. был переведен в Одесскую гражданскую полицию и 31 декабря 1812 г. произведен в губернские секретари. По-видимому, Ващенко хорошо зарекомендовал себя, так как ровно через три года, 31 декабря 1815 г., был произведен в коллежские секретари со старшинством, а в 1817 г. определен в ведомство Государствен-

ной коллегии иностранных дел в Константинопольской миссии. Так началась дипломатическая карьера Г.В. Ващенко. 31 декабря 1818 г. он был произведен в титулярные советники со старшинством, а 5 ноября 1821 г. отмечен первой в своей деятельности государственной наградой – орденом св. Владимира 4 степени. В мае – октябре 1826 г. он, уже коллежский асессор, входил в состав уполномоченных, участвовавших в переговорах в Аккермане. В середине 1828 г. Ващенко вернулся в Россию, но пробыл здесь недолго. Уже через две недели он был откомандирован к полномочному председателю Диванов Дунайских княжеств Ф.П. Палену. С сентября 1829 г. Ващенко – надворный советник со старшинством. 11 февраля 1830 г. он указом Николая I был назначен консулом в Сливен.³

Назначение российского консула во внутренние болгарские земли, не предусмотренное постановлениями мирного договора, вызвало осложнения в отношениях между Россией и Турцией. Порта расценила это назначение как стремление царского правительства побудить болгар к переселению. Российской дипломатии потребовались значительные усилия, чтобы назревавший конфликт был предотвращен⁴.

Тот факт, что при таких обстоятельствах на пост первого консула России в район, явившийся эпицентром спорных проблем между двумя государствами после только что окончившейся войны, был назначен Г.В. Ващенко, свидетельствует о том, что он уже к этому времени имел репутацию человека, способного осуществить задачи, стоявшие перед российской дипломатией на этом направлении.

Как известно, открытие российского консульства в болгарских землях в 1830 г. было вызвано острой необходимостью присутствия там представителя России в сложных условиях осуществления только что подписанного Адрианопольского мирного договора 1829 г. Основной задачей консула был надзор за выполнением статей мирного договора и, в первую очередь, статьи XIII. Согласно этой статье, для тех болгар, которые выступали во время только что окончившейся войны на стороне русских войск, предусматривалась полная амнистия, гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность имущества. Российская дипломатия усилила ее рядом оговорок, которые разрешали всем желающим болгарам, не опасаясь никаких притеснений, на протяжении 18-ти месяцев после заключения мирного договора продажу

имущества и беспрепятственное переселение со своими семьями в другую страну, избранную по их усмотрению. Ситуация, сложившаяся в болгарских землях после подписания Адрианопольского мира, вызвала у значительной части христианского населения юго-восточных районов страны – болгар и гагаузов – стремление покинуть свою родину из опасений за свои жизни. Размеры стихийно формировавшейся болгарской эмиграции в Россию ускорили прибытие российского консула в болгарские земли. Осуществление надзора за выполнением ст. XIII о гарантиях болгарскому населению, обеспечивавших их личную безопасность, преследовало и другую цель – остановить эмиграцию болгар, «которая мало соответствует интересам России и будет гибельна для Османской империи».⁵

Однако задачи, поставленные перед Г. В. Ващенко, не ограничивались только этим. Не прав был болгарский историк С. Табаков, считавший, что никаких других дипломатических поручений, кроме защиты болгар от мести турок, российский консул не имел. Он отдавал должное деятельности Ващенко по защите болгар, однако считал бесполезным искать в архивах консульские донесения, тем более могущие подтвердить или опровергнуть мнение Г. Раковского и М. Арнаудова о том, что консул был неблагонадежным, суровым в обращении с людьми человеком, что у него не сложилось добрых отношений с местным населением и по жалобе болгар российскому посланнику в Стамбуле он был отозван из Сливена.⁶

Материалы первого российского консульства в болгарских землях, обнаруженные нами через 150 лет в Архиве внешней политики Российской империи, показывают, сколь многообразны были предписания российского МИДа Г.В. Ващенко. Помимо инструкций об образе действий, ему предписывалось также наблюдать за делами, сообщать о хозяйственном развитии и торговле, о возможных эпидемиях, о настроениях жителей, действиях османского правительства и т. п. Как свидетельствуют документы, консул стремился точно выполнять все предписания. Его донесения, регулярные и подробные, записки о состоянии хозяйства, развитии торговли и ремесел в болгарских землях в период его пребывания там, передают реальную обстановку начала 30-х годов XIX в. Отчеты и донесения Ващенко позволяют довольно полно узнать о хозяйственном и демографическом состоянии этих об-

ластей Османской империи после недавно окончившейся войны. Эти документы довольно подробно показывают условия жизни болгарского и турецкого населения в тот сложный период, а самое главное – позволяют характеризовать самого консула как человека, глубоко сочувствовавшего болгарам, неравнодушного к их бедам, стремившегося активно решать возникавшие проблемы в пользу болгар.

Консульские материалы касаются практически всех сторон жизни болгарского общества того времени. Из них видно, в каких чрезвычайно трудных условиях пришлось жителям этих районов восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Главная трудность для болгарского населения состояла в национально-угнетенном положении христианских подданных Порты. Хотя еще до войны сultанское правительство предпринимало первые шаги по смягчению национальных противоречий в империи,⁷ на деле положение христиан не изменилось. Болгары не верили обещаниям султана, данным после войны, в 1829 г., и свидетельством тому была их массовая эмиграция после ухода русских войск за Дунай. Опустошение земель, бывших житницей государственной казны империи вследствие войны и эмиграции, необходимость остановить массовый отток болгар и вернуть уехавших, восстановить порядок, без которого невозможно функционирование хозяйственного организма, явились толчком к дальнейшему развитию реформаторской деятельности Махмуда II в области национальных отношений. Был принят ряд мер по улучшению положения немусульманского населения в империи, явившихся предтечей реформ 1830–1850-х гг. Ващенко в своих донесениях подробно сообщает обо всех этих мерах центральной власти.⁸ Местным властям были разосланы приказы «знать все беды, которые толкают их (болгар – О. М.) на этот чрезвычайный отъезд, чтобы предотвратить его и помочь тем, кто остается».⁹

Все эти меры, требования интересоваться реальным положением христианских подданных были новым, невиданным ранее явлением в системе управления Османской империи. Г.В. Ващенко находил эти меры правильными и считал, что «если все отданные приказы будут выполняться, то христиане жаловались бы напрасно». Однако, отмечал он далее, чиновники и местные власти «не придают этому большого значения и предоставляют делам идти как прежде».¹⁰ Да и представители центральной администрации не были уверены в том, что приказы будут

исполняться на местах. Вот почему глава османской администрации края, Гюссейн-паша, оказав при встрече российскому консулу необычайные знаки уважения, просил сообщать ему достоверные сведения о жизни Сливена и окрестностей, поскольку вовсе не может доверять в этом отношении своим аянам.¹¹

Удивительно то, что и турецкие жители воспринимали российского консула как представителя власти и иногда обращались к нему со своими проблемами. В дни отхода русских войск делегаты шести турецких сел Сливенского округа пришли к Ващенко, чтобы выразить ему как представителю России свою благодарность за хорошее поведение войск и добре отношение к жителям и даже просили консула защищать и турецкое население от притеснений аяна.¹² Бывало, что служащие турецкой администрации при решении некоторых вопросов, например, вопроса о налогах, приходили к Ващенко советоваться и спрашивали, давала ли Порта распоряжения на сей счет.¹³ Приезд российского консула в Сливен способствовал стабилизации обстановки, что признавали и местные турецкие власти.¹⁴

Деятельность Г.В. Ващенко, трудности, с которыми пришлось столкнуться беженцам в пути, а также в определенной степени меры османского правительства привели к тому, что в сентябре 1830 г. эмиграция болгар в Дунайские княжества и Россию не только сократилась, но и почти прекратилась. Началось и возвращение болгарских семей на родину. Насколько велика была вера в защиту консула, свидетельствует хотя бы такой факт: 11 болгарских семей, добравшихся уже до Силистры, вернулись в родной город, узнав, что туда приехал представитель России. Они уверяли, что многие соотечественники готовы последовать их примеру.¹⁵ В своих донесениях консул регулярно сообщал о возвращении в различные города и села Румелии жителей. «Волна эмиграции» была остановлена.

Однако нельзя говорить о том, что отношения российского консула с населением были идеальные. Наряду с приведенными фактами было и другое: обозливвшись на то, что возвращающимся болгарам отдают их дома, сады и все имущество, и решив, что это – результат вмешательства консула, турецкое население требовало его удаления, угрожало ему.¹⁶

Ващенко в своих донесениях приводит многочисленные примеры притеснений болгар турками, которые старались отыграться за свои

страхи и потери в только что завершившейся войне. Враждебность турецкого населения, помимо противостояния местных властей распоряжениям центральной власти, зачастую проявлялась и в открытой форме – в виде угроз, избиений и даже убийств христиан.¹⁷

Много жалоб и обращений к консулу со стороны болгар вызывали огромные налоги, которые, по его наблюдениям, были основной причиной их тяжелого положения. Султанское правительство, не желая мириться с потерей доходов с Силистрийского санджака, часто вопреки своим же постановлениям и обещаниям послаблений в пользу районы продолжало взимать «такие налоги, что не только христиане, но даже турки говорят, что больше не могут терпеть». Причем местные власти старались переложить большую часть налогового бремени на болгар.¹⁸

Документы свидетельствуют, что со всеми невзгодами, в поисках справедливого решения своих проблем болгары шли к консулу, видя в нем защитника. Первые же встречи Г.В. Ващенко с болгарами показали, что они очень расширительно толкуют функции представителя России в Сливене, считая, что он должен заниматься всеми делами, почти заменяя султанскую администрацию. Приходилось объяснять, что единственная его задача – защищать права болгар согласно Адрианопольскому трактату.

Как следует из документов, консул был в курсе всех забот, которые волновали болгар Сливена и окружающих городов и сел. В соответствии с предписанием «не вмешиваться в домашние дела» страны пребывания, Г.В. Ващенко должен был соблюдать осторожность, чтобы не вызвать нареканий со стороны Порты. Лишь в крайних случаях ему разрешалось прибегать к «официальным наставлениям, используя внушения и советы».¹⁹ Но документы свидетельствуют, что консул занимал активную позицию в деле защиты интересов болгар. Он не только заступался перед местными турецкими властями за обижденных, не только давал им советы обращаться за помощью к высшей турецкой администрации, но и сам сообщал паше и его каймакаму (наместнику) о нарушениях местными властями постановлений в отношении христиан. Следует отметить, что обращения Ващенко зачастую встречали положительную реакцию у паши Адрианопольского и наместника Гассан-бея. Так, по представлению консула верховный правитель Силистрии «наказал и сместил аянов ряда городов за злоупотребления против болгар».²⁰

Естественно, что эта деятельность Г.В. Ващенко вызывала недовольство турок. В одном из донесений он писал: «Турецкий народ, … видя своеволие свое несколько обузданным, приписывает сие действиям моим».²¹ Выше мы уже говорили, что турецкое население требовало удаления российского консула из Сливена, поскольку его деятельность в защиту болгар мешала туркам творить произвол, «несколько обуздала» его.

Это понятно. Но почему в болгарской исторической литературе упоминается жалоба болгар на действия консула как на причину его отзыва из Сливена? Ведь из документов яствует, что Г.В. Ващенко защищал интересы болгар и часто весьма успешно. Почему тогда болгары написали жалобу, причем с требованием его удаления? И то, что не удалось турецкому населению, удалось болгарам, по настоятельным требованиям которых и был направлен в Сливен представитель России?

Ответ на этот вопрос не удалось найти Л.И. Степановой, которая в своей статье, посвященной истории создания и основным аспектам деятельности российского консульства в Сливене, написала, что свидетельств о конфликте консула с болгарским населением и недовольства им она не обнаружила. Говоря о причинах закрытия консульства, автор сочла, что «функции его были исчерпаны», что и «привело к естественному затуханию его деятельности».²² Но нам удалось найти ответ на этот вопрос в документах сливенского консульства.

Из донесений следует, что российский консул, несмотря на предписание «не вмешиваться в домашние дела болгар», часто принимал сторону бедняков, что вызывало недовольство зажиточных болгар (Ващенко называл их нотаблями или старейшинами). Так, когда при проведении очередной переписи населения в 1832 г. турецкие власти на местах в сговоре с зажиточными болгарами старались переложить большую часть налогов на болгар-бедняков, он вступился «за беззащитных перед аяном Сливена, и тот был вынужден отменить повышенные поборы с бедняков, возложив их на зажиточных болгар».²³

Но настоящий конфликт во взаимоотношениях Ващенко с болгарской верхушкой общины Сливена и округи назрел по другому поводу. О причинах и развитии этого конфликта повествуют подробные донесения о ситуации, сложившейся в абаджийстве (сукноделии) – основном

занятии жителей этого края. Сливен издавна славился тем, что здесь выделяли отличного качества сукно.

Из донесений явствует, что в 1831 г. в Сливене и округе начались государственные поставки сукна (абы) для османской армии, когда казной впервые было заказано 40 тыс. штук абы. В последующие годы заказы возрастили – до 50 тыс. штук в 1833 г. В том же году были введены поставки сукна для флота – по 5 тыс. штук для Сливена и Котела. Естественно, заказы были значительным стимулом для развития этого производства. Г.В. Ващенко отмечал, что поставки в таких количествах не были затруднительны для местного населения, так как только в Сливене ежегодно производилось более 100 тыс. штук абы.²⁴

Но донесения консула о ходе выполнения этих заказов позволяют на примере конкретной ситуации, сложившейся в крае в данной отрасли производства, увидеть, как происходил процесс первоначального накопления капитала, и те социальные явления, которые он вызвал в болгарском обществе данного района.

Хотя выполнение заказов на абу не вызывало, по словам консула, затруднений, оно привело к ухудшению положения простых ремесленников. Г.В. Ващенко считал, что причиной этого является отсутствие порядка и справедливости в распределении поставок. Большой спрос на сукно способствовал обогащению верхушки болгарского общества, сращиванию ее с турецким чиновничим аппаратом, ускорению социального расслоения. Старейшины и чорбаджии (торговцы шерстью) «использовали возложенное на них поручение к извлечению собственных своих выгод за счет общества, а особенно беднейших из граждан». Они сделались основными поставщиками шерсти, превратив поставки сукна в монополию и совместно с аяном, кади и воеводой («надзоритель торговых сборов города»), как поясняет Ващенко) Сливена установив настоящий диктат в сбыте этой продукции. Подкупами и обманом они получали специальные фирманы, позволявшие только им закупать шерсть в селах, причем по самым низким ценам, и продавать ее ремесленникам по установленным ими произвольно высоким ценам, а также скупать готовое сукно по самым низким ценам. По словам Ващенко, размеры государственных заказов позволяли выполнить их за 3 месяца, а остальное время ремесленники могли бы работать с пользой для себя. Но местная турецкая администрация совместно с болгарской верхушкой («спекуля-

торы», «люди, не пользующиеся доверием местных жителей и известные лукавством своим», как характеризует их Ващенко) произвольно увеличили срок поставок, продлив их на весь год, чтобы «сие время они одни только покупали абу, из которой самую низшую отправляли в Константинополь для войска, а лучшую продавали тайно высшими ценами посторонним покупщикам, которые платили воеводе за позволение вывезти товар из города».²⁵ По сообщениям консула, сливенский аян и его приспешники под предлогом образования товарищества по закупке шерсти пригласили 20 человек из абаджийского цеха и собрали с них от 5 до 10 тыс. пиастров в качестве взноса до получения денег из казны. И хотя позднее правительство выплатило всю сумму, цеховым денег не вернули. Аян же «удалил всех цеховых от участия в торговле, определив для того прежних поставщиков и несколько евреев».²⁶

В своих действиях аян и его приспешники не останавливались ни перед чем. Когда болгарским старейшинам Котела удалось принести жалобу на беззакония сливенского аяна своему соотечественнику, видному турецкому сановнику Г. Богориди, те «очернили старейшин перед правительством до того, что оно повелело фирмам пятерых из них сослать в ссылку».²⁷

Г.В. Ващенко отмечал, что все это сливенский аян и воевода делают в согласии с богатыми болгарами города, «которые в силу личных интересов более турки, чем христиане». Притеснения со стороны местных властей совершились не только «по согласию с болгарскими старейшинами и при деятельном их содействии», но и «по их подстрекательству на эти жестокости по отношению к болгарам». Дружеский совет консула болгарским старейшинам не притеснять своих сограждан монополией на поставку сукна, а справедливо распределить поставки, «не имел другого действия, кроме неудовольствия».²⁸ Г.В. Ващенко располагал сведениями о «раздорах» между различными слоями болгарского населения и в других городах края.

Эти действия местных властей поставили жителей в полную зависимость от узкого круга лиц. Для бедняков продажа сукна оказалась даже убыточна, монополисты же «чувствительно выгадали». Все происходящее вызвало «всеобщий ропот» среди населения.²⁹ Болгары-ремесленники Сливена не раз обращались по этому поводу к консулу, который в подобных внутренних конфликтах старался быть очень осторожен,

советую жаловаться высшим властям. Осуждая несправедливые действия местных турецких властей и верхушки болгарского общества, Г.В. Ващенко, однако, не смог оставаться равнодушным и не раз сам доводил до сведения высшей османской администрации истинное положение дел. Так, при встрече в Рущуке (современный Русе) с каймакамом пашалыка он сообщил, сколь тягостна для бедных жителей поставка сукна, монополизированная нескользкими лицами. Гассан-бей обещал ходатайствовать перед правительством о справедливом порядке выполнения государственных заказов на сукно. И в 1833 г. был издан фирманс о праве жителей свободно покупать шерсть в соседних округах «по вольным ценам». Однако в ход пошли взятки, и соответствующие документы на покупку шерсти вновь оказались у нескользких лиц. Жители снова были вынуждены покупать у них сырье по высоким ценам.³⁰

Беззакония, творимые аяном, воеводой и богатыми болгарами, вызывали крайнее недовольство как болгарского, так и турецкого населения края и их совместные действия против притеснителей – была направлена общая жалоба на них рушукскому паше, что само по себе было невиданным явлением, и свидетельствует о крайней степени накала страстей. Представители населения пришли к консулу, и тот поддержал их обращение к правительству Румелии. По этой жалобе Гюссейн-паша прислал для проверки одного из своих доверенных людей. В результате проверки жителям Котела были отданы «в собственное их управление сбор городских доходов и выбор для этого начальника по усмотрению их, а селимскому аяну оставлен только сбор абы, и то без принуждения, но единственно купеческим образом».³¹

В Сливене же аян по подозрению в жалобе на него «арестовал членов двадцать цеховых, удалил всех цеховых от торговли на рынке сукна, запретил продажу шерсти по селениям под опасением жестокого наказания... Таким образом, – писал Г.В. Ващенко, – люди, не имея шерсти, остаются без работы, и выделка абы может от того замедлиться». Отношение сливенского аяна к российскому консулу стало открыто враждебным. Он запретил болгарам общаться с ним и «держит как поднадзорного». А богатые болгары, заинтересованные в сохранении своей монополии на поставку абы, подстрекали аяна на жестокое обращение с бедняками; на самого же консула подали жалобу сераскеру (главе военного ведомства), обвинив его в подстрекательстве болгар к

неисполнению поставок «мятежным способом». Одно из донесений Г. В. Ващенко содержит объяснения в связи с этой жалобой.³²

Итак, как видим, жалоба была. Но не от простых болгар, к которым российский консул, по словам М. Арнаудова, жестоко относился. Как свидетельствуют документы, в конфликте, возникшем в сливенском округе в связи с государственными поставками абы, Г.В. Ващенко принял сторону «обижаемых» простых ремесленников, поддержал их жалобы верховным властям пашалыка, и это вызвало ответные действия тех, в чьих интересах было сохранение своей монополии в городе и кому мешали действия представителя России. Ими были болгарские «нотабли» – верхушка болгарского общества, из среды которых вышел Г. Раковский. Возможно, что именно от окружавших его в детстве и отрочестве людей он слышал негативные отзывы о личности российского консула, на которых и сформировалась его оценка личности и деятельности Г.В. Ващенко. И лишь через полтора века обнаруженные документы позволили установить подлинный ход развития событий и причину, вызвавшую отзыв первого российского консула в болгарских землях. Именно твердая позиция в защите интересов простых болгар стоила Г.В. Ващенко его отзыва из Сливена. Как видим, ближе к истине оказался в оценке деятельности консула С. Табаков.

Конечно, активная позиция Г.В.Ващенко в этом вопросе противоречила тем инструкциям об образе действий, которые он получил при своем назначении, это было вмешательство в сугубо внутренние дела местного населения. Можно предположить, что царское правительство, придерживаясь своей политики поддержания дружественных отношений с Портой, не хотело обострять ситуацию (тем более, что основная цель учреждения консульства – остановить массовую эмиграцию болгарского населения – была выполнена) и отзывало Г. В. Ващенко. Приказ о его отзыве из Сливена и причислении к Коммерческой канцелярии в Константинополе датирован 13 (25) октября 1833 г. Незадолго до этого, 22 августа (4 сентября) дипломат был пожалован Знаком отличия «Безупречность службы за XX лет».³³

Консул покинул город в декабре 1833 г. Последнее его донесение датировано 9(21) декабря. Ему было предписано при отъезде объявить местным властям и болгарским старейшинам, что «высочайший двор

отнюдь не уничтожает в оном городе консульства», что в случае необходимости Г.В. Ващенко будет наезжать в Сливен.³⁴

Следует отметить, что события в Сливене не сказались отрицательно на дальнейшей карьере Г. В. Ващенко. Он был отзван в Константинополь в качестве управляющего Коммерческой канцелярии с сохранением звания и оклада консула. В следующем году ему было увеличено жалование. Уже в сентябре 1835 г. он был назначен консулом в Молдавии и получил две большие денежные премии. В дальнейшем Г.В. Ващенко был консулом в Орсовой (март 1837–апрель 1839 гг.), генеральным консулом в Сербии (апрель 1839–сентябрь 1843 гг.), с сентября 1845 г. долгое время он был сначала вице-консулом, затем генеральным консулом в Адрианополе. Закончил дипломатическую службу Г. В. Ващенко в чине статского советника со старшинством, имея несколько Знаков отличия «За безупречность службы», 2 ордена св. Анны 2-ой степени и орден св. Владимира с мечами.³⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раковски Георги С. Горски пътник. Нови Сад, 1857; Арнаудов М. Селимински. Живот–дело–идеи (1799–1867). София. 1938.

² Там же; Табаков С. История на град Сливен. София, 1924. Т. 2; Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; Матеева М. Чуждите консулства в българските земи през Освобождението. // Международни отношения. 1976. № 1; она же. Консулските отношения на България 1879–1988. София, 1988; Стоилова Т. Първи опит за откриване на руското консулство в българските земи. // Военноисторически сборник. 1983. № 2.

³ АВПРИ. Ф. ГА. III–I. Оп. 95; ф. ГА. IV–I. Оп. 118; ф. ГА. IV–I–14. Оп. 160. Биографические данные Г. В. Ващенко по этим материалам публикуются впервые; Медведева О.В. Открытие первого российского консульства в болгарских землях // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009. С. 103–118.

⁴ Медведева О.В. Когда говорят документы. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008. С. 216–217.

⁵ Медведева О.В. Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России). // Советское славяноведение. 1988. № 4; она же. Проблемът за българска емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломация. // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; она же. Когда говорят документы., Степанова Л.И. Первое

консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830–1833). // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989.

⁶ Табаков С. Опит за история на град Сливен. София, 1924. Т. 2. С.166–168; Раковски Георги С. Указ. соч. С. 122–127; Арнаудов М. Указ. соч. С. 137.

⁷ Тодорова М. Англия, Россия и Танзимат. М., 1983. С. 37.

⁸ Подробно: Медведева О.В. Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. (По донесениям первого российского консула в Сливене Г. В. Ващенко). // Вестник Приднестровского университета. Тирасполь. 2005. № 1. С. 110–125.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Посольство в Константинополе (далее – ПК). 1830. Д. 813. Л. 27 об.

¹⁰ Там же. Л. 47–47 об.

¹¹ Там же. 1832. Д. 818. Л. 46–46 об.

¹² Там же. 1830. Д. 813. Л. 84 об.–85.

¹³ Там же. Л. 38.

¹⁴ Там же. Л. 57–58.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. 1831. Д. 817. Л. 67–69 об.

¹⁷ Там же. 1832. Д. 818. Л. 41 и др.

¹⁸ Там же. 1830. Д. 813. Л. 75 об., 66, 183. В рассматриваемый период в болгарских землях существовало 182 вида налогов (см. Манко В.А. Второто масово преселване на българите в Русия в периода на руско-турската война 1828–1829 гг.// Военно-исторически сборник. София. 1966. № 2. С. 60).

¹⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив (далее – ГА). IV–2. 1829–1831. Д. 1. Л. 16–21.

²⁰ Там же. Ф. ПК. 1833. Д. 820. Л. 41 об.

²¹ Там же. 1831. Д. 817. Л. 17; д. 818. Л. 11–12.

²² Степанова Л.И. Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830–1833). // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989. С. 168.

²³ АВПРИ. Ф. ПК. 1832. Д. 818. Л. 76–77.

²⁴ Там же. 1833. Д. 819. Л. 45 об.

²⁵ Там же. 1832. Д. 818. Л. 48–49; 1833. Д. 820. Л. 46–46 об., 58–61 об., 66–67.

²⁶ Там же. 1833. Д. 820. Л. 85.

²⁷ Там же. Л. 46.

²⁸ Там же. 1832. Д. 818. Л. 49 об., 68; 1833. Д. 819. Л. 148; д. 820. Л. 50–51 об.

²⁹ Там же. 1832. Д. 818. Л. 85–85 об.; 1833. Д. 819. Л. 106–108.

³⁰ Там же. 1832. Д. 818. Л. 49, 85 об.; 1833. Д. 819. 108 об., 148–149.

³¹ Там же. 1833. Д. 820. Л. 84.

³² Там же. 1833. Д. 820. Л. 47–48, 58–67.

³³ Там же. Ф. ГА. IV–I–14. Оп. 160.

³⁴ Там же. Ф. ПК. 1833. Д. 819. Л. 342–344.

³⁵ Там же. Ф. ГА. I–I. Оп. 19; IV–4 – IV–10.

В.М. Хевролина

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ДО НАЧАЛА 70-Х ГГ. XIX В.

История славянства во многом трагична. Сформировавшиеся в конце I – начале II тысячелетия на юго-востоке Европы славянские государства вскоре стали жертвой агрессоров и в XIV в. прекратили свое существование. Только на северо-востоке удалось выстоять Руси в кровавой борьбе против тевтонов, татаро-монголов, а затем османских завоевателей. Разобщенные славянские народы, оставаясь во власти захватчиков, тем не менее, стремились сохранить духовное единство, основанное на племенной общности, единоверии, языке и исторических традициях. Они возлагали свои надежды на все усилившуюся северную державу, видя в ней свою освободительницу, а Россия рассчитывала на помочь славян в достижении одной из своих главных geopolитических и исторических задач – выхода к южным морям и Черноморским проливам.

О регулярных военных связях южных славян с Россией можно говорить с начала XVIII в. Это – участие сербов и черногорцев в Прутском походе Петра I, создание по инициативе последнего гусарских полков из выходцев с Балкан в 20-40-е гг. XVIII в., переселение значительного числа сербов в южные пределы России в середине XVIII в. в созданный оборонительный пояс укреплений. В русско-турецких войнах второй половины XVIII – начала XIX вв. помочь русским войскам оказывали добровольцы из сербских и болгарских земель.

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия получила право покровительства православным подданным Османской империи, что способствовало усилению русско-славянских связей.

Стремление России использовать славянские народы Балкан в интересах своей политики на южном направлении (продвижение к Черному морю и Черноморским проливам, укрепление своих позиций на Балканах) выразилось также в появлении в конце XVIII – начале XIX вв. различных проектов создания христианских государственных образований

на Балканах, выдвигаемых как правительственные («Греческий проект» Екатерины II), так и общественными кругами. Среди последних следует отметить проект директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского, предусматривавший создание союза славянских народов в форме федерации независимых государств (1803 г.), проект основателя Харьковского университета В.Н. Каразина, военного писателя и участника экспедиции адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземном море В.Б. Броневского и других¹. Характерно, что одновременно подобные проекты выдвигались и некоторыми деятелями зарубежного славянства, рассматривавшими Россию как свою освободительницу. Так, карловицкий митрополит С. Стратимирович в 1804 г. выдвинул план создания автономной Сербии, что могло бы послужить первым шагом к созданию славяно-сербского государства под покровительством России².

И после поражения Первого сербского восстания в 1813 г. подобные планы продолжали разрабатываться в славянской среде. Так, черногорский архимандрит Д. Владевич писал в 1814 г. министру иностранных дел России о том, что, победив Наполеона, Россия должна принять покровительство над Сербией, Болгарией, Албанией, а также Далмацией и Ионическими островами³.

Однако решения Венского конгресса 1815 г. и создание Священного союза похоронили мечты славян об освобождении от власти турок и создании славянской федерации с помощью России. Главной задачей российской политики в это время были стабилизация положения в Европе и сохранение «европейского равновесия». В этих условиях активная поддержка национально-освободительного движения балканских народов, тем более создание славянской федерации под эгидой России были невозможны. Александр I не желал вступать в серьезный конфликт с Турцией и Австрией, всячески демонстрируя верность принципам Священного союза. Единственное, на что могла пойти Россия – добиваться дипломатическим путем выполнения русско-турецких договоров (Бухарестского и Адрианопольского) об облегчении положения славян и предоставлении им некоторых автономных прав Сербии, что могло бы послужить первым шагом к созданию славяно-сербского государства под покровительством России.

В то же время русское общество, проявлявшее глубокое сочувствие к освободительной борьбе сербов, черногорцев и других балканских

народов, требовало от правительства активной политики в их защиту. Русская литература и публицистика значительно усилили внимание к Восточному вопросу. Идея славянской федерации обсуждалась демократами, а также представителями нового течения русской общественной мысли – славянофилами. А.С. Пушкин одним из первых создал яркий образ болгарского гайдука, сражавшегося в повстанческой армии Александра Ипсиланти, а затем выданного русскими властями туркам (повесть «Кирджали», 1834 г.).

Всеобщее разочарование вызвали решения Адрианопольского мира 1829 г. по болгарскому вопросу. Давший автономию Сербии и независимость Греции договор оставил болгар в прежнем положении. Отчасти именно этим было вызвано появление известных стихотворений славянофильского поэта А.С. Хомякова («Прощание с Адрианополем», «Орел» и др.), а также молодого Ф.И. Тютчева, мечтавшего о братском единении славян и их надеждах на Россию. Негодование славянофилов в связи с балканской политикой Николая I, не желавшего поднимать вопрос об улучшении участия славян, нередко вызывало недовольство правительства. Царь боялся обвинений Европы, считавшей его политику агрессивной и панславистской.

Славянофилы между тем приобретали все больший вес в общественных кругах. Основные их идеи заключались в противопоставлении Запада и России, в утверждении особности славянского мира, присущих славянским народам высших духовных ценностей и истинной веры православия. Большое место в славянофильской идеологии занимал тезис о главенствующей роли России среди славян, о ее объединительной миссии. Некоторые славянофилы были сторонниками освобождения славян от османского и австрийского владычества и создания славянской федерации под эгидой России.

С 20-40-х гг. XIX в. умножаются поездки представителей российского общества в славянские земли, налаживаются связи с лидерами славянского освободительного движения в Европе Ф. Палацким, Ф. Ригером и другими. Большую роль в установлении русско-славянских связей играл М.Ф. Раевский, настоятель русской посольской церкви в Вене, тесно связанный с представителями освободительного движения славянских земель, находившихся в составе Австрии. В результате этих встреч, растущего интереса российской общественности

к истории, культуре, быту и современному положению зарубежных славян в России укрепляются позиции славянофилов, выдвигавших идеи славянской солидарности и помощи освобождению славян от османского и австрийского господства. В произведениях российских поэтов и журналистов все чаще звучат мотивы братского единения славян и России и неизбежного содействия последней славянскому освобождению (А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, К.С. и И.С. Аксаковы, А.К. Толстой и др.). С особой силой эта тема развернулась в славянофильской литературе в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. К этому времени славянофилы приобрели уже влияние в русских общественных кругах. Основные их идеи заключались в противопоставлении Запада и России, в утверждении особости славянского мира и присущих славянским народам высших духовных ценностей – истинной веры, православия.

Большое место в славянофильской идеологии занимал тезис о главенствующей роли России среди славян и ее освободительной миссии. После освобождения славян от османского и австрийского господства, по мысли славянофилов, они должны были составить федерацию славянских государств во главе с Россией. Члены федерации, по подобию России, должны были быть монархиями. Однако война, по идее славянофилов, не только должна была содействовать освобождению славян от иноземного ига, но и способствовать «очищению» самой России от многих пороков крепостничества, беззакония, бесправия народа, казнокрадства, засилья бюрократии и коррупции. Славянофильская критика подобных пороков вытекала в том числе и из их убеждения в том, что богоугодное, прогрессивное дело – освобождение славян – должно быть осуществлено «чистыми руками». Именно с этого времени в русском обществе укрепилось сознание, кратко выраженное последующими поколениями: чистое дело требует чистых рук.

Хотя славянофилы и не причислялись правительству к антигосударственным элементам, их либеральная позиция по вопросам внешней и внутренней политики вызывала серьезное недовольство высших сфер, что выражалось в периодическом закрытии славянофильской прессы, строгой цензуре, а подчас и арестах особо активных деятелей славянофильства. В прямой связи с этим можно считать и закрытие Кирилло-Мефодиевского братства на Украине в 1848 г.

Славянофилы представляли консервативное крыло российских либералов. Либерально-демократические круги России занимали иную позицию по славянскому вопросу. Идея демократической славянской федерации была выдвинута еще декабристами (Общество соединенных славян). Образование такой федерации предусматривало задачу радикальных преобразований социального строя России. Федерация представляла собой равноправные демократические республики, объединявшиеся в союз только в период внешней агрессии. Впоследствии отдельные положения этой схемы нашли отражение в материалах Кирилло-Мефодиевского братства, идеях петрашевцев, А.И. Герцена, М.А. Бакунина и других представителей революционной демократии в России.

Проблема революционно-демократической трактовки славянского вопроса в русской общественной мысли изучена весьма подробно в работах М.В. Нечкиной, И.С. Достяян, В.А. Дьякова и других российских исследователей.⁴ Слабой стороной этих исследований является неучет международных отношений, являвшихся одним из главных условий, способствующих развитию национально-освободительных движений, в том числе и на Балканах. Ведь Балканский регион был предметом живейшего интереса не только России, но и многих стран Европы, пытавшихся использовать в своих целях освободительную борьбу славянских народов.

С этим, несомненно, связан и рост интереса в России к славянам на кануне и после Крымской войны. Либеральные деятели в 40-50-х гг. XIX в. считали своей важнейшей задачей знакомить российского читателя с жизнью зарубежных славян. Они издавали очерки и записки о своих путешествиях в славянские земли, а также добивались от правительства публикации в прессе наиболее интересных донесений российских консулов. Либеральные публицисты считали, что национальное сознание балканских славян все более пробуждается и что они заявляют право на национальную самостоятельность, становясь важнейшим субъектом европейской истории. Поэтому славянам надо оказывать большие внимания и помочь как дипломатического, так и культурного характера. Либералы порицали правительство за сохранение политики «слабого соседа» в отношении Османской империи. Как известно, поражение России в Крымской войне существенно ослабило ее позиции в Европе

и на Балканах. Оно показало военную, экономическую и социальную слабость России по сравнению с передовыми европейскими странами. Чтобы избежать участия второстепенной державы, России необходимо было укрепить свои позиции в Европе, и самым реальным способом это можно было сделать, восстановив и усилив свое прежнее влияние на Балканах. При этом следовало сохранять и хорошие отношения с Турцией. Это отвечало геополитическим задачам страны, во многом лишившейся своей былой роли в Черном море и Балканском регионе.

Факты наглядно показывают, какими методами действовала Россия, стремясь использовать славянский мир в своих интересах. Правительство существенно расширило консульскую сеть в христианских провинциях Османской империи, содействовало укреплению уже существующих балканских автономий (Сербия, создание на базе Дунайских княжеств единой Румынии, независимой де facto Черногории). С помощью консулов был установлен тщательный и постоянный надзор за исполнением султанского указа – хатт-и-хумайюна 1856 г., якобы уравнившего в правах всех подданных Османской империи без различия национальности и религии.

Впервые в истории России к этой деятельности было подключено общество: русская православная церковь активизировалась на Балканах, щедро помогая церквам, в Москве в 1858 г., а затем в Петербурге в 1869 г. были созданы общественные организации – славянские комитеты, развернувшие на Балканах широкую сеть своих агентов с целью оказания материальной и культурной помощи церквам и школам.

Казнью и благотворителями были выделены большие средства для обучения в России на казенный счет славянской молодежи (только одних болгар обучалось в университетах, училищах, школах, духовных академиях несколько сот человек). В дальнейшем они осуществляли просветительскую деятельность на родине. К этой деятельности были привлечены известные русские ученые, писатели, журналисты, которые считали своим долгом помочь братским народам преодолеть культурную отсталость, улучшить их правовое и социальное положение, облегчить национальный и политический гнет. Литераторы и журналисты подробно освещали положение славян, знакомя общественность с их жизнью и борьбой за национальное освобождение. И.С. Аксаков и Ф.И. Тютчев, Н.П. Огарев и Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов.

красов, Н.В. Шелгунов и К.Н. Леонтьев, А.Н. Пыпин и А.С. Суворин, В.П. Мещерский и Г.М. Успенский, В.В. Верещагин и В.И. Немирович-Данченко и многие другие деятели литературы и культуры России различных идеинных направлений выступали в защиту славян. И когда в 1875 г. разразился новый Восточный кризис, российское общество в едином порыве решительно потребовало от правительства оказания помощи братским народам вплоть до военного выступления. Именно общество в лице его идеиных руководителей и поддерживавших их народных масс заставило колеблющееся правительство начать войну за освобождение славян.

Огромная литература, существующая в России по этому вопросу, подтверждает роль общественности в объявлении Россией войны Османской империи. Правительство, опасаясь потерять контроль за стихийными выступлениями масс, отступило перед волей народа. Конечно, решение правительства начать войну не исчерпывалось желанием общества. Основную роль играли геополитические и стратегические цели, правительство рассчитывало на их реализацию в ходе войны (создание славянских государств на месте провинций Османской империи, изменение режима проливов в интересах России, усиление присутствия России на Балканах и др.). Однако в военно-экономическом плане Россия не была готова к широкомасштабной войне, и вооруженный конфликт, рассматривавшийся многими военными как краткосрочная прогулка к Стамбулу, на деле превратился в трудный путь кровавых битв, штурмов, осад и болезней, унесших более 200 тыс. жизней русских солдат.

Война и послевоенный период существенно скорректировали позицию русского общества в отношении славянского мира. Общепринятое клише о славянском единстве и братстве, основанном на общности религии, единоплеменности, любви славянских народов к России и т.д., претерпело существенные изменения. То, что было ранее очевидно, в основном, для внешнеполитических кругов, более осведомленных о настроениях балканских славян, постепенно начало осознаваться и русским обществом. Славянский мир оказался далеко не так един и сплочен, как это представлялось ранее. Он был разделен на отдельные самостоятельные народы, каждый из которых имел свои, собственные национальные задачи – как территориального, так экономического и

религиозного порядка, у каждого были собственные представления о будущей структуре политической жизни, свои внешнеполитические предпочтения. В экономическом, социальном и политическом плане народы находились на разной ступени развития, не говоря уже о религиозном различии. Территориальные притязания и династическое соперничество балканских владетелей еще больше подливали масла в огонь. Несмотря на то, что ряд представителей русского общества указывал ранее на эти факторы, общество в целом мало прислушивалось к ним, находясь в эйфории, питаемой благородной задачей славянского освобождения.

Восточный кризис 70-х гг. XIX в. внес изменения в позицию российских общественных кругов по славянскому вопросу. Последняя подверглась существенной корректировке. Были более четко сформулированы задачи российского образованного общества и его роль в широком движении сочувствия народных масс России славянской борьбе. Славянская проблема теперь тесно увязывалась с вопросами внешней и внутренней политики России, она активно обсуждалась в общественных кругах и привлекала внимание деятелей самых различных общественно-политических направлений.

Подъем национально-освободительного движения славянского населения Балкан и вызванное им широкое народное движение сочувствия в России заставили все круги русского общества вплотную заняться вопросом не только о судьбе славян, но и о будущем самой России, поставив на очередь дня необходимость проведения кардинальных преобразований в государственной, экономической и общественной жизни страны. Кроме того, именно славянский вопрос и проблемы будущего славян надолго определили дальнейший внешнеполитический курс России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы (от Радищева до декабристов). М., 1980. С. 46-48.

² Достян И.С. Планы основания славяносербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972. С. 99-101.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С. 81-82.

⁴ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2; она же. Общество соединенных славян. М.-Л. 1927; Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846-1847). М., 1959; Достянь И.С. Русская общественная мысль...; Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993 и др.

A.C. Стыкалин

ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА. ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ 1849 Г. И КАПИТАН ГУСЕВ

Февраль 1945 года. Еще продолжались кровопролитные бои за Будапешт, когда писатель-коммунист Бела Иллеш, носивший мундир полковника Красной Армии, предпринимает по поручению красноармейских политорганов выпуск газеты «Новое слово» (*«Új Szó»*), рассчитанной на широкого венгерского читателя. 6 февраля, во втором номере газеты, была опубликована первая из программных статей нового издания. Речь в ней шла о том, как в начале XVIII в. Петр I помогал мощному антигабсбургскому движению во главе с князем Трансильвании Ференцем Ракоци. Статья носила открыто полемический характер. В соответствии с полученным политико-идеологическим заказом Иллеш направил острие своей критики против старой, хортистской («реакционной») историографии, которая «упорно замалчивала» все имевшие место в 1703-1711 гг. факты сотрудничества Петра I и Ракоци, находившихся, согласно версии автора, в постоянной связи друг с другом. Именно теперь, после разрыва Венгрии с «третьим рейхом», настало, по мнению писателя, время обратиться к устраниению сложившегося в литературе перекоса, т.е. к изучению той части «нашего исторического наследия», которая была связана с много вековой борьбой венгерского народа с немецкой экспанссией на Восток. Как подчеркивалось в газете *«Új Szó»*, активизация усилий в этой области – есть насущная задача для всех историков, не желающих, чтобы венгры и дальше продолжали выступать в качестве наемников немцев, а в результате становились их жертвами¹.

Тезис о более тесном, нежели считалось ранее, союзническом взаимодействии Петра I и Ракоци² не был документирован историческими источниками, что, однако, не помешало ему быть востребованным пропагандой. С конца 1940-х годов он надолго становится общим местом в венгерской политико-пропагандистской литературе по истории, пе-

рекочевывает из нее и в учебные пособия. Первую попытку поставить этот миф под сомнение в публичном выступлении предпринял на волне XX съезда КПСС выдающийся историк Домокош Кошари (будущий президент Венгерской академии наук). «Сколько раз ко мне приходили жаловаться на то, что в учебнике по истории для средних школ подробно описывается, как артиллерия и солдаты Петра Первого помогали Ракоци в освободительной борьбе, хотя учащиеся точно знали, что во всем этом нет ни слова правды», – говорил он 30 мая 1956 г. на дискуссии об актуальных вопросах марксистской истории, организованной Кружком Петефи³. После подавления в ноябре 1956 г. венгерского восстания выступление Кошари, смело пытавшегося противостоять любому рода историческим фальсификациям, стоило ему трех лет тюремного заключения.

Опубликованная 6 февраля 1945 г. статья Иллеша явилась, вероятно, первой, но далеко не последней, одной из многих в ряду других публикаций первых послевоенных лет, авторы которых стремились «в духе времени» отметить пагубность германского влияния на развитие Венгрии и ее культуры, противопоставить это влияние другим, более плодотворным источникам развития – французскому, британскому и не в последнюю очередь российскому. Что же касается заявленной в этой программной статье установки на культивацию традиций антинемецкой, антигабсбургской освободительной борьбы венгерского народа, то она не только требовала наполнения избранной схемы историческими фактами (которых было в достатке), но и имела в качестве «обратной стороны медали» подчеркивание значимости восточных и прежде всего прорусских ориентаций в венгерской политике и культуре разных веков.

Реализуя заявленную программу и войдя при этом во вкус сознательного мифотворчества, Бела Иллеш в следующем номере газеты, от 10 февраля, обратился к событиям 1848-1849 гг. – революции и антигабсбургской национально-освободительной войне венгерского народа, подавленной при непосредственном участии царской армии под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Перед читателями предстали образы капитана Алексея Гусева и его товарищей, осужденных царским судом за неповинование⁴. Для того, чтобы придать излагаемой версии больше достоверности, писатель сделал ссылку (фиктивную) к архивным документам, уничтожение которых можно было спisать на еще не закончившуюся войну -- в 1945 г. легче чем когда бы то ни

было можно было объяснить, почему документ не сохранился. Согласно версии Иллеша, долгое время жившего в эмиграции в Советском Союзе и выступавшего в глазах читающей публики в роли неплохого знатока советской культурной и научной жизни, в 1936 г. историки из Академии наук Белорусской ССР при изучении архивных материалов, относящихся к «венгерской кампании» 1849 г., натолкнулись якобы на папку, которая должна представить интерес не только для советских, но в еще большей мере для венгерских историков и, более того, для широкой публики в Венгрии. В папке содержалось судебное дело капитана Алексея Гусева и ряда других военнослужащих, относящееся к маю-августу 1849 г. Как явствует из статьи Иллеша, в мае 1849 г. по «делу Гусева» кроме него самого было арестовано еще 15 офицеров за ведение в войсках пропаганды против интервенции царской армии в Венгрию. В августе 1849 г. они предстали в губернском городе Минске на западе империи перед военным трибуналом. Для того чтобы устраниТЬ у читателя любые сомнения в достоверности преподносимой версии, Иллеш обильно «цитировал» некоторые положения из выступления Гусева на неправедном суде. По своему идейному содержанию они в ряде мест напрямую перекликались со статьями Йожефа Ревай и других идеологов венгерской компартии о революции 1848 г., публиковавшимися в конце 1930-х годов в газете венгерской коммунистической эмиграции «Új Hang» («Новый голос»). Желание спасти от разгрома монархию Габсбургов, говорил, в частности, Гусев своим судьям – не повод для того, чтобы проливать русскую кровь, более естественным для России было бы встать на сторону славянских народов, угнетаемых Габсбургами; победа венгерской революции избавила бы эти народы от своего угнетателя, в свою очередь и венгры могли бы найти себе в лице соседних народов надежных союзников. Таким образом, в уста капитана царской армии вкладывались призывы к единению венгров со славянами монархии Габсбургов в интересах борьбы за общую («вашу и нашу») свободу. Как резюмировал Бела Иллеш, капитан Гусев пришел к пониманию того, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, а кроме того, нельзя завоевывать национальную свободу ценой угнетения других наций – в ряде случаев литератор не устоял перед тем, чтобы приписать царскому офицеру изречение идеологем, почерпнутых из публицистики В.И. Ленина. Согласно Иллешу, Гусев понял

большое международное значение венгерской революции, осознал, что в интересах России и русского народа было бы не оказывать поддержки Габсбургам, а напротив, выступить на стороне их противников. На суде 7 из 16 подсудимых были приговорены к смертной казни. Гусев и 6 его единомышленников были казнены в Минске во дворе казармы 16 августа 1849 г. Факт проведения суда долгие десятилетия держался в секрете. Хотя оригинал судебного дела был, как утверждал Иллеш, уничтожен при оккупации Минска вермахтом, его копия по сей день должна храниться в одном из ленинградских архивов, в частности, в архиве военно-исторического музея. Зная о более чем ограниченных возможностях доступа в СССР к архивным документам, особенно для иностранцев (тем более что архивное дело находилось в ведении НКВД), писатель мог без видимого ущерба для своей репутации позволить себе «пригласить» венгерских историков по окончании войны в советские архивы, где они якобы могли бы сосредоточиться на изучении ранее не известных им фондов, содержащих ценные документы из истории венгерской революции 1848–1849 гг.

Обладавший немалым опытом практической политики литератор-коммунист (в 1925–1933 гг. – секретарь Международного объединения революционных писателей) преследовал своей публикацией актуальные политические цели – сотни тысяч венгров, подвергшихся в годы хортизма сильной пропагандистской обработке в антисоветском духе (причем, на благоприятный имидж северо-восточных соседей не слишком работало и поведение советских солдат в освобожденной ими стране в 1945 г.), следовало убедить в том, что установление тесных связей с СССР возымело бы для их страны позитивные последствия. Для обоснования правильности текущей политики, ориентированной на союз с СССР, приходилось широко прибегать к историческим аналогиям, приводить исторические аргументы. Новый политический заказ призывал как историков, так и писателей внести свою лепту в изучение и пропаганду длительных традиций сотрудничества венгерского и русского народов, реконструировать во всей ее исторической глубине картину двусторонних связей на протяжении веков. Особенно востребованными могли бы оказаться в этом контексте факты русской помощи венгерскому национально-освободительному движению. Здесь реального исторического материала не доставало и факты предстояло

искусственно конструировать, что умел делать довольно беспрогрышно Бела Иллеш, создатель мифа о капитане Гусеве.

Уверенность Белы Иллеша в невозможности опровержения венгерскими историками изложенной им версии (ввиду недоступности советских архивных документов) позволяла ему тиражировать ее в новых публикациях⁵. В том же 1945 г. обе статьи (о союзе Петра и Ракоци и о капитане Гусеве) были опубликованы и в книге о венгерско-русских исторических связях, вышедшей под редакцией Иллеша и другого представителя венгерской коммунистической эмиграции в Москве, вернувшегося на родину в 1945 г. – профессора философии Белы Фогараши⁶. В 1947 г. Иллеш, эксплуатируя свою творческую «находку», написал о капитане Гусеве в жанре художественного очерка, публиковавшегося затем во многих изданиях. В своем предисловии к сборнику рассказов, включившему в себя и очерк «Дело Гусева», писатель отмечал сохраняющуюся политическую значимость этого «дела», поскольку оно дает достойный ответ на любые утверждения о том, что русско-венгерские отношения не имеют якобы исторических корней⁷. В это время на дворе уже был 1950 год, и версии, получившие официальную поддержку коммунистической власти, никто не мог теперь опровергнуть в печати. Показательно также, что примерно одни и те же фразы Иллеш вкладывал в уста своему герою А.Гусеву и в художественном произведении, и в газетных статьях; он и при публикации художественного очерка сделал примечание о том, что якобы цитирует подлинный документ – запись выступления Гусева на суде. Задача создать у читателя впечатление достоверности описываемых событий оставалась в силе независимо от жанра, к которому прибегал автор.

Эпоха требовала мифологем, доказывающих длительность и многообразие русско-венгерских исторических связей. Вымышенный образ Гусева, поданный своим создателем в качестве реального исторического лица, оказался настолько блестящей находкой, что на него все чаще ссылаются другие авторы – не только литераторы, но и профессиональные историки, желавшие не отстать от времени. Даже такой крупный писатель, как Дюла Ийеш, отдал дань утверждению этой мифологемы, воспроизведя ее в одном из своих рассказов⁸. Переходя из одной публикации в другую и все глубже проникая в общественное сознание, миф зажил своей собственной жизнью, совершенно независимой от новых усилий своего создателя.

С легкой руки публициста Г. Хегедюша вымышленный образ Гусева начал фигурировать в одном ряду с подлинными историческими фигурами, такой, например, как находившийся на службе в русской армии офицер польского происхождения К. Руликовский, действительно перешедший на сторону борющихся за свободу венгров – он был казнен в Надьвараде (ныне Орадя, Румыния) в августе 1849 г. В газетной статье Хегедюша о Руликовском был упомянут и Гусев в качестве реальной персонажи, содержалась ссылка на публикации Иллеша⁹. Общность судеб вымышленного персонажа и реальной исторической фигуры, постановка их в один ряд усиливали впечатление достоверности «дела капитана Гусева».

В ходе венгерской кампании русской армии 1849 г. действительно имели место отнюдь не единичные случаи неповиновения военнослужащих приказам сверху, свидетельствовавшие о непопулярности этой военной акции, чуждой российским национальным интересам. Факты такого рода, зафиксированные в архивах, нашли отражение во многих работах историков¹⁰. Обращает на себя при этом внимание, что особенно склонны были к протестным формам поведения военнослужащие польского происхождения, имевшие для этого свои специфические мотивы. Многие из них, веря в возможность возрождения польской государственности, резонно воспринимали венгерское национальное движение в качестве потенциального союзника «польскому делу» (тем более что среди генералов венгерской армии были польские военачальники Ю. Бем и Г. Дембинский). Из источников выясняется, что если кто-то из офицеров русской армии и переходил прямо на сторону мятежных венгров, то, как правило, это были поляки¹¹. Но в статьях Г. Хегедюша Руликовский подавался отнюдь не как поляк, а как русский офицер, и в этом смысле мало чем отличался от Гусева. В интересах пропаганды русско-венгерской солидарности приходилось подверстывать к создаваемой исторической картине польских офицеров, что вело к заметному ее обогащению (русских героев, открыто протестовавших против действий своих властей в Венгрии, было на самом деле не так много). Миф, переходивший из одной статьи в другую, призван был подчеркнуть типический характер подвига Руликовского и Гусева как представителей прогрессивных кругов российской общественности. Г. Хегедюш шел и дальше, ставя как Руликовского, так и Гусева в один

ряд с представителями российской революционной демократии – А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским и другими симпатизировавшими венгерской революции мыслителями¹².

В 1947 г. без упоминания капитана Гусева уже обходилась редкая статья по истории русско-венгерских отношений. В марте 1947 г. на страницах той же газеты «Új Szó», издававшейся под эгидой Союзной Контрольной комиссии в Венгрии, о Гусеве как о реальной исторической персоналии впервые говорится в статье советского автора¹³. Публикация этой статьи была призвана подтвердить подлинность судебного дела Гусева уже как бы от имени советской историографии. В статье советского автора также в одном ряду фигурировали реальные и вымышленные фигуры, а усилению научного веса излагаемой версии должны были способствовать (как и в первой статье Иллеша) ссылки на несуществующие архивные документы.

В 1947 г. в общегосударственном масштабе начинается подготовка к 100-летнему юбилею революции 1848 г. В публикациях, излагающих программу юбилейных мероприятий, говорилось о планах ознакомления широкой общественности с «делом Гусева»¹⁴. Начиная с этого времени никогда не существовавший в реальности капитан Гусев попадает в пантеон героев революции 1848 г., символизируя отношение передовой российской общественности к венгерскому национально-освободительному движению – это отвечало задачам исторической легитимации политического режима, ориентированного в стратегическом плане на СССР. Важно учитывать, что царская интервенция 1849 г. плохо вливалась в усиленно создававшуюся средствами массовой информации идеализированную картину истории русско-венгерских отношений. Для того, чтобы как-то исправить положение, важно было показать, что и в реакционной царской армии были прогрессивные офицеры, радиевые за «венгерское дело». Поскольку в реальности таких офицеров было немного, для создания более внушительной картины приходилось прибегать к мифотворчеству – так был востребован образ Гусева. В программной статье, опубликованной в начале 1948 г., отмечалось, что благодаря СССР идеи 1848 г. получают реализацию на практике через 100 лет, в 1948 г.¹⁵ В статье прямо говорилось о том, что предстоящие юбилейные торжества должны быть подчинены задачам культивирования традиций советско-венгерской дружбы. Для практической реализа-

ции этой установки необходимо было привлечь большой исторический материал. Если реальных фактов недоставало, факты надо было искусственно конструировать.

По мере приближения юбилейных торжеств значимость «дела Гусева» нарастала как снежный ком. Так, в разработанную программу празднеств входило посещение Минска и возложение венков на могилу капитана Гусева и его товарищей, а также к месту их казни¹⁶. Выдвигалась также идея перезахоронить останки героев в Венгрии. Возникновение этой инициативы свидетельствовало об эффективности пропаганды – миф был воспринят всерьез, даже многие люди, принадлежавшие к политической элите, верили, что Гусев существовал реально. Более того, различные силы, противоборствовавшие (подчас довольно остро) на политической арене, стремились использовать этот миф в своих тактических интересах. На одном из писем с предложением о возложении венков, относящемся еще к весне 1947 г., стоит резолюция тогдашнего премьер-министра Ференца Надя, лидера партии мелких сельских хозяев. Другой политик этой партии, министр информации Эрне Михайфи, находясь в Москве, при встречах с советскими функционерами напрямую поднимал вопрос о возможности возложения венгерской делегацией венка на могилу¹⁷. К этому времени контролируемые компартией венгерские спецслужбы усиленно занимаются фабрикацией дела об антигосударственном заговоре, призванного скомпрометировать лидеров партии мелких сельских хозяев (в мае 1947 г. после публикации разоблачительных документов, на самом деле сфальсифицированных, Ференц Надь был вынужден подать в отставку). В условиях мощного напора со стороны своих оппонентов-коммунистов политики из партии мелких сельских хозяев, чтобы доказать как венгерскому общественному мнению, так и Москве свою приверженность далеко идущему сотрудничеству с СССР, отдали дань созданной литератором-коммунистом мифологеме. Между тем, желание высокопоставленных венгерских функционеров возложить цветы на несуществующую могилу стало не очень приятным для советской стороны поворотом в «деле Гусева». Инициативы пришло спустить на тормозах, а людей охладить. Из Москвы дали понять, что возложить венок невозможно, поскольку трудно определить, где находится могила¹⁸.

Особенно пышным цветом мифотворчество расцвело в публикациях, относящихся к месяцам юбилейных торжеств, посвященных 100-летию революции¹⁹. Очерки о Руликовском и Гусеве, двух «русских» офицерах, перешедших на сторону венгерской революции, были опубликованы на одной газетной полосе и носили взаимодополняющий характер²⁰. Эта публикация должна была способствовать тому, чтобы история с «делом Гусева» выглядела более достоверной, а с другой стороны, и образ поляка Руликовского был эффективнее использован в контексте пропагандистской кампании, призванной подчеркнуть русско-венгерское братство, длительность и глубину двусторонних общественных связей²¹. Пафос статей заключался в том, что «свободолюбивый русский народ не отождествлял себя с царским режимом», напротив, его лучшие представители солидаризировались с устремлениями венгров, борющихся за свободу. При упоминании в разных газетных и журнальных публикациях Алексея Гусева делался актуальный политический вывод: политика СССР, т.е. сегодняшней России, освободившей в 1945 г. Венгрию, в полной мере следует тем традициям, ярким выразителем которых явился в 1849 г. армейский капитан, не подчинившийся приказам своих генералов²².

В конце 1940-х годов дежурные ссылки на «дело Гусева» все чаще мелькают в научных изданиях, причем иногда даже в работах серьезных авторов²³. Уже начиная с 1948 г. о капитане Гусеве упоминается в новых школьных учебниках по истории. Очерки и рассказы о подвиге армейского капитана, принадлежащие перу не только Б. Иллеша, но и других авторов, тиражируются в детских журналах²⁴. В августе 1949 г., по случаю 100-летия казни мятежного капитана и его товарищей, была установлена памятная доска на здании министерства тяжелой промышленности в Будапеште (внешним фоном для этой акции послужил готовившийся в это время, от начала до конца сфальсифицированный, судебный процесс по делу видного деятеля компартии Ласло Райка, обвиненного во многих смертных грехах, в том числе в стремлении оторвать Венгрию от Советского Союза). В 1951 г. в честь Гусева была названа улица в столице, после чего его имени удостаиваются и улицы в провинциальных городах. Но когда в 1954 г. Институт истории Венгерской академии наук включил Руликовского в список исторических персонажей, в честь которых следовало бы назвать какие-либо объекты

в Будапеште, идея не прошла – только теперь пришла пора вспомнить, что он был поляком. Польско-венгерскую солидарность не было принято пропагандировать, зная о том, что в определенных исторических условиях она могла приобрести антироссийскую либо антисоветскую направленность. Через два года, в октябре 1956 г., именно демонстрация солидарности с польскими борцами за обновление социализма положила, как известно, начало мощному венгерскому восстанию.

В дни ежегодно проводившихся месячников советской культуры в Венгрии их организаторы стремятся синхронизировать целый ряд мероприятий, связанных с напоминанием о «деле Гусева» (публикацию статей, художественных произведений, открытие мемориальной доски, переименование улиц и т.д.). В соответствии с политическим заказом инициируются, таким образом, многосторонние пропагандистские кампании, направленные на утверждение в венгерском массовом сознании представлений о якобы реально существовавшей исторической фигуре русского офицера, публично осудившего подавление венгерской революции. Усилиями многочисленных пропагандистов формируется глянцевый образ, символизирующий дружбу двух народов и, более того, призванный исторически легитимизировать правильность политики Венгерской партии трудящихся (ВПТ), установившей к лету 1948 г. свою монопольную власть в стране, политики, направленной не просто на максимальное сближение с СССР, но на копирование репрессивной сталинской модели.

Однако какие бы мощные пропагандистские ресурсы ни вкладывались в поддержание мифа о Гусеве, этот благородный образ русского офицера все же не был способен нейтрализовать в исторической памяти венгерской нации воспоминаний о решающей роли Российской армии в подавлении венгерской революции. Это понимали и партийные идеологи. В 1950 г. возник вопрос о том, когда, в какое время года лучше проводить ежегодные месячники советской культуры. В руководстве ВПТ приходят к выводу о том, что оптимальным сроком проведения месячников стал бы период времени между 15 января и 15 февраля, тогда как 15 марта, день начала революции 1848 г. – не лучшая дата для демонстрации нерушимой советско-венгерской дружбы²⁵. Бросая тень на северо-восточного соседа, день 15 марта не очень подходил в новых условиях для того, чтобы оставаться в качестве национального празд-

ника. Хотя традиция антигабсбургской национально-освободительной борьбы и была определенным образом интегрирована в официально признанное коммунистическим режимом национальное идеиное наследие, 15 марта с 1951 г. становится рабочим днем, что не могло не задеть национальные чувства миллионов венгров. Вместо этого национальным праздником был провозглашен день окончательного освобождения Венгрии Красной Армией в 1945 г. – 4 апреля. Как отмечалось в соответствующем постановлении Госсобрания, выбор этого дня в качестве праздника подчеркивал нерушимость советско-венгерской дружбы, благодарность венгерского народа своему освободителю, «оплоту мира – СССР, и лично великому Сталину – учителю прогрессивного человечества»²⁶. Однако не все венгерское общество готово было принять в качестве национального праздника день, связанный с приходом в страну иностранных войск, пусть даже выступавших с освободительной миссией. Ежегодные неформальные празднования многими тысячами венгров дня 15 марта, принимая оппозиционный действующей власти оттенок, на десятилетия становятся серьезной проблемой для венгерских спецслужб.

Если профессиональных пропагандистов, исполнявших полученный политический заказ, мало смущало отсутствие достоверных источников о «деле Гусева», иное дело серьезные историки, не оставлявшие надежд на возможность получения доступа к архивным документам. В Венгерском государственном архиве сохранилось письмо, в котором министерство просвещения и культов в 1948 г. просило Москву через посла, известного историка старшего поколения Дюлу Секфю, предоставить копию документов о капитане Гусеве, которые могут храниться в советских архивах, в том числе в упомянутых Белой Иллешем архивных фондах военно-исторического музея в Ленинграде²⁷. В ответ на запрос венгерская сторона была информирована: в советских музеях и архивах никаких материалов о капитане Гусеве не обнаружено²⁸. Даже в тех случаях, когда речь шла о реально существующих документах, доступ к ним иностранцев был крайне затруднителен. Когда дирекция ленинградского пединститута имени Герцена обратилась в МИД СССР с просьбой о предоставлении венгерскому аспиранту М. Сабо разрешения сделать фотокопии хранившихся в открытых библиотечных фондах газетно-журнальных статей 1848–1849 гг., в МИДе сочли, что нет фор-

мальных оснований отказывать. Вместе с тем начальник историко-дипломатического управления МИД известный историк, будущий академик В.М. Хвостов заметил в своей резолюции: «С другой стороны, не может не вызвать недоумения политическая близорукость соответствующих работников Ленинградского педагогического института, считающих целесообразным занимать аспиранта-венгра историей русской интервенции, направленной на удушение венгерской революции 1848 г. Вряд ли это целесообразно с политической точки зрения»²⁹. Запрашиваемые копии, как и в ряде других случаев, так и не были изготовлены.

Доступ к документам казался нежелательным, поскольку они могли разрушить идеологемы и мифы, насаждавшиеся по всем пропагандистским каналам – через учебники, прессу, а также и через продукцию официальной историографии. Как и в Венгрии, в Советском Союзе с конца 1940-х годов о «деле Гусева» упоминается не только в газетных публикациях, но и в научной литературе. Так, в двухтомнике «Революции 1848-1849 гг.», вышедшем в 1952 г., поступок Гусева и его товарищем был приведен в качестве примера доброжелательного отношения прогрессивной части русского офицерства к венгерской революции: «капитан Алексей Гусев доказывал солдатам и унтер-офицерам своей части, что дело Венгрии – правое дело, что царское правительство воюет не ради освобождения славянских народов, а ради подавления революционного движения, и что, если венгры будут побеждены, австрийские славяне останутся под гнетом монархии Габсбургов. Гусев призывал своих подчиненных переходить на сторону венгерской революционной армии. Об агитации Гусева узнало начальство; он был арестован вместе с несколькими единомышленниками, отправлен в Россию, предан военному суду и казнен»³⁰. Сноска на конкретный источник в тексте отсутствовала.

Бесплодные поиски в архивах, как советских, так и венгерских³¹, усилили скептицизм историков в отношении достоверности «дела Гусева», поставив под угрозу мифологему Белы Иллеша. Уже в первой половине 1950-х годов упоминания о капитане Гусеве и его товарищах выпадают из венгерских учебников. Сомнительное минское судебное дело не было упомянуто в статье советского историка Р.А. Авербух «Борьба венгерского народа за независимость в 1848-1849 гг. и прогрессивные силы русского общества», опубликованной в вышедшем в

Венгрии в 1956 г. большим тиражом итоговом сборнике статей советских и венгерских авторов по истории русско-венгерских отношений на протяжении нескольких веков³². Это тем более показательно, что выше приведенная цитата из советского двухтомника «Революции 1848-1849 гг.» принадлежала именно перу Р.А. Авербух.

Если в Венгрии к середине 1950-х годов, а особенно после 1956 г., упоминания в научных работах о «деле Гусева» все более воспринимаются в среде историков как проявление дурного тона, пережиток сталинской эпохи и т.д., то в советской литературе миф продолжал по инерции цвести пышным цветом, о чем свидетельствует, в частности, статья А.В. Федорова, опубликованная в «Вопросах истории» в 1957 г.³³.

После 1956 г. Б. Иллеш уже не считался в Венгрии большим литературным авторитетом, поэтому с начала 1960-х годов дело уже не ограничивается замалчиванием мифа, в венгерской прессе появляются публикации, в которых открыто ставилось под сомнение существование капитана Гусева³⁴. В 1965 г. публицист Г. Хегедюш, который в 1940-е годы внес свою лепту в мифологизацию образа Гусева, теперь по сути дезавуировал этот образ как писательскую выдумку – в статье, отдающей должное литературному мастерству Б. Иллеша. Восхвалая писателя, автор довольно элегантно провел параллели между капитаном Гусевым и Вильгельмом Теллем, в достоверности которого сомневался мало кто из швейцарцев³⁵. В этих условиях уже и сам Б. Иллеш в 1960-е годы нигде больше не утверждал, что Гусев – реально существовавшая фигура, хотя и не отказался от новых публикаций своего художественного очерка о нем и получения за это гонораров. Как бы там ни было, в 1960-е годы образ капитана Гусева еще занимал свое место в пропагандистской, общественно-политической литературе – требования политической пропаганды оказывались сильнее стремления историков к поиску правды. В условиях, когда задача культivaции советско-венгерской дружбы оставалась приоритетной, в системе партийного агитпропа не могли и не хотели сразу отказаться от использования привычного, устоявшегося стереотипа, символизирующего братство двух народов. Тем более что новые стимулы для поддержания этого стереотипа исходили теперь из СССР.

3 апреля 1965 г. на юбилейной сессии Госсобрания ВНР, посвященной 20-летию освобождения Венгрии от нацистов, выступил высокопостав-

ленный гость из Москвы, член Президиума ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микоян. Очевидно, что кремлевские спичрайтеры, работавшие над речью, при подготовке ее разделя, посвященного истории двусторонних отношений, опирались прежде всего на работы 1950-х годов. В 1848 г., говорил Микоян, не только великие мыслители, революционеры-демократы России были на стороне венгерской революции. «Даже в царской армии были революционеры-демократы среди офицеров и солдат, которые смело выступали против тех, кто направлял их на кровавую расправу, поднимали гневный голос протesta и отказывались исполнять роль палачей. Имеются исторические документы, которые свидетельствуют об осуждении многих офицеров и солдат за нежелание пойти против венгерской революции, и мы очень рады, что наши товарищи-венгры это знают и ценят. В Будапеште есть улица капитана Гусева, который открыто заявил, что он и его товарищи не поддерживают акции русского царизма, направленной на подавление венгерской революции, что нельзя русскому народу идти против свободолюбивого венгерского народа. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что он самоотверженно говорил об этом на суде и следствии и погиб вместе с товарищами от рук царских палачей»³⁶. История капитана Гусева была поставлена в ряд проявлений общих революционных традиций, способствующих укреплению советско-венгерской дружбы в условиях строительства социализма.

Сколько ни были голословными утверждения о наличии архивных документов, они повлияли на часть общественного мнения. Через считанные недели после посещения Будапешта А.И. Микоян уйдет с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР, хотя в отличие от Н.С. Хрущева, отстраненного в октябре 1964 г., не окажется в полной опале. Как бы там ни было, выступление авторитетного, а в Венгрии особенно влиятельного советского политика (ведь именно с приездом А.И. Микояна в Будапешт мольва с полным на то основанием связывала отстранение в июле 1956 г. скомпрометированного партийного лидера М. Ракоши и другие меры по политическому разрешению венгерского кризиса³⁷), вдохнуло свежие силы в миф, хотя, конечно, и не вернуло его в венгерские научные публикации.

В момент приезда А.И. Микояна в Будапешт уже и в СССР в соответствующих научных работах авторы старались обходить стороной

фигуру капитана Гусева, зная о невозможности ее верификации надежными источниками. В фундаментальной монографии Р.А. Авербух о венгерской революции 1848 г., в разделе «Борьба венгерского народа за независимость в 1848–1849 годах и передовая русская общественность», говорилось о непопулярности в российском обществе венгерской кампании, приводились судебные дела, свидетельствовавшие о том, что было много дезертирства, имели место и случаи перехода солдат и офицеров на сторону венгров. Капитан Гусев не был упомянут, хотя со ссылкой на вышеприведенную статью А.В. Федорова, было сказано обтекаемо, приведены общие слова: «о случаях перехода русских солдат на сторону венгерской революции, о желании некоторых «воевать за венгерское дело» говорят и венгерская революционная печать того времени и материалы венгерских архивов»³⁸.

В конце 1980-х годов, на закате эпохи социализма, пришла пора проанализировать «феномен Гусева» в контексте изучения характерных тенденций венгерской историографии новейшего времени. Как писала в 1988 г. И. Рошонци в предисловии к публикации свидетельств русских участников и современников кампании 1849 г., история с капитаном Гусевым хорошо иллюстрирует плохую осведомленность не только венгерского общественного мнения, но даже профессионалов относительно русских источников по истории венгерской революции 1848 г. Только в этих условиях «дело Гусева» на протяжении десятилетий могло фигурировать в качестве исторического факта как в советской, так и в венгерской литературе, – при том, что ни в каких источниках нет ни малейших о нем упоминаний³⁹. В самом деле, хотя историки не просто поставили под сомнение, но давно опровергли факт существования Гусева, его именем продолжали называться улицы во многих венгерских городах и селах, и это питало миф. В Будапеште улица Гусева сохраняла свое название до 1990 г., до 1995 г. на министерском здании висела мемориальная доска в его честь. Еще через два года на другом столичном здании была водружена памятная доска в честь реально существовавшего К. Руликовского. Она была призвана символизировать общность польских и венгерских демократических и национально-освободительных традиций. Таким образом, повороты в «деле Гусева» (как и в деле Руликовского) совпадали с поворотами в развитии страны.

К вышесказанному можно добавить, что и сегодня даже в работах крупных российских историков имеют место случаи некритического подхода к фигуре Гусева, что объясняется историографической инерцией, недостаточным знанием достижений венгерской историографии. В качестве примера можно привести статью В.Я. Гросула, опубликованную в «Новой и новейшей истории» в 2007 г.⁴⁰, и его же монографию «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008).

Таким образом, при определенных исторических обстоятельствах вымышенный литературный образ может перевесить результаты исторических исследований, опирающихся на источники, и быть востребованным в качестве реального факта, стать феноменом историографии. «Дело Гусева» – типичный пример того, как не только реальные исторические традиции и реальное историческое знание, но и тесно связанные с ними историческая мифология и мифотворчество используются получающей официальную поддержку научной литературой для придания легитимности настоящему – прежде всего власти, ее текущей политике. Все это, конечно же, способствует усилению элементов мифологизации в историческом знании. Когда реальных фактов не достает, традицию, взятую в строго определенном идеино-политическом ракурсе, приходится искусственно конструировать методами художественного творчества⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Illés B. Rákóczi és az oroszok // Új Szó.* 1945. Febr. 6.

² Петр I действительно в 1707 г. вынашивал планы добиться избрания трансильванского князя Ференца II Ракоци польским королем. Он надеялся, что союз с ориентированным на Францию Ракоци поможет ему улучшить российско-французские отношения и расстроить дружбу между Францией и враждебной России Швецией. В сентябре 1707 г. в Варшаве был подписан договор между представителями Петра и Ракоци, в соответствии с которым российская сторона обещала содействовать усилиям «к возвращению вольности Венгерская и Семиградская» (т.е. Трансильвания, управлявшейся венгерской политической элитой). Временные успехи шведской армии не позволили, однако, реализоваться этим планам. Хотя контакты между русским и трансильванским дворами были продолжены, никакой реальной военной помощи антигабсбургскому движению во главе с Ракоци Россия не оказала, да и не могла оказать, будучи занята войнами со Швецией, а затем и с Турцией. Можно согласиться с тем, что «в запутанном переплетении интересов, характерном для европейской политики того времени, «венгерская карта» была для Петра I лишь одной из многих, причем даже не самой сильной»

(Свак Д. Венгрия и Россия: история и историки // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С.7). См. также: Штернберг Я.И. Освободительная война 1703-1711 гг. // История Венгрии. В 3-х томах. Том I. Отв. редактор В.Л. Шушарин. М., 1971. С.445-447; Посол Петра I в Ужгороде // Штернберг Я.И. Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С.53-62. Из работ последних лет см. также: Гуськов А.Г. Русско-венгерские связи в XVII – начале XVIII века: посольство Е.И. Украинцева // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI-XVIII веков. Отв. ред-р О.В. Хаванова. М., 2005. С.172-185.

³ A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. III. Történészvita. Bp., 1990. 53 о.

⁴ Illés B. Orosz tisztek Kossuth Lajosért // Új Szó. 1945. Febr.10

⁵ Мифотворчество Иллеша органично вписывалось в его творческую стратегию, направленную на достижение официального признания венгерского коммунистического режима. См.: Klimó Á.von. «A Very Modest Man». Béla Illés, or How to Make a Career through the Leader Cult // The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc. Ed. by Apor B. etc. New York, Palgrave Macmillan, 2004. См. также статьи Б. Вереша, анализирующие политическое мифотворчество Б. Иллеша, в первую очередь, на примере образа капитана Гусева: Vörös B. Illés Béla «Guszev-ügye» – avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között // Múltunk, 2006. №.3; Vörös B. Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy // Valóság, 2008. №.5. При этом надо иметь в виду, что Бела Иллеш, когда-то достаточно тесно связанный с репрессированным в СССР в 1930-е годы Белой Куном, не воспринимался послевоенным лидером венгерской компартии Матяшем Ракоши в качестве человека своей команды.

⁶ Magyar – orosz történelmi kapcsolatok. Szerk. Illés B., Fogarasi B. Bp., 1945.

⁷ Illés B. Válogatott elbeszélések. Bp., 1950. 5-6.o.

⁸ Причем, в предисловии к сборнику, содержащему рассказ, он отметил, что в этом художественном произведении фигурируют только подлинные исторические фигуры. См.: Vörös B. Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy. 106.o.

⁹ Hegedűs G. Rulikovszki ezredes emlékezete // Új Szó. 1946. Febr. 9.

¹⁰ См.: Федоров А.В. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848-1849 гг. // Вопросы истории. 1957. № 2; Аввербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. М., 1965. Из работ последних лет см.: Гросул В.Я. Русские участники зарубежных революций первой половины XIX века // Новая и новейшая история. 2007. № 4; Орлик И.И. Венгерская революция 1848-1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. Как следует, впрочем, из представленного в работах обильного материала, мотивы неповиновения могли быть разными, включая случаи дезертирства в целях поиска лучшей жизни.

¹¹ Участию поляков в национально-освободительной борьбе венгерского народа посвящена большая литература. См., например: Kovács I. «...mindvégig veletek voltunk». Lengyelek a magyar szabadságharcban. Bp., 1998.

¹² Без мифотворчества не обходилось и там, где дело касалось отношения российских революционных демократов и, в частности, Герцена, много общавшегося с Кошутом в эмиграции, к венгерской революции – анализ проблемы подменялся стереотипами, однако это уже тема другого исследования.

¹³ *Jepeticin E. Az orosz és a magyar nép történelmi kapcsolatai* // *Új Szó*. 1947. Márc. 15. В переработанной версии статья вышла также в: *Igaz Szó*. 1947. ápr. 23.

¹⁴ См.: *Új Szó*. 1947. Okt. 26; *Igaz Szó*. 1947. Nov. 12; *Új Magyarország*. 1948. Febr. 28. Для придания веса «делу Гусева» в ряде статей (вероятно, с подачи Б. Иллеша) голословно утверждалось, что документы были найдены до войны в минском военном архиве при участии крупнейшего белорусского поэта Янки Купалы (который умер в 1942 г. и не мог опровергнуть этих утверждений).

¹⁵ *Huszti D. Centenárium* // *Fórum*. 1948. Január, 9.o.

¹⁶ См.: *Vörös B. Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy*. 105.o.

¹⁷ См.: *Vörös B. Illés Béla «Guszev-ügye» – avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között*. 219-220.o.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ См.: *Hegedűs G. 1848 történetének ismeretlen lapjaiból* // *Jószomszédság nagy naptára* 1848. Bp., 1947. 9-15.o.

²⁰ См.: *Új Szó*. 1948. Márc. 14.

²¹ В 1948 г. выходят новые книги, в которых Руликовский подавался как русский офицер. См. обобщающего характера работу по истории революции 1848-1849 гг.: *Forradalom és szabadságharc 1848-1849*. Bp., 1948 (Среди ее авторов были виднейшие функционеры компартии, ответственные за положение дел в исторической науке, – А. Мод, Э. Андич и др.).

²² О том, как в конкретно-исторических условиях весны 1948 г. отмечали 100-летний юбилей революции, см.: *Gerő A. Az államosított forradalom. 1848 centenáriuma*. Bp., 1998; *Gyarmati Gy. Március hatalma – a hatalom márciusa. Fejezetek március 15. Ünnepések történetéből*. Bp., 1998; *Erényi T. 1848 és a magyar baloldal 1948-ban* // *Eszméllet*, 1998 tavasz. О юбилее революции 1848 г. в контексте советско-венгерских отношений см. также: Стыкалин А.С. Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. № 5. С. 70-71.

²³ См., например, предисловие З. Трочани к публикации мемуаров о царской интервенции 1849 г.: *Trocsányi Z. Bevezetés* // *Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról* (Sajtó alá rend. Gonda I.). Bp., 1948. 13-15.o.

²⁴ См.: *Pajtás. 1952. Február 20*. В публикации на страницах детского журнала «дело Гусева» было поставлено в один ряд с другими фактами проявления русско-венгерского единения в борьбе за прогрессивные идеалы (фактами, относящимися к 1919 г., 1944 г. и т.д.).

²⁵ *Magyar Országos levéltár (MOL)*. 276 f. 252- II ö.é.

²⁶ См.: *Glatz F. Ünnepeink 1945 – 1990* // *História*. 1992. № 10, 30.o.

²⁷ MOL. 276 f. 256-IV б.é.

²⁸ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 28. Пор. 25. Папка 131. Не было обнаружено и письмо Маркса вождю венгерской революции Л. Коштуту, на существование которого указывалось в некоторых публикациях, относящихся к периоду празднования 100-летия революции.

²⁹ АВПР. Ф. 077. Оп. 28. Пор. 56. Папка 131. Л. 23.

³⁰ См.: Революции 1848-1849 гг. Т. I – II. Под редакцией Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М., 1952. Т.II. С.119-120 (Текст главы принадлежал Р.А. Авербуху). Реально существовавший Казимир Пуликовский в этом тексте не упоминается: размышления о том, почему среди офицеров российской армии, проявлявших солидарность с венгерской революцией, были представлены преимущественно поляки, могли подвести читателя к нежелательным выводам.

³¹ Институт истории Венгерской Академии наук получил в 1950 г. задание изучить соответствующие фонды в венгерских архивах в целях нахождения в документах возможных упоминаний о «деле Гусева». Никакие упоминания о Гусеве и его товарищах, как и ожидалось, не были найдены, однако были введены в научный оборот другие факты, свидетельствующие о негативном отношении некоторых российских военно-служащих к венгерской кампании.

³² См.: Averbuch R.A. A magyar nép 1848-1849 évi függetlenségi harca és az orosz társadalom haladó erői // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok. Szerk. Kovács E. Bp., 1956. В статье широко цитировались высказывания А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и других российских мыслителей о венгерской революции, приводились некоторые свидетельства, почерпнутые из мемуаров современников, были использованы архивные документы, в частности приведен ряд фактов неповиновения российских солдат и офицеров (не в последнюю очередь поляков) в ходе венгерской кампании; хранились эти документы главным образом в фондах военных трибуналов в государственном историческом архиве в Ленинграде.

³³ Федоров А.В. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848-1849 гг. // Вопросы истории. 1957. № 2. В работе с опорой на конкретные документы из российских и венгерских архивов были описаны реальные факты перехода военнослужащих царской армии (главным образом, поляков, но не только их) на сторону венгерской революции. Вместе с тем без ссылок на архивы была приведена и не подтвержденная документами версия о том, как капитан Гусев, командир батальона, убедившись в справедливости дела венгров, осудил действия царской армии, призывал подчиненных перейти на сторону венгерской революции. 16 военнослужащих в результате были преданы суду. На судебном процессе Гусев обвинял царское правительство в организации несправедливого похода с целью ликвидации завоеваний венгерской революции, который не принесет свободы ни венграм, ни славянам. За отказ участвовать в подавлении венгров семь обвиняемых были приговорены к смертной казни, другие сосланы в Сибирь. Таким образом, в статье была полностью воспроизведена версия Б. Иллеша (Там же. С.93).

³⁴ Szeberényi L. Guszev kapitány // Új Írás. 1961. Július.

³⁵ Hegedűs G. A novellista Illés Béla // Új Írás. 1965. Augusztus.

³⁶ Правда. 4 апреля 1965 г.

³⁷ См.: Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003.

³⁸ Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. М., 1965. С. 319.

³⁹ A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról. Vál. Rosonczy I. Bp., 1988.

⁴⁰ Гросул В.Я. Русские участники зарубежных революций первой половины XIX века // Новая и новейшая история. 2007. №4. В интересной, насыщенной информацией статье приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о неоднозначности настроений в русской армии в связи с ее участием в подавлении венгерской революции и национально-освободительной борьбы в 1849 г. Речь идет среди прочего и об акциях неповиновения российских солдат и офицеров, их отказе воевать против мятежных венгров и даже о случаях перехода на сторону венгерской революционной армии. Автор доказывает, что в венгерской революции русских участников было больше, чем во всех других революциях XIX в. вместе взятых, не акцентируя, правда, специального внимания на том факте, что среди российских участников венгерской революции было очень много поляков. В связи же с «делом Гусева» В.Я. Гросул пишет: «Формы поддержки революционной Венгрии со стороны представителей русского общества и русской армии были различными – от нежелания участвовать в интервенции до прямого перехода на сторону восставших венгров. Известно, что группа офицеров во главе с штабс-капитаном А. Гусевым открыто выступила против похода. Гусев говорил о справедливой борьбе венгров и убеждал своих солдат перейти на их сторону. 16 участников этого протesta были арестованы. На суде Гусев произнес убедительную речь с обвинениями в адрес руководства России, которое проводит политику, противную национальным интересам страны, и проливает русскую кровь в интересах австрийских Габсбургов. Гусев и его товарищи были повешены». В статье содержится ссылка на ряд публикаций 1940-1950-х гг. Это, в частности, издание пропагандистского характера «Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848-1849 гг.» (Будапешт, 1948), в котором на с.68-69 был воспроизведен газетный очерк неизвестного автора о Гусеве; упомянутый двухтомник «Революции 1848-1849 гг.»; монография И.А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки)» (М., 1958. С. 262). В недавней статье другого крупного историка, И.И. Орлика, со ссылкой на названные нами работы А.В. Федорова (1957 г.), Р.А. Авербух (1965 г.) и В.Я. Гросула (2007 г.) говорится (без упоминания Гусева) о десятках русских офицеров и солдат, участвовавших в «венгерском походе» и выражавших свои симпатии к революционным венграм, о судебных делах, свидетельствующих о переходе русских солдат и офицеров на сторону венгров, об их желании «воевать за венгерское дело». См.: Орлик И.И. Венгерская революция 1848-1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С.38.

⁴¹ См.: The Invention of Tradition. Ed. by Hobsbaum E., Ranger T. Cambridge Univ. Press, Cambridge etc., 1985

И.В. Чуркина

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Ф. РАЕВСКОГО

Михаил Федорович Раевский, долгие годы служивший протоиереем православной церкви при русском посольстве в Вене, – человек, о котором упоминают многие историки, исследующие русско-славянские отношения в 40-80 гг. XIX в. Но во всех этих трудах он находится как бы на втором плане, за кулисами событий. Его жизнь и деятельность изучены мало, а они представляют большой интерес для историков, ибо он являлся главным посредником в сношениях русской общественности, ученых и даже дипломатов со славянскими национальными кругами Габсбургской монархии. Раевский также играл определенную роль в контактах русских дипломатов и общественных деятелей с правящими и научными кругами полунезависимых славянских государств – Сербии и Черногории. Он не являлся простым передаточным звеном, но изучая обстановку в славянских землях, направлял в Россию сведения о развитии национальных движений славян, об отношении их деятелей к России.

Михаил Федорович Раевский родился 18 июля 1811 г. в Арзамасе в семье священника. Окончив нижегородскую духовную семинарию, в августе 1829 г. он поступил в Петербургскую духовную академию, в которой изучал богословские науки, философию, церковную и общую гражданскую историю, словесность, церковное красноречие, греческий, еврейский, немецкий, французский языки. В октябре 1833 г. Раевский получил степень кандидата богословских наук, а 29 марта 1834 г. был назначен священником православной церкви при русском посольстве в Стокгольме. В послужном списке Раевского указывалось: «Женат, поведение академическим правлением рекомендуется честного и дел до него никаких не касалось»¹. С этих пор Раевский находился в двойном подчинении Синода и Министерства иностранных дел.

В Стокгольме Раевский пробыл 8 лет. Уже в самом начале своей службы – 20 июня 1834 г. – он, по словам составителя «Краткого очерка службы и заслуг протоиерея М.Ф. Раевского», «удостоился получить

лестный о заграничной своей службе отзыв Его Величества Государя императора Николая I». Позднее его ревность в служебных делах не уменьшилась. В 1840 г. по поручению обер-прокурора Синода он написал записку о состоянии лютеранской церкви и о положении ее духовенства в Швеции.²

Раевский не только успешно справлялся со своими служебными обязанностями, но и активно знакомился с культурной жизнью Швеции. Позднее в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП) он опубликовал три статьи о постановке низшего, среднего и высшего образования в Швеции: «Упсальский университет», «О народных и элементарных школах в Швеции» и «Специальные школы в Швеции».³

Все три статьи о системе народного просвещения в Швеции носили чисто фактологический характер. В них приводились сухие данные об особенностях разных школ, количестве учеников и уроков, предметах, преподаваемых в них. Полностью отсутствовал какой-либо анализ и оценка школьного дела в Швеции. И все же, несмотря на это, статьи Раевского имели положительное значение. Они знакомили педагогическую общественность России с одной из самых прогрессивных для того времени систем просвещения в Европе, будили мысль русских педагогов. Бесстрастно приводимые Раевским факты вроде того, что шведские дети, не умеющие читать и писать, не допускаются к конфирмации, невольно заставляли задуматься лучших представителей русской педагогики о причинах огромного отставания России от передовых стран Европы в вопросах просвещения. Статьи Раевского получили отклик и за рубежом. Позднее, в декабре 1854 г., в письме к тогдашнему министру просвещения России А.С. Норову, Раевский отмечал, что его статьи о Швеции «тотчас после выхода явились в немецком переводе во многих газетах Германии».⁴

Летом 1842 г. Раевский по предложению обер-прокурора Синода был назначен священником русской посольской церкви в Вене вместо архимандрита Порфирия, отправившегося с особой миссией в Иерусалим.

Вена стала местом жизни и деятельности М.Ф. Раевского до конца его дней. Столица Австрии очаровала его. «Я ехал жить в Германию и представлял Вену напр. Берлином, – писал он Ганке в сентябре 1843 г., – но до сих пор не нахожу здесь ничего подобного между сими городами: ни в духе жизни, ни в характере народа – ни в чем! Это что-то

свое, отдельное и, признаюсь Вам, интересное для изучения ... Здесь смесь племен, одежд, религий, наречий. Кажется, жить в Вене мне будет приятно ...»⁵.

Раевский появился в Вене незадолго до революции 1848–1849 гг., когда национальные движения славянских народов Австрии переживали период перехода от просветительства к борьбе за политические права. Особый интерес у него вызывала Прага, ибо чешское национальное движение из всех славянских движений было самым развитым. Уже в первые месяцы пребывания в Вене Раевский посетил Прагу. По-видимому, эта поездка была предпринята им не без ведома посольства, а возможно и по прямому его поручению. На последнее указывает установление Раевским связей с Ганкой, которые продолжались с 1843 по 1860 г. (т.е. до смерти последнего) и носили не только дружеский, но и в некоторой степени официальный характер.

Вацлав Ганка (1791–1860), филолог-славист, являлся одним из видных деятелей чешского Возрождения. С 1823 г. он работал библиотекарем одного из важнейших чешских национальных учреждений – Чешского музея в Праге. Ганка издал ряд средневековых чешских памятников, в том числе знаменитые фальсификаты: «Краледворскую рукопись» и «Зеленогорскую рукопись» (Любушин суд). Вместе с тем он написал ряд научных трудов, в том числе грамматику русского языка для чехов. В 1840 г. он стал членом-корреспондентом Российской Академии наук. Ганка отличался горячим русофильством, прекрасно знал русский язык. Русские путешественники, прибывавшие в Прагу, обращались за помощью прежде всего к нему. Среди них были и ученые, например, профессор Московского университета М.П. Погодин, слависты О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович и многие другие. К Ганке обращались не только ученые и частные лица, но и крупные российские чиновники, например, министр просвещения Сергей Семенович Уваров. В письме к Раевскому от 11(23) мая 1844 г. Ганка писал, что Уваров просил его подыскать чешского ученого, который бы согласился занять кафедру славянской филологии в Киевском университете Св. Владимира. Ганка рекомендовал на эту должность врача Й. Подлипского, но, судя по письмам последнего, назначение не состоялось. Кроме того, Ганка организовывал отправку в Россию чешских инженеров и техников для строительства железных дорог, о

чем свидетельствует его письмо Раевскому от 10 ноября 1844 г. Посыпая в Россию техника Осипа Приборского, Ганка добавлял: «И если бы более таких людей Россия могла употреблять, то у нас их довольно». Через Ганку обычно обращались в русское посольство чехи, желавшие поехать в Россию. М.Ф. Раевский, решив вступить в Чешскую матицу, послал ему 10 гульденов серебром для этой цели.⁶ Кроме того, через Раевского Ганка посыпал и получал книги от русских ученых М.П. Погодина, И.И. Срезневского, В.И. Григоровича и т.д.

Неудивительно, что именно к Ганке обратился в первую очередь Раевский. Они сразу поняли друг друга. Их дружеские отношения продолжались до смерти Ганки. Круг обязанностей по отношению к русским и русскому правительству у Ганки был достаточно широк. И он мог с полным правом писать Раевскому 30 января (11 февраля) 1844 г., что он в Праге «как консул российский, хотя и не узнанный правительством».⁷ Эти обязанности, по-видимому, не были для него легкими. В одном из своих ранних писем Раевскому (11(23) мая 1844 г.) Ганка прямо отмечал, что когда будет достроена железная дорога, Прага «без русского консула не обойдется».⁸

В 40-ые гг. Раевский выступал посредником в отношениях между Ганкой и болгарской эмиграцией в России (в частности, с Априловым), между Ганкой и черногорским князем великим сербским поэтом Петром II Негошем.⁹ Через Ганку Раевский посыпал книг и русинскому просветителю историку Д.И. Зубрицкому. Во всяком случае, в письме от 30 января (11 февраля) 1844 г. он просил Ганку передать ему Свод российских законов, которые достал для Зубрицкого Погодин.¹⁰

Из переписки между Ганкой и Раевским можно видеть, что Раевский до 1848 г. из чешских и словацких деятелей Возрождения был знаком с Шафариком, Колларом, Подлипским.

Добрые отношения установились у Раевского с крупнейшим национальным деятелем словаков, создателем словацкого литературного языка Людовитом Штуром. «В числе литературных новостей ..., — писал Раевский А.С.Норову 30 августа (11 сентября) 1845 г., — заслуживает особенное внимание газета знаменитого Штура на наречии совершенно новом для литературы, между народом, не видевшим ничего печатного на своем языке, разве молитвенники, между словаками, и эта нация имеет следовательно теперь свой отголосок».¹¹

Из южнославянских национальных деятелей Раевский до революции 1848–1849 гг. познакомился с хорватами Людовитом Гаем и Йосипом Юраем Штросмайером, тогда еще капелланом придворной церкви в Вене.

Но наиболее тесные отношения завязались у Раевского с сербами, в которых он видел не только народ, близкий русским по языку и происхождению, но и исповедовавший с ними одну религию. Раевский выучил сербский язык и в дни сербских православных праздников произносил проповеди на сербском языке, что увеличивало число его прихожан за счет сербов, приезжавших в Вену или живших там.

Более, чем с другими, Раевский контактировал с Вуком Караджичем, знаменитым сербским филологом, этнографом и историком, реформатором сербского литературного языка. Тесное общение Раевского с ним объяснялось двумя факторами. Во-первых, русские ученые и официальные лица, приезжавшие в Вену, стремились познакомиться с Караджичем по приезде в Вену, а затем завязать с ним контакты; во-вторых, Раевский и Караджич жили в одном городе, что значительно облегчало их взаимное общение. Несмотря на то, что они жили в одном городе, сохранилась переписка, ведшаяся между ними. 13 писем Караджича Раевскому (1847–1862) и 10 писем Раевского Караджичу. Последние представляли собой записки, в подавляющем большинстве недатированные.¹²

Письма Караджича Раевскому более содержательны. В первом из них от 30 января 1847 г. Вук посыпал Раевскому расписку в получении денег, очевидно за книги, которые он послал через торговую фирму в Вене «Вег и Крестич».¹³ Скорее всего, книги предназначались профессору Московского университета Михаилу Петровичу Погодину. Он побывал в Вене в 1835 и 1839 гг., где познакомился с Копитаром и Караджичем. Но особо доверительные отношения у него сложились с Караджичем, с которым он начал переписку в 1837 г. А 24 сентября 1846 г. по новому стилю Погодин заключил с Караджичем нечто вроде соглашения, согласно которому русский ученый обещал ему платить определенные суммы за доставку ему старопечатных сербских книг. «Деньги по сей записке, – добавлял Погодин, – будет доставлять Вам достопочтенный иерей Михаил Федорович Раевский». Вук послал через Раевского Погодину в октябре 1846 г. 16 книг и 8 рукописей, в июне 1847 г. – 14 книг, в ноябре 1847 г. – 29 книг

и т.д. Раевский от своего имени пересыпал их через посольство в Россию. Со своей стороны Погодин доставал для Караджича через обер-прокурора Синода по низкой цене русские богослужебные книги, которые Караджич обменивал в сербских монастырях на старопечатные сербские книги. Такое трудоемкое посредничество, по-видимому, тяготило Раевского. В июле 1848 г. Караджич сообщал Погодину: «М.Ф. Раевский отправился в Петербург, и неизвестно, возвратится ли еще сюда; но если и возвратится, он сказал мне, что более не хочет принимать комиссии».¹⁴ Позднее Раевский в письме к графине Антонине Дмитриевне Блудовой, камер-фрейлине императрицы, дочери высокопоставленного чиновника графа Д.Н. Блудова, писал, что переслал Погодину сербских старопечатных книг на несколько тысяч рублей.¹⁵

Помимо Погодина Раевский обеспечивал книгообмен с Караджичем русского журналиста, этнографа, историка Н.И. Надеждина. Его и попечителя Одесского учебного округа Д.М. Княжевича Вук сопровождал в 1841 г. в путешествии по южнославянским землям. Об этом Надеждин сообщал в своем донесении министерству народного образования: «Всю вторую часть моего странствования от Триеста и обратно до Вены я совершил почти в неразлучном сообществе известного Вука Стефановича Караджича, наилучшего, какого только можно найти, знатока современного сербства».¹⁶ В своем отчете Министерству народного просвещения Надеждин не был совершенно откровенным, о чем в частности сообщал графине А.Д. Блудовой впоследствии Раевский. В 1847 г. в Австрии возник вопрос о русских раскольниках. «Наше правительство, – писал Раевский, – послало сюда Н.И. Надеждина. Он объяснил Платону (епископу Бачки Атанацковичу – И.Ч.), что такое раскольники и, собравши сведения о раскольниках здешних, просил Платона написать об этом брошюру. Платон написал, мне поручено было напечатать. Я напечатал в Вене, сказавши, что это напечатано в Песте, и переслал 500 экземпляров в Россию, чтобы раздать нашим раскольникам как мнение о них не синода нашего, но уже другого иностранного владыки». За время пребывания в Австрии Надеждина, он и Платон, по свидетельству Раевского, стали большими друзьями.¹⁷ Таким образом, Раевский исполнял в Вене и поручения правительства, скорее всего не совсем дипломатические. Через Раевского контактировал с Надеждиным также словенский ученый Ф. Миклошич.¹⁸

Наконец, В.И. Григорович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, первые профессора славяноведения в России, тоже пользовались услугами Раевского для сношений с сербскими, чешскими, словацкими и сербскими учеными. Григорович посетил славянские земли позже других русских стипендиатов – в 1844–1847 гг. Большую часть времени он провел на Балканах в болгарских и македонских областях. В 1846 г. он добрался до австрийских славян. В Вене Григорович познакомился с Раевским, с которым переписывался во время своего пребывания в Австрии, посыпая ему письма почти из всех городов, в которых он ему пришлось побывать. Раевский помогал ученому советами и рекомендациями к славянским ученым. 26 ноября Григорович писал из Праги своему венскому корреспонденту: «Ваши труды и беспокойства чувствуем мы, я и г. Ганка, который часто про Вас спрашивает».¹⁹

Раевский был знаком и с Карловацким митрополитом Иосифом Раячичем.

В 1847 г. Михаил Федорович получил сан протоиерея. Его представили к нему совместно со священником при русском посольстве в Лондоне Евгением Поповым с одобрения государственного канцлера графа К.В. Нессельроде, который нашел обоих кандидатов «весьма достойными награждения саном протоиерея».²⁰ 2 мая 1848 г. в рапорте канцелярии русского посольства в Вене Раевский так сообщал о своем посвящении в сан протоиерея: «Честь имею уведомить ... что по предложению Святейшего Правительствующего Синода и Министерства Иностранных дел для посвящения моего в сан протоиерея я ездил к управляющему в духовном отношении Венским округом митрополиту Карловацкому Иосифу. Посвящен был им 28 сентября 1847 г. и теперь получил на то грамоту».²¹ Позднее в биографии, помещенной в чешском журнале «Светозор» и написанной самим Раевским, этот факт отмечался особо, ибо «до того времени подобных сношений не существовало между русскою и сербскою церковью».²² Добрые отношения установились у Раевского с другим сербским прелатом – епископом Бачки Платоном Атанацковичем, сербским писателем и меценатом, о котором уже упоминалось.

Любознательный и образованный, с симпатией относившийся к славянским национальным движениям, Михаил Федорович Раевский легко приобрел расположение многих славянских деятелей в Австрии.

Уже до революции 1848 г. дом Раевского в Вене стал своеобразным центром общения русских ученых и общественных деятелей со славянами. В некрологе Раевскому «Московские ведомости» писали: «Не было ни одного русского ученого, который, интересуясь славянами, не искал бы знакомства и связей с отцом Раевским». ²³ Корреспондент «Нового времени» Г.И. Веселитский-Божидарович (псевдоним – Аргус), опираясь на воспоминания самого Раевского, писал о круге лиц, бывавших у него: «До 1848 г. московские славянофилы толковали здесь с пражскими славистами, с словаками и словенцами, с хорватами и сербами об умственном и духовном единении всех славян, да тогда единение и существовало: вопросы практической политики не вносили еще розни в движение, не выходившее из сферы литературы и науки. Все сходились в желании возрождения каждой из славянских народностей и освобождения ее от давления иноплеменников. Но не с одними собирателями преданий и воскресителями народного языка (Штур, Гай, Враз) имел общение Михаил Федорович, он знал близко и сделавшееся для нас почти мифическим поколение славянских героев: Милоша,²⁴ черногорского Петра Песника,²⁵ сербского патриарха Раичича».²⁶

Можно отметить пестроту взглядов тех славянских деятелей, которые окружали Раевского благодаря его толерантному отношению. Среди них был и демократически настроенный Штур, и консерватор Раичич, и либералы Миклошич и Штросмайер.

Активная деятельность Раевского среди деятелей славянского Возрождения проходила далеко не всегда с благословления русских дипломатических и правительственные кругов, хотя он и познакомился с рядом русских высокопоставленных лиц. Уже с 1845 г. Раевский состоял в личной переписке с членом комиссии прошений А.С. Норовым. Член Российской Академии наук, писатель Норов принадлежал к числу тех высокопоставленных чиновников, которые поощряли деятельность Раевского среди славян, и тот, по-видимому, делился с ним своими планами. Так 23 июля 1845 г. Норов выражал сожаление, что поездка Раевского по славянским землям не состоялась, и добавлял: «Вы могли бы сообщить нам много любопытного и совершенно нового, мы еще до сей поры весьма мало знакомы и связаны с этими землями и их народами». В том же письме Норов благодарил Раевского за сообщение ему сведений о трудах Ганки.²⁷ Можно понять, что

русский священник не забывал представлять русским ученым своего чешского друга.

В 1847 г. Раевский познакомился с графом Д.Н. Блудовым, главноуправляющим Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, который приезжал в Вену. Добрые отношения между ними сохранились и впоследствии. В апреле 1847 г. в Вену приезжала великая княгиня Елена Павловна, жена брата царя Михаила Павловича. Она настолько была довольна Раевским, что наградила его наперсным крестом. И все же далеко не всегда общение Раевского со славянами нравилось русскому посольству в Вене. «Вы знаете, как смотрят дипломаты на связи со славянами, — жаловался он 28 марта 1850 г. графине А.Д. Блудовой, ставшей в 50-е годы его наиболее доверенной корреспонденткой, — тем тяжелее мое положение. Меня предупреждали об этом при самом моем приезде сюда».²⁸

Уже до революции началась и благотворительная деятельность Раевского. В 1845 г. Михаил Карапович, студент 2 курса православной семинарии, благодарили его за то, что он уже дважды оказывал ему помощь, и просил Раевского помочь ему и в третий раз.²⁹

На то, что уже до революции 1848 г. Раевский приобрел значительный авторитет у славянских политиков, указывает факт приглашения его на Славянский съезд в Праге. В этом отношении представляет интерес письмо Ганки Раевскому от 6 мая 1848 г. «Вот Вам несколько экземпляров нашего обвещания, — писал Ганка, — к которому нас принуждает неслыханная наглость немецкая, как Вам из разных газет известно. На сербском и лузатском³⁰ диалектах печатаются еще. Не думаете ли, чтоб было удобно теперь и на русском? И если так, то постарайтесь о переводе и мы будем тотчас печатать».³¹ Славянские национальные деятели полностью рассчитывали на сочувствие Раевского славянским национальным требованиям, поэтому они просили его перевести на русский язык призыв на Славянский съезд. А в числе русских, приглашенных на Славянский съезд в Прагу, на первом месте стояло имя Раевского.

Но Раевский не воспользовался приглашением, а, опасаясь быть вовлеченным в водоворот революционных событий, в начале июля 1848 г. уехал в отпуск на 4 месяца в Россию. По возвращении в Вену начался новый этап его деятельности среди славян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 128. Л. 5, 5об, 6, 6 об.

² Русь. 1884. № 11 (1.VI.) С. 24.

³ ЖМНП. 1845. Ч.XIV. Ч. XLVII; 1846. Ч. LI.

⁴ Русский архив. 1895. Кн.3. № 11. С. 364

⁵ Literarni archiv Narodniho Muzea. Praha. Rajevsky – Hankovi. 25/13. IX. 1843

⁶ Зарубежные славяне и Россия. М. 1975. С.112, 113.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 23.

⁸ Зарубежные славяне и Россия. С. 111.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф.347. Д. 23; Literarny arhiv Narodniho Muzea. Praha. Rajevsky – Hankovi. 16/28. III.1844.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф.347. Д. 23.

¹¹ Русский архив. 1895. Кн. 3. № 11. С. 354.

¹² Зарубежные славяне и Россия. С. 198 – 202; Архив Сербской Академии наук..
Београд.

¹³ Зарубежные славяне и Россия. С. 198.

¹⁴ Вукова преписка. Т. 7. Београд. 1913. С. 496 – 506, 514, 520, 522, 529, 542.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов.(РГАДА). Ф. 1274. Д. 2423а.
Л. 331.

¹⁶ ЖМНП. 1842. Июнь.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Панины-Блудовы. Д. 2424. Л. 193, 193 об.

¹⁸ Русский архив. 1895. Кн. 8. № 8. с. 1170; № 10. С. 1186; № 11. С. 1188

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 28.

²⁰ ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 128. Д.
9. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Literarny arhiv Narodniho Muzea. Автобиография Раевского.

²³ Московские ведомости. 1884. № 134. С. 3.

²⁴ Милош Обренович – сербский князь (1815-1839, 1858-1860)

²⁵ Петр II Негош – черногорский митрополит и правитель (1830-1851), сербский поэт

²⁶ Новое время. 1884. 28.02/ 11.03. № 2874.

²⁷ РО ГПБ. Ф.608. Норов А.С.

²⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 15 об.

²⁹ РО ГПБ. Ф. 608. Карапович.

³⁰ Лужицко-сербском.

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 23.

И.Ф. Макарова

БОЛГАРЫ НА ПУТИ К ОСВОБОЖДЕНИЮ (ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ)

В российском общественном сознании события времен Крымской войны (1853-1856) слабо ассоциируются с историей избавления болгар от турецкого ига. Что касается научной историографии (а именно, болгаристики), то в ней преобладает тенденция к их соотнесению лишь с началом становления нового этапа в так называемом национальном освободительном движении¹. Между тем связь подобного рода существует. Определяется она не только тем, что впервые в истории русско-турецких войн российским командованием была озвучена идея политического освобождения болгар. Именно накануне и в период Дунайской кампании 1853-1854 гг. болгарской диаспорой впервые были опробованы некоторые элементы той методики, использование которой увенчалось в 1876 г. (в связи с ситуацией вокруг Апрельского восстания) оглушительным успехом² и в значительной степени предопределило освободительный характер начавшейся вскоре войны. Суть этой методики состояла в сознательном искажении информационного поля и дезориентации правящих кругов России с целью провоцирования военных действий в надежде на их благоприятный для соотечественников политический исход. В данной статье приводится подборка фактов, наиболее ярко иллюстрирующих действия диаспоры в этом направлении в 1853-1854 гг.

Ставку на политическую активность болгар вряд ли можно назвать характерной особенностью русской военной стратегии в ее войнах с Османской империей в период XVIII – первой половины XIX столетия. В отношении этого народа вопрос обычно ограничивался определением рамок взаимодействия русской армии с местным населением и степенью возможности привлечения добровольцев (причем, желательно из числа жителей левобережья Дуная) в состав так называемых арнаутских отрядов или Земского войска. Исключением стала, пожалуй, лишь вторая фаза войны 1828-1829 гг., когда опыт удачного сотрудничества с

жителями Фракии подвигнуло русское командование к некоторой переоценке потенциала местного населения.

К началу Крымской войны ситуация существенным образом изменилась. Конфликт между болгарскими общинами и Константинопольской патриархией, получивший в середине 40-х гг. XIX в. новое дыхание благодаря вмешательству польских политических эмиссаров³, оказал серьезное влияние на русское общественное мнение, представив возможность ознакомиться с положением дотоле не слишком известного в России единоплеменного и единоверного народа. На волне славянофильских настроений болгары были органично восприняты в качестве естественного объекта для сострадания. Однако сам их образ оказался подвержен сильному влиянию уже устоявшихся славянофильских стереотипов. Одним из них был миф о восторженной преданности турецких славян России и их готовности взяться за оружие по ее первому зову.

Нельзя сказать, что мысль о популярности русофильских настроений по отношению к болгарскому народу была полностью лишена оснований. Проблема была в другом: характер их русофильства не вполне вписывался в политизированное мышление Нового времени. Для болгарского крестьянства, составлявшего абсолютное большинство этноса, образ далекой северной державы и ее царя все еще продолжал оставаться неотъемлемой составной частью системы народных представлений легендарного характера⁴. Ментальность же интеллектуальной, культурной и политической элиты русского общества была продуктом качественно иной эпохи, в парадигме которой приоритет принадлежал сфере политического взаимодействия.

Что касается собственно славянофилов, то их оценка степени преданности турецких славян России и готовности к восстанию была откровенно завышенной. Вот что, например, полагал современник событий профессор М.П. Погодин: «Турецкие славяне – заявлял он, – могут выставить 200 тысячное и более войско. Покажите им только прекрасную цель их освобождения от непосильного иностранныего ига, ... умейте только руководить их живыми, восторженными, могучими силами, и вы увидите, какие чудеса они сотворят»⁵. Важно особо отметить, что накануне войны подобные настроения были не чужды и русскому верховному командованию. Вот что, например, писал в июне

1853 г. Николай I императору Францу-Иосифу: «Я не могу больше удерживать в мире болгарский, греческий и другие народы, раздраженные и нетерпеливые. Возможно, если не наверное, что все они восстанут... Результатом этого будет разрушение Оттоманской империи в Европе...»⁶. В этих заблуждениях русского царя настойчиво поддерживал главнокомандующий армией фельдмаршал И.Ф. Паскевич, пользовавшийся в то время большим доверием Николая I. На протяжении почти всего 1853 г. он без устали убеждал императора в глубокой преданности турецких славян России, их готовности к борьбе, особо подчеркивая, что в их лице русская армия обладает на Балканах уникальным оружием, «которое в случае нужды без войны может привести в три, четыре года к верному завоеванию Европейской Турции»⁷.

Одним из следствий иллюзий подобного рода и стало, по всей вероятности, появление так называемого трехэтапного плана ведения военных действий, предопределившего в конечном итоге выжидательную и маловразумительную тактику новой Дунайской кампании. Однако для болгар этот план имел историческое значение. Впервые за всю историю русско-турецких войн русское командование ставило в нем задачу возрождения болгарской государственности. В соответствии с этим планом, если судить по записке Николая I фельдмаршалу Паскевичу (22 октября 1853 г.), после оккупации русской армией Молдавии и Валахии событиям в регионе надлежало развиваться следующим образом⁸. «Если до весны турки не образумятся, – писал Николай I, – тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств Сербии и Булгарии». На август 1854 г. им планировалась новая стадия военных действий. Стартовать она должна была с обнародования возвзвания «к единоплеменным и единоверным народам к восстанию». В этом возвзвании объявлялось, что русская армия движется «вперед для избавления их от турецкого ига». Завершившись данная фаза войны должна была взятием Видина на Дунае и Карса, Ардагана, Баязета в Азии. Зимний период отводился на создание в Болгарии и Сербии народного ополчения на базе волонтерских рот, сформированных еще на территории Дунайских княжеств. Именно ополчению отводилась в дальнейшем основная роль. «Мы не иначе должны двинуться вперед, – особо подчеркивал Николай, – как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный

и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед, борьба должна быть между христианами и турками; мы же, как бы оставаться в резерве».

Безусловно, было бы опрометчивым утверждать, что убежденность по поводу неизбежности общенародных выступлений в ставке главнокомандующего была твердой. Сохранились данные, что сам император высказывал на этот счет весомые сомнения⁹, которые к тому же разделяли и некоторые военные. Например, командующий Дунайской армией М.Д. Горчаков, судя по его ответу в ноябре 1853 г. на специальный запрос министра иностранных дел К.В. Нессельроде, был настроен на этот счет весьма скептически. Несмотря на позицию И.Ф. Паскевича, он счел своим долгом предупредить, что турецкие христиане вообще «возможно, не поднимут восстания, исключая, быть может, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьезного»¹⁰. Однако витающие в воздухе сомнения общего позитивного настроя переломить не смогли. Отдавая в марте 1854 г. приказ о форсировании Дуная и начале операции в Добрудже, русское командование вполне определенно рассчитывало на вооруженную поддержку со стороны местного населения.

Немалая заслуга в формировании соответствующего информационного поля принадлежала болгарской диаспоре, щедро снабжавшей в преддверье войны русские правящие круги разного рода прощениями, посланиями и записками. Например, в связи с прибытием в марте 1853 г. в Стамбул князя А.С. Меньшикова местная болгарская община не преминула воспользоваться случаем и подготовила письменное обращение слезного характера. Политические аспекты были в тексте осторожно обойдены. Это обстоятельство спровоцировало, по-видимому, появление в июле еще одного обращения. Его инициатором и автором стал только что вернувшийся на родину выпускник Петербургского университета К. Петкович. В своем послании он прямоставил вопрос о возможности создания болгарской национальной автономии по примеру соседних народов. Судить, насколько данный текст был согласован и отражал мнение всей столичной общины, довольно сложно. Петкович представил документ без необходимых подписей и печатей, что не позволяло ему претендовать с формальной точки зрения на статус официального¹¹.

Практически одновременно (в августе 1853 г.) с аналогичной просьбой на высочайшее имя обратилась и болгарская диаспора Дунайских княжеств. Подписано послание было представителями богатейших родов местной торговой буржуазии, среди которых можно отметить Евл. Георгиева, А. Кановича (всего около 40 подписей), а также доктора И. Селиминского и архимандрита Максима Райковича. В послании, в частности, содержалась просьба о предоставлении болгарам «подобно нашим братьям по вере сербам и молдо-влахам если не полной, то хотя бы» частичной степени «народного управления»¹².

С территории самой России на имя Николая I в начале 1853 г. поступила объемная аналитическая записка, составленная болгарским эмигрантом Ив. Добривским, которая была посвящена анализу настоящего и будущего Болгарии¹³. Автор был горячим сторонником идеи создания автономного Болгарского княжества. В качестве обязательного условия для реализации этой идеи он считал вторжение русской армии за Дунай, вооружение местного населения и координацию его действий с планами военного командования. Оценивая возможный потенциал добровольческих болгарских дружин, Добривский был склонен говорить не менее чем о пятидесятитысячном войске, «хорошо обученном и преданном России»¹⁴.

Заверения о готовности населения поддержать наступление русской армии прозвучали и от имени болгар правобережья Дуная. Едва ли не первыми подобные обещания начали щедро раздавать эмиссары так называемого Тайного общества. В болгарской и советской историографии факт реальности этой организации сомнений не вызывает. Принято считать, что Тайное общество было создано в 1853 г. Г. Раковским и имело своей целью организацию освободительного движения. Однако конкретной информацией о деятельности этой организации историки практически не располагают. Из того немногого, что не вызывает сомнений, можно упомянуть лишь несколько фактов. Известно, например, что летом 1853 г. на встрече в Земуне с русским дипломатом Н. Я. Мухиным эмиссар Тайного общества Иван Бацов сообщал, что организация располагает вооруженными силами в составе 3600 человек, готовых координировать свои действия с русскими войсками¹⁵. Он также уточнял, что в районе Казанлыка собрано 2000 добровольцев, в Тырново – 1400, в Свиштове – 200, а в случае наступления русской армии Общество бе-

рется поднять в течение нескольких дней до 10-15 тыс. повстанцев. Однако для реализации этих замыслов, добавлял он, необходима финансовая помощь, поскольку все собранные пожертвования (в размере 940 тыс. пиастров) уже израсходованы¹⁶. Позднее, на встрече с чиновником Министерства иностранных дел Ф. Фонтоном, состоявшейся в Крайове в марте 1854 г., рекламируя масштаб деятельности своей организации, тот же И. Бацов заявлял, что ячейки Общества охватывают обширную территорию. На севере они покрывают район верхнего течения р. Янты (включая окрестности Тырнова, Елены, Дрянова и Габрово), а на юге – область всего верхнего течения реки Тунджа между Казанлыком и Калофером¹⁷. Однако, как показали дальнейшие события, за все время проведения операции в Добрудже тысячи членов Общества так ничем себя и не проявили.

Информация о готовности турецких болгар взяться за оружие вроде бы подтверждалась и из военных источников. Уже в сентябре 1853 г. М.Д. Горчаков докладывал о прибытии трех болгар из Видина, имевших полномочия от 37 местных приходов просить помощи русских войск¹⁸. Однако особенно активно поток позитивной информации пошел с весны 1854 г., когда при Главной квартире Дунайской армии появились так называемые эксперты из среды болгарской диаспоры Одессы. Именно им в основном и принадлежала заслуга в создании необходимого информационного поля, призванного спровоцировать масштабное наступление русских войск. И именно с момента их появления в оперативных сводках из штаба Дунайской армии регулярно начали появляться сообщения следующего рода: «Болгары сильно натерпелись в последние 10 месяцев. Система усиленных реквизиций очень истощила страну. Жители вынуждены работать постоянно бесплатно на турецких укреплениях. Грабежи и убийства совершаются непрестанно, где только ни стоят турецкие войска. Жертвами постоянно являются болгарские христиане. Все это до такой степени раздражило болгар, что они с нетерпением ожидают перехода наших войск через Дунай и готовы при первом призывае поднять оружие»¹⁹. Обилие подобных сообщений не могло не влиять на планы русского командования. Проблема состояла лишь в том, насколько они соответствовали действительности.

В отличие от своих бухарестских собратьев одесские болгары вышли на политическую арену впервые. Их организационное сообщество

(Одесское болгарское настоятельство), оформленное на базе общины местной диаспоры лишь в феврале 1854 г., было представлено перед российскими властями благонадежными подданными Российской империи – богатыми купцами К.Н. Палаузовым, С.Д. Тошковичем, Н.М. Тошковым, а также чиновником таможни и затем одесской цензуры Н.Х. Палаузовым. Данное обстоятельство не могло не способствовать проявлению со стороны российских властей большего доверия к их мнению, чем к инициативам болгар Бухареста, чья позиция выглядела более ангажированной.

С первых дней существования Одесское болгарское настоятельство занялось сбором пожертвований для вооружения своих турецких соплеменников. Быстро собрав среди одесских болгар 7 тыс. рублей²⁰, оно обратилось к властям с просьбой для получения разрешения на сбор средств в болгарских колониях юга России и Бессарабии. Получив его и тем самым серьезно расширив сферу своего влияния, Настоятельство постаралось замкнуть на своих представителях координационные функции между диаспорой, турецкими болгарами и русским командованием. На этом поприще особенно преуспел один из основателей Одесского настоятельства – Н.Х. Палаузов, на долю которого и выпала обязанность главного эксперта по болгарской проблематике при штабе Дунайской армии.

Н.Х. Палаузов прибыл в расположенную в Бухаресте Главную квартиру русских войск по приглашению М.Д. Горчакова в марте 1854 г. Одной из основных задач, поставленных перед ним командованием, являлась организация «сношений» с турецкими болгарами с целью получения сведений о силах неприятеля и подготовке населения к восстанию. Вскоре после назначения командующим Дунайской армии фельдмаршала И.Ф.Паскевича штат болгарских экспертов был расширен за счет привлечения двоюродного брата Н.Х. Палаузова – Сп.Н. Палаузова (историка-слависта и по совместительству чиновника по особым поручениям при Департаменте Министерства народного просвещения).

Поселившись на квартире генерала Шильдера, братья развили бурную деятельность. Основной упор делался на пропаганду идеи народного восстания. В донесении командующему от 15 апреля Н.Х. Палаузов подчеркивал, например, что «болгары все воодушевлены ... и ждут случая ..., чтобы восстать на турок»²¹. Или же: «Необходимость

народного восстания в Болгарии очевидна: восстание это не только облегчит военные наши действия в Балканах и при их переходе, но и даст возможность к скорейшему достижению цели, к которой стремимся для освобождения угнетенных христиан Турции»²². В унисон ему вторил и Спиридон Палаузов сообщая, в частности, что в Габрово готовы к действиям 3000 вооруженных повстанцев, в Тырново – 9000, в Елене – 9000²³.

Фактически замкнув на себе основной информационный поток с болгарских земель, братья попытались внедрить в сознание командования свое собственное видение ситуации и повлиять на выработку стратегии в благоприятном для своих соотечественников направлении. Проблема состояла, однако, в том, что мнение этих экспертов не всегда соответствовало реальной ситуации на правобережье Дуная. Вдохновляемые искренним и вполне понятным чувством болгарского патриотизма, играя на популярных славянофильских иллюзиях и стереотипах, Палаузовы откровенно пытались выдавать желаемое за действительное.

Предлагаемые русскому командованию оценки ситуации в болгарских землях сформировались у Н.Х. Палаузова задолго до прибытия в место дислокации Дунайской армии. Так, например, еще в июле 1853 г. он представил М.Д. Горчакову аналитическую записку под названием: «О нынешнем положении болгар в Европейской Турции»²⁴. Помимо красочных и стандартных описаний ужасов жизни под турецким игом в ней культивировалась не менее стандартная мысль о преданности болгар России и готовности поднять восстание. В январе 1854 г. из-под его же пера появилась новая «Записка о Болгарии»²⁵, в которой автор убедительно доказывал, что сотни тысяч болгар только и ждут сигнала к общенародному выступлению. Проблема, по его мнению, упиралась лишь в готовность России, поскольку до момента форсирования ее армией Дуная призыв к оружию может иметь пагубные последствия. В своей «Записке» Н.Х. Палаузов предлагал также ряд конкретных мер, призванных обеспечить успех предстоящего военного и политического мероприятия. В частности, речь шла об отправке за Дунай военных эмиссаров и создании при Главной квартире «Комитета болгарского», который должен был формироваться из наиболее авторитетных представителей зарубежной diáspоры (в основном одесской). Параллельно

Н.Х. Палаузов пытался представить положение дел в болгарских землях таким образом, чтобы создать впечатление о наличии там всех необходимых условий для построения новой государственности. Однако при этом власть из рук русского военного командования почему-то должны были принять не представители местного населения, а члены все того же Одесского настоятельства.

Говоря о проблеме создания новой болгарской государственности, необходимо особо отметить, что по мере развития событий вопрос о властных полномочиях начал приобретать для экспертов все большую остроту. В наиболее полном и конкретном виде соображения по этому поводу были изложены Н.Х. Палаузовым в записке от 21 апреля 1854 г. («Об учреждении при Главной квартире Болгарской канцелярии»)²⁶. В этом документе он ставил вопрос о создании на освобождаемых территориях некоего аналога Временного правительства, так называемой Болгарской канцелярии, призванной взять на себя функции по обеспечению гражданского управления до создания в регионе легитимных органов власти. По мнению автора, Канцелярия должна была состоять из авторитетных, «известных людей» и выполнять функцию посредника между военным командованием и турецкими болгарами. В качестве таковых Н.Х. Палаузов называл, в первую очередь, представителей Одесского настоятельства, а также некоторых других «русских» болгар (Н. Герова, Ст. Изворского, С. Радулова, С. Филаретова). Функции Канцелярии должны были включать в себя контроль над органами правопорядка и управления (в том числе организацию выборов в органы местного самоуправления). Что же касается политического будущего нового государства, то оно виделось Н.Х. Палаузову в виде автономии по примеру Сербского княжества.

Особая роль в вынашиваемых братьями планах освобождения Болгарии отводилась так называемой «малой войне», призванной послужить детонатором общенародного выступления. Спровоцировать эту «малую» партизансскую войну необходимо было, по их мнению, с помощью небольших отрядов «свободных волонтеров ... , чтобы не зависели ни от кого, а поднялись бы сами и увлекли бы за собой и других»²⁷. Для реализации этой идеи Палаузовым удалось добиться от командования разрешения на использование добровольцев из состава уже набранных на территории Дунайских княжеств четырех волонтерских рот²⁸.

Для развязывания «малой войны» 9 мая 1854 г. ротам под командованием Хаджи Ставри и Симсона Бойчина (общим составом 285 чел.) был отдан приказ отправиться в Делиорманский лес, а отряду Григория Забалканского (в составе 78 пеших и 25 конных волонтеров) в сторону Лома и Разграда²⁹. Кроме того, планировалось формирование отряда для отправки в Тырново, а также привлечение гайдуков и, по возможности, соединений сербских войск (через посредничество И. Бацова). По деревням волонтеры должны были раздавать прокламации, оружие и боеприпасы, т.е. поднимать народное восстание. Например, предполагалось, что только в Кючук-Кайнарджи к волонтерам должны были присоединиться не менее 100 человек, для чего командованием было выделено около 300 ружей³⁰.

Однако реальность не оправдала возлагаемых на турецких болгар ожиданий. Практически ничего из задуманного осуществить не удалось. Отряд Г. Забалканского, который по мере своего движения в сторону Разграда должен был стремительно обрасти добровольцами, остался практически в прежнем составе и был вынужден искать спасения все в том же Делиорманском лесу. Не сумев разжечь «малую войну», его люди объединились с пришедшими туда ранее отрядами Х. Ставри и С. Бойчина и, проведя в скитаниях около месяца, были распущены. Ни в Тырново, ни в других местах очагов мятежа так и не появилось. Скрывавшиеся по лесам гайдуки поднимать флаг народно-освободительной борьбы также не торопились, а вербовка новых добровольцев по городам и весям шла очень вяло. Вместо ожидаемых сотен и десятков тысяч повстанцев набирать в ополченцы удавалось лишь десятки. Например, после взятия русскими войсками в марте 1854 г. Мачина в его окрестностях удалось собрать всего 150 волонтеров³¹.

Особую же пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что начавшиеся боевые действия обнаружили готовность единоверных братьев-славян воевать не под русскими, а под турецкими знаменами. Пользуясь постановлением Порты, позволявшим привлекать на военную службу христианских подданных султана, бывший главный агент князя А. Чарторыйского в Стамбуле польский эмигрант Михаил Чайковский (он же потурченец Садык-паша) начал успешно набирать на военную службу болгарских добровольцев.

Казачье войско (казак алайя) было хорошо известно в турецкой армии приблизительно с середины XVIII в. По установившейся традиции Порта имела право призывать в армию (но лишь на время войны) отряды из числа проживавших на ее землях русских казаков-старообрядцев (некрасовцев) и запорожцев³². Апеллируя к этой практике, Садык-паша представил в октябре 1853 г. на рассмотрение правительства меморандум, в котором предлагал создание теперь уже регулярных батальонов из казаков и местных славян под командованием польских офицеров (с сохранением для вновь набранных отрядов традиционного названия «казак алайя»). Порта согласилась, а Садык был назначен мириимиан пашой (атаманом с правом формирования войска).

Состав созданного Садык-пашой воинского подразделения был самый пестрый. Кроме некрасовцев в него вошли потомки запорожцев (сама Задунайская сечь была ликвидирована после перехода части казаков на сторону России в период кампании 1828–1829 гг.), поляки из числа эмигрантов, а также местные славяне (включая помилованных и выпущенных по такому случаю из тюрем разбойников). Один из эскадронов этого войска капитан Томас Вежбицкий смог сформировать во Фракии почти исключительно из болгар³³. 23 января 1854 г. христианские воины султана принесли клятву верности и, получив историческое знамя запорожцев (с изображением креста и полумесяца), отправились воевать на Дунайский фронт. Известно, что войско Садык-паша отличилось при защите Делиормана и Силистры, затем вошло в Бухарест, а впоследствии заняло позицию на р. Прут.

Подписанный по итогам Крымской войны Парижский мирный договор (1856) не внес изменений в политический статус болгар. Что касается сферы болгаро-русских отношений, эту войну можно с полным основанием назвать кампанией несбытий надежд. В немалой степени именно пассивность православного населения правобережья Дуная предопределила сокрушительный провал стратегии русского командования, ориентированной на поддержку со стороны турецких славян. Вопреки иллюзиям славянофилов и пламенным обещаниям представителей болгарской диаспоры ничего даже близко похожего на восстание не произошло. В итоге не готовая к широкомасштабной войне русская армия оказалась втянута в авантюру, едва не завершившуюся для нее полным крахом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, см: *Димитров Ф.* За влиянието на Кримската война върху национално-освободителните стремежи на българския народ // Военно-исторически сборник. 1954. №4; *Косев Д.* Отражението на Кримската война (1853-1856 гг.) в България // Исторически преглед. 1946/1947. № 2; *Конобеев В.Д.* Българското националноосвободително движение. Идеология, программа, развитие. София. 1972; *Паскалева В., Тодоров Н.* Кримската война и българите // История на България. Т. 5. София, 1985. С. 387.

² *Макарова И.Ф.* Апрельское восстание: две версии одного события // Юбилейный сборник в честь Р.П. Гришиной. М., 2010.

³ Подробно см.: *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българският църковен въпрос (Нови данни из архива на А.Чарторийски). София, 1964; *Макарова И.Ф.* Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008; *Sarova K.* Les Bulgares dans la politique balkanique de l'émigration polonaise (1842-1853) // Bulgarian Historical Review. 1974. № 3.

⁴ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Русский царь в народных представлениях болгар // Славяноведение. 2003. № 5.

⁵ *Арнаудов М. И.* Селимински. Живот – дело – идеи. 1799-1867. София, 1938. С. 307.

⁶ *Зайончковский А.* Восточная война 1853-1856. СПб., 1908. Т. 2. Приложения. С. 243.

⁷ *Русская старина.* 1876. Август. С. 687.

⁸ *Зайончковский А.* Восточная война .... Т.2. Приложения. С. 276.

⁹ Там же. С. 281.

¹⁰ *Никитин С.А.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 126.

¹¹ *Конобеев В.Д.* Българското ... С. 278-279.

¹² *Никитин С.А.* Русская политика ... С. 124.

¹³ *Конобеев В.Д.* Българското ... С. 339-344.

¹⁴ Там же. С. 340.

¹⁵ Там же. С. 293-295.

¹⁶ Там же. С. 295.

¹⁷ Там же. С. 288.

¹⁸ *Никитин С.А.* Русская политика ... С. 223.

¹⁹ *Конобеев В.Д.* Българското ... С. 296.

²⁰ *Барсов Н.* Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского наставительства (1854-1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895. С. 48.

²¹ Барсов Н. Тридцатилетие деятельности ... С.37-38.

²² Забунов И.Д. Одесское болгарское настоятельство в период Крымской войны // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977. С. 9.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Барсов Н. Тридцатилетие деятельности... С.30-37.

²⁵ Там же. С. 37-46.

²⁶ Забунов И.Д. Одесское болгарское настоятельство ... С. 13-15.

²⁷ Там же. С. 9.

²⁸ Михов М. Към историята на най-старите запазени до нас български военни знамена // Военно-исторически сборник. 1959. №3. С. 71.

²⁹ Забунов И.Д. Одесское болгарское настоятельство ...С. 9-10.

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Тонев В. Добруджа през Възраждането. София, 1973. С. 195.

³² Подробно см.: Макарова И.Ф. Русские подданные турецкого султана // Славяноведение. 2003. № 1.

³³ Подробно см.: Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковски-Садък паша и българското възраждане. София, 1973. С.120 и сл.

A. V. Карапасев

Князь Михаил Обренович и И. Гарашанин: внешнеполитические цели Сербского княжества

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший итоги Крымской войны, внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Оно оставалось «как прежде, под верховной властью Блиставельной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оного», но не при российском только, как раньше, а «общем совокупном ручательстве договаривающихся держав», т.е. Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России. Порта сохранила право иметь свои гарнизоны в крепостях на территории Сербии, однако без предварительного соглашения между державами, поставившими свои подписи под Парижским мирным договором, не могло быть «допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство»¹.

По мысли творцов Парижского трактата, коллективные гарантии держав должны были помешать установлению в Сербском княжестве преобладающего влияния одной из них. На практике же оказалось, что австрийское влияние в Сербии вскоре после окончания Крымской войны стало господствующим. Используя свое географическое положение, а также ослабление позиций России в княжестве, Австрия, опираясь на австрофильскую политику князя Александра Карагеоргиевича, стремилась подчинить Сербию себе. Франция и Англия, заинтересованные в первую очередь в ослаблении влияния России на Балканах, не препятствовали австрийским притязаниям.

После Крымской войны, внутриполитическая ситуация в Сербии становилась все более напряженной, приобретая взрывоопасный характер. Ясно обозначился глубокий политический кризис олигархического режима уставобранителей, ярким проявлением которого явилась борьба между сербским князем и Советом – главным органом

уставобранительского режима – за политическое преобладание. Князь, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку вовне. Австрийский консул Р. Радославлевич добился назначения проавстрийских настроенных министров. Во внешней политике князь Александр во всем следовал советам австрийской дипломатии. Среди политических деятелей Сербии конца 50-х гг. не было, да и не могло быть, единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации княжества. Наиболее дальновидный деятель уставобранительского режима Илия Гарашанин (1812–1874) считал, что Австрия является непримиримым врагом Сербии. Выступая против австрофильского курса князя, он предлагал опираться на Францию. Часть уставобранительских лидеров симпатизировала России, большинство же в борьбе с князем опиралось на Турцию.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники династии Обреновичей, активизировавшие свою деятельность. Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы – Е. Груйич, М. Янкович, Р. Алимпич и др., стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву. Против князя объединились представители различных политических группировок, в том числе многие видные деятели уставобранитльского режима – И. Гарашанин, Т. Вучич.

Начавшаяся в конце ноября 1858 г. Свято-Андреевская скупщина стала крупнейшим событием в истории Сербии этого времени. По ее решению был смещен Александр Карагеоргиевич и на сербский престол вновь избран Милош Обренович. Важнейшим результатом скупщины явилась ликвидация олигархического режима уставобранителей².

В 1860 г. старый князь скончался и на княжеский престол вступил его сын Михаил. Порта, стремясь избежать новых осложнений в Сербии, была вынуждена согласиться с его кандидатурой.

Михаил Обренович был европейски образованным человеком. Он взошел на престол с широкой и претенциозной программой внутри- и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого видного представителя консерваторов – И. Гарашанина – Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем – премьер-министром. Русский консул в Белграде А.Е. Влангали в одном из своих до-

несений так отзывался о нем: «И. Гарашанин чуть ли не единственный, кто понимает положение дел в стране».

Сербский князь разделял национальную внешнеполитическую программу, составленную И. Гарашанином в 1844 г. и известную под названием «Начертание». В 50-х и 60-х гг. она получила свое дальнейшее развитие. В соответствии с внешнеполитической программой Михаила – Гарашанина автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно было возглавить борьбу против Османской империи с целью создания нового государства, в состав которого должны были войти земли, населенные не только сербами, но и другими югославянскими народами: Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Хорватия, последняя – в случае распада Австрии. Князь Михаил и И. Гарашанин понимали, что без объединения всех сил балканских народов и использования благоприятной международной обстановки, без поддержки одной из великих держав, невозможно одолеть столь сильного противника, как Османская империя. Так появилась идея создания Балканского союза. Главной и основной силой этого союза, по мысли его создателей и идеологов, должна была стать Сербия, так как только в этом случае можно было рассчитывать на претворение в жизнь их программы объединения сербов в одном государстве. Князь и его премьер-министр разработали и осуществили целый ряд реформ, чтобы подготовить страну к предстоящей войне с Османской империей.

Выдающийся сербский политический деятель и национальный идеолог Илия Гарашанин во второй раз (после 40-х гг.) приступил к реализации своих планов, поддержанных князем Михаилом. В области внутренней политики князь Михаил и его премьер-министр – убежденный сторонник принципа монархизма – прежде всего стремились укрепить личный режим князя. Главным препятствием на этом пути являлась конституция 1838 г. (так называемая Турецкая конституция, значительно ограничивавшая права князя). Когда Михаил Обренович и И. Гарашанин решили выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой конституции и замены ее новой, в Петербурге им был дан совет, не отменяя формально конституцию 1838 г., свести ее на нет принятием ряда новых законов³.

В начале 60-х гг. в Сербии были изданы законы, обеспечившие укрепление власти князя и установление его автократического режима.

Одной из важнейших реформ стала военная: было создано так называемое народное войско и введена всеобщая воинская повинность. Это обеспечило княжеству довольно значительную по численности армию, что князь Михаил и его премьер-министр считали важнейшей предпосылкой выполнения своих внешнеполитических планов.

Принятие новых законов и активизация внешней политики княжества привели к резкому обострению сербско-турецких отношений.

В ходе белградского кризиса 1862–1863 гг. сербское правительство убедилось еще раз в необходимости объединения усилий балканских народов для успешной борьбы с Портой. В начале 60-х гг. Гарашанин сделал первые попытки начать переговоры о возможном союзе против Османской империи с Черногорией и Грецией. Однако эти переговоры не принесли позитивных результатов, что в значительной мере было обусловлено противоречиями между самими балканскими государствами, усугублявшимися вмешательством великих держав.

Австро-прусская война 1866 г. и поражение Австрии, главного противника осуществления сербских планов на Балканах, создали, по мнению князя Михаила и Гарашанина, благоприятную обстановку для активизации действий Сербии в направлении формирования Балканского союза. На заседании Совета министров Сербии в июле 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, одновременно активизируя переговоры по созданию Балканского союза⁴, который князь Михаил и Гарашанин считали важнейшим условием для начала вооруженной борьбы с Османской империей. Они понимали, что силы отдельных балканских государств слишком слабы, чтобы нанести поражение такому сильному противнику⁵. При помощи двусторонних переговоров с балканскими странами и представителями освободительных движений балканских народов сербское правительство рассчитывало избежать противоречий (или, по крайней мере, смягчить их) по территориальным вопросам, обнаружившимся уже на начальной стадии переговоров в первой половине 60-х гг.

Краеугольным камнем Балканского союза И. Гарашанин считал союз с Черногорией.

Провозглашение Черногории светским княжеством способствовало консолидации разрозненных племен и упрочению государственности. После прихода к власти князя Николая (1860–1918) несколько улучши-

лось экономическое и политическое положение страны. Ведя непрерывную борьбу с Турцией (в 1862 г. было отражено очередное нашествие турецких армий, угрожавших столице княжества Цетинью), князь Николай был заинтересован в сближении с Сербией.

Опираясь на ежегодные русские субсидии, а также на дипломатическую помощь и защиту России, Черногория добилась к середине 60-х г. укрепления своего внутреннего положения, роста авторитета и влияния среди славянского населения соседних районов Османской империи.

Исторически так сложилось, что за право играть ведущую роль в национально-освободительном движении сербского народа соперничали два государства, два княжества – Сербия и Черногория. Князь Николай вполне разделял «заветную мысль» князя Михаила и Гарашанина о необходимости объединения и освобождения сербского народа, но, если последние видели результатом этого процесса создание «великой Сербии» во главе с династией Обреновичей, то князь Николай хотел, чтобы новое государство возглавляла династия Петровичей-Негошей. Эти династические разногласия порождали взаимное недоверие сербского и черногорского князей, они постоянно соперничали и домогались закрепления за собой руководящей роли в национально-освободительном движении (особенно в Боснии и Герцеговине). Но и тот, и другой ощущали настоятельную необходимость взаимного сотрудничества. Распыление и без того ограниченных сил княжеств вело лишь к поражениям.

С мая 1866 г. возобновились сербско-черногорские переговоры. Каждая сторона разработала свой проект соглашения. Сами переговоры проходили в очень сложной обстановке. Князь Николай не желал смириться с ведущим положением Сербии в союзе. Однако он не мог не считаться с общественным мнением черногорского и сербского народов в пользу объединения усилий двух княжеств для борьбы с Османской империей. Отказ от подписания договора неминуемо привел бы к умалению роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. Поэтому князю Николаю пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. договор был подписан в Цетинье. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14(26) октября 1866 г.⁶

Согласно тексту подписанного договора, состоявшего из 12 статей, основной целью сербо-черногорского союза была совместная деятель-

ность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа в Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве». В случае успеха этого предприятия князь Николай обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем, который со своей стороны брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николаю ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов, а также право первенства в наследовании сербского престола перед всеми после князя Михаила, его сына или законного наследника, если таковой будет. Из уважения к заслугам черногорцев сербский князь должен был проявлять всяческое снисхождение при распределении налогов в новом объединенном государстве. Поскольку в Черногории не было обязательной воинской повинности, черногорцы на 25 лет освобождались от рекрутских наборов, но могли вступать в армию как добровольцы.

Ряд статей договора был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Оба князя согласились, каждый в границах своих возможностей, привлекать союзников, вести подготовку к восстанию среди подвластных Османской империи народов и добиваться поддержки их планов со стороны великих держав. Черногорский князь брал на себя обязательство начать войну вместе с Сербией всеми наличными силами. Черногория должна была во всем следовать выработанному совместно военному плану. Сам договор сохранялся в строжайшей тайне.

Заключение союзного договора между Сербией и Черногорией было важным шагом на пути претворения в жизнь планов Гарашанина и князя Михаила в деле создания Балканского союза; договор являлся его основой.

Идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против Османской империи была в тот период чрезвычайно популярна как в кругах сербской интеллигенции, так и среди широких народных масс обоих княжеств.

Значение договора трудно переоценить. Впервые после Первого сербского восстания 1804–1813 гг. идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против османских угнетателей получила свое материальное воплощение. Договор отражал объективно назревшую

необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи – освобождения и объединения сербского народа. Вместе с тем нельзя не отметить, что в договоре получила свое воплощение концепция создания «великой Сербии», заключавшаяся в присоединении новых территорий к Сербии. Правящие круги Сербского княжества хотели закрепить главенствующую роль Сербии в национально-освободительной борьбе сербского народа.

Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Петровичей и Обреновичей не исчезло в результате подписания союзного договора 1866 г. Это отразилось на дальнейшем развитии сербско-черногорских отношений. Руководители Сербского княжества делали все возможное для удержания Черногории в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Николай стремился укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, при этом часто действуя вопреки договору о союзе.

Большое значение для готовившегося столкновения с Османской империей имело и соглашение с Грецией – единственным в то время независимым государством на Балканском полуострове. Переговоры с греками вел сербский представитель в Стамбуле Йован Ристич. Но вначале успеха в ходе переговоров добиться не удалось. Только после прихода к власти в Афинах в 1866 г. сторонников А. Кумундуроса дело сдвинулось с мертвой точки. После долгих переговоров союзный договор был подписан в августе 1867 г.⁷ В договоре, в частности, указывалось, что после объявления войны Османской империи обе стороны обязывались вести борьбу до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели, союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции – Эпира и Фессалии, к Сербии – Боснии и Герцеговины. Союзники обязывались уважать волю народов, которые присоединятся к общей борьбе. Всем им обеспечивалась возможность либо присоединиться к одной из договаривающихся сторон, либо создать собственные государства, входящие в совместную с Сербией и Грецией конфедерацию.

Договор вступал в силу после ратификации его греческим королем и князем Сербии.

Ход сербо-греческих переговоров выявил значительные противоречия между двумя сторонами, прежде всего по вопросу о разделе подлежащих освобождению территорий Европейской Турции. Противоборство двух национальных программ –панэллинской и великокосербской – стало главным препятствием на пути объединения их усилий в борьбе против Османской империи. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший значительных преимуществ ни одной из сторон. Туманные упоминания о возможности создания конфедерации балканских государств дальнейшего развития не получили.

Сербскому княжеству также удалось достигнуть соглашения о дружбе с Румынией, правда, не предусматривавшего военный союз, но и в таком ограниченном виде оно было очень важным для Сербии, так как обеспечивало ее коммуникации с Россией, которая оказывала поддержку Сербии в ее планах⁸.

Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми государствами И. Гарашанин большое значение придавал вовлечению в борьбу с Османской империей балканских народов, лишенных своей государственности. Здесь Сербия стремилась опереться на политические организации и группы, готовые к сотрудничеству с ней. Так И. Гарашанин, в соответствии со своей внешнеполитической программой, рассчитывал привлечь к сотрудничеству лидеров хорватских буржуазных партий. Он поддерживал личные контакты с главой хорватской Национально-либеральной партии (народняков) епископом Й.Штросмайером. Политическая программа народняков не исключала возможности соглашения с Сербией. Народняки допускали, что Сербия может стать центром объединения южных славян и приветствовали внутреннюю стабилизацию Сербского княжества и его внешнеполитические успехи. Их югославизм получил свое выражение в определении конечной цели партии, заключавшейся в государственном объединении всех южных славян. Однако югославизм в идеологии народняков сочетался с австрославизмом, т.е. стремлением добиться равноправия славян с помощью федерализации Австрийской империи.

До 1866 г. контакты Гарашанина со Штросмайером сводились в основном к обмену мнениями по различным политическим вопросам.

После австро-пруссской войны народнякам и сербскому правительству стало ясно, что поражение Австрии неизбежно должно повлечь за собой серьезные перемены в империи. Не исключалась даже возможность ее распада. В этих условиях вопрос о создании югославянского государства приобретал реальные очертания. Гарашанин полагал, что распад Австрийской империи – дело недалекого будущего и на ее месте может возникнуть конфедерация из трех независимых государств, созданных чехами, венграми и южными славянами. В июне 1866 г. он решает начать непосредственные переговоры с Й. Штросмайером. Однако лидеры партии народняков в этот период еще надеялись добиться федералистского переустройства империи в духе идей австрославизма. Поэтому зондаж Гарашанина не принес практических результатов⁹. Но уже осенью 1866 г., когда все больше стала вырисовываться перспектива оформления австро-венгерского дуализма, лидеры народняков в своей внешнеполитической деятельности начинают проявлять стремление к сближению с Сербией. В сентябре 1866 г. Штросмайер сообщил Гарашанину о согласии сотрудничать во имя создания единого югославянского государства. В марте 1867 г. Анте Орешкович, бывший капитан австрийской армии, дезертировавший в Сербию в 1862 г. и ставший доверенным лицом Гарашанина, составил проект программы югославянской политики Сербии, который был отредактирован Гарашанином и отослан Штросмайеру. Хотя никакого документа в этой связи не было подписано и, следовательно, юридически соглашение осталось неоформленным, Штросмайер и руководство народняков согласились с основными принципами, изложенными в проекте, о чем сообщили Гарашанину¹⁰. Отсутствие формального договора по всей видимости объяснялось позицией сербского правительства, не желавшего заключать международные акты с теми, кто не имел на это права с точки зрения государственных юридических норм, и опасавшегося компрометации Сербии.

«Неизменной и вечной» целью сербов и хорватов в проекте программы объявлялось освобождение христиан, изнывавших под гнетом Османской империи, и создание условий для образования объединенного союзного югославянского государства, политическое устройство которого определят объединившиеся в нем народы. Достичь этой цели предполагалось постепенно. Ближайшей задачей программы, ее первым этапом было освобождение и присоединение к Сербии Боснии

и Герцеговины. Возглавить борьбу за освобождение этих провинций должны были «два столпа югославянского дела» – Белград и Загреб. Основой будущего единого государства признавался национальный принцип. Освобождение Боснии и Герцеговины являлось первой ступенью к достижению «великой цели». Хорватия со своей стороны также должна была готовиться к ее осуществлению, избегая усиления зависимости от Вены и Будапешта. Программа предусматривала целый ряд конкретных мер по организации восстания в Боснии и Герцеговине, которое должно было начаться «еще в этом году». При этом предусматривалось перебросить в Боснию и Герцеговину ряд чет, которые затем стали бы ядром повстанческой армии. Четы должны были формироваться и получать снабжение из Сербии, Черногории, Хорватии и Военной границы. Для координации четнической деятельности предполагалось создать специальные комитеты в Белграде и Загребе. Важным условием успеха восстания, по мысли авторов программы, являлось обеспечение невмешательства великих держав. Для этого нужно было представить дело таким образом, чтобы восстание выглядело как спонтанное движение народов Боснии и Герцеговины. После освобождения значительной части их территории должно быть основано правительство, которое провозгласило бы объединение этих областей с Сербией при сохранении вассальных отношений с Портой. Расчет делался на то, что Османская империя не сможет собственными силами подавить восстание, а великие державы, как и в случае с Критом, не решатся на прямое вмешательство. Однако в данном случае договаривающиеся стороны ошибались. Австро-Венгрия не исключала возможности вторжения Сербии в Боснию. В декабре 1867 г. Андраши говорил австро-венгерскому послу в Стамбуле А. Прокешу-Остену, что в таком случае « monarhia немедленно оккупирует Сербию»¹¹.

Ясно прослеживается главная цель сербской стороны при создании данной программы – обеспечить содействие хорватской Народной партии в деле присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. В обмен на это содействие давались туманные обещания о создании в будущем объединенного югославянского государства.

Народняки соглашались с планами Гарашанина – Орешковича, расчитывая на поддержку Сербии в их борьбе за права хорватского народа. Уже в мае 1867 г. был создан Главный комитет в Загребе. Близкий

соратник Штросмайера М.Мразович, приехав в Белград в апреле 1867 г., сообщил Гарашанину, что несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное на руководство Народной партии поездкой князя Михаила в Стамбул, она не отказывается от сотрудничества и согласна, в случае необходимости, ожидать нового срока начала совместных действий. Гарашанин заверил Мразовича в искренности намерений Сербии и, по сообщению российского консула в Белграде Н.П. Шишкина, просил передать лидерам Народной партии, что пока следует «содействовать приготовлению по знаку Сербии восстания в Боснии; когда же настанет час действия, помочь княжеству присылкою офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения»¹². Мразович заявил, что в случае восстания хорваты готовы выйти из состава Австрии и присоединиться к Сербии.

Перемена международной обстановки и изменение внешнеполитического курса Сербии в конце 1867 г., когда князь Михаил пытался присоединить Боснию и Герцеговину при содействии Австро-Венгрии, привели к тому, что контакты сербского правительства с хорватской Народной партией не получили дальнейшего развития. Тем не менее рассмотренная выше программа явилась важным шагом на пути объединения сил балканских народов в их борьбе за национальное освобождение.

Сербское правительство вело также переговоры о возможном участии в совместном антиосманском выступлении и с Добротельной дружиной, объединявшей представителей болгарской эмигрантской буржуазии¹³. Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар прежде всего для реализации собственной внешнеполитической программы.

До заключения формального соглашения дело не дошло, хотя представители Добротельной дружины предлагали проекты соглашения, предусматривавшие создание объединенного сербско-болгарского государства. Очевидно, И. Гарашанин не хотел связывать себя слишком серьезными обещаниями на будущее, не доверяя своим болгарским партнерам.

Еще одним неотъемлемым элементом планов сербского премьер-министра была организация сербской политической пропаганды в

пограничных с Сербией областях Османской империи и подготовка там восстания. По его мысли одновременно с выступлением участников Балканского союза должно было начаться восстание в Боснии и Герцеговине, на Косово и в Албании. Самым важным сербским министром считал создание хорошо организованной сети тайных агентов в турецких областях из местных жителей. «Если послать человека из Сербии, – писал И. Гарашанин Й. Мариновичу, – то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компрометации»¹⁴.

В 1862 г. был создан специальный комитет, задачами которого были руководство и координация всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовка восстания. Комитет составляли: председатель – государственный советник Л. Арсениевич-Баталака – и два члена: полковник Ф. Зах – начальник артиллерийской школы – и А. Николич, выполнявший обязанности секретаря. Деятельностью комитета руководил сам И. Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Технической стороной дела ведал А. Николич. Он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высыпал им деньги¹⁵.

Практический результат работы агентов И. Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там влияния сербского правительства. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными. После отставки И. Гарашанина с поста премьер-министра в конце 1867 г. подготовка княжеством вооруженного выступления против Османской империи прекратилась.

Ошибочным было представление сербских государственных деятелей, что в любом районе Европейской Турции можно вызвать восстание в нужный момент, благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе, используя для его организации своих доверенных лиц. Сербские политики недоучитывали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других сопредельных с Сербией областей на первом месте стояли социальные противоречия, усугубленные экономическим гнетом феодальной Османской империи.

Для И. Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реализации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило бы из-под контроля Сербии. Однако это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

С формальной точки зрения к маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор с Грецией; в начале 1868 г. подписана сербо-греческая военная конвенция, ратифицированная в мае, и заключен договор о дружбе с Румынией. В сербско-греческой военной конвенции была даже намечена дата совместного выступления против Порты – сентябрь 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вели переговоры о сотрудничестве с хорватами, болгарами и албанцами. Правительству удалось добиться в 1867 г. вывода турецких гарнизонов из всех крепостей, расположенных на территории Сербского княжества.

Но Балканский союз так и не проявил себя в действии. В ноябре 1867 г. князь Михаил неожиданно уволил в отставку И. Гарашанина, а в мае 1868 г. был сам убит заговорщиками. После этого практическая деятельность по реализации идей Балканского союза прекратилась. Однако причины неудачи союза нельзя сводить только к гибели князя Михаила и смене его политической ориентации.

Одной из главных причин отказа от осуществления этих планов была военная слабость всех союзников и прежде всего Сербии, что не могло не отражаться на политике князя Михаила, понимавшего огромную степень риска для Сербии. Это обстоятельство сыграло важную роль в том, что Михаил начал весьма сложную игру с графом Андраши, обещавшим ему получение Боснии и Герцеговины мирным путем, без войны.¹⁶ На деле же это была лишь хитрая приманка для Сербии – Австро-Венгрия сама имела претензии на Боснию и Герцеговину. Но в это время она стремилась не допустить каких-либо обострений на Балканах, поэтому оказала давление и на Порту, чтобы та согласилась передать оставшиеся крепости на территории Сербии сербскому князю¹⁷.

Еще одной важной причиной неудачи союза были резкие противоречия между его участниками, прежде всего по территориальным вопросам. Если понимание необходимости объединения усилий для освобождения от власти Порты присутствовало у всех, то перспективы дальнейшего развития событий в случае победы все видели по-разному.

Наконец, свой вклад внесли и противоречия великих держав на Балканах. Еще очень слабые в тот период балканские государства не могли обойтись без поддержки извне. Гарашанин всячески стремился обеспечить для Сербии поддержку нескольких великих держав, но на практике лишь Россия, заинтересованная в восстановлении своего влияния на Балканах после Крымской войны, оказала Сербии значительную дипломатическую, материальную и военную помощь. Остальные великие державы занимали или открыто враждебную позицию по отношению к планам Сербского княжества, или не оказали никакой поддержки.

Но несмотря на неудачу Балканского союза 60-х гг., сама идея объединения усилий балканских стран и народов в борьбе за освобождение не была дискредитирована.

Консервативные взгляды князя Михаила и И.Гарашанина на способы и методы реализации национальных сербских идей отнюдь не исчерпывали весь спектр сербского идейного наследия 60-х гг. XIX в.

Либеральное направление было представлено движением Омладины сербской молодежи, центр которого находился в Воеводине. Омладина объединяла различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, политические союзы, студенческие общества. Основное направление ее деятельности было культурно-просветительное. Главной своей задачей Омладина и ее идеологи Владимир Йованович и Светозар Милетич считали политическое единство всех сербских земель. Таким образом, если понимание необходимости освобождения и объединения сербского народа как важнейшей задачи присутствовало как у консерваторов, так и у либералов, то в отношении средств достижения этой цели и форм ее реализации единства не было.

Гарашанин и князь Михаил пытались привлечь на свою сторону Омладину и воеводинских либералов, но из этого ничего не получилось. Либералы были недовольны авторитарным режимом, установленным князем Михаилом в Сербии. На Белградском съезде Омладины дело дошло до ее полного разрыва с сербским правительством.

Главным идеологом революционно-демократического направления сербской общественной мысли был Светозар Маркович, который выступал за ликвидацию монархии и установление демократической республики. Внешнеполитическая часть его программы включала в себя освобождение и объединение всех составных частей сербского народа, посредством национально-освободительной революции южнославянских народов, в результате которой была бы создана федерация свободных и равноправных народных республик.

После смерти князя Михаила сербский престол остался без прямого наследника. Князем был провозглашен малолетний Милан Обренович, племянник князя Михаила. До его совершеннолетия власть в стране переходила в руки трех регентов – М. Блазнавца, Й. Ристича и Й. Гавриловича. Главным идеологом Регентства был умеренный либерал Йован Ристич. На словах он никогда не отказывался от продолжения прежнего направления внешней политики княжества, разработанного И. Гарашанином – создания Балканского союза, но на деле наместники не вели какую-либо подготовку вооруженного выступления против Османской империи. Ристич считал, что Сербия сможет получить территориальные приращения и осуществить свою главную цель – завоевание независимости – с помощью дипломатических комбинаций при опоре на великие державы.

В 1875 г. вспыхнуло восстание христианского населения в Боснии и Герцеговине, вызвав небывалый национальный подъем в Сербии и Черногории. Общественность требовала оказания помощи сербским братьям, добровольцы отправлялись сражаться за «сербское дело». Правительство княжества было застигнуто врасплох.

В этой обстановке была предпринята попытка возобновить союзные договоры, заключенные князем Михаилом и И. Гарашанином. Однако переговоры с Румынией и Грецией закончились ничем. Удалось договориться только с Черногорией, но князь Николай не захотел возобновлять прежний договор 1866 г. Он согласился выступить против Порты заодно с Сербией, однако при этом отказался от заключения военной конвенции и потребовал сохранения за ним права командования черногорской армией. Таким образом, никакого единого координационного центра для совместных боевых действий против Османской империи не было создано. Договорились лишь о разработке общего плана во-

енных операций¹⁸. Снова разгорелось прежнее соперничество между Сербией и Черногорией за руководство повстанческим движением в Боснии и Герцеговине. Черногория доминировала в Герцеговине, а сербское влияние было преобладающим среди боснийских сербов. Все это не способствовало успеху боснийско-герцеговинского восстания.

В июне 1876 г. началась сербо-черногоро-турецкая война. На помощь Сербии направились добровольцы из России. Командующим сербской армией стал генерал М.Г. Черняев. Но если черногорцы успешно действовали в горах Герцеговины, то Сербия оказалась гораздо уязвимей. Турецкая армия, сосредоточенная против Сербии, которую Порта справедливо считала главным противником, перешла в наступление. Несмотря на героическое сопротивление сербского народного войска, турки прорвали фронт под Джунисом и по долине Моравы двинулись на Белград. России удалось остановить турецкие войска своим ультиматумом. Но Сербии пришлось выйти из войны. Продолжала сражаться лишь Черногория.

В 1877 г. началась русско-турецкая война. После долгих уговоров и колебаний князь Милан присоединился к России и снова вступил в войну с Османской империей, однако продвижение сербских войск на южном фронте было остановлено перемирием, заключенным между Россией и Турцией. Сербским войскам удалось освободить ряд пограничных территорий Османской империи к югу от княжества (Пирот, Вранье).

Как известно, драматические события Восточного кризиса 70-х гг. завершились Берлинским конгрессом. По его решению Сербия и Черногория добились признания своей независимости. Оба княжества получили и территориальные приращения: к Сербии были присоединены 4 новых округа площадью 11 тыс. кв. км. Черногория также в 2 раза увеличила свою территорию, получив ряд плодородных земель с городами Подгорица, Ульцин и др. Завоевание независимости явилось результатом длительной героической борьбы Сербии и Черногории.

Эти итоги были весьма неплохи для Сербского княжества, особенно учитывая первую неудачную для него войну с Турцией. Но решением Берлинского конгресса Австро-Венгрия получила право на бессрочную оккупацию Боснии и Герцеговины, занимавших центральное место во внешнеполитических планах Сербии и ставших причиной вступления

княжества в войну с Османской империей в 1878 г. Теперь на пути сербских планов в Боснии и Герцеговине появилось непреодолимое препятствие: сражаться с Австро-Венгрией ей было не под силу.

Результатом оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины стал в дальнейшем перенос внешнеполитической активности Сербского княжества на юг, где вокруг Македонии, оставшейся в составе Османской империи, возник новый узел напряженности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917 гг. М., 1952. С. 31.

² Јовановић С. Уставобранитељи и њихова влада. Београд, 1933. С. 243, 244, 367.

³ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1860 г. Л. 229, 229 об.

⁴ Шкеровић Н.П. Записници седница Министарског Савета Србије 1862–1898 гг. Београд, 1952. С. 37–38.

⁵ Мандић Петар Б. Југославија: илузија или визија. Корени трагедије српског народа у XX веку. Београд, 2002. С. 126.

⁶ Текст договора см.: Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963. Прилог 5. С. 486–489.

⁷ Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Прилог, 14. С. 510–514. Терзић Славенко. Србија и Грчка (1856–1903). Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 128–138.

⁸ Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез). С. 519–521.

⁹ Крестић В. Хрватско-угарска нагодба 1868 г. Београд, 1969. С. 233–234, 349.

¹⁰ Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила... С. 362; Вучковић В. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. 1859–1874. Београд, 1965. С. 281–283.

¹¹ Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила... С. 398; Крестић В. Хрватско-угарска нагодба... С. 367–368.

¹² АВПРИ. ф. ГА ВА2. Д. 252. Л. 59–60.

¹³ Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1878. Док. 28. С. 183–184; Пирочанац М. Кнез Михаило и заједничка радња балканских народов. Београд, 1895. С. 36–37.

¹⁴ И.Гарашанин – Ј. Мариновићу 6(18) мая 1861 г. // Писма И.Гарашанина Ј.Мариновићу. Књ.2. (1851-1874). Београд, 1939. Док. 176. С. 88-89.

- 15 *Hukouzh A*. Omc pažube no upemety omüter chopeazymjubeha za yctrahax n jean-hec. // Melioranta rpaža. Beoparaz, 1979. Kth. 7.
- 16 *Biykoeguh B*. Tlajintirka akunja Cpgnje y jykkhociorbechknm mokpasjhema Xäcgy-p-mike Moħapxnej. Jlok. 137. C. 248-250.
- 17 *Mahquh Themap B*. Jytoċinaejja: nuziġja minn binsنجa. Kopien tpar/eajnejse cpcikor ha-pola Y XX Bejk. C. 139.
- 18 *Xumopoea H.H*. Hepphoropnejn b 50-70 rr. XIX b. M., 1979. C. 310-312.
- hepphoropnejn orhomenejn b 50-70 rr. XIX b. M., 1979. C. 310-312.

А.Л. Шемякин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР СЕРБСКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ ПО ПИСЬМАМ НИКОЛЫ ПАШИЧА

Письма являются собой тип источника специфический и, если изначально не предназначены автором кроме адресата еще кому-либо или Истории, то самый правдивый. «Ничто не выдает человека так, как письмо», – эту максиму Германа Броха с полным правом воспроизвела Латинка Перович в предисловии к книге о Пере Тодоровиче¹. А потому в своей переписке герои прошлого часто предстают не в том виде, в каком их привыкла выставлять традиционная историография. Бывает, что в ней скрыты и подлинные пружины тех поступков, что вошли в историю, трактуемые с точностью до наоборот. Иначе говоря, личные письма, оказавшись в руках потомков, нередко ломают стереотипы, созданные авторитетами, господствующей идеологией или традицией. И в том их немалое значение.

Ниже (на конкретном материале) мы постараемся показать оправданность таких суждений. Заявленная в титуле тема вполне позволяет сделать это, четко определив исследовательскую задачу, – выяснить *характер* Сербской радикальной партии через анализ писем ее бессменного вождя. Такой крен при отборе источников кажется нам весьма перспективным, ибо вопрос о характере и идейной природе Радикальной партии до сих пор остается одним из наиболее «стереотипных» в науке².

1. Письма, которые больше чем письма

Изучая жизнь или идеи любой заметной исторической личности, исследователь стремится к познанию материалов аутентичных, то есть вышедших из-под ее пера. И прежде всего, писем. Не всегда это удается, но всегда этого хочется.

Биографам Николы Пашича в этом отношении крупно повезло. Его письма (те, что доступны) составляют уникальный корпус, имея

в виду их значение для науки. Ведь взятые в совокупности они позволяют предложить принципиально новые ответы на многие, казалось бы, давно решенные вопросы. Примерно так, как одним лишь фактом своего существования уже смогли опровергнуть до сих пор бытующий в литературе миф, будто «приватная документация Пашича весьма незначительна по объему»³, поскольку, мол, «писал он мало и не любил оставлять за собой письменных следов»⁴. Архивные разыскания, проведенные в Сербии, России и Болгарии, доказали совершенно обратное. Что именно?

Начнем с того, что Пашич писал очень много и с удовольствием. О первом свидетельствует хотя бы общий объем его эпистолярного наследия (он огромен); о втором – собственное признание, сделанное в письме Ранко Тайсичу от 26 октября 1881 г.: «Если бы у меня было достаточно времени, я постоянно переписывался бы с друзьями, так как сей процесс доставляет мне подлинное удовольствие. Но поскольку времени практически нет, то я редко могу себе его позволить»⁵.

Далее. Пашич тщательно сохранял свою корреспонденцию, оберегая ее как зеницу ока, – в связи с чем бытует легенда о «плетеном чемодане», который он якобы не выпускал из рук, ибо там содержалась его доверительная переписка. А ведь это никакая не легенда: чемодан и впрямь существовал. До 1903 г. он всегда находился в полной готовности к внезапному отъезду своего владельца за границу: время тогда было неспокойное. Мало того, бывало, что Пашич и сам отправлял его туда – людям, которым доверял. Например, в Италию, где чемодан хранился у шурина, Стевана Дуковича, или в Россию, где его «опекал» другой близкий человек, полковник Генштаба Федор Федорович Таубе. В июне 1903 г., вернувшись после Майского переворота в Белград и осмотревшись, он отписал жене: «Скажи Стеве, пусть возвращает все мои бумаги, опасности больше нет»⁶.

Однажды злополучный чемодан едва не стоил ему головы. Преданный радикал, Михайло Душманич вспоминал об аресте Пашича после знаменитого «Иванданского атентата» (1899): «Обыскали все мои комнаты и шкафы, в особенности книжные. И пока перетряхивали дом, я чуть не умер со страха, моля Бога, чтоб они не полезли на чердак, – там, хорошо спрятанный, хранился чемоданчик, где находилась документация о деятельности Радикальной партии и самого Пашича во время

эмиграции. Если бы его нашли, исполнилось бы заветное желание короля Милана – „скинуть Пашичу голову“⁷.

В бытность того в эмиграции (1883–1889), чемодана, понятно, еще не было. Но вся важнейшая корреспонденция, накопленная к тому времени, хранилась в Софии, в «двуих больших, общитых полотном, пакетах», у Симо Соколова – еще одного верного друга⁸. Или же в Рущуке, у добрых знакомых – Аксентия Аксентиевича и Наталии Каравеловой (вдовы Любена Каравелова)⁹. Как видим, Пашич был осмотрителен и аккуратен, никогда не доверяя свой личный архив превратностям жизни на чужбине. Его бережное отношение к нему иллюстрирует обращение к бывшему однокашнику по цюрихскому Политехникуму, а в середине 1880-х гг. – соратнику по борьбе с королем Миланом Обреновичем, Михаилу Свилокосичу: «Я думаю, ты хранишь мои письма так же, как и я твои. Быть может, придет время, и мы возвратим их друг другу»¹⁰. И в послании товарищам по изгнанию от 4 января 1886 г. – тот же мотив: «Это письмо верните мне, когда будете посыпать расписку»¹¹. Удивительно, но и сорок лет спустя наш герой ничуть не изменился – 11 августа 1926 г. слабая старческая рука буквально нацарапала на письме Аце Станоевичу: «Оставь для меня его копию»¹².

Такое отношение логично вписывается в общий, весьма заинтересованный, подход Пашича к истории, тем более, что он рано осознал свою роль в ней¹³. Всего один пример – когда в 1915 г. экс-королева Наталия Обренович обратилась к Йовану Жуйовичу с предложением взять на хранение ее мемуары, тот отказался, заметив: «Их купит у Вас Пашич, который собирает записки современников»¹⁴. Зачем бы? Есть указания на то, что он предполагал писать историю Радикальной партии¹⁵.

Следующий момент. Несомненно, что дошедшие до нас письма Н. Пашича являются первоклассным историческим источником. Хотя бы потому, что в них (по крайней мере, до его женитьбы в 1891 г.) практически нет личных мотивов. Профессиональный политик и лидер крупнейшей сербской партии, фанатично ей преданный, он писал только о деле, каким для него всегда оставалась борьба. «Я знаю, – совсем по-вольтеровски говорил он, – что жизнь есть борьба»¹⁶. Ее цели, друзья, враги, общеполитический и идеиный контекст – все это богатство сюжетов (подлинный рай для историка) находит отражение в письмах

Пашича соратникам. И сам он прекрасно сознавал эту особенность, заметив однажды, что его письма «носили общий, а не частный характер»¹⁷.

И, наконец. Именно в своих письмах Пашич до конца откровенен, а значит, – они заслуживают полного доверия. Ведь, по крайней мере, в нескольких из них (Драгише Милутиновичу – 1873 г.¹⁸, Ранко Тайсичу – 1881 г.¹⁹, Николе Сукнарову – 1885 г.²⁰, Саве Груичу – 1888 г.²¹) мы слышим настоящий крик души. Поводы к этому в каждом случае разнились, но само явление для автора – человека с крепкими нервами и не по-балкански хладнокровного – отнюдь не типично... Воистину, «ничто не выдает человека так, как письмо». И даже «железный» Никола Пашич не смог утаить от пера и бумаги своих эмоций.

Тонкий наблюдатель и блестящий знаток эпохи, Милан Протич-Старший вынес по теме сказанного удивительно точный вердикт. Такой недоверчивый и закрытый человек, как Пашич, писал он, «был искренен единственно в своих письмах», которые, следовательно, «важны не только для него, но в какой-то степени и для истории – как Радикальной партии, так и сербского народа вообще...»²². Все точно, вот только жаль, что на эту оценку деда внук-историк не обратил никакого внимания, продолжая заниматься мифотворчеством²³.

2. Публикация, использование, подходы

Публикация отдельных писем Николы Пашича началась еще при его жизни, до начала Первой мировой войны. Пионерами в этом деле можно считать болгарских историков – во 2-м томе юбилейного «Архива возрождения» было напечатано его письмо Захарию Стоянову на болгарском языке²⁴. Несколько лет спустя в известных «Отрывках» Стояна Протича увидело свет письмо Пашича Саве Груичу²⁵.

Но настоящий толчок к извлечению на свет Божий фрагментов переписки вождя радикалов дала его смерть (10 декабря 1926 г.) и задуманный почитателями выпуск ряда изданий, ему посвященных. С этого момента письма Пашича – в основном, времен юности и первой эмиграции – появляются на страницах периодической печати, альманахов и т.д. достаточно регулярно. Однако, какой-либо системы при их отборе и подготовке к печати еще не было: публиковались документы, оказав-

шиеся, что называется, под рукой, часто без комментариев; имело место дублирование, да и публикатором, как правило, становился кто угодно, только не профессиональный историк²⁶.

Первым, кто подошел к «делу» строго по-научному, был видный сербский исследователь Йован Радонич. В своем выступлении в «Политике» он не только представил интегральный текст послания Пашича воеводинскому либералу Мише Димитриевичу от апреля 1876 г., но и вскрыл общественно-политический контекст, в условиях которого оно появилось на свет, проанализировал основные его положения и убедительно показал все значение этого важнейшего документа – «самой ранней программы Радикальной партии»²⁷.

После 1945 г. публикация писем Николы Пашича застопорилась (новая власть мало церемонилась с поверженными идеиными противниками и их памятью), – как «самому яркому представителю консервативной сербской буржуазии»²⁸, ему было уготовано место на задворках истории. Так создавались мифы, доживающие кое-где на страницах исторических «трудов» и поныне.

Но с начала 70-х гг. прошлого века «занавес молчания» начал приподниматься. Именно тогда (и впервые в профессиональном историческом журнале) Иеремия Митрович опубликовал письмо Пашича Косте Таушановичу от 4 августа 1887 г., каковое, по его мнению, представляло собой «важные размышления автора о некоторых узловых проблемах Сербии в условиях реанимации ее после Сливницы и стабилизации Радикальной партии»²⁹. Однако, несмотря на такую оценку, документ не удостоился никакого комментария. В свое оправдание Митрович заметил, что «он вышел бы за рамки обычного комментария и перерос в целую научную работу».

Впоследствии историк дважды возвращался к тексту письма и разбирал его в специальных статьях (первоначально – докладах на научных конференциях)³⁰. Долг читателю был, таким образом, оплачен. Но речь не только о том. На примере обеих работ И. Митровича нам видится слабость общего подхода к исследованию политики радикалов и Пашича, когда на основе анализа единственного документа делаются решительные выводы. Так, письмо К. Таушановичу якобы «открывало новый и значительный период в деятельности Радикальной партии», а его автор, оказывается, «открестился в нем от недавней политики».

Период 1886-1887 гг. назван «временем перемены позиции Пашича и радикалов по отношению к королю Милану».

Все данные заключения (логичные на первый взгляд, но мало что объясняющие) являются результатом слишком буквального прочтения текста, отрыва его от детального анализа политического контекста в Сербии и вокруг нее, непривлечения иных источников, параллельное изучение которых могло бы пролить дополнительный свет на действительно новые нюансы в деятельности радикалов. И в итоге, выводы комментатора приобретают гипертрофированный характер, когда тактические ходы сливаются со стратегическими устремлениями. На самом же деле, позволим себе это утверждать, никаких *принципиальных* изменений политика радикалов в 1886-1888 гг. не претерпела, как не изменилась и позиция их лидера – в первую очередь, в отношении Милана Обреновича. То была политика «с двойным дном», жертвой которой оказался умеренный Пера Тодорович, предлагавший партии подлинную (а не мнимую) смену курса³¹.

1980-е годы принесли новый всплеск интереса к личности Н. Пашича, что было связано с появлением первых значительных работ о нем, вышедших из-под пера Джордже Станковича³². В это же время свет увидела и обширная подборка его ранних писем, собранных Андрией Раденичем и приложенных ко второму тому крупного исследования «Радикальная партия и Тимокское восстание»³³. Но опять-таки, несмотря на всю важность для науки сделанного А. Раденичем шага, его недостатки очевидны – письма Пашича, данные в приложениях и, по обычаю, лишенные всяких комментариев, расположенные в хронологическом порядке, но без внутренней связи, теряют значение *исторического источника*, превращаясь в иллюстративный привесок к авторскому тексту.

Последнее десятилетие прошлого века привело, наконец, «пашичеведение» в некую систему. Оно характеризуется появлением целого ряда новых работ о Пашиче и радикалах³⁴. Но в ракурсе предложенной нами темы это, пожалуй, и не самое важное. Главное заключается в том, что во многом изменился сам подход к исследованию: впервые публикация источников стала рассматриваться как *самостоятельная* его фаза – своего рода этап первичного осмысливания. А потому и отношение к ней стало иным. Каким же?

Во-первых, все публикации сопровождаются обширным научным аппаратом (и, как результат, – каждый отдельный фрагмент обнаруживает новые, доселе скрытые, грани и взаимосвязи), а также введением студией, где синтезируется значение всей *совокупности* вводимого в оборот материала. Во-вторых, превалирует строго системный подход. С одной стороны, это проявляется в стремлении представить более широкий жанровый спектр источников личного происхождения, которые, при «перекрестном» изучении, выявляют некоторые *константы* в деятельности и мысли Пашича, т.е. его стратегические цели и ориентиры³⁵. С другой – ставится задача определить время, когда они формируются и кристаллизуются, чтобы затем, двигаясь по хронологической лестнице вверх, проследить их развитие и эволюцию. Такой метод предполагает как публикацию документов Пашича, так и исследование его деятельности и идей, строго по периодам, начиная с самых ранних. Это в-третьих.

Естественно, что и работа с письмами вождя радикалов идет в русле данных установок. Вышедший в 1995 г., – к стопятидесятилетию со дня рождения, – сборник материалов является на данный момент наиболее полным и *концептуально* отработанным собранием его писем, доведенным до 1891 г. – времени вхождения во власть³⁶. Важная особенность сборника состоит в том, что, наряду с тщательно отобранными текстами из сербских архивов (часть из которых была опубликована А. Раденичем), в него вошли неизвестные ранее русские автографы Пашича, относящиеся к первому (с точки зрения формирования личности – самому важному) периоду его жизни и деятельности. Все другие публикации писем Пашича, выполненные в то же время, органично дополняют указанное издание³⁷.

Вместе с тем стоит заметить, что, несмотря на сделанный в познании Пашича и его партии поворот, и ныне случаются рецидивы прежних подходов – когда, на основании анализа одного только источника (письма или программы), делаются далеко идущие выводы, которые затем, правда, зависают в воздухе, не обретя иного документального подтверждения³⁸.

Что ж! Дискуссия продолжается...

Начало нового века преподнесло приятный сюрприз – в 2001 г. проживающий в Торонто Никола Пашич-внук вернул хранившуюся у него

часть дедовского архива в Сербию. И большинство полученных материалов – как раз *письма* старого Пашича. Среди них встречаются целые уникальные блоки, как, например, переписка с митрополитом Михаилом 1884–1888 гг., значение которой для науки давно осознано: «Если когда-нибудь будут обнаружены и опубликованы их письма, … это даст возможность гораздо глубже исследовать важный период жизни и деятельности Николы Пашича и митрополита Михаила»³⁹.

Понятно, что пройти мимо *такого* архивного комплекса было невозможно, и спустя три года в Белграде появился сборник «Никола Пашич и митрополит Михаил. Эмигрантская переписка»⁴⁰ *. Он вобрал в себя все известные (на данный момент) черновики и оригиналы их писем друг другу. Подготовленный по «новой технологии», сборник стал важным этапом осмысливания концепции монографии «„Балканский детектив“. Никола Пашич в эмиграции: Болгария, Румыния, Россия», работа над которой в настоящее время завершается…

3. Происхождение и «предыстория» Сербской радикальной партии

Во введении к сборнику писем, статей и выступлений Пашича составители постарались вычленить сквозные темы, которые проходят в нем красной нитью на протяжении всей хронологии – до 1891 г. Так вот, одной из таких *констант мышления героя* было «рождение и развитие Народной радикальной партии»⁴¹. Что логично, ибо речь идет о

* Кроме указанного сборника, в первом десятилетии XXI в. в свет вышел двухтомник речей Николы Пашича (См.: Сто говора Николе Пашића. Вештина говориштва државника. Књ. 1-2. Приредио Ђ. Станковић. Београд, 2007). Из последних исследований о нем назовем: *Станковић Ђ. Никола Пашић. Прилози за биографију*. Београд, 2006; *Шемјакин А. Идеологија Николе Пашића. Формирање и еволуција (1868-1891)*. Београд, 2008; *он же*. Почеки Радикалне партије. Никола Пашић у Пожаревцу (1879-1880) // Браничево у историји Србије (Зборник радова). Пожаревац-Београд, 2008. С.305-314; *он же*. Никола Пашич в Румынии (1885-1889). Идеологический аспект // *Studia Slavica Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009. С.43-53; *он же*. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версала. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 34-67; *он же*. Никола Пашич в Болгарии (1883-1885) // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П.Гришиной. М., 2010. С. 96-117.

ее создателе, идеологе и харизматическом лидере, никогда не отделявшем себя от своего детища... Правда, в литературе делаются попытки искусственно разделить вождя и партию⁴², однако убедительными они не выглядят, поскольку ничем не подкреплены и ничего не объясняют. Те же, кто делает это, в его письма точно не заглядывали; зачем – ведь если их как бы нет, легче «доказать», что Пашич был *только* pragmatиком и практиком, а «идейную основу сербского радикализма создавали другие»⁴³. На самом же деле все было по-другому.

Начнем с того, что сам генезис Радикальной партии он рассматривал как вполне логичное звено в цепи «постоянных борений сербского народного духа с намерениями властителей, которые желали устроить и направить Сербию в соответствии с их собственными планами, заимствованными за границей – в результате контактов с чуждой западной цивилизацией». А как же иначе – ведь «всякая народная партия ведет свою родословную от какого-то важнейшего для народа принципа, стремления, идеала»⁴⁴. В том числе, понятно, и Радикальная.

Ее история началась в 1869 г., когда, по принятии конституции, «молодежь, не пошедшая за Регентством, стала защищать народные свободы и народные права в русле самостоятельной деятельности»⁴⁵. Тогда же Светозар Маркович выступил с известной статьей «Сербские обманы», где положил начало эмансиpации нарождавшейся социалистической идеологии от либеральной традиции, – «в той борьбе на первый план вышли социалисты, стремившиеся к тому, чтобы народные особенности у нас сохранялись и развивались, и чтобы нам не идти во всем по пути Западной Европы...»⁴⁶ *. Информативно насыщенные

* И позже Пашич оставался крайне последовательным в этой своей позиции. В 1895 г., в беседе с одним русским гостем, подчеркнув, что Радикальная партия «появилась у нас со Светозаром Марковичем – другом ваших Чернышевского и Добролюбова; под непосредственным влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах», он заявил: «Маркович проповедовал необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат, и чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор – каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали...» (Марков Е.Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С.349).

письма Пашича середины 70-х гг. дают ясное представление об этом важнейшем периоде ранней истории Радикальной партии. Выделим узловые моменты.

Во-первых, в них зафиксирован момент внутренней эволюции движения С. Марковича, т.е. переход его участников от чисто теоретических построений к решению практических задач. Здесь же были сформулированы и сами задачи, а также средства их решения. «Еще когда Светозар был жив, – писал Пашич его брату, – мы почти все согласились с тем, что программу, опубликованную в «Раденике» («Работник» – первая газета социалистического направления на Балканах, выходившая в 1871 г. под редакцией С. Марковича. – A. III.), необходимо кое в чем изменить, дабы приблизить ее к реальным условиям жизни. Мы решили все наши экономические и политические теории соотносить с насущными проблемами, стоящими в повестке дня, и стремиться к тому, чтобы народ сам взял законодательную и исполнительную власть в свои руки и, опираясь на нее, смог снести со своего пути все, что ему мешает. Нам и тогда казалось, и сейчас кажется, что добиться всего этого можно посредством Народной скупщины»⁴⁷.

Далее. Уже в 1875 г. (т.е. задолго до официального конституирования) Пашич использует в своих письмах понятие «Радикальная партия», что означало окончательное формирование самостоятельной *политической* ниши наследников Марковича и их союзников – «народных трибунов» из крестьянской оппозиции в скупщине⁴⁸.

И, наконец, в это же время, и опять-таки в переписке, он разрабатывает для нее организационные принципы и идеологическую программу, выдержанную не в духе голой теории (доктрины), но адаптированную к реалиям практической борьбы. И особо важным представляется цитированное выше письмо Еврему Марковичу – брату покойного Светозара. А. Раденич в свое время высказал суждение, что «в этом письме уже видится будущий Пашич»⁴⁹. Нам же думается, его значение шире – в нем уже виделась будущая Радикальная партия.

Как известно, Никола Пашич был неважным стилистом. Следуя за его первом, выводящим длинные, часто сумбурные строки (бывало, и без конца), трудно порой с первого раза понять содержащийся в них смысл. Четкость слога и емкость формулировок (что было столь присуще виртуозному импровизатору Пере Тодоровичу) никак не отнесешь к числу

достоинств радикального лидера. Но иногда из-за скучных и тяжеловесных словес пробивались подлинные шедевры. Письмо Е. Марковичу, по богатству идей, оказалось именно таковым⁵⁰.

Важно, что в нем Пашич впервые определяет главную задачу «Радикальной партии» как борьбу за власть. Причем, «ее приход к власти» означал бы «победу всего народа». Такая взаимосвязь для него есть *conditio sine qua non*, поскольку «самостоятельно наш народ не может выйти из кризиса». Уже в этих немногих фразах автора письма проявилась *мессианская* природа сербского радикализма – интересы партии отождествлены с интересами *всего народа*, а «критически мыслящее» радикальное меньшинство объявлено его *единственным* паstryрем.

Из так сформулированной главной посылки вытекало все остальное. В первую очередь, – это *конфронтационность* сознания, когда власть воспринимается не как политический оппонент, но как откровенный неприятель (т.е. *враг народа*), коего надо уничтожать: «Нынешней бюрократической машине, если ее нельзя сломать сразу, нужно вбивать клин за клином, подталкивать ее, раскачивать, вставлять палки в колеса, чинить всяческие препятствия и вообще делать все возможное, дабы способствовать ее краху». Отсюда – осознание необходимости именно *борьбы* с таким врагом (а не только жесткой критики) и даже признание возможным использования ее нелегальных форм: «Всегда следует помнить, что народная свобода не может быть завоевана исключительно легальным путем». Ну, а дальше – четкое понимание значения *организации* для достижения цели и, соответственно, акцент на строгую *дисциплину* и *единомыслие*, как непременное условие эффективности действий, что означало органичное неприятие всякого диссидентства: «Мы думали, что твое избрание в скупщину усилит Радикальную партию и будет способствовать ее более разумной, синхронной и энергичной деятельности», но «своим поведением ты нанес ущерб себе и партии». И, наконец, – отношение к *агитации* и *пропаганде*, как к самому важному средству легальной борьбы против властей: «Вопрос о бюджете нам весьма выгоден для агитации в народе...».

Этот набор организационно-политических установок, озвученный в раннем послании Пашича, составит с начала 1880-х гг. универсальный инструментарий Радикальной партии и будет сохранять актуальность на протяжении всего правления двух последних Обреновичей.

Что касается идейного багажа наследников Марковича накануне войн за независимость, то Пашич вполне исчерпывающе представил его в «Программе радикалов», содержавшейся в письме М. Димитриевичу. Известный науке с конца 1930-х гг. текст документа неоднократно исследовался, и потому мы не будем на нем останавливаться. Отметим лишь стойко антилиберальный пафос его автора: «Экономической свободы, т.е. независимости, можно добиться лишь объединением труда, когда средства на развитие промышленности и сельского хозяйства получает не отдельное лицо, но задруга, показавшая себя способной в управлении капиталом и развитии производства». И, соответственно, «мы хотим охранить сербский народ от ошибок западного индустриального общества, где образуется пролетариат и прослойка богатеев, и поднять уровень производства на общинной основе»⁵¹.

Как видим, Пашич четко разграниril и противопоставил друг другу принцип индивидуализма, как основу капиталистического способа производства и либерального миросощущения вообще, и начало кол lectivizma – стержень народнического представления о прогрессе и традиционалистского видения мира в целом. Наметившаяся дихотомия «либеральная идея – традиция» станет, в различных проявлениях, доминантой деятельности радикалов в 1880-е гг. Пока зафиксируем, что ее общие контуры сложились в их сознании уже к середине 70-х...

По обретении Сербским княжеством суверенитета (1878), Никола Пашич был впервые избран депутатом Народной скупщины. Здесь, примерно за два года, он смог собрать довольно разношерстную левую оппозицию, сплотить под едиными лозунгами и внести элементы порядка в ее хаотическую деятельность – словом, создать в виде своего рода радикального парламентского клуба необходимый задел для формального конституирования Радикальной партии. Как видим, вождь объявился. Возникла и организация – правда, пока лишь в зародыше, но с потенцией превращения в мощного спрута. Сама же возможность такой трансформации зависела от того, как долго еще суждено было «творцу сербской независимости» Йовану Ристичу диктаторски управлять страной. Отдавая себе в том отчет, Пашич ждал перемен и готовился к ним. Прежде всего идеологически.

Для обкатки своих идей лидер скупщинских левых использовал страницы газеты «Видело» («Свет»). В письме в редакцию он упо-

минает о «Радикальной партии», провозглашая ее главными целями политические свободы и борьбу «против преимущества капитала над трудом» и выступая за развитие отечественной промышленности, но, «насколько возможно, без пролетариата». Эти задачи представляются ему крайне актуальными в новых, сложившихся после Берлинского конгресса, условиях, когда «на место прогнившей Турции пришла культурная Австро-Венгрия». Настаивая на проведении реформ, Пашич особо подчеркивает, что его партия стремится к тому, чтобы они осуществлялись «в духе народных традиций»⁵². По сути дела, в своем послании он сформулировал главный вопрос (имманентно присущий *традиционному способу мышления*) – как измениться, оставаясь в то же время самими собой?

Без учета этой активной работы Пашича по консолидации левой оппозиции в скупщине и идеологическому обеспечению ее деятельности трудно до конца понять ту скорость, с какой Радикальная партия конституировалась после падения правительства Ристича. Всесильный либеральный премьер подал в отставку 19 октября 1880 г., а уже через два с половиной месяца (8 января 1881-го) в Белграде вышел первый номер «Самоуправы» («Самоуправления») с официальной программой партии – радикальный спрут изготовился охватить страну своими щупальцами...

4. Организация и принципы функционирования

Характер всякой партии определяется совокупностью двух лежащих в основе ее существования субстанций – *идеологии и организации*. При этом вторая всегда определяется и органично вытекает из первой.

С самого начала организация радикалов замыпалась ее основателями как партия *народная* (следовательно, массовая), что не удивительно, ибо цели ее по-прежнему отождествлялись с целями всего народа – Пашич трактует свой курс не иначе, как «помощь народу»⁵³. Но наряду с массовостью, другой особенностью партии была жесткая внутренняя структура и соподчиненность. Общинные, уездные и окружные филиалы, густо усеявшие страну, и венчающий пирамиду Главный комитет (ГК) действовали как хорошо отлаженный механизм.

Своим устройством эта система напоминала армию – партийные взводы, роты и батальоны подчинялись Верховному штабу и были

стянуты единой волей и ответственностью. И как всякая структура военного типа, основанная на принципе иерархичности подструктур, Радикальная партия была немыслима без фигуры *вождя*, кем объективно и навсегда стал Никола Пашич. Сначала, как первый среди равных в ряду других членов Главного комитета, а затем (по мере выбытия из его состава «отцов-основателей» и притока в партийное руководство представителей новых радикальных генераций, для кого борьба первоборцев в бурные 80-е была уже овеяна легендой) как *единственный* авторитет: «Пашич принадлежит нам, мы принадлежим Пашичу»⁵⁴.

С другой же стороны, очевидно, что эффективность функционирования любой *иерархии* обусловлена *единством* вертикали, каковое зиждется на *дисциплине* и *подотчетности* входящих в нее элементов. Пашич знал о существовании этого закона организации, а потому ключевыми понятиями в его письмах 1880-х гг. и являлись «дисциплина» и «единство».

Как явствует из них, монолитное единство партии Пашич ставил превыше всего, начисто отвергая саму возможность *диссидентства*. Меньшинство, а тем более – отдельный член, с мнением, противным воле большинства, должны, по его разумению, приноситься в жертву единству партии, а она, в свою очередь, «не забудет пользу, принесенную этой жертвой»⁵⁵. В 1886 г. Пашич горячо одобрил поведение Раши Милошевича, который «на деле показал, что готов покориться большинству даже тогда, когда не разделяет его позицию». «Ты ведешь себя, – писал он соратнику, – как сторонник единства партии. Оберегая ее внутреннее согласие, ты идешь на уступки даже там, где имеешь право мыслить по-своему (выделено нами. – А.Ш.)»⁵⁶. Подобная лояльность являлась для Пашича высшим проявлением «патриотизма и любви к партии», которые должны быть «сильнее личных мнений»⁵⁷. Нельзя допустить, словно заклинание повторял он в своих письмах, «чтобы точка зрения отдельного члена противопоставлялась линии всей партии»⁵⁸.

Ну, а если они все-таки сталкивались – взгляд диссidentа и «генеральная линия», что тогда? Ответ мог последовать только один – никакой пощады раскольникам. «Оповестите всех членов партии, – требовал Пашич от нишских функционеров в 1896 г., – что они должны выбирать между Радикальной партией и исключенными членами. Середины здесь нет и быть не может. Тот, кто действует вкупе с пре-

дателями, не может быть членом нашей партии. Тот, кто подрывает дисциплину, недостоин состоять в ее рядах»⁵⁹. Иными словами – кто не с нами, тот против нас... Но чем же был вызван столь жесткий подход к внутренним оппонентам? Дело в том, что любой раскол в партии ее вождь воспринимал эсхатологически, напрямую ассоциируя его с крахом Сербии как независимого государства. Не больше, не меньше. «Вы меня зовете домой, – писал он Саве Груичу из Петербурга в январе 1894 г. – И хотя мне не хочется ехать именно сейчас, я все же должен вернуться, поскольку нынешний разлад в Радикальной партии нанесет стране большой ущерб. Мировые события могут застать Сербию в полном расстройстве и без сильной партии, которая могла бы управлять народом, что, отбросило бы нас назад, если не сказать – привело бы к гибели»⁶⁰.

Блестящий и гибкий тактик («политика измеряется только мерой успеха»⁶¹), Никола Пашич вполне допускал возможность разного рода политических маневров, тактических компромиссов, даже временного отступления, если того требовали обстоятельства. Но единство Радикальной партии – своего любимого детища – он всегда отстаивал с каким-то особым упорством. В данном вопросе уступки исключались начисто. «Любому соглашению, – подчеркивал он в 1886 г., – мы предпочтем единство партии»⁶². И год спустя, по тому же поводу: «Нужно всегда стараться и уметь сохранять единство партии»⁶³. А оно гарантировалось строгим соблюдением *партийной дисциплины*, под чем подразумевалось беспрекословное подчинение воле Главного комитета, который «представляет Радикальную партию во всей ее деятельности и решениях», как то было зафиксировано в резолюции 2-го съезда, состоявшегося в Нише в мае 1889 г.⁶⁴ Утвержденный тезис лишь конкретизировал принципы партстроительства радикалов, заложенные в партийном Уставе от 1882 г.

Во исполнение оных, вождь требовал от всех без исключения *parteigenossen* *непременного* согласия с линией руководства. Когда в 1896 г. в том же Нише из партии было исключено несколько «предателей», а местный городской комитет подал в отставку из-за разногласий по вопросу об отношении к ним, Пашич, накануне выборов состава нового горкома, послал туда письмо (его мы касались и еще коснемся), где подчеркнул: «Главный комитет желает, чтобы выбор пал на тех товари-

шей, которые полностью солидарны с ним в оценке вины исключенных перед партией». Вина же их была такова, что «больше и тяжелее не бывает»⁶⁵. Отсюда и наказание...

Итак, очевидно, что в Сербской народной радикальной партии, по определению, не могло существовать инакомыслия, как и реальной автономии местных организаций. Все решал Верховный штаб (он же – «трибунал») во главе с *вечным* начальником: разрабатывал «генеральную линию», казнил или миловал. Исключений не было ни для кого, невзирая на статус или прошлые заслуги. Подтверждение – все в том же, поистине программном, письме председателя ГК в Ниш: «Некоторые наши товарищи полагают, что центральное руководство не имеет права исключать членов партии до тех пор, пока местный комитет не обратится к нему с соответствующим представлением. Такой подход глубоко ошибочен. ГК исключает любого члена партии, чьи действия несознательны, неискренни или враждебны по отношению к ней. Он распускает местные комитеты, которые не работают в партийном духе, и может исключить даже члена ГК, если тот действует вразрез с партийным интересом»⁶⁶.

Перед нами и впрямь будто статут военизированного ордена. Причем, закрепленный в нем порядок существовал до самой кончины Пашича, который и был тем единственным человеком, кто определял, что представляет из себя этот самый «партийный интерес» – категория, надо признать, весьма размытая и беспощадная. Уже после образования Югославии жертвами его (не Пашича, а «интереса») пали великаны – Стоян Протич, Любомир Йованович... И ничто не могло им помочь.

11 августа 1926 г., всего за четыре месяца до смерти, старый вождь написал слабеющей рукой давнему другу Аце Станоевичу: «Я получил твоё письмо, где ты сообщаешь о спорах и разногласиях, возникших в среде наших товарищей во время выдвижения кандидатов в городскую управу Белграда. Все эти споры меня удивляют – я не могу их понять, а тем более одобрить, в среде нашей партии, которая всегда поражала весь мир своей дисциплиной»⁶⁷.

Последние слова Пашича – отнюдь не праздная метафора. Его современник и биограф, итальянский граф Карло Сфорца вспоминал: «В бытность мою во Франции я имел возможность изучить организацию Французской радикальной партии, о которой тамошние консерваторы

говорили, что именно она является хозяйкой страны. Так вот, организация французских радикалов – это детская игра, по сравнению с организацией старой Сербской радикальной партии...»⁶⁸.

Резюмируем – принципы организации, строгая иерархичность и откровенный вождизм, отсутствие внутренней демократии и автономии местных организаций (что вполне может быть названо сербским изданием «демократического централизма»); политическая культура, основанная на неприятии политического плюрализма и принципе: «Кто не с нами, тот против нас!» (так, за 1887–1896 гг. радикальной толпой было перебито 384 напредняка⁶⁹); очевидный мессианизм и одномерность мышления – весь этот набор «родовых» организационно-политических признаков роднит сербских радикалов... с «Партией нового типа»: хорошо нам известными российскими большевиками. И сходство это отнюдь не кажется случайным, имея в виду *единую* народническую основу, на которой (понятно, что в разное время и в разных условиях) обе партии и взрастали. Права Ольга Попович-Обрадович – «По тому, что в Сербии, параллельно с первыми шагами модернизации, была основана массовая народническо-социалистическая партия с тем типом организации, который войдет в практику лишь с появлением тоталитарных идеологий XX в., она представляет единственный феномен в Новой истории Европы»⁷⁰.

5. Особенности идеологии

Говоря об идеологии радикалов – этом втором компоненте, составляющем понятие «характер партии», – следует отметить, что о ней в 1880-е гг. Никола Пашич высказывался немало (в речах, статьях и иных сочинениях), особенно до своего вхождения во власть. Мы уже имели возможность анализировать те материалы⁷¹, а потому остановимся здесь лишь на некоторых письмах, где в наиболее концентрированном виде нашел отражение данный сюжет. Начнем с его записки директору Азиатского департамента МИД России И.А.Зиновьеву (март 1887 г.)⁷².

Уже упоминалось о *традиционном* (а значит, – антилиберальном) характере *народнической* доктрины радикалов, в основе которой лежало наследие Светозара Марковича. В послании Пашича Зиновьеву эта ее черта, т.е. идея противостояния с чуждым по духу Западом, прояви-

ла себя в полном блеске. «Главное стремление в нашей политической борьбе, — объяснял он русскому чиновнику, — состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное сознание и жизнь». Именно отсюда проистекало столь жесткое сопротивление радикалов австрофильскому курсу белградских властей, которые «желали бы сразу обратить Сербию в маленьющую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское». И далее: «Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаяев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского народа и остальных славянских племен, а с Запада братъ только технические знания и науку и пользоваться ими в славяно-сербском духе».

В этом пассаже — суть позитивной идеологии Радикальной партии, ключ к пониманию ее социокультурной направленности. Под «хорошими и здравыми учреждениями» Пашич имел в виду православную церковь, сельскую общину (с присущей ей коллективистской ментальностью) и древнюю традицию народного самоуправления, на которой базировалась вся политическая теория радикалов. Их он считал основными элементами Восточной — славянской и православной — цивилизации. Принадлежность к ней, по его мнению, помогла сербам выстоять, сохранив себя под турками. Она же должна помочь им успешно противостоять наступлению «германизма» на Балканы, явно усилившемуся после Берлинского конгресса⁷³.

Однако перед ним не мог не встать вопрос: а была ли Сербия в состоянии в одиночку бороться с этим вторжением «опасной заразы»*. Негативный ответ напрашивался сам собой — силы были слишком неравны. «Распространение влияния Западной Европы, — писал он весной 1884 г. опальному митрополиту Михаилу, — невозможно остановить на сербской границе»⁷⁴. Такая констатация толкала Пашича к поиску на-

* Аутентичное выражение Н.Пашича — «Домаћи лек противу заразе» (см.: Архив Српске Академије наука и уметности. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-32).

дежных союзников. А потому и активные попытки вступить в связь с российскими официальными и славянофильскими кругами, предпринятые им еще в начале 80-х гг., не кажутся чем-то неожиданным. Они четко соотносились с его антизападнической позицией: именно в России видел Пашич основу славянской православной цивилизации, с какой связывал судьбу своего народа.

Здесь – истоки прочного пророссийского определения сербских радикалов и их вождя. «Наша партия, – подчеркивал он в письме Зиновьеву, – во внешней политике держалась славянской, православной России, а во внутренней – сербских обычаев и духа. Вот откуда проистекает для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону». Как видим, Никола Пашич и его соратники не были, подобно Стояну Новаковичу и напреднякам* в 1890-е гг., «рациональными русофилами»⁷⁵. Их русофильство носило органический характер. Само стремление к сохранению в Сербии *status quo* (по формуле: *сербский народ – сообщество равных*) и традиционных основ его жизни («сербских обычаев и духа») автоматически толкало радикалов, через неприятие Запада, к поискам союза с Петербургом, как предводителем Востока и славянства, в целом, и противовесом Вене на Балканах, в частности. В этих поисках, что особенно важно, они имели полную поддержку огромного большинства сербов.

Настоящее заключение – не есть какая-то умозрительная конструкция автора. В письме графу Н.П.Игнатьеву Пашич собственным пером провел грань между двумя концепциями русофильства. Оценивая поворот правительства С. Новаковича в сторону России, совершенный в 1895 г., он писал: «Для России будет лестно, что все партии в Сербии –

---

* Партия напредняков (прогрессистов) создана в 1880 г. представителями проевропейской интеллигенции – Миланом Пирочанцем, Милутином Гарашанином, Стояном Новаковичем и др. В 1881–1887 и 1895 гг. находилась у власти. Первый напредняцкий кабинет (1881–1883) во главе с М.Пирочанцем начал реформы, направленные на модернизацию Сербии, не всегда осознавая, правда, степень готовности к ним собственного народа. Это во многом спровоцировало жесткий внутренний клинч, поставивший страну на грань гражданской войны. Радикалы Пашича всегда выступали против всех модернизационных новаций сербских властей.

теперь сторонники русского влияния, но надо бы различать сторонников по нужде от сторонников по чувству долга и убеждениям»⁷⁶.

Итак, традиционалистское (охранительное) начало в доктрине Радикальной партии, как это видно из писем Пашича, со временем только усиливалось. Что представляется весьма логичным, ибо базовое противоречие *модернизация – патриархальность*, имманентно присущее Сербии со времени Революции 1804–1835 гг., послеобретения независимости заметно обострилось. Стремление «западнической» части национальной элиты буквально «насадить в Сербии европейскую культуру»⁷⁷ и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»⁷⁸, вызвало резкий протест радикалов. В ответ на этот мощный вызов, они провозгласили главной задачей защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что завоеванной свободой. Строя свою доктрину на базе укорененной в народном сознании патриархальности и *идентифицируясь*, таким образом, с массой, соратники Пашича (как политическая партия) выражали спонтанное и резко негативное отношение крестьянства к структурным изменениям общества и государства (их модернизации), каковые могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в рамках аграрного статичного мира. Закрытое общество противилось всем попыткам хоть немного «приоткрыть» себя.

Свое понимание этого глобального (то скрытого, то явного) внутреннего конфликта, из которого – вспомним его послание Кулаковскому – и родилась Радикальная партия, Пашич сформулировал в виде чеканного слогана, в письме одному своему приятелю из России (вторая половина 1880-х гг.): «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, но, идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...»⁷⁹. Вместе с тем, отвергая с порога *либеральные ценности* западноевропейской цивилизации, ее индивидуалистический ethos и эгоизм, угрожавшие сербам социальной эрозией, полным забвением традиций и, в конечном итоге, национальной деградацией, он вполне был готов принять ее *результаты и достижения* – «технические знания и науку», использовать которые предполагал «в славяно-сербском духе», то есть, не повторяя ее пути.

В такой амбивалентности подхода вождя – суть разделявшейся сербскими радикалами формулы прогресса, которая, выражаясь словами

Джеймса Биллингтона, «позволила бы что-то перенять у Запада и в то же время сохранить свое отличие от него»⁸⁰. Т.е. по-прежнему актуален все тот же, сформулированный на заре их политической юности, вопрос: как измениться, оставаясь в то же время самими собой? В различных вариациях, вопрос этот всегда являлся стержнем общественной философии партии Николы Пашича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Перовић Л.* Пера Тодоровић – више од личне судбине // Тодоровић П. Писма. Личности и личност. Приредила Л.Перовић. Београд, 2000. С.17-78.

² *Шемякин А.Л.* Никола Пашић глазами русского путешественника (К вопросу об идеальной природе Сербской народной радикальной партии) // Славянский альманах. 2005. М., 2006. С.432-442. Детально данная проблема рассмотрена нами в: *Шемякин А.Л.* Идеология сербского радикализма (1881-1903): историографические стереотипы и дилеммы (в печати).

³ *Драгнић А.* Србија, Никола Пашић и Југославија. Београд, 1994. С.5.

⁴ *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881-1903). Београд, 1990. С.156.

⁵ *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). Приредили Л. Перовић, А. Шемякин. Београд, 1995. С.127.

⁶ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Заоставштина Николе Пашића. Бр.11623/24.

⁷ *Душманић М.* Страшна ноћ. Хапшење Николе Пашића поводом Иванданског атената // «Пашић». Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетгодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1926. Књ.3. С.43.

⁸ Народна библиотека «Кирил и Методиј» – Български Исторически архив. Ф.34. А.е. 8.

⁹ АСАНУ. «Pasic collection». Бр.14924/60.

¹⁰ Там же. Заоставштина Николе Пашића. Бр.7885/7.

¹¹ Там же. «Pasic collection». Бр.14924/69.

¹² Рукописно одељење Народне библиотеке Србије (далее – РО НБС). Сигн. Р-675/4.

¹³ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). М., 1998. С.345-346.

¹⁴ *Жујовић Ј.* Дневник. Т.2. Приредио Д.Тодоровић. Београд, 1986. С.112; *Трговчевић Љ.* Предговор. Прича једне краљице // *Краљица Наталија Обреновић*. Моје успомене. Београд, 1999. С.19-20.

¹⁵ *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Сербия и коментари. Београд, 1989. С.207.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н. Пашић – неидентификованој особи. Русе, 1. октобра 1885 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С.193.

¹⁸ Рукописно одељење Матице Српске (Новији Сад). Бр. 36.164.

¹⁹ Н. Пашић – Р. Тајсићу. Београд, 26. октобра 1881 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С.128.

²⁰ Н. Пашић – Н. Сукнарову. Б/м. 17/29. септембра 1885 г. // Там же. С.187.

²¹ Н. Пашић – С. Грујићу. Букурешт, о Св.Сави 1888 г. // Там же. С.275-276.

²² *Протић М.* Пашић и Протић пре 1914. Скице ликова // Историјски гласник. Београд, 1971. Бр.1. С.100.

²³ *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881-1903. A Historical Aspect // Balkanica. Belgrade, 2006. Р.129-149.

²⁴ Архив на Възраждането. Т.2. Документи по Съединението. София, 1908. С.325.

²⁵ *Протић С.* Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд, 1912. Књ.2. С.113.

²⁶ «Пашић». Илюстровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1924-1927. Књ.1-4; Споменица Николе П. Пашића (1845-1926). Београд, 1926; *Вучићевић А.* Никола Пашић као цирички студент // Политика. 1927 г. Бр.6740-6745; Народни глас. 29. априла 1926 г.; Време. 24. јуна 1928 г. (последње две публикации – писма Н. Пашича М. Весничу и С. Протичу – воспроизведены в: *Станковић Б.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. Прилози); *Шаулић Н.* Прилог Херцеговачком устанку 1875 г. Писмо Николе Пашића војводи Симу Поповићу // Књижевни Север. Суботица, 1930. Књ.VI. Св.2. С.58-69; Никола П. Пашић (10 децембар 1926 – 10 децембар 1936). Београд, 1937.

²⁷ *Радоњић Ј.* Млади Пашић и његов радикални програм из 1876. године // Политика. 7. децембар 1936. Бр.10253. См. также: *Радоњић Ј.* Слике из историје и књижевности. Београд, 1938. С.239-264.

²⁸ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С.463.

²⁹ *Митровић Ј.* Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политичке Србије после Сливнице // Историјски гласник. Београд, 1971. Бр.1. С.119-132.

³⁰ *Он же.* Никола Пашић као емигрант о питању ослобођења «српске земље» у Бугарској // Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века (Зборник радова). Београд, 1986. С.189-194; *Он же.* Промена става Пашића и радикала према краљу Милану (1886-1887) // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С.227-231.

³¹ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). С.394-401.

³² *Станковић Б.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Београд, 1982;

Он же. Никола Пашић и југословенско питање. Београд, 1985. Књ.1-2.

³³ Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Т.2. Прилози.

³⁴ Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. Београд, 1990. Књ.1-2.; Перовић Л. Легенда и истина о односима Николе Пашића и М.А.Бакунина // Она же. Српско-руске револуционарне везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд, 1993. С.113-123; Она же. Млади Никола Пашић // Развитак. Зајечар, 1993. Бр.3-4. С.54-62; Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати; Раденковић Ђ. Пашић и Србија. Београд, 1997; Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова); Шемјакин А.Л. Идеологија Николе Пашића. Формирање и еволуција (1868-1891).

³⁵ Пашић Н. Слога Србо-Хрвата. Приредио Ђ. Станковић. Београд, 1995; Никола Пашић у Народној скупштини. Приредили Л. Перовић, Д. Стојановић, Ђ. Станковић. Београд, 1997. Књ.1-4.

³⁶ Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872-1891).

³⁷ «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А.Зиновьеву. 1887 г. (публикация А.Л.Шемјакина) // Исторический архив. 1994. № 5. С.108-135; Шемјакин А.Л. Писмо Н. Пашича П.А.Кулаковскому // Историјски часопис. Београд, 1995. Књ. XL-XLI (1993-1994). С.219-232; Шемјакин А. Нова писма Николе Пашића митрополиту Михаилу (1884-1885) // Токови историје. Београд, 1995. Бр.1. С.233-259.

³⁸ Митровић А. «Карактеристична прта данашњег века». Један извор о модерном менталитету Србије (Анализа дописа Николе Пашића од 8/20 марта 1872 г.) // Историјски часопис. Београд, 1997. Књ. XLII-XLIII (1995-1996). С.111-123.

³⁹ Пузовић П. Никола Пашић и митрополит Михаило (1883-1898) // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова) С.245. См. также: Димитријевић С. Михаило. Архијепископ Београдски и митрополит Србије, као православни јерарх, Србин, Славен и неимар југословенства. Београд, 1933. С.39.

⁴⁰ Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888). Приредио, уводну студију и напомене написао А. Шемјакин. Београд, 2004.

⁴¹ Перовић Л., Шемјакин А. Увод // Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872-1891). С.9.

⁴² См., например: Протић М. Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). С.145.

⁴³ Он же. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881-1903). С.155.

⁴⁴ Н.Пашић – П.А.Кулаковском. Нацрт // Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872-1891). С.161.

⁴⁵ Шемјакин А.Л. Писмо Н.Пашића П.А.Кулаковском... С.227.

⁴⁶ АСАНУ. «Pasic collection». Бр.14924/76.

⁴⁷ Н. Пашић – Е. Марковићу. 1875 г. // Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872-1891). С.43-44.

⁴⁸ См.: *Перовић Л.* Никола Пашић о Радикалној странци пре њеног формалног организовања // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). С.56-58.

⁴⁹ *Раденић А.* Економска и политичка основа новог опозиционог покрета, радикалног, радикал-социјалистичког и социјалистичког смера // Историјски часопис. Београд, 1984. Књ. XXXI. С.109.

⁵⁰ *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С.41-45.

⁵¹ Н. Пашић – М. Димитријевић. Крагујевац, април 1876 г. // Там же. С.51.

⁵² Изјава. 30. априла 1880 г.; Господине уредниче! 2. маја 1880 г. // Там же. С.55-62.

⁵³ Н. Пашић – С. Кокотовићу. Пожаревац, 15. новембра 1880 г. // Там же. С.88.

⁵⁴ Самоуправа. 17. децембар 1936 г.

⁵⁵ Н. Пашић – Р. Милошевићу. 1886 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С.228.

⁵⁶ Там же. С.219, 220.

⁵⁷ Н. Пашић – неидентификованој особи. 1886 г. // Там же. С.217.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Архив Југославије (далее – АЈ). Ф.143 (Заоставштина Н. Пашића). Фасцикла 4.

⁶⁰ Архив Србије. Ф. Поклони и откупни. Кутија 82. Бр.170.

⁶¹ Отворено писмо газда Џеки Крстићу, народном посланику. 11. јула 1880 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С.78.

⁶² Н. Пашић – неидентификованој особи. 1886 г. // Там же. С.217.

⁶³ АСАНУ. «Pasic collection». Бр.14924/87. Л.5 об.

⁶⁴ *Трифуновић М.* Историја Радикалне странке // Велика Србија. Август 1997. Бр.403. С.52.

⁶⁵ АЈ. Ф.143. Фасцикла 4.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ РО НБС. Сигн. Р-675/4.

⁶⁸ *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С.52.

⁶⁹ *Марковић С.* Гроф Чедомиљ Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.

⁷⁰ *Popović-Obradović O.* Koreni antimoderne političke culture u Srbiji // *Она же.* Kakva ili kolika drzava. Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbiji XIX-XXI veka. Priredila i predgovor napisala L. Perović. Beograd, 2009. S.331.

⁷¹ См.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891).

⁷² «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н.Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А.Зиновьеву. 1887 г.

⁷³ Шемякин А.Л. Никола Пашич и идея славянской православной цивилизации // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С.76-87.

⁷⁴ Н. Пашић – митрополиту Михаилу. Софија, 20. децембар 1884 г. // Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888). С.83.

⁷⁵ Трговчевић Љ. Српска интелигенција у XIX веку – западни и источни утицаји // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С.271.

⁷⁶ АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр.11746.

⁷⁷ Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. 2-е изд. СПб., 1898. С.90.

⁷⁸ Лавел Э. дe. Балканский полуостров. М., 1889. Ч.1. С.204.

⁷⁹ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр.14615-1-27.

⁸⁰ Бишлингтон Д.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С.26.

Т.И. Чепелевская

«ЖЕНСКИЙ» ВЗГЛЯД НА БАЛКАНЫ (ОЧЕРКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)¹

Обращение к художественной документалистике в разные исторические периоды получало то необычайно сильный импульс для развития, то, напротив, становилось не столь востребованным, отходя на второй план. Пристальное внимание к событиям, стремление через увиденное выразить себя, собственное миропонимание оказывалось главным для авторов путевых очерков, эссе, выстроенных на материалах дневников путешествий, начиная со знаменитых «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. С течением времени жанры документальной прозы обогащались фото- и кино-вариантами, помогая читателю или зрителю создать собственное, более объемное представление о происходящем. Были эпохи, когда именно благодаря авторам подобных корреспонденций, статей и книг, выстроенных на основе путевых впечатлений, можно было узнать новое о жизни других народов. Чаще всего в фокусе внимания оказывались страны с признанными мировыми достопримечательностями или экзотические места, отмеченные не только большой удаленностью, но и выраженной противоположностью русской картине мира. Иногда такое внимание привлекали целые регионы, отмеченные сложной и даже трагической судьбой. Одним из таких регионов являются Балканы, судьба народов которого, в первую очередь, славянских, на протяжении последних двух столетий вызывала неизменный интерес и продолжает притягивать внимание русских путешественников.

Автору данной статьи уже приходилось обращаться к этой теме². На этот раз хотелось бы продолжить ее рассмотрение, выделив при этом весьма важный, на наш взгляд, гендерный аспект, иными словами, попытаться увидеть Балканы глазами женщин: неординарных, талантливых, смелых, в разные годы, начиная с середины XIX в., побывавших в этом регионе и оставивших потомкам свои впечатления.

* * *

Начало освободительной борьбы славянских народов в 70-е годы XIX в. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. вызвали огромный интерес к этому региону в русском обществе. В прессе публикуются материалы о событиях на Балканах, информация о жизни населяющих его славянских народов.

С началом военных действий, в период сербо-турецкой войны 1976 г., из России в Сербию усиливается поток русских добровольцев. Их письма, заметки, корреспонденции публикуют русские газеты и журналы³. Так, на страницах журнала «Пчела» под рубрикой «В стране славянской борьбы за освобождение» печатались «Путевые заметки» Л. Березина (1876, № 48), «Из альбома добровольца в Сербии» Н.В. Максимова (1877, № 7, 11)⁴; «Очерки из воспоминаний русского волонтера в сербских войсках» Н. Витте (1877, № 12). На страницах «Пчелы» и других изданий печатали свои корреспонденции А. Хитров, Вас. Кириевский и др.

В 1877 г. художник В.Д. Поленов провел два месяца в Сербии, куда поехал с целью сбора материала, но был увлечен событиями и стал добровольцем, попав в конный отряд под командованием полковника Андреева. Домой он привез целый альбом этюдов, написанных красками и карандашом, ставший почти единственным альбомом русского художника-добровольца в Сербии. Эти работы, которые В.Д. Поленов предоставил редакции «Пчелы» для публикации, сопровождали и дополняли многие очерки и заметки. Благодаря его рисункам сохранились уникальные свидетельства о женщинах, которые внесли свой вклад в борьбу славян Балканского полуострова за освобождение. Среди них портрет доктора Раисы Самуиловны Святловской (1877, № 5), княгини Шаховской (1877, № 7), принимавших участие в санитарной помощи Сербии.

Можно привести и другие примеры. Елена Осиповна Лихачева (1836–1904), публицист, переводчица, составительница и издательница научно-популярных книг для детей, летом 1876 г. побывала в Сербии, откуда в «Отечественные записки» посыпала корреспонденции о начавшейся сербо-черногорско-турецкой войне⁵. Варвара Степановна Некрасова (1850–1877), одна из первых женщин-врачей, участвовавших

в русско-турецкой войне, печатала свои корреспонденции в «Русской газете» под псевдонимом «Студентка». На ее трагическую смерть (от тифа) откликнулись некрологами и заметками многие русские издания того времени⁶. Личные впечатления В.С. Некрасовой на события тех лет стали доступны широкой публике и благодаря вышедшей спустя 25 лет книге Е.И. Некрасовой «Жизнь студентки» (М., 1902)⁷. В ней наряду с фактами биографии приводятся дневниковые записи, относящиеся к последнему периоду ее жизни: это и первые тяжелые дни работы в госпитале под Тельшем, и картины разрухи в освобожденных русскими войсками городах.

Следует отметить, что «балканская» тема оказалась в центре женской художественной прозы и драматургии.

Марья Александровна Кирьякова (1835–1915), чьи пьесы получили положительную оценку А.И. Островского, в этот период пишет драму «Сестра милосердия». (СПб., 1877, 2-е изд. – М., 1902); в газете «Гражданин» печатает свой рассказ о восстании в Южной Боснии Надежда Александровна Белозерская (1838–1912)⁸. В галицкой газете «Слово» в период 1878–1881 гг. свои корреспонденции и стихотворения, пронизанные славянофильским духом, публикует Софья Александровна Левицкая под псевдонимом «русская солдатка».

Все эти публикации свидетельствуют о горячем участии и большом внимании разных слоев общества к событиям, происходящим в это время на Балканах.

Примерами иного обращения к теме Балкан могут служить работы, появившиеся в более поздний период и ставшие своеобразным послесловием к событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Они отразили не только обозначившийся, но и развившийся интерес в русском обществе к зарубежным славянам, и содержали сведения о жизни славянских народов, их истории, политическом и общественном устройстве, религии, культуре, образовании. И здесь среди целого ряда работ конца XIX – начала XX вв. можно выделить издания, авторами которых стали женщины.

Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923), детская писательница, мемуаристка, большое внимание уделявшая учебно-образовательной литературе для детей и юношества, обратилась к истории славян в рамках работы над своим главным трудом – многотомным изданием

«Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (тт. 1–3. СПб., 1875–1883). В него вошли отдельные очерки, посвященные славянским народам Балканского полуострова: болгарам, сербам и черногорцам⁹. Автор строит их как своеобразное учебное пособие, где в отдельных разделах рассматриваются вопросы истории, общественно-политического устройства, религиозных отношений, затрагиваются вопросы народного образования.

Такой же характер имеет и работа известного автора публицистических обзоров, научно-популярных книг для юношества, прозаика и переводчицы Эмилии Кирилловны Пименовой (1854–1935) под названием «Сербия» (Пг., 1916)¹⁰. Работа представляет собой брошюру, составленную на основе публикаций начала 1890-х гг. для газеты «Новости», где она вела отдел иностранной политики, а также статей для журналов «Закон божий» и «Современный мир», посвященных жизни народов мира. Вместе с тем, напечатанный в годы Первой мировой войны очерк Э.К. Пименовой явился отражением усилившегося вниманию русского общества к Сербии, как союзнице России, и к сербскому народу, мужественно переживавшего тяготы военного времени.

Брошюра построена по своеобразному шаблону страноведческого или популярного очерка для массового читателя, написана простым доступным языком и, скорее всего, представляет собой компиляцию разных работ по истории Сербии¹¹. В ней можно выделить несколько основных разделов: географическое местоположение на карте Европы, природные ресурсы, краткая характеристика народа, ее населяющего, социальное устройство на примере задруги, семейные отношения и быт как сельского, так и городского населения. Кроме того даны зарисовки Белграда, кратко затронуты вопросы современной системы образования.

Автор обращает внимание на национальные черты сербов, которые, по ее мнению, близки социально-психологическим характеристикам представителей других славянских народов: благородство, храбрость, правдивость, терпение, а порой и хитрость. Но если первые две отражают способность «противостоять разлагающему влиянию рабства и угнетения» и «впоследствии завоевать свою независимость», то терпение, рассматриваемое как черта, близкая всем славянам, в глазах автора «становится уже недостатком, когда переходит известные границы»¹². Подчеркивается и присущий сербам демократизм, «сознание своего

равенства, когда «министр, высший сановник и простой крестьянин говорят друг другу по-братски “ты”»¹³.

В качестве других народностей, проживающих на этой территории, Пименова упоминает турок (она называет их «иностраницами»), численность которых в сербских городах, ранее превышающая численность коренного населения, теперь стремительно сокращается.

Достаточно подробно описывается в очерке сохранившаяся у сербов задруга, древняя форма семейной общины, законы которой определяют все стороны жизни крестьян, создавая жесткие нормы семейного и общественного сосуществования, целую систему запретов и наказаний. Отношения внутри семьи и положение женщины в сербской общине автор рассматривает особенно подробно.

Обращаясь к анализу экономического положения Сербии, Пименова подчеркивает слабое развитие торговли и промышленности, слишком медленное восстановление форм социальной организации в сербских городах, большие напоминающие села. Исключение делается лишь для Белграда, характеристику которого она стремится сделать более здравой. Здесь подчеркиваются контрасты столицы сербов, по мнению автора, призванные показать особый характер этого, в представлении европейской общественности того времени, наполовину европейского, наполовину восточного города, каким он был во времена турецкого владычества: «лачуги и чуть ли не пещеры, сложенные из камней, виднеются рядом с роскошными дворцами, а на улице зачастую можно увидеть крестьян, расположившихся обедать на асфальтовой мостовой. Мимо них проносится вагон электрического трамвая и плется, неимоверно скрипя, крестьянская арба, запряженная волами, а базар, происходящий ежедневно на большой городской площади, вполне сохраняет свой восточный характер. Все продукты расположены прямо на земле, на грязной мостовой, а кругом галдит и суетится самая пестрая толпа, состоящая из представителей всех балканских народностей в самых разнообразных одеяниях...»¹⁴.

Пименова, говоря о низком уровне народного образования и большом количестве неграмотных, упоминает и наметившиеся улучшения в этой сфере: введение обязательного обучения, увеличение числа школ, основание университета и старается дать этому объяснение. «Невозможность спокойно жить и работать, постоянные опустошения,

производимые набегами турок и других завоевателей, унизительное рабство – все это, конечно, не могло не отзываться губительным образом на развитии народа»¹⁵.

Очерк интересен во многих отношениях. Он знаменует собой новый этап освоения сербской темы в русской журналистике начала XX в. После многочисленных публикаций о жизни сербов, черногорцев, болгар и других славянских народов Балканского полуострова, своеобразного бума, начавшегося в середине XIX в. и подпитываемого идеей славянской взаимности в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а позднее в период Балканских войн, работа Э.К. Пименовой отмечена выраженной отстраненностью.

В ней полностью отсутствует личностное отношение, что дает основание предположить, что автор никогда не был на Балканах и изучал материал лишь по работам других литераторов, корреспондентов, авторов мемуаров или путевых очерков. Композиционная стройность свидетельствует о кропотливой работе по сбору материала, но не дает возможности почувствовать внутренние импульсы жизни современной Сербии. Даже описания церковных праздников, несмотря на кажущуюся подробность, грешат незнанием основных ритуалов народной жизни и непониманием значимости для сербов древних монастырей, многие века служивших народу не только убежищем от набегов турок, но важным культурным и духовным центром. Ну а определение знаменитого коло, объединяющего не только молодых людей во время праздника, «хороводом» свидетельствует о невнимании автора к культурно-этнографическим реалиям народов Балкан. Иногда автор «проговаривается», и мы убеждаемся, что Э.К. Пименова не только никогда не была на Балканах, но и стремится представить читателю скорее не русский, а европейский взгляд на происходящее. Это, конечно, не умаляет достоинств произведения, но придает ему черты достаточно сухого учебного пособия по современной истории Сербии.

* * *

Среди авторов художественной документальной прозы конца XIX – начала XX вв. особо следует выделить педагога, писательницу Елизавету Ивановну Вигте (1833–34 – дата смерти не установлена).

Имея богатый педагогический опыт¹⁶, она создала целый ряд научно-популярных очерков по русской истории, издавала «Книгу для чтения в школе и дома» (Вып. 1–3), где опубликовала «Начальную летопись, жития преподобных Антония и Феодосия Печерских», несколько древнерусских поучений, былины, сказки, духовные плачи и песни; а также сделала свой перевод «Слова о полку Игореве» (Ковна, 1889), стремясь приблизиться к ритму подлинника.

В начале XX в. Е.И. Витте несколько раз путешествовала по славянским землям Балканского полуострова, посещала соседние земли австрийских славян, о чем оставила объемные путевые очерки. Ее произведения отличает внимание к самым разным сторонам жизни народов, населяющих регион, уважение к их истории и культуре. В каждой из своих книг она не только обращается к истории, но и стремится показать черты того нового, что появилось в жизни балканских народов и стран в наступившем XX веке.

Первой в этом ряду стоит книга «Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г.» (Киев, 1903)¹⁷. В предисловии, определяя ее цели и задачи, Е.И. Витте признается: «Издавая наши «Путевые впечатления», мы имеем в виду, главным образом, читателей, мало или совсем не знакомых со славянскими землями. Мы желаем заинтересовать их последними и возбудить в них желание познакомиться с ними поближе; но так как настоящее тесно связано с прошедшим, история же славян вообще *terra incognita* для нашей большой публики, а прошедшее Далмации, Герцеговины и Боснии совсем неизвестно, то мы попутно даем и краткий исторический очерк каждой из них, поскольку это необходимо для нашей цели»¹⁸. Здесь же приводится список книг, на которые опирается автор, среди них работы Л.В. Березина, Н.Р. Овсяного, К.Я. Грота Л.Я. Доброда, а также ряд иностранных источников¹⁹.

Книга имеет три четко выделенные части, отражающие три этапа путешествия автора. Первая часть полностью посвящена описанию Далмации, изобилующему прекрасно выписанными картинами красот побережья Адриатики. Витте не упускает ни одного штриха при характеристике местного ландшафта, давая возможность читателю увидеть все ее глазами: острова Далматинского побережья, цепи Юлианских Альп. Столь же ярким оказывается и описание Задара. Порой кажется,

что перед нами образец первоклассного путеводителя по городу начала XX в.: краткий исторический экскурс, выделение наиболее значимых достопримечательностей с вкраплением в текст сравнений с известными европейскими курортами («Ницца в миниатюре»), не забыты даже упоминания о ценах в отеле или ресторане, позволяющие сравнить их с ценами известных европейских курортов. Так она стремится заинтересовать своих читателей возможностью отдыха и путешествия в этом чудесном месте: «Город Задар привлекает иностранных посетителей прекрасным морским купанием и виноградным лечением; виноград, в сезон, бывает крайне дешев, что-то вроде 2 к. за фунт по нашему счету. Зима здесь очень умеренная; таким образом, Задар может быть смело рекомендован тем из наших соотечественников, для которых Крым и Ницца недоступны» (13).

Однако все же главным оказывается иное: повинувшись авторской воле, мы движемся по узким улочкам старого города, останавливаемся у древних памятников римской и венецианской эпох, проходим через «великолепный парк на берегу моря, разведенный бывшим генерал-губернатором на месте военного плаца» (13). Цепкий женский взгляд замечает и многое другое. Несколько штрихами, используя код одежды и языка, автору удается дать емкую характеристику нравов, царящих в городе, где городскую публику представляют австрийские «мундиры» и «граждане», а в разноголосице улицы слышится лишь немецкий и итальянский языки.

Совершенно иначе воспринимаются редкие встречи со славянами. Неожиданное знакомство с хорватом С., некогда служившим преподавателем в гимназии в Глухове, Черниговской губернии, а ныне, уже будучи в отставке, вернувшимся вместе с семьей на родину, вызывает у автора книги радость, подобную эмоциям от встречи с родным человеком. Благодаря этой встрече Е.И. Витте узнает многое о современном состоянии Задара и других приморских городов: развитии торговли, возможности отдыха. Особое место в их разговорах занимает проблема языка, напрямую связанная, по убеждению автора, с проблемой национального самосознания жителей края.

Следующая часть книги, посвященная описанию путешествия по Боснии и Герцеговине, приобретает совершенно иную тональность. Задумав «познакомить читателей с тяжким положением Боснии и Гер-

цеговины и с действиями “просвещенного” оккупационного правительства» (3), Е.И. Витте признается, что «основательное знакомство с этим положением требует многолетнего пребывания на местах среди несчастного народа», и поэтому она опирается на ряд источников, в том числе, на нашумевшую книгу Божидара Никошиновича «Bosnien und die Herzogovina unter der Vervaltung der österreichisch-ungarischen Monarchie und die österreichisch-ungarische Balkanpolitik» (1901), практически весь тираж которой был скуплен и уничтожен правительством Австро-Венгрии, не желавшим способствовать проникновению в печать многих представленных в ней фактов. Однако отдельные экземпляры книги все же попали в Россию. Помимо книги Б. Никошиновича, источниками информации о положении дел в Далмации, Боснии и Герцеговине для Е.И. Витте были самые разные люди, которых она называет «славянскими патриотами» и имен которых не называет из опасения подвергнуть риску своих собеседников.

Предварительное знакомство с ситуацией в Боснии и Герцеговине, подкрепленное увиденным во время ее путешествия во многом и определило стиль повествования. Порой кажется, что автор статьи – не спокойная благовоспитанная учительница и известная писательница, внимательно изучающая достопримечательности впервые увиденной страны, а жесткий публицист, стремящийся понять истоки современных общественно-политических процессов в Европе. Она старается проанализировать соотношение политических сил и доминанту интересов, определяющих европейскую политику в регионе, критикует позицию России в ее отношении к славянским народам Балкан, сложившийся после Берлинского конгресса 1878 г. *status quo*, выскazывает опасение в связи с усилением Германии не только на Балканском полуострове, но и в Мраморном море и Передней Азии (70). Отказываясь возложить вину за создавшуюся ситуацию целиком на русскую дипломатию, автор книги пытается дать оценку взглядам русской общественности на события в этом регионе: «Русский народ жертвовал миллионы на освободительную войну, а что сделало русское общество со временем последней русско-турецкой войны для упрочения нашего дела на Балканском полуострове? Оно только и делало, что твердило: “какое нам дело до братушек?” И общество, и прессы единодушно твердили это. Мудрено ли, что и дипломатия прониклась тем же? А Германия и Австрия пользова-

лись случаем. Во что обойдется нам это легкомыслie и это неведение своих кровных интересов? Ответ не за горами. Общество русское даже не поинтересовалось познакомиться с историей славян: невежdой оно было в этом, невежdой и осталось. А нельзя сказать, чтобы негде было ознакомиться с этим: славянские комитеты в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, не покладая рук, работали в этом направлении, но недаром говорит французская пословица: “on ne saurait faire boire un âne s'il ma pas soif!”²⁰ (71).

Эта часть книги практически лишена описаний встреч и бесед с местными жителями, приводится лишь один пример разговора с крестьянином (во время посещения Сараево), который задал простой, но проникнутый болью вопрос: «Вы думаете, они уйдут отсюда?» (71) Так, благодаря личным впечатлениям автора, мы можем понять, с чем связывали в то время свое будущее жители этого региона Балкан.

Далее Е.И. Витте обращается к рассказу о своем путешествии по Сербии, и эта часть, самая объемная в книге, наполняется особыми красками и штрихами, благодаря обилию описаний встреч с людьми, посещения разных городов и сел Сербии. Первым в этом ряду оказывается Белград. Она описывает достопримечательности сербской столицы, обращает внимание своих читателей и, возможно, будущих путешественников на наличие здесь культурных центров: библиотеки, создаваемых археографического и этнографического музеев, восхищаются богатейшим отделом народной одежды, правда, сетует на проникновение в народное искусство вышивки чуждого, в ее представлении, австрийского вкуса.

Е.И. Витте посещает дома представителей разных сословий, отмечая постоянное радушие, которое проявляют хозяева к гостям из России. Особое внимание в ее воспоминаниях уделяется образу королевы Драги, который создается с опорой как на высказывания самых разных людей, так и в результате личной встречи с ней; при этом он выстроен в духе персонификации национального самобытного женского типа. Королеву, по словам Е.И. Витте, волнуют вопросы женского образования и возможность использовать опыт России в этой области; она поддерживает развитие традиционных и важных для Сербии ремесел, основанных на женском труде, будь то производство знаменитых пиротских ковров, которые можно найти «и у маленького чиновника, и в

королевском дворце» (118), или создание зоологических музеев в провинциальных гимназиях, пропагандирующих изучение местной флоры и фауны.

Вновь и вновь обращаясь к теме народного образования, Е.И. Витте откровенно радуется успехам сербов в этой области, рассказывает о высшей школе (университете), существующей в столице, при этом особое внимание уделяет развитию системы женского образования: увеличению числа гимназий, частных женских, а также специальных ремесленных школ. Не ограничиваясь перечислением статистических данных, автор книги делится личными впечатлениями от посещения экзаменов по русскому языку и педагогике²¹, выделяет в качестве положительного явления то, что «преподавание в этой гимназии почти все в руках женщин», и делает вывод: «...в этом сербы опередили нас» (78).

Благодаря книге Витте русский читатель знакомится также с обычаями, сложившимися в учительской среде, когда «перед общим разъездом на отдых, после тяжелого совместного труда в течение года, сослуживцы собираются так же вместе повеселиться, как вместе потрудились. И веселятся они от души...» (78) Описание праздника дает автору повод более подробно описать характер народного танца «коло», а также сравнить приемы его исполнения в «интеллигентном обществе» и во время народных сельских гуляний, где «обычное “коло” не выхаживалось (если можно так выразиться), а выплясывалось», т.е. «все пляшут на одном месте: женщины, подпрыгивая, а мужчины, семеня ногами быстро, быстро, с полным увлечением» (94).

Е.И. Витте поднимает и тему сербско-русских контактов и связей. Приветствуя создание Русского клуба в Белграде, она дает характеристику плодотворной работы на этом поприще русского посланника в Белграде Николая Валерьевича Чарыкова. Тема межславянских связей звучит в рассказе о неосуществленном пока проекте создания русского института в сербской столице. Размышляя на эту тему, Витте, опираясь на мнения своих сербских друзей, считает необходимым создать в России Русско-славянского института, где могли бы воспитываться и получать образование представительницы всех славянских народностей. Она убеждена, что «цель совместного воспитания славянок – примирение между собою враждующих славянских народностей через женщину... А потому, кому дорог мир и единение славян, – а такой мир был бы

залогом и общего европейского мира – тот не может не сочувствовать такому проекту» (83). По ее убеждению, подобный Русско-славянский институт, предлагающий высокий уровень образования (особенно в области истории и славянской филологии) мог бы создать прочные основы для развития у молодого поколения славянского самосознания.

Стремясь во всем быть объективной, писательница ссылается и на мнения людей, которые по разным причинам не любят России, а в качестве ответа им приводит народную мудрость: на ловца и зверь бежит – русский, любящий славян, встречает и славян, любящих Россию; а кто не любит славян, тот попадает на ненавидящих Россию» (85).

Поднимается в книге и традиционная для очерков о Сербии тема задруги, ее роли в жизни сербского общества. Е.И. Витте предоставляет своим читателям увидеть ее жизнь изнутри, на конкретных примерах²², раскрывая царящие в ней порядки и нравы, специфику отношений и распределение обязанностей между членами этого социального объединения.

Особенно интересны впечатления автора о посещении сербских монастырей (Раковицы, Манасия, св. Пантелеимона под Нишем), памятных мест (Топчидерского парка, знаменитого памятника русским добровольцам под Алексинцем на высоте Руевица), а также городков, предлагающих путешественникам лечение и отдых. Последние описываются в уже ставшей привычной для автора манере рекламного путеводителя.

Особый женский взгляд на происходящее и увиденное дополняется вниманием к блюдам национальной кухни, национальной одежде, как женской, так и мужской, с учетом ее характерных особенностей (покрой, цвет, рисунки вышивки и т.п.) у разных сельских общин. Не обойдены вниманием внешний вид и внутреннее убранство жилищ крестьян, сельских школ, а также восстановленных церквей. Однако в центре внимания всегда оказываются люди: на страницах книги множество мини-портретов, среди которых превалируют образы друзей России (игумен монастыря Раваница о. Иосиф, бывший воспитанник Петербургской духовной академии нишский епископ Никанор, супруги Георгиевичи из Соко-бани и многие другие). Встречи во время ее путешествия, беседы на волнующие многих темы, впечатления о самых разных сторонах жизни сербов позволили Е.И. Витте выделить наиболее

значимые черты национального характера: демократизм, царящий во всех слоях общества, гостеприимное радушие, трудолюбие, благовоспитанность и трезвость.

В заключение Е.И. Витте дает общую характеристику современной общественно-политической ситуации в Сербии, особо останавливаясь на внутриполитической борьбе, которая отвлекает, по ее убеждению, лучшие силы нации от культурного и экономического строительства, призванного сделать ее экономически независимой.

В последующие годы русская писательница продолжила свои путешествия и издала несколько новых книг очерков, которые были посвящены жизни славянских народов Австро-Венгрии: чехов, словенцев, хорватов, галичан²³. Новые книги отличаются не только более четким композиционным построением, отражающим разные аспекты внимания автора, но и более глубоким погружением в такие важные проблемы, как проблемы языка, религии, развития межславянских культурных связей. Благодаря описанию встреч и бесед с людьми, активно выступающими на поприще просветительской и популяризаторской деятельности (например, кружок русского языка Терезины и доктора Людовита Енко, созданный в конце 1990-х гг. в Любляне²⁴), автор поднимает вопрос о том, как важна для России деятельность подобных патриотов, поскольку «голос одного “друга” может заставить умолкнуть гул целой толпы врагов и ненавистников, и как нуждается в этом даже “могущественная” Россия!». Этот вывод, как представляется, остается весьма актуальным и в наши дни.

Образ Балкан, которые П.А. Кулаковский в начале 1880-х годов назвал «вулканической почвой»²⁵, в разные периоды привлекал не только политиков и ученых. Внимание к жизни народов, его населяющих, событиям, происходящим там, проявляли и люди самых разных профессий (военные, торговцы, педагоги, обычные путешественники). Соединение этих отдельных взглядов помогает создать объемный разносторонний образ Балканского региона. Несомненно, что и женская документальная проза: корреспонденции участниц русско-турецкой войны 1877–1878 гг., воспоминания и впечатления о посещении славянских земель в последующий период – привносит в этот художественный образ Балкан новые штрихи и нюансы. Особенно это касается пристального внимания к вопросам народного образования, религии,

выявлению примет нового в повседневной жизни славянских народов. Подчас, пусть и лишенный глубокого анализа общественно-политической ситуации, этот «женский» взгляд позволяет, тем не менее, создать более яркую картину повседневной жизни народа, глубже понять чаяния и надежды славян на свое будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю искреннюю благодарность главному библиографу Российской государственной библиотеки Ирине Давидовне Сироткиной за большую помощь, оказанную мне в поисках необходимых материалов.

² Чепелевская Т.И. А.В. Амфитеатров и его хроника «горячих точек» конца XIX – начала XX в. // Славянский альманах 2001. М., 2002. С.422–430.; она же. Опыт национальной и личностной идентификации на материалах книги Я. Лаврина «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Петроград, 1916 // Славянский мир в третьем тысячелетии: Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008. С. 245–255; она же. Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны» (1916) // Сб. статей «Янко Лаврин и Россия». М.: ИСЛ РАН, 2010 (в печати).

³ Некоторые из них вошли в книгу «Русские о Сербии и сербах / сост., введение, заключ. статья А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина». М., 2006. См. также: Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1986.

⁴ Николай Васильевич Максимов (1843–1890), русский журналист, доброволец 1876 г. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял корреспондентом нескольких русских газет при отряде генерала М.Д. Скобелева. Впоследствии издал книгу «Две войны» (СПб., 1879).

⁵ «Из Сербии» (1876, № 10) и «Английская и русская благотворительность в Сербии (1877, № 2).

⁶ Например, «Московское обозрение», «Отечественные записки» («К истории студентки Некрасовой» – 1878. № 9).

⁷ Автор книги, старшая сестра Варвары Степановны, журналистка, историк литературы Елизавета Степановна Некрасова, посвятила свою работу 25-летию со дня смерти студентки первого выпуска Высших женских врачебных курсов, так и не успевшей сдать последний профессиональный экзамен. В книге приводятся важные факты последних дней героини: она умерла в Систове 27 декабря 1877 г. и была похоронена на местном кладбище рядом с другими русскими воинами. Друг детства В.С. Некрасовой, В.Н. Китаев, на ее могиле «тайно воздвигает скромный памятник с евангельской надписью: “Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други свою”». См.: Некрасова Е.И. Жизнь студентки. М., 1902. С. 7.

⁸ Белозерская Н.А. Ватренова Милка. Небольшая картинка из большой рамы из нынешнего восстания в Южной Боснии // Гражданин. 1877. № 1.

⁹ Переработанным и сокращенным вариантом этого издания стала книга: Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут (СПб., 1894–1901. Тт. 1–10). См. также: Русские о Сербии и сербах… С. 369–379.

¹⁰ См. также: Русские о Сербии и сербах… С. 590–596.

¹¹ Компилиативный характер ее очерков и обзоров, созданных в духе этико-социологической школы Н.К. Михайловского, отмечали и современные критики, называвшие Пименову «хорошим составителем», в работах которой «не упущено ничего существенного». См.: Николаева М.А. Пименова Э.К. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1990. Т. 4. С. 605.

¹² Русские о Сербии и сербах… С. 590.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 595.

¹⁵ Там же.

¹⁶ После окончания Смольного института заведовала Тифлисской и Ковенской женскими гимназиями (1875–1897), пансионом при Киево-Фундуклеевской женской гимназии (1897–1904), о чем оставила воспоминания – См.: Витте Е.И. К истории женских гимназий в России. Почаев, 1908.

¹⁷ Сербская часть путешествия отражена в книге: Русские о Сербии и сербах… С. 415–439.

¹⁸ Витте Е.И. Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902. Киев, 1903. С. 3. Текст цитируется в современной орфографии, далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы в скобках.

¹⁹ Березин Л.В. Хорватия, Славония и Военная граница СПб., 1879; Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. Географический очерк. Исторический очерк. Статистика и география. Литература, наука и искусство. Вооруженные силы. СПб., 1898; Гром К.Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на балканском полуострове. Историко-этнографическое исследование. СПб., 1880; Добров Л.Я. Южное славянство. Турция и соперничество европейских правительств на балканском полуострове. Историко-политические очерки. СПб., 1879.

²⁰ «Нельзя заставить осла пить, если он не испытывает жажды» – *пер. с франц.*

²¹ Здесь автором включены воспоминания ее первого посещения Сербии, предпринятого годом раньше.

²² Автор подробно описывает свое посещение задруг в селе Младеновац и горном селе Дубоны (С. 97–101).

²³ Витте Е. Путевые впечатления и исторические очерки. Чехия. Вып. 1-й. Кременец, 1905; она же. Путевые впечатления с историческими очерками. Лето 1907 и 1910

годов. Альпийские земли и Приморье с Триестом. Пochaев, 1911; *она же*. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Шамордино, 1912.

²⁴ Речь идет о Терезине Енко, известной патриотке и русофилке, которая вместе со своим мужем, доктором Л. Енко в конце 1890-х гг. организовала в Любляне бесплатные курсы по изучению русского языка; в ноябре 1899 г. они были преобразованы в кружок любителей русского языка, в котором помимо преподавания языка много внимания уделялось пропаганде русской литературы и культуры. Впоследствии благодаря усилиям супругов Енко подобные кружки были учреждены и в других словенских землях: Каринтии, Штирии, Приморье. О деятельности люблянского кружка и связях Л. Енко с русскими учеными см. подробнее: Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 348–349; *она же*. Русские и словенцы (научные связи XVIII в.–1914 г.). М., 1986. С. 141–144. Известно, что супруги Енко в начале 1900-х гг. побывали в России, посещали Ясную Поляну (из воспоминаний дочери Енко В. Томажевич в беседе с И.В. Чуркиной).

Оценивая деятельность своих словенских знакомых, Е.И. Витте отмечает, что они посвятили «свою жизнь и свои средства на служение своей идеи – духовного сближения русского народа со словенцами (т.е. словенцами – Т.Ч.). См.: *Vitte E.* Путевые впечатления с историческими очерками. Лето 1907 и 1910 годов. Альпийские земли и Приморье с Триестом. Пochaев, 1911. С. 47–48.

²⁵ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. Кн. 3. Цитируется по: Русские о Сербии и сербах... С. 270–277.

Г.Я. Ильина

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИИ

«Искусство и в этом подобно жизни:
оно кажется игрой, а на самом деле – дья-
вольски серьезная вещь, и тем серьезнее,
чем больше она походит на игру»

(И. Андрич «Знаки вдоль дороги»)¹

Культура народа, его художественная словесность всегда хранят память народа, теснейшим образом связанную с историей и духовной жизнью общества. Она дает понимание исторических процессов изнутри, раскрывая «национальный образ мира» (Г. Гачев), ментальность народа, его миропонимание и мироощущение. Мы попытаемся показать это на одном рассказе выдающегося сербского писателя, лауреата Нобелевской премии Иво Андрича (1892–1975) «Письмо, датированное 1920 годом». Опубликовано оно было в 1946 г. и, как нам кажется, неслучайно.

Этот рассказ привлек наше внимание своим провидческим содержанием и своей внутренней связью с глобальной, пронизывающей все творчество писателя темой – межэтнического сосуществования, преломленной в судьбах народов Боснии и отдельных людей, придерживавшихся разных верований и культуры. Полиэтническая Босния, где веками сосуществовали, сталкивались и враждовали четыре основных конфессии – ислам, католичество, православие и иудаизм – страна, пережившая самостоятельную государственность, многовековое османское и австрийское владычество, два югославских объединения, стала для Андрича прообразом, содержащим многие параметры общечеловеческого существования. Он воссоздает тот особый мир, который возник на стыке Востока и Запада, на пересечении разных культур и разного жизненного уклада. На пересечении этих культур сформировалось и мировосприятие самого писателя. Он родился и вырос в Боснии, в католической семье, начальное образование получил в Вышеграде,

гимназию окончил в Сараево. Здесь, будучи еще гимназистом, он включился в деятельность молодежной национально-патриотической организации «Млада Босна» («Молодая Босния») и после убийства Франца Фердинанда был арестован и провел три года в тюрьме и ссылке (1914–1917). Дальнейшее образование он получил в университетах Загреба, Вены, Krakова и Граца. В Граце Андрич на немецком языке защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие духовной жизни в Боснии в условиях турецкого владычества» (1924, на сербском языке она была опубликована в 1994 г.). Сразу же после появления в 1920-е годы первых рассказов Андрича – «Путь Алии Джерзелеза», «Рассказ о слоне визиря», «Чоркан и швабочка» и др. – критика обратила внимание на то, что пронизанные Востоком, они в то же время обладали чертами западной литературы². Эта bipolarность мировосприятия писателя определила характер художественного осмысления им окраинного уголка Европы, где он родился, и живущих там людей, способных на любовь и ненависть, дружбу и вражду. Одновременно она определила поиски им смысла существования человека – «великой и переменчивой и вечно одинаковой драмы человеческого существования». Эти взаимосвязанные проблемы писатель решал на материале истории Боснии, воплощенной в человеческих судьбах. «С тех пор, как я помню себя, – писал он в 1953 г., – человеческие лица для меня – самая яркая и самая притягательная часть окружающего мира.... На них для меня начертаны все дороги мира, все помыслы и все дела, все желания и нужды, все возможности человека, все, что его поддерживает и возвышает, все, что его отравляет и убивает. Все, о чем человек мечтает и что редко сбывается, а то и никогда не сбывается, получает в них свое отражение, имя и голос» (251). И еще одно важное предварительное замечание, необходимое для понимания выбранного нами рассказа. «Я ни к кому не испытываю ненависти, – писал он, – кроме тех, кто ненавидит других людей, и иногда еще тех, кто презирает искусство» (285).

Рассказ «Письмо, датированное 1920 годом», согласно заглавию, представляет собой письмо писателю от его гимназического друга. Это давало Андричу возможность, как и в его исторических произведениях, вести повествование «не от себя» и тем самым отстраниться от позиции автора письма. Вместе с тем, писатель в своем вступлении к письму и послесловии к нему всячески подчеркивает симпатию к своему другу

и его поступкам. Он говорит о своем интересе к высказанным им мыслям, о своем неоднократном к ним возвращении. Герой рассказа Макс Левенфельд – сын врача и в будущем сам врач – родился и вырос в Сараево в национально смешанной семье, явлении столь характерном для Боснии. Его отец был из евреев, давно принявших христианство, мать – дочь итальянской баронессы и австрийского офицера, потомка французских эмигрантов. Именно Макс приобщил своего младшего друга к чтению (семья обладала большой библиотекой), к изучению иностранных языков, ввел в круг молодежи, «посягавшей в своих спорах на все принципы и все философские системы» и мечтавшей о свободе и независимости своей родины. Развела их Первая мировая война, во время которой автор письма служил в боснийских частях австрийской армии. Друзья случайно встретились на вокзале вскоре после ее окончания, и Макс сначала в разговоре, а потом более подробно в письме, объясняет, почему он навсегда покидает Боснию. Его гнала из нее пронизывающая все поры ее жизни ненависть.

Герой пытается проанализировать и прояснить свои чувства. Босния для него – страна контрастов. Это прекрасная земля, населенная людьми больших нравственных достоинств; ее люди наделены твердой волей, повышенностью характеров, глубиной переживаний и жаждой справедливости. И одновременно, под всем этим таятся лавины религиозного фанатизма и накапливающейся годами и веками ненависти, вросшей в любовь, в привязанности и традиции. Люди смертельно ненавидят неверующих или тех, кто верует иначе или любит по-другому. Даже родину они любят четырьмя разными, исключающими друг друга способами. Не случайно именно в этом рассказе возник созданный Андричем и ставший широко известным ёмкий образ ночного Сараева, подтверждающий многоголосую разобщенность его населения: в два часа пополуночи бьют часы на башне католического собора, через минуту звучат часы на православной церкви, а вслед за ними призрачные турецкие одиннадцать часов отбиваются на минарете мечети. У евреев нет своих часов с боем, и поэтому неизвестно, по какому времени живут сефарды и ашкенази. «Даже ночью, когда все спят, когда текут глухиеочные часы, не дремлет рознь, разделяя сонных людей, которые, проснувшись, радуются и печалятся, постятся и говеют по четырем враждующим календарям и воссыпают к небу молитвы на

четырех разных языках. И эта рознь то явно и открыто, то незаметно и исподволь сливаются и отождествляются с ненавистью». Разумеется, есть ненависть, признает автор письма, вызванная застарелыми бедами и унижениями, есть гнев, который очищает место свободе и улучшению жизни. Но в Боснии иначе. В ней, полагает он, гораздо больше людей, «готовых в приступе неосознанной ненависти убить или быть убитым по любому поводу и под любым предлогом». Он называет ее специфически боснийской ненавистью, охватывающей, как болезнь, почти всех ее жителей. Не спасают от нее и новые лозунги, под прикрытием которых дремлют прежние инстинкты.

Герой кончает свое письмо словами, что он бежит не от своего долга перед людьми, а для того, чтобы иметь возможность выполнить его полностью без помех. И, по словам писателя, рассказывающего об этом в своем послесловии, он выполнил его с достоинством. Живя в Париже, он бесплатно лечил тамошних югославских рабочих и покупал для них лекарства. Когда началась гражданская война в Испании, он добровольцем пошел в республиканскую армию и погиб во время бомбёжки госпиталя, в котором лечил раненых. Этим эпилогом и заключительной фразой – «Так окончил свои дни человек, бежавший от ненависти» – автор выводит проблему за рамки Боснии, соотнося ее с насилием вообще, порождающим войну.

Выбранный нами рассказ Андрича обладает еще одной, характерной для всего его творчества чертой. Часто внешне никак не связанный с конкретными событиями или связанный с ними минимально или опосредованно, он весь насыщен историческим духом и поэтому его невозможно воспринять вне исторической реальности, реальности боснийской, югославской и европейской межвоенного и послевоенного времени, а также вне соотнесенности с нашим настоящим. «Письмо» датировано другом автора 1920 годом, то есть, написано вскоре после окончания Первой мировой войны, в которой боснийцы, в том числе и боснийские сербы в составе австро-венгерской армии, воевали против собственно Сербии, а также образования Королевства сербов, хорватов и словенцев, в которое вошли Босния и Герцеговина. Зазвучавшие в новом государстве лозунги – «Брат есть брат, какой бы он ни был веры»; «Национальное единство не знает ни религиозных, ни племенных различий» и т.п. – по сути ничего не меняют, прежние

представления и инстинкты ушли вглубь в ожидании момента, когда они смогут вырваться наружу. Что и произошло в годы Второй мировой войны, когда на территории Югославии, наряду с национально-освободительным движением, вспыхнула гражданская война. Неслучайно Андрич публикует это произведение в 1946 году как напоминание об истоках взаимоотношений этнически близких народов, но разделенных не только и не столько по классовому признаку, сколько культурой и религией, национальной психологией. Кроме того, этот рассказ, как и другие произведения Андрича, обладал такой исторической ёмкостью, что проецируется на события первой половины 1990-х годов, и прежде всего время военных действий в Боснии и Герцеговине, разделивших страну на сербскую и хорватско-мусульманскую части. Не помогли никакие лозунги о братстве и единстве, интернационализме и т.д. Поэтому на протяжении всего XX в., да и начала века XXI, для писателей, живущих в Боснии и Герцеговине, и тех, кто в разное время и по разным причинам ее покинул и включился в литературную жизнь Сербии (Х. Хумо, Б. Чопич, М. Селимович) и Хорватии (А. Мурадбегович, Н. Симић, М. Диздар), «малая родина» оставалась основным объектом художественного исследования, а главным источником их творчества оставалась национальная духовная стихия. Тема же межнационального существования и взаимоотношений доминировала в качестве одной из ведущих тем, как и у Андрича.

Выраженные в этом рассказе мысли не были для Андрича случайными и единичными. Они проходят лейтмотивом через все его творчество – и в рассказах, и в прославивших его на весь мир романах «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине», опубликованных в 1945 году, и в повести «Проклятый двор», увидевшей свет в 1954 году и во времена социалистического правления на историческом материале раскрывавшей давящую и уродующую человека тиранию власти. Его роман «Травницкая хроника», за который писатель получил Нобелевскую премию, связанный с событиями наполеоновских времен, когда глухая турецкая провинция, какой была Босния, на короткий период времени (1807-1814) становится ареной политических интересов европейских держав, и наполненный ощущением катастрофичности движения истории, вызывал аналогии со временем написания этого произведения – 1942 годом. Писатель сталкивает в нем восточное и западное

мировосприятие и раскрывает его через психологию и поведение разнородного населения края и оказавшихся там волею судеб европейских дипломатов. Беспокойные консультские времена не прошли бесследно, и хотя казалось, что после отъезда европейцев все вернулось на круги своя, в недрах безмолвной боснийской тишины зрел бунт против тирании визиря. Писатель прямо, что для него редкость, высказывает мысль о том, что насилие может быть использовано для совершения внезапного нападения или переворота, но «нельзя постоянно управлять с помощью этого метода. Террор как средство власти быстро утрачивает свою силу». И это было сказано в год, когда большая часть Европы находилась под властью гитлеризма.

События 1990-х гг. заставили писателей вновь углубиться в историю. Чтобы постичь современность. В этой связи обращает на себя внимание творчество боснийского писателя Джевада Каражасана (род. в 1953 г.), одного из самых переводимых авторов на иностранные языки, лауреата Гейдеровской (1999) и Лейпцигской книжной ярмарки «за европейское взаимопонимание» (2004). Наибольшую известность принесли ему романы «Восточный диван» (1989) и «Перстень Шахрияра» (1996). И хотя Каражасан пишет совершенно в другой художественной манере, чем Андрич, – ему близок постмодернизм, их объединяет исследование боснийской идентичности, столкновение восточного и западного начал, внимание к психологическим состояниям человека, и среди них – к страху и ненависти, религиозному фанатизму и нетерпимости, зависти, презрению и сочувствию, охватывающих человека в разных ситуациях, особенно в тиранических системах. Только искусство, по мнению Каражасана, в отличие от других видов знания, ведущих к познанию только внешнего мира, может дать знание о ком-то другом, которое выглядит как твой собственный опыт, и тем самым создать возможность, хотя бы на мгновение, вселиться в этого другого, почувствовать себя им и, вернувшись в себя, лучше понять самого себя. Лишь вера в человека и любовь к нему помогают сохранить нравственные начала жизни.

В своей Нобелевской речи Андрич сформулировал свое понимание человеческой этики, воплощенное в его произведениях. «Едва родившись, – сказал он, – человек оказывается брошенным в океан бытия. Надо плыть. Существовать. Быть верным себе. Выдержать атмосферное давление окружающего, все столкновения, непредвиденные и не

предвидимые поступки, часто превышающие меру наших сил. А сверх того – выдержать и свои мысли обо всем этом. Короче – быть человеком!»³. Художественная литература и помогает человеку понять себя и приблизиться к правдивому знанию о себе, к пониманию своей истории в борьбе с мифологией и новым мифотворчеством. Помогает человеку оставаться человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Андрлич И.* Собрание сочинений: В трех томах. М., 1984. Т. 2. С. 295. Далее цитаты приводятся по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках.

² *Секулић И.* Исток у приповеткама Иве Андрића // Критичари о Андрићу. Београд, 1962. С. 57–70.

³ *Андрлич И.* ...человеку и человечеству. М., 1983. С.284.

В.Б. Каширин

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОТБОРА *

Секретные службы и их агенты во все времена играли особо важную роль в процессе международного общения, взаимодействия и взаимного познания. А для высшего руководства их донесения были незаменимым источником сведений о жизни зарубежных стран, о происходивших там событиях и об их скрытых движущих силах. Офицеры военной и военно-морской разведки, а также сотрудники заграничного политического сыска обыкновенно демонстрировали в своих донесениях глубокое знание изучаемых ими стран, понимание характеров и образа мышления их властей предержащих, местных элит и народных масс. Задачи службы требовали от них умения хорошо разбираться в хитросплетениях местных политических интриг. В этом разведчики, как правило, существенно превосходили прочих наблюдателей-соотечественников — купцов, строевых офицеров, туристов, миссионеров, паломников, ученых-гуманитариев и нередко даже кадровых дипломатов.

Сейчас, когда с документов секретных служб старой России снята завеса секретности и исчезли идеологические и цензурные ограничения на изучение их истории, всестороннее исследование деятельности этих служб в каждой конкретной стране или регионе мира можно признать одним из самых многообещающих направлений отечественного исторического региона- и страноведения. Однако до сих пор серьезных научных трудов такого рода появилось прискорбно мало, а на книжном рынке преобладают восторженно-апологетические произведения ве-

---

* Данная статья представляет собой переработанный фрагмент готовящейся к печати книги автора о деятельности русской разведки на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны.

домственных историографов спецслужб и увлекательно-легковесные по содержанию и стилю книжки «про шпионов», ориентированные лишь на коммерческий успех.

Вышесказанное в полной мере относится и к присутствию секретных служб Российской империи на Балканах, которые в последней четверти XIX в. стали местом активной деятельности не только разведки военного и морского ведомств, но и агентуры русского политического сыска. Между прочим, Российская империя была первой из великих держав, которая создала отдельное структурное подразделение своей политической полиции, специализированно занимавшееся странами Балканского полуострова. Речь идет о Балканской агентуре – органе Департамента полиции МВД, созданном в 80-х годах XIX в. и существовавшем, в различном виде, вплоть до 1914 г.

До сих пор деятельность этого подразделения русского политического сыска на Балканах еще не становилась предметом специального внимания ни историков-балканистов, ни исследователей отечественных секретных служб. Некоторые современные ученые (прежде всего А.Л. Шемякин и Я.В. Вишняков) использовали отдельные документы Балканской агентуры. Однако эти материалы служили в основном источником фактических сведений и оценочных суждений сотрудников агентуры о событиях в той или иной балканской стране, прежде всего в Сербии. И пока еще никто неставил задачу исследовать Балканскую агентуру Департамента полиции как самостоятельное подразделение политического сыска – т.е. весь комплекс вопросов о ее организационной эволюции, структуре, кадрах, агентурной работе, финансировании, конкретных операциях и т.д., и т.п. В целом ряде работ, специально посвященных заграничной деятельности русской политической полиции, агентура на Балканах практически полностью игнорируется¹.

Иными словами, история этого подразделения Департамента полиции еще ждет своего исследователя. В данной же статье представляется уместным остановиться на таком важном вопросе, как проблема кадрового отбора для Балканской агентуры. Под кадрами здесь подразумеваются как штатные чины (обыкновенно офицеры и унтер-офицеры Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и чиновники МВД), так и секретные сотрудники, т.е. собственно тайная агентура. Итак, кем же были по своим личным и профессиональным качествам те люди, которым Российская

империя доверила представлять на Балканах свой политический сыск и защищать там свои интересы? Насколько данные лица соответствовали стоявшим перед ними задачам? От этого напрямую зависела как способность российских секретных служб предотвращать угрозы государственной безопасности, которые исходили от революционных сил на Балканах, так и возможности для России правильно выстраивать свою политику в данном регионе. К примеру, достоверная внутренняя информация о македонском революционном движении в конце XIX-начале XX века была жизненно важна для выработки политического курса России на Балканском полуострове и в Восточном вопросе в целом.

Вначале скажем несколько слов об организационном устройстве Балканской агентуры и о его развитии. В последние десятилетия XIX в. балканские страны, с их богатыми традициями революционной борьбы и политического насилия, стали чрезвычайно благоприятной средой для русских эмигрантов, среди которых было немало государственных преступников и террористов. Недружественные России правительства Румынии и Болгарии расчетливо попустительствовали деятельности русских революционеров на своей территории, даже когда последним удавалось завязывать контакты с местными радикальными партиями и группами. Образование центров революционной эмиграции у южных границ империи закономерно привлекло внимание органов русского политического сыска, и в 1886 г. было учреждено его новое самостоятельное заграничное подразделение – Балканская агентура, со штаб-квартирой в Бухаресте. Действовала она преимущественно в Румынии и Болгарии и лишь в меньшей степени в Сербии.

Департамент полиции МВД, учрежденный 6 августа 1880 г., пришел на смену упраздненному III отделению Собственной е.и.в. канцелярии и стал центральным органом политического сыска Российской империи. С первых же лет существования Департамента его агенты начали действовать в зарубежных странах. Агентура Департамента на Балканах появилась уже в 1882 г.; ее негласным руководителем стал русский вице-консул в румынской Сулине Виктор Александрович (по др. документам – Алексеевич) Шафиров. На организацию наблюдения за русскими эмигрантами в Румынии ему выдавалось 3 000 рублей в год.² Официально Балканская агентура была учреждена в 1886 г.; возглавил ее статский советник Алексей Евстафьевич Мищенко. В 1890 г. его сме-

нил ротмистр ОКЖ Александр Иосифович Будзилович. По смете 1901 г., на агентурные расходы Балканской агентуры Департаментом отпускалось в общей сложности 76 800 франков; кроме того, из сыскного кредита бессарабского губернатора Будзилович получал 4 800 рублей на агентурные надобности и 3 600 рублей добавочного содержания.³

Насколько известно, послужные списки заведующих Балканской агентурой не использовались никем из исследователей. Между тем, эти документы содержат весьма ценные сведения о жизненном и профессиональном пути руководителей русской охранки на Балканах.

Александр Иосифович Будзилович, православный, «из духовного звания Гродненской губернии», родился 24 февраля 1847 г.⁴ Будучи выходцем из среды белорусского православного клира, он, однако, выбрал для себя военную карьеру: окончил Казанское пехотное юнкерское училище и 30 октября 1870 г. был произведен в первый офицерский чин прапорщика. После того Будзилович служил в 12-м пехотном Великолуцком полку (1870-1872), в 46-м пехотном резервном батальоне (1872-1874) и во Владимирской местной команде (1874-1877), был произведен за это время в подпоручики (1871) и поручики (1875). С марта 1877 г. он служил старшим адъютантом управления Владимирского губернского воинского начальника.

6 декабря 1879 г., после десяти лет военной службы, Будзилович был переведен в штат Московской полиции и назначен помощником квартального надзирателя, а затем перешел на службу в полицию политическую – 4 мая 1880 г. он получил перевод в Отдельный корпус жандармов. Не исключено, что это перемещение на другую службу было обусловлено всплеском революционного террора в России, потребовавшим усиления кадров общей и политической полиции.

В своем новом качестве А.И. Будзилович нес службу последовательно в Псковском, Пензенском и Херсонском губернских жандармских управлениях (ГЖУ). 1 июля 1887 г. он был назначен помощником начальника Жандармского управления г. Одесса. Летом 1890 г. ему было доверено возглавить Балканскую агентуру. По всей видимости, руководство политического сыска, выбирая нового заведующего для Балканской агентуры, решило искать его среди жандармских офицеров, служивших на черноморском Юге России, и выбор в итоге пал на Будзиловича.

Приказом по ОКЖ от 4 июля 1890 г. Будзилович был отчислен от должности, с оставлением в Корпусе и с прикомандированием по делам службы к Жандармскому управлению Одессы. С этого времени он под псевдонимом А.И. Грабо жил и работал при русской миссии в Бухаресте, где была расположена штаб-квартира Балканской агентуры Департамента полиции.

К моменту своего назначения заведующим агентурой ротмистр Будзилович имел за спиной обширный практический опыт строевой армейской службы и работы в органах общей и политической полиции. Однако ничего в его послужном списке и других документах не указывает на то, что до 1890 г. он хоть как-то соприкасался с делом заграничного розыска или был хорошо знаком со странами Балканского полуострова.

Агентуру Департамента полиции на Балканах Будзилович возглавлял с 1890 по 1901 гг., при нем в целом сложился основной костяк личного состава этого органа, включая многих секретных сотрудников. Деятельность Будзиловича и его агентов заслуживает самостоятельного исследования. Здесь отметим лишь, что начальство достаточно высоко оценивало успехи руководителя Балканской агентуры. За десятилетие службы на Балканах Будзилович был дважды повышен в чине: 26 февраля 1893 г. его произвели на вакансию в подполковники, а 14 мая 1896 г. Будзилович был за отличие по службе произведен в полковники. Также он был награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. (1894) и Св. Анны 2-й ст. (1899). Имел он и награды балканских государств – сербский орден Такова 4-й ст., черногорский орден Князя Даниила I 3-й ст., болгарский орден Св. Александра 3-й ст.

С внешней стороны, работа полковника Будзиловича и возглавляемой им агентуры выглядела вполне успешной. Однако в условиях спада революционного движения в России и на Балканах в 1890-е гг. эти успехи не могли не быть иллюзорными. И в тот самый период, под покровом мнимого благополучия, назревали серьезные проблемы, которые вскоре затем поразили и Балканскую агентуру, и всю политическую полицию Российской империи.

30 октября 1901 г. полковник Будзилович скоропостижно скончался в Петербурге, куда прибыл, очевидно, по делам службы. Причины и обстоятельства его смерти не вполне ясны. На его столе было найде-

но неоконченное письмо от 29 октября, которое начиналось словами: «Третьего дня я послал Г[осподину] Мотылеву (сотруднику Балканской агентуры А.А. Мотылеву. – В.К.) письмо, в котором подробно описал постигшее меня несчастье».⁵ Руководство Департамента полиции попыталось выяснить, о каком несчастье шла речь, но документы этого дела не дают понять, удалось ли установить что-либо конкретное. Представляется весьма вероятным, что упомянутое «несчастье» так или иначе ускорило безвременную кончину совсем еще не старого жандармского полковника.

Для личной характеристики А.И. Будзиловича можно привести и следующий факт. Будучи женат законным браком и имея двух взрослых детей, в Бухаресте он сожительствовал с некоей Верой Яковлевной Павловской, она же Варвара Яковлевна Грабская. Эта женщина исполняла при Будзиловиче обязанности помощницы. После его смерти она начала устраивать скандалы чинам русской миссии, требовать выдачи не принадлежавших ей денег и ценностей.⁶ Эта неприглядная история даже стала темой переписки с Департаментом полиции. Впрочем, как мы увидим, данный случай был далеко не единственным примером того, как личные слабости, ошибки и прегрешения представителей русских секретных служб за границей, в том числе в их отношениях с женским полом, создавали немалые трудности для их сослуживцев и для общего дела.

Умершего А.И. Будзиловича в январе 1902 г. сменил на посту заведующего Балканской агентурой ротмистр ОКЖ В.В. Тржецяк.⁷ История карьеры этого офицера также весьма любопытна, с точки зрения напечатанного интереса к механизмам кадрового отбора русского политического сыска для службы за границей, а именно на Балканах.

Владимир Валерианович Тржецяк родился 18 декабря 1865 г., в семье потомственных дворян Гродненской губернии.⁸ Т.е. он был земляком Будзиловича, хотя они вряд ли когда-либо были знакомы друг с другом. Интересен вопрос о национальном происхождении В.В. Тржецяка. Историк-сербист Я.В. Вишняков полагает, что «его (Тржецяка. – В.К.) польские корни очевидны».⁹ Однако нам ответ представляется не столь однозначным. Фамилия Тржецяк и отчество Валерианович, действительно, звучат вполне по-польски, однако в послужном списке интересующий нас офицер был записан православным. Тржецяк – известная

дворянская фамилия Северо-Западного края Российской империи; некоторые ее обладатели причисляли себя к полякам, некоторые – к белорусам (в этом случае одним из вариантов написания фамилии было «Третьяк»).

К какому народу относил себя сам Владимир Валерианович – нам неизвестно. Не исключено, что он был поляком, перешедшим в православие из карьерных или иных соображений. Ведь для поляков-католиков путь в Отдельный корпус жандармов был закрыт; да и карьера в русской армии была затруднена. Однако более вероятным кажется, что Владимир Тржецяк был представителем потомственной православной белорусской шляхты. В пользу этой версии говорит тот факт, что во время своей армейской службы он не только был ктитором (в ту эпоху – особая должность в церквях военного ведомства) полковой церкви, но и даже, с благословения архиепископа Холмского и Варшавского Флавиана, исправлял с апреля по июль 1893 г. должность старосты православного Варшавского кафедрального Свято-Троицкого собора. Думается, этот почетный пост был бы скорее доверен ревностному православному христианину, а не поляку-неофиту и бывшему католику. Затем, и дочь Владимира Валериановича, Екатерина Тржецяк, по анкетным данным советского периода значилась как «белоруска».

Владимир Тржецяк получил отличное военное образование: он окончил по 1-му разряду Киевский Владимирский кадетский корпус и – портупей-юнкером – элитное Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. В чине корнета он был выпущен в 14-й драгунский Литовский Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Альберта полк, расквартированный в г. Влоцлавск в Варшавском военном округе.

Судя по записям в послужном списке, Тржецяк был в высшей степени способным и энергичным офицером. Помимо основных служебных обязанностей, он одновременно был кассиром офицерского заемного капитала, заведующим офицерской библиотекой, полковым казначеем и квартирмейстером, ктитором полковой церкви. Вскоре служебное рвение дало ему возможность продвинуться по службе – Тржецяк был прикомандирован к штабу VI армейского корпуса «для письменных занятий». На новом месте он также выполнял различные ответственные поручения. К примеру, будучи всего лишь в чине поручика, в 1891 г.

Тржецяк около 5 месяцев исполнял должность старшего адъютанта корпусного штаба (а занимал эту должность полковник генерального штаба!).

В дальнейшем его карьера развивалась блестяще – он занимал должности адъютанта командира корпуса, старшего адъютанта корпусного штаба. Однако, надо полагать, армейская служба перестала привлекать Владимира Тржецяка, и он решил искать другое применение своим несомненным дарованиям. Высочайшим приказом 1 января 1896 г. Тржецяк был переведен в Отдельный корпус жандармов, где получил назначение в Управление Варшавского жандармского округа, вскоре затем упраздненного. В ноябре 1896 г. Тржецяк был назначен адъютантом Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог (ЖПУЖД). С этого момента его служба на протяжении нескольких лет была связана с железной дорогой. Офицеры ЖПУЖД Российской империи занимались обеспечением безопасности на железных дорогах, встречами и сопровождением высоких лиц и борьбой с контрабандой; они, как общее правило, практически не соприкасались с делом политического розыска, агентурной работой в революционной среде, непосредственной борьбой с экстремизмом и терроризмом. В среде жандармов и охранников служба в ЖПУЖД считалась чуть ли не синекурой. Видный представитель русского политического сыска А.П. Мартынов вспоминал, что подавляющее большинство офицеров-слушателей лекционного курса при штабе ОКЖ мечтало впоследствии служить в железнодорожной жандармской полиции, особенно на частных железных дорогах, поскольку это давало прибавку к денежному содержанию.¹⁰

С ноября 1896 по июль 1898 гг. Тржецяк служил в Варшавском ЖПУЖД, затем он был переведен на русский Север и служил с июля 1898 по февраль 1900 гг. начальником Архангельского отделения Московско-Архангельского ЖПУЖД и Вятского отделения Екатеринбургского ЖПУЖД. Затем Тржецяк был возвращен на службу в Польшу, все в то же Варшавское ЖПУЖД, и возглавлял там сначала Тереспольское, а затем Границкое отделения.

На этой последней должности он с сентября 1900 г. начал заведовать агентурой на сопредельной территории Австро-Венгрии. Служебная справка отмечала, что он «организовал с полным успехом агентуру в Австрийской Галиции».¹¹ Очевидно, это обстоятельство – наличие

успешного опыта работы с закордонной агентурой – и стало определяющим при выборе Тржецяка на должность заведующего Балканской агентурой Департамента полиции. Ведь на службе в ОКЖ он находился сравнительно совсем недавно, всего шесть лет, и по роду службы на железной дороге не мог быть хорошим знатоком революционного подполья и техники борьбы с ним. Возможно, повлиял и еще один фактор – Тржецяк был женат на болгарке Никулице Панайотовне Чокмаковой, уроженке г. Ямболя в Болгарии (Восточной Румелии). Причем их знакомство и брак произошли задолго до перевода Тржецяка на Балканы – трое их детей родились в 1894, 1895 и 1897 гг. Жандармское начальство вполне могло рассудить, что жена-болгарка и ее родня помогут Тржецяку скорее освоиться с условиями и обычаями жизни на Балканах. С другой стороны, не было принято во внимание, что подобная матrimониальная связь также могла привить определенные национальные предпочтения самому Тржецяку и вызывать предубеждение против него у представителей других балканских народов.

На Балканах Тржецяк провел всего около двух лет; штаб-квартира возглавляемой им агентуры, как и прежде, располагалась в Бухаресте. Здесь он действовал под служебным псевдонимом Александр Константинович Цитовский.¹² Впрочем, как и в случае с его предшественником Будзиловичем, речи о конспирации быть не могло. Представитель русской политической полиции на Балканах практически не скрывал своей должности и рода занятий, а возглавляемый им сыскной орган *de facto* был гласной и публично известной резидентурой. Власти Румынии, Болгарии и Сербии нисколько не возражали против присутствия на их территории агентов русской охранки, которые находились там с их ведома и согласия, в целях дипломатически согласованной борьбы с международным анархизмом и терроризмом. Естественно, это могло иметь место только в том случае, если собственные интересы балканских правительств требовали улучшения политических отношений с Россией. Общие благоприятные перемены в данном направлении начались с середины 1890-х годов, и с этого времени агенты русского сыска чувствовали себя на Балканах достаточно комфортно. Но и представители русской революционной эмиграции по-прежнему не испытывали особых проблем с местными властями.

Полное отсутствие конспирации не могло не вредить делу розыска. В июне 1905 г. русский дипломатический агент в Софии Ю.П. Бахметев писал об этом на имя министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. Он сообщал, что в марте 1905 г. в Софию для расследования дела о взрыве мастерской бомб в Княжеве прибыли статский советник Л.А. Ратаев и подполковник Тржецяк (к тому времени ужеозванный с Балкан). Ратаев, глава всего русского заграничного сыска, старался придать секретность и таинственность факту своего пребывания в Болгарии. Но его присутствие, писал Бахметев, было отлично известно всем местным революционерам, так как Ратаев открыто появлялся в городе «с известным всем и каждому в Софии жандармским подполковником Тржецяком».¹³

За время своей службы на Балканах Тржецяк удостоился ряда наград от своего руководства: 19 августа 1903 г. «за отличие по службе» он был произведен в подполковники; также он получил орден Св. Анны 3-й степени и всемилостивейше пожалованные золотые часы на цепочке с изображением государственного герба.¹⁴ Подобно Будзиловичу, имел Тржецяк и награды балканских государств. 4 июня 1903 г. ему было «Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Сербский Орден Такова 3 ст.». По злой иронии судьбы, этот орден был пожалован ему еще королем Александром Обреновичем, который вместе с королевой Драгой был зверски убит во время дворцового переворота 29 мая 1903 г. То есть награду от умерщвленного монарха Тржецяк получил уже тогда, когда на престол Сербии восходила другая династия – Карагеоргиевичей.

Особо двусмысленный характер придавало этому факту то обстоятельство, что руководство русской Балканской агентуры некоторое время имела прямое отношение к обеспечению безопасности короля Сербии. В конце 1900 г. Александр Обренович обратился к полковнику Будзиловичу с просьбой организовать на личные средства короля «его личную маленьющую секретную полицию», главной задачей которой должно было стать наблюдение за жившим в Вене экс-королем Миланом Обреновичем, отцом Александра, и выявление приверженцев Милана в Белграде. Также предполагалась борьба с анархистами в Сербии. Русский поверенный в делах в Сербии П.Б. Мансуров полностью одобрил инициативу короля и поддержал ее перед своим начальством.

В январе 1901 г. эта «маленькая секретная полиция» была организована. Сербский министр внутренних дел поручил инструкции оказывать ей полное содействие. На содержание агентуры Будзиловича в Сербии король предполагал отпускать 80 тыс. франков в год. Последовавшая 29 января 1901 г. в Вене смерть Милана Обреновича внесла изменения в эти планы. Будзилович предложил уменьшить денежный отпуск с 80 до 36 тыс. франков в год. Король Александр просил не прекращать работу агентуры, а перенацелить ее на происки Австрии в Сербии. Русский посланник в Белграде Н.В. Чарыков также советовал Будзиловичу продолжать работу, считая ее исключительной выгодной с точки зрения интересов России. После смерти полковника Будзиловича руководством личной тайной агентуры короля Сербии занимался А.М. Вейсман. С 1 января 1902 г. дело о содержании охранной агентуры при короле Александре было официально прекращено. У вступившего в должность главы Балканской агентуры В.В. Тржецяка сам король, во время представления первого, спросил о судьбе его личной охраны. Тржецяк отвечал уклончиво, а перед своим начальством он проводил ту мысль, что брать деньги за охрану сербского монарха рискованно, ибо это угрожало похоронить авторитет России на Балканах. Лучшим образом действий Тржецяк считал внушать королю Александру ту мысль, что, борясь с революционерами и анархистами в странах региона, агентура Департамента полиции обеспечивает и личную безопасность монарха. В итоге агенты русского политического сыска прекратили обеспечивать охрану Александра Обреновича, менее чем за полтора года до Майского переворота 1903 г.¹⁵

Несмотря на вышеперечисленные награды Тржецяка, результаты работы Балканской агентуры оставляли желать много лучшего. Ее неудачи, в том числе и связанные с личными промахами заведующего агентурой, привели к упразднению этого органа как самостоятельного подразделения политического сыска с 1 февраля 1904 г. Подполковник В.В. Тржецяк был прикомандирован к Варшавскому ГЖУ, причем без штатной должности. После начала русско-японской войны он во главе агентурной группы с июня по декабрь 1904 г. выполнял особую миссию в Константинополе, связанную со сбором информации и обеспечением безопасности возможного прохода кораблей Черноморского флота через Проливы.¹⁶

Дальнейшая судьба В.В. Тржецяка известна лишь в общих чертах. 22 марта 1905 г. он был назначен в распоряжение московского градоначальника, прибыл в Москву 10 апреля и с 22 апреля по 22 августа 1905 года, в разгар революционных событий, исполнял должность начальника Московского охранного отделения.¹⁷ Затем он вернулся на уже хорошо знакомую ему жандармскую службу на железной дороге – начальником Александровского отделения Варшавского ЖПУЖД.

Имя Тржецяка встречается в одном из документов Государственного Архива Саратовской области, посвященном амнистии заключенных от 1919 г. В этом документе значилось, что Тржецяк как жандармский полковник амнистии не подлежал.¹⁸ Вряд ли В.В. Тржецяку удалось выйти живым из жерновов революционного террора. По всей видимости, плачевной была и судьба его близких. Так, «Книга памяти Омской области» сообщает печальный факт: Тржецяк Екатерина Владимировна, 1895 г. рождения, уроженка Варшавы, белоруска, образование среднее, медсестра, проживала в г. Тары Тарского района Омской области и была арестована 15 сентября 1937 г. 29 сентября она была приговорена к высшей мере наказания тройкой при УНКВД по Омской области, по обвинению по статье 58-2-10-11 УК РСФСР (шпионаж и контрреволюционная деятельность). 5 октября 1937 г. Екатерина Тржецяк была расстреляна и похоронена в г. Тары, а 5 сентября 1959 г. президиум Омского облсуда реабилитировал ее за отсутствием состава преступления. Полное имя Е.В. Тржецяк, дата и место ее рождения (совпадающие с данными о семье из послужного списка В.В. Тржецяка) исключают любые сомнения в том, что она была дочерью бывшего заведующего Балканской агентурой русского политического сыска.

* * *

Ко времени своего назначения на пост заведующего Балканской агентурой ни Будзилович, ни Тржецяк не имели служебного опыта, достаточного для руководства заграничным сыскным органом. Не было у них и обширных страноведческих знаний о Балканах. Однако в то время политическая полиция Российской империи не располагала ни одним офицером, который был бы носителем перечисленных достоинств. Выбирать приходилось из наличного кадрового материала.

ла, и Будзилович с Тржецяком подходили для Балкан не меньше, чем прочие их сослуживцы по ОКЖ. Но гораздо более серьезным и совершенно неизвинительным служебным недостатком и Будзиловича, и Тржецяка было их неумение подбирать себе сотрудников, прежде всего тайных агентов-осведомителей. Как следствие, на протяжении почти всей истории Балканской агентуры ее работа сопровождалась чередой громких провалов, афер, скандалов и провокаций, а ключевыми ее сотрудниками с прискорбным постоянством оказывались редкостные авантюристы и проходимцы. Немалую долю ответственности за это несло и вышестоящее руководство, которое должно было более внимательно следить за агентурной работой подчиненных органов, особенно заграничных.

Штатный состав Балканской агентуры Департамента полиции во все время ее существования оставался невелик. Единственным офицером был сам руководитель подразделения, ближайшими помощниками которого были три-четыре командированных из России сотрудника. Роль правой руки Будзиловича и затем Тржецяка играл бывший унтер-офицер Киевского ГЖУ Иван Осипов Осадчук. Его служебный путь был достаточно типичен для сотрудников политического сыска из числа жандармских унтеров.

Служебная справка о нем 1909 года сообщала следующее. Иван Осипов Осадчук происходил из крестьян Подольской губернии, Гайсинского уезда, селения Жерденовки. Был женат и имел сына Степана. 14 ноября 1878 г. поступил на действительную военную службу. 20 сентября 1883 г., по выслуге установленного срока в 6-й батарее 32-й артиллерийской бригады, был уволен в запас со званием фейерверкера. 1 июля 1884 г. был зачислен на сверхсрочную службу унтер-офицером в Киевское ГЖУ и нес при Управлении агентурные обязанности. 11 мая 1889 г. по собственному желанию вышел в запас и в июле 1890 г. поступил в заграничную агентуру Балканского полуострова. По отзыву Тржецяка, Осадчук был «отлично грамотен и, зная практически румынский, болгарский и отчасти французский языки, независимо [от] исполнения агентурных обязанностей, главным образом специализировался по организации агентуры и особо секретным поручениям в Бухаресте, Варне, Рущуке и в Яссах». «Он был беззವетно предан и отлично ознакомлен с техникою агентурного дела».¹⁹

Также по ходатайству В.В. Тжецяка в помощь ему, для выполнения канцелярской работы, был назначен и прибыл в Бухарест в апреле 1903 г. лично преданный ему унтер-офицер Трифон Ивахнов, переведенный из Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог в Бессарабское ГЖУ.²⁰

К 1 января 1904 г. подполковник Тжецяк имел 15 негласных агентов (филеров и осведомителей) в Румынии, 5 в Болгарии, 2 в Сербии и 1 в Вене; кроме того, с ним сотрудничали 2 сортировщика писем в Бухаресте и 2 почтальона в Яссах.²¹ Для личной охраны при Тжецяке постоянно состоял запасный рядовой из крестьян Игнатий Куриско. Для выполнения разовых миссий, например, для обеспечения безопасности высоких лиц, прибывавших из России, на Балканы командировались дополнительные чины политической полиции.²²

Одним из фактических руководителей и самой заметной фигурой в рядах Балканской агентуры в начале XX века был российский подданный караим Александр (Сендер) Моисеев Вейсман, выдающийся авантюрист, широко прославившийся на Балканах своими махинациями и гешефтами, которые он совершил с использованием служебного положения. Часть его истории рассказал в своей статье Я.В. Вишняков; нам же удалось найти ряд новых документов и выяснить некоторые дополнительные подробности.

Выходец со дна Одессы, Сендер Вейсман, 1862 г. рождения, был сыном известного содержателя публичных домов, винницкого мещанина Мошки-Ястреба. По некоторым данным, Сендер окончил еврейское училище, служил на Бендере-Галацкой железной дороге, откуда был выгнан, затем торговал живым товаром в России, Турции и Египте. В Каире он сидел в тюрьме за сутенерство, затем вернулся в Одессу, содержал там публичный дом.²³ В 1882 г. Вейсман поступил на агентурную службу в Жандармское управление Одессы, а в 1893 г., получив повышение, был переведен в состав Балканской агентуры Департамента полиции в Болгарию и сумел стать одним из ее ключевых работников при полковнике Будзиловиче. В феврале 1901 г. он, по представлению своего начальника, получил звание личного почетного гражданина; также Вейсман имел болгарские, сербские, турецкие награды.²⁴

Агентом русского политического съска был и родной брат Александра Вейсмана – Шимон-Мойше, он же «Орлов». В 1890 г. он, в

то время редактор газеты «Одесские новости», поступил на службу секретным сотрудником к начальнику Жандармского управления Одессы. В 1895 г. Шимон Вейсман перешел на службу в Заграничную агентуру, был направлен в Вену, где 5 лет состоял студентом в университете, затем занимался журналистикой. В полную противоположность своему брату, он характеризовался начальством как интеллигентный, корректный, порядочный, глубоко преданный делу сотрудник. На Шимоне Вейсмане лежало все агентурное наблюдение в столице Австро-Венгрии, ведшееся по линии Департамента полиции.²⁵ К 1902 г. Шимон получал от охранки 300 франков в месяц, а его брат Сендер – 1 000 франков.²⁶

На Балканах «таланты» Сендера Вейсмана развернулись во всю ширь. В частности, Вейсман играл ключевую роль в скандальной истории об организации охраны Александра Обреновича; на этом и на других делах он заработал большие деньги, естественно, допуская грубые нарушения в своей финансовой отчетности. Исследователями установлены контакты Вейсмана с вождями македонского революционного движения накануне Илинденского восстания 1903 г.²⁷ Также предпримчивый караим не брезговал шантажом и доносами на русского дипломатического агента в Болгарии Ю.П. Бахметева. Возможно, самым громким гешефтом с участием Вейсмана стала подготовка фиктивного покушения на жизнь князя Фердинанда Болгарского, с целью упрочить положение самого Вейсмана.²⁸ Этому предшествовала неудачная попытка последнего предложить князю свои услуги по охране его особы и нажиться на этом, как и в Сербии. Скандално завершилась и затяянная Вейсманом афера с награждением посторонних лиц сербскими орденами.

И Будзилович, и Тржецяк признавали, что Вейсман был нечист на руку в своих делах, но считали его незаменимым для работы. Первое время после своего назначения на Балканы Тржецяк превозносил перед начальством сметливость, хитрость, опыт и связи Вейсмана, его «особо выдающиеся агентурные способности». По отзыву Тржецяка, Вейсман сумел полностью наладить дело перлюстрации и «образцово поставил агентурное дело».²⁹ «Лучшие силы нашей местной революционной агентуры – братья Вейсман», – писал глава русского политического сыска на Балканах.³⁰

Лишь некоторое время спустя Тржецяк начал осознавать, что Вейсман пытается отстранить его от руководства всеми делами Балканской агентуры, причем не стесняет себя в средствах. Доходило до того, что Вейсман организовывал перлюстрацию писем своего начальника, выслеживал его тайных агентов и имел наглость прямо заявлять тому, что все агенты, присылаемые в Софию без него, Вейсмана, ведома – будут им провалены. Также он говорил, что если Департамент полиции уволит его, то он немедленно поступит на службу к сербскому королю или болгарскому князю. К ним, как ошибочно считали многие на Балканах, Вейсман имел свободный доступ.³¹

В одном из своих докладов на имя Ратаева Тржецяк писал: «К числу же отрицательных сторон Вейсмана следует отнести его алчную жадность к деньгам, желание освободиться в лице моем от какого бы то ни было контроля со стороны Департамента Полиции, отсутствие порядочности и сознания того, что он есть слуга нашего Правительства, полная распущенность в нравственном отношении и, как я пока предполагаю, но вскоре фактически докажу, – продажность. Он будет служить всегда тому, кто ему более заплатит».³²

На Вейсмана жаловались русские дипломаты в балканских странах; местные министры и представители иностранных миссий просили положить конец его махинациям.³³ «Ныне для меня лично Вейсман со всеми его причудами приносит больше хлопот и забот, чем все революционеры вместе взятые», – делал фантастическое признание глава Балканской агентуры русской политической полиции.³⁴

Звучит невероятно, но, несмотря на все вышесказанное, Тржецяк некоторое время еще считал возможным продолжать сотрудничество с Вейсманом, опасаясь, что в противном случае тот может раскрыть всю негласную агентуру. Более дисциплинированным, по мнению Тржецяка, Вейсмана могло сделать обещание ему пенсии в случае инвалидности и обеспечения семьи в случае смерти. «В агентуре мы зачастую должны мириться с подобными личностями», – писал Тржецяк, по мнению которого Вейсман оставался «безусловно способным и нужным для дела работником».³⁵

Однако, развиваясь, конфликт Тржецяка и Вейсмана приобрел неизбежимый характер, и глава Балканской агентуры стал сообщать в Департамент полиции уже просто вопиющие факты поведения своего

«незаменимого» прежде сотрудника. Купив дом в центре Софии за 30 тыс. франков, Вейсман из страха за нажитое имущество прекратил всякую агентурную работу по революционерам, покончил с конспирацией, стал во всеуслышание называть себя начальником русской полиции, раскрывать имена негласных сотрудников, из зависти чернить их перед начальством. Жена Вейсмана Софья Мироновна, «трудившаяся» прежде в одном из публичных домов Тифлиса и однажды уже высланная Будзиловичем из Болгарии в Одессу, устраивала подполковнику Тржецяку оглушительные скандалы, даже угрожала подослать к нему македонских революционеров. Особую ненависть Сендера Вейсмана вызывал его родной брат Шимон. В конце концов, первый и его жена предали огласке сотрудничество второго с русской полицией, что несло большой вред русской агентуре в Австро-Венгрии.³⁶

Тржецяк пришел к выводу о «невменяемости» четы Вейсманов и решил прекратить сотрудничать с ними, однако был вынужден просить начальство дать им пенсию или разовое вознаграждение, чтобы избежать провала всей агентуры на Балканах.³⁷ В итоге Вейсман был выслан из Болгарии и в конце 1903 г. уволен со службы в Балканской агентуре, с назначением ему пенсии в 600 рублей в год.³⁸ После этого каким-то непостижимым образом он сумел занять должность делопроизводителя сыскного отделения при канцелярии Варшавского обер-полицмейстера.³⁹ Там Вейсман вскоре был пойман на взятке и заочно приговорен к 16 месяцам тюрьмы.⁴⁰ Ударившись в бега, он занимался шантажом в Париже; в мае 1911 г. был, наконец, арестован в Петербурге и посажен в «Кресты». В последний раз следы А.М. Вейсмана обнаружились в феврале 1915 г. в занятом русскими войсками Львове, откуда военные власти выслали бывшего агента в Симбирскую губернию.⁴¹ В истории Вейсмана проявились худшие пороки и слабости предреволюционного русского сыска, причем, как будет видно из дальнейшего, эти черты имели системный, а не исключительный характер.

Будучи серьезно скомпрометирована деятельностью Вейсмана, самостоятельная Балканская агентура была бесславно упразднена и с 1 февраля 1904 г. официально прекратила свое существование.⁴²

В марте 1905 г. последовала реорганизация системы русского заграничного сыска. Берлинская агентура Департамента полиции была присоединена к Парижской, глава которой, действительный статский

советник Л.А. Ратаев, получил право содержать агентов в тех странах, «где будет ощущаться необходимость в освещении деятельности русских эмигрантов-революционеров».⁴³ В силу этих полномочий Ратаевым была восстановлена агентура в Болгарии и Румынии. Тогда же он предпринял попытку добиться от Департамента ассигнования ему дополнительного кредита в размере 36 тыс. франков в год на содержание Балканской агентуры, однако в этом ему было отказано, с мотивировкой, что содержать агентуру на Балканах Ратаев мог за счет общей суммы, выделявшейся на Заграничную агентуру.⁴⁴

Вскоре скоро выяснилась та довольно очевидная истина, что руководить из Парижа агентурой на Балканах было чрезвычайно неудобно. После ухода Ратаева в отставку в июле 1905 года руководство заграничной агентурой перешло к коллежскому советнику А.М. Гартигу-Ландезену (А.М. Геккельману), который, по словам одной из позднейших справок Департамента, «отрицая всякую пользу от сохранения Балканской агентуры, прекратил выдачу денег на содержание таковой».⁴⁵ Как отмечает З.И. Перегудова, решение об упразднении Берлинской и Балканской агентур могло быть связано с внутренней борьбой за влияние в руководстве заграничного съска Департамента полиции между Л.А. Ратаевым и П.И. Рачковским, покровителем Гартига.⁴⁶ И все же главной причиной ликвидации Балканской агентуры стали вопиющие промахи и злоупотребления ее сотрудников.

События революции 1905-1907 гг. на юге России, вкупе с ростом политической нестабильности и военной угрозы в черноморско-балканском регионе, заставили руководство Департамента полиции возобновить агентурную организацию на Балканах. 2 декабря 1906 г. было принято решение, не восстанавливая самостоятельной Балканской агентуры, подчинить ее начальнику ближайшего – Одесского – районного охранного отделения, который и ведал этой агентурой до 1910 г. На содержание Балканской агентуры теперь выделялось всего-навсего 19 200 франков в год.⁴⁷ Было возобновлено сотрудничество с прежними негласными агентами, работой которых руководство Департамента полиции прежде было совершенно недовольно. В качестве главной задачи агентуре на Балканах отныне вменялось руководством наблюдение за попытками ввоза оружия и взрывчатки в черноморские порты России и через русско-румынскую границу. Также агенты Департамента полиции в Румынии и Болгарии

должны были следить за деятельностью русских, армянских и македонских революционных кругов в этих странах.

В то время Балканской агентурой фактически руководил находившийся в Румынии негласный сотрудник «Заманов» – Георгий Анастасьевич Мелас, понтийский грек, уроженец Нежинского уезда. По отзыву подполковника В.В. Тржецяка, различные агентурные поручения Меласа исполнял с 1889 г., с 1892 г. был принят на постоянную службу в агентуре и с тех пор занимался наружным агентурным наблюдением в Бухаресте.⁴⁸ С 1905 года он числился старшим агентом Заграничной агентуры на Балканах; на него было возложено наблюдение за ввозом оружия в Россию.⁴⁹ Тржецяк писал: «Обладая обширными знакомствами и родственными связями в Румынии и состоя поверенным в делах многих румынских богатых домов, сотрудник Мелас, независимо [от] несения обязанностей по наружному наблюдению по городу Бухаресту, с успехом выполнял поручения агентурного свойства во всех румынских городах, расположенных на Дунае. Прекрасно знает французский, немецкий, итальянский, русский, греческий и румынский языки. Обладает личной инициативой, находчив, хитер и не стесняется средствами для достижения намеченной им цели. Аресту Менделея Розенбаума (курьер заграничного Союза эсеров. – В.К.) агентура во многом обязана деятельности сотрудника Меласа. За время заведывания мною агентурою я имел возможность убедиться в преданности сотрудника Меласа делу и его полной корректности ко мне. Несмотря на положительные качества, сотрудник Мелас все же требует постоянного надзора за собою и при соблюдении этого условия является весьма ценным сотрудником для заграничной агентуры».⁵⁰

Как и в случае с Вейсманом, Тржецяк не скучился на похвалы своему сотруднику. Однако, как показывает опыт изучения материалов агентурной работы отечественных секретных служб начала XX в., слова о необходимости пристального контроля над определенными агентами офицеры разведки и полиции часто использовали для заблаговременного объяснения причин возможного провала или изменения ненадежного секретного сотрудника. Вскоре агентура на Балканах была реорганизована, и Департамент полиции прекратил отношения с агентом Меласом, в добросовестности которого к тому времени возникли сомнения. Руководство агентурой было возложено на помощника начальника Одес-

ского Охранного отделения ротмистра ОКЖ В.И. Андреева. Чтобы избежать возможного разглашения Меласом секретной информации, руководство Департамента распорядилось о выплате ему крупного единовременного вознаграждения, по сути отступного, в размере 5 000 рублей. Однако эта мзда лишь разожгла аппетиты бывшего сотрудника-шантажиста, и он начал активно вымогать деньги у бывшего начальства и у русских дипломатических миссий, угрожая опубликовать имеющиеся у него сведения о секретной агентуре и служебную переписку.⁵¹

В 1908 г. Балканскую агентуру возглавил ротмистр ОКЖ Константин Дмитриевич Кречунеско, помощник заведующего Одесским Охранным отделением, бессарабский румын по происхождению.⁵² Он сразу обратил внимание на плачевно жалкое состояние вверенного ему органа сыска, дела которого находились в состоянии полного развода. На службе в Балканской агентуре к началу 1909 г. состояли следующие лица. Бывший чиновник А.А. Мотылев, дворянин Херсонской губернии, непрерывно служил в этом подразделении почти тридцать лет, с самого момента его учреждения, за что получал от Департамента полиции особую пенсию. Александр Александрович Мотылев был принят на службу в Балканской агентуре еще вице-консулом Шафировым в 1882 г. До того он служил в Ольвиопольском уланском полку, затем в службе движения на Харьково-Николаевской железной дороге, откуда и был взят на службу агентом политического розыска. 27 февраля 1903 г. по Высочайшему соизволению коллежскому регистратору А.А. Мотылеву была назначена пенсия в размере 1800 франков (около 680 рублей) в год, так как он страдал неизлечимой болезнью глаз. В декабре 1911 г. Мотылеву было 60 лет.⁵³ Он проживал в Бухаресте и за 535 франков в месяц осуществлял при помощи знакомого чиновника румынской почты перлюстрацию, дававшую лишь маловажные и случайные сведения. Другой бухарестский сотрудник «Заккони» (он же Витольд Пекарский, в прошлом крайний народник-террорист, некогда укрывавший легендарного С.М. Степняка-Кравчинского, убийцу шефа жандармов Н.В. Мезенцова) с 1907 г. не давал никаких сведений; он потерял почти все связи с революционными кругами, постоянно болел и пил горькую.⁵⁴

Резко отрицательную характеристику получил и Иван Осадчук, бывший прежде главным помощником подполковника Тржецяка. Кречунеско докладывал, что Осадчук, некогда уволенный со службы

Киевского ГЖУ за пьянство, жил в Яссах около 15 лет, не имел связей в революционных кругах, не давал начальству никаких сведений, кроме газетных, и играл роль вспомогательного агента и филера, получая 350 франков в месяц. Также в Яссах жил недавно приобретенный сотрудник «Алексей», служивший ранее по агентуре Петербургского охранного отделения, где он работал по партии анархистов-коммунистов, но провалился и был вынужден скрыться. Связей в революционной среде в Румынии «Алексей» завязать не успел, и потому сведений от него не поступало, однако он получал 100 франков в месяц. В Константинополе в качестве секретного сотрудника работал грек Константин Прессино. Он также не состоял ни в одной революционной организации и не доставлял никаких сведений, получая 500 франков в месяц. В конце концов, начальство стало видеть в нем шантажиста, поскольку Прессино проявлял особый интерес к организации и составу Балканской агентуры. Константинопольский агент «Криспи», начавший сотрудничать с декабря 1908 г., за 9 месяцев не дал никаких сведений и был признан бесполезным.⁵⁵

Более ценным сотрудником был агент «Каров» («Каро»), проживавший в Софии. Под этим агентурным псевдонимом скрывался Петр Андреев Шварц, он же «Петр Черный», присяжный поверенный по профессии, сотрудничавший с Департаментом полиции с апреля 1901 г.⁵⁶ Вначале он в качестве случайного сотрудника оказывал агентурные услуги А.М. Вейсману, затем стал сотрудничать на постоянной основе. Шварц владел русским, французским и немецким языками, отличался корректным отношением к агентурному делу.⁵⁷ В качестве адвоката он работал на русскую миссию в Болгарии. Агент «Каров» не принадлежал к революционным кругам, но имел широкий круг знакомств в софийском обществе. Он получал 980 франков в месяц, за счет которых содержал при себе дополнительного сотрудника, бывшего чина болгарской полиции «Василия», с жалованьем 200 франков, и трех филеров для службы наружного наблюдения, с жалованьем в 180, 150 и 100 франков. Остальные 350 франков Шварц оставлял себе лично. «Таким образом, – отмечалось документе Департамента полиции, – «Каро» является не секретным сотрудником, а скорее чем-то вроде начальника Софийского охранного пункта, в качестве какового он и известен в Софии».⁵⁸ Сотрудник «Василий» в свое время давал ценные сведения,

однако после увольнения его знакомых из болгарской полиции поступление информации прекратилось.

Одним из самых ценных секретных сотрудников Балканской агентуры был Антон Макаров Прудкин (1880–1942), начавший сотрудничать с охранкой с ноября 1902 г. и работавший под псевдонимами «Озеров» и «Такварьян». Малоросс по отцу и болгарин по матери, он родился в Рущуке, окончил мореходку в Николаеве и вскоре стал капитаном «Бориса», самого большого судна Болгарского торгового пароходного общества. Прудкин был весьма ценным источником внутренней информации из среды анархистов, македонских и армянских революционеров, «Союза черноморских моряков». При этом, однако, Прудкин был своеобразным и малоуправляемым сотрудником, всегда готовым ввязываться в разные противозаконные авантюры, применять револьвер и взрывчатку.⁵⁹

Итак, мы познакомились с постоянным составом Балканской агентуры к началу 1910 г. На жалованье ей и на командировки сотрудников в то время расходовалось 14 400 рублей (38 400 франков) в год. Сношения агентуры с ее руководством в Одесском охранном отделении осуществлялись, помимо личных свиданий в ходе поездок ротмистра Кречунеско, при помощи почты: Мотылевым в Бухаресте и «Каровым» в Софии через русские миссии. Из прочих мест корреспонденция шла непосредственно на конспиративный адрес условными письмами или шифровками.⁶⁰

Организация и результаты работы Балканской агентуры оставляли желать много лучшего. Ее начальство было отлично осведомлено о том, что весь состав агентуры, как сотрудники, так и фильтры, уже давно знали друг друга в лицо, а также, за исключением «Такварьяна», и по фамилиям, и были известны чинам румынской и болгарской полиции, многим из местных жителей и бывшему главному сотруднику-шантажисту Меласу. Такая неслыханная открытость агентуры объяснялась просто. Во время поездки великого князя Владимира Александровича в Болгарию и Румынию в 1907 г. прежний заведующий Балканской агентурой ротмистр Андреев собрал всех ее сотрудников вместе и возил с собою в качестве сопровождения августейшего гостя (!).⁶¹

В январе 1909 г. ротмистр Кречунеско, проинспектировавший Балканскую агентуру, обратился к заведующему Особым отделом Департамента полиции Н.П. Зуеву с проектом реорганизации политического

сыска на Балканах. Он предлагал сделать Балканскую агентуру самостоятельным розыскным органом, подчиненным напрямую Департаменту полиции. Агентура должна была включать по одному штатному агенту-резиденту в Болгарии, Румынии и Константинополе, которым следовало наладить внутреннюю и наружную агентуру, а также почтовую перлюстрацию. По мнению Кречунеско, в Румынии было необходимо завести агентуру в среде тамошних членов партии эсеров, в Болгарии и Турции – в армянских партиях Дашибакчуюн и Гничак. Агенты и филиры, предназначенные для работы в регионе, должны были хорошо знать местные условия и языки.⁶²

Начальство согласилось с основными идеями доклада Кречунеско и признало необходимость коренного обновления состава агентуры на Балканах путем ликвидации (т.е. увольнения, на языке полиции того времени) большинства прежних секретных сотрудников, за исключением агентов «Такварьяна» и «Карова» в Болгарии. Главной причиной необходимости активизировать сыск на Балканах руководство охранки называло укрепление позиций в этом регионе партий Дашибакчуюн и Гничак и установление ими связей с радикальными элементами пришедшего к власти в Константинополе младотурецкого комитета. В Департаменте обращали особое внимание на то, что еще в 1908 г. под Софией дашибакчами была открыта военная школа для подготовки офицеров будущей армянской армии.⁶³

Исходя из этих соображений, в январе 1910 г. товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ генерал-майор П.Г. Курлов признал необходимым перенести штаб-квартиру заведующего агентурой на Балканах и в Турции в Константинополь. Для ознакомления с будущими условиями работы и существующей секретной агентурой в столицу Османской империи 9 февраля 1910 г. был временно командирован помощник начальника Кавказского районного охранного отделения коллежский асессор В.В. Ленчевский, человек с богатым и разносторонним опытом военной и сыскной службы, ведший в Закавказье работу по Дашибакчуюну.⁶⁴

После этого в ноябре 1910 г. было создано Бюро заведывающего агентурой Департамента полиции в Константинополе, в ведение которого была передана вся работа агентуры русского политического сыска в Турции и на Балканах. Это подразделение просуществовало до лета

1914 г., и конец его работы был бесславным. Всего через несколько дней после начала Первой мировой войны, за два с половиной месяца до разрыва дипломатических отношений России и Турции, ротмистр К.Д. Кречунеско, последний глава Константинопольского бюро, открыто расписался в собственной беспомощности и, по сути дела, бежал с вверенного ему поста. 31 июля 1914 г. он, не получив на то никаких распоряжений начальства, самочинно вернулся в Одессу, привезя с собой переводчика Мамедова и архив агентуры. Начальнику одесского Охранного отделения П.П. Заварзину он мотивировал свое возвращение «невозможностью продолжать розыск в Турции вследствие начавшегося под влиянием Германии преследования турецкими властями служащих в российском посольстве».⁶⁵ Руководству Департамента полиции пришлось смириться с этим и принять решение: «Бюро Балканской агентуры упразднить впредь до окончания войны с Германией и выяснения политических взаимоотношений с Турцией».⁶⁶ С 1 сентября 1914 г. Баланская агентура официально прекратила свое существование.⁶⁷

Работа Константинопольского бюро в 1910–1914 гг. составила отдельный период в истории деятельности русской охранки в черноморско-балканском регионе. Она также заслуживает самостоятельного повествования. Здесь упомянем лишь о том, что и на новом этапе повторились все худшие черты работы с кадрами в предыдущие годы. Более того, теперь преступными махинациями и злоупотреблениями себя запятали уже не кто-нибудь из секретных сотрудников-авантюристов, а кадровый жандармский офицер – сам ротмистр К.Д. Кречунеско, последний руководитель агентуры в Турции и на Балканах.

Проведенная в 1914 г. в Департаменте полиции проверка отчетности Константинопольского бюро выявила, что «в отношении оправдательных документов оказался целый ряд недочетов, сводящийся к полному отсутствию расписок сотрудников, к представлению документов, подлежащих проверке вследствие своей неясности, и к превышению норм выдачи».⁶⁸ Общая сумма неоправданных расходов ротмистра Кречунеско составила 4 681 рубль 62 копейки, неясными и подлежащими проверке были признаны оправдательные документы на сумму 1 069 рублей 23 копейки, неправильные выдачи и неоправданные повышения жалования составили 772 рубля 52 копейки, необоснованно было выведено на личную агентуру 470 рублей. Учитывая ряд других мелких погреш-

ностей, всего Кречунеско был обвинен в неоправданном расходовании 7 020 рублей 89 копеек (что составляло примерно сумму общих расходов его бюро за трехмесячный период).⁶⁹ Проверка также признала большинство сведений агентуры Кречунеско по армянским партиям Дашиакицюн и Гнчак и по Болгарии несущественными; агенты черпали их преимущественно из партийной прессы и общих слухов.

Предельно ясную картину крупной денежной растраты дополняли позорные детали: склеивание ротмистром Кречунеско целого ряда расписок сотрудников из отдельных кусочков, а также подделывание почерка агента «Карова» (Шварца), что выяснилось путем сличения его расписок с имевшимися в Департаменте образцами. 15 сентября 1914 г. бывший руководитель Константинопольского бюро Департамента полиции бежал из России в Румынию и 2 октября Высочайшим приказом был исключен из службы безвестно-отсутствующим.⁷⁰

В апреле 1915 г. начальник штаба ОКЖ В.П. Никольский обратился в Генштаб с просьбой проверить сведения о том, что бывший ротмистр Кречунеско, якобы, стал помощником редактора одной бухарестской газеты и часто появлялся в обществе русского военного агента в Румынии полковника Б.А. Семенова.⁷¹ В ответе на запрос Семенов категорически отрицал это; наведя справки, он выяснил следующее. Еще 13 декабря 1914 г. румынское министерство юстиции уведомило нашу миссию, что 5 октября того же года в институт Медиколегаль в Бухаресте был доставлен труп некоего Константина Кречунеско, 42 лет от роду, по профессии – агента секретной полиции, румына-бессарабца под русским покровительством, родившегося в Кагуле и проживавшего в Бухаресте, улица Колумбелор № 11-бис. Умер он 1 октября 1914 г. в госпитале Кольца. Смерть Кречунеско наступила от отравления фосфором, что было удостоверено медицинским вскрытием, акт которого был препровожден русской миссией через бессарабского губернатора вдове Кречунеско.⁷² У начальника румынской тайной полиции Панайтеску Семенов выяснил частным образом, что Кречунеско покончил жизнь самоубийством. Панайтеску также подтвердил, что некоторое время Кречунеско состоял тайным агентом сигуранцы.⁷³ В Генштабе так и не узнали, являлся ли покойный Кречунеско одним лицом с бывшим жандармским ротмистром. Однако все данные, включая точный возраст покойного, не оставляли в этом никаких сомнений.

* * *

Подводя итог, можно отметить следующее. Деятельность русской политической полиции на Балканах в конце XIX – начале XX вв. испытывала негативное влияние целого ряда недальновидных организационных и финансовых решений руководства. Но главная причина ее низкой результативности все же заключалась в грубых промахах в области подбора кадров. Все прочие проблемы были следствием этого. Ответственные руководители Департамента полиции проявляли поразительный непрофессионализм в сфере подбора сотрудников для заграничной службы, надзора за их деятельностью, в т.ч. агентурной, обеспечения конспиративности их работы. Череда плачевых и постыдных провалов на Балканах и в Константинополе свидетельствовала о переоценке руководством русского политического сыска своих возможностей. Ставя масштабные задачи своим зарубежным органам, оно мало беспокоилось о соответствии им наличных кадров, сил и средств.

Историю Балканской агентуры следует рассматривать как один из яких примеров упадка и разложения органов политической полиции поздней Российской империи. А также подтверждение тезиса о том, что в то время Россия испытывала серьезные трудности в организации наблюдения за балканскими странами по линии своих секретных служб. И это стало одной из причин катастрофических провалов в русской политике и стратегии на Балканах в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работы: *Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.)*. М., 2000. С. 140-168; *Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей*. М., 2002 (переиздание); *Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки*. М., 2004 (переиздание); *Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента Полиции (1883-1917)*. СПб., 2001. Последняя работа представляет любопытный образец написания исследования по истории Департамента полиции вообще без использования документов его делопроизводства из архивных фондов ГАРФ. Впрочем, в качестве биографического справочника она не лишена известной ценности.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 156-156об., 159-160; Агафонов В.К. *Парижские тайны царской охранки*. М., 2004. С. 30-31.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 2. Л. 3-3об.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп.17. Ед. хр. 219. Л. 459-466. Послужной список А.И. Будзиловича. 1 июля 1899 г.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 6-6об.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 24-26.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 2. Л. 2. Там же. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Л. Д. Т. 2. Л. 153-153об.

⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. 1904 г. Ед. хр. 261. Л. 456-465об. Послужной список В.В. Тржецяка. 1 июля 1904 г.

⁹ *Вишняков Я.В.* «Уничтожить всю коварную Европу»: Авантуристы и террористы на Балканах в начале XX века // Родина. 2007. № 1. С. 39-43.

¹⁰ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 58.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 102-102об.

¹² Там же. Л. 27-27об.

¹³ АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1905 г. Ед. хр. 2296. Л. 21-24 об. Ю.П. Бахметев – В.Н. Ламздорфу. 20 июня 1905 г. № 25.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 105.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 29-30об., 49-49об. Там же. Ч. 14. Т. 1. Л. 17, 25-26об.

¹⁶ См. об этом: *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904-1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 137-149.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 53. Ед. хр. 201.

¹⁸ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 8. Текст документа и архивная ссылка даны на веб-сайте Андрея Кумакова: www.old-saratov.ru.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 8-8об.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 89.

²¹ *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 72-75.

²² К примеру, для сопровождения великого князя Николая Николаевича на Шипкинских торжествах на Балканы были командированы ротмистры ОКЖ А.П. Петерсон и М.А. Афанасьев, надворный советник В.Г. Емельянов, жандармский вахмистр Е.Д. Молчанов, а также постоянно служившие в Балканской агентуре фельдфебели запаса Игнат Куриско и Иван Осадчук // АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1902-1907 гг. Ед. хр. 384. Л. 36об.-37

²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 3. л. А. Прод. Л. 54об.-56об.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 41-41об.

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 47-64.

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 2-4. В.В. Тржецяк – Л.А. Ратаеву. 3 марта 1902 г. Б.н.

²⁷ Подробнее см.: *Вишняков Я.В.* Указ. соч.

²⁸ *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905-1907 гг. Киев, 1974. С. 51-52; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С. 145.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 41-41об.

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 2-4. В.В. Тржецяк – Л.А. Ратаеву. 3 марта 1902 г. Б.н.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 6-9. В.В. Тржецяк – Л.А. Ратаеву. 11 мая 1902 г. Б.н.

³² Там же.

³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 3. лит. А. Л. 1-8об.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 6-9. В.В. Тржецяк – Л.А. Ратаеву. 11 мая 1902 г. Б.н.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Д. 3. лит. А. Л. 23-34. В.В. Тржецяк – Директору ДП. 28 августа 1903 г. № 347.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 3. лит. А. Л. 23-34. В.В. Тржецяк – Директору ДП. 28 августа 1903 г. № 347.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 3. лит. А. Л. 328.

³⁹ Там же. Л. 323.

⁴⁰ Там же. Прод. Л. 23-23об., 59-59об.

⁴¹ Там же. Прод. Л. 64, 75, 84, 94, 118, 120.

⁴² АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1896 г. Ед. хр. 383. Л. 45. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 85.

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 22-23.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 1-1об.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 44-46об.

⁴⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С.147.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 164.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 9-10.

⁴⁹ Там же. Л. 6.

⁵⁰ Там же. Л. 9-10

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1909. Ед. хр. 436. Л. 34-38об. В.В. Ленчевский – Директору ДП. 30 марта 1910 года. № 4.

⁵² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 315. Л. 77-85. Кречунеско К.Д. П/с 1909 г. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 2. Л. 66-67.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 156-156об., 159-160. Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 80-80об.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 2-3. Начальник жандармского управления города Одессы Д.С. Померанцев – Н.П. Зуеву. 21 сентября 1909 г. № 333.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1909. Ед. хр. 436. Л. 2-3. Начальник жандармского управления города Одессы Д.С. Померанцев – Н.П. Зуеву. 21 сентября 1909 г. № 333. Там же. Л. 17-19. К.Д. Кречунеско – заведующему Особым отделом ДП МВД. 19 января 1909 г. № 5. Там же. Л. 34-38об. В.В. Ленчевский – Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 169.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 47-64.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1909. Ед. хр. 436. Л. 34-38об. В.В. Ленчевский – Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4.

⁵⁹ Подробнее см.: Каширин В.Б. Опасные связи капитана Прудкина: Легендарный болгарский моряк и секретные службы России // Родина. 2009. № 8. С. 122-126.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34-38об. В.В. Ленчевский – Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4.

⁶¹ Там же.

⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 17-19. К.Д. Кречунеско – заведующему Особым отделом ДП МВД. 19 января 1909 г. № 5.

⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 22-23.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 21-21об.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 1. Л. 177.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 2. Л. 20.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 2. Л. 75-75об.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 2. Л. 5об.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 л. Д. Т. 2. Л. 2-21.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 1. В.П. Никольский – М.Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915 г. № 776.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Л. 3. Б.А. Семенов – в Огенквар. 4 мая 1915 года. № 594.

⁷³ Там же. Л. 4. Б.А. Семенов – в Огенквар. 6 мая 1915 года. № 600.

O.B. Соколовская

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КРИТСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1900–1901 гг.)

Одним из острейших политических вопросов на Ближнем Востоке конца XIX – начала XX вв. был все еще не разрешенный критский вопрос. Греческое государство, созданное в результате войны за независимость 1821–1829 гг. при поддержке великих европейских держав, оставило за своими границами значительные греческие земли, в том числе остров Крит, издавна населенный греками и по праву считавшийся частью эллинистического мира. Критские восстания, целью которых было присоединение острова к Греческому королевству, происходили в XIX в. почти каждые десять лет¹. В конце XIX в. вспыхнуло очередное критское восстание (1895–1897), которое вызвало греко-турецкую войну и оккупацию острова великими державами, стремившимися не допустить возникновения большой европейской войны. Бурные события на Крите, такие как блокада критского побережья великими державами, акция по спасению православного населения Крита от турецкой резни, высадка и оккупация острова военно-морскими силами Великобритании, Италии, России и Франции, начало многолетней миротворческой операции и др. частично описаны в работах российских и зарубежных историков² и подробнее всего в монографии автора данной статьи³.

Главной задачей России, как и других держав-покровительниц, в критском вопросе на рубеже веков было удержание Греции от конфликта с Османской империей, сохранение на Балканах общего баланса сил. Вместе с тем Россия всегда поддерживала православные народы, осознавала неизбежность присоединения острова к Греции в силу его географического положения, этнического состава, национального самосознания большинства населения – греков, не мысливших себя вне Греции, вне греческой единой нации. Огромную роль играла разносторонняя деятельность российской дипломатии. Данная статья посвя-

щена мало исследованной теме отношения российской дипломатии к происходящим событиям на Крите на рубеже веков⁴.

Суть согласованной державами-покровительницами политики «уми-ротворения» Крита заключалась в предоставлении острову широкой автономии, что фактически означало его постепенный отрыв от Османской империи, а в перспективе – присоединение к Греции. Великие державы предпочитали реформистский путь решения критского вопроса и были последовательны в этом до конца миротворческой операции, т.е. до 1909 г. Большую роль в становлении критской автономии сыграла Россия, от которой потребовались для этого значительные дипломатические и военные усилия.

В результате присутствия крупного контингента международных войск на «Великом острове Средиземноморья», а также флотов европейских держав в критских водах, Турции пришлось пойти на серьезные уступки великим державам: вывести войска с острова, признать автономию, дарованную Криту четырьмя державами-покровительницами, а также смириться с назначением верховным комиссаром четырех держав на Крите греческого принца Георга⁵. По мнению России, главной задачей великих держав было укрепление авторитета верховного комиссара, что гарантировало бы мирное развитие острова, необходимое для установления прочной административной власти.

В течение первых двух лет в 1899–1900 гг. управление верховного комиссара Крита проходило спокойно⁶. «Критяне готовы были повиноваться всяким распоряжениям, порою непривычно для них суровым», – писал в конце 1900 г. российский генеральный консул на Крите А.А. Гирс. По его мнению, это следовало «приписать чувству радости, охватившей их от освобождения от османского владычества и с прибытием, в качестве управителя, представителя греческого королевского дома»⁷. После опубликования Конституции Крита в апреле 1899 г. принц Георг назначил первое правительство Крита, в которое вошли пять известных деятелей – И. Сфакьянakis, Э. Венизелос, М. Кундурос, К. Фумис и Х. Скильянakis. Они считались советниками принца, а фактическим премьером Крита стал личный секретарь Георга А. Пападьямантопулос, властные замашки которого явились главной причиной конфликта между принцем и быстро оформившейся оппозицией во главе с Венизелосом.

Дипломаты великих держав не раз обсуждали личность верховного комиссара, которая не была однозначна. Так, российский и итальянский консулы, а также все послы великих держав в Османской империи сходились во мнении, что 29-летний принц Георг «не лишен способностей, но он далеко не обладает устойчивостью и опытностью, необходимых для этой должности». Принц полагал, что у него будет первый голос на Крите во всех делах управления. Однако на деле, как писал посол России в Турции И.А. Зиновьев министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу, «хитрые, опытные и честолюбивые демагоги, заседавшие в Совете и в Народном собрании, отчасти заслонили собой верховного комиссара, который вынужден был им подчиняться и предоставить им инициативу»⁸. Самолюбие принца сильно страдало и не давало ему смириться с таким положением. В то же время, по мнению А.А. Гирса, население вновь готово было «воевать с новым властителем с тем же рвением, как и со старой властью»⁹.

Вся острая политическая борьба, как в Греции, так и на Крите, в XIX – начале XX вв. была связана с обсуждением путей осуществления греческой программы «Мегали идеа» (великодержавной программы) и одной из главных ее задач – присоединение к Греции Крита. Однако великие державы не торопились выполнить свое обещание, хотя, в отличие от Македонии, где вскоре вспыхнет настоящая война между балканскими народами, ни одно из балканских государств, кроме Греции, не претендовало на Крит, и на острове опять началось брожение. Такое положение дел и состояние умов приводили греческого принца в замешательство. Если державы найдут возможным в случае беспорядков на острове употребить военную силу против зачинщиков движения, то он – принц греческого дома – не мог встать во главе международного отряда и идти наперекор критянам и всем грекам, даже будучи верховным комиссаром. Поэтому единственным выходом он считал присоединение острова к Греции¹⁰. В противном случае, как стало известно И.А. Зиновьеву, принц собирался покинуть остров¹¹.

Находясь в сильном беспокойстве за судьбу свою и острова, а также желая предотвратить какие-либо опасные решения Народного собрания, принц Георг решил осенью 1900 г. посетить столицы европейских держав. Он намеревался предупредить державы о невозможности для него продолжать свою деятельность в качестве верховного комиссара

при таком положении на Крите, а также выяснить намерения держав касательно будущей администрации острова. С этой целью он сначала посетил своего кузена российского императора Николая II, отдыхавшего в Ливадии в Крыму. В то время население Крита возлагало особые надежды на императора Николая II, видя его щедрость и учитывая тесные русско-греческие династические связи¹².

Обеспокоенный принц убеждал российского императора в том, что целесообразно было бы четырем державам «по собственному почину провозгласить или допустить окончательное присоединение острова к Греции, вполне отвечающее желанию критского народа». Греческая королева Ольга Константиновна, находившаяся в это время в России, также пыталась воздействовать на своего племянника, и 20 сентября 1900 г. писала из Павловска императору Николаю II: «Ники, прелесть моя! На днях я видела Ону (российского посланника в Афинах М.К. Ону – *O.C.*) и, признаться, слегка спорила с ним касательно будущности Крита. Оказывается, что он сторонник автономии Крита и эту мысль он высказал Вилли [королю Георгу I – *O.C.*], который очень был ею возмущен. Я, даже не зная этого, услышав такое мнение Ону, тоже очень возмутилась. Никогда мне такая комбинация в голову не приходила, т.к. Крит только и может продолжать принадлежать Турции или же, освобождаясь от нее, окончательно соединиться с Грецией».

Автономия же дело немыслимое, антипатриотическое, с которым ни Вилли, ни George (принц Георг – *O.C.*) мириться не могут. Впрочем, кажется, что и ты сам никогда об этом не думал, и говорили только о продолжении полномочий George, если соединиться с Грецией окажется (через полтора года) еще преждевременно»¹³.

Николай II сначала поддался уговорам своей венценосной тетушки и красноречию греческого родственника, который с жаром убеждал его в необходимости срочного переустройства Крита, наподобие Боснии и Герцеговины, и готов был поддержать их просьбу. Отправляясь из Ливадии в западноевропейские столицы, принц Георг намерен был предложить совершенно новый вариант решения критского вопроса – передать мандат по управлению островом королю эллинов с заменой находившихся на Крите международных войск греческим экспедиционным отрядом при сохранении верховых прав султана (вопрос о присоединении острова к Греции не ставился).

Из дипломатической переписки мы узнаем ранее никем не замеченный важнейший факт: Россия, для предотвращения опасных решений Народного собрания Крита, приняла на себя почин заявить о своей готовности введения нового порядка на острове по плану, который предложил в Памятной записке принц Георг¹⁴. По мнению принца, у Греции были те же права, что и у Австрии в оккупированных турецких землях. Позже, во время поездки по Европе и находясь в Вене в ноябре 1904 г., греческий король Георг I на встрече с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским вспоминал, что принц в 1900 г. в Ливадии получил согласие российского императора на своевременную замену международных войск греческими оккупационными войсками наподобие той, которая была предоставлена Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине¹⁵. Мать принца Ольга Константиновна также подтверждала эти сведения в письме своему младшему брату великому князю Константину Константиновичу, что принц Георг «добился благоприятных результатов в своих разговорах с Ники и Ламздорфом». Она писала: «...Присоединение пока невозможно, но они нашли комбинацию, удовлетворяющую все стороны. Он уехал с бумагой, в которой все это изложено, надо только надеяться, что западные державы (чтоб им пусто было) примкнут к этому решению, тогда можно успокоиться на счет Крита... »¹⁶.

Турецкий посланник 17 ноября и 18 ноября также сообщал султану из Афин, что якобы принц получил согласие России на присоединение Крита на условиях подобных Боснии и Герцеговины. (Это означало замену международных войск греческими оккупационными войсками наподобие той, которая была предоставлена Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине).¹⁷ Турки указывали послам великих держав, что присоединение Крита к Греции было бы явным нарушением обязательств четырех европейских держав в отношении Порты, изложенных ими в ноте от 1 декабря 1898 г. Это, по их мнению, могло вызвать осложнения на Востоке или взвудоражить народы Балканского полуострова. Султан признавался послу России Зиновьеву, что боится повторения тех унижений, которым он подвергся в 1898 г. в связи с выводом турецких войск с острова.

Турецкое правительство, озабоченное целью поездки принца по Европе, дало указание своим дипломатам зорко следить за его перегово-

рами. Турецкий посол в Лондоне 14 ноября 1900 г. с удовлетворением сообщал, что при первом свидании принца Георга со статс-секретарем по иностранным делам маркизом Лэндсдоуном ему было заявлено, что осуществление плана принца Георга является нарушением обязательств великих держав перед Портой¹⁸. Форин офис не намеревался нарушать *status quo* в Средиземном море в данный период времени, поскольку интересы Великобритании были сосредоточены в Африке (война с бурами)¹⁹.

Турецкий посол в Риме 16 ноября доносил, что на сделанное им заявление итальянский МИД отвечал, что ничего не знает о намерениях принца. Турецкий посол в Вене в тот же день сообщал о своем разговоре с А. Голуховским, который убеждал его, что принц во время пребывания якобы ни словом не обмолвился о критском вопросе. При этом Голуховскому известно, что принц Георг желает не продления полномочий, а осуществления более радикального плана, но это не касается австро-венгерского правительства, которое не принимало никакого участия в решении критского вопроса²⁰.

1 декабря 1900 г. посол России в Риме А.И. Нелидов сообщал о визите принца в Италию, где ему, также как в Лондоне и Париже, объясняли, что немедленное присоединение Крита невозможно, а желание отказаться от продления мандата верховного комиссара «непатриотично по отношению к Криту»²¹.

По ходу своих визитов в европейские столицы принц Георг мог лично убедиться, что, в отличие от России, готовой всячески содействовать осуществлению его идей, остальные европейские державы не торопятся их поддерживать²². Никто из членов правительств, с которыми встречался принц, не решились открыто высказаться в пользу нового плана устройства Крита²³.

Отрицательный ответ западных держав можно было предугадать заранее. Однако Николай II дал указание Зиновьеву откровенно объяснить султану, что если бы этот проект вызвал общее сочувствие, то Россия, «менее всякой другой державы могла бы противиться этому проекту»²⁴. Он просил посла дать султану Абдул-Хамиду «ясно понять, что в критском деле возврата к прошлому нет и быть не может; что посему султан, со своей стороны, должен всячески содействовать, в интересах сохранения спокойствия в империи, мирному устройству дальнейшей

судьбы острова, при котором принципиально оставались бы неприкосновенными и права падишаха, как сюзерена Крита»²⁵.

Опытный дипломат Зиновьев пытался образумить молодого императора, который не слишком хорошо разбирался в вопросах внешней политики, а в критском вопросе стремился лишь угодить своим греческим родственникам. Он писал, что в Константинополе послы великих держав смотрят на вопрос скептически, и поэтому преждевременно приступать к переговорам, предписанным ему МИД России 28 октября²⁶.

Его ответ был хорошо аргументирован, поскольку он понимал, что вопрос находится под контролем Николая II. Зиновьев обращал внимание российского МИДа на то, как это может отразиться на русско-турецких отношениях. Россия имеет в Турции, подчеркивал он, «многочисленные и разнообразные интересы, обеспечение коих требует поддержания настоящих дружественных отношений к султану», а также спокойствия на Балканах. Вопрос о присоединении острова, заключал он, «это вопрос будущего»²⁷.

Зиновьев предлагал следующий план решения критского вопроса:

1. «Сохранение настоящего положения на Крите, т.е. продление полномочий принца».

2. Предоставление некоторых льгот местному населению, которые помогут преодолеть застой в экономике.

3. Объявить Крит автономным княжеством, связанным вассальными отношениями с Турцией, наподобие Египта или Болгарии.

Зиновьев советовал также «следить за искренностью принца», поскольку «греки заботятся не столько об обеспечении благосостояния Крита, сколько об административном объединении с их родиной». Он также обращал внимание на важный момент, который мог успокоить как царя, так и принца, – что, в целом, «султан уже привык к положению на Крите»²⁸.

Посланник М.К. Ону, также не одобравший всю эту суету вокруг поездки принца в Европу, в свою очередь, призывал прекратить слухи о том, что, якобы, четыре европейские державы готовы признать присоединение Крита за свершившийся факт (в случае его провозглашения в Народном собрании). «Критяне легко поймут, – писал Ону, – что при нынешних обстоятельствах насильственные меры с их стороны могут только лишить их благорасположения России и других покровительствующих держав»²⁹.

Несмотря на неудачу принца, вскоре в русском правительстве, скорее всего по настоянию Николая II, появилась идея подготовить султана к мысли о предстоящей передаче Крита под управление греческого короля. «В самом деле, – сообщалось в секретной инструкции И.А. Зиновьеву, – султану должно быть хорошо известно, что после событий 1898 г. (устроенной турками резни в Ираклионе, где погибло более 600 человек, и последовавшего за этим по требованию держав вывода турецких войск с Крита – О.С.) Турция не может ни в каком случае рассчитывать на восстановление прежней оттоманской администрации на острове, и что ни одна держава не допустит посылки турецких войск на Крит, а при таких условиях не целесообразнее ли было бы со стороны султана облегчить державам предстоящую им задачу?»³⁰.

В ответ на это И.А. Зиновьев телеграфировал из Перы 30 ноября, что, хотя в Турции циркулирует слух, что Россия готова признать присоединение Крита к Греции на условиях подобных Боснии и Герцеговины в отношении Австро-Венгрии, сами турки – султан и его министры – тщательно избегают касаться вопроса о Крите. Поэтому Зиновьев отсрочил объяснение с султаном, о котором просил МИД России³¹. Позднее, 3 декабря 1900 г., И.А. Зиновьев в секретной телеграмме вновь писал, что «не считает это возможным» и просит В.Н. Ламздорфа «или отказаться от этого, или выбрать более подходящий момент». По его мнению, «откровенность султан не оценит», и, несмотря на то, что он и не мечтает о возвращении к прежнему порядку на острове, «не считает это несовместимым с его верховными правами и с обязательствами держав». Зиновьев еще раз подчеркивал: «Поколебать этот взгляд не вижу возможным»³².

Российские дипломаты уговаривали императора Николая II не брать на себя инициативу в критских делах, как это делали остальные державы-покровительницы. Посол в Риме, знаток Востока А.И. Нелидов писал 4 декабря 1900 г. в «весыма доверительном письме» министру иностранных дел: «Приняв деятельное участие в умиротворении острова и установлении там полунезависимого правительства, Россия, очевидно, имела в виду, с одной стороны, удовлетворить естественные вожделения одной части христиан – подданных султана, в течение веков храбро отстаивающих свои стремления к независимости, с другой, – положить предел смутам и кровопролитию, постепенно угрожавших вызвать на

европейском Востоке нежелательные и даже опасные осложнения». По его мнению, создание автономного режима и удаление турецких войск и чиновников-турок с острова уже обеспечивали Греции влияние на ход критских дел, которые «неизбежно должны были привести к постепенному присоединению Крита к Греции». А.И. Нелидов считал, что только такой осторожной политикой можно было достичь цели «без особых потрясений на Востоке». Поспешность, проявленная ныне греческим принцем, полагал российский посол, «может нарушить программу, привести к затруднениям державам и особенно России, взявшей на себя почин в деле удаления турецких войск и утверждении на Крите принца Георга». По его убеждению, только путем «крайне внимательного и благосклонного отношения России к султану, вместе с торжественными уверениями в сохранении неприкословенности его верховных прав на Крите», удалось бы успокоить «его весьма щекотливое самолюбие и не наносить чувствительного ущерба столь важным для России в настоящей обстановке хорошим отношениям с Турцией». Поездку принца в Европу посол в Риме объяснял, в основном, «слабостью его управления и личным нетерпением», а также желанием многих греков королевства немедленно расширить территорию за счет богатого и плодородного острова, что, с его точки зрения, «для экономики Крита было бы плохо». Нелидов полагал, что «путешествие принца по столицам четырех держав имеет целью не интересы критян, но Греции». При этом он указывал, что «предоставление греческому королю положения подобного Боснии и Герцеговины» противоречит интересам России, поскольку чревато ухудшением отношений с Турцией. Султан захотел бы силой воспользоваться присоединением Крита, что привело бы к новой «смуте на Востоке». Если бы предложение, не дай Бог, шло от России, то неудовольствие султана обратилось бы, главным образом, против нее. «Нельзя сомневаться, — подчеркивал посол, — что все соперничающие на Босфоре державы не замедлили бы воспользоваться этим случаем для представления Абдул-Хамиду неискренности наших дружественных заявлений и наших отношений с Турцией». Более других постарались бы извлечь выгоду Англия и Германия, а влияние Вильгельма стало бы окончательным. «Интересы наши на Босфоре, — заключал А.И. Нелидов, — столь значительны, а положение Турции столь шатко, что мы не можем поступаться ни одним из средств воздействия на крит-

ское правительство, если даже принести в жертву выгоды Греции». По мнению Нелидова, «греки вообще относятся к России не сочувственно, забыв о благодеяниях в критических обстоятельствах последних лет, склоняются на сторону наших противников, особенно Англии, и противодействуют нам, где возможно, особенно в церковных делах и в Македонии». Он делал вывод, что «во всяком случае, не следует брать на себя почин и ответственность за предложения принца о присоединении Крита, а действовать только совместно. Принц должен внушать населению терпение и доверять державам»³³.

В доверительном письме А.И. Нелидова в МИД из Рима от 18 декабря 1900 г. по критскому вопросу вновь содержались аргументы против немедленного присоединения острова к Греции или помочь принцу. В нем указывалось, что «чувство нетерпения развито главным образом в кругах королевича, находящегося под влиянием Афин». Нелидов всячески старался отговорить царя от опасной политики и с этой целью позволял себе даже некоторое искажение истинного положения дел на Крите, например, писал о том, что местное население желало бы оставить свое полунезависимое положение. Нелидов частично соглашался с Николаем II, что «султан доселе ожидает требования признания полной независимости Крита или его присоединения к Греции. Если ему предложить меньшее зло – применение к Криту того положения, в которое поставлены Босния и Герцеговина, то Абдул-Хамид, быть может, и примирится с подобным исходом, хотя и будет считать себя оскорблённым»³⁴.

Политика Англии в отношении критского вопроса, по мнению Нелидова, также не представляла никакой серьезной угрозы, о которой говорил принц. Он писал: «Принц выражал беспокойство, что Великобритания пошлет свой флот и займет Судскую бухту (вблизи административного центра Крита Канеи – О.С.) – это его доводы для присоединения с целью произвести впечатление на Россию, так как нарушение *status quo* затронет чувствительные интересы наши». «Но только опасности нет!» – воскликнул в письме российский посол³⁵. «Другое дело, когда суда и войска покинут Крит и остров всецело будет в руках эллинского правительства – тут же возникнет партия против эллинской администрации. Да плюс 30 тыс. мусульман, которые все еще проживают на острове. Они найдут покровительство в английском консульстве, и момент

для занятия острова будет подходящим. При явном раболепстве Афин перед Англией противиться не будут. Ценою стоянки для английского флота Афины смогут приобрести покровителей своих честолюбивых замыслов на европейском Востоке». И далее. «Возможность приобретения Англией, по соглашению с Грецией, точки опоры в Архипелаге, представлялась мне всегда, – отмечал Нелидов, – одной из главных опасностей, против которых нам следовало оградить себя в Восточной части Средиземного моря. Поэтому и настаивал я, в бытность мою в Константинополе³⁶, на учреждении Средиземноморской эскадры и считал столь благоприятным для нас обстоятельством присутствие наших войск на Крите, служивших обеспечением на этом важном пункте. Выгода этого положения была бы утрачена, если бы Крит был передан в руки Греции прежде, чем наши интересы на Европейском Востоке были бы ограждены материальными средствами или прочным международным соглашением относительно стран, входящих ныне в состав расшатанной и все более теряющей свой исторический облик Турецкой империи»³⁷.

Только 18 декабря 1900 г. министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф телеграфировал Зиновьеву из Ялты, что император согласен с его предложением отсрочить переговоры с Портой. Доводы Нелидова оказались весьма убедительными. Но Ламздорф тем не менее полагал, что следует подчеркнуть роль императора, который «одним мощным словом своим предрешил задачу, поставленную королевичем, приняв во внимание затруднительное положение султана»³⁸. В связи с полным провалом переговоров принца Георга с европейскими кабинетами, мягкий ему отказ русского императора казался почти согласием, и критское население связывало еще некоторое время с именем Николая II свои национальные надежды.

Вняв доводам и давлению своих министров и влиятельных дипломатов, российский император вынужден был отдать приоритет сохранению верховных прав турецкого султана Абдул-Хамида на остров по общим политическим соображениям и в соответствии с данным ему обещанием. Однако Николай II упорно считал своим долгом предупредить султана об истинном отношении России к критской проблеме. Вскоре там же, в Ливадии, во время беседы императора с чрезвычайным посланником султана Турхан-пашой критский вопрос был также

затронут. Николай II говорил о желании укреплять более тесные отношения между двумя пограничными империями, считая, что и Турция «в своих прямых интересах должна искать опоры лишь в соседней могущественной России». Однако это предложение было слабо подкреплено экономически. Как известно, Турция находилась под сильнейшим германским и английским влиянием. Тураецкому посланнику напомнили некоторые исторические факты 30-летней давности, а «именно период борьбы султана с египетским наместником, когда Россия пришла на помощь Турции и предотвратила тяжкие бедствия, а также недавний 1896 год». Император подчеркивал, что в целях более тесного и прочного сближения необходимо, чтобы существовали более искренние и доверительные отношения, а намерения держав в текущей политике и в каждом стоящем на очереди политическом вопросе были ясны.

Правительства Франции, Италии и в особенности Великобритании настолько категорически высказались против предложений принца Георга, что всякие дальнейшие шаги России в этом направлении могли бы лишь повредить делу³⁹. Расточаемые позднее некоторыми государственными деятелями Запада уверения, что они согласились бы, если бы Россия приняла на себя почин в этом вопросе, по общему мнению в России, были лишь уловкой европейских держав, как писал В.Н. Ламздорф М.К. Ону 8 мая 1901 г., стремившихся вызвать недоверие к намерениям императорского правительства и вовлечь Петербург в невыгодные для него планы. Правительствам Франции, Италии и Англии, писал Ламздорф, хорошо известно, что единственно возможный почин в настоящее время Россия уже сделала: «принц снабжен был памятной запиской, в которой излагались все доводы в пользу переустройства Крита; его высочество отбыл прямо из Ливадии (подчеркнуто Ламздорфом – *O.C.*) в столицы держав-покровительниц для непосредственных личных объяснений, что должно было иметь больший вес...» И, тем не менее, предложения принца не встретили сочувствия, несмотря на заранее обещанную поддержку императорского правительства. Ясно, что вслед за этим уже никакие шаги России не могли бы привести к практическому результату⁴⁰.

«Из бесед Ону с королем Георгом I король эллинов должен был также вынести убеждение, что в настоящих политических условиях всякое насильственное изменение в административном строе Крита было бы

крайне рискованным предприятием, которое могло вызвать осложнения на Балканском полуострове, особенно в обстановке тревожного брожения в Македонии, где у Греции имеются немаловажные политические и религиозные интересы, – продолжал министр. – Не следует терять из виду и важность для эллинского правительства поддержания уставившихся хороших отношений с Турцией... Всякая попытка ускорить без настоятельной надобности правильный и постепенный ход событий может лишь повредить делу»⁴¹.

В секретной депеше И.А. Зиновьева «О будущем устройстве Крита» говорилось, что вернувшись из Крыма, он убедился, что «султан и его окружающие до крайности встревожены слухами о предположениях, которые побудили принца поехать в европейские столицы». Посланник Турции в Афинах Рифаат Бей говорил М.К. Ону, что дело идет не о присоединении, а о предоставлении королю эллинов управления островом на условиях, на которых была допущена оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией⁴². С точки зрения турок такое разрешение критского вопроса равносильно окончательной уступке Греции. Турки будут сопротивляться, поскольку это не совместимо с верховной властью султана на Крите и с обязанностями четырех держав⁴³. В этих условиях распоряжение МИД о необходимости переговорить с султаном и его министрами, по мнению М.К. Ону, не соответствует мирному устройству Крита и вызвало бы протест. Султан подозрителен и ищет причины, по которым Россия собирается содействовать решению критского вопроса. Из донесений Ону было ясно, что все находившиеся в Афинах представители западных держав порицают намерение принца нарушить *status quo* на Крите. При этом и греческий король, и принц осознают необходимость сближения с Турцией, «а не возбуждения сейчас критского вопроса...»⁴⁴. Король эллинов лично высказал в Афинах Рифаат Бею желание сблизиться с Турцией и установить более умеренный таможенный режим до заключения торгового договора. Султан обещал пойти навстречу Георгу I, а король, по мнению Ону, «был бы даже не прочь посетить султана, если бы этот шаг мог быть оправдан образом действий Порты в отношении Греции»⁴⁵. Порта хочет, конечно, заручиться сначала отказом Греции от притязаний на Крит. Большинство западных коллег российского посла в Константинополе Зиновьева еще менее были склонны к переговорам о присоединении острова к Греции.

В конце декабря 1900 г. принц Георг после неудачного турне по европейским столицам прибыл в Афины. Король Георг I постарался придать визиту принца всего лишь семейный характер, а его провал в критском вопросе объяснил тем, что свои обязанности молодой принц не смог выполнить хладнокровно и терпеливо, как того требовали обстоятельства. М.К. Ону советовал не придавать особого значения решению Народного собрания Крита о присоединении к Греции, так как все зависит от воли держав. Положение было бы опасно, «если бы отец (король Георг I. – О.С.) решил снова занять греческими войсками остров»⁴⁶. «Но едва ли его величество после событий 1897 г. решится на такой рискованный шаг вопреки желанию держав, несмотря на присутствие на острове их оккупационных войск», – справедливо заключал Ону⁴⁷.

Российский посланник передавал из Афин, что принц очень болезненно реагирует на свои неудачи в европейском турне. При этом оппозионер Э. Венизелос не удержался, чтобы не подлить масла в огонь и по возвращении принца на Крит опубликовал в своей газете «Кэри» («Время») якобы откровенные признания принца Георга о полном провале своего турне и бесперспективности его дальнейших усилий. Разразился скандал, положивший начало жесткому противостоянию сторонников принца и оппозиции⁴⁸. В декабре 1901 г. истекал трехлетний срок полномочий, данных четырьмя европейскими державами принцу Георгу как верховному комиссару Крита. Державы пришли к выводу, что наиболее целесообразно продлить полномочия принца. В начале февраля 1901 г. королю эллинов Георгу I был передан текст заявления, выработанный в Риме представителями четырех держав-покровительниц, по поводу «желательности продления» срока полномочий верховного комиссара. Подробное сообщение было отправлено консулам и принцу Георгу на Крит⁴⁹.

Неудачи принца Георга в Европе привели к существенным изменениям политической обстановки на Крите, где оппозиция еще более укрепила свои позиции.

По мнению принца, защищавшего свою авторитарную власть, эти «политические затруднения» были вызваны, в первую очередь, позицией держав. Российский генеральный консул А.А. Гирс передавал из Канеи в феврале 1901 г., что, по слухам, в новом Народном собрании, которое откроется весной 1901 г., будущие депутаты кандийского окру-

га (центрального – *O.C.*) намерены предложить пересмотр всех изданных за два последних года управления принца законов. Правительству предстояла нелегкая задача отстоять их. И лишь заявление держав-покровительниц о недопущении пересмотра законов несколько разрядило обстановку: была достигнута договоренность о том, что вопросы политического переустройства подниматься не будут⁵⁰.

При этом многие иностранные корреспонденты, военные из экспедиционного международного отряда, находившегося на Крите, консулы европейских держав вполне понимали позицию главного политического противника верховного комиссара – Элефтериоса Венизелоса, хотя и не всегда разделяли его либеральные убеждения⁵¹, а некоторые, наоборот, были проводниками его идей. Так, российский консул на Крите А.А. Гирс находился под сильным обаянием личности Венизелоса, за что вскоре поплатился своей должностью. Окружение принца называло Э. Венизелоса агентом западных держав. На это французский консул Бланш писал своему правительству, что «Венизелос не может быть агентом держав. Он слишком независимо мыслящая личность»⁵².

А.А. Гирс подчеркивал, что вся обстановка личного управления Критом, созданная по требованию афинских руководителей и с одобрения лишь небольшой группы критян – сторонников скорейшего и безусловного присоединения острова к Греции, «ставит королевича, порой, в ложное положение». Он считал, что, угождая грекам, принц «может не угодить критянам, и наоборот»⁵³. Принц Георг пытался рассеять враждебные чувства к его окружению, а само окружение вело глухую борьбу против автора серии газетных передовиц за 1901–1902 гг. в газете «Κηρυξ» («Предвестник») – Э. Венизелоса, в которых тот «осмеливался» поднимать вопросы о благе страны, «т.е. в смысле обеспечения ее политического будущего», которые, по мнению принца, были прерогативой «исключительно греческого королевского дома»⁵⁴. В результате верховный комиссар, который был недоволен публичными выступлениями Венизелоса, отстранил его от должности советника юстиции «за неподходящее и гласное обсуждение и поддержку мнения, противного ему по важным вопросам», (на что долго не решался), а также из-за интриг его окружения⁵⁵. «Отставка Венизелоса, – заключал консул, – пример вражды, обнаруженной на острове между приближен-

ными к верховному комиссару греками и критянами, несущими правительенную службу»⁵⁶.

Афинские враги Э. Венизелоса, прежде всего королевский двор, пытались выставить его предателем национальной идеи (Мегали идеа), что задело его за живое, и он высказался в прессе в защиту своего мнения, обнародовав при этом весьма секретные переговоры принца. Блестящая и убедительная аргументация успокоила наиболее серьезную часть афинского общества и прессу, что еще больше взволновало окружение принца Георга. В доверительном письме в МИД России Гирс сообщал о беседе с политическим деятелем К. Фумисом, советником верховного комиссара по финансам, временно заведовавшим департаментом юстиции. По слухам, принц намеревался путем коренной реформы судебного ведомства и связанной с ней переменой личного состава освободиться от влияния сторонников Венизелоса. Критское правительство предложило заменить всех действующих членов палаты, пригласив двух греков из Греции, обеспечив этим беспристрастность. Фумис, политический деятель безупречной репутации, не раз повторял, с какими трудностями ему приходится иметь дело в работе с верховным комиссаром, «когда интересы Крита сталкивались с требованиями афинских патриотов, столь властно воздействующих на принца». Верховный комиссар преследовал не только Э. Венизелоса, но и все созданное под его руководством. К. Фумис был озабочен настроением верховного комиссара, «утрачивавшего свободу действий» из-за своего окружения. По наущению этих деятелей, сообщал Фумис, преследовался не только Венизелос. Он указывал на участие в управлении Критом личного секретаря принца и некоторых других лиц, приехавших из Греции, как на «источник неизбежных и постоянных смут», и собирался подать в отставку, если судебная реформа будет осуществлена. К. Фумис, считая, что советники принца сами «не могут поднимать такие вопросы», просил о помощи держав. Фумис конфиденциально сообщил Гирсу, что главным образом они рассчитывают на помощь России. Тогда на Крите, по его мнению, все смогут вздохнуть свободно, а «личное обаяние принца только выиграет»⁵⁷. Основная схватка между сторонниками принца и оппозицией должна была произойти на сессии Народного собрания. Венизелос, который пользовался все большим авторитетом, как в Греции, так и на Крите, «по своему почину» сдерживал на остро-

ве начавшееся движение в свою поддержку, не желая усугублять положение верховного комиссара. Однако решил возглавить оппозицию в Народном собрании – «автономистов», оказавшихся в большинстве в парламенте, и поставить вопрос о злоупотреблениях личного секретаря принца Паладьмантопулоса⁵⁸.

Представители четырех великих держав в Риме (ранее в Константинополе) вели постоянный обмен мнениями по поводу урегулирования финансовых и административных вопросов, связанных с установлением нового автономного управления на Крите. Они стремились всячески облегчить греческому принцу осуществление главных задач по «умиротворению» острова, организации на нем управления, созданию жандармерии, национальной милиции, хотя их интересы нередко расходились. На очередном заседании в середине мая 1901 г. обсуждались результаты выборов в Народное собрание, на которых победу одержали «автономисты» во главе с Венизелосом. Была одобрена позиция критян, не расположенных к немедленному присоединению к Греции. Говорилось также о необходимости возобновления полномочий верховного комиссара через шесть месяцев. Борьба «автономистов», чье влияние постепенно возрастало, и принца приняла такие формы, что державы не исключали, что если Народное собрание выскажется в пользу сохранения автономии, принц покинет остров. Поэтому державы торопились продлить мандат верховного комиссара принцу Георгу еще на несколько лет с целью «введения автономного управления» островом⁵⁹, тем более что всем было ясно: на самом деле принц уяснил, что продление – лучший способ выхода из сложившейся ситуации. Державы были убеждены, что принц не откажется, «поскольку его удаление с Крита было бы равносильно отречению греческого королевского дома от той политики, которую он преследовал столько лет по отношению к Криту»⁶⁰.

Сессия Народного собрания Крита открылась 19 мая 1901 г. речью принца Георга. Державы опасались, что Народное собрание провозгласит немедленное присоединение острова к Греции, и тогда принцу придется вновь самому, идя наперекор большинству критян, просить державы согласиться на окончательное присоединение острова к Греции. Именно поэтому во время открытия сессии, сразу после речи принца, Гирс и другие консулы спешно покинули зал заседаний, боясь манифестаций в поддержку присоединения острова к Греции. Однако

большинство в Народном собрании, во главе с Венизелосом, не желали немедленного присоединения к Греции, а рассчитывали сначала добиться полной автономии острова. «Автономисты» опасались, что принц обвинит их, в свою очередь, в отступлении от заветов эллинизма и в измене национальному делу⁶¹.

Переданный депутатами ответ принцу на его речь, содержал «поспешное и огульное осуждение деятельности правительства за последние два года». Предлагалось сократить число советников до трех человек, значительно уменьшив их содержание⁶². Оппозиция осуждала учреждение весьма сложной и дорогостоящей администрации, которая «поощряла погоню за местами и обусловливаемыми ею безнравственными сделками», и привела к экономическим проблемам на острове. Однако Георг отказался принять депутатию, избранную для вручения ему адреса, в котором содержалась просьба устраниТЬ от управления лиц, «не оправдавших доверия народа», в том числе советника по внутренним вопросам Кондуриотиса, пользовавшегося особым покровительством принца, но «слывшего у критян за человека неспособного и пристрастного»⁶³.

Принц Георг изо всех сил старался исправить политическую ситуацию на Крите в свою пользу. Президентом Народного собрания был выбран известный политик Михелидакис, представитель правительственноЙ партии, который проводил политику принца и греческих националистов. 25 марта – День освобождения Греции – был объявлен национальным праздником на Крите⁶⁴. Признавая, что существовали трудности в управлении островом в первое трехлетие, принц обращал внимание на достигнутые успехи: «полное закрепление порядка и оставление на острове благомыслящих мусульман»⁶⁵. Народное собрание приступило к пересмотру действующих судебных уставов, проекта устройства высшего суда – судебной палаты, а также, под нажимом принца, приняло решение о приглашении из Греции двух судей, что передавало высшее правосудие на Крите в руки Афин⁶⁶.

Эта единодушно принятая Народным собранием резолюция вызвала переполох у великих держав, так как все консулы сообщали, что 8/10 депутатов – «автономисты» и не сочувствуют немедленному присоединению к Греции. Однако приближенные принца предприняли все, включая политические интриги, чтобы такая резолюция в пользу при-

соединения острова к Греции появилась. Расчет был на то, что никто не имел бы гражданского мужества выступить против. На самом деле, 1901 год был годом надежд на быстрое решение критского вопроса и, особенно, с помощью России; настроения отличались «крайним оптимизмом». Все праздничные шествия и манифестации проходили под лозунгами «Зито прингипс!», «Зито эносис!», «Зито царос!», т. е. «Да здравствует принц!», «Да здравствует объединение!», «Да здравствует царь!»⁶⁷.

Такого же мнения были и многие консулы великих держав на Крите, в том числе А.А. Гирс, который горячо и открыто поддержал восходящую на политическом небосклоне звезду – Э. Венизелоса. Вскоре, узнав об этом, принц Георг, «к общему смущению», вообще решил, как передавал Нелидов из Рима 20 июня 1901 г., отказаться от общения с консулами и объявил, что будет впредь напрямую общаться с правительствами держав-покровительниц. Великие державы были возмущены, что принц упорствует и не ценит созданного ему державами исключительного положения на Крите, не понимая, что он все равно является «неразрывным звеном будущего присоединения острова к Греции». Опытный дипломат Нелидов даже предлагал «наказать принца» и предложить грекам избрать в Народном собрании свое доверенное лицо, которому державы могли бы поручить временное управление островом под их высшим надзором впредь до избрания нового подходящего лица на должность верховного комиссара Крита. Узнав об этом, по мнению Нелидова, принц должен был стать покладистее⁶⁸. В МИДе России предложение Нелидова отклонили, а Ламздорф передавал в Рим, что консулы не должны входить в непосредственные отношения по политическим вопросам с представителями критского народа, так как высшая власть принадлежит на острове верховному комиссару⁶⁹.

Фигура Э. Венизелоса, ярого противника принца Георга, вызывала все большее беспокойство греческого двора и особенно королевы Ольги, которой почудился даже заговор дипломатов на Крите против ее сына. Она видела, что имя Венизелоса, становится все более известным и популярным также среди русских дипломатов. В июне 1901 г. Ольга, находясь вместе с королем Георгом I в России, пыталась воздействовать на Николая II, желая наказать консулов и выгородить принца и его советников-греков. В Государственном архиве Россий-

ской Федерации сохранились два ее письма Николаю II по поводу прямого обращения ее сына принца Георга к правительствам великих держав с жалобами на консулов, все более склонявшихся к необходимости поддержки оппозиции. В первом из них Ольга просила Николая II воздействовать на министра иностранных дел («министра “весьма странных дел”») и поставить консулов на место, а еще лучше убрать Гирса, который общался с главой оппозиции – Венизелосом, с Крита, поскольку ее сын более не доверяет консулам. В июле греческая королева снова писала по тому же поводу Николаю II, позволившему ей ознакомиться с копией доверительного письма А.А.Гирса, в котором тот изобразил принца «утратившим всецело свою самостоятельность». Ольга, прочитав письмо Гирса, была убеждена, что консул «всячески вредит» ее сыну. Она удивлялась, что Гирс назвал образ действий Георга «глухим, но упорным преследованием Венизело», ведь Георг «его открыто удалил из числа своих советников, которые утратили доверие к нему». «Весьма немного мест административных на Крите, – писала королева Ольга, – заняты “пришлыми из Греции лицами”, и эти лица именно те, которые за твердость убеждений и честность пострадали от политических партий в Афинах»⁷⁰.

Российский император внимательно отнесся к жалобам греческой королевы; он пытался, как мог, оказать помощь принцу Георгу. 2 июля 1901 г. В.Н. Ламздорф попросил А.А. Гирса «избегать всего, что могло бы иметь вид вмешательства во внутренние дела острова»: не принимать у себя уволенного советника принца Венизелоса, разъезжать по острову, осведомляясь, желают ли критяне полной автономии или присоединения острова к Греции, и проч. Министр напоминал консулу: «Ваша роль только наблюдательная! Не теряйте из виду, что Вы должны служить верным посредником между верховным комиссаром и императорским правительством». Гирс немедленно отвечал министру из Канеи: «Я не премину в точности руководствоваться ...благосклонным советом вашего сиятельства». В то же время он возражал против обвинений: «Прекратив с Венизело, точно по его отставке, прежние приятельские частные сношения и после откровенного объяснения по сему поводу с верховным комиссаром я не мог бы совершенно запретить вход в мой дом уволенному советнику, не поступаясь достоинством и законной свободой действий правительенного

агента русской державы, стоящей в глазах критян выше всех партий и личных раздоров». Поездки и опросы населения – вымысел, – оправдывался Гирс. Обеспокоенный резкими окликами из Петербурга консул попросил разрешения об отпуске и возможности прибыть в Петербург для словесного доклада непосредственно своему министру. Ламздорф обещал известить консула, когда тот сможет, без ущерба для дела, прибыть для доклада, но еще раз просил прекратить хотя бы официальные приемы Венизелоса, сообщив, что принц настаивает, чтобы Гирс прекратил вообще все сношения с Венизелосом⁷¹. В конце концов принц и королева Ольга добились своего, и в ноябре А.А. Гирс был отозван с острова навсегда.

В конце июня принц согласился, наконец-то, с одобрения своего отца Георга I, на продление полномочий по управлению островом в качестве верховного комиссара. Принцу был предоставлен 3-х месячный отпуск, особая яхта, ассигнованы средства на строительство дворца и было увеличено его содержание великими державами. Во время обсуждения этих условий в Риме Италия не одобрила предложение России увеличить содержание Георга и предоставления ему каких-либо новых преимуществ, поскольку относилась к личности принца и его способностям критически: он был «далек от идеала правителя». Министр иностранных дел Италии Принетти заявил, что ему и так с трудом удалось добиться согласия итальянского парламента на выделение 350 тыс. франков на содержание итальянского батальона на Крите и просить дополнительные средства он считает нереальным. Тем более что в результате управления Георга критская казна оказалась почти пуста. Западные державы также не хотели поддерживать предложение России о необходимости выразить принцу благодарность за его трехлетнюю деятельность на Крите, но, в конечном счете, все же согласились на это из уважения к России (особенно Франция). В обращении к принцу говорилось, что он «явил акт самоотвержения, согласившись посвятить свои силы делу, которое в противном случае пало бы на попечение держав, принявших Крит под свое покровительство»⁷².

Настроения греческого населения острова, а также неудача визитов в европейские столицы в 1900 г. заставили принца Георга повторить все сначала в конце лета 1901 г. Греческий король, в свою очередь, также

отправился в Европу ходатайствовать о решении критского вопроса в пользу Греции. Афинская печать широко освещала визиты короля и принца в столицы держав-покровительниц, подчеркивая важность этих визитов для судеб Крита. Предсказывалась скорая и полная победа в этом вопросе. По мнению прессы, присоединение «великого острова» должно было произойти по возвращении его величества в Афины, где король должен был открыть заседание Греческой палаты и объявить народным представителям о присоединении Крита к Греции⁷³.

Несмотря на отказ, вновь полученный принцем Георгом, а затем и королем эллинов в столицах держав-покровительниц, тон греческой и критской печати был весьма оптимистичным, а начало коренного поворота в судьбе острова по-прежнему приписывалось русскому правительству. Постепенно тон статей в критской печати становился все менее радужным; в них теперь выражалась лишь надежда на присоединение. Вскоре и она угасла, и в статьях стали обсуждать только конкретные меры – замену международных войск греческим отрядом на Крите и т.п.

Критский вопрос продолжал быть одним из самых запутанных вопросов российской балканской политики, в которой Россия склонялась к принятию державами-покровительницами коллективных решений. Сложность положения ведущих российских дипломатов, имевших влияние на принимаемые решения МИДа, заключалась в том, что их взгляды не совпадали с мнением греческого королевского дома, который они поддерживали по указанию Николая II. В свою очередь, позицию тех, кто разделял нетерпение критян и греков в разрешении вопроса (А.А. Гирс, затем барон Р.Р. Розен), не поддерживало большинство в правящих кругах России. Попытка Николая II помочь своему греческому родственнику была заблокирована ведущими дипломатами (Нелидовым, Зиновьевым и частично Ону), отказавшимися выполнять даже указания МИД, где, угодя царю, одновременно понимали, что Россия должна, прежде всего, защитить свои собственные geopolитические интересы (как их понимало большинство). Российское правительство заявляло лишь о своей готовности способствовать созданию автономной администрации острова и его умиротворению. Но сам «умиротворенный» Крит больше был похож на дымящийся вулкан, готовый вот-вот извергнуть лаву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Восстания на Крите происходили в 1841, 1856, 1858, 1866–69, 1878, 1887, 1895–1897 гг.

² Штиглиц А.Н. Остров Крит, мирная блокада и международный плебисцит. СПб., 1897; Баранцевич Е.М. Остров Крит и события на нем. М., 1897; Абегг Ю. Заметки о Крите. Греко-турецкая война. СПб., 1898 // Сборник консульских донесений. СПб., 1898. Вып. IV–VI; М.М. Прошлое острова Крит // Наблюдатель. 1898. № 7. С. 211–217; Каннинист И. Исторический очерк острова Крита // Русская мысль. СПб., 1899. Ч. 20. Кн. 1. С 16–39. Кн. 2. С. 22–40.; Шильдбах К. Греко-турецкая война 1897. СПб., 1898; Тетлов В. «Критские беспорядки» // Русский вестник. 1905. № 5. Т. ССХСVII. С. 346–367; там же. Т. 6. С. 781–805; С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. СПб., 1913. Кн. 4; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. Глава «Россия и мировой Восточный вопрос». М., 2003. С. 147–168; Никитина Т. В. Критское восстание 1895–1896 гг. и внутриполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 155–172; Меньшиков В. П. Российская дипломатия и Греко-турецкая война 1897 г. // Там же. С. 173–189; он же. Российская дипломатия и автономия Крита 1898 г. // Революции и реформы на Балканах. Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994; Соколовская О.В. Великая греческая идея в начале XX века и русская дипломатия // Первая мировая война – пролог XX века. М., 1998. С. 408–419; она же. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите. // Восточный архив. 2007. Афины. № 16. С. 29–39. Соколовская О.В. Греция на путях становления буржуазного государства. 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; Σοκολόφσκαια Ο. Ρωσικό εκστατευτικό σώμα στην Κρήτη // Η τελευταία φάση του κρητικού ζητήματος. The Expeditional Detachment of the Russian Imperial Army in Crete. The Unknown Diaries (1899–1909) \\ Η τελευταία φάση του κρητικού ζητήματος. Διεθνές επιστημονικό συνέδριο. Ηράκλειο, 21–23 Αυγούστου 1998. Ηράκλειο 2002. С. 509–520; Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissionership of Prince George of Greece in Crete, 1898–1906. P. 31–44; Fillips R. Candia – 6th September (25th August 1898); Μιχάλης Τρούλης. Ρωσικοί στρατιωτικοί περίπατοι στο Ρέθυμνο (19 Μαΐου–31 Ιουλίου 1897). Η τελευταία φάση... Σ. 500–507; Чомак Ихсан. Султан и посол. О встречах русского посла И.А.Зиновьева с султаном Абдул-Хамидом II (по документам АВПРИ) // Восточный архив. №8–9. 2002. С. 107–110; он же. Критский вопрос и позиция России // Перекресток эпох. Вып. 4. М., 2003. С. 348–359.

³ Соколовская О.В. Россия на Крите. 1897–1909 гг. Из истории первой миротворческой операции XX века. М. Индрик, 2006.

⁴ Даты указаны по новому стилю.

⁵ Принц Георгий Греческий, Георгиос (Джорджи) (1869–1957), второй сын великой княгини Ольги Константиновны и греческого короля Георга I.

⁶ Eothen. Crete under Prince George // The Fortnightly Review. Sept. 1905. P. 538–551.

⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1265. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ Там же. Л. 62 об.

¹¹ Там же. Л. 60.

¹² Женой греческого короля Георга I была великая княжна Ольга Константиновна, внучка императора Николая I и тетка императора Николая II. В 1889 г. состоялось бракосочетание греческой принцессы Александры с младшим сыном Александра II – великим князем Павлом Александровичем, двоюродным братом греческой королевы. Эти связи еще более укрепились в 1900 г., когда младшая дочь греческого короля Георга I и Ольги принцесса Мария, хотя и была ярой греческой патриоткой, стала женой великого князя Георгия Михайловича, другого кузена ее матери.

¹³ ГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 136.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 21об. См. также *Σβολόπονδος Κ. Η περίοδος της Αθηνομαίας // Κρήτη. Ιστορία και πολιτισμός*. Т. В. Ηράκλειο. 1988. Σ. 465.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1268. Л. 9об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 230. № 22 [Айтодор З(16) Окт. 1900].

¹⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1265. Л. 32об.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 31–32.

²¹ Там же. Д. 1258. Л. 11.

²² Там же. Д. 3532. Л. 124об.

²³ Там же. Д. 1266. Л. 1об.

²⁴ Там же. Л. 130об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 1258. Л. 33.

²⁷ Там же. Д. 1258. Л. 24.

²⁸ Там же. Л. 24.

²⁹ Там же. Д. 1265. Л. 8.

³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив 1900–1909. Д. 2623. Л. 129–130.

³¹ Там же. Д. 1265. Л. 9.

³² АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 14.

³³ Там же. Д. 1258. Л. 11–12об.

³⁴ Там же. Л. 99об.

³⁵ Там же. Д. 1265. Л. 98–99об.

³⁶ С 1882 по 1897 гг. А.И. Нелидов был послом России в Турции.

³⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 99.

³⁸ Там же. Д. 1265. Л. 10.

³⁹ Там же. Д. 1266. Л. 1об.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 2об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 1258. Л. 33.

⁴⁴ Там же. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Л. 120.

⁴⁶ Зимой 1897 г. по требованию националистически настроенного населения Греции и премьера И.Делиянниса король согласился на посылку на Крит флотилии во главе с принцем Георгом и греческого десанта во главе с полковником К.Вассосом, которые действовали против турецких войск на острове совместно с повстанцами. Это вызвало панику у великих держав и послужило началом миротворческой операции четырех европейских держав-покровительниц на Крите в 1897–1909 гг.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 5–5об.

⁴⁸ Об этом подробно пишет греческий коммунист и историк Я. Кордатос, ис упущенная случайя, вслед за советскими историками 50-х годов, очернить политику Николая II. Он цитирует, без комментария, статью Венизелоса, где принц осуждает отказ Николая помочь ему в деле присоединения острова к Греции. Как мы видим, дела обстояли как раз наоборот. См.: Κορδάτος Γ. Μεγάλη Ιστορία της Ελλάδος. Κορδάτος Γ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδος Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδος. (1900–1924). Т. 13. Αθήνα, 1958. Σ. 48–52.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Makrakis A.Lili. Elefterios Venizelos Agonistes. P. 23.

⁵² Makrakis A.Lili. Elefterios Venizelos Agonistes. P. 24.

⁵³ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 8.

⁵⁴ «Бойся шума из-за отставки Э. Венизелоса, – писал Гирс, – так как печать в Греции имеет большую силу!» (Там же. Л. 7–7об.)

⁵⁵ Там же. Л. 5, 5об.; Ιστορία του Ελληνικού Εθνος. Т. ΓΤ(13). Σ. 202–204.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 9.

⁵⁷ Там же. Л. 9–10.

⁵⁸ Там же. Л. 10.

⁵⁹ Там же. Л. 20 [Секретная телеграмма Нелидова, Рим, 26 апреля (9 мая) 1901 г.].

⁶⁰ Там же. Л. 1об., 26об.

⁶¹ Там же. Д. 1266. Л. 21об–23.

⁶² Там же. Л. 60, 65.

⁶³ В депеше Зиновьева в МИД России из Буюкдере 8(21) июня сообщалось подробно содержание адреса депутатов (Там же. Л. 65–65об.).

⁶⁴ Там же. Л. 104.

⁶⁵ Там же. Л. 76.

⁶⁶ Там же. Л. 87–88об.

⁶⁷ АВПРИ. Политархив. Д. 3532. Л. 152; Γενικό Αρχείο Κρήτης. Д. 16. № 103.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 33,81.

⁶⁹ Там же. Л. 82–82об., 83.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 151–154.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1266. Л. 93–94.

⁷² Там же. Л. 66, 99, 110.

⁷³ Та же.

П.А. Искендеров

СЕРБСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И АЛБАНСКИЙ ВОПРОС (1909-1914 ГГ.) *

Сербская социал-демократия – уникальное явление на общественно-политической сцене предвоенной Европы. Ее позиции по уровню аргументации и обобщений выходили далеко за рамки узконациональных представлений не только ведущих партий балканских государств, но и их коллег в ведущих европейских странах. Более того, предлагавшиеся сербскими социал-демократами программы решения национального и, в частности, албанского вопросов сохраняют свою актуальность и сегодня применительно к самым кровавым региональным конфликтам – в том числе косовскому. Как справедливо указывал сербский историк Сергие Димитриевич, то обстоятельство, что «сербские социалисты вместе с другими балканскими социалистами первыми начали антивоенную борьбу в условиях уже объявленной в 1912 г. войны, первыми провели в жизнь антивоенные резолюции международных социалистических конгрессов», явилось «результатом соответствующих революционных качеств отдельных социалистических партий»¹.

Одним из ключевых элементов теории и практики Сербской социал-демократической партии (ССДП) являлась ее национальная программа, выстраивавшаяся на основе требования о создании Балканской федерации (Федерации балканских народов), которая, по мнению руководства партии, единственная позволяла решить многочисленные и сложные межнациональные проблемы региона, включая албанскую. Лидер ССДП Димитрие Туцович впервые начал заниматься изучением албанского вопроса непосредственно после младотурецкой революции в июле 1908 г.

3 ноября 1909 г. в партийном органе ССДП газете «Радничке новине» была опубликована статья Туцовича «Резня в Турции». В ней

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («История Косово»), проект № 08-01-00495а.

автор, анализируя положение, сложившееся в Османской империи год спустя после младотурецкой революции, впервые непосредственно затрагивает албанские сюжеты. Туцович указывал, что за последние 20-30 лет Албания превратилась в один из основных узлов международных противоречий на Балканском полуострове, в первую очередь, между Италией и Австро-Венгрией. И данное соперничество привело к изменению содержания самого албанского вопроса. Теперь, по словам Туцовича, любое освободительное выступление местного населения было связано с политическими планами двух держав. В результате в настоящее время в Албании пересекаются соперничающие между собой интересы Италии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и Сербии и Черногории (которые также развернули в отношении нее национальную пропаганду), с другой, вследствие чего она приобрела важное политическое и стратегическое значение.

В качестве же своей основной идеи Д.Туцович уже в этой статье делает вывод, который в дальнейшем получит у него окончательное оформление в требовании включения Албании в состав Балканской федерации на правах равноправного члена: «И албанцы имеют права и способности культурно развиваться. Турция со своим многовековым господством виновата, что они сейчас стали опасностью в своей культурной отсталости».²

Эти положения были развиты автором в статье «Албанский вопрос», написанной 23 апреля 1910 г. Туцович отмечал, что отношение народов, проживающих в Европейской Турции, к движению младотурок значительно изменилось за истекшее с момента младотурецкой революции время – от симпатий и непосредственной поддержки до растущего недовольства, что было связано с неспособностью и нежеланием нового режима решить назревшие социально-экономические проблемы в Албании. Важнейшим следствием этого недовольства являются, с одной стороны, переход младотурецкого режима к все более реакционной политике с целью подавления недовольства, а с другой – рост народных вооруженных выступлений, в первую очередь, в Албании.

Культурная отсталость албанских племен («наименее культурная часть населения в Турции»,³ по выражению лидера сербских социал-демократов) позволяет Туцовичу сделать вывод, что их восстание не имеет характера прогрессивного народного протesta против младоту-

рецкой политики, ибо они не могут являться выразителями прогрессивных стремлений. Тем не менее, продолжает автор, «для нас точно так же несомненно, что и смелый мятеж албанцев, насколько бы он ни проискасал из особых устремлений, находится в самой тесной связи с общим недовольством народа, как несомненно и то, что младотурки еще ничего не сделали, чтобы этих горцев направить на мирное и культурное развитие с другими народностями».⁴ При этом Туцович особо подчеркивает, что сам патриархальный образ жизни албанцев, столь долгое сохранение ими привычки жить за счет грабежа соседей не является следствием каких-либо национальных особенностей албанского народа. Через данную стадию своего развития (ограбление находящегося на более высокой ступени соседнего земледельческого населения вместо ведения собственного хозяйства) прошли все народы; разница состоит лишь в том, что одни осуществили этот переход раньше, другие – позже, одни – быстрее, другие – медленнее. Албанцы же сохранили эти варварские привычки дольше других европейских народов, в первую очередь, под влиянием турецкого господства, которое всегда было препятствием для культурного развития подчиненных народов; одновременно правители Османской империи сознательно поощряли такой образ жизни албанских племен, ибо это давало возможность использовать их для подавления выступлений других народов.

Далее Туцович подробнее останавливается на другой, общебалканской, стороне албанского вопроса, более углубленно, чем раньше, рассматривая Албанию в качестве точки пересечения завоевательных планов Австро-Венгрии и Италии, рассчитанных на проникновение в Турцию, Македонию и через нее к Салоникам.

Изменение внешнеполитического курса Италии (первым свидетельством чего явилось венчание в 1896 г. тогдашнего престолонаследника Виктора-Эммануила с черногорской принцессой Еленой), произошедшее вследствие неудачи итальянских планов в Тунисе и Абиссинии, имело следствием появление в Албании большого числа консульств, торговых агентов и агитаторов. Это, в свою очередь, ведет к столкновению с Австро-Венгрией, для которой возможное установление контроля над Салониками также выступает в роли своего рода компенсации за поражение в северогерманских областях, и которая также имеет своих агентов в стране – от священников и учителей до торговых эмиссаров

и консульств. Таким образом, делает вывод автор статьи, «в Албании сталкиваются не побочные, а главные направления капиталистической завоевательной политики этих стран».⁵

Неудивительно, продолжает Туцович, что население Албании попало под влияние иностранных агентов, наводнивших страну, если принять во внимание его бедность, раздробленность и некультурность. Однако столь же очевидным фактом является то, что албанцы, как и остальные народы Балканского полуострова, в противовес иностранному влиянию, проявят свои стремления, с которыми должны будут считаться также свободные балканские государства и другие народы в Османской империи, благодаря чему албанцы будут играть важную роль в борьбе против империалистических планов великих держав и турецкого господства.

Исходя из всего вышеизложенного, заключает Д. Туцович, албанцев больше нельзя рассматривать варварским народом. Более того, соседние балканские народы сами не заинтересованы в том, чтобы жить с ними в непримиримой вражде, ибо «взаимный союз – спасение для всех них. А в этом союзе есть место и для албанцев».⁶

В июле 1910 г. Д.Туцовичем была написана еще одна статья, посвященная положению в Османской империи, – «Из страны виселиц». Она была опубликована в «Борбе» 16 июля 1910 г., и в ней также затрагиваются албанские сюжеты. Автор указывает, что внутренняя политика младотурок в Албании имеет более далекую цель, чем подавление восстания албанцев, с чем и связан развязанный ими террор в этих областях. Подобная политика бесчеловечного насилия, продолжает он, не может быть оправдана действиями самих албанцев и культурной отсталостью этого народа: «неоспоримо то, что турецкое управление в этих областях по своей отсталости и некультурности превосходит и самые некультурные албанские роды».⁷ Единственный путь решения внутренних проблем Османской империи, по мнению Туцовича, заключается в том, чтобы предоставить народу в ее балканских областях, в том числе в Албании, без учета веры и народности, «больше гарантий для свободной жизни и развития».⁸ Кроме того, «внутреннее освобождение народа в этих областях есть первое условие и для его участия в общей балканской конфедерации, в которой Турции принадлежит такая значительная роль, и в которой она может иметь особый интерес».⁹

Поэтому, делает вывод Туцович, социал-демократия на Балканах (которая является самым горячим приверженцем идеи этой конфедерации) должна внимательно наблюдать за событиями в Турции и выступать за скорейшее создание условий для свободного определения народов в ней, в том числе и албанского.

Наконец, 5 августа 1912 г., уже в период наиболее крупного албанского восстания против младотурок, Д. Туцович написал статью «Кризис в Турции», которая была опубликована в «Борбе» 14 августа 1912 г.

Автор указывает далее, что албанские восстания имели место и прежде. Турция в отношении албанцев издавна проводила политику «кнута и пряника», попеременно их одаривая и вешая. Эти обстоятельства, привычки и привилегии, полученные ими при сultанском режиме, должны были объективно привести к столкновению с младотурками. Однако ошибочно недооценивать в этих восстаниях роль пробуждающегося национального сознания албанцев. «Когда племя начинает вести речь о своей азбуке, о школах на своем языке, о выборе чиновников из своей среды и национальной автономии, – а это сегодня требования, которые восставшие сформировали на своих собраниях, – тогда все попытки свести восстание к привычкам к насилию не могут николько уменьшить его большое историческое значение. А историческое значение этих албанских восстаний, в первую очередь, состоит в том, что через них осуществляется и ускоряется процесс развития албанского племени от неисторического в исторический народ».¹⁰

Это, в свою очередь, по мнению автора статьи, имеет непреходящее значение для других народов Турции и свободных балканских государств, так как албанцы как самая компактная масса в Европейской Турции призваны играть все более важную роль в будущем указанных областей. Кроме того, для самой Турции показательно то, что и «самое примитивное племя поднимается до национального сознания, прежде чем она стала способной к современному управлению и пониманию вопросов, которые этот процесс ставит на повестку дня».¹¹

1 сентября 1912 г., уже непосредственно накануне Балканских войн, Д. Туцович публикует в «Борбе» статью «Проникновение Австро-Венгрии на Восток», в которой, наряду с остальным, анализирует политику и планы этого государства в отношении Албании. Ссылаясь на высказывание министра иностранных дел монархии Габсбургов, выдвинувшего

предложение о «политике децентрализации» в Турции, он признает, что оно по сути является открытым предложением албанцам опереться на Австро-Венгрию как на свой тыл; таким образом, Австро-Венгрия вмешивается в турецко-албанский спор в качестве защитника албанцев с целью укрепить свои позиции в их землях, прежде чем Италия (главный конкурент Австро-Венгрии в Албании) будет готова к войне. При этом в своей восточной политике Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия руководствуются прежде всего торговыми интересами, ибо их доля, в частности, в турецком импорте, возрастает быстрее, чем доля Англии и Франции (во многом благодаря географическому положению, хозяйственной мощи и государственным льготам Турции).

Какое же значение, по мнению Туцовича, имеют подобные действия Австро-Венгрии для других балканских государств? Он отмечает, что укрепление ее позиций в Албании идет тем же путем, что и в Боснии и Герцеговине. По его словам, данные события свидетельствуют о том, что «за экономическим проникновением... следуют политические шаги дипломатии, интриги, интервенции, подкупы и все другие подобные средства, которые идут на руку усилению политического влияния и территориальному завоеванию». ¹² Поэтому балканские народы, по мнению лидера сербских социал-демократов, должны извлечь уроки из этих событий и избрать единственно верный путь к спасению от порабощения их империалистическими государствами: «взаимное объединение, политическую и экономическую общность, которая будет способна сама жить, защищаться и развиваться». ¹³

В конце февраля 1913 г. Д. Туцович написал обширную статью под названием «Работа с албанцами», которая была опубликована в газете «Радничке новине» 28 февраля и 1 марта 1913 г. Основные ее положения вошли затем в его наиболее значительную работу по албанской проблематике – книгу «Сербия и Албания».

В этой статье автор прежде всего отмечает основные причины, по которым сербская социал-демократия выступала против похода сербской армии в Албанию осенью 1912 г. Во-первых, это был завоевательный военный поход, против которого «должно восставать любое здоровое сознание», а во-вторых – нападение Сербии на Албанию будет иметь глубокие негативные последствия в будущем, ибо оно «кроет бездну между двумя народами, которые в некоторых областях перемешаны

очень сильно, вызывает вражду, которая будет очень дорого нам стоить».¹⁴ Правительство в данных условиях наглядно выступило представителем и защитником сербской буржуазии, лишенной какой-либо осмотрительности в вопросах национальной политики и требующей лишь как можно больших территорий и рынков и масс населения, которые сможет эксплуатировать.

Туцович далее отмечает, что первоначально наступление сербской армии не встречало сколько-нибудь организованного противодействия албанского населения. Исключением стало сопротивление, которое при вступлении в Косово оказали «те, которые хорошо запомнили деятельность сербских управляющих еще в 1878 г.»¹⁵ Это были в основном переселенцы из тех областей, которые тогда заняла Сербия, – албанцы практически всюду отступали перед сербскими войсками, не завязывая открытых боев. Однако затем как раз и начались основные боевые действия, которые албанцы привыкли вести в горах и которые до недавнего времени использовались черногорцами; а эти бои, по мнению автора, будут иметь для Сербии не только военные, но и пагубные политические последствия в будущем, ибо они «нас далеко заведут и создадут непреодолимую пропасть между двумя народами, которые могли бы по-братьски жить, опираясь один на другого совместно защищаться от общей опасности».¹⁶

Д. Туцович указывает, что албанцы неоднократно стремились реализовать свое стремление к автономии путем соглашения с Сербией и при ее помощи. Они принимали активное участие в Первом сербском восстании 1804-1813 гг. они принимали в нем активное участие, в том числе и при освобождении Белграда в 1806 г. В 60-70-х гг. XIX в. представители албанских племен проявили большую заинтересованность и предприняли усилия к совместной деятельности и кооперации с сербами. Даже после 1878 г., когда «сербское управление по отношению к ним показало себя крайне жестоким», даже после антисербской агитации, которую систематически проводила среди албанского населения Австро-Венгрия, они «дважды, по собственной инициативе, показали, что желают общности с Сербией».¹⁷

В 1903 г. Австро-Венгрия и Италия заключили между собой договор о разделе сфер влияния в Албании и выдвинули лозунг создания автономной Албании под их протекторатом в качестве наиболее подхо-

дящего для собственных колониальных интересов решения албанского вопроса. Вслед за этим, в 1904 г., албанцы «по собственным побуждениям и без какого-либо сигнала из Белграда» направили в сербскую столицу свою делегацию с целью добиться от Сербии «благосклонности, готовности к совместной работе после освобождения и моральной помощи в связи с их усилиями по конституированию национального государства».¹⁸

Туцович отмечает, что о серьезности и искренности албанцев в стремлении (из собственных побуждений) заключить союз с Сербией свидетельствует следующий факт: их делегаты предложили, чтобы им в качестве главы государства был послан сербский принц. После переговоров в Белграде они увезли фотографии принца в албанской национальной одежде и с албанским оружием в качестве свидетельства, что соглашение с Сербией достигнуто. Однако со стороны последней совместная деятельность продолжена не была, дальнейшие связи не поддерживались, и, более того, сербское правительство приветствовало военные походы младотурецкого режима с целью подавления албанских восстаний.

Наконец, летом 1912 г. – в период развертывания восстания за автономию своей страны – албанцы снова обратились к Сербии с предложением о совместных действиях. В результате между ними и правительством было достигнуто соглашение, по которому Сербия должна была помочь Албании получить свою самостоятельность, а Албания – предоставить той помощь в защите от нападения северного соседа, и вслед за этим албанцам было роздано в Прокупле и Куршумлии 60.000 ружей с необходимым снаряжением.¹⁹

Однако после объявления войны Турции положение изменилось – албанцы стали рассматриваться как неприятели. Те же, в свою очередь, в ответ на разрыв соглашения и завоевательный поход против них «справедливо мстили за пролитую кровь, а им на это отвечали уничтожением сел и массовыми убийствами».²⁰

Таким образом, подводит итог рассмотрению истории взаимоотношений Сербии и албанцев автор статьи, сербские правящие круги сами силой толкнули последних в объятия Австро-Венгрии и Италии, хотя те стремились именно с Сербией заключить прочный и длительный союз. Однако сейчас, когда Албания как отдельное государство представляет

собой свершившийся факт, сербским правителям необходимо не только увидеть свою непростительную ошибку, но и попытаться «создать условия для сближения Сербии и Албании, начать совместную работу, сформировать тесный союз, экономический и политический».²¹ Добиться этого сейчас, по мнению Туцовича, сложно, но, тем не менее, возможно, так как албанцы, стремясь к укреплению самостоятельности своей страны и своего народа, «воспримут искренний вариант балканской общности, которая бы их не подчинила какому-либо балканскому завоевателю и которая бы им предоставляла гарантии, что они не станут добычей капиталистических разбойников, Австрии и Италии».²²

Сербия, повторяет свое основополагающее положение Туцович, должна вместе с остальными балканскими государствами заложить искренние, честные и прочные основы этой общности, к которой тогда без всякого сомнения присоединилась бы и Албания. Данная общность для всех балканских народов, в том числе и для албанского, является лучшей гарантией их самостоятельности. Без нее «мы все пропадем, некоторые раньше, а некоторые позже, в том числе пропадут и албанцы. Разделенные, разобщенные, ревнивые и враждебно взаимно расположенные, мы будем на Балканах рыть друг другу могилы – в чужих интересах».²³

Осенью 1913 г. Д. Туцович находился в составе сербской армии, дислоцированной на границе с Албанией. Это позволило ему на основе собственных непосредственных впечатлений углубить разработку проблемы и более четко сформулировать основные положения программы сербской социал-демократии по албанскому вопросу.

11 сентября 1913 г. Туцович отправил из Врнячкой-Бани (где он находился на лечении) письмо в Белград Д. Лапчевичу (одному из лидеров ССДП), в котором дал характеристику ситуации, сложившейся на сербо-албанской границе. Туцович указывал, что военные действия на границе были спровоцированы Сербией и имеют гораздо более далекие цели, нежели оттеснение албанцев. По его словам, «готовится военный поход на Адриатическое море, а в ходе дальнейших событий – оккупация Северной Албании».²⁴ В связи с этим Туцович рекомендовал своим соратникам развернуть самую острую кампанию против сербского правительства, которое не защищает границу, а втягивает страну в третью Балкансскую войну.

Там же, во Врнячкой-Бане, Д. Туцович написал статью «Длительная война», которая была опубликована в газете «Радничке новине» 14 сентября, и в которой он подверг более всестороннему и глубокому анализу сложившуюся ситуацию. Он отмечает, что правительство Сербии, используя средства массовой информации, обращаясь к великим европейским державам и проводя военные приготовления (в частности, осуществляя пополнение пограничных полков до военного состава), стремится, по его же собственным словам, облегчить или оправдать повторное занятие стратегических точек, которые армия недавно вынуждена была оставить и которые необходимы для защиты границы от вторжений албанцев на территорию Сербии.

По словам Туцовича, реализация этих планов представляет цель нынешней правительственной политики по отношению к Албании. На деле «бои на сербо-албанской границе не причина, а только повод для приготовлений к оккупации новых албанских территорий, к новому завоевательному походу»; при этом цель, выдвигаемая правящими кругами, превосходит потребности обеспечения охраны границы от албанских вторжений и мятежей.²⁵ В основе этих планов лежит непреодолимое стремление сербского капитала получить выход к Адриатическому морю, которое в прошлый раз не было реализовано из-за вмешательства Австро-Венгрии и Италии, первоначально не принимавшегося в расчет.²⁶

7 октября 1913 г. в газете «Радничке новине» появилась обширная статья Д. Туцовича под заголовком «Стратегические пункты в Албании». В ней автор указывает, что правительство Сербии оправдывает продолжающиеся военные действия следующим образом: первая Балканская война велась за освобождение, вторая – за поддержание равновесия на Балканах, а третья («пограничные столкновения») – за стратегические точки в Албании; ради этого, пишет Туцович, «мы рубимся с соседом, половина населения которого остается в наших новых границах».²⁷

В статье далее говорится о том, что территория, о которой идет речь, изрезана, полна обрывов, и большая ее часть практически непроходима. При этом население здесь находится «на самой примитивной ступени хозяйства» и воинственно и враждебно расположено.²⁸ Поэтому «разумное и осмотрительное правительство должно было бы сначала

хорошо подумать, нужно ли эти области принять и тогда, когда бы их население просило об этом, и когда никто в мире этому присоединению не противодействовал бы... Миллионы в деньгах необходимы, чтобы прорезать самые необходимые коммуникации, по которым в эти области можно было бы доставить необходимое чиновничество и снабжать продовольствием гарнизоны, которые там должны были бы содержаться. С экономической точки зрения вся территория... в балансе представляла бы для нас большой и постоянный дефицит»; не говоря уже о том, что новый поход в Албанию «за стратегическими точками» привел бы к новым многочисленным жертвам с сербской стороны, в результате чего Шумадию в конечном итоге пришлось бы заселять албанцами с Косово, из Дреницы, Метохии и Подрима.²⁹

Туцович подчеркивает, что правительенная политика «Адриатического моря, равновесия и стратегических точек», неминуемо ведущая к вышеуказанным последствиям, является выражением захватнических устремлений сербской буржуазии. Однако, продолжает он, Сербия, отведя свои войска от Адриатического моря на пограничную линию, определенную на Совещании послов великих держав в Лондоне, «признала, что она может (обходиться – Авт.) и без этих точек; и почему сейчас она не может без них?»³⁰ Правительство не смогло укрепить новую сербо-албанскую границу более сильными гарнизонами в пограничных городах и тем самым дало повод для албанского вторжения, которое вызвало, в свою очередь, новую мобилизацию в Сербии и привело к новым многочисленным людским и материальным жертвам. Нельзя забывать, делается вывод в статье, что «границу с албанцами должны охранять не наши полки на Паштине, Шените и других горах, а лучшая и более культурная политика по отношению к албанцам, в самом худшем случае – более сильные гарнизоны в трех пограничных городах».³¹

В конце октября – первой половине ноября 1913 г. в газете «Радничке новине» была опубликована серия неподписанных статей под общим названием «Из албанских писем». При издании двухтомного сборника «Избранных сочинений» Д. Туцовича (Белград, 1950) было впервые установлено его авторство.³² Некоторые из этих статей по широте рассматриваемых в них аспектов албанского вопроса и глубине анализа непосредственно примыкают к книге «Сербия и Албания» и явились по сути предварительными материалами к ее написанию. В этой книге

автор свел воедино все свои наработки по данной теме, подкрепленные в том числе личными впечатлениями от пребывания в рядах сербской армии в Албании.³³

В одном из писем, датированном 1 ноября 1913 г. и озаглавленном «Расселение албанцев», автор анализирует территориальный аспект албанского вопроса. Он отмечает «ужасную примитивность» албанских племен, которые, будучи совсем отделенными от остального мира, «в своих ущельях и горах упорно сохраняют отношения и жизненные привычки, которые ведут происхождение из далекого прошлого».³⁴ С другой стороны, перемещение торговых путей с Балканского полуострова к Атлантическому океану и все большее тяготение внутреннего сообщения на самих Балканах к Салоникам привели к тому, что «природная ограниченность албанской родины была усиlena почти абсолютной культурно-коммуникационной исключительностью», а Турция была рада предоставить албанцев самим себе, грабежу и взаимному истреблению.³⁵

Высокий естественный прирост населения и недостаток продовольствия, связанный с горным характером территории, на которой они проживали, побудили албанцев начать продвижение в направлении плодородных котловин Старой Сербии и Македонии, куда их также влекли переместившиеся пути сообщения, в результате чего здешние города, снабжаемые товарами через Скопье, Битоль и Салоники, стали основными рынками даже для тех племен, которые жили глубоко в самой Албании. В этом состоят причины того продвижения албанцев на восток, которое и сегодня – утверждал Туцович – служит для шовинистической сербской пропаганды средством разжигания страха и ненависти к «диким албанцам» (ибо это проникновение затронуло интересы сербского населения в северо-западных областях Турции), при этом замалчиваются дикости, совершенные по отношению к ним сербской армией. В результате этого продвижения албанцы заселили Косово, спустились в Македонию и вышли на Вардар, а с северо-запада охватили Скопье.

Туцович указывал, что важным является вопрос о том, в какой степени малая плотность сербского этнического элемента в этих областях представляет следствие упомянутого албанского натиска, а в какой – общего движения сербского народа с юга на север. Он, по его же собственным словам, не затрагивает его глубоко, однако отмечает, что заселение Шу-

мадии, безусловно, произошло вследствие «расселения» юго-западных областей; при этом, по его словам, установлено, что сербское население из этих областей в своей массе отступило вместе с австрийскими войсками, когда те в XVIII в. были вынуждены прекратить походы на юг. Следовательно, если исходить из этих данных, «кровная месть» сербов по отношению к албанцам представляется неоправданной. Тем более, даже если допустить, что сербский элемент был вытеснен албанским, – это не первый случай в истории, когда «наступление каких-либо племен более прочной организации или с другими преимуществами вытесняет какой-либо народ с его очагов», и данный факт никак не является оправданием для национальной ненависти (если к тому же учесть, что и славянские племена при своем переселении в эти области вытеснили старожилов, используя насильтственные средства).³⁶

Еще во время 1-й Балканской войны Д. Туцович начал писать свой наиболее значительный труд по албанскому вопросу – книгу «Сербия и Албания». Сербский историк Д. Богданович совершенно справедливо назвал этот труд «самым тяжелым нападением на политику выхода на море» и свидетельством жесткой позиции ССДП в поддержку права наций на самоопределение.³⁷ В целях сбора необходимых материалов для книги Д. Туцович использовал и свое непосредственное пребывание в составе сербской армии в местах боевых действий против албанцев, в том числе в Эльбасане в апреле 1913 г.³⁸

Осенью 1913 г. Туцович завершил написание основной части книги (предисловие к ней датировано 1 января 1914 г., следовательно, оно было написано отдельно). «Радничке новине» сообщение о выходе книги «Сербия и Албания» из печати опубликовали первый раз 20 января 1914 г.; на основании этого и осуществлена ее датировка.

Книга Д.Туцовича «Сербия и Албания» (подзаголовок – «Очерк критики завоевательной политики сербской буржуазии») состоит из краткого предисловия и четырех глав: «Из жизни албанцев», «Автономная Албания», «Борьба вокруг Адриатического моря» и «Сербия и Албания». В предисловии автор указывает на те основные причины (главным образом, практического характера), которые побудили его вплотную заняться изучением албанской проблемы. Во-первых, пишет Туцович, «албанская политика нашего правительства окончилась поражением, которое стоило нам больших жертв»; к тому же «еще большие

жертвы ожидают нас в будущем», ибо на западных границах Сербии возник серьезный очаг напряженности, а сама Албания оказалась «в объятиях» Австро-Венгрии и Италии, представляющих «серьезную опасность для Сербии и для нормального развития всех балканских народов».³⁹ Во-вторых, сербская буржуазная печать на протяжении многих лет распространяла тенденциозные представления о албанском народе (в частности, о его якобы непримиримых противоречиях с сербами) с целью оправдать завоевательную политику правительства в отношении албанцев. И, наконец, в этом же предисловии Туцович выражает надежду, что его «скромный труд» послужит правильному пониманию ситуации в Албании и улучшению отношений между сербским и албанским народами.⁴⁰

Рассматривая историю возникновения движения албанцев за автономию, автор отмечает, что первоначально, с момента установления турецкого господства на Балканах, население Албании, по сравнению с остальными балканскими народами (за исключением черногорцев), пользовалось широкими автономными привилегиями, ибо «и во времена своей наивысшей мочи Турции не удавалось подчинить их своему непосредственному управлению, и она удовлетворялась простым признанием ее власти и обязанностями уплаты дани или посылки солдат, или одного и другого». В результате племена пользовались – в качестве наиболее ярких символов независимости по отношению к государству и племенной автономии – правом, по которому вместо турецких властей ими управляли племенные старейшины, а сами племена никому ничего не платили, а все их связи с Турцией заключались в обязанности оказывать военную поддержку, да и то определенным количеством солдат «под знаменем своего племени».⁴¹

Эти отношения между албанскими племенами и Османской империей сохранялись вплоть до первых десятилетий XIX века, когда Турция, пытаясь остановить процесс ослабления своего могущества, начала проводить политику более сильной централизации в государственном управлении, не оставляя за албанскими племенами их прежних привилегий «жить в своих горах как некое государство в государстве».⁴² Этим временем и датируется возникновение движения албанцев за автономию, неразрывно связанного одновременно с предыдущим этапом, ибо оно опиралось как раз на предшествовавшую традицию автономных

отношений, рассматривая их в качестве своего идеала. Высшей точкой этого движения явилось создание в 1878 г. и деятельность Албанской (Призренской) лиги. В 1881 г. лига распалась в условиях совместных действий против нес турецких властей и соседних балканских государств, в результате чего, по словам Туцовича, «между албанцами и христианами в Турции наступает время национальной ненависти и вражды».⁴³

После свержения сultанского режима Абдул-Хамида младотурки первоначально проявляли терпимость к албанскому движению. Однако затем, в условиях все большего приобретения им национального характера, политика нового режима резко изменилась, что проявилось, в частности, в посыпке военных экспедиций в Северную Албанию, имевших целью окончательно поработить местные племена и вызвавших целый ряд албанских восстаний. Историческим значением этих восстаний, по мнению Туцовича, явилось установление связей между Севером и Югом, между, так сказать, физическими и интеллектуальными силами движения.

Позднее, в результате завоевательной политики балканских государств в отношении Албании и их военных походов, самостоятельное движение албанцев было подавлено, сама Албания стала опорой Австро-Венгрии и Италии на Балканах, решение ее судьбы приобрело общеевропейское значение. Однако, несмотря на это, сам факт получения Албанией автономии «будет иметь для албанского народа значение политической революции, под влиянием которой старые отношения и жизненные привычки претерпят головокружительно быстрые изменения».⁴⁴ Тем не менее, нынешняя автономия Албании является неполной, своего рода формой без содержания, прежде всего в силу ее отрезанности от плодородных областей на востоке и юге, а также экономической зависимости от европейских государств.

В отдельной главе книги автор анализирует некоторые аспекты международных отношений на Балканском полуострове, связанные с борьбой за контроль над прибрежными районами Адриатического моря, которое «вплоть до новейшего времени являлось основой хозяйственной и торговой жизни на Балканах».⁴⁵ В связи с этим он рассматривает борьбу Австро-Венгрии и Италии за преобладание в этом регионе, в частности, в Албании, где интересы и планы двух великих держав стал-

киваются особенно остро. Он указывает, что именно борьба за контроль над той частью побережья, которая принадлежит Албании, а не вокруг голых албанских скал, обусловила тот факт, что «самая бедная область на Балканском полуострове породила во время балканских событий самые обостренные отношения в Европе», ибо борьба за контроль над Адриатическим морем представляет собой продолжение борьбы вокруг превосходства и влияния на всем Средиземном море.⁴⁶ Вследствие перемещения путей мировой торговли в сторону Атлантического океана Средиземное море, правда, в свое время потеряло мировое значение, однако борьба вокруг него продолжалась; к тому же открытие Суэцкого канала и постройка железных дорог, соединивших Центральную Европу с Востоком, способствовали постепенному восстановлению его роли как самой удобной связи между Европой и Азией.

При этом, продолжает Туцович, Адриатическое море имеет особое значение для двух великих держав – Австро-Венгрии и Италии. Преимущество первой при этом заключается во времени, так как она начала устанавливать свое влияние на Балканском побережье Адриатического моря намного раньше того момента, когда Италия собственно стала великой державой. Однако Италия в последнее время прилагает значительные усилия, чтобы компенсировать свое отставание, и ей уже удалось добиться определенных успехов, в частности, в Черногории. В этом соперничестве двух европейских государств Албания представляет собой страну, в которой их интересы сильнее и непосредственнее всего пересекаются. В связи с этим «образование автономной Албании имело сейчас для обоих этих государств не только тот интерес, чтобы никто третий не был допущен на Адриатическое море, но и чтобы было получено хотя бы окошко для проведения прежней политики на Балканах».⁴⁷

Однако Адриатическое море еще в середине XIX века имело большое влияние и на историческое развитие сербского народа, причем не только торговое, но и политическое; «только этим влиянием можно объяснить тот факт, что в средневековье самая оживленная политическая жизнь нашего народа проходила именно в областях Адриатического моря, следовательно, в землях, которые находились не в центре, а на западной границе нашего этнографического распространения».⁴⁸ Тем не менее, все усилия сербских правителей утвердились на побережье

оказались безуспешными, а само море, как уже говорилось, вследствие ряда политических и торговых изменений потеряло свое былое значение. К тому же в результате таможенной войны и аннексии Боснии и Герцеговины Сербия оказалась окончательно отрезанной от побережья. В этих условиях, отмечает Туцович, сербской буржуазии удалось оживить стремления добиться выхода на Адриатическое море и «внести» их в народные массы. Как же она понимала реализацию своей «исторической задачи»? Туцович дает ответ на этот вопрос в заключительной главе книги.

В ней автор подробно анализирует завоевательную политику сербского правительства в отношении Албании. Он подчеркивает, что, в сущности, сербская буржуазия проводит ту же политику, что и Австро-Венгрия и Италия, которые «заботятся об автономии Албании в своих интересах, а не в интересах албанского народа»,⁴⁹ только более грубыми методами. Одновременно, как пишет автор, «провозгласив эту политику, сербская буржуазия сейчас первый раз сбросила с лица сербского народа покрывало угнетенной нации, которая борется за свое освобождение».⁵⁰ В связи с этим Туцович ссылается на одно из положений марксистского понимания истории, заключающееся в том, что «внешняя политика господствующих классов является лишь продолжением их внутренней политики», вследствие чего «социал-демократия не может отстаивать свободу своего народа и не выступать в защиту национальной свободы и всех других народов».⁵¹ В этом, как отмечает Туцович, «заключается одно из существенных различий между взглядами социал-демократии и буржуазных партий на национальный вопрос».⁵² Таким образом, заключает он, «национальные идеалы господствующих классов – ложь, за которой скрывается стремление к эксплуатации народа в своей стране и порабощению чужих народов. В национальном освобождении и объединении, которое капиталистическая буржуазия требует для своего народа, она отказывает чужим народам».⁵³

В стремлении сербского правительства присоединить часть албанской территории и получить выход к морю автор выделяет две стороны. Первая из них имеет непосредственный экономический смысл и заключается в достижении страной экономической самостоятельности от Австро-Венгрии, которая чинила и продолжает чинить препятствия вывозу Сербией сельскохозяйственной продукции и продуктов ее первич-

ной переработки, составляющих 88% всего объема экспорта. В данном смысле интересы господствующей буржуазии и широких крестьянских масс совпадают.

Однако у этих планов есть и другая, не лежащая непосредственно на поверхности, сторона. Дело в том, что «в территориальном расширении и выходе к морю правящая буржуазия видела ту цель своей классовой политики, которая вытекала из индустриализации страны и развития капиталистического производства», поскольку «именно в этом лежало спасение всей финансово-хозяйственной системы буржуазии, на которой держалось ее господство; это единственный выход из состояния, которое с каждым днем становилось все более критическим» – пишет Туцович.⁵⁴

Далее автор указывает, что у Сербии имелись два естественных направления, по которым она могла получить выход к морю. Во-первых, это путь через Черногорию и Бар, а во-вторых – через Вардарскую долину и Салоники, который по своей природе и географическому положению является самым подходящим для осуществления экономических связей Балкан с остальным миром. Однако, вместо того, чтобы добиваться получения выхода через них путем создания экономической (и не только экономической) общности балканских народов, сербская буржуазия «взяла за основу переговоров с союзниками сепаратизм» и в результате «сама себе закрыла оба естественных направления выхода к морю», предпочтя пробиваться «через албанские скалы, в направлении, которое ведет через области с компактным чужим элементом, элементом, который представлял наиболее способную к сопротивлению силу в бывшей Европейской Турции».⁵⁵ Кроме того, Адриатическое море само по себе к этому времени во многом потеряло свою изначальную стратегическую роль в силу зависимости от общей экономической ситуации в мире, и уже не оправдывало тех больших потерь (прежде всего в хозяйственном отношении), которые неизбежно бы сопровождали попытки укрепиться на его побережье. Таким образом, делает вывод Туцович, «выход на Адриатическое море, оплаченный завоеванием Албании, является для Сербии экономическим абсурдом», а сама она, желавшая получить наряду с ним также и колонию «в лице» Албании (хотя она могла решить свою «экономическую» задачу при помощи «простого соглашения при дружеском участии освобожденного албан-

ского народа»), «осталась без выхода к морю, а из предполагаемой колонии создала кровного неприятеля». В этом и заключался, по мнению Туцовича, полный крах завоевательных устремлений сербской буржуазии, которая столкнулась в Албании с двумя великими державами, имевшими там влияние большее, чем сама Турция; в результате чего «порабощение албанского народа, как средство получения выхода на море, показало себя и как политический абсурд».⁵⁶

В завершающем разделе четвертой главы, получившем название «Результаты завоевательной политики», Туцович дает общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе формулирует задачи сербской социал-демократии в албанском и, шире, в национальном вопросе. Он указывает, что «Балканский полуостров является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями»; вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и др.) находятся в непримиримых противоречиях друг с другом.⁵⁷ Исходя из этого, автор делает вывод о том, что данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем создания нового объединения балканских народов. Необходимость объединения диктуется также потребностями достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, и само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз».⁵⁸

Говоря далее об отношениях Сербии и Албании, Туцович отмечает, что существуют объективные возможности и предпосылки их кардинального улучшения, начиная с близости сербского и албанского народов, совместного их участия в борьбе против османского господства и заканчивая существующими взаимными экономическими интересами (сербы заинтересованы в получении выхода к Адриатическому морю, а албанцы – в получении хлеба). Однако, с сожалением продолжает автор, «Сербия вошла в Албанию не как брат, а как завоеватель. Более того, она вошла не как политик, а как грубый солдат»; иными словами, «Сербия как неприятель вошла в Албанию и как неприятель вышла».⁵⁹ Это не могло не привести к появлению у албанского народа безграничной враждебности к сербам. Туцович называет этот факт первым «позитивным» итогом завоевательной политики сербского правительства (прикрывавшегося лицемерными рассуждениями о неспособности

албанцев к самостоятельному национальному развитию), а в качестве второго, еще более опасного, он выделяет укрепление в Албании позиций Австро-Венгрии и Италии, чья политика представляет собой постоянную и непосредственную угрозу для балканских народов. В заключение Д. Туцович вновь повторяет свой основополагающий лозунг, ставший основой политики ССДП в национальном вопросе: «Политическое и экономическое объединение всех народов на Балканах, включая албанцев, на основе полной демократии и полного равенства».⁶⁰

17 марта 1914 г. в газете «Радничке новине» была напечатана еще одна статья Д. Туцовича, посвященная албанским сюжетам и являющаяся как бы сжатым изложением позиции сербской социал-демократии по албанскому вопросу. ССДП, указывается в статье, сразу же встала на путь решительного осуждения политики правительства, призывая одновременно, чтобы «хотя бы в последний момент была изменена позиция Сербии и было исправлено то, что можно исправить»; что, правда, не увенчалось успехом.⁶¹ Однако, продолжает Туцович, социал-демократическая партия не ограничилась лишь критикой; она одновременно предостерегала сербскую буржуазию от последствий подобных действий, предупреждала о тех опасностях и кризисах, которые неминуемо повлечет за собой ее албанская политика. «Мы сказали, что будем иметь каждую весну по одному албанскому восстанию до тех пор, пока наше отношение к албанцам будет регулироваться методами Джавид-паши и Тургут Шевкет-паши (руководители военных турецких экспедиций с целью подавления албанских восстаний – Авт.)».⁶²

Предсказание Туцовича оказалось точным. Весной 1914 г. в косовской Дренице вновь вспыхнуло восстание. Поводом к нему послужила попытка жандармов арестовать группу албанских активистов, которые вели агитацию против режима. Восстание явилось достаточно крупным (ибо «тамошнее население – одна из самых крепких и упорных частей всего албанского народа»⁶³), однако было подавлено после вмешательства регулярных сербских войск из Скопье. После подавления этого восстания, продолжает Туцович, для сербской общественности албанский вопрос вновь будет снят с повестки дня – до нового выступления в Косово, на «этой чудесной плодородной равнине, которой суждено быть засеянной, вместо благородного семени, человеческими костями и пропитанной, вместо воды, горячей кровью».⁶⁴

Однако рабочий класс Сербии, несущий на себе основное бремя военных экспедиций, не может оставаться равнодушным к этим мятежам; он должен потребовать положить им конец. А конец заключается, указывает Туцович, не в разорении нив, сожжении деревень и уничтожении албанского населения. Мятежи прекратятся, когда по отношению к албанцам не будет проводиться нынешняя политика; источник мятежей находится не среди албанцев, а среди сербских правителей. Сербская буржуазия и милитаризм совершили роковую историческую ошибку, попытавшись выйти на Адриатическое море не за счет заключения союза с албанцами, а за счет их подавления. В результате была совершена попытка «предумышленного убийства целой нации»; а наказанием для Сербии являются «недоверие и даже ненависть целого народа, который у нас здесь за спиной, более того, часть которого находится и на нашей территории, и который мы должны принимать в расчет в любой своей политической комбинации».⁶⁵

Другое преступление против албанцев, пишет Туцович – это варварские действия по отношению к той части этого народа, которая является составной частью Сербского государства, а именно – чрезвычайный режим, установленный в Старой Сербии. Последствием могут стать лишь новые вооруженные выступления против сербского кровавого режима произвола и насилия, установленного в этих областях.

Первая историческая ошибка сербских правителей, заключавшаяся в покушении на жизнь и самостоятельность всей Албании и имевшая своим единственным результатом недоверие и ненависть целой нации, от которой Сербия в значительной степени зависит, не может быть быстро и легко исправлена. Что же касается второго зла, то оно, продолжает Туцович, пока находится в нашей власти, и его необходимо лечить. Для этого «режим в новых областях, а особенно отношение к чужим нациям, и, следовательно, и к албанцам, необходимо поставить на демократическую, культурную и человеческую основу терпимости, совместной жизни и деятельности»; лекарство от мятежей заключается именно в этом, а не в кровавых репрессиях.⁶⁶

Такими виделись сербским социал-демократам суть и пути решения албанского вопроса сто лет назад. И справедливость требует признать, что многие констатации – при всей их полемичности и политической заостренности – справедливы и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Dimitrijević S. Socijalistički radnički pokret u Srbiji 1870-1918.* Beograd, 1982. S.209-210.
- ² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1980. Књига трећа. С.44.
- ³ Там же. С.234.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С.237.
- ⁶ Там же. С.238-239.
- ⁷ Там же. С.402.
- ⁸ Там же. С.403.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С.473.
- ¹¹ Там же. С.473-474.
- ¹² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1980. Књига седма. С.14.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С.72.
- ¹⁵ Там же. С.73.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.74.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С.75.
- ²⁰ Там же. С.76.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С.77.
- ²⁴ Там же. С.133.
- ²⁵ Там же. С.137.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С.141.
- ²⁸ Там же. С.142.
- ²⁹ Там же. С.142-143.
- ³⁰ Там же. С.144.
- ³¹ Там же. С.145.
- ³² См.: *Туцовић Д.* Избрани списи. Београд, 1950. Књига II. С.347.

³³ Д.Туцович был призван в сербскую армию весной 1913 г. и демобилизован в августе того же года.

³⁴ Туцовић Д. Сабрана дела. Београд, 1980. Књига седма. С.176.

³⁵ Там же. С.177.

³⁶ Там же. С.179.

³⁷ Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 1990. С. 212-215.

³⁸ Туцовић Д. Преписка. Титово Ужице. 1974. С.214, 215, 260, 263, 264, 271.

³⁹ Туцовић Д. Сабрана дела. Београд, 1980. Књига осма. С.17-18.

⁴⁰ Там же. С.19.

⁴¹ Там же. С.46.

⁴² Там же. С.47.

⁴³ Там же. С.50.

⁴⁴ Там же. С.57.

⁴⁵ Там же. С.70.

⁴⁶ Там же. С.62-63.

⁴⁷ Там же. С.69.

⁴⁸ Там же. С.71.

⁴⁹ Там же. С.74.

⁵⁰ Там же. С.77.

⁵¹ Там же. С.78.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С.81.

⁵⁵ Там же. С.88.

⁵⁶ Там же. С.90-91.

⁵⁷ Там же. С.104.

⁵⁸ Там же. С.105.

⁵⁹ Там же. С.108-109.

⁶⁰ Там же. С.110.

⁶¹ Там же. С.169.

⁶² Там же. С.170.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С.171.

⁶⁶ Там же. С.171-172.

B. И. Косик

ЗАМЕТКИ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ РУССКИХ АКТЕРОВ И АКТРИС В ЮГОСЛАВИИ¹

Не вдаваясь глубоко в историю русско-югославских театральных связей, тем не менее отмечу, что русская культура в югославянских странах была уже в XIX в. представлена через драматургию, театральное искусство, постановки пьес Чехова, Горького.

В новой ситуации, после революций 1917 г., феномен русского театра в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в сжатой форме можно объяснить тем, что русский люд, в том числе и артистический мир, смог чувствовать себя в этой стране все же не только беженцем, но и славянином и по старинке тем же «старшим братом» в области театрального искусства, драматургии. И самое главное – он был востребован самими изгнанниками, для которых театр был не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным раздражителем мысли, чувства.

Русские мастера сцены творили и в народных театрах Королевства – в Загребе, Любляне, Скопле (совр. Скопье), в театриках многих провинциальных городков, на концертных площадках, на сценах различных любительских студий.

Были среди них и любители, свободное время отдававшие сцене. В связи с этой «двойной жизнью» в «Новом времени» писали, что «герой-любовник ездит шофером; героиня служит секретаршей в каком-то союзе; гранд-дама – сестра милосердия; герой-резонер – чиновник сербской службы»¹.

К известным актрисам и актерам можно отнести Лидию Авчинникову, Василия Борзова, Олега Гребенщикова, Веру Греч, Михаила Духовского, Анну Дориан, Евгения Евгеньева, Нину Ермолович, Андрея

---

¹Статья подготовлена в рамках проекта «Программа фундаментальных исследований РАН. Российская эмиграция в странах ЦЮВЕ. Сохранение историко-культурного и духовного наследия: традиции и новации»

Заярного, Олега Миклашевского, Елену Романову, Петра Трунова, Лидию Холодович, Владимира Лиозина, Анну Храповицкую, Вячеслава Хомицкого, Александра Черепова, Виктора Эккерсдорфа. Некоторые из них успешно совмещали актерский труд с режиссурой.

Сама актерская жизнь, довольно тяжелая, хорошо просматривается в их биографиях, весьма непростых. Позволю себе привести некоторые из них.

Лидия Дмитриевна Авчинникова (25.03.1894, Омск – 07.09.1983, Нью-Йорк) родилась в купеческой семье, в которой ценили пение и сами хорошо пели. В 16 лет состоялось ее первое публичное выступление. В 1917 г., уже будучи в Петрограде, вступила в Союз любителей театрального искусства, в состав которого входили Северянин, Куприн, Соллогуб. Находясь в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, играла у режиссера А. Ф. Черепова в пьесах Беляева, Гоголя, Грибоедова, Островского. С 1934 г. стала выступать на концертах с чтением рассказов. Во время немецкой оккупации зарабатывала на жизнь официанткой, шитьем. Потом наступила опять беженская жизнь, уже в Австрии, где она четыре года играла на сцене. В 1949 г. приехала в США. Выступала с чтением произведений русских классиков на многих благотворительных вечерах².

Лидия Васильевна Мансветова (1893, Санкт-Петербург – до 28.06.1963, у Т. В. Пушкадия-Рыбиной указан 1966 г., Сплит, Хорватия). Училась в консерватории, одновременно посещала Императорские театральные курсы по классу Озаровского. В 1911 г. получила первый ангажемент в Одессе, играла в пьесах Чехова и Островского³. Работала в труппе Н.Н. Синельникова в Харькове, потом у А. Сибирякова, ставшего ее мужем, в Одессе. С 1920 г. вместе с семьей – муж, дочь Ксения со своим супругом Е.С. Марьашем, обосновались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1921 г. Мансветова стала первой русской актрисой в драматической труппе Белградского Народного театра⁴. Роли в «Норе» Ибсена и в «Ревности» Арцыбашева она играла на сербском. Причем просмотренная мною критика о выступлениях Мансветовой в той же «Норе» была превосходной.

Было только одно замечание – артистка представила Нору, так сказать, по-русски: у Ибсена она более уравновешена, нежели сыграна Мансветовой, подчеркнувшей игрой эмоциональный характер своей

героини, вступившей, как пишет критик, в борьбу с обществом, традициями, за освобождение женщины⁵.

Здесь можно было бы поговорить о трактовке пьесы, но это уже был бы монолог о режиссуре, а не об игре актрисы. Замечу, что «Нора» и сейчас ставится по-разному, легко встраиваясь в современность, в которой тема потребления по-прежнему востребована.

Замечу, что для других русских «зацепиться» за Народный театр было трудно именно из-за незнания языка. Конечно, его учили, но выдавал акцент. Один из театралов писал: «В настоящее время русским артистам попасть в сербскую драму весьма трудно и только немногим удалось. Драма здесь старая, со своими традициями, с полным кадром артистов, с заботой о чистоте языка, а у русских, конечно, совершенно чистого акцента быть не может. Поэтому даже такая прекрасная артистка, как Мансветова, хотя и служит в драме, но должного использования своего симпатичного дарования не находит»⁶.

И конечно, такая прекрасная актриса не могла не участвовать в спектаклях труппы при Белградском русском драматическом обществе. Успешно пробовала себя в режиссуре. К середине 1920-х г. она играла на сербском языке 15 ролей. Ее знали не только в столице, но и в Загребе, где Мансветова выступала в 1921 и 1922 гг., а также в Сплите⁷. Потом был опять Белград, после отъезда из которого долгие годы – с 1930 г. по 1946 г. – она играла на сцене драматического театра в Сараево. Сцену оставила в Сплите, в котором с 1953 г. по 1955 г. играла, ставила спектакли⁸.

Звездой была и Елена Густавовна Романова (1894 – 13.01.1970). Впервые выступила в труппе Н.И. Собольщикова-Самарина в «Девушке с фиалками». Окончила драматическую школу по классу артистки МХТ Софьи Васильевны Халютиной. Поступила в студию имени Е.Б. Вахтангова (3 студия Художественного театра). С революцией все изменилось. В Добровольческой армии играла в труппах «Освага». Приехав из России в адриатический Герцег-Нови, основала здесь русское драматическое общество и ставила спектакли⁹. По переезде в Белград стала активно выступать на сцене. 8 декабря 1928 г. отметила 15-летний юбилей сценической деятельности во французском клубе в Белграде. Сыграла лучшие роли русского и иностранного репертуаров¹⁰.

Другое известное имя – Александр Филиппович Черепов (1892, Шавли, совр. Шауляй, Ковенская губерния, Литва – ок. 1946, Германия), актер, режиссер, педагог. После гимназии учился на историко-филологическом факультете, занимался славистикой. В 1914 г. дебютировал как актер в Самаре. Оттуда приехал в Москву. В своей автобиографии подчеркивал, что «совершенствовал свое театральное образование в студии Москов. Худ. Театра». Играя в «Эрмитаже», в труппах Мамонта Викторовича Дальского, Владимира Федоровича Лебедева, Александра Ивановича Южина. После революции перебывал во многих европейских странах. В 1924 г. по прибытии в Ригу занимался распространением журнала литературы, искусства и экономии «Балтийский альманах», выступал на разных сценах, писал статьи в журнале «Кино-Рампа» о театре и кино. Был известен как отличный чтец-декламатор. В 1925 г. открыл в Риге свою театральную школу, учили студентов по системе Станиславского. В его школе вели преподавание и для учеников оперных классов. После открытия 26 февраля 1926 г. Театра русской драмы вступает в его труппу: играет и ставит спектакли¹¹.

Он много ездит по Прибалтике, играет в Германии, Польше, Австрии, Чехословакии. Видимо из Праги он с семьей прибывает в апреле 1929 г. в Белград¹².

В 1929 г. он прочел курс лекций, среди которых значились: «единица и коллектив в театре», «театр и общество», «театр и литература», «театр и религия», «искусство и революция», «Софокл, Шекспир, Гете», «Метерлинк, Достоевский, Толстой», «Щепкин, Станиславский», «стихийное начало в актере», «дилетантизм в искусстве», «отрицание театра», «ирреальность, стиль», «натурализм на сцене», «классическая трагедия», «Чехов, Левитан, Чайковский», «театр на воздухе», «Театр импровизации», «кино», «старое и новое в театре», «режиссер, актер», «Московский Художественный театр и его студии»¹³.

Сам Черепов снискдал шумный успех в Белграде, Загребе, Скопле, Цетинье, выступая с чтением стихов Есенина, Тагора, Пушкина, Блока, отрывков из «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Вишневого сада». «... Большой голос, сила звука, широта диапазона, бархатный тембр, переходящий когда надо в могуче-раскатистый металл, классические дикции фразировки, филигранный чекан в каждом слове»¹⁴ – вот это и было залогом отличного приема его слушателями. Правда, его голос

иногда мешал ему. Так, один из сербских критиков, описывая свои впечатления от спектакля «На дне», замечал, что яркой и выразительной игре Черепова в роли Сатина мешал патетический тон¹⁵.

Поставленный им в Белградском «Манеже» спектакль «Смерть Иоанна Грозного», в котором он же играл заглавную роль, имел фантастический успех¹⁶.

Однако в истории русского Белграда он прежде всего запомнился как основатель в 1933 г. вместе с И.Э. Дуван-Торцовым Русского общегородного театра, разместившегося в Русском доме. На сцене в основном была представлена отечественная классика и патриотические пьесы. Для веселья и приятных воспоминаний игрались «всехядные» спектакли, такие как «Псиша» Ю.Д. Беляева, «Первая муха» В.А. Крылова. Все это очень нравилось консервативному русскому Белграду. При этом театр, в труппе которого было добрых три десятка артистов и артисток, обходился без какой-либо помощи.

Сам Черепов безостановочно играл главные роли в своем театре. Судя по одной из афиш, он выступал в таких спектаклях, как «Братья Карамазовы», «Идиот», «Царевич Алексей», «Юлий Цезарь», «Гамлет»¹⁷.

Далее назову имя Александра Александровича Верещагина (25. 02. 1885, Москва – 1965, США), актер, режиссер театра, оперы, кино. Внук знаменитого художника, выпускник студии Озаровского, актер у Веры Комиссаржевской, в МХТ, «Старинного театра» Н. Н. Евреинова, московского интимного театра «Лоло», театров «Бергонье», «Кривое зеркало» и пр., побывавших во многих странах, киноактер в Париже, актер в Риге, Ревеле, Батуми, Верещагин в 1919 г. переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Несколько театральных сезонов работал в Белградском народном театре. Потом – в 1922 г. – был Загреб, где преподавал актерское мастерство и режиссуру. В связи с 300-летием со дня рождения Мольера поставил его «Мещанина во дворянстве». Режиссировал «Цезаря и Клеопатру» Бернarda Шоу¹⁸.

Ставил и играл десятки пьес в Сараеве, Сплите, Скопле, Нови-Саде, Осиеке, Сомборе, Панчеве. Только на сцене в Скопле, с 1920 г. по 1927 г., поставил свыше пятидесяти премьер, в которых он, бывало, и играл, например, роль Муфтия в «Мещанине во дворянстве»¹⁹ его любимого Мольера.

Его жена Александра Лескова-Медведева (1891, Москва – 1933, Белая Церковь) тоже ставила и играла пьесы на сценах в Скопье, Сараеве, Сплите, Осиеке²⁰. Особенno много было сделано ею в Македонии, тогдашней Южной Сербии. В перечне ее ролей – и Катюша Маслова, и Маргарита Готье, и Анна Каренина²¹. Только три отзыва об ее игре в трех спектаклях.

«Воскресение» (Толстой). Рисуя образ чистой, наивной девушки, весящей в порядочность людей, критик подчеркивал, что именно такую Катюшу представила Александра Лескова, «которая превзошла саму себя, отдавая всю душу и чувства, заставляя вместе с ней переживать все моменты трагичной жизни своей героини»²².

«Дама с камелиями» (Дюма). Если один из рецензентов спектакля упрекал исполнительницу главной роли в дилетантизме, то другой писал, что Лескова с ее изяществом и темпераментом показала совершенную Маргариту Готье. Через игру актрисы, отмечал он, зрители ощутили всю страсть, любовь и нежность, жертвенность, страдания, счастье и несчастье бедной Маргариты²³.

«Порыв» (Кистмекер). Б. Недич, передавая в театральном обзоре свое впечатление от игры Лесковой в роли Моники Фельт, писал, что актриса обладает исключительным искусством показать в одном спектакле и любовь и ненависть, усердность и набожность, преданность и великодушие²⁴.

Нельзя не вспомнить и Татьяну Николаевну Яблокову (урожденную Владимирову) (1889, Кострома – 1965, Нови-Сад). В Белграде в 1937-1938 гг. по ее инициативе был организован Союз русских артистов во главе с ней, регулярно ставящий спектакли в Русском доме. Из ее ролей можно упомянуть игру в «Мечте любви» Косоротова. Критик, вспоминая успех этой пьесы в России, писал: «Успех этот следует отнести не за счет литературных достоинств пьесы – ими она, как, впрочем, и остальные пьесы Косоротова, не блещет. Длительные, утомительные диалоги, философские размышления не к месту и не ко времени, притянутые за уши искусственные сценические положения не служат ей к украшению. Так это выглядит теперь. В свое же время пьесы Косоротова «Весенний поток» и «Мечта любви» отвечали мятущимся «неврастеническим» настроениям умов предреволюционного периода русской жизни и оставляли неотразимое впечатление на тог-

дашнего зрителя... Т. Н. Яблоковой... досталось тяжелое наследство. Многие из присутствовавших на спектакле видели уже в этой роли прекрасных исполнительниц: Павлову, Полевицкую, Грановскую и других... Тем большая заслуга Т. Н. Яблоковой, что и в этой веренице дорогих воспоминаний она сумела отвоевать себе самостоятельное и не последнее место... спектакль подтвердил, что Т. Н. Яблокова безусловно крупная драматическая артистка, с незаурядной сценической техникой и большим чувством, способным воспринять и передать сложные душевые переживания... В игре Т. Н. Яблоковой по-прежнему видны старые лучшие традиции образцовой русской сцены»²⁵.

Надо упомянуть и автора «смешных до слез» пьес, режиссера, актера Всеволода Вячеславовича Хомицкого (05.02.1902, Санкт-Петербург – ноябрь 1980, г. Глен Кор, близ Нью-Йорка). Сценический псевдоним В. Вячеславский.

«Играл» классику, например, гимназиста Буланова в «Лесе». Его трактовка роли была отмечена одобрительной критикой²⁶.

Выступал в «модных» пьесах Николая Николаевича Евреинова «Самое Главное» (1932 г.), «Любовь под микроскопом» (1933 г.). Такие пьесы отлично принимались зрителями, но были и опасения в самой актерской среде. Так, Мария Германова в своем интервью, опубликованном в югославском журнале «Comoedia», подчеркивала, что современное театральное искусство должно ставить на первое место постановку трагедий, так как современный мир глубоко провалился в материализм, в сутолоке времени потерялась душа. Человек смотрит на оболочку и не видит сердцевины. По ее мнению, необходимо вернуться к великому, идеальному. «Искусство должно поднять всех нас, – продолжала актриса, – над буднями к идеалам вечности... Мы должны обратиться к философии и религиозности... Этому направлению лучше всего отвечает трагедия. Боль поднимает человека... она его удаляет от мелочей жизни... Поэтому наш театр дает, например, в форме трагедии "Вишневый сад", что лучше отвечает человеческому духу. Так, те стволы, падающие под ударами топора, – это не «стволы» семьи Раневской. Это «стволы» нашей России, а потом и всего остального мира»²⁷. И вероятно, совсем не случайно Германова играла Медею в одноименной трагедии Еврипида. Этот спектакль подтвердил как гениальность ее как актрисы, так и режиссера этой пьесы. «Ее «Медея», – писал очарованный игрой

Германовой критик, – плод и синтез интуитивного, сказали бы, почти религиозного, мистического переживания трагедии». Германова представила и Медею божественную, женщину мифа, взирающую сверху на людской род, и Медею в ее поражении и унижении, Медею – раненой львицей, чей каждый крик был «чистой трагикой», а каждая поза – шедевр. Успех был потрясающий с «беспримерными, бескрайними и триумфальными овациями прежде всего Германовой»²⁸.

Тем не менее театр был немыслим без смеха, без комедии, позволяющей «забывать» боль... Тот же Художественный театр в 1925 г. представил вечную «Женитьбу» с Верой Греч и Поликарпом Павловым в главных ролях. В театральном журнале «Comoedia» писали, что Подколесин в исполнении Павлова и по внешности и по жестам, со своей вечной детской улыбкой во весь рот, со всей своей восторженностью, обятиями и поцелуями в сочетании с быстрой и спонтанной конфузливостью, унынием, малодушием представляет собой одну из вершин мастерства русского великого актера. Такое же очаровательное совершенство, далее писал критик, у чертовски фарсовой Феклы в исполнении Греч – грубая, острая на язык мегера, профессиональная сваха, сплетница, продувная бестия и прочие «милые» эпитеты. Успех, с которым приняли спектакль, был невиданным. И, конечно, виновниками торжества стали Павлов и Греч, многократно выходившие на сцену под аплодисменты²⁹. Эта семейная пара великолепно отыграла и в 1936 г. на сцене театра в Скопле в пьесах «Ревизор» и «Чужой ребенок». Критик П. Митропан отмечал, что благодаря их трактовке ролей спектакль по пьесе В. Шкваркина заиграл новыми красками, появился новый ритм, стал «теплее, человечнее, убедительнее»³⁰. В Белграде, на сербской сцене, они блестательно выступили в спектакле «На дне». Велибор Глигорич подчеркивал их замечательную актерскую технику и художественную интерпретацию играемых ими ролей Василисы и Луки. Критик писал, что Павлов очаровал зрителей трактовкой Луки, который «все видит и все понимает», льет бальзам на раненые души тех, кого выбросило общество...³¹. В общем, этот отзыв довольно традиционен.

Другое дело, когда речь заходит о Василисе. Говоря об игре Греч, Глигорич сравнил ее Василису, яркую, страстную, строптивую, лукавую, с ядовитой колючкой³². Думается, что критик несколько романтизовал здесь горьковский персонаж.

Больше можно узнать о «Ревизоре», поставленном труппой МХТ в режиссуре Павлова, игравшего в этом спектакле. Сам глава труппы в своем интервью журналу «Позорище» («Театр») говорил: «М.Х.Т. два раза ставил «Ревизора» в новой режиссуре. Первый раз это было в 1907 г., когда мою сегодняшнюю роль «градоначальника» играл Станиславский. Я играл Добчинского, а Москвин Бобчинского... Помню как сейчас, как молодой актер Ракитин, который только что закончил актерскую школу, играл с энтузиазмом трактирного слугу... Второй раз «Ревизор» М.Х.Т. давал после войны в режиссуре Станиславского и Немировича-Данченко, но я уже был в эмиграции. Мою сегодняшнюю роль играл Москвин, а Хлестакова Михаил Чехов». На вопрос о сегодняшней трактовке пьесы Павлов отвечал, что нынешняя его режиссура – это «полный разрыв со старым», и его роль «полностью современна». «Я понял, – говорил актер, – что этот сюжет не имеет национальной окраски, что этот городишко из начала девятнадцатого века есть и сейчас, везде, в каждой стране света. Свою роль я стремился приблизить к общечеловеческой совести. По традиции роль градоначальника негуманна: он сердится, но после все идет гладко, а к покаянию не приходит. Для меня именно покаяние есть проблема выражения общечеловеческой совести, оно наиболее сильно акцентировано.... «Ревизор» это человеческая трагикомедия... Наш «Ревизор» можно прежде всего назвать «трагифарсом»... Мы переболели Станиславским... Создали нечто новое. Может, в этом новом есть нечто от нашей бродяжнической психологии и нашего нового опыта, может быть, чего-то, что весьма близко вам, югославянам... темп, динамика... Посмотрите только мою роль. Она, так сказать, в центре режиссуры. И эта роль представляет собой нечто совсем другое, что было раньше у моих предшественников. В традиции была «монументальность» роли. Я, вопреки этому, создаю необычно подвижного, динамичного градоначальника... У нас все кипит»³³. И 20 октября 1930 г. зрители увидели и Павлова – градоначальника, и Греч – Анну Андреевну и других русских знаменитостей.

Заслуживает, несомненно, внимания и Анна Храповицкая, будущая прима в театре Черепова. О ее выступлении в «Лесе» в «Новом времени» были такие строки: «Роль Гурмыжской исполняла г-жа Храповицкая, на редкость умная и вдумчивая артистка, с несомненным сценичес-

ким дарованием. Главнейший ее недостаток в роли Гурмыжской – ее молодость; если ее укроешь гримом, она проглянет в походке, быстроте движения, заявят о себе в голосе, промелькнет в живости глаз... Тип же Гурмыжской был понят и выявлен артисткой совершенно правильно и образно»³⁴.

Из актрис упомяну еще талантливую и яркую Лидию Холодович. Один из критиков, характеризуя ее игру в «Измаиле», автор которого М. Н. Бухарин был в свое время удостоен за эту патриотическую пьесу ордена Владимира 4-й степени, писал: «Г-жа Холодович, играя добродетельную девушку Ольгу, играла очень хорошо, но там, где роль выходила из рамок сахарной сладкой розовой водицы и требовала темперамента, у исполнительницы не хватает голосовых средств»³⁵.

Не следует забывать и еще одно имя, а именно, Виктора Эккерсдорфа, преданного сцене и с успехом выступавшего во многих спектаклях русских трупп. Но, видимо, игра его была временами неровной. О том же «Измаиле» критик писал: «Г. Эккерсдорф играл Бехтеева, прекрасная читка, отличная дикция, но мало того, что называется «нутром». А без этого победы над женщинами неубедительны даже в жизни, не то что на сцене»³⁶. Но этот упрек больше носит игривый, чем серьезный характер. Правда, отсутствие этого «нутра» критик, укрывшийся за инициалами С. О., замечал у артиста и ранее. В заметке о пьесе Ко-соротова «Мечта любви», поставленной в 1926 г. в театре «Манеж» белградским русским драматическим обществом, он низал такие строчки: «Эффектная, благодарная сценическая внешность г. Эккерсдорфа, прекрасные голосовые средства, которыми он владеет с большим мастерством – делают исполнение г. Эккерсдорфом роли Луганского безупречным в звуковом и чисто внешнем... портретном отношениях. Но г. Эккерсдорф артист холодный, безтемпераментный. Говорят, что артистическое «нутро» вещь для актера не только бесполезная, но и вредная, так как «нутро» находится в тесной зависимости от настроения, а настроение, как известно, ощущение неустойчивое, зависящее от многих приводящих причин. Но артистический «темперамент» понятие особенное, отличное от общечеловеческого понятия этого слова. Артист может не переживать изображаемого на сцене, но должен его чувствовать, понимать и передавать зрителю приемами, в совокупности своей, именуемыми сценической техникой. Несомненно, г. Эккерсдорф

артист тонко чувствующий и понимающий роль, но он больше увлечен ее внешним оформлением, нежели передачей внутреннего содержания. Таких артистов очень много, и немалое число из них, несмотря на этот существенный недостаток, стягали себе громкую известность». Но в завершение автор заметки, решив подсластить отзыв, написал, что играемая актером роль – «неблагодарная, нежизненная, ходульная»³⁷. И в итоге непонятно, в чем же можно упрекать Эккерсдорфа? В том, что он не передал «нутром» ее ходульности?

Вера в то, что Россия «выгребет», переживет Сталина, была сильна в патриотически настроенной творческой интеллигенции.

После открытия в 1933 г. Русского дома имени Императора-мученика Николая II с великолепным концертно-театральным залом там стала располагаться основная сцена для театра Черепова и Дуван-Торцова. В новом здании за первый сезон было представлено более 25 пьес (57 спектаклей). Ставилась в основном отечественная классика. 4 ноября 1933 г. в Русском доме прошел «патриотический» спектакль «Василиса Мелентьевна». Черепов – Грозный, Яблокова – Василиса, Каракаш – Андрей, Дуван-Торцов – Малюта Скуратов. Прекрасны, по отзывам прессы, были Немирова, Лидия Холодович и Волков³⁸. 19 ноября 1933 г. прошла в постановке Дуван-Торцова «Свадьба Кречинского»³⁹.

К концу 1930-х годов удалось достичь того, что премьеры в общедоступном театре шли еженедельно, чему содействовал приток новых артистов, а также приглашенных из других театров, в том числе и из других стран русского зарубежья⁴⁰.

Только одно имя.

Актриса Александринского театра Мария Андреевна Ведринская.

Сергей Городецкий в 1910 г. посвятил ей стихотворение «Ведриночка», в котором низал строчки…:

*«Я в вёдро родилась – любите, люди,
Меня, весеннюю, меня.
Я знаю сказку о веселом чуде,
О стрелке солнечного дня...»⁴¹.*

Она появилась на свет 8 августа 1877 г. в Харькове, в купеческой семье. Вхождение в мир театра связывалось с увиденной ею игрой Веры

Федоровны Комиссаржевской, ставшей ее кумиром. Первый контракт у нее был связан с Василеостровским народным театром, художественным руководителем которого был известный режиссер, драматург, актер Николай Александрович Попов, ставший позже ее мужем. Потом, в сезон 1903/1904 г., она выступала в Новом театре Л.Б. Яворской, где ее лучшей ролью стала Бьянка-Мария в «Мертвом городе» Габриэля д'Аннуцио. В этом спектакле молодая актриса, талантливо пишет Т.Д. Исмагулова, «играла здесь тему близкую себе: тоску по уходящей культуре, играла жертвенный подвиг»⁴². Осенью 1904 г. она была принята в Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской. Стоит сказать, что Мария Андреевна была той единственной, кто заменил саму Веру Федоровну в спектаклях «Дядя Ваня» Чехова и «На пути в Сион» Шолома Аша. В 1906 г. театралы увидели ее на сцене Императорского Александринского театра, куда ее пригласил новый его директор, Владимир Аркадьевич Теляковский, решивший вполне заняться вечно-болезненным вопросом о «смене поколений». Здесь снискавшая уже известность актриса работала с Марией Савиной, Владимиром Давыдовым, Константином Варламовым, имена которых не требуют комментариев.

Назову еще одно имя – Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Именно в его постановке «Шут Тантрис» Э. Хардта она сыграла центральную роль Изольды. Позже о Ведринской напишут: «М.А. Ведринская – безукоризненная Изольда, полная чарующей женственности, героиня с нежной, печально-надломленной душой. Ее образ кажется истинным воплощением вечной мечты человечества о любви...»⁴³ Нельзя не обойти и участие «королевы голоса» в пьесе К.Р. «Царь Иудейский», в котором она в 1914 г. успешно сыграла Иоанну.

Присутствовавший 9 января в театре царь Николай II записал в своем дневнике: «В 7 ½ поехал в город прямо в Эрмитаж. Шла драма Кости «Царь Иудейский». Впечатление она производит потрясающее. Постановка редкая по красоте...»⁴⁴ Потом были еще роли в самых различных пьесах – от Бьянки во «Флорентийской трагедии» Уайльда до Наташи в горьковском «На дне». После революции обстановка в театре для «Ведриночек» стала тяжелой, возник конфликт с возглавившим Александринский театр Ю. Юрьевым, давно не ладившим с ней. Совет дирекции был благожелателен и мудр: уехать в Ригу, на сезон. А, по сути, в эмиграцию и не на один сезон. Почти четверть века она выступала вне

России. И почти все эти годы выступала на сценах – от Парижа до Гельсингфорса, где ее именем была названа драматическая студия, которой она руководила некоторое время. Работала вместе с прославленными мхатовскими актерами В. Греч и П. Павловым на сцене Русского театра в Белграде. О ее игре великолепно написал А. Пенердж в парижско-русских «Числах» (1932, № 6): «Узор ее рисунка всегда четок, воздушен, немного оторван от жизни, она летит по ней, зная ее, и всегда стремясь оторваться в легкую даль»⁴⁵. Ее имя помнят и в Любляне, где действовала своя русская любительская труппа. Вместе с Павлом Богаевским они сыграли немалую роль в успехе любительских спектаклей, игравшихся на сцене зала отеля «Тиволи»⁴⁶.

С мая 1935 г. Мария Андреевна обосновалась в столице Королевства Югославии. Играла в антрепризе у Жукова, а также у Павлова и Греч. В 1935 г. Ведринская поставила у Черепова обошедшую до революции все театральные сцены России пьесу Анри Батая «Обнаженная».

В январе 1937 г. она сыграла на сцене Русского дома у Ракитина в «Сестре Беатрисе» Метерлинка. В 1939 г. вернулась в рижский театр Русской драмы⁴⁷. После войны Мария Андреевна, член рериховского Духовно-философского общества, выехала в Чехословакию, потом в Германию, где скончалась в 1948 г.

В Сараеве в 1920-х гг. своей игрой выделялась Мария Жегалова, до революции игравшая в одном из драматических театров Петербурга. Сохранились сведения, что она с большим успехом гастролировала в Белграде в роли Катерины в «Грозе» Островского и в роли Катюши Масловой в «Воскресении» Толстого. Однако свою актерскую жизнь она по прошествии нескольких лет оставила, предпочтя тихое семейное бытие⁴⁸.

Далее. Русских артистов и артисток в Югославии можно условно разделить на две группы: игравших в русских театрах и выступавших в спектаклях, поставленных на государственной сцене, и участников «бродячих» театров. Во вторую группу можно смело включить воспитанницу Мариинского Донского девичьего института (г. Белая Церковь) Ирину Петровну Астрову (урожд. Астресова) (23.XII.1909, Владивосток – 1958, Шибеник). Вначале выступала в Белградской оперетте (1929 г.), потом были «путешествующие» труппы по городам и весям Королевства, сцены в Нови-Саде, Сараеве, Скопле, Баня Луке,

Задаре, Риеке, Осиеке, Цетинье и других городах. Где-то задерживалась надолго. Так, в Сараеве играла три сезона (1932–1934 гг.), выступая в легких жанрах – оперетте, комедии. Участвовала в постановках авторов национальных пьес. С 15 февраля 1941 г. обосновалась в Загребе. С мая 1944 г. стала играть в театральной труппе Х корпуса Народно-освободительной армии Югославии⁴⁹. Из профессиональных актрис назову упоминавшуюся здесь Лидию Мансвестову, которая после Белграда выступала с 1921 г. по 1923 г. на сцене Народного театра в столице Хорватии и одновременно преподавала в Загребской государственной школе актера⁵⁰.

А в завершение – о замечательной артистке Татьяне Львовне Лукьяновой (6.XI.1923, Белград – 18.VIII.2003, там же), о которой в 2008 г. хранитель музея театрального искусства Сербии Мирияна Одович написала замечательную книгу, откуда я и почерпнул необходимые сведения.

По матери Татьяна, «легенда белградского и сербского театрального мира», была сербкой, по отцу русской. Она так говорила о себе: «От матери я унаследовала Сербию, Россия мое отчество, но Сербия моя родина»⁵¹.

С раннего детства ее водили на концерты и спектакли. В шесть лет она стала ходить в балетную школу к Вере Чалеевой-Гортынской. Ее выступления на сцене были замечены критикой, многие предрекали Татьяне блестящее будущее. Лукьянова сама говорила, что балет был ее первой любовью. Но в переходном возрасте из-за некоторых проблем с сердцем врачи запретили ей танцевать. Утешение Татьяна попробовала найти в декламации. В 1942 г., услышавший ее выступление знаменитый оперный певец Юренев, отвел ее к Вере Греч, дававшей уроки актерского мастерства. С этого времени и началось вхождение Татьяны Лукьяновой в мир театра. После окончания войны она продолжила обучение у таких мастеров, как Раша Плаович, Мата Милошевич, Страхиња Петрович, Сретен Марић, Милан Богданович. Уже за время учебы она стала выступать в Народном театре, набирая на практике необходимый опыт. В 1947 г. вошла в труппу Белградского драматического театра, в котором сыграла свыше сотни ролей⁵². Среди них были: Анна Павловна из пьесы А. Н. Островского «Доходное место», госпожа Форсайт в драме А. Миллера «Смерть коммивояжера», Рут в комедии

Нормана Красна «Дорогая Рут», Адель в пьесе Федерико Гарсиа Лорки «Дом Бернардо Альбы». Одной из самых дорогих для нее ролей стала роль Лоры Уингфилд в «Стеклянном зверинце» Теннеси Уильямса. Ее изумительное вживление в мир девушки-инвалида было отмечено критикой, давшей высочайшую оценку игре актрисы. Около 150 ролей сыграла Татьяна Лукьянова в театрах, кино, на радио и телевидении⁵³. Ее талант отмечен почти двумя десятками наград и премий, среди которых и Орден за заслуги перед народом с серебряной звездой. И еще небольшое добавление: после ухода актрисы из жизни ее Белградский драматический театр учредил как знак признательности своей «иконе» ежегодную награду за лучшую роль, названную «Гран-при Татьяна Лукьянова»⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новое время. 1926. 10. 10. № 1635. С. 3.

² Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 10.

³ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 151.

⁴ Новое время. 1921. 14. 05. № 17. С. 3.

⁵ Музей позоришне уметности Србије.

⁶ Театрал. Русское искусство в Королевстве С. Х. С. // Призыв (Белград). 1926. № 4. Июль. С. 41.

⁷ Comoedia № 3. 21. X. 1925. С. 27.

⁸ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 151.

⁹ Новое время. 1928. 01. 12. № 2276. С. 4.

¹⁰ Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 55.

¹¹ Архив А. Ф. Черепова// Музей позоришне уметности Србије; Марковић О., Чолић Д. Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. В 2-х т. Београд, 1994. Т. II. С. 130—131.

¹² Марковић О., Чолић Д. Указ. соч. С. 131.

¹³ Архив А. Ф. Черепова//Музей позоришне уметности Србије.

¹⁴ Новое время. 1929. 07. 06. № 2429. С. 3.

- ¹⁵ Музеј позоришне уметности Србије.
- ¹⁶ Миклашевский О. Русский общедоступный театр в Белграде // Новое Русское Слово. 1982. 18. 05.
- ¹⁷ Архив А. Ф. Черепова// Музеј позоришне уметности Србије.
- ¹⁸ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 171—172.
- ¹⁹ Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I Скопље. Нови Сад, 2005. Т. 1. С. 164; Т. 2. С. 831.
- ²⁰ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 149.
- ²¹ Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар I Скопље. Нови Сад, 2005. Т. 1. С. 164, 174, 180.
- ²² Там же. С. 164.
- ²³ Там же. С. 164, 175.
- ²⁴ Там же. С. 236.
- ²⁵ Новое время. 1925. 25. 11. № 1674// Музеј позоришне уметности Србије.
- ²⁶ Там же. 1927. 20. 2. № 1742//Музеј позоришне уметности Србије.
- ²⁷ Comoedia. № 24. 1924. 15. 6. С. 13.
- ²⁸ Там же. № 34. 1925. 19. 4. С. 5, 6.
- ²⁹ Там же. С. 2, 3.
- ³⁰ Јовановић З. Т. Народно позориште Краљ Александар. Т. 2. С. 572.
- ³¹ Музеј позоришне уметности Србије.
- ³² Там же.
- ³³ Позориште. 20. 10. 1930. С. 3// Музеј позоришне уметности Србије.
- ³⁴ Новое время 1927. 20. 2. № 1742//Музеј позоришне уметности Србије.
- ³⁵ Там же. 1926. 26. 12. № 1699 // Музеј позоришне уметности Србије.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. 25. 11. № 1674 // Музеј позоришне уметности Србије.
- ³⁸ Там же. 1933. 12. 11. № 370. С. 3.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Арсеньев А. Б. Русские театральные труппы в Белграде (1921—1944 гг.) (Рукопись).
- ⁴¹ Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 263.
- ⁴² Исмагулова Т. Д. «Символ гонимой русской судьбы...» Актриса Мария Ведринская // Берега. 2003. Вып. 2. С. 14
- ⁴³ Цит. по: там же. С. 15.
- ⁴⁴ Цит. по: там же. С. 16.

⁴⁵ Цит. по: там же. С. 18.

⁴⁶ *Pulko R. Puska emigracija na slovenskem 1921–1941.* Logatec, 2004. S. 45.

⁴⁷ Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 / Публ., вступ. ст. и примеч. В. В. Иванова // Мнемозина Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. С. 561; *Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944.* Београд, 2003. С. 356.

⁴⁸ *Beloemigracija u Jugoslaviji//Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republički secretariat za notranje zadele. A. Š. 1053//S. 197.* Опубл.

⁴⁹ *Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije.* S. 126.

⁵⁰ Там же. С. 151.

⁵¹ *Одавић M. Татјана Лукјанова. Љубав према игрању и непрекидност игре стварња.* Београд, 2008. С. 7.

⁵² Там же. С. 8, 9.

⁵³ Там же. С. 52-59.

⁵⁴ Там же. С. 48.

Е.Ю. Гуськова

СУДЬБА МАКЕДОНЦЕВ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕПРЕССИЯХ ПОСЛЕ КОНФЛИКТА СТАЛИН – ТИТО

Конфликт 1948 г. не только нанес серьезный урон советско-югославским отношениям, но и отразился на внутриполитической ситуации в Югославии. Перестраиваться приходилось, условно говоря, за одну ночь. Каждый гражданин большой и многонациональной Югославии должен был для себя решить, за кого он: за Тито или за Сталина. Отвечать на этот вопрос было трудно, ведь Сталин был символом победы над фашизмом и крепкой боевой дружбы, а И. Броз Тито – вождем всех югославских народов. Суть конфликта была непонятна обычному человеку. Когда пришлось все-таки отвечать на этот вопрос, многие отвечали: за Россию. Такой ответ не устраивал руководство Югославии, и люди оказывались за решеткой. Колесо репрессивного механизма заработало с необычайной быстротой, так как стойкие люди и несгибаемые коммунисты не хотели менять своих убеждений. Число арестованных росло, что вызвало создание целой системы концентрационных лагерей.

Архивы хранят большое количество документов о репрессиях 1948 г. научные исследования уже проведены в Хорватии, Черногории, Сербии, Македонии, однако еще многие факты и данные ученым предстоит уточнить.

По некоторым данным, в период с 1948 по 1952 г. последователей Информбюро (ИБ) всего было арестовано 55 663 человек¹. Цифра очень большая, она показывает, что в то время арестовывали всех подряд – тех, в ком сомневались, на кого писали доносы, кто даже потенциально мог поддержать решения ИБ. В этом списке первое место уверенно заняла Сербия – 28661 человек (более 50% от общего количества), затем Хорватия – 6953, Воеводина – 5389².

Однако арестовано и подвергнуто наказанию было значительно меньшее число людей – 16731 человек. Из них сербов – 7235 человек

или 43,2%, черногорцев – 3439 или 20,5%, хорватов – 2588 или 15,5%, македонцев – 883 или 5,2%. Однако, если посмотреть на долю арестованных относительно численности населения республик, то окажется, что первое место занимают черногорцы – 0,73%, затем национальные меньшинства – болгары (0,4%), итальянцы (0,16%), а уж потом сербы (0,1), македонцы (0,09%) и хорваты (0,06%)³.

Из этой цифры – 16694 человек – 11694 были изолированы от общества – помещены в тюрьмы и сосланы в лагеря⁴. О Голи-Отоke в Югославии знали все. Те, кто выжил, обычно говорили: «То, что мы пережили в те годы во время арестов и в тех лагерях, это самое страшное, что может человек испытать в своей жизни»⁵. Действительно, «система перевоспитания», применявшаяся в лагерях, была системой изощренных пыток и издевательств над личностями, пережить которые было очень трудно.

В Македонском государственном архиве мы нашли интересный документ, датированный 29 января 1964 г. Он представляет собой информацию Комитета национальной безопасности Македонии о положении бывших приверженцев ИБ⁶. По запросу Союзного секретариата внутренних дел в Македонии исследовали этот вопрос и пришли к выводу, что «большая часть людей из этой группы полностью порвала со старыми делами. Процесс дифференциации, который еще продолжается, указывает на тот факт, что эта категория постепенно перестает быть потенциальной силой реакции».

Этот документ приводит конкретную цифру тех, кого считали информбюровцами. Таковых в Македонии было 2604 человека. По степени проявленной активности они были разбиты на 4 категории. Кроме того, в документе дается подробная характеристика этих людей по профессии, образованию, членству в партии.

Среди тех, кто высказался в 1948 г. за Сталина (или считался таковым), было 1249 служащих, 287 рабочих, 184 военных, 187 студентов, 167 крестьян, 158 ремесленников, 76 сотрудников Управления внутренней безопасности, 69 человек из сферы искусства, 61 школьник, 18 профессиональных партийцев и т.д., а 147 человек занимали какую-нибудь партийную должность. Из всех перечисленных 176 человек имели высшее образование.

Из общего числа приверженцев ИБ 1190 были участниками войны, из которых 220 человек воевали с 1941 г., 67 человек были награждены медалью «В память 1941 г.».

В отношении людей, которых отнесли к группе приверженцев Информбюро, были применены следующие меры наказания: дела 90 человек слушали гражданские, а 124 – военные суды, 546 приговорены к общественно-полезным работам, отпущены на свободу 448 человек, уволены с работы, но не арестованы – 26. Были и такие (301 коммунист), к которым применялось не уголовное наказание, а партийное. Военных чаще выгоняли из армии (21 человек), хотя 6 человек были все-таки отправлены на пенсию. Эти цифры намного меньше общего количества арестованных офицеров (184 человека), поэтому, вероятно, остальных постигла участь тех, кто отбывал наказание на Голи-Отоке.

Анализ проводился по прошествии 17 лет после применения наказания или вынесения приговора, поэтому важно посмотреть, как сложилась судьба осужденных в эти годы, тем более что середина 60-х годов – это время начала появления либерализма в Югославии, причем, в каждой республике он имел свои особенности.

Компетентные органы констатировали, что в Македонии «большое число их включилось в нашу общественную жизнь» и «относительно небольшое число является экстремистскими вражескими элементами». Только в СКЮ повторно приняты 492 человека, в то время как число тех, кто активно включен в общественно-политические организации и различные объединения, существенно больше. Значительная часть еще не является членами СКЮ по причине, что воздерживаются написать заявление о приеме, т.к. боятся, что им откажут, поскольку некоторые первичные организации СКЮ проявляют преувеличенный скепсис и недоверие к ним. «Замечено, – отмечается в документе, – что такое недоверие все еще часто проявляется, будучи одной из причин отказа в приеме в партию позитивных людей из этой среды. Также имели место случаи отказа на предложение о приеме в СКЮ отдельных людей, которые своим поведением и активностью заслуживают быть членом СКЮ».

В документе утверждается, что в отношении бывших сторонников ИБ не проявлялось никаких других ограничений прав, хотя по воспоминаниям выживших голооточан в других республиках мы знаем, как тяжело им было устроиться в жизни после окончания срока наказания. В Македонии же из 2604 бывших информбюровцев только 16 не имели работу, а 2349 получили работу, как утверждалось, которая соответство-

вала их образованию и квалификации. Чувство недоумения у авторов информации вызывает тот факт, что достаточное количество сторонников ИБ претендовали на более высокие места, чем они имели до ареста. Приводится пример, что среди арестованных было 5 адвокатов, а теперь уже насчитывается 10 адвокатов и 28 судей, журналистов было 19, а стало 29. Кроме того, 215 человек получили новые квартиры, и только 17 человек нуждаются в улучшении жилья.

Бывшие информбюровцы не ограничивались и в выезде за рубеж, отмечается в документе. 480 человек обратились с просьбой о выезде за границу, из них 444 паспорта получили, и только 36-ти в просьбе отказано.

Вот такая почти идеальная картина представлена в Белград Македонией. Думается, что пришло время комплексно исследовать тему Голи-Отока и других лагерей на территории Югославии в 1948-1952 гг. на архивных материалах всех республик бывшей Югославии. Что касается македонцев, необходимо внимательно изучить судьбы этих людей, т.к. в документе обнаруживаются неточности и, в лучшем случае, недомолвки.

Например, в одном из самых суровых лагерей – «Р-101» Петрова-Рупа – или «лагере в лагере» на Голом Оттоке для самых несгибаемых партийных кадров и военных самого высокого звания мы находим и македонцев. Из 128 осужденных, которые были в этой «рупе»⁷ с 1948 по 1954 г. было 6 македонцев, среди которых и не упоминавшиеся в выше рассмотренном документе судьи и прокурор.

1. Трайче Мишковски – воевал в Испании, майор, революционер с довоенным стажем, заместитель председателя Союза профсоюзов Македонии.

2. Димче Хаджимитревски – военно-партийный руководитель, прокурор из Скопья.

3. Петар Пецо Филиповски – судья.

4. Драгиша Урдаревски – студент.

5. Любен Цветков – государственный чиновник.

6. Илия Митревски – судья Верховного суда Македонии.

Это, по терминологии Голи-Отока, «трудная и неисправимая банда». А на самом деле – стойкие люди и отважные патриоты. Их имена надо восстановить в истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Marković D.* Josip Broz i Goli Otok. Beograd: Beseda, 1990. S. 23.

² *Jandrić B.* Nacionalna i socijalna struktura ibeovaca iz Hrvatske na Golom otoku u razdoblju 1949. – 1952. // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1993. Br. 2-3. S. 193.

³ *Marković D.* Op. cit. S. 24-25.

⁴ *Ibid.* S. 25.

⁵ *Стојановић M.* Антологија голоотачке мисли и ријечи. Београд: Стручна књига, 1996. S. 459.

⁶ Архив на Македонија. Ф. 427 ЦК на КПМ/СКМ (1945-1990). Кн. 101. Кут. 13. С. 182-185.

⁷ Рупа – яма.

В.И. Шеремет, Л.В. Зеленина

ТОЛЬКО ЯНЫЧАР ОСТАНОВИТ АССАСИНА (ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА «ТЕНЬ ЗА ТРОНОМ»)

– У Него, у Аль-Муаххира, Отодвигающего, давно заготовлен ферман, меня к Нему призывающий. Каждую ночь жду вестника смерти. Да-да, не тряси бородой, мой Селим. Это предрешено. И ты, мой наследник, это понимаешь, и дворец это знает. И базар тоже. Все знают. Чёрный Янтарь, наша красавица-демон, приходит ко мне и сидит так смиро-смирно, а в глазищах один вопрос – когда? Она надеется, что Он, Аш-Шахид, Свидетельствующий, задержит меня на мосту правоверных. Не будет мне тогда места ни в раю, ни в аду. Она журчит. Я молчу. Потом она разносит по всему Топкапу слухи о моей слабости.

Султан помолчал, покряхтел, растер ноющий правый бок.

– Мне многоного не говорят. Молчи, племянник, ты тоже часто лукавишь. Впрочем, кое-что и мне становится известно. Возможно, это наша последняя встреча. По крайней мере, на этом свете, мой Селим. И я и призвал тебя в неурочный час, когда правоверные укрыты пологом исцеляющего сна, а нечестивцев терзают демоны бесконницы...

Падишах был лицом жёлт. Иссохшие руки нервно теребили жемчужные, ставшие слишком тяжелыми для него, чётки. Не слишком густая и раньше борода поредела так, что был виден заострившийся подбородок. Серые губы с трудом выталкивали слова. Большие, не так давно выразительные глаза затуманились и лихорадочно блестели. Абдул Хамид I, султан и халиф, то есть в одном лице владыка светский и духовный, повелитель великой империи, сейчас изнемогавшей от внутреннего нестроения и тягот непосильной для ослабленного государства войны с Россией и Австрией, был человеком мужественным и достаточно трезвым, чтобы понимать свою личную судьбу. Впрочем, и отвечать за будущее крупнейшего в мире исламского государства.

Не перед людьми – своими подданными на трех континентах, обшим числом до тридцати миллионов человек. Но за них, «пасомое стадо», перед Тем, чьей тенью на земле осознавал себя Абдул Хамид I как глава всех суннитов мира.

Абдул Хамид I любил повторять слова пророка Мухаммада: «Никакой правитель, который правит подданными и умирает, предав их, не войдет в рай, ибо Аллах запретит ему».

Последний и, несомненно, очень любимый сын Абдул Хамида I от Эме де Ривери, Прекраснейшей наших «Хроник», ставший султаном в 1808 году под именем Махмуда II, как мы уже говорили, был изумительным каллиграфом, широко известным переписчиком Корана. Он свято хранил любовно выполненную рукой слабевшего отца надпись – слова Мухаммада, записанные еще при жизни пророка:

*«Истинно, что правитель
есть тень Аллаха на земле.
Слуги Божьи, которые обижены,
прибегают к нему.
Когда правитель творит суд праведный,
то вознаграждаем он Аллахом,
и благодарение нисходит на подданных
такого владыки.
Но если деспот он, то падет на него грех.
Подданным остается только
быть терпеливыми и стойкими».*

Конечно, не раз повторявшиеся Абдул Хамидом на Августейшем Диване, *Диван-и Хумайюн*, слова пророка, что жестокий правитель есть худший из правителей, и что тиран никогда в рай не войдёт, были скорее фигурами речи, к которым султан прибегал с изяществом и лёгкостью. Среди османских султанов за семь веков косноязычных и слабо образованных почти не встречалось. Абдул Хамид умел и поговорить красиво, и сладковзвучную касыду по случаю сложить... Всё в прошлом.

Истекал четырнадцатый год его правления и шестьдесят восьмой год земного бытия. Тогда-то и призвал к себе наследника престола Абдул Хамид, грешный человек. Далеко не безупречный правитель (вко-

нец при нем разнудались мамлюки в Египте, ваххабиты в Аравии) и уж совсем слабый воитель (ни одной достойной сказителей в кофейнях Каира, Измира и Багдада не одержал он победы).

Разговор получился долгий и трудный, как путь каравана на Великом Шёлковом пути. Они молились, умолкали, снова говорили...

Примерно в 1805–1806 годах, когда мрачные тучи балканских восстаний всё чаще перемежались молниями очередных неудачных войн Селима III, он, султан-преобразователь, поведал об этой ночи прощания возмужавшему Махмуду, которого исподволь готовил в наследники. На трон величия и на муки реформаторства в империи Османов. Став в 1808 году султаном, Махмуд II что-то записал, что-то продиктовал векам и новисам, придворным хронистам.

В ту ночь середины декабря 1788 года верный Сайд-бей, чорбаджи янычар, один, так потребовал султан, сопровождал Селима в покой падишаха: прислуживал и сторожил. К исходу правления Махмуда II, примерно в 1837–1838 годах, Сайд-бей, к тому времени весьма почтенный старец и ветеран военных реформ *низам-и джедида*, уважаемый содержатель прибыльной кофейни с подачей несложных блюд османской кухни, охотно делился воспоминаниями с... русскими. С офицерами из службы военного агента, или военного атташе, русского посольства в Стамбуле. Людьмиуважительными, знавшими язык «османлыджа» почти как природные османы, своей принадлежности к военному департаменту отнюдь не скрывавшими. Они всячески подчеркивали, что было истинной правдой: Россия в 1833 году спасла трон Махмуда II от египетского вторжения, заключила военный договор с турками.

Общая задача русских и турок, в чём соглашались старый янычар и русские разведчики, состояла в том, чтобы не дать англичанам и французам пролезть через Босфор и Дарданеллы в Чёрное море.

У Сайд-бея были благодарные слушатели. Сухонькая старушка Дорри-баих готовила сама. Пили из пиал...

Мне же, о читатель, оставалось «только» полистать труды османских летописцев да осилить русские дешифранты.

Сложить. Поразмыслить. Воссоздать.

А кофейня-то, между прочим, стоит всё там же, в Стамбуле. Хвала Аль-Хафизу, оберегающему память нашу о деяниях предков.

— Помни, мой Селим, печаль моя и радость, ты уже не шахзаде, вас ведь трое — «принцев», как говорят франки. Пока трое... Но только ты, Селим, прямой и единственный наследник Высокого престола по закону и по моей личной воле. Ты — велихт! По-западному это как, кронпринц? Не тень за троном Османов, а воплощение нашей мощи и силы в течение песком истекших пяти веков, да убоятся меча Фатиха враги наши!

— Мой хан, — деликатно прокашлялся Селим и постарался дать отдохнуть явно изнемогавшему от напряжения долгих речей султану, — дядюшка, свет моей души, позволь сказать?

На «дядюшке» султан аж бородёнкой взмахнул. Глянул с изумлением.

Селим нарушил вековую османскую заповедь: речь падищаха может прервать лишь архангел Джебраил или появление вражеских кораблей на Босфоре. А таковых событий явно не наблюдалось.

Обращение домашнее, родственное, практически невозможное при чопорном османском дворе, растрогало доброго старика, каким, в сущности, и был Абдул Хамид I.

Султан хмыкнул, обмяк, довольный и почти благостный. Он действительно любил этого сильного, энергичного чернобородого красавца. Очередной раз порадовался, что сохранил ему жизнь тогда, в 1774 году, когда взошёл на трон и многие шептали ему в уши: «Удави, удави поскорее старшего сына усопшего брата, а то взрастишь — не заметишь угрозу себе и своим сыновьям. Удави...»

Нет, не заговорами и интригами, а опорой трону и единомыслием с не слишком энергичным Абдул Хамидом I стал славен Селим. Вот уж кто не познал истощающего душу, иссушающего мозг многолетнего, как было с Абдул Хамидом при жестоком брате Мустафе III, пребывания в «кафесе», Клетке — домашнем заточении османских принцев крови. Десятилетиями принцы-шахзаде, бывало, ждали, что из мрачной тени дворцового айвана появится то ли палач-дильсиз с удавкой, то ли везир с призывом на трон...

Случалось и так, что тень поглощала принцев безвестными...

— Я стал немощен телом, но разум мой ещё светел. Говори, мой йеген! — произнес султан, и сам удивился, как легко ему далось простое и родное слово — племянник.

Селим верно уловил благожелательный настрой капризного, как все «ожёлчные», то есть с большой печенью люди, султана-дяди. Расслабиться, однако, себе не позволил. Благоговейно поцеловал, скорее, коснулся усами и бородой дядюшкой туфли, по ласковому мановению сухонькой руки припал к султанскому плечу и, уж совсем растроганный неслыханной милостью, поцеловал воздух у самой щеки падишаха. Пахло лавандой и... вечностью.

– Я всегда помню, о мой *дайим*, мой дядя-покровитель, что Аллах сотворил смерть и жизнь для того, чтобы испытать, кто будет лучшим в делах и поступках.

Селим деликатно употребил термин «*дайи*», дядя, со смыслом «благодетель и покровитель», что у османов употреблялось в отношении родства по материнской линии. Он должен был бы сказать, имея в виду родство по отцу, – «*амджса*», но это прозвучало бы более отстранённо. Лукав был будущий султан!

– Именем Печати пророков Мухаммада, да будет им доволен Все-вышний, клянусь идти твоим путем в делах войны и мира, защиты земель ислама и управления Благословенным Пределом...

– Хорошо, верю. Я всегда в тебя верил. Ты не совершишь, надеюсь, сразу четыре великих греха¹. Поговорим о главном, на что достанет сил: реформы, долгая, слишком долгая война с проклятой ещё Сулейманом Кануни, мир ему, лукавой Веной.

Голос султана на последних словах дрогнул. Слеза скатилась по пергаментной щеке. Промокнул синим шёлковым платком, тем, которым султан возносит к счастью выбора кого-то из одалисок. Заметил, что Селим быстро отвёл глаза. Чуть улыбнулся.

– Так... Держу, сам не знаю для чего... Не нужно мне это. Возьми их всех себе, если хочешь. Лучше распусти по домам. Или раздай замуж с богатым приданым.

– Исполню, мой хан.

Так и продолжали, порой прерываясь. О самом главном: о детях, о наследниках – правителях Дома Османов в грядущем XIX веке.

¹ Согласно хадисам, пророк Мухаммад говорил, что самые страшные грехи – это почитание иных богов наравне с Аллахом, неповинование родителям, лишение человека жизни по произволу и лживая клятва

— Помни, юнкер, когда опояшешься мечом Мехмеда Фатиха, покорителя Константинополя, и обретешь власть над жизнью и смертью любого османа, сбереги и Мустафу, и Махмуда. Обоих! Знаю, ты любишь сына нашего от французской женщины. Хорошо! Поднимай его, учи. Береги его мать, она стала моим тёплым лучом предзакатного солнца. Ведь и сама-то она с Запада, куда уходит свет моей жизни. — Продолжал окрепшим голосом:

— Коварен и жесток Мустафа. А вот мать Мустафы ни в перо своего калема, как она ни умна, ни в рукоять кинжала, хотя за ней стоят куды, и ни в ручку опахала, пусть даже она умеет обустроить сераль — не вздумай взять. Айше не Чёрный Янтарь, а чёрный огонь. Спалит, не уследишь. Великую радость давало мне её тело, но душа её...

— Понимаю, дядюшка. Кротость и осмотрительность, которые приветствовал в мусульманке наш пророк, — не те черты, коими славится Айше-султан. Нет у меня своих детей, твоих буду беречь, Священным Кораном клянусь. Давай поговорим о войне и о реформах.

* * *

Разговор о войне получился гораздо более трудным, чем о будущем принцев. Селиму было, например, весьма непросто объяснить султану поражения флота. Как получилось, что прославленный герой («гази») морских походов Джезаирлы Хасан-паша, по его, Селима, рекомендации возглавивший мощную, более двухсот орудий только на линейных кораблях, эскадру, под Очаковом был разбит. Причем терпел поражение за поражением от гребных и маломерных русских судов в течение всего лета 1788 года.

— Что у меня есть? — спросил султан, жёстко глянув в глаза Селиму. — Где флот и где командиры?

Пришлось сказать, наконец, правду. Гази Хасан-паша к осени потерял из пятидесяти двух крупных кораблей пятнадцать и ещё полсотни мелких судов. Остатки флота в октябре увёл на зимовку в Варну. Очаков, или Ози, как писал А.В. Суворов, щеголяя «знаниями по-турецки», остался без прикрытия с моря.

— Что наш капудан-паша? — раздраженно осведомился султан. — Аллах наказал его?

— Мой хан, — ответил Селим. — Хасан-паша с саблей в руке трижды отбивал абордажные атаки неверных. Когда его флагманский корабль сел на мель под Очаковом, его люди из бортовых пушек расстреливали долго, как могли, береговые батареи Топал-паши и вознесли многих. Жаль, не его самого, хромого врага правоверных. Гази Хасан-паша свой флагманский корабль взорвал, кто уцелел — по лодкам, а сам сел на весла и на малом кайике ушёл от погони. Капитан флагмана Ибрагим-паша в бою потерял от взрыва обе ноги. С мостика не дал себя унести. Люди видели: молился, пока корабль не раскололся и под воду не ушёл. Двое сыновей Ибрагим-паши — совсем юнцы — были с отцом до конца. Их вытащили из воды подоспевшие русские.

— Почему? Что происходит? — горестно воскликнул султан. — Мой флот — сильнейший в мире. Османы знают про Южный континент иходят в страны Чин и Ниппон! Почтенный ходжа Пири Реис своими картами имел несчастье открыть Великий океан Колумбу и Магеллану!

— Мой падишах, мой обожаемый дядюшка, вся наша слава в прошлом. Наши корабли большие, но старые и неуклюжие. Правоверных не хватает для полных экипажей, набираем кое-как морейских греков, а они бегут либо к греческим пиратам, либо к русским войскам при первой возможности. Реформы нужны...

— Убей нечестивых предателей! — взвизгнул и зашёлся в кашле Абдул Хамид.

— Так, мой хан, так и сделал Гази Хасан. Он расстреливал картечью из бортовых пушек те гребные галеры и фелуки, команды которых из греков и других христиан пытались выйти из боя с русскими. Все вышний видел и свидетельствовал, что Гази Хасану это не помогло.

Султан удручённо молчал. Селим возвысил голос:

— Повелитель! Турецкие экипажи не бегут, в плен не сдаются. Русские сжигают их вместе — и корабли, и команду.

«У турок, — писал А. В. Суворов будущему устроителю Одессы генералу И. М. де Рибасу 26 июня 1788 года, — храбрость без удержу, да ни осторожности, ни умения». 20 июня 1788 года в письме Г.А. Потёмкину Суворов сообщал: «Варварские [османские] корабли в море грубы, людей на них мало, [турки] смешаны с невольными христианами [служащими Высокой Порте по принуждению] и больные».

Суворов также извещал Потёмкина, что восемьдесят четыре пленных грека и армянина – моряки – были готовы перейти на русскую морскую службу. И перешли.

Очевидно, о читатель, что радостное возбуждение А.В. Суворова и горечь поражения, испытываемая велиахтом Селимом, не мешали обоим видеть истинную суть событий – флот османов был в упадке.

Любопытно, что найти у Г.А. Потёмкина ликующие, на манер суворовских, оценки очевидных побед молодого Черноморского флота над опытнейшими османскими «мужами моря» не удалось. Потёмкин смотрел дальше. Отвечая А.В. Суворову, светлейший писал: «Мой друг сердечный, любезный друг! Лодки [гребные русские суда] бывают корабли, и пушки заграждают течение рек. Христос среди нас. Боже, дай мне тебя найти в Очакове. Поптайся с ними [пленными турецкими командирами] переговорить, обещай моим именем цельность имения, и жён, и детей...».

Судя по тому, что по приказу Хюсейн-паши, очаковского мухафыза – военного коменданта, дети, ценности и женщины (те из них, кто решился оставить своих сражавшихся мужей) были перевезены из Очакова на безопасный о. Березань и «уrona никак и ни в чём не потерпели», А.В. Суворов пожелание Потёмкина исправно выполнил. Потом в Петербурге долго охал: «Чужие гаремы стеречь, вот уж была докука. Лучше мне ещё рану».

– Почему же пал Очаков? Не ты ли, Селим, уверял меня, что его наилучшим образом укрепили франки – военные инженеры, и что Ози – оплот османов на Чёрном море и жемчужина моей души – любую осаду выдержит?

Султан в сердцах ударил личной, вырезанной из цельного изумруда печатью с тугрой по черепаховой столешнице².

Селиму пришлось ещё раз повторить добившую больного султана весть. Да, неприступный Очаков пал после полугодовой плотной осады. Искусство русских было выше, пушки лучше. Героизма, мужества и твёрдости до ожесточённости, скорее всего – поровну.

² Эту печать – драгоценность музея современного Стамбула «Топкапы» – с чуть заметным сколом можно лицезреть и сейчас, как отзвук падения турецкого Очакова 6 декабря 1788 года

При Ставке светлейшего князя Потёмкина служил и участвовал во взятии Очакова французский волонтер граф Роже де Дама – молодой человек, 23-24 лет от роду. Он оставил любопытные записки об этом периоде своей жизни.

Он отметил, во-первых, небывалые для черноморских берегов холода, до 24-25 градусов мороза. Во-вторых, голод в крепости и отсутствие у турок тёплой одежды (пополнение в гарнизон Хасан-паша привез из Анатолии без запаса амуниции и провианта в сентябре-октябре. – Авт.). И, наконец, отчаянное сопротивление турецкого гарнизона. «Проходя через свод [крепостных ворот], – писал Роже де Дама (почти сверстник нашего героя Исхак-бея, или Анри Жан-Поля де Рутильера), – наступая с трупа на труп, левая нога моя попала в промежуток глубиною в три или четыре трупа. Четвёртый человек [турок], лежавший на самом низу и уже умиравший, схватил меня зубами за сухую ахиллесову жилу и вырвал кусок сапога и чулка...»

Всего при взятии Очакова погибло около 10 тысяч турок и до 1000 русских.

– Что мухафыз крепости? – заметно теряя интерес, спросил султан. – Почему его голова на блюде не устрашает других слабых вояк моего Высокого Порога?

– Трёхбунчужный Хюсейн-паша при штурме крепости дрался как простой янычар. Потерял в бою свою чалму с алмазами и пером цапли. Люди Потёмки-паша три дня обыскивали город. Нашли, вручили Хюсейн-паше. Он объявлен за храбрость не пленным, а личным гостем русского князя и будет сопровождать его в поездке к чариче Катерине.

Я думаю, – осторожно продолжал Селим, – Потёмка-паша дал приказ беречь мухафыза. Как и мы, – слегка замялся Селим, – берегли Потёмку. Для переговоров, только для переговоров о мире, – поспешил добавить шахзаде, чтобы отвлечь Абдул Хамида от мыслей, могущих принять нежелательное направление. – Мы отправили, надеюсь, на адские мучения трёх русских генералов и перебежчика из запорожцев, которые служат и русским, и османам, шакальи хвосты.

Селим помолчал, перебирая чётки и давая султану возможность что-то сказать. Не дождавшись реакции, продолжил:

– Потёмка был в белом мундире с золотыми звёздами. Если бы надо было, люди патрона-бяя сняли бы его, как оленя в заповедном лесу Делиорман. Потёмка-паша – не Топал-паша, не войны, а мира он ищет. Мы помним: Потёмка-паша на свои деньги богоугодное и одобренное казанскими муллами дело сотворил. Священный Коран на русский язык с арабского, а не с франкского повелел перевести, отпечатать и раздать желающим. С правоверными в Крыму, на Северном Кавказе по законам мира, а не войны общается…

– Ты говоришь, как франк и друг неверных, мой наследник и племянник, – заметил, наконец, султан. – Берегись! Да не меня, а наших улемов, что злее Суворова. И для тебя они, возможно, опаснее, чем Топал-паша.

Султан что-то вспомнил, распушил бородку.

– Айше-султан две луны назад кудахтала, что Хотин русская генеральша взяла. Приступом. Она сверху, дескать, обнажилась и… всё. Наши воины со стен и попадали. Все врёт, судя по тому, как сама норовила перед моим носом яшмаком поигратъ. Прогнал я Айше. Но Хотин-то пал! Что там было?

А суть дела состояла в том, что по договорённости с Г.А. Потёмкиным наша героиня, «прекрасная фанариотка» Софья Витт действительно навещала осаждённый Хотин в августе 1788 года. По приглашению своей родственницы (возможно, сестры?), бывшей замужем за хотинским мухафызом (комендантом). 7 сентября 1788 года Хотин был сдан без боя. Турецкий гарнизон вышел с оружием, но знамёна сдал. Подробности этого дела не вполне ясны до сих пор. Великая вещь – дамская конфиденция…

Всей правды в тот момент Селим тоже не знал и предпочёл ограничиться очередным хадисом из жизни пророка Мухаммада: «Отложи, – говорилось там, – что внушает тебе сомнения, и твори то, что сомнений не вызывает».

– О реформах мы ещё поговорим, мой хан. Сейчас украсим нашу жизнь первым намазом. Позволь уйти?

Слабое движение султанского рукава было ему ответом.

– Договаривайся о мире с Потёмкой, – прошелестел голос падиша.

За дверью чорбаджи Саид-бей облегчённо вздохнул. «Султан сохранил нам жизнь после таких вестей, — подумал он. — Великая милость. Мог бы приказать вынести. В мешках. И без голов...»

Задержался на миг. Ровно настолько, чтобы плотнее прикрыть тяжёлые двери султанской спальни. Лишь на пару шагов отстал от всегда быстро ходившего велиахта Селима. Ну что, собственно, может произойти в тишине сладких грёз дремлющего сераля...

* * *

На труп они натолкнулись, едва вышли за пределы султанских покоев. Мертвец, судя по одежде, из воинов внешнего кольца охраны эндеруна, рухнул им под ноги уже начавшим коченеть мешком. Мотнулась тяжёлая голова на умело перебитой шее. Покойник был брошен под ноги первому из шагавших, им надлежало быть Саиду, с тем чтобы чорбаджи споткнулся, а Селим на него натолкнулся и на миг открылся для смертельного удара.

Убийца всё рассчитал: и неизбежную заминку Саида, и то, что мертвый *ичоглан* с разинутым ртом и выпученными открытыми глазами мелькнёт прямо перед лицом Селима, который должен был отшатнуться, ошеломлённо замереть...

Две безмолвные тени столкнулись в желтоватом мерцании догоравших свечей. За решётками окон занимался розовый и чистый босфорский рассвет.

У первой тени руки были длиннее, и сама она была выше, суще и падала быстрее. Тень успела резко и сильно толкнуть Селима в спину и подставить второй тени мощное плечо, всегда, когда сопровождался наследник, затянутое в гибкую, дамасской стали кольчужную рубашку.

Вторая тень была тяжелее, озлоблена и утомлена многочасовым выжиданием, не оценила перемены в позициях. Облачённая во всё чёрное, вторая тень упорно стремилась во что бы то ни стало достать длинным широким кинжалом до на миг беззащитного горла велиахта Селима.

Наследник споткнулся, но не об мёртвое тело. Селим сделал пару непроизвольных коротких шагов вперёд, как любой человек, которого неожиданно и чувствительно толкнули в спину. Впрочем, он был вой-

ном и отличным охотником, силачом в расцвете своих двадцати семи лет. Разворот, павучи сброшены, набитые специальными упражнениями пятки босых ног (последнее тайное оружие особой янычарской орта «далтабон» – «босоногие») нашупали легкую неровность кипарисовых досок пола – можно закрутить смертельный вихрь. Левая рука уже обмотана полой моментально скинутого (хвала Всевышнему – без франckских пуговиц-застёжек) тяжёлого парчового халата. Получилось подобие щита, отвлекающего внимание убийцы.

В правой руке Селима синеватой молнией мелькнула неразлучная джамбия. Изогнутый йеменский клинок с полуторной заточкой незаменим в скоротечной схватке, когда необычный изгиб джамбии помогает поймать кисть даже умелого врага, вспороть ему руку до локтя.

Не довелось в этот раз Селиму применить на деле отточенное мастерство кинжалного боя.

Чорбаджи был быстрее шахзаде. Тот ещё спотыкался, удаляя своё венценосное тело на пару шагов от смерти, а схватка уже закончилась.

Убийца хорошо знал своё дело. Он понял, что промахнулся, но, преодолевая боль от удара об окольчуженное плечо Саида, ещё пытался дотянуться до того, кто был его целью. Извернулся, пластиаясь в прыжке. Последнем в своей жизни.

Сайд-бей уже нанизал его на свой ятаган и, удерживая рукоять двумя руками, дал «укладывающему» – а именно таково значение слова *ятаган* – поглубже застремать в подреберье.

Рискованно. Впрочем, опытный боец, именно боец, а не партнёр высоких особых по учебным поединкам, янычарский полковник успел понять, что *прыгнул* один.

Убийца тоже был мастером игр с одним вариантом. Селим стал для него недоступен, как сады Аллаха. Оставалось поскорее и без мучений «уйти», а может быть... Он дёрнулся всем своим сильным, только мышцами, кости и кровь, телом. Постарался вогнать лезвие в себя поглубже, лучше бы сразу до печени, и последним укусом «кара кончара», острого настолько, что конский волос мог рассечь не поперёк, а вдоль волокна, добраться до лица, хотя бы до руки янычара, так некстати оказавшегося не впереди, а позади своего господина.

Напрасно. Сайд уже перехватил левой рукой тянувшееся к нему жало смерти. Вырвал. Отбросил подальше. Ломая убийце пальцы и тем не да-

вая ему упасть в желанное беспамятство, он бережно опустил врага на пол. Следил, чтобы ятаган не вышел из раны – фонтан крови из брюшной артерии ударит в потолок и унесет ввысь душу покушавшегося. Придавил коленом, следя за руками умиравшего. Если тот выпил опийного отвара с имбирём и наперстянкой, что снимает боль и удваивает силы в короткий, как раз на один удар, момент, то может взметнуться перед «уходом».

Настороженно, боком, прикрываясь, как щитом, халатом, приблизился Селим. Наступил на здоровую руку лежавшего убийцы.

– Во имя матери твоей или души её, – промолвил велиахт, – скажи, кто ты, зачем позвал ко мне смерть?

Тоненькая струйка крови поползла из угла стиснутых губ, смочила выбритый гладкий подбородок. Дрогнули ноздри хрящеватого большого носа. Распахнутые навстречу неизбежному большие чёрные глаза ещё светились. Умом, ясностью мысли и той бессильной яростью, которая делает красноватыми белки и широкими бездонные, как вечность, зрачки.

– Ты шёл убить наследника трона Османов? Скажи и умри как правоверный. Кто послал тебя?

Кривой белозубый оскал, похожий на улыбку не больше, чем ятаган в его боку на зубочистку, был им ответом.

– Не делай ещё одного греха, – взглядываясь в стремительно заострившиеся черты лица этого смуглого, сильного мужчины, по облику и одежде неотличимого от внутренней охраны сераля, проговорил Саид-бей. – Любые пытки ты вытерпишь, мы понимаем. – Селим коротко кивнул и освободил придавленную его немалым весом руку убийцы.

– Не заставляй отрезать тебе голову и бросать псы. Приди на Судный день Аллаха целым. Кто ты?

Струйка крови выползла из затрепетавших ноздрей. Убийца молчал. Саид вопросительно глянул на Селима. Понял легкий кивок. Начал медленно вытаскивать ятаган из упруго сжавшейся плоти.

Убийца слабо дернулся. Не от боли – это Саид понимал. Такие, как этот, могут вытерпеть всё. Почти всё, что придумал один человек, чтобы развязать язык другому человеку.

Саид остановил ятаган, прижал покрепче бок лежавшего, где кровь быстро заливалась внутренние полости брюшины, грозя унести в этом разливе проблески сознания.

— Среди тех четырех курдов... с которых... ты снял... живыми кожу... мой старший брат... — Голос умиравшего прерывался. Звуки тонули в пузырях розовой пены, заполнившей уже плохо открывавшийся рот.

— Кто послал тебя убить наследника престола?

— ... Я сам. Не наследника... Нет... Васыф-патрона и ты, Селим, кровные... нам... навек... враги...

Велиахт выпрямился и вложил свою джамбию в протянутую руку Саида.

Янычар прождал ещё минуту-другую. Последняя молитва мусульманина должна уйти к Нему, прежде чем душа покинет тело. «Уходивший» расслабился, глаза быстро светлели.

Джамбия не причинила ему новой боли. Янычары умели и так...

* * *

В свои апартаменты Селим прошёл молча и быстро, обгоняя чорбаджи на ту же пару шагов. На пороге остановился и бросил через плечо:

— Убери... тех, в айване, сам. Никаких слухов, никаких узнаваний-дознаваний. Я должен присутствовать на первом намазе. Сам знаешь, как за мной следят улемы... Потом быстро, ласточкой ко мне.

Когда управившийся с не совсем обычным поручением Сайд-бей вошёл в дальнюю, для совещаний, изолированную от чужого уха и глаза *ода*, он нашел велиахта сидящим с пиалой холодного шербета на любимом миндере.

Расширенные, зияющие чернотой зрачки, белизна кожи щек, резко выделявшаяся на фоне бороды и усов, да ещё нервное подрагивание сухих сильных пальцев заставили болезненно сжаться сердце верного янычара. «Откуда это? Как будто принял опиум, и это уже не в первый раз».

Сайд знал, что Селим не признавал употребления широко распространённого на Востоке отвара маковых головок даже в качестве болеутоляющего средства, не то что успокаивающего: он, воин и охотник, стремился всегда жёстко контролировать своё тело и разум.

Сайд не стал задумываться над этой загадкой. Склонился, руки скрещены на груди:

— Прости, если сможешь, Селим-хан, жалкого раба. Я должен был уберечь тебя, я... я... оказался...

– Молчи! Любому другому сейчас уже вытягивали бы язык до пупа и нас kvозь бы проткнули уши. Считай, что свой правый глаз, который прицельный, я тебе вырвал, а ты его сожрал, как голодный пес пожирает... – Гнев, пережитый страх, осознание своей незащищённости в самой сокровенной части дворца переполняли велиахта. Однако приступ бешенства не затмил разум Селима, а, скорее, заострил полет мысли.

– Тамам! О деле. Ты посмел толкнуть падишаха... – Селим поперхнулся. – Ну, завтрашнего падишаха. – Подвигал лопатками. Побаливало. – За это ты, раб, подлежишь казни.

Сайд-бей ловил чутким и чистым от табака и всяческих дурманов обонянием сложное переплетение запахов. Реальной смерти, явственно доносившейся от взбешённого Селима, и... сукна. Первый запашок стал привычен, увы, у наследника в последнее время частенько бывали вспышки ярости. И тогда действительно люди умирали. В муках, но Селима это не интересовало.

Селим, вероятно, проглотил нужную любой деспотической натуре дозу смирения и покорности, которую излучала скорбная фигура вернейшего из ближайших. Встал. Подошел к янычару.

– Ты, мой Сайд, и есть панцирь надежды в битвах моих преобразований. Я живу задуманным. Реформами. Ты спас не только велиахта. Ты спас то, что для меня дороже самой жизни – будущее укрепление Девлет-и Алийе. Ты прощён и заслуживаешь награды. Проси сейчас у велиахта. Скажи, и в своё время тебя одарит падишах Селим. Иншалла!

Поднял голову янычара. Глянул в серые славянские глаза любимца, омытые росой надежды.

– Мой повелитель! Для жизни мне нужны две вещи. Твоё доверие... и...

– Оно всегда будет, мой ага. Что ещё?

– Сделай моё счастье сияющим, как полная луна. Позволь жениться!

– Это невозможно. Ты – чербаджи корпуса янычар. Ваш обет – без семьи, но с султаном. Кто она?

– Это Доурри-бахт, персиянка, служанка – принцесса из Тегерана при нашей Нахш-и диль. Совсем девочка.

– Хочешь сделать её первой женой в гареме?

– Нет-нет. Единственной, и без гарема. Потому прошу разрешения, повелитель.

– Хорошо. Я согласен. Но в корпусе тебе не служить.

– Согласен, мой хан! – Саид-бей припал уже на одно колено, чтобы поцеловать правую полу Селимова халата.

– Вот я, наследник сегодня, а завтра... Аллах лучше знает, кем буду, не хочу терять такого воина, как ты, урус и мусульманин. Пойдешь в «новое войско»?

Селим не договорил. Саид уже стоял в рост. Вытянувшись, как... «франк на плац-параде» – мелькнула мысль у Селима, наглядевшегося картинок в европейских книжках об армии.

– Решено. Ты не чорбаджи янычар, а первый офицер низам-и джедида. Вместе и строить будем новое войско. А сейчас иди! Да, отпускные дары заслуженному чорбаджи получи у кяхы дворца. А новую форму низам-и джедида из лучшего английского сукна можешь взять у меня. Сейчас. Только кое-что в карманы, каких много, положу... Для веса, мой Саид-ага!

* * *

Зима 1789 года была долгой, суровой, голодной для большинства из трёхсоттысячного населения Стамбула. Весну ждали, весны боялись. Слухи сновали, как крысы. Злые, отрывочные, непонятные. Европейские наблюдатели отмечали, что почти десятитысячный муравейник дворца производил впечатление то ли вымершего, то ли погрузившегося в летаргический сон.

7 апреля 1789 года уставший от жизни Абдул Хамид I получил долгожданный ферман от Аллаха.

Похороны состоялись в тот же день.

Согласно традиции, тело усопшего падишаха сначала положили на мраморную плиту во внутреннем дворике покоев, где хранилась величайшая драгоценность Дома Османов – плащ пророка Мухаммада. Пока шейх уль-ислам нараспев читал Коран, к телу подходили придворные ближайшего круга – прощаться. Женщин туда не допустили.

Последними шли сыновья Абдул Хамида – Мустафа и Махмуд, которого вёл за руку кызлар-агасы. Потом погребальная процессия на-

правилась к усыпальнице. К тому моменту, когда новый султан въедет в Топкапу, тело прежнего должно покинуть пределы дворца.

Тем временем кызлар-агасы в сопровождении двенадцати евнухов отнёс изумрудную печать Абдул Хамида I в хазине – султанскую сокровищницу. Ключи от неё по традиции оберегала валиде-султан или, если её уже не было в живых, – баш-хассеки.

Айше-султан отдала ключи, не произнеся ни слова, с каменным лицом. После того как тугру поместили в ларец и сокровищница была заперта, Эдхем-паша с глубоким поклоном преподнёс ключи Михришах – новой валиде-султан, первой женщине империи. Отныне к ней переходило тяжкое бремя быть хранительницей богатств и достоинства Дома Османов.

В это время в скромной мечети Эйюба, чрезвычайно почитаемого во всей империи святого, сподвижника пророка Мухаммада, в присутствии исключительно узкого круга лиц уже шла церемония восхождения на трон Селима III.

Вообще сама коронация нового султана в Османской империи была делом не публичным, достаточно кратким и обставлялась как-то буднично. Каждый правоверный обязан быть в любую минуту готов к переходу к жизни вечной, а уж смена власти должна была пройти как можно скорее, чтобы государство не оказалось без главы светского и духовного дольше, чем на несколько часов. Тем более в те дни, когда империя воевала.

Коронация Селима прошла кратко и по-военному сурово. Опоясывание мечом Мехмеда Фатиха и обращение к братьям-янычарам были традиционными.

Обращение к «мужам меча» и «мужам пера», к членам всего Диван-и Хумайюн оказалось необычным: «Ещё немного, и империя Османов рухнет, и тогда ничто не спасет нас», – так сказал султан-реформатор в первые минуты своего пребывания на престоле.

Османская империя подтянулась и принялась выживать.

* * *

В России весна была на редкость дружная, активная. 27-28 апреля 1789 года Екатерина II пожелала перебраться на природу – в Царское Село. 2 мая курьер примчал весть о смене первого лица на Босфоре.

Ликование по случаю кончины «басурманского султана» в русской столице отмечено не было. «Пора, пора творить мир», – повторяла императрица.

К исходу того же дня, 2 мая она писала Г.А. Потёмкину: «Как султан [Абдул Хамид] умер, то думать надлежит, что дела иной оборот возьмут».

Светлейший прибыл в Действующую армию 22 мая и затребовал «всё, что касаемо первейших фигур в Константинополе и неготии, имевшей быть через очаковскую Березань».

Жизнь наших героев приобретала новые направления.

Естественно, ведь весна сияла.

Весна 1789 года.

БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ И. С. ДОСТЯН

МОНОГРАФИИ

1. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV–начало XIX в. М., 1958.

2. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.

3. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

СТАТЬИ

РАЗДЕЛЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДАХ И УЧЕБНИКАХ РЕЦЕНЗИИ

1950-е годы.

– Южные славяне под игом турок в XV-XVIII вв. // Преподавание истории в школе. 1951. №5.

– Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. (Автореферат канд. диссертации) // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. 1951. №2.

– Банат. История // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1951.

– Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. // Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1952. Т. VI.

– Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV-XV вв. // Византийский временник. М., 1953. Т. 7.

– Косово и Метохия. История // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1953.

– Южные славяне, Молдавия и Валахия под властью Турции в XVI-первой половине XVII в. // История средних веков. М., 1954.

- История Болгарии. М., 1954. Т. 1.
- Глава VII. Болгарский народ после завоевания Турцией (XV-первая половина XVI в.).
- Глава VIII. Болгарский народ под турецким игом в период упадка военно-феодальной Османской империи (конец XVI-первая половина XVIII в.).
- Обсуждение труда болгарских историков «История Болгарии» (Ин-т славяноведения АН СССР) // Вопросы истории. 1955. №12.
- Сербия. История с древних времен до конца 1815 г. // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1955.
- Балканские страны в XVI– первой половине XVII в. // Всемирная история. М., 1958. Т. IV.
- Балканские народы под властью Турции в XVII– XVIII в. // Всемирная история. М., 1958. Т. V.
- Восстание греков на о. Крит 1866-1867 гг. // Всемирная история. М., 1959. Т. VI.
- Сербское княжество. // Всемирная история. М., 1959. Т. VI.
- Скандербег // Детская энциклопедия. М., 1959.

1960-е годы.

- Рецензия на кн.: Историја народа Југославије. // Вопросы истории. 1960. №6 (в соавторстве с Ю.В. Бромлеем и С.А. Никитиным).
- История Югославии. М., 1963. Т. 1.
- Часть вторая. Югославянские земли в период становления феодальных отношений в VII-XI вв.
- Глава 5. Сербские земли.
- Часть третья. Югославянские земли в период развитого феодализма в XII-XV вв.
- Глава 8 – Сербское государство.
- Глава 9 – Македония.
- Глава 11 – Дубровницкая республика.
- Часть четвертая. Югославянские земли под властью Турции, Венеции и Габсбургов в XVI-XVIII вв.
- Глава 15 – Югославянские народы под властью Турции.
- Глава 16 – Дубровницкая республика.
- Глава 19 – Сербы Воеводины.

- Рецензия на книгу Г. Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII-начале XIX в. М., 1963 // Вопросы истории. 1965. №2.
- Балканские народы под властью Турции в XVI-первой половине XVII в. // Средние века. М., 1966. Т. II.
- Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М., 1966.
- К вопросу о влиянии борьбы между Россией и Англией в Восточном вопросе на внутреннее развитие Сербского княжества в 30-е годы XIX в. // Межд. ассоц. по изучению стран Юго-Восточной Европы. Первый конгресс балк. исследований. София. 26 авг.-1 сент. 1966 г. Сообщения советской делегации. М., 1966.
- К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. №6.
- К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии (По материалам Архива внешней политики России) // Ученые записки Института славяноведения. 1966. Т. 30.
- Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и Сербское княжество // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967.
- Политические идеи Общества соединенных славян // Советское славяноведение. 1968. №4.
- Политика русского правительства на Балканах в 1801-1812 гг. – рецензия на издание «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. мин-ва ин. дел». Т. 1-6. М., 1960-1987 // Советское славяноведение. 1968. №6.

1970-е годы.

- Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Советское славяноведение. 1970. №5.
- Балканский вопрос в период Венского конгресса 1814-1815 гг. // Etudes balkaniques. Sofia. 1971. №1.
- Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.

- Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972.
- Рецензия на кн.: С. Дмитров, К. Манчев. История на балканските народи. XV–XIX вв. София, 1971. // Вопросы истории. 1972. №7 (в съавторстве с Г. Л. Аршем).
- Русия и гръцкият въпрос по време на руско-турската война през 1828–1829 гг. // Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828. София, 1973.
- Документы о русской политике в отношении Турции и балканских народов периода наполеоновских войн и Венского конгресса // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1973. №4.
- Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813–1815 годах – рецензия на т. VII и т. VIII «ВПР». М., 1970, 1972. // Советское славяноведение. 1973. №5.
- Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. Т. 4.
- Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. // Балканские исследования. М., 1974. Вып. 1.
- Рецензия на кн.: Н. Тодоров. Балканският град. XV–XIX вв. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972 // Новая и новейшая история. 1974. №3.
- Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах конца XVIII и XIX вв. // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1975. №2.
- Балканские народы под властью Турции в XVI–первой половине XVII в. // История средних веков. Учебник для вузов. М., 1975.
- Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля // Исторические записки. М., 1975. Т. 96.
- Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII–начала XIX века // Советское славяноведение. 1975. №6.
- О рукописи в красном переплете и ее авторе // Вопросы истории. 1975. №12.
- Россия и проблема государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в. // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1976. №3.

- Проблемы международных отношений в документальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» // Вопросы истории. 1976. №7 (в соавторстве с Н. Н. Болховитиновым и В. Г. Сироткиным).
- Рецензия на кн.: Г. С. Гросул. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806 гг. Кишинев, 1975 // Новая и новейшая история. 1977. №3.
- Торговый обмен по Черному морю и Проливам в конце XVIII и первой трети XIX в. // Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen. Bulletin. XII. 2. Bucureşti, 1977.
- О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- Отношение российского общества к освободительной борьбе балканских народов в 1875-1876 годах // Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdaja. Knjiga XXX. Odjeljenje društvenih nauka. Knjiga 4. Sarajevo, 1977.
- Особенности политики России в отношении отдельных балканских народов (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978.
- Национально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна. Сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Русский участник греческой революции // Вопросы истории. 1978. №4.
- «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского // Вопросы истории. 1979. №6.

1980-е годы.

- Рецензия на кн.: Е. Грозданова. Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979. // Советское славяноведение. 1981. №1.
- Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981.

- Рецензия на кн.: Итоги и задачи изучения внешней политики России // Вопросы истории. 1982. №9 (в соавторстве с Г. А. Нерсесовым).
- Доктор из Пераста Мазарович и Грибоедов // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980.
- Дунайские княжества в русской публицистике конца XVIII и начала XIX века // Revue roumaine d'histoire. Bucureşti, 1981. Т. XX. №1.
- Конференция советских и югославских историков в Белграде // Советское славяноведение. 1981. №3.
- Балканы в международной жизни Европы // Вопросы истории. 1981. №4 (в соавторстве с Г.Л. Аршем, В.Н. Виноградовым, Е.П. Наумовым).
- Балканы в международной жизни Европы (XV-XIX вв.) // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 7 (в соавторстве с Г.Л. Аршем, В.Н. Виноградовым, Е.П. Наумовым).
- Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник за историју Матице Српске. Нови Сад, 1982. №26.
- Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М., 1983.
- Глава II. Балканский вопрос на заключительном этапе наполеоновских войн и в период Венского конгресса.
- § 1. Международная обстановка в Юго-Восточной Европе в 1813-1814 гг.
- § 2. Дипломатическая борьба вокруг балканских проблем в период Венского конгресса и создания Священного союза.
- Глава III. Международное положение в Юго-Восточной Европе и политика европейских правительств в отношении Турции и балканских народов в 1816-1820 гг.
- § 1. Соперничество России, Великобритании и Австрии на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Борьба русской дипломатии за выполнение условий Бухарестского мира.
- § 2. Дунайские княжества.
- § 3. Сербский вопрос в 1816-1820 гг.
- § 4. Русско-черногорские отношения.
- Глава IV. Греческая революция и начальный этап Восточного кризиса 20-х годов XIX в.
- § 3. Политика европейских правительств в балканском вопросе в 1821-1822 гг.

§ 4. Греческая революция и развитие Восточного кризиса в 1823-1825 гг.

Глава VI. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и балканская проблема.

§ 1. Война и политика держав в Юго-Восточной Европе.

§ 2. Греческий вопрос во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

§ 3. Балканские народы во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

§ 4. Проблема политической перестройки балканских земель накануне и в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

– Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804-1813 гг. // Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813. Научни склопови Српске академије наука и уметности. Књ. XVII. Одељење историјских наука. Књ. 4. Београд, 1983.

– L'attitude de la société russe face au mouvement de la libération nationale grecque // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983.

– Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII-первая четверть XIX в.) // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9.

– Отношения между Россией, Османской империей и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Обзор литературы // История СССР. 1985. №6.

– Рецензия на кн.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984 // Новая и новейшая история. 1986. №1.

– Советско-австрийский коллоквиум историков // Новая и новейшая история. 1986. №4.

– Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII-70-е годы XIX в.). М., 1986.

Введение и заключение (в соавторстве с В. И. Фрейдзоном).

Глава первая. Греция.

§ 1. Греческие земли в конце XVIII-начале XIX в. Ионическая республика (в соавторстве с К. И. Логачевым).

§ 2. Греческая национально-освободительная революция 1821-1829 гг. и создание Греческого государства (в соавторстве с К. И. Логачевым).

Глава вторая. Сербия.

§ 1. Формирование Сербского национального государства в период Первого сербского восстания 1804-1813 гг. (в соавторстве с В. П. Грачевым).

§ 2. Борьба за признание автономии Сербского княжества.

§ 3. Конституционная проблема в Сербском княжестве в 1830-е годы. Режим уставобранителей.

– Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе. Конец XVIII-70-е гг. XIX в. // Советское славяноведение. 1987. №1 (в соавторстве с В. И. Фрейдзоном).

– Русская публицистика и литература о южнославянских народах первой трети XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

– Рецензия на кн.: В. И. Шеремет. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М., 1986 // Советское славяноведение. 1988. №3.

– Црна Гора и црногорци у руској публицистици и служебним материалима прве четврти XIX в. // Историјске записи. Цетиње, 1989.

– Издание и распространение в России произведений сербских авторов XVIII-начала XIX в. // Русско-югославские литературные связи. М., 1989.

– Russland, Österreich und die erste serbische Aufstand 1804-1813 // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege. Wien, 1989.

1990-е годы.

– Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса // Советское славяноведение. 1991. №2.

– А. С. Грибоедов и доктор из Пераста С. И. Мазарович // Studia slavica: Языкоизнание. Литературоведение. История. История науки. М., 1991.

– Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве в 30-е годы XIX века // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. 1.

- Российская политика в Восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992.
- Национально-освободительная борьба балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в. // Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994.
- Рецензия на кн.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992 // Новая и новейшая история. 1994. №5-6.
- Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII-первая треть XIX в.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.-1878 г.). М., 1995.
- Рецензия на кн.: История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995 // Вопросы истории. 1996. № 8.
- На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII-начало XX вв. М., 1997.

Глава 3. – Сербы и черногорцы в борьбе за национальное освобождение.

Глава 4. – Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820-1850-е гг.).

- Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI-XVIII вв. // Балканские исследования. Вып. 17. М., 1997.
- Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997 (Балканские исследования. Вып. 18).

Особая позиция России.

Балканская панорама. Черногория. Обустройство Ионических островов.

Возрождаемая балканская государственность.

Венский конгресс (1814-1815 гг.) и Восточный вопрос.

– Панславистские тенденции в русской общественной мысли начала XIX в. // Славянская идея: история и современность. М., 1998.

– Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах // Век Екатерины: Россия и Балканы. М., 1998.

– Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.

Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.).

– Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.

Православная церковь и складывание сербской нации (до середины XIX в.) – в соавторстве с А. В. Карасевым.

– Рецензия на кн.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997 // Вопросы истории. 1999. №6.

2000-е годы.

– Политика России в Восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // Славянские народы: общность истории и культуры. (Сборник статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В. К. Волкова). М., 2000.

– Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.

Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе в 50-70-е гг. XVII в.

Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей (1683-1699).

– Сербская революция и развитие русско-югославянских общественных связей // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804-1813 гг. М., 2005.

– Русско-турецкая война 1828-1829 гг. – новый этап политики России в Балканском вопросе // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.

Научное издание

В «ИНТЕРЬЕРЕ» БАЛКАН:

Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян

Подписано в печать 26.03.10.

Формат 60x84/16.

Объем 29 усл. печ.л.

Тираж 250 экз.

ISBN 978-5-7576-0214-1

9 785757 602141

Отпечатано в типографии «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru

В «ИНТЕРЬЕРЕ» БАЛКАН

